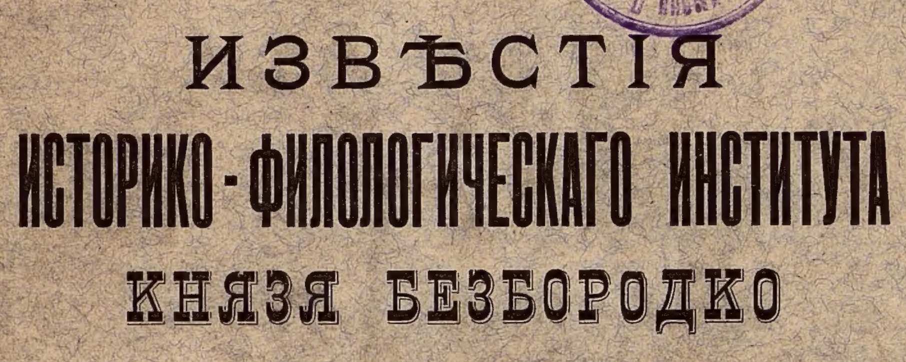
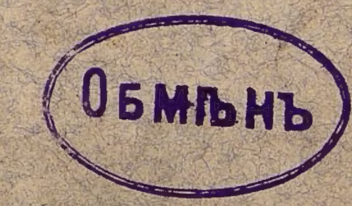

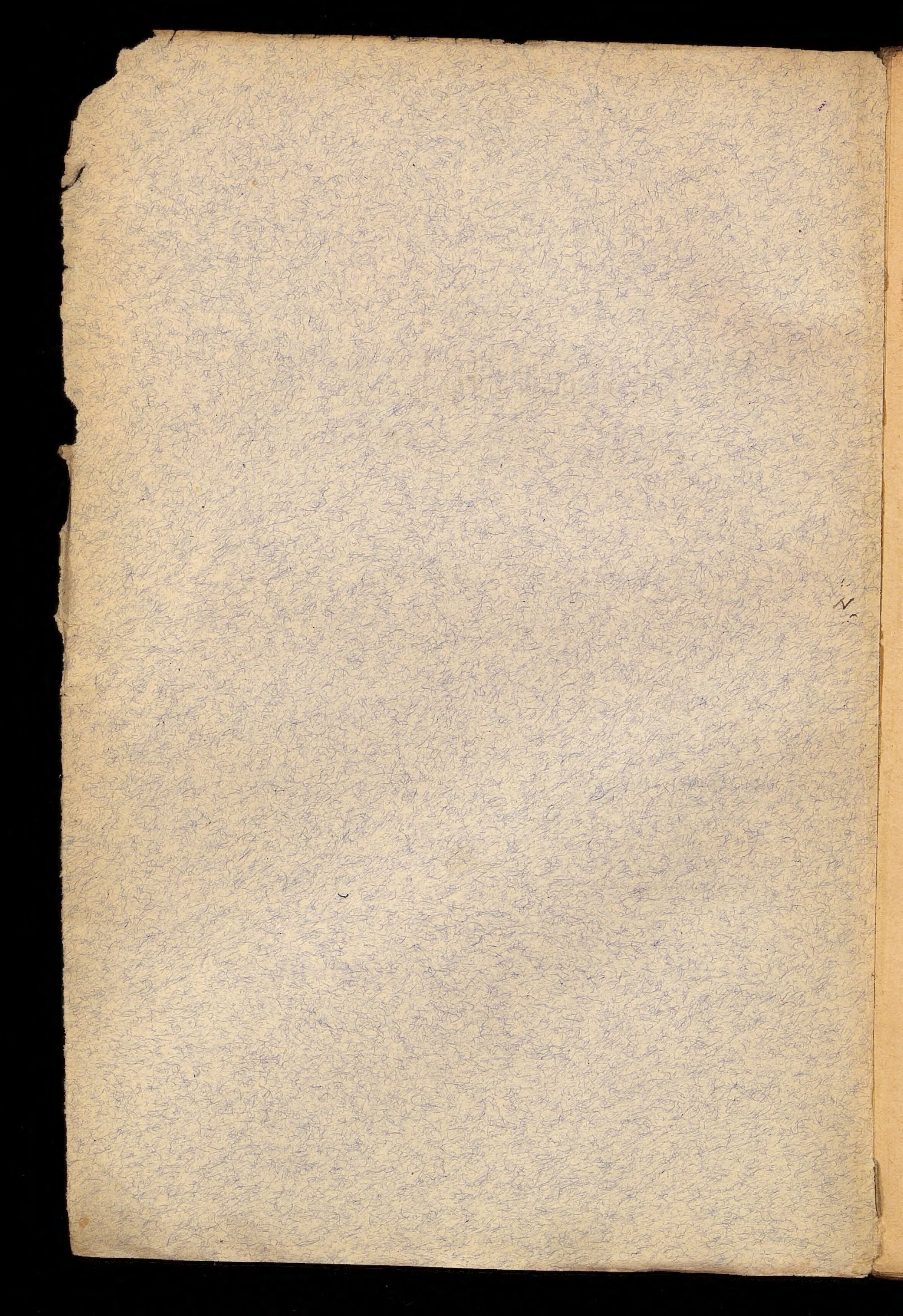
ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО
ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XXVII.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ
Типо-литогр. насл. В. К. Меленевскаго, д. Безсмертнаго.
1912.

ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО
ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XXVII.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. насл. В. К. Меленевскаго, д. Безсмертнаго.
1912.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Директоръ *Ив. Ивановъ*.

ОТЧЕТЪ

о состоянии

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ

за 1910—11 академическій годъ.

НѢЖИНЪ
Типо-литографія наслѣд. В. К. Меленевскаго.
1912.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за $190^{10}|_{11}$ академическiй годъ.

Личный составъ.

Въ $19^{10}/_{11}$ академическомъ году И.-Ф. Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ вступилъ въ 35 годъ своего существованiя.

Личный составъ Института подвергся въ $19^{10}/_{11}$ ак. году слѣдующимъ измѣненiямъ:

1) ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 28 сентября 1910 г. преподаватель Черниговской гимназiи надв. совѣтн. *А. Н. Кириловъ* назначенъ наставникомъ-руководителемъ состоящей при Институтѣ кн. Безбородко Гимназiи по древнимъ языкамъ.

2) ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 12 октября 1910 г. преподаватель Харьковской 2-й женской гимназiи колл. асессоръ *В. А. Заболотскiй* назначенъ наставникомъ-руководителемъ состоящей при Институтѣ кн. Безбородко Гимназiи по русскому языку и словесности.

3) ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 29 ноября 1910 г. экстраорд. профессоръ Института дѣйств. ст. совѣтн. докторъ греческой словесности *В. И. Петръ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по греческой словесности.

4) ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 31 дек. 1910 г. экстраорд. проф. Института колл. совѣтникъ докторъ русской сло-

весности В. *И. Рѣзановъ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по русской словесности.

5) ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 24 янв. 1911 г. приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ греческой словесности статск. сов. *А. Ѳ. Семеновъ* назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Института по греческой словесности.

6) Приказомъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія: а) отъ 7 окт. 1910 г. разрѣшено наставнику-руководителю Гимназіи магистранту русской исторіи *Г. А. Максимовичу* поручить преподаваніе въ Институтѣ исторіи и географіи, б) отъ 18 ноября 1910 г. преподаватель Института магистръ русской исторіи *М. И. Лилеевъ* по выслугѣ 32 лѣтъ оставленъ еще на 2 года и в) отъ 6 мая 1911 г. преподаватель Кіевской 6 муж. гимназіи *С. М. Купичъ* утвержденъ въ должности наставника студентовъ Института.

7) Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа преподаватель Института колл. совѣтн. *А. Ѳ. Музыченко* переведенъ 1 дек. 1910 г. преподавателемъ Кіевской 4 муж. гимназіи съ возложеніемъ на него обязанностей инспектора.

8) Конференціею Института избраны: а) 3 сент. 1910 г. библіотекаремъ Института экстра-орд. проф. магистръ всеобщ. исторіи *Ф. В. Режабекъ*, б) 11 сент. 1910 г. ученымъ секретаремъ Конференціи экстра-орд. проф. магистръ слав. филологіи *Г. А. Ильинскій*, в) 26 марта 1911 г. членомъ Правленія наставникъ студентовъ и преподаватель Института *Е. И. Кашпровскій*.

9) Ученыхъ степеней въ $19^{10}/_{11}$ ак. году удостоены: 15 окт. 1910 г. экстра-орд. профессоръ Института В. *И. Рѣзановъ*, по публичномъ защищеніи диссертаціи, Совѣтомъ Кіевскаго университета св. Владимира удостоенъ степени доктора русской словесности.

10) ВЫСОЧАЙШИХЪ наградъ удостоены: 1 янв. 1911 г. б. наставникъ студентовъ Института *А. А. Мартовъ* пожалованъ орденомъ св. Анны 3 степени.

11) 3 янв. 1911 г. Институтъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся наставника студентовъ и преподавателя Института *А. А. Мартова* и завѣдывающаго гимназiей *А. Ѳ. Абрамова*, скончавшагося 10 мая 1911 г.

Къ началу 19¹¹/₁₂ ак. года личный составъ Института былъ слѣдующiй:

Почетный Попечитель Института дѣйств. ст. совѣтн. гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Директоръ Института докторъ всеобщей исторiи ст. сов. И. И. Ивановъ.

Инспекторъ Института магистръ римской словесности ст. сов. И. И. Семеновъ.

Ордин. профессора: И. И. Семеновъ (см. выше),
докторъ греческой словесности дѣйств. ст. сов. В. И. Петръ,
докторъ русской словесности колл. сов. В. И. Рѣзановъ.

Экстра-орд. профессора: магистръ всеобщей исторiи ст. сов. В. В. Новодворскiй,
магистръ всеобщей исторiи колл. сов. Ф. В. Режабекъ,
магистръ богословiя колл. сов. П. В. Тихомировъ,
магистръ русской исторiи ст. совѣтн. В. Г. Ласкоронскiй,
магистръ славянской филологiи Г. А. Ильинскiй,
магистръ греческой словесности ст. сов. А. Ѳ. Семеновъ.

Ученый секретарь Конференцiи—проф. Г. А. Ильинскiй (см. выше)
Законоучитель Института – магистръ богословiя св. Н. М. Боголюбовъ,

Наставники студентовъ и преподаватели Института—
магистръ слав. филологіи коллеж. совѣтн.
П. А. Заболотскій,
оконч. Нѣж. Институтъ колл. сов. Е. И.
Кашпровскій,

Наставникъ студентовъ—оконч. Нѣж. Институтъ н. ч. С. М.
Купичъ.

Преподаватели Института—магистръ русск. исторіи ст. сов.
М. И. Лилеевъ,
магистрантъ русск. исторіи н. ч.
Г. А. Максимовичъ,
оконч. курсъ С.-Пб. университета
н. ч. Д. Ѳ. Сергіевъ.

Наставники-руководители Гимназіи—ст. сов. І. В. Добіашъ (онъ
же завѣдывающій гимназіей),
надв. сов. А. Н. Кирилловъ,
надв. сов. В. А. Заболотскій,
н. ч. Г. А. Максимовичъ
(см. выше).

Служащіе въ Институтѣ—врачъ И. Н. Самойловичъ,
секретарь Правленія В. П. Доброницкій, колл. асс.
бухгалтеръ и казначей Д. В. Максимковъ, тит. сов.
экономъ и экзекуторъ С. Г. Великановъ.

Учащіеся.

Къ началу академическаго года состояло студентовъ на II курсѣ—25, на III курсѣ—20 (изъ нихъ 5 словесниковъ, 15 историковъ), на IV курсѣ—22 (изъ нихъ 12 словесниковъ, 10 историковъ).

Въ іюлѣ и августѣ 1910 г. заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 84, въ томъ числѣ 33 воспитанника гимназіи и 51 воспитанникъ семинарій. Изъ нихъ по выдержаніи соотвѣтствующихъ экзаменовъ и по аттестатамъ принято 33 (18 воспит. гимназій, 15 восп. семинарій). Всего т. обр. студентовъ было на всѣхъ курсахъ 100.

По вѣроисповѣданію: православныхъ—97, лютеранъ—3.

По сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ—34, духовн. званія—23, купцовъ и поч. гражданъ—10, мѣщанъ—14, казаковъ—5, крестьянъ—10, прочихъ сословій—4.

Поведеніе и состояніе здоровья студентовъ въ отчетномъ году было удовлетворительнымъ; по переводнымъ испытаніямъ удостоились перевода на II-й курсъ—33, на III—25, на IV-й—19. По окончательныхъ испытаніяхъ удостоены званія учителя гимназіи 22 и получили слѣдующія назначенія:

Окончившіе по словесному отдѣленію:

1) Глаголевъ Н.—преподавателемъ русскаго языка въ Сочинскую муж. прогимназію,

2) Дыбякъ Д.—преподавателемъ русскаго яз. и словесности въ Дубенскую гор. муж. гимназію,

3) Злобинъ Д.—преподавателемъ русск. яз. и словесности въ Петровскую ж. гимназію,

4) Книги Ал.—преподавателемъ греческ. яз. въ Рижскую город. гимназію,

5) Киршевскій Ал.—преподавателемъ русск. яз. въ Кишиневскую муж. гимназію;

6) Княгнинъ Ив.—преподавателемъ русск. и лат. яз. въ Сквирскую гор. гимназію.

7) Куцевичъ П.—преподавателемъ русск. яз. въ Бахмутское реал. училище.

8) Леонтовичъ Ѳ. преподав. русск. яз. въ Константиновское реальное училище,

9) Митропольскій В.—преподав. латин. яз. въ Тамбовскую муж. гимназію,

10) Соколовъ С.—преподав. русск. яз. и географіи въ Сорокскую муж. гимназію,

11) Хлопикъ П.—преподав. латинск. языка въ Курскую муж. гимназію,

12) Чайковскій П.—преподав. латинск. яз. въ Кобелякскую муж. гимназію.

Окончившіе по историческому отдѣленію:

13) Баталинъ Е.—преподав. исторіи въ Хорольское реал. училище,

14) Бегишевъ Н.—преподав. латинск. яз. въ Владикавказскую муж. гимназію,

15) Воробьевъ С.—преподав. русск. яз. и географіи въ Кубанскую 2-ю учит. семинарію,

16) Воскресенскій Н.—преподав. русск. яз., ист. и геогр. въ Лодзинскую гимн. Витановскаго,

17) Каверинъ Д.—преподав. русск. яз., исторіи и геогр. въ Курганскую муж. гимназію,

18) Кибальчичъ П.—преподав. русск. яз., исторіи и геогр. въ Томское 2-е реал. училище,

19) Клементьевъ С.—преподав. русск. яз. и латин. яз. въ Чарджуйскую Николаевскую муж. гимназію,

20) Гріельскій Ал.—преподав. древнихъ яз. въ Бакинскую 2-ю гимназію,

21) Крутиковъ Ев.—преподав. латин. яз. въ Лодзинскую муж. гимн. Витановскаго,

22) Онисифоровъ Ил.—преподав. русск. яз., ист. и геогр. въ Ряжскую муж. гимназію.

Состояніе учебной части.

Преподаваніе въ Институтѣ въ $19^{10}/_{11}$ ак. году происходило согласно нормальному плану, утвержденному Министерствомъ 4 марта 1910 г. и вновь подтвержденному 27 сентября того же года.

Объемъ преподаванія въ текущемъ академическомъ году былъ слѣдующій:

По *Закону Божію*—законоучитель св. *Н. М. Боголюбовъ* на I курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю изложилъ курсъ апологетическаго богословія и на II курсѣ при 1 часѣ въ недѣлю курсъ о первомъ христіанствѣ.

По *философіи*—экстра-орд. проф. *П. В. Тихомировъ* преподалъ на I и II курсахъ при 3 часахъ въ недѣлю сводно курсъ логики, на III и IV курсахъ при 3 часахъ въ недѣлю сводно излагалъ исторію философіи новаго времени.

По *педагогикѣ*—преп. *А. Ѳ. Музыченко* на III и IV курсахъ сводно при 2 часахъ въ недѣлю въ 1-мъ полугодіи читалъ о современномъ образованіи въ Зап. Европѣ и Америкѣ.

По *греческой словесности*—орд. проф. *В. И. Петръ* на I и II кур. при 2 часахъ въ недѣлю сводно толковалъ трагедію Еврипида „Финикіянки"; на I курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю велъ практическія занятія по греческому языку; на III и IV курсахъ сводно при 2 часахъ въ недѣлю толковалъ греческаго поэта и на III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія при 2 часахъ въ недѣлю излагалъ исторію греческой литературы; пр. *I. В. Добіашъ* на II курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю велъ практическія занятія по греческому языку.

По *римской словесности*—орд. проф. *И. И. Семеновъ* на I и II курсахъ при 2 часахъ въ недѣлю сводно объяснялъ „Метаморфозы" Овидія; на I курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю и на II курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю руководилъ практическими занятіями по латинскому языку; на III и IV курсахъ при 2 часахъ въ недѣлю сводно толковалъ Горація.

По *русской словесности и русскому языку*—орд. проф. В. *И. Рѣзановъ* на I курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю излагалъ исторію русской словесности и на II курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю прочелъ общій курсъ по исторіи русской словесности; на словесномъ отд. III и IV к. сводно при 2 часахъ прочелъ спеціальный курсъ о Пушкинѣ и при 2 часахъ сводно велъ семинарій по русской литературѣ; экстра-орд. проф. *Г. А. Ильинскій* на II

курсѣ при 2 часахъ излагалъ исторію русскаго языка, а на словесномъ отдѣленіи III и IV к. при 2 часахъ сводно велъ семинарій по русскому языку.

По *славянской филологіи*—экстра-орд. проф. *Г. А. Ильинскій* на I курсѣ при 2 часахъ читалъ курсъ по древнеславянскому языку; на словесномъ отдѣленіи III и IV курс. при 2 часахъ сводно въ 1-мъ полугодіи изложилъ курсъ фонетики и морфологіи сербскаго языка и велъ практическія упражненія по сербской народной словесности; пр. *П. А. Заболотскій* на III и IV курсахъ словеснаго отд. при 2 часахъ сводно во 2-мъ полугодіи изложилъ курсъ фонетики и морфологіи чешскаго языка, прочелъ очеркъ исторіи литературы чешскаго возрожденія отъ Добровскаго до Гавличка и объяснялъ „Obrazy z Rus“ К. Гавличка Боровскаго.

По *всеобщей литературѣ*—орд. проф. В. *И. Рѣзановъ* на словесномъ отдѣленіи III и IV к. сводно при 2 часахъ въ недѣлю велъ практическія занятія по исторіи всеобщей литературы; пр. *Д. Ѳ. Сергіевъ* на словесномъ отдѣленіи III и IV курс. сводно при 2 часахъ излагалъ общій курсъ по исторіи всеобщей литературы.

По *русской исторіи*—экстра-орд. проф. В. *Г. Ляскоронскій* на I курсѣ при 2 часахъ въ недѣлю и на II курсѣ также при 2 часахъ въ недѣлю читалъ общій курсъ по русской исторіи; на III и IV курсахъ историческаго отдѣленія при 2 часахъ въ недѣлю сводно читалъ спеціальный курсъ по исторіи царствованія Анны Іоанновны и при 2 часахъ на тѣхъ же курсахъ велъ семинарій по русской исторіи.

По *всеобщей исторіи*—экстра-орд. проф. *Ф.* В. *Режабекъ* на I и II курсахъ сводно при 2 часахъ читалъ исторію Греціи; на III курсѣ историческаго отдѣленія при 4 часахъ излагалъ исторію среднихъ вѣковъ и на томъ же курсѣ при 2 часахъ велъ семинарій по средней исторіи; экстра-орд. проф. В. В. *Новодворскій* на IV курсѣ историческаго отдѣленія излагалъ исторію новаго времени и на томъ же курсѣ при 2 часахъ велъ практическія занятія по новой исторіи.

По *географіи*—преп. *М. И. Лилеевъ* при 2 часахъ въ недѣлю на I курсѣ читалъ географію Россійской имперіи; преп. *Е. И. Кашпровскій* при 2 часахъ въ недѣлю на IV курсѣ излагалъ физическую географію и при 2 часахъ въ недѣлю историческую географію.

По *нѣмецкому языку*—орд. проф. В. *И. Петръ* велъ грамматическія занятія и практическія упражненія при 2 часахъ съ младшей группой и при 2 часахъ со старшей группой.

По *французскому языку*—преп. *Д. Ѳ. Сергіевъ* велъ грамматическія занятія и практическія упражненія при 2 часахъ съ младшей группой и при 2 часахъ со старшей группой.

Домашнія занятія студентовъ состояли: 1) въ чтеніи древнихъ авторовъ, провѣрка котораго происходила въ концѣ каждаго полугодія, 2) въ писаніи рефератовъ на I курсѣ по русской литературѣ у проф. В. И. Рѣзанова, на II курсѣ по древней исторіи у проф. Ф. В. Режабека, на III и IV курсахъ по предметамъ семинарскихъ занятій у соотвѣтствующихъ профессоровъ.

Кандидатскія сочиненія студентовъ IV курса были представлены орд. проф. В. *И. Рѣзанову по русской словесности* на слѣдующія темы:

1) Цыгановъ и его пѣсни—ст. Д. Дыбякъ,
2) В. К. Тредіаковскій—ст. Д. Злобинъ,
3) И. В. Кирѣевскій, опытъ характеристики личности и дѣятельности—ст. А. Кинги,
4) А. В. Кольцовъ—ст. А. Киршевскій,
5) Лѣтопись, источники, сводъ, характеръ ея—ст. Н. Княгининъ,
6) А. Н. Радищевъ—ст. Ѳ. Леонтовичъ,
7) Е. А. Баратынскій, его жизнь и творчество—ст. В. Митропольскій,
8) Циклъ письменныхъ сказаній о Куликовской битвѣ—ст. С. Соколовъ,
9) Изъ исторіи русской басни XVIII в.—ст. П. Хлопикъ,
10) И. С. Никитинъ, его жизнь и литературная дѣятельность—ст. П. Чайковскій,

11) Сатиры А. Д. Кантимира—ст. Н. Глаголевъ.

Экстра-орд. проф. *Г. А. Ильинскому по исторіи русскаго языка:*

12) Грамота кн. К. Острожскаго 1602 г.—ст. П. Куцевичъ.

Экстра-орд. проф. *Ф. В. Режабеку по всеобщей исторіи:*

13) Положеніе рабовъ въ римскомъ государствѣ и вліяніе на нихъ христіанства—ст. Кибальчичъ,

Экстра-орд. проф. В. *Г. Ляскоронскому по русской исторіи:*

14) Царевичъ Іоаннъ Антоновичъ—ст. Бегишевъ,
15) Отношенія между Москвою и Литвою съ конца XIV ст. до смерти Казимира IV—ст. Баталинъ,
16) Главные моменты дѣятельности гр. Миниха—ст. Воробьевъ,
17) Современное направленіе русской исторіографіи—ст. Воскресенскій,
18) Происхожденіе крѣпостн. права на Руси—ст. Гріельскій,
19) Царствованіе Бориса Годунова—ст. Каверинъ,
20) Протопопъ Аввакумъ—ст. Клементьевъ,
21) Дѣтинецъ древняго Новгорода—ст. Крутиковъ,
22) Кабинетъ министровъ императрицы Анны Іоанновны —ст. Онисифоровъ.

Всѣ студенты IV курса послѣ посѣщенія образцовыхъ уроковъ наставниковъ-руководителей и вступительной бесѣды о задачахъ гимназическаго преподаванія, происходившей подъ предсѣдательствомъ г. Директора Института, давали пробные уроки въ гимназіи по предметамъ своей спеціальности подъ руководствомъ наставниковъ-руководителей І. В. Добіаша, А. Н. Кириллова, В. А. Заболотскаго и Г. А. Максимовича, въ присутствіи г. Директора Института, г. Инспектора, профессоровъ и преподавателей; по окончаніи пробныхъ уроковъ происходили подъ предсѣдательствомъ г. Директора Института заключительныя бесѣды наставниковъ-руководителей.

О занятіяхъ Конференціи.

Конференція Института имѣла въ $19^{10}/_{11}$ ак. году 36 засѣданій; предметомъ обычныхъ занятій Конференціи являлись избраніе должностныхъ лицъ, выработка учебнаго плана и распредѣленіе занятій между профессорами и преподавателями, составленіе росписанія репетицій и пробныхъ уроковъ студентовъ, заслушаніе отчетовъ о нихъ профессоровъ и преподавателей, разсмотрѣніе отзывовъ профессоровъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ, выписка книгъ, разсмотрѣніе и одобреніе къ напечатанію въ „Извѣстіяхъ" трудовъ профессоровъ и преподавателей Института, разсмотрѣніе прошеній о пріемѣ молодыхъ людей въ Институтъ и обсужденіе результатовъ пріемныхъ и переводныхъ испытаній, присужденіе аттестатовъ окончившимъ курсъ Института, обсужденіе вопросовъ объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ, обмѣнъ изданіями и т. д.

Предметомъ специальныхъ занятій явились: 1) примѣненіе къ Нѣжинскому Институту ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшеннаго учрежденія своекоштныхъ студентовъ и выработка мѣръ, связанныхъ съ введеніемъ института своекоштныхъ; 2) выработка устава Музыкально-вокальнаго кружка при Институтѣ; 3) выработка инструкціи завѣдывающему Гоголевскимъ Музеемъ; 4) разсмотрѣніе каталога библіотеки студенческаго Историко-Филологическаго кружка; 5) выработка текстовъ привѣтствій по случаю юбилеевъ С.-Петербургскаго Института Путей Сообщенія и Харьковскаго проф. Д. И. Багалѣя.

Объ издательской дѣятельности Института и ученыхъ трудахъ профессоровъ и преподавателей Института.

Въ $19^{10}/_{11}$ ак. году подготовлялось изданіе очередного XXVI тома Институтскихъ Извѣстій, въ которомъ, кромѣ отчета ученаго секретаря А. Ѳ. Музыченка о состояніи и

дѣятельности Института за $19^{09}/_{10}$ ак. годъ, были приняты къ напечатанію труды г. Директора Института проф. И. И. Иванова, проф. В. И. Рѣзанова, проф. В. И. Петра, пр. П. А. Заболотскаго и пр. Д. Ѳ. Сергіева.

Кромѣ того внѣ „Извѣстій“ напечатали въ 1911 году:

Директоръ Института *И. И. Ивановъ:* 1) „Слова и дѣла въ крестьянской реформѣ“ (публ. лекція), 2) „Рыцарь слова и жизни (Сервантесъ)“, 2. изд., 3) „Какъ царь Петръ сталъ преобразователемъ Россіи?“, 3 изд., 4) Египтяне, 2 изд., 5) Халдеи, 2 изд.

Проф. В. *И. Рѣзановъ:* 1) Замѣчанія на рецензію проф. В. И. Перетца (Ж. М. Н. Пр. 1911, 7).
2) Трагедіи Ломоносова (Ломон. Сборн. Ак. Наукъ, 1911).
3) Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея кн. Чарторыйскаго въ Краковѣ Нѣж. 1911.

Проф. *Г. А. Ильинскій:* 1) Грамоты болгарскихъ царей, М. 1911.
2) Славянскія этимологіи—Рус. Ф. В. 1911, CXVI.
3) Рѣка Бугъ, Сборн. въ честь Рѣдина.

Преп. *П. А. Заболотскій:* 1) Вновь найденное самое раннее изъ Нѣжинскихъ писемъ Гоголя—Журн. Мин. Нар. Пр. 1911. III.
2) Гоголь въ славянскихъ переводахъ—Изв. II отд. Ак. Н. 1911, II.
3) На зарѣ новыхъ изученій славянскаго міра, С.-Пб. 1911.
4) Возрожденіе идеи славянской взаимности и новыя изученія славянства—Нѣж. 1911.

Преп. *Д. Ѳ. Сергіевъ:* Историческій обзоръ миѳологическиї теоріи. Нѣж. 1911.

Проф. В. *И. Петръ:* 1) О мѣстѣ дѣйствія въ трагедіи Еврипида „Ифигенія въ Тавридѣ“.

2) О Вратиславскомъ (Бреславльскомъ) университетѣ и его 100-лѣтнемъ юбилеѣ. Нѣж. 1911.

3) О безцѣльности нѣкоторыхъ конъектуръ въ лирическихъ партіяхъ античной драмы—журн. Гермесъ.

Проф. *А. Ѳ. Семеновъ:* 1) Zur dorischen Knabenliebe—журн. Philologus.

2) Ueber die byzantinischen Logotheten—Byz. Zeitschrift.

3) Zu Herodot—Wochenschr. für klass. Philologie.

4) Рецензія на изд. „Die Aberkiosinschrift“ Niessen'a—Berliner Phil. Wochenschrift.

5) Гиперидъ и Фрина. Нѣжинъ, 1911.

6) Объ оцѣнкѣ успѣшности учениковъ въ русской средней школѣ. Нѣжинъ, 1912.

Проф. *В. Г. Ляскоронскій*—Городища, курганы, майданы и длинные (змієвы) валы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья—М. 1911.

Преп. *Т. А. Максимовичъ*—Кризисъ передъ смутой въ Московскомъ государствѣ. Нѣж. 1911.

Проф. *П. В. Тихомировъ*—О Коперникѣ въ „Богосл. Энциклопедіи“ изд. подъ ред. Глубоковскаго.

Объ учебныхъ пособіяхъ Института.

Фундаментальная библіотека Института къ 1 янв. 1911 г. состояла изъ 28128 названій въ 68037 томахъ на сумму 121485 р. 55 к. Пополнялась она покупкою книгъ по постановленіямъ Конференціи и присылкою русскихъ и иностранныхъ книгъ и изданій въ обмѣнъ на „Извѣстія“ Института.

Въ *студенческой* библіотекѣ въ 19¹⁰/₁₁ ак. году числилось 1323 названія въ 8279 томахъ на сумму 13952 р. 53 к.

Въ *мюнцъ-кабинетѣ* Института состоитъ монетъ и медалей 4261 номеръ на сумму 2979 р. 17 к.

Въ *картинной галлереѣ* Института имѣется 175 картинъ стоимостью въ 10870 руб.

Приложенія.

О состоящихъ при Институтѣ учрежденіяхъ.

1) Состоящее при Институтѣ *Историко-Филологическое Общество*, основанное въ 1894 г., имѣло 8 почетныхъ членовъ и 56 дѣйствительныхъ, всего 64 члена. По примѣру прошлыхъ лѣтъ оно продолжало свою научную, теоретико-педагогическую и издательскую дѣятельность, откликалось на важнѣйшія событія въ исторіи русской литературы и общества и расширило рамки своей культурно просвѣтительной дѣятельности организаціей публичныхъ лекцій, которыя, съ разрѣшенія г. Директора Института, читались въ актовомъ залѣ Института. Въ теченіе $19^{10}/_{11}$ г. было устроено 11 открытыхъ засѣданій съ чтеніемъ на нихъ рефератовъ, 1 закрытое и 3 публичныхъ лекціи. Бюро общества составляютъ: предсѣдатель П. В. Тихомировъ, секретарь П. А. Заболотскій, казначей св. Н. М. Боголюбовъ, товарищи предсѣдателя В. И Петръ и І. В. Добіашъ, тов. секретаря Н. О. Шарко и библіотекарь Е. И Кашпровскій.

Въ библіотекѣ Общества имѣется 439 названій въ 1254 том., въ архивѣ—архивъ Нѣжинскаго греческаго магистрата; въ кассѣ Общества, получившаго въ $19^{10}/_{11}$ ак. году субсидію отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 250 р., числилось къ концу года, по покрытіи расходовъ, 443 р. 83 к.

Въ текущемъ году Общество выпустило VII-й томъ своего „Сборника“, въ который, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ и извлеченій изъ протоколовъ, вошли труды: В. В. Баршевскаго, М. Н. Бережкова, П. А. Заболотскаго, Г. А. Ильинскаго, А. П. Кадлубовскаго, В. И. Петра, К. Ѳ. Радченка, П. В. Тихомировъ.

2) Учрежденный въ память 100-лѣтія рожденія Гоголя *Музей имени Гоголя*, помѣщающійся въ комнатѣ при библіотекѣ, заключалъ 10 автографовъ Гоголя, 15 архивныхъ дѣлъ Гимназіи В. Наукъ времени Гоголя, 1 архивное дѣло Полтавскаго повѣтоваго училища, 2 рукописи, касающихся Гоголя, учебныхъ руководствъ Гимназіи В. Наукъ времени Гоголя 28 назв. въ 57 т., изданій сочиненій, писемъ Гоголя и книгъ изъ области „Gogoliana" 198 названій, альбомовъ—3, портретовъ, фотографій и т. д. 50, газетъ и журналовъ 1902 г.—225 ном. и 1909—151 номеръ, вѣнковъ—16. Завѣдывающимъ Гоголевскимъ Музеемъ состоялъ П. А. Заболотскій. Съ разрѣшенія г. Директора Института, Музей посѣщался учащимися старшихъ классовъ средн. учебныхъ заведеній Нѣжина и горожанами, изъ пріѣзжихъ почетныхъ посѣтителей Музей осматривали княг. М. П. Долгорукая, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, завѣдыв. разр. высш. уч. зав. Мин. Нар. Пр. Н. О. Палечекъ, князь В. Н. Долгорукій, гр. В. В. Мусинъ-Пушкинъ и друг. Наиболѣе цѣнныя пожертвованія поступили отъ г. Гижицкой, отъ попечителя Кіевскаго уч. округа П. А. Зилова, отъ проф. М. Н. Сперанскаго и друг.

Ученый Секретарь *П. Заболотскій.*

Бернгардъ Фридриховичъ фонъ-Бурзи

(1863—1909 г.).

Бернгардъ Фридриховичъ фонъ-Бурзи родился въ 1863 г. Курсъ наукъ онъ окончилъ въ Юрьевскомъ университетѣ по Историко-филологическому факультету въ 1888 г. Жизнь его въ молодые годы шла не очень удачно. Это можно видѣть уже изъ того, что чрезъ семь лѣтъ по окончаніи университета и уже по выдержаніи магистерскаго экзамена онъ поступилъ въ Университетъ св. Владимира на должность сверхштатнаго помощника библіотекаря и, не смотря на ничтожность вознагражденія, онъ считалъ себя „устроившимся", какъ онъ самъ разсказывалъ, и былъ доволенъ службой. Не смотря на такія препятствія, которыя часто подламываютъ энергію молодыхъ силъ, Б. Ф. не оставлялъ избраннаго имъ дѣла и въ 1897 г. защитилъ въ Университетѣ же св. Владимира диссертацію на степень магистра на тему „De Aristotelis πολιτείας 'Αθηναίων partis alterius fonte et auctoritate". Принятый въ томъ же году въ число приватъ-доцентовъ того же Университета, онъ читалъ курсъ по греческой исторіографіи. Въ 1899 г. онъ былъ избранъ Конференціей Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ на должность наставника студентовъ, въ 1901 г.—на должность экстра-ординарнаго профессора, а въ 1905 г.—на должность ординарнаго профессора Института по каѳедрѣ греческой словесности, каковую должность и занималъ до смерти. Кромѣ того, втеченіе двухъ трехлѣтій (1902—1908 г.) онъ избирался Конференціей Института на

должность Ученаго Секретаря. Такимъ образомъ, большая часть научной дѣятельности и почти вся преподавательская дѣятельность проф. Бурзи прошла въ Нѣжинскомъ Институтѣ. Онъ читалъ разнообразные курсы по своей каѳедрѣ: исторію классической филологіи, греческія метрику и эпиграфику, греческія государственныя древности, исторію греческой литературы; изъ авторовъ читалъ Аристофана, Платона, пс. Ксенофонта, трагиковъ и велъ постоянно семинаріи на классическомъ отдѣленіи. Проф. Бурзи не имѣлъ въ виду выступать съ докторской диссертаціей: занявъ должность профессора, онъ весь отдался дѣлу преподаванія. Ежедневно отъ 9 до 2 часовъ дня можно было видѣть его работающимъ въ Библіотекѣ, гдѣ онъ прочитывалъ сплошь всѣ вновь поступающіе научные журналы по его спеціальности; и тотчасъ же вносилъ въ имѣвшіеся у него написанными курсы своихъ лекцій всѣ вновь возникавшіе въ той или другой научной области даже мелкіе вопросы и попытки новаго рѣшенія старыхъ вопросовъ. Интересно отмѣтить, что Б. Ф. интересовался и занимался не только греческой словесностью; онъ съ такимъ же вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось во всей обширной классической наукѣ и такъ же хорошо зналъ научное движеніе въ области словесности римской, какъ и греческой. На научную разработку курсовъ у него и уходило все время. Это былъ человѣкъ аккуратный до педантичности. Вся ежедневная жизнь его проходила по заранѣе намѣченному имъ плану, точно распредѣленная по часамъ. Требованія такой же аккуратности предъявлялъ онъ къ себѣ и къ своимъ слушателямъ—при исполненіи обязанностей. Внѣшней исполнительности соотвѣтствовала и строгость говорившаго въ немъ нравственнаго голоса: интересы Института и интересы тѣхъ учебныхъ заведеній, куда перенесутъ свою дѣятельность питомцы Института, были для него выше всего. Больной съ парализованнымъ нёбомъ, стоя, какъ говорится, одной ногой въ могилѣ, онъ присутствовалъ въ конференціяхъ и на пріемныхъ конкурсныхъ экзаменахъ по греческому яз.,

предлагалъ даже вопросы, хотя и говорилъ уже съ трудомъ, иногда почти непонятно; зная важность пріемныхъ экзаменовъ, онъ хотѣлъ и здѣсь сдѣлать все, на что доставало ему силъ.

Всецѣло занятый преподавательской дѣятельностью, Б. Ф. писалъ немного. Кромѣ упомянутой диссертаціи, онъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Института слѣд. статьи: 1) Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. 2) Объ источникахъ аѳинскаго права. 3) Школьный вопросъ въ древней Греціи. 4) Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ. 5) О новѣйшихъ трудахъ по греческой исторіографіи.

Лѣто 1909 г. онъ посвятилъ обработкѣ составленныхъ имъ раньше этюдовъ, которые были напечатаны въ Ж. М. Н. П. (сентябрь 1909) подъ заглавіемъ: Miscellanea *exegetica*.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отсылки рукописи въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Б. Ф. заболѣлъ какой-то горловой болѣзнью, которая осталась невыясненной. Оправившись отъ нея, онъ нѣсколько дней ходилъ сравнительно бодро, но потомъ у него начался параличъ нёба, рукъ, ногъ и, наконецъ, сердца. Умеръ онъ въ Кіевѣ 7 октября, куда родные увезли его для леченія. Въ послѣдніе два года онъ былъ занятъ работой о надгробной лирикѣ грековъ.

Проф. И. И. Семеновъ.

Августъ Августовичъ Мартовъ

(1874–1911 г.).

Августъ Августовичъ Мартовъ родился въ 1874 г. Окончивъ курсъ Перновской гимназіи, онъ поступилъ студентомъ въ Историко-филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1898 г. Въ томъ же году онъ поступилъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ 1-ю Казанскую гимназію. Такъ какъ будучи студентомъ, онъ выдавался среди товарищей и характеромъ и поведеніемъ и познаніями, Конференція Института, уже чрезъ 3 года по окончаніи имъ курса, избрала его на должность наставника студентовъ и поручила ему, кромѣ того, въ томъ же году комментированіе студентамъ Аристофана и Ѳукидида. Вскорѣ, однако, А. А., подъ вліяніемъ бывшаго своего учителя, продолжавшаго руководить имъ до его смерти, проф. И. Г. Турцевича, сталъ заниматься римской словесностью и постоянно читалъ лекціи уже по этому послѣднему предмету. Любимой его областью была римская исторія и римское государственное право императорской эпохи: здѣсь онъ былъ большимъ знатокомъ. Послѣ очень дѣлового разбора книги „Г. Светоній Транквиллъ, жизнь двѣнадцати Цезарей. Съ лат. перевелъ В. Алексѣевъ", напечатаннаго въ Ж. М. Н. Пр. въ 1904 г., онъ напечаталъ въ 1905 г. работу „О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи". Исчерпывающее обиліе источниковъ и ученой литературы, критическое отношеніе къ мнѣніямъ ученыхъ и

самостоятельность выводовъ дѣлаютъ книгу полезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтнымъ явленіемъ въ нашей русской ученой литературѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о томъ, что отъ молодого ученаго можно было ожидать многаго. Въ 1907 г. А. А. напечаталъ русскій переводъ трактата Лукіана „Какъ надо писать исторію“ (Извѣстія Нѣж. Инст.). Въ 1908 г. напечаталъ рецензію на книгу проф. И. Г. Турцевича „Панегирикъ Риму Элія Аристида“ (въ журналѣ Гермесъ). Онъ умеръ, оставивъ неоконченными двѣ большія работы: „Библіографію по римской словесности“, составлять которую онъ началъ еще въ Казани подъ руководствомъ, какъ онъ разсказывалъ, проф. Нагуевскаго, и надъ которой онъ трудился всю жизнь, предполагая сдѣлать для римской словесности то же, что было сдѣлано П. Прозоровымъ для словесности греческой. Эта обширная рукопись передана, по желанію покойнаго, профессору Варшавскаго Университета Черняеву, который предполагаетъ напечатать ее, въ противномъ же случаѣ отдаетъ на храненіе въ Академію Наукъ или въ Нѣжинскій Институтъ.—Другой обширной работой, которой покойный посвятилъ нѣсколько лѣтъ, было изслѣдованіе по Исторіи Рима императорской эпохи. Эта рукопись, содержащая массу собраннаго матеріала и заключающая въ себѣ нѣсколько болѣе или менѣе обработанныхъ этюдовъ, передана родными покойнаго его другу и учителю проф. И. Г. Турцевичу. Кромѣ дисциплинъ римской словесности, А. А. преподавалъ въ Институтѣ нѣмецкій языкъ. Въ послѣдніе два года онъ преподавалъ этотъ предметъ и въ гимназіи, занимая эту должность временно. Хотя ему было трудно нести столько обязанностей (надо сказать, что онъ былъ также и библіотекаремъ), но онъ не оставлялъ преподаванія въ гимназіи, потому что оно доставляло ему много удовольствія. Онъ разсказывалъ, что на урокахъ въ гимназіи онъ переживаетъ отрадныя моменты сознанія своей полезности, когда замѣчаетъ свое вліяніе на учениковъ, выражающееся въ усвоеніи ими передаваемыхъ имъ своихъ знаній.

De mortuis aut bene aut nihil. Но если мы скажемъ, что А. А. пользовался общей любовью въ Институтѣ за свой поистинѣ чудный характеръ, мы скажемъ то, что было въ дѣйствительности. Всегда спокойный, веселый, добродушный, онъ не умѣлъ возмущаться: онъ умѣлъ или понимать или прощать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не умѣлъ отказывать, съ какой бы просьбой къ нему ни обращались; и не было случая отказа.

Въ концѣ мая А. А. заболѣлъ кровоизліяніемъ лѣваго легкаго. Вскорѣ оказалось зараженнымъ и правое. По совѣту врача онъ уѣхалъ за границу въ санаторію для легочныхъ больныхъ. Остановить болѣзнь оказалось невозможнымъ, и онъ умеръ 3 февраля 1911 г.

Проф. П. И. Семеновъ.

Андрей Өедоровичъ Абрамовъ.

(1846—1911).

10 мая сего 1911 года неумолимая смерть вырвала изъ среды педагогическаго сословія одного изъ лучшихъ его представителей Андрея Өедоровича Абрамова. Покойный родился 2 октября 1846 г. въ слободѣ Филиппенковой Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи, въ семьѣ священника. Среднее образованіе получилъ въ Воронежской духовной семинаріи, а высшее въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. По окончаніи курса наукъ въ послѣднемъ въ 1871 г. (годъ 1-го выпуска) былъ опредѣленъ на службу въ Московскую 4-ю Гимназію учителемъ латинскаго языка. Въ 1874 г. былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью для приготовленія къ профессорскому званію. Послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей былъ назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ гимназію при С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и исправляющимъ должность наставника студентовъ того-же института. Въ 1878 г. былъ назначенъ наставникомъ-руководителемъ по латинскому языку въ Нѣжинскую гимназію при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ которомъ въ теченіе 1878—1879 академическаго года читалъ лекціи по римской словесности. Въ 1886 исправлялъ должность завѣдывающаго институтской гимназіей, въ каковой должности былъ утвержденъ въ 1887 г. Состоя на службѣ въ гимназіи, Андрей Өедоровичъ, по порученію высшаго на-

чальства, исполнялъ и разныя другія обязанности: въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ преподавалъ то латинскій, то греческій языкъ въ институтѣ; съ 1884 по 1893 г. состоялъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта Нѣжинской ж. гимназіи П. И. Кушакевичъ; съ 1889 г.—членомъ Нѣжинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта; въ 1894 г.—членомъ Высочайше утвержденной комиссіи для постройки зданія Нѣжинскаго ремесленнаго училища; съ 1907 по 1909 г.—предсѣдателемъ ж. прогимназіи А. Ѳ. Крестинской; болѣе 25 лѣтъ—старостой институтской св. Александровской церкви; въ теченіе многихъ лѣтъ—дѣйствительнымъ членомъ, а нѣкоторое время товарищемъ предсѣдателя историко-филологическаго общества и кассиромъ ссудо-сберегательной кассы при институтѣ и гимназіи. Имѣлъ всѣ ордена до св. Владиміра 3 ст. включительно и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Андрей Ѳедоровичъ былъ, безспорно, талантливымъ и искренне преданнымъ своему дѣлу преподавателемъ и педагогомъ. Будучи знатокомъ древнихъ языковъ и убѣжденнымъ сторонникомъ классическаго образованія, онъ съ любовью обучалъ дѣтей и юношей древнимъ языкамъ, по преимуществу латинскому, и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ толковалъ имъ литературныя произведенія греческихъ и римскихъ писателей, въ особенности любимаго имъ Горація, о чемъ съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаютъ многіе изъ его бывшихъ учениковъ. Какъ весьма опытный преподаватель и воспитатель, онъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ и пользою руководилъ практическими занятіями студентовъ института по преподаванію въ гимназіи. Благодаря строгому и честному исполненію долга на всѣхъ ступеняхъ служенія дѣлу обученія и воспитанія, безусловно справедливому и доброму отношенію какъ къ учащимся, такъ и къ сослуживцамъ, Андрей Ѳеодоровичъ пользовался заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ ихъ, равно какъ и родителей воспитанниковъ и всѣхъ знавшихъ его. Всѣ они, я увѣренъ, сохранятъ о немъ навсегда добрую память, какъ о талантливомъ учителѣ

и прекрасномъ человѣкѣ. Къ этому добавимъ, что Андрей Ѳеодоровичъ былъ глубоко и искренне религіозенъ и горячо любилъ свою родину—Россію, радуясь ея радостямъ и печалясь ея печалями. Многолѣтняя усиленная работа по исполненію трудныхъ и сложныхъ обязанностей постепенно разрушали его въ сущности крѣпкій организмъ, окончательно сломленный подкравшейся тяжкой болѣзнью. Sit ei terra levis!

I. Добіашъ.

Ив. Ивановъ.

Иванъ Сергѣевичъ

Тургеневъ.

ЖИЗНЬ.—ЛИЧНОСТЬ.—ТВОРЧЕСТВО.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго, д. Безсмертнаго.
1912.

Въ 1896 году былъ изданъ сборникъ моихъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ *Міръ Божій* подъ заглавіемъ *И. С. Тургеневъ. Жизнь. Личность. Творчество.* Книга давно разошлась. Помимо этой причины были еще другія издать ее вновь: въ *біографіи* не доставало важныхъ подробностей, въ *характеристикѣ*—полноты и яркости, въ *критикѣ* отсутствовали многія произведенія писателя. Восполнить пробѣлы было нетрудно: появились новыя письма Тургенева, новыя воспоминанія о немъ,—и всетаки работа представлялась крайне сложной. Разные „матерьялы“ не могли ни облегчить, ни затруднить задачи. Ее усложняла и продолжаетъ усложнять не литература, а жизнь.

Соприкосновенія и отраженія тургеневской личности до такой степени многосторонни и разнообразны, что въ ней до сихъ поръ нѣтъ ни одной черты *историческој*,—всѣ *современны*. Начиная *Литературныя и житейскія воспоминанія*, Тургеневъ писалъ: „правду безпристрастную и всестороннюю правду можно высказать только о томъ, что окончательно сошло со сцены“. Самъ Тургеневъ не сошелъ со сцены и трудно предсказать, когда сойдетъ. Онъ—художественный воспроизводитель души и судьбы русскаго „интеллигента“, а кто рѣшится опредѣлить, что̀ со времени Тургенева въ этой *душѣ* отмерло, что̀ въ *судьбѣ* стало неповторимымъ? Напротивъ. Воскресни Тургеневъ,—ему пришлось бы одѣть героевъ въ другія одежды, вложить въ уста иныя рѣчи,—а души оставить тѣ же,—тотъ же строй ума, тѣ же такты сердца.

Нѣтъ, кажется, въ человѣческой исторіи явленія менѣе перерождающагося, болѣе вѣрнаго наслѣдственности, чѣмъ русская интеллигенція. Здѣсь прогрессъ движется дѣйствительно по спирали, при чемъ концентрическіе круги даже не всегда параллельны, они часто соприкасаются и переплетаются другъ съ другомъ и нелегко бываетъ отличить прошлое отъ настоящаго. Съ тѣхъ поръ какъ изъ Московской Руси прорубили окно въ европейскій міръ,—съ русскими поколѣніями повторяется одна и таже сказка —съ утренне-радостнымъ началомъ и вечерне-сумрачнымъ концомъ.

Увидѣвъ и услышавъ въ открытое окно много разныхъ новостей,—за ними бросился „чувствительный путешественникъ“, „нѣмецкій студентъ“, либералъ-политикъ, соціалъ-фанатикъ, набрался чужеземнаго добра и, вернувшись, сталъ стучаться въ двери роднаго дома, требовать, умолять, „заклинать всею кровью сердца“—впустить его, признать его своимъ и роднымъ. „Отворись“!—кричалъ онъ—во имя правъ человѣка и гражданина, ради всеобщаго равенства и братства, во славу демократической республики... Молчали за дверьми роднаго дома и просвѣщенный скиталецъ, будто ребенокъ, забытый родителями на улицѣ, то горько плакался на безчувственнаго „таинственнаго незнакомца“, то соблазнялъ его восторгами предъ нимъ—„жалкимъ и презрѣннымъ“, „съ запахомъ дегтя“,—но съ великимъ откровеніемъ для счастья всего міра—съ *общиной*, съ „естественнымъ коммунизмомъ“.

II.

За дверями молчали, а если отзывались,—отвѣтъ звучалъ не на радость „старшему брату" и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ домѣ назрѣвали перемѣны,—онѣ совершались *мимо* рукъ и *вопреки* разуму интеллигента. Сколько отпраздновалъ онъ юбилеевъ и отпѣлъ панихидъ,—и ниразу еще „меньшой братъ" не раздѣлилъ ни его организованныхъ радостей, ни его торжественныхъ слезъ, и ниразу ему не выпало героическое счастье Инсарова сказать о себѣ: „послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я,—мы желаемъ одного и того же".

Въ томительной тоскѣ по какой-нибудь опорѣ хватался безпріютный искатель за всѣ предчувствія и знаменія, а въ послѣднее время особенно цѣпко ухватился за руку даже гр. Толстого, вовсе не ему протянутую... И вотъ эти воскресенія и умиранія интеллигентской души разсказалъ Тургеневъ, какъ геніальный писатель и какъ, по мнѣнію—не его единомышленниковъ, а людей крайнихъ,—какъ „одинъ изъ самыхъ выдающихся, а, можетъ быть, и самый выдающійся и одинъ изъ самыхъ проницательныхъ политическихъ мыслителей своей эпохи". И разсказалъ не безстрастно, не со стороны,—не только художественно творя, но и нравственно познавая себя, не уклоняясь отъ столкновеній и рѣшительныхъ разсчетовъ съ внушительнѣйшими противниками. Среди нихъ—Герценъ, Чернышевскій съ „шестидесятниками", Достоевскій, гр. Толстой,—одни для всѣхъ великіе, другіе—святые въ интеллигентскихъ святцахъ. И тѣхъ, и другихъ волновало, а у нѣкоторыхъ осталось навсегда крайне суровое чувство къ Тургеневу,—и оно, очевидно, не подробность личной жизни, а глава общественной исторіи.

Такъ, идя за этимъ писателемъ, все время проходишь среди бурь идей и событій,—не потому что онъ „мятежный" и „ищетъ бури",—по характеру онъ вполнѣ правильно называлъ себя „овечьей натурой",—а потому что его нравственный міръ единственный по богатству и музыкальности строя. Достаточно нѣсколькихъ сопоставленій. Тургеневъ сочиняетъ *Записки Охотника*, его сильнѣйшій соперникъ по таланту гр. Толстой—*Утро Помѣщика*, Тургеневъ—*Дворянское гнѣздо*, Толстой—*Семейное счастье*, и дальше полоса самыхъ волнующихъ произведеній русской литературы—*Отцы и Дѣти*, *Дымъ*, *Новь*,—у Толстого *Казаки* и великосвѣтскіе романы,—даже когда предъ нимъ люди и событія *Двѣнадцатаго года*. Такъ одному суждено глубоко запускать свой неводъ въ житейское море,—туда, гдѣ кипитъ жестокая неугомонная борьба мыслящихъ, неудовлетворенныхъ и стремящихся, а другому рисовать водоросли, лиліи, облака и сочувственно повѣствовать „семейныя дѣла"...

Такъ книга о Тургеневѣ долго еще будетъ влечь и пугать авторовъ, не удовлетворять и, быть можетъ, раздражать читателей. Мнѣ были вполнѣ ясны опасности, когда—страницу за страницей—мнѣ пришлось писать *новую* книгу, а не исправлять прежнюю. Остались исправленными только нѣсколько страницъ,—и вновь написанной книги я не рѣшился назвать вторымъ изданіемъ старой. Но и теперь послѣ многихъ лѣтъ мои надежды на мой трудъ всё тѣ же: освѣтить, по крайней мѣрѣ, существенныя черты одного изъ самыхъ увлекательныхъ и самыхъ сложныхъ явленій русской литературы и русской мысли.

Ив. Ивановъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(жизнь, личность, творчество).

I.

Для біографіи какого бы то ни было дѣятеля важнѣе всего, конечно, свѣдѣнія, сообщенныя лично имъ самимъ. Біографъ Тургенева съ этой стороны долженъ испытывать немалыя затрудненія. Намъ представится множество случаевъ убѣдиться въ исключительной, едва вѣроятной авторской скромности Ивана Сергѣевича. Онъ крайне неохотно допускалъ разговоры о себѣ, о своей литературной дѣятельности, самыя искреннія похвалы, по словамъ Мопассана, „уязвляли его, какъ оскорбленія". Менѣе всего такой человѣкъ самъ могъ распространяться о своей жизни и о своей личности. На верху писательской славы ему пришлось написать *Литературныя и житейскія воспоминанія*, себѣ самому и подробностямъ своей жизни онъ удѣлилъ здѣсь самое скромное мѣсто,—сколько было неизбѣжно для изображенія другихъ лицъ. Онъ неоднократно получалъ запросы на счетъ біографическихъ свѣдѣній. Каждый такой запросъ не возбуждалъ въ немъ пріятныхъ чувствъ. Въ началѣ марта 1869 года, въ отвѣтъ на одну изъ такихъ просьбъ Тургеневъ писалъ: „Откровенно говоря, всякая біографическая публикація мнѣ всегда казалась великой претензіей; но и отказывать въ ней, придавать вообще ей важность—еще большая претензія". И Тургеневъ рѣшается дать только самыя общія, почти исключительно хронологическія данныя о своей жизни.

„Я родился 28 октября 1818 года въ Орлѣ отъ Сергѣя Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Лутовиновой, получилъ первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ Московскомъ, послѣ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1838 году поѣхалъ за границу, чуть не погибъ во время пожара парохода „Николай I-й". Слушалъ лекціи въ Берлинѣ, послѣ вернулся, состоялъ около года при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1842 г. сталъ заниматься литературой. Въ 1852 г. за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности

за „Записки Охотника") отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ прожилъ два года, и съ тѣхъ поръ живу то заграницей, то въ Россіи. Вы видите, что моя біографія напоминаетъ біографію Э. Ожіэ, который на подобный запросъ отвѣчалъ слѣдующими словами: je suis né, j'ai été vacciné, puis quand je suis devenu grand, j'ai écrit des comédies"...

Незадолго до смерти Тургеневъ отвѣтилъ еще лаконичнѣе итальянскому писателю, составлявшему статью объ его жизни и дѣятельности. „Вся моя біографія—въ моихъ сочиненіяхъ", писалъ Тургеневъ и прибавилъ, что въ его жизни ничего нѣтъ выдающагося и для иностранныхъ читателей занимательнаго.

Ивану Сергѣевичу, какъ и всякому другому, случалось бесѣдовать въ дружескомъ кружкѣ. Разговоры легко и естественно переходили на воспоминанія, и въ такія минуты отъ Тургенева слышали иногда любопытнѣйшія подробности относительно его семьи, дѣтства, молодости. Не мало такихъ воспоминаній записано другомъ Ивана Сергѣевича—Я. П. Полонскимъ, и одна изъ бесѣдъ такого содержанія записана въ мартѣ 1880 года во время пребыванія Тургенева въ Петербургѣ. Разговоръ воспроизведенъ однимъ изъ очевидцевъ на слѣдующій день и сообщаетъ, повидимому, достаточно точныя данныя для біографіи знаменитаго писателя. Приходилось Ивану Сергѣевичу изрѣдка касаться своихъ житейскихъ подробностей въ письмахъ. Такъ въ письмѣ отъ 19 іюня 1874 года онъ изобразилъ свои отношенія къ матери по смерти отца, свои отношенія къ крестьянамъ послѣ кончины матери. Это въ высшей степени драгоцѣнное свидѣтельство, но на такія сообщенія Тургеневъ былъ весьма нещедръ. Повидимому, совершенно исключительной откровенностью отличались разсказы Тургенева о себѣ и о своей жизни Полинѣ Віардо. Въ письмѣ къ ней онъ пишетъ: „я хочу, чтобы не было на свѣтѣ ничего такого, чего бы вы не знали обо мнѣ",—но эти разсказы намъ неизвѣстны. Въ письмахъ къ Віардо Тургеневъ нерѣдко касался своего прошлаго, напримѣръ сравнительно много разсказалъ о матери непосредственно послѣ ея смерти. Иногда—но весьма не-часто Тургеневъ въ письмахъ къ болѣе близкимъ людямъ упоминалъ о какой-либо подробности изъ своей біографіи. Наконецъ, съ его же словъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ онъ пользовался многими воспоминаніями о своемъ дѣтствѣ и ранней молодости. Но все это крайне отрывочныя, безсвязныя, и нерѣдко довольно неясныя черты. Драгоцѣннѣйшій источникъ для Тургеневской біографіи существовалъ: дневникъ самого писателя за много лѣтъ. Дневникъ былъ доступенъ едва ли не единственному человѣку—Полинѣ Віардо,—но ей же было завѣщано Тургеневымъ уничтожить послѣ его смерти этотъ дневникъ.

и распоряженіе это было внушено все тѣмъ же неизмѣннымъ желаніемъ Тургенева—возможно меньше занимать своей особой вниманіе читателей. Такимъ образомъ громадные пробѣлы, оставленные личными сообщеніями Ивана Сергѣевича, мы должны заполнять свѣдѣніями изъ чужихъ рукъ.

Тургеневъ, при всей своей несловоохотливости на счетъ личныхъ отношеній, любилъ останавливаться на преданіяхъ своей семьи. Эти преданія дѣйствительно весьма краснорѣчивы и любопытны. Ими не разъ пользовался Тургеневъ и въ своихъ произведеніяхъ. Пальма первенства по части своеобразности и исключительно сильныхъ характеровъ принадлежитъ предкамъ Тургенева по матери—Лутовиновымъ. Это—одна изъ старѣйшихъ помѣщичьихъ семей. Предки ея служили еще при литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ Бѣлоруссіей, и жили настоящи ми вельможами. Богатство ихъ переходило изъ рода въ родъ и досталось, наконецъ, двумъ братьямъ—Петру Ивановичу и Ивану Ивановичу. У старшаго Петра была дочь Варвара, впослѣдствіи мать знаменитаго писателя. Она родилась уже позлѣ смерти своего отца и младшій Иванъ унаслѣдовалъ все достояніе Лутовиновыхъ,—онъ оказался образцовымъ представителемъ всего рода. Иванъ Сергѣевичъ обезсмертилъ его въ двухъ разсказахъ—„Три портрета“ и „Однодворецъ Овсянниковъ“. Разсказъ однодворца—сплошная исторія обидъ, перенесенныхъ отъ дикаго самодура крестьянами и людьми беззащитными. Лутовиновъ не только отбиралъ чужую землю, но еще жестоко и позорно наказывалъ законныхъ владѣльцевъ. Бывали у него и подручные исполнители, вродѣ опричниковъ. Потомку насильника приходилось выслушивать горькія рѣчи отъ очевидцевъ всѣхъ этихъ подвиговъ... Отвратительнѣйшій порокъ Лутовинова изображенъ въ „Трехъ портретахъ“. Старикъ-скупецъ, пересчитывающій палочкой кульки съ деньгами—это тотъ же Иванъ Ивановичъ. Онъ умеръ скоропостижной смертью, отъ разрыва сердца, по другимъ извѣстіямъ—подавился косточкой плода. Напуганные крестьяне долго еще грезили страшнымъ призракомъ. Они показывали плотину, гдѣ по ночамъ прогуливается и охаетъ тѣнь покойнаго помѣщика...

Иванъ Лутовиновъ былъ не исключительной личностью въ своей семьѣ. Въ томъ же разсказѣ „Три портрета“ дѣйствуетъ Василій Ивановичъ Лучиновъ. Это—подлинное лицо, также одинъ изъ Лутовиновыхъ. Его портретъ до послѣдняго времени существовалъ въ тургеневскомъ домѣ въ селѣ Спасскомъ. Иванъ Сергѣевичъ съ большой точностью изобразилъ внѣшнія черты этого портрета, но очевидно, отступилъ предъ подробнымъ воспроизведеніемъ характера и біографіи своего предка. Въ разсказѣ Василій Ивановичъ—безсердечный, крово-

жадный себялюбецъ. Подлиникъ былъ еще отвратительнѣе. Его жертвой была не воспитанница, а сестра...

Женская линія также представила достойныхъ образчиковъ. Одинъ изъ иностранцевъ передаетъ разсказъ Ивана Сергѣевича объ его бабкѣ. Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличемъ и почти неподвижно сидѣвшая въ креслѣ, разсердилась однажды на казачка, который ей прислуживалъ, за какой-то недосмотръ, и—въ порывѣ гнѣва—схватила полѣно и ударила мальчика по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Это зрѣлище произвело на нее непріятное впечатлѣніе. Она нагнулась, приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову, и, сѣвши на нее, задушила несчастнаго...

Таковы болѣе или менѣе отдаленныя предація тургеневской семьи. Ближайшее прошлое было окрашено такими же мрачными красками. Это прошлое—жизнь и характеръ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны.

Сынъ выражался о ней довольно неопредѣленно. Ему, очевидно, тяжело было рисовать другимъ этотъ образъ, способный вызвать дрожь ужаса или отвращенія. „Мать моя“, разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „была женщиною, вполнѣ вливавшеюся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Пушкина она едва-едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую дальше Пушкина положительно не признавала. Поэтому хотя она умерла въ 1850 году, т. е. когда я уже лѣтъ семь, какъ дѣятельно участвовалъ въ журналахъ, она не признавала во мнѣ писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже *Записокъ охотника* совершено не читала“.

Пренебреженіе къ руской литературѣ и къ писательской дѣятельности сына было едва ли не самой незначительной обидой среди жесточайшихъ издѣвательствъ, какимъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ подвергались всѣ окружавшіе, и въ томъ числѣ Иванъ Сергѣевичъ. Только прошлое Варвары Петровны можетъ объяснить отчасти ея отношенія къ дѣтямъ и вообще къ людямъ.

Это прошлое въ полномъ смыслѣ драматическое. Выше мы видѣли рядъ злодѣевъ изъ рода Лутовиновыхъ,—Варвара Петровна въ первую половину жизни представляла беззащитную жертву родоваго злодѣйства.

Варвара Петровна родилась сиротой. Мать ея—Екатерина Ивановна Лутовинова, оставшись бѣдной вдовой,—не любила дочери, скоро во второй разъ вышла замужъ за вдовца, имѣвшаго двухъ взрослыхъ дочерей, и совершенно отдалась вліянію мужа. Положеніе ребенка—ему было всего восемь лѣтъ оказалось отчаяннымъ. Вотчимъ невоз-

бранно преслѣдовалъ его, не отступалъ даже передъ побоями, на немъ срывалъ свой пьяный буйный гнѣвъ. Мать не защищала ея. Дочери ея втораго мужа росли красавицами, Варвара Петровна—напротивъ—съ возрастомъ становилась некрасивѣе и ея мать—изъ угожденія мужу—на каждомъ шагу отдавала предпочтеніе падчерицамъ предъ родной дочерью. Падчерицы скоро вышли замужъ, мать Варвары Петровны умерла,—и она очутилась круглой сиротой и въ полномъ распоряженіи вотчима. Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, преслѣдованія вотчима приняли другой видъ. Дѣвушка не знала, какъ спастись отъ развратнаго старика. Ей грозило унизительное наказаніе. Оставалось бѣжать,—и несчастная бѣжала съ помощью няни: полуодѣтая пѣшкомъ прошла около шестидесяти верстъ и нашла пріютъ у дяди Ивана Ивановича Лутовинова, жившаго въ сельцѣ Спасскомъ.

Лутовиновъ принялъ племянницу подъ свою защиту, и Варвара Петровна осталась жить въ Спасскомъ. Мы знаемъ, какова могла быть эта жизнь. Дядя, конечно, не думалъ мѣнять своего нрава ради племянницы; напротивъ, она же стала одною изъ жертвъ его самодурства. Онъ держалъ ее почти взаперти, совершенно подавилъ и обезличилъ и кончилъ тѣмъ, что прогналъ ее отъ себя и рѣшилъ лишить ея наслѣдства, но не успѣла племянница оставить домъ,—дядя внезапно умеръ... Такъ прошла вся молодость вплоть до тридцати лѣтъ, когда, наконецъ, послѣдній тюремщикъ оставилъ Варвару Петровну свободной и, вопреки своей волѣ, богатой.

Варвара Петровна стала единственною наслѣдницей многочисленныхъ имѣній дяди и въ первый разъ въ жизни почувствовала себя не только вольной, но полновластной госпожей нѣсколькихъ тысячъ крѣпостныхъ рабовъ. Легко представить, какимъ жгучимъ дыханьемъ повѣяла эта свобода на измученную, годами порабощенную дѣвушку! Въ жилахъ Варвары Петровны текла таже горячая, бурная лутовиновская кровь. Жить хотѣлось, неудержимо хотѣлось, и теперь на тридцатилѣтнемъ возрастѣ эта женщина возьметъ отъ жизни все, въ чемъ раньше судьба ей отказывала. Она прежде всего воспользуется той стороной жизни, какая больше всего причинила ей обидъ и огорченій,—властью. Варвара Петровна будетъ не просто повелѣвать и властвовать,—это будетъ долголѣтній припадокъ самовластья, упоеніе своей силой, самозабвеніе среди трепета и ужаса подвластныхъ. Вторая половина жизни станетъ местью за невозвратно загубленную молодость, за пережитое рабство. Месть будетъ тѣмъ безпощаднѣе, что и на свободѣ Варвара Петровна не найдетъ личнаго счастья.

Сергѣй Николаевичъ Тергеневъ служилъ въ Елизаветградскомъ гусарскомъ полку и по имѣніямъ былъ сосѣдомъ Варвары Петровны.

Потомки стариннаго дворянскаго рода, Тургеневы не могли, къ своей чести, похвалиться такими яркими любителями силы и власти, какіе были въ родѣ Лутовиновыхъ,—хотя Тургеневы вели свой родъ отъ азіятскаго корня. Иванъ Сергѣевичъ не занимался своей родословной со стороны отца, по крайней мѣрѣ,—не говорилъ о ней: она, какъ писателю, не представляла для него ничего любопытнаго,—за исключеніемъ личности отца. Но если предки по отцу не дали содержанія художественному творчеству своего потомка,—многія благородныя черты его души заставляютъ насъ невольно вспомнить о нѣкоторыхъ далекихъ преданіяхъ Тургеневской семьи.

По этимъ преданіямъ,—родоначальникъ Тургеневыхъ—татарскій ханъ Турга, выѣхавшій изъ Золотой орды при великомъ Московскомъ князѣ Василіи Темномъ. Ханъ крестился, воспріемникомъ его былъ самъ великій князь, тогда же пожаловавшій крестнику обширныя вотчины въ нынѣшней Калужской губерніи, въ нынѣшнемъ Перемышльскомъ уѣздѣ,—такъ что почти половина уѣзда стала принадлежать крещеному хану, нареченному Иваномъ. Позже въ гербъ Тургеневыхъ были включены золотая звѣзда и серебряная рогатая луна—означающія Золотую орду и магометанскую вѣру. Въ томъ же гербѣ находится обнаженный съ золотою рукояткою мечъ въ память мученическаго подвига одного изъ Тургеневыхъ при первомъ Самозванцѣ. „Ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отреньевъ, бѣглый изъ монастыря, я тебя знаю“,—заявилъ Тургеневъ Лжедимитрію и былъ казненъ. Другой Тургеневъ погибъ въ Пугачевскій бунтъ. Наконецъ, прадѣдъ Ивана Сергѣевича-Алексѣй Романовичъ—въ войнѣ съ турками попалъ въ плѣнъ, оказался прислугой въ Султанскомъ гаремѣ и потерпѣлъ не мало оскорбленій и даже побоевъ за отказъ перейти въ магометанство. Любимая султанша, будто бы плѣненная красотой плѣннаго, посовѣтовала ему бѣжать и даже вручила кошелекъ съ деньгами и провожатаго до границы.

Рядовые предки Ивана Сергѣевича въ Московскомъ царствѣ несли обычную службу Московскихъ служилыхъ людей, бывали воеводами въ полкахъ и городахъ, приставами при посольствахъ, служили на такихъ же среднихъ мѣстахъ и позже, по военной службѣ —въ гвардіи. Кавалергардомъ началъ службу и Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, отецъ Ивана Сергѣевича. Изъ всѣхъ достоинствъ предковъ онъ унаслѣдовалъ прежде всего внѣшнюю красоту: она нерѣдко упоминается въ преданіяхъ о томъ или другомъ родичѣ Тургеневскаго рода. Варвара Петровна познакомилась съ Тургеневымъ въ Орлѣ, и, по нѣкоторымъ разсказамъ, сама вызвала предложеніе со стороны красиваго офицера, врядъ ли разсчитывавшаго на такую завидную

партію, а, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и вовсе не желавшаго жениться па некрасивой и уже весьма зрѣлой дѣвицѣ, хотя бы и богатой. Потребовалось будто бы вмѣшательство отца. Внѣшность юнаго гвардейца, дѣйствительно, была обаятельна, но этимъ и ограничивались замѣчательныя качества избранника Варвары Петровны. Однажды заграницей она встрѣтилась съ владѣтельной нѣмецкой принцессой. Оказалось, этой принцессѣ когда-то былъ представленъ Сергѣй Николаевичъ. Теперь принцесса случайно увидѣла на рукѣ Тургеневой браслетъ съ портретомъ красиваго офицера и обратилась къ ней съ такими словами: „Вы—жена Тургенева, я его помню; послѣ императора Александра I я не видала никого, красивѣе вашего мужа“.

Въ этой красотѣ было нѣчто, не особенно лестное для мужчины. Другъ Тургенева, видѣвшій портретъ его отца, такъ излагаетъ свои впечатлѣнія. „Онъ глядитъ еще юношей лѣтъ 26, хорошъ собой, и—странно—не смотря на удивительные темные глаза, смѣлые и мужественные, такъ и кажется, что это не мужчина, а дама или даже камелія, наряженная въ бѣлый конно-гвардейскій мун-диръ и въ галстухѣ, который безъ всякаго узелка или бантика обматываетъ ея бѣлую лебединую шею, и такъ высоко, что слегка подпираетъ ей подбородокъ. Взглядъ какой-то русалочій—свѣтлый и загадочный; чувственныя губы и едва замѣтная усмѣшка“.

Иванъ Сергѣевичъ, повидимому, неохотно вспоминалъ о своемъ отцѣ, но когда это случалось, онъ съ полной искренностью опредѣлялъ преобладавшую черту его характера: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ“, и въ доказательство разсказывалъ одинъ изъ подвиговъ: „ловца“,—мгновенное подчиненіе женщины своей волѣ—дерзкой и непреодолимой. Разсказъ *Первая любовь*, вдохновленъ Тургеневу семейными преданіями и здѣсь „ловецъ“ прославляетъ свободу, волю и власть.

Тургеневъ-отецъ своимъ общественнымъ положеніемъ былъ обязанъ исключительно выгодной женитьбѣ. Послѣ него, по словамъ сына, осталось всего 130 душъ разстроенныхъ и не дававшихъ дохода. Блестящая барская жизнь, послѣдовавшая послѣ свадьбы, доставляла гораздо больше удовольствій мужу, чѣмъ женѣ. Наклонности Сергѣя Николаевича не ослабѣвали съ годами; врядъ ли въ этой семьѣ царствовало счастье. Варвара Петровна никогда не отличалась ни красотой, ни привлекательностью,—и ко времени замужества молодость уже давно отошла въ область тяжелыхъ воспоминаній.

У Тургеневыхъ было трое сыновей—Николай, Иванъ и Сергѣй. Послѣдній умеръ восемнадцати лѣтъ отъ падучей болѣзни. Любимымъ ребенкомъ считался Иванъ, но въ дѣйствительности такое завидное положеніе являлось злѣйшей насмѣшкой.

Громадный старинный домъ Тургеневыхъ въ сорокъ комнатъ представлялъ изъ себя гнѣздо всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ и тѣлесныхъ мученій. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ часто весьма хитрыхъ и тонкихъ способовъ мучительства, какіе изобрѣтались госпожей. Память иныхъ очевидцевъ, можетъ быть, здѣсь и прикрасила дѣйствительность, но основа разсказовъ остается неизмѣнно правдивой. Преданнѣйшіе слуги не были ограждены отъ страшныхъ обидъ и огорченій. У Варвары Петровны былъ старый дворецкій Поляковъ, вмѣстѣ съ женой служившій ей всю жизнь съ безпримѣрнымъ усердіемъ. Въ награду его едва не убили наслѣдственнымъ костылемъ Лутовиновыхъ и все-таки разжаловали и сослали въ дальнюю деревню. Жену того же Полякова измучили злѣйшей мукой, запрещая держать при себѣ и кормить своихъ дѣтей. Барыня старалась мучить именно того, кто ближе всего стоялъ къ ней, и въ случаѣ защиты съ чьей-либо стороны, грозная опала распространялась и на виноватыхъ, и на защитниковъ. Особенное негодованіе госпожи возбуждалъ тотъ, кто начиналъ пользоваться любовью, расположеніемъ другихъ. Тогда придиркамъ, утонченнымъ издѣвательствамъ не было конца. Здѣсь ни во что ставили человѣческія слезы и человѣческое счастье. Разбить чужое чувство, однимъ мановеніемъ руки разрушить надежду всей жизни, одной прихотью обездолить цѣлую семью казалось своего рода праздникомъ, торжествомъ власти... Сколько совершалось здѣсь драмъ день за днемъ, никѣмъ незримыхъ, никому невѣдомыхъ!.. Незримыхъ и невѣдомыхъ многіе годы, но настало время, явился и въ этомъ мірѣ человѣкъ, собравшій и взвѣсившій капли непризнанныхъ слезъ...

Тяжело было дѣтство Ивана Сергѣевича. Въ груди ребенка билось чуткое впечатлительное сердце, жаждавшее тепла и ласки, а кругомъ ужасный домъ, наполненный грозными призраками и, кажется, еще болѣе грозными или равнодушными и забитыми живыми людьми. Здѣсь не понимаютъ стремленій, сродныхъ дѣтской душѣ. Мать не знала дѣтства. Она стала помнить себя сиротой, прошла жизнь въ школѣ одиночества и гнета. Трудно было снизойдти послѣ такого пути до пристальнаго наблюденія надъ міромъ ребенка, повидимому, малымъ и ограниченнымъ, но для любящаго взора исполненнымъ чарующихъ тайнъ и чудесъ... А между тѣмъ, здѣсь развивался и міръ исключительный, міръ будущаго великаго художника, безконечно богатый своеобразными ощущеніями, темными, едва уловимыми намеками, нѣжнѣйшими побѣгами,—всѣмъ, чему суждено впослѣдствіи именоваться геніемъ и творчествомъ. Но здѣсь никого нѣтъ, кто бы даже въ лучшія минуты неясныхъ предчувствій почуялъ грядущую

силу. Напротивъ. Здѣсь все сдѣлаютъ, чтобы заглушить и искоренить божественную искру... Только чудная сила, породившая благороднаго проповѣдника человѣчности и мысли въ царствѣ насилія и мрака, выведетъ къ свѣту свое избранное дѣтище...

Варвара Петровна знала одно воспитательное средство—розгу. „Драли меня", разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, „за всякіе пустяки чуть не каждый день... Разъ одна приживалка, уже старая, Богъ ее знаетъ, что она за мной поглядѣла, донесла на меня моей матери. Мать безъ всякаго суда и расправы тотчасъ же начала меня сѣчь,—сѣкла собственными руками, и на всѣ мои мольбы, сказать, за что меня наказываютъ, приговаривала: самъ знаешь, самъ долженъ знать, самъ догадайся, самъ догадайся, за что я сѣку тебя".

На другой день ребенокъ окончательно отказался угадать свою вину. Тогда наказаніе повторили и обѣщали повторять его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается въ своемъ преступленіи. Мнимый преступникъ пришелъ въ смертный ужасъ. Ему представился единственный путь спасенья—бѣгство изъ родного дома. И вотъ какъ онъ самъ впослѣдствіи описывалъ свое настроеніе. Планъ бѣгства, конечно, приводился въ исполненіе ночью...

„Я уже всталъ, потихоньку одѣлся и въ потемкахъ пробирался корридоромъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать,—только чувствовалъ, что надо убѣжать и убѣжать такъ, чтобы не нашли и что это единственное мое спасеніе. Я крался, какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая. Какъ вдругъ въ корридорѣ появилась зажженная свѣчка, и я къ ужасу моему увидѣлъ, что ко мнѣ кто-то приближается—это былъ нѣмецъ, учитель мой. Онъ поймалъ меня за руку, очень удивился и сталъ меня допрашивать.—Я хочу бѣжать, сказалъ я и залился слезами—Какъ, куда бѣжать?—Куда глаза глядятъ.—Зачѣмъ?—А за тѣмъ что меня сѣкутъ, и я не знаю, за что сѣкутъ.—Не знаете?—Клянусь Богомъ, не знаю.

„Тутъ добрый старикъ обласкалъ меня, обнялъ и далъ мнѣ слово, что больше наказывать меня не будутъ.

„На другой день, утромъ, онъ постучался въ комнату моей матери и о чемъ-то долго съ ней наединѣ бесѣдовалъ. Меня оставили въ покоѣ".

Любопытно положеніе отца въ подобныхъ исторіяхъ. Отецъ съ такою же легкостью, какъ и мать, повѣрилъ наговору приживалки и не подумалъ разслѣдовать дѣло,—напротивъ, къ горькимъ чувствамъ ребенка прибавилъ еще свои укоризны въ столь ранней испорченности. Съ этой стороны было полное равнодушіе къ духовному развитію сына, и всякая карающая мѣра, къ чему бы она ни примѣнялась, встрѣчала, очевидно, сочувствіе...

Въ дѣтствѣ Иванъ Сергѣевичъ отличался одной способностью, въ высшей степени привлекательной и отрадной, но въ Спасскомъ домѣ производившей впечатлѣніе какого-то злого духа. Ребенокъ былъ крайне искрененъ и откровененъ. Врожденная впечатлительность на каждомъ шагу подвергала его жестокой опасности—обмолвиться некстати преступнымъ замѣчаніемъ. Тургеневъ передаетъ на этотъ счетъ нѣсколько далеко не всегда забавныхъ приключеній. Всѣ они относятся къ шести-семилѣтнему возрасту.

Разъ его представили весьма почтенному старцу и предупредили, что это сочинитель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Ребенокъ прочелъ передъ авторомъ одну изъ его басенъ, но не удовлетворился одной декламаціей,—ему захотѣлось высказать свой критическій взглядъ, и онъ прямо въ глаза достопочтенному старцу брякнулъ:

„Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова—гораздо лучше". Легко представить ужасъ матери юнаго критика. Она „такъ разсердилась", разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „что высѣкла меня и этимъ закрѣпила во мнѣ воспоминаніе о свиданіи и знакомствѣ, первомъ по времени,—съ русскимъ писателемъ".

Другой случай еще драматичнѣе, и на этотъ разъ бѣда произошла все отъ той же наклонности мальчика—высказывать свои личные взгляды. Его представили важной старухѣ, свѣтлѣйшей княгинѣ Голенищевой-Кутузовой-Смоленской. Ребенка поразила оригинальная внѣшность княгини. Ему вдругъ представилась икона какой-либо святой древняго письма, почернѣвшая отъ времени. Онъ оказался не въ силахъ проникнуться благоговѣйнымъ почтеніемъ, какое выказывали къ старухѣ его мать и всѣ окружающіе, и откровенно заявилъ знатной барынѣ: „ты совсѣмъ похожа на обезьяну"...

Послѣдовало, конечно, новое возмездіе...

Всѣ эти случаи изъ дѣтской жизни Тургенева и отношенія къ ребенку родителей близко напоминаютъ дѣтство другого великаго русскаго писателя. Иванъ Сергѣевичъ до самой смерти хранилъ глубочайшее благоговѣніе предъ памятью Пушкина. Онъ считалъ его своимъ учителемъ,хотѣлъ завѣщать—похоронить себя у ногъ поэта, и не сдѣлать этого только потому, что считалъ это мѣсто вѣчнаго упокоенія для себя слишкомъ почетнымъ, незаслуженнымъ... Восторженное сочувствіе къ Пушкину любопытно во многихъ отношеніяхъ. Независимо отъ геніальнаго творчества, Пушкинъ производилъ исключительное впечатлѣніе на своего ученика—личностью и личной судьбой. Недаромъ Иванъ Сергѣевичъ взялъ на себя крайне отвѣтственный трудъ—внести свѣтъ въ послѣдній актъ пушкинской драмы, издалъ его письма къ женѣ,—и достигъ цѣли. Русская публика впервые съ

совершенной ясностью увидѣла страдальческій образъ своего поэта-страдальца, лишеннаго прочной отрады, яснаго счастья, даже сознательнаго признанія тамъ, гдѣ были сосредоточены его задушевнѣйшія мечты о мирѣ и любви,—въ своей семьѣ. Страданія, пережитыя великимъ человѣкомъ, стали достояніемъ общества. Самъ издатель писемъ могъ почувствовать въ этой судьбѣ нѣчто, гораздо болѣе близкое, для себя родное, чѣмъ всѣ другіе читатели. Мы увидимъ,—жесточайшая изъ драмъ,—драма одиночества—съ одинаковой силой тяготѣла надъ жизнью и Тургенева, и Пушкина. Для того и другого поэта драма началась съ самаго дѣтства. Эта общая участь могла только сообщить повышенную горячность и глубину восторгамъ ученика предъ талантомъ и личностью учителя.

Дѣтство Пушкина такое же безпріютное, заброшенное, какъ и дѣтство Тургенева. Пушкинъ, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, живетъ одинъ съ своими думами, впечатлѣніями, къ нему не только не идутъ на встрѣчу съ привѣтомъ, съ искреннимъ желаніемъ понять запросы его просыпающагося сознанія; напротивъ, надъ нимъ издѣваются, укоряютъ его за некрасивую внѣшность, неизящныя манеры, неповоротливость. Ребенокъ во мнѣніи родителей вдругъ попадаетъ въ разрядъ дѣтей съ извращенной природой. Уѣзжая изъ родного дома на двѣнадцатомъ году жизни, Пушкинъ увозитъ самое дорогое воспоминаніе не о людяхъ, ближайшихъ ему по рожденію, а о простой безграмотной крѣпостной слугѣ, нянѣАринѣ Родіоновнѣ...

Вотъ кто лелѣялъ первые проблески нравственнаго развитія будущаго поэта! Историку русской литературы придется признать великое значеніе въ жизни не одного русскаго писателя—за крѣпостными слугами. Только изъ этой среды до барскихъ дѣтей долетало вѣяніе *русской* жизни, только отъ этихъ людей они слышали родныя преданія, родную рѣчь, только въ ихъ обществѣ научались любить родной языкъ, нравы, вѣрованія, радости и горе своего народа. Въ безсмертной поэтической дѣятельности Пушкина посѣяно неизмѣримо больше плодотворныхъ сѣмянъ няней ребенка, чѣмъ его отцомъ и матерью, больше чѣмъ призванными руководителями его дѣтства. Сколько сердечныхъ привѣтствій высказано поэтомъ этой „подругѣ юности“!.. Какія искреннія сожалѣнія были вызваны ея кончиной и какимъ отраднымъ умиротворяющимъ свѣтомъ сіяла память чудной старушки для ея питомца до послѣднихъ его дней! Это одна изъ трогательнѣйшихъ страницъ, но за ней слышится громкій упрекъ—равнодушію и легкомыслію другихъ людей...

Подобную участь испыталъ Тургеневъ. У него, какъ и у Пушкина, въ теченіи раннихъ лѣтъ ученья, смѣнилось множество гувер-

перовъ и учителей, конечно, иностранцевъ. Все это были наемники, одной ступенью только стоявшіе выше обыкновенной прислуги. Такъ на нихъ и смотрѣли господа, такъ къ нимъ относилась даже дворня, Иванъ Сергѣевичъ разсказываетъ о пріѣздѣ одного изъ такихъ учителей въ Спасское. На этотъ разъ учитель бѣлъ нѣмецъ и съ перваго же шага показалъ себя на чужой взглядъ чудакомъ. Съ нѣмцемъ пріѣхала самая простая, обыкновенная, даже неученая ворона. Многочисленная дворня сбѣжалась взглянуть на диковиннаго гостя и недоумѣвала, зачѣмъ нѣмецъ привезъ ворону, когда этого добра сколько угодно было на господскомъ дворѣ. Но самъ хозяинъ усердно суетился съ своей птицей.

„Старикъ дворовый, разсказывалъ Тургеневъ, глядя на его суетню, флегматически замѣтилъ: „ахъ ты, фуфлыга“, обращая эпитетъ, конечно, къ нѣмцу. Нѣмецъ обидѣлся, задумался, и на другой день за завтракомъ или обѣдомъ неожиданно обратился къ отцу моему и, весьма плохо объясняясь по-русски, заявилъ ему, что онъ имѣетъ спросить его по одному предмету:

„—Позвольте у васъ узнать, что значитъ слово *фуфлыга?* Меня вчера назвалъ вашъ человѣкъ этимъ словомъ?

„Отецъ взглянулъ на тутъ же бывшаго дворового и на меня съ братомъ, догадался въ чемъ дѣло, улыбнулся и сказалъ:

„—Это значитъ живой и любезный господинъ.

„Видимо, что нѣмецъ не очень-то повѣрилъ этому объясненію.

„—А еслибъ вамъ сказали,—продолжалъ онъ,—обращаясь къ отцу моему: ахъ, какой вы фуфлыга! вы не обидѣлись бы?

„—Напротивъ, я принялъ бы это за комплиментъ“.

Нѣмецъ оказался однимъ изъ самыхъ щепетильныхъ воспитателей. Другимъ его качествомъ была крайняя чувствительность. Онъ не могъ читать безъ слезъ произведеній Шиллера. И всетаки этотъ чувствительный, самолюбивый наставникъ русскаго юношества обнаружилъ совершенное отсутствіе какой бы то ни было учительской подготовки. Ее и трудно было пріобрѣсти: до вступленія на новое поприще—нѣмецъ былъ сѣдельникомъ. Его скоро уволили.

Увольненіе гувернеровъ и наставниковъ въ спасскомъ домѣ происходило не всегда мирнымъ путемъ. Съ однимъ нѣмцемъ случилось трагическая исторія. Однажды Сергѣй Николаевичъ вздумалъ взглянуть на классныя занятія дѣтей и поднялся въ ихъ комнату. Какъ разъ въ эту минуту наставникъ, выведеный изъ терпѣнія старшимъ ученикомъ, схватилъ его за волосы. Тургеневъ засталъ сцену въ самомъ разгарѣ, бросился на учителя, приподнялъ его за воротъ на воздухъ и сбросилъ съ лѣстницы второго этажа. Несчастный немедленно былъ выселенъ изъ господскаго дома.

При такихъ условіяхъ шло просвѣщеніе молодыхъ барчуковъ. Иванъ Сергѣевичъ все-таки успѣлъ познакомиться на урокахъ чувствительнаго нѣмца съ нѣмецкой литературой. Врядъ ли это знакомство могло быть особенно глубокимъ, тѣмъ болѣе, что частая смѣна учителей, несомнѣнно, мѣшала прочному порядку преподаванія.

Главнѣйшимъ учителемъ Ивана Сергѣевича оказался дворовый человѣкъ.

Русскій языкъ былъ почти изгнанъ изъ обихода въ господскомъ домѣ Тургеневыхъ. Варвара Петровна по русски говорила только съ прислугой, но и среди прислуги было не мало „образованныхъ людей", т. е. говорившихъ на одномъ и даже двухъ иностранныхъ языкахъ. Крѣпостной фельдшеръ, исполнявшій обязанности домашняго врача, прекрасно говорилъ по нѣмецки, дворецкій Поляковъ говорилъ и писалъ по французски. Все молодое поколѣніе господъ обязано было думать и молиться на французскомъ языкѣ, даже молитва предъ причастіемъ во время говѣнья произносилась на томъ же языкѣ. Это господство иноземнаго языка уживалось рядомъ съ первобытными личными и общественными отношеніями. Питомцы крѣпостныхъ порядковъ не находили здѣсь ни малѣйшаго противорѣчія; напротивъ, въ унизительномъ положеніи народа видѣли даже оправданіе для своего презрѣнія къ народному языку и народной жизни. Въ такомъ быту приходилось дѣйствовать русской литературѣ Мало того. Именно здѣсь, въ пестрой, полудикой средѣ должны были развернуться силы великихъ дѣятелей *народнаго* слова. Пушкинъ русскую рѣчь услышалъ отъ няни, Тургеневъ—отъ двороваго слуги.

Ѳедоръ Ивановичъ Лобановъ навсегда остался близкимъ довѣреннымъ человѣкомъ Ивана Сергѣевича и завѣдывалъ многими его дѣлами, напримѣръ, такимъ незауряднымъ вопросомъ, какъ дѣловыя отношенія Тургенева къ матери его дочери. У Варвары Петровны онъ исполнялъ должность домашняго секретаря,—и совершенно независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей принялся обучать Ивана Сергѣевича русской грамотѣ. Это была неоцѣненная услуга, и Тургеневъ не забывалъ ея до конца своей жизни. Обученіе происходио довольно своеобразнымъ путемъ. Лобановъ уводилъ барчука въ садъ, и начиналъ читать ему *Россіаду*, поэму Хераскова. „Каждый стихъ этой поэмы", разсказывалъ Тургеневъ, „онъчиталъ сначала, такъ сказать, *начерно*, скороговоркою а затѣмъ тотъ же стихъ читалъ *набѣло*, громогласно съ необыкновенною восторженностью. Меня чрезвычайно занималъ вопросъ и вызывалъ на размышленія, что значить прочитать сначала *начерно* и каково отлично чтеніе *набѣло*, велегласное. Любилъ я слушать *Россіаду*, и для меня было большимъ наслажде-

ніемъ, когда, пашъ доморощенный чтецъ-декламаторъ позоветъ меня, бывало, въ садъ въ сотый разъ вслушиваться въ чтеніе его отрывковъ изъ тяжеловѣстнаго произведенія Хераскова".

Воспоминаніями объ этомъ рѣкостномъ любителѣ отечественной литературы Тургеневъ воспользовался въ своемъ разсказѣ *Пунинъ и Бабуринъ*. Здѣсь впечатлѣнія передаются съ такой искренностью, съ такой сердечностью, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ смыслѣ для самого автора. Здѣсь даже повторяются тѣ самыя черты, какія Тургеневъ приписывалъ своему подлиному учителю. Страница изъ разсказа—одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ біографическихъ документовъ. Мы напомнимъ ее читателямъ. Весь разсказъ ведется отъ лица самого дѣйствующаго лица.

„Разсказы Пунина занимали меня чрезвычайно, но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мной. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый духъ, появлялся передо мною съ извѣстной книгой подъ мышкой, и украдкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, откуда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ мысидимъ уже рядомъ, вотъ уже и книга медлено разскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плѣсени и старья! съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лоцо, въ гуоы Пунина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ польется сладостная рѣчь! Раздаются, наконецъ, первые звуки чтеніи! Все вокругъ исчезаетъ... нѣтъ, не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго? Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокія травы заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остальнсго міра; никто не знаетъ, гдѣ мы, что мы—а съ нами поэзія, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у насъ происходитъ важное великое, тайное дѣло... Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ—звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса, какъ бы бормоча... Это онъ называлъ читать начерно; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ набѣло и вдругъ

вскочитъ, подниметъ руки, не то молитвенно, не то повелительно... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова, и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу)- но даже *Россіаду* Хераскова! И правду говоря, она-то, эта самая *Россіада* меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только она упоминалась. „Да", говаривалъ, бывало, Пунинъ, значительно кивая головою: „Херасковъ—тотъ спуску не дастъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ—просто, зашибетъ... Только держись!.. Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ вонъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ! Зато ужъ и имя ему дано одно слово: Херрасковъ!!" Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію но даже считали стихи, особенно русскіе стихи за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а „кантами"; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣмію, либо пьяница горькій, либо, круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвергнуться отъ Пунина—онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки,—либо увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или какъ выражалась бабушка воспѣвать канты... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка.

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкалъ...

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья„.

Помѣщица, бабушка въ разсказѣ, списана съ Варвары Петровны; разсказывается даже случай, тождественный съ горькой участью крестьянскихъ парней, сосланныхъ на поселеніе на невниманіе къ госпожѣ. И убѣжденія бабушки одинаковы съ правилами Варвары Петровны.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ съ точностью опредѣлить подлинникъ Пунина. По однимъ свѣдѣніямъ, это можетъ быть Лобановъ, по другимъ, камердинеръ Варвары Петровны, Михайла Филиппович.

По крайней мѣрѣ послѣдній постоянно обращался къ воспитанницѣ Варвары Петровны съ упрекомъ, что она читаетъ французскія книжки и рекомендовалъ почитать Хераскова. Михайло Филипповичъ отличался многими странностями, но ни одна изъ нихъ не напоминаетъ Пунина. Но это, частный вопросъ. Важенъ фактъ перваго знакомства будущаго геніальнаго писателя съ русскимъ словомъ при посредствѣ крѣпостного слуги...

Такой задушевный образъ сопровождалъ дѣтство будущаго писателя! Есть что-то трогательное въ этомъ раннемъ союзѣ простодушія взрослаго грамотника, безхитростныхъ восторговъ предъ стариннымъ произведеніемъ родной литературы, и посыпающейся страстной любви ребенка къ родному слову. Тургеневъ не находилъ словъ выразить своего восторга предъ силой и блескомъ русскаго языка. Ему казалось, въ этомъ сокровищѣ заключены для русскаго народа неисчерпаемыя надежды—на высокое развитіе его силъ. Такъ думалъ великій писатель въ концѣ своего славнаго пути. Начало этого пути въ высшей степени скромно: искусственная, напышенная рѣчь стараго піиты въ устахъ полуграмотнаго крестьянина. Такова сущность дѣла, но безъ этой рѣчи, и, главное, безъ этого крестьянина чужой языкъ, чужіе звуки безраздѣльно владѣли бы мыслью и впечатлѣніями ребенка...

Такъ прошли первые годы дѣтства. Эту пору привыкли рисовать въ свѣтлыхъ краска хъ, и она дѣйствительно должна бы для всѣхъ быть самой свѣтлой и радостной порой жизни. Но не всѣмъ выпадаетъ такое счастье. Иванъ Сергѣевичъ не попалъ въ число счастливыхъ. Его дѣтскія впечатлѣнія безотрадны, часто мучительны. Уже на склонѣ лѣтъ онъ шаго не могъ сдѣлать въ своемъ спасскомъ домѣ, чтобы не вспомнить какой-либо подвигъ своей матери. Всѣ подвиги были въ одномъ направленіи. Достаточно вспомнить одинъ.

Варвара Петровна гуляла въ саду. Въ это время здѣсь работало двое крестьянскихъ парней. Они не поклонились госпожѣ, когда она проходила мимо ихъ. Немедленно—послѣдовало распоряженіе сослать преступниковъ въ Сибирь. Иванъ Сергѣевичъ ребенкомъ былъ свидѣтелемъ заключительной сцены.

„Вотъ у этого окна“, разсказывалъ онъ, „сидѣла моя мать; было лѣто, и окно было отворено, и я былъ свидѣтелемъ, кокъ эти ссылаемые въ Сибирь, наканунѣ ссылки подходили къ окну съ обнаженными понурыми головами, для того, чтобы ей откланяться и проститься съ ней“.

Другихъ впечатлѣній было немного. Тургеневъ припоминалъ кое-что изъ роскошной шумной жизни своихъ родителей. Особенно обширный спасскій садъ вызывалъ въ его памяти былыя сцены и образы. Иванъ Сергѣевичъ даже въ старости могъ припомнить теат-

ральныя представленія, дававшіяся въ этомъ саду, конечно, на французскомъ языкѣ, толпу гостей, разноцвѣтную иллюминацію, музыку доморощеннаго оркестра. Но пѣсни крестьянскихъ хороводовъ доставляли ему едва ли не больше удовольствія: по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени онѣ „радовали его до глубины души". Онъ усиливался передать на французскій языкъ неподдѣльную и неподатливую красоту русскихъ народныхъ пѣсенъ, чтобы очаровать Полину Віардо ихъ „граціей, поэзіей и свѣжестью". Во время предсмертнаго пребыванія въ Спасскомъ эти пѣсни оставались для него все тѣмъ же роднымъ поэтическимъ наслажденіемъ. Начало всего этого—дѣтскія впечатлѣнія. Ребенокъ хотѣлъ войти въ жизнь далекаго крестьянскаго міра, и прирожденная художественная чуткость подсказывала ему мысли и чувства, недоступныя другимъ. Съумѣлъ же онъ впослѣдствіи воспроизвести судьбу нѣмаго Герасима. Это—подлинная быль: случилась она съ *Андреемъ*, дворовымъ человѣкомъ Варвары Петровны. Иванъ Сергѣевичъ удержалъ почти всѣ дѣйствительныя подробности, и онѣ всѣмъ были извѣстны. Но только онъ съумѣлъ проникнуть въ душу одинокаго бѣдняка, только онъ у нѣмаго подслушалъ грозную сердечную муку, только онъ понялъ и разсказалъ для всѣхъ скрытыя и всѣми обойденныя страданія... Такая способность растетъ вмѣстѣ съ личными опытами, и ясно представляется намъ, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ ребенокъ присматривается къ жизни кругомъ него, какая работа разнообразнѣйшихъ ощущеній день за днемъ творится въ немъ, сколько боли испытываетъ это еще дѣтское сердце, сколько затаеннаго страха за другихъ, сколько невольнаго состраданія къ гонимымъ и безсильнаго негодованія на гонителей!..

Одинъ мелкій примѣръ можетъ свидѣтельствовать, какъ безнадежно томится одинокая пытливая мысль, загорѣвшаяся въ этой безучастной средѣ.

Ребенокъ страшно боится матери, „боится, какъ огня", но онъ преодолѣваетъ даже этотъ страхъ, когда дѣло касается его „вопросовъ".

Разъ за обѣдомъ кто-то завелъ рѣчь о томъ, какъ зовутъ дьявола. Никто не могъ сказать, зовутъ ли его Вельзевуломъ или Сатаною, или еще какъ-нибудь иначе. Присутствовавшій при разговорѣ Иванъ Сергѣевичъ, воскликнулъ, ощущая въ то же время невольный испугъ.

— Я знаю, какъ зовутъ.

— Ну, если знаешь, говори,—отозвалась мать.

— Его зовутъ „Мемъ"

— Какъ! повтори, повтори!

— Мемъ.

— Это кто тебѣ сказалъ? откуда ты это выдумалъ?

— Я не выдумалъ, я это слышу каждое воскресенье у обѣдни.

— Какъ такъ у обѣдни?

— А во время обѣдни выходитъ дьяконъ и говоритъ: вонъ, Мемъ! Я такъ и понялъ, что онъ изъ церкви выгоняетъ дьявола и что зовутъ его Мемъ. „Удивляюсь", прибавлялъ Иванъ Сергѣевичъ, „какъ меня за это не высѣкли"... Неописанное толкованіе славянскаго слова вызвало смѣхъ взрослыхъ, и на этотъ разъ разсужденія ребенка прошли безнаказанно.

Далеко не всегда такъ благосклонно и снисходительно относились взрослые къ безправному члену своей семьи. Ребенокъ, несомнѣнно, предпочиталъ про себя хранить свои сомнѣнія или, можетъ быть, велъ съ Лобановымъ такого рода бесѣды, какія описываются въ разсказѣ *Пунинъ и Бабуринъ*. Если литературный образъ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному подлиннику, если восторги Пунина предъ красотами природы были доступны и учителю Ивана Сергѣевича—у слуги и молодого господина было много общихъ вкусовъ.

Иванъ Сергѣевичъ до послѣднихъ дней любилъ Спасское, молодой мечтающей любовью и часто говорилъ о немъ какъ Пушкинъ о Михайловскомъ. У Пушкина воспоминанія о Михайловскихъ рощахъ цѣлая авто-біографія—поэтическая и глубокая. Здѣсь и безпечная первая молодость, и первые жадные запросы къ жизни, и смѣнившая ихъ усталость и горечь... Тоска Тургенева на послѣдокъ жизни по незамѣнимой родной деревнѣ полна такого же чувства. Онъ помнитъ всѣ подробности, часовню, дубъ, радуется, когда ему посылаютъ вмѣстѣ съ письмомъ листья и цвѣты изъ Спасскаго села. О продажѣ Спасскаго онъ и слышать не хочетъ. „Продать Спасское значитъ для меня лечь въ гробъ"... Онъ убѣжденъ,—даже такой ключевой воды во всемъ мірѣ нѣтъ, какъ въ Спасскомъ. Это—безотчетная, годами укоренившаяся привязанность къ родному мѣсту, гдѣ одинаково памятна и дорога каждая мелочь...

Такое чувство воспитывается дѣтствомъ. Эта часовня, этотъ садъ не разъ были свидѣтелями одинокихъ огорченій ребенка, не разъ въ ихъ сумракѣ онъ таилъ свои думы и свое горе, не разъ—среди простора равнодушной но властно влекущей природы—искалъ радостей своему художественному чувству и забывалъ свои раннія невзгоды. Позже онъ разсказывалъ, какъ часто, подвергнутый жестокому наказанію, высѣченный или лишенный обѣда, онъ уходилъ въ садъ, долго бродилъ, обливаясь безмолвными слезами, глотая ихъ съ какимъ-то „горькимъ наслажденьемъ". Сколько воспоминаній навсегда осталось въ этомъ саду! Много лѣтъ спустя они нахлынутъ на Тургенева въ

лѣтнее утро, когда онъ войдетъ въ садъ послѣ долгой разлуки съ нимъ, послѣ многолѣтней жизни въ чужихъ краяхъ! Вотъ дерево, гдѣ онъ—будущій страстный охотникъ—убилъ въ первый разъ ворону, вотъ мѣсто, гдѣ онъ нашелъ грибъ необыкновенной величины, а вотъ гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ борьбы ужа и жабы: борьба эта, говоритъ онъ, впервые заставила его усомниться въ благомъ Провидѣніи... Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ старательно будетъ описывать окрестности своего Спасскаго. Одинъ изъ разсказовъ *Бѣжинъ лугъ* подробно воспроизведётъ извѣстную мѣстность; въ романѣ *Рудинъ* повторится то же самое, и—повсюду—особенно въ *Запискахъ охотника* авторъ разсѣетъ черты и краски, списанныя съ родной природы... Надо было наблюдать ее годами, съ врожденнымъ пониманіемъ ея мѣстныхъ красотъ, надо чувствовать кровныя связи съ ней, чтобы воспроисводить ея жизнь такой увѣренной, такой тонкой, неистощимой кистью.

Здѣсь каждая подробность—подлинная. Ни одной выдумки, ничего, созданнаго воображеніемъ. Какъ понималъ и какъ описывалъ Тургеневъ свою природу—покажетъ одинъ, на первый взглядъ незначительный примѣръ. Мы увидимъ, изъ какихъ простыхъ наблюденій слагались художественныя впечатлѣнія будущаго писателя.

„Я... быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма растилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана; она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ, гдѣ-то далеко въ равнинѣ, раздался звонкій голосъ мальчика. „Антропка! Антропа-а-а!..“ кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдніе слоги.

„Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чуткодремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другого свѣта пронесся едва слышный отвѣтъ:

„— Чего-о-о-о-о?

„Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

„— Иди сюда, чортъ, лѣші-і-ій!

„— Зачѣ-ѣ-ѣмъ?—отвѣтилъ тотъ, спустя долгое время.

„— А затѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-тъ,—поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

„Второй голосъ больше не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его, болѣе и болѣе рѣдкіе и

слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я огибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки.

„Антропка-а-а!“ все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи“.

Единственная картина по своей несравненно-простой художественной красотѣ. А между тѣмъ, сколько спокойствія и жизненной правды въ краскахъ! Какъ мало словъ и какъ мало предметовъ! И въ нѣсколькихъ строкахъ живетъ обаятельный міръ, увлекающій насъ полнотой чувства и богатствомъ содержанія. Ничего не можетъ быть незамысловатѣе: мгла вечерняго тумана, забавно-будничное лицо—крестьянскій мальчикъ,—и страницы великолѣпнѣйшихъ стихотворныхъ изліяній не вытѣснятъ изъ вашей памяти этого *Антропки*...

Не вызываетъ ли невольно въ вашемъ представленіи эта картина другой такой же простой, но такой же жизненной и душистой, столь же исполненной чувства и смысла? Этотъ лѣтній вечеръ, мирно покоющаяся поляна, два крестьянскихъ мальчика,—все это наполняло лучшія минуты, пережитыя Тургеневымъ въ дѣтствѣ. Природа и народная жизнь—не блестящая, не кричащая, но приковывающая дѣтское сердце задушевностью и своеобразной красотой,—единственные источники первыхъ дѣтскихъ радостей, единственное облегченіе среди людскихъ неправдъ и насилій. Впослѣдствіи, когда разовьются силы, Тургеневъ почувствуетъ настоятельную необходимость покинуть домъ матери, уйти, чтобы не видѣть чужихъ страданій: Эти страданія преслѣдуютъ его съ самаго начала, съ первой минуты сознанія. Куда же онъ спасается ребенкомъ, гдѣ перемогаетъ онъ въ своемъ сердцѣ жестокія будни, проходящія передъ его глазами? Перемѣнить ихъ онъ не въ силахъ, борьба остается для него чаще всего безплодной, приноситъ даже лишнія огорченія тѣмъ, кого онъ стремится защитить... И вотъ, безпомощный, лично оскорбляемый, одинокій, онъ уходитъ въ тотъ самый садъ, къ той самой часовнѣ, къ тому самому дубу, которымъ незадолго передъ смертью издалека онъ шлетъ поклоны. Сколько отрады приносятъ ребенку въ такія минуты мирныя картины природы и простого народнаго быта!. Впослѣдствіи, вспоминая раннюю молодость,—онъ будетъ называть „вкусными часами“ часы, проведенныя въ мечтательномъ созерцаніи природы, когда малѣйшій „шумъ земли“ достигалъ напряженнаго поэтическаго слуха и когда не хватило бы словъ выразить всю полноту ощущеній...

И мы не должны психологическій и художественный талантъ писателя ограничивать опредѣленнымъ періодомъ жизни, начинать его исторію съ болѣе или менѣе зрѣлаго возраста. Напротивъ. Именно

для художественнаго дарованія богатѣйшій источникъ—самыя раннія впечатлѣнія, собранныя и пережитыя безсознательно, непроизвольно въ годы наивысшей отзывчивости на каждую мелочь окружающей жизни. Диккенсъ придаетъ значеніе впечатлѣніямъ, оставшимся въ его памяти съ *двухлѣтняго* возраста. Но Диккенсъ самъ подробно разсказалъ свою жизнь. Мы не знаемъ въ точности, какія именно раннія дѣтскія впечатлѣнія вошли въ творчество Тургенева—во всякомъ случаѣ такихъ впечатлѣній множество. *Записки охотника*—плодъ личнаго опыта, личныхъ воспоминаній, идущихъ съ самаго ранняго возраста. Они въ полномъ смыслѣ—крикъ облегченія послѣ длиннаго ряда лѣтъ духоты и вынужденнаго терпѣнія...

Одиночество Тургенева въ родной семьѣ особенно должно было развивать наблюдательность, вдумчивыя сострадательныя настроенія и все это сказалось въ первомъ произведеніи Тургенева, направленномъ на защиту жертвъ крѣпостного права. Другіе поэты, напримѣръ изъ русскихъ—Лермонтовъ, разсказали о чувствахъ, пережитыхъ ими въ ранніе годы. Тургеневъ не разсказалъ, и мы можемъ только угадывать направленіе и богатство его нравственной жизни въ дѣтствѣ. Въ основныхъ чертахъ здѣсь недоразумѣнія невозможны: позднѣйшія свидѣтельства слишкомъ краснорѣчивы и опредѣленны. Мы хотѣли намѣтить пути, какими направлялась внутренняя работа ребенка, предоставленнаго почти исключительно самому себѣ и опредѣлить силы, пробуждавшія юную мысль.

Намъ предстоитъ разсказать о „годахъ ученичества“. На каждомъ шагу мы будемъ чувствовать великія затрудненія: Тургеневъ не написалъ ни „Дѣтства“ ни „Отрочества“. Къ счастью для нѣкоторыхъ моментовъ у насъ найдутся яркіе показатели. Они освѣтятъ личность человѣка и будущаго художника.

II.

Тургеневъ, мы видѣли, очень кратко отзывался о своихъ ученическихъ годахъ: „получилъ первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ Московскомъ, потомъ въ Петербургскомъ университетахъ... Слушалъ лекціи въ Берлинѣ“. За этими немногими словами скрываются важныя подробности, особенно за сухимъ, ничего не говорящимъ выраженіемъ: „слушалъ лекціи въ Берлинѣ“. Но годы ученія, проведенныя въ Москвѣ и Петербургѣ, имѣютъ, конечно, свое значеніе. Оцѣнить его во всей полнотѣ въ настоящее время невозможно. Самъ Тургеневъ оставилъ слишкомъ мало указаній, другихъ источниковъ почти не существуетъ.

До поступленія въ Московскій университетъ Иванъ Сергѣевичъ учился еще въ двухъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ нѣмецкомъ пансіонѣ Вейденгаммера и въ Лазаревскомъ пансіонѣ, ставшемъ впослѣдствіи институтомъ восточныхъ языковъ. Тургеневъ переѣхалъ въ Москву въ 1827 году,—и, вѣроятно, въ этомъ же году онъ поступилъ въ пансіонъ Вейденгаммера, гдѣ пробылъ около полутора года и въ Лазаревскомъ меньше трехъ мѣсяцевъ до 1 ноября 1829 года.

Не привыкшій дома къ обществу сверстниковъ, онъ много терпѣлъ отъ товарищей. У него отъ природы былъ странный недостатокъ—на темени черепъ гораздо тоньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ головы, и до такой степени чувствительный, что при одномъ прикосновеніи къ темени. Тургеневъ въ дѣтствѣ едва не падалъ въ обморокъ. Школьники подмѣтили это свойство и съ дѣтскимъ безсердечіемъ—нарочно надавливали новичку темя, причиняя ему жестокія страданья. Тургеневъ приписывалъ большое значеніе этому недостатку, приводилъ его въ связь съ своимъ слабоволіемъ. Въ минуты тяжелаго раздумья онъ говорилъ пріятелю:

— Какой ждать отъ меня силы воли, когда до сихъ поръ даже черепъ мой сростись не могъ. Не мѣшало бы мнѣ завѣщать его въ музей академіи... Чего тутъ ждать, когда на самомъ темени провалъ. Приложи ладонь— и ты самъ увидишь. Охъ, плохо, плохо...

Во время пребыванія въ Лазаревскомъ пансіонѣ, Тургеневъ впервые познакомился съ романомъ Загоскина *Юрій Милославскій*. По словамъ Ивана Сергѣевича, это знакомство было „первымъ сильнымъ литературнымъ впечатлѣніемъ“ его жизни. Романъ только-что появился въ свѣтъ и сталъ моднымъ. Учитель русскаго языка при пансіонѣ въ часы отдыха разсказалъ пансіонерамъ содержаніе новой книги. Изъ этихъ разсказовъ и Тургеневъ познакомился съ романомъ. Такъ передаетъ онъ въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“. Въ другомъ разсказѣ, записанномъ съ его словъ, исторія излагается нѣсколько иначе. О романѣ Загоскина Тургеневъ, будто бы, узналъ отъ одного изъ своихъ гувернеровъ. Онъ бралъ ребенка на колѣни и юный любитель литературы „съ необыкновеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить“. Герои романа производили чарующее впечатлѣніе на пансіонеровъ, имена Кирши, Алексѣя, Омляша пріобрѣли громкую популярность.

Тургеневъ зналъ и часто видалъ самого автора занимательнаго романа. Но авторъ не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Иванъ Сергѣевичъ относился совершенно равнодушно къ появленіямъ Загоскина въ ихъ домѣ. Внѣшность писателя, очевидно, бюла слишкомъ

прозаична, чтобы увлечь дѣтское воображеніе. Эта внѣшность даже могла ослабить чувство восторга, возбужденное романомъ. „Въ Загоскинѣ“, разсказываетъ Тургеневъ, „не проявлялось ничего величественнаго, ничего фатальнаго, ничего такого, что дѣйствуетъ на юное воображеніе. Говоря правду, онъ былъ даже комиченъ, а рѣдкое его добродушіе не могло быть надлежащимъ образомъ оцѣнено мною: это качество не имѣетъ значенія въ глазахъ легкомысленной молодежи. Самая фигура Загоскина, его странная, словно сплюснутая голова, четырехугольное лицо, выпученные глаза подъ вѣчными очками, близорукій и тупой взглядъ, необычайныя движенія бровей, губъ, носа, когда онъ удивлялся или даже просто говорилъ, внезапныя восклицанія, взмахи рукъ, глубокая впадина, раздѣлявшая надвое его короткій подбородокъ—все въ немъ казалось чудоковатымъ, неуклюжимъ, забавнымъ. Къ тому же, за нимъ водились три тоже довольно комическія слабости: онъ воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ, онъ былъ увѣренъ, что никакая женщина не въ состояніи устоять передъ нимъ, и, наконецъ (и это въ такомъ рьяномъ патріотѣ было особенно удивительно)—онъ питалъ несчастную слабость къ французскому языку, который коверкалъ безъ милости, безпрестанно смѣшивая числа и роды, такъ что даже получилъ въ нашемъ домѣ прозвище: „Monsieur l'article“. Со всѣмъ тѣмъ нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безъискусственную откровенность права, которая поражаетъ въ его сочиненіяхъ.

Таковы единственныя впечатлѣнія пансіонскаго періода въ жизни Тургенева, о какихъ у насъ есть достовѣрныя свѣдѣнія. На основаніи ихъ можно предугадать будущаго романтика, идеалиста, мечтателя, восторженнаго поклонника нѣмецкой поэзіи и философіи, преданнаго почитателя такихъ людей, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій. Тургеневъ будетъ увлекаться исключительными, *энтузіастическими* натурами, и охотно подчиняться ихъ вліянію. Все обыкновенное, прозаическое, смѣшное встрѣтитъ или равнодушіе, или снисходительную улыбку лирически-настроеннаго юноши. Такимъ онъ является и въ своихъ дѣтскихъ отношеніяхъ къ Загоскину, лишенному величественности и фатальнаго ореола—и къ его роману, переполненному необыкновенными героями...

Все это невольно напоминаетъ объ одномъ изъ задушевнѣйшихъ разсказовъ Тургенева „Яковъ Пасынковъ“. У насъ нѣтъ несомнѣнныхъ основаній отыскивать въ разсказѣ автобіографическія черты, но сопоставленія впечатлѣній Тургенева въ пансіонѣ Вейденгаммера, описанныхъ въ его воспоминаніяхъ, съ нѣкоторыми случаями изъ ученической жизни двухъ друзей въ московскомъ пансіонѣ Винтеркеллера возникаютъ сами собой.

Яковъ Пасынковъ—мечтатель, идеалистъ, поклонникъ шиллеровской поэзіи, вообще романтическаго, возвышеннаго творчества... Его другъ, авторъ разсказа—раздѣляетъ его пристрастія, питаетъ къ нему восторженное чувство дружбы, вмѣстѣ съ нимъ мечтаетъ, по ночамъ любуется звѣздами, упивается Шиллеромъ... Вотъ отрывокъ изъ этого романа двухъ юныхъ пріятелей.

„Особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читаетъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ медленно, понемногу отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то въ какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный край... Помню я одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью одѣлись впотьмахъ и украдкой вышли „помечтать“. На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтеръ дулъ по временамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленныя звѣзды. Яковъ поднялъ глаза и, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами...
А надъ звѣздами ихъ Творецъ...

Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу... Сердце переполнилось“...

Болѣе яркую *романтическую* страницу въ лучшемъ смыслѣ слова трудно написать. Только пережившій такія ощущенія въ самомъ себѣ, могъ отважиться рисовать подобную идиллію и не впасть въ чувствительность.

Мы не знаемъ, черпалъ ли Тургеневъ эти рѣчи изъ подлинныхъ своихъ воспоминаній, мы убѣждены въ одномъ—въ пансіонѣ онъ переживалъ такія же минуты, о какихъ разсказываетъ другъ Пасынкова. Пристрастіе къ нѣмецкой идеалистической поэзіи не покидало Тургенева всю жизнь, и ранняя пора его молодости не миновала германской мысли и особенно германскаго творчества. Кто знаетъ! Безгранично скромный въ личныхъ воспоминаніяхъ, неохотно дававшій прямыя свѣдѣнія о личной жизни и личномъ развитіи, Тургеневъ, можетъ быть, путемъ художественныхъ произведеній хотѣлъ восполнить пробѣлы въ своей автобіографіи. Высказывалъ же онъ подчасъ совершенно открыто свои общественные взгляды, устами своихъ героевъ: отчего ему было не посвятить одинъ изъ разсказовъ лучшимъ настроеніямъ, когда-то пережитымъ въ юности?

Изъ московскихъ учителей Тургеневъ вспоминалъ впослѣдствіи Дубенскаго, преподавателя русскаго языка, и Клюшникова, учителя русской исторіи. Дубенскій былъ въ свое время довольно извѣстный ученый, издалъ изслѣдованіе о „Словѣ о полку Игоревѣ“, но въ литературномъ направленіи придерживался старыхъ школъ, Пушкина не любилъ и не признавалъ его достойнымъ изученія. Питомцы Дубенскаго принуждены были развиваться на произведеніяхъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова. То же направленіе Тургеневъ встрѣтилъ потомъ и въ Московскомъ университетѣ.

Старозавѣтное преподаваніе Дубенскаго вполнѣ соотвѣтствовало простотѣ его отношеній къ ученикамъ. Тургеневъ разсказывалъ о немъ такой случай.

Однажды Дубенскій, преподававшій словесность братьямъ Тургеневымъ на дому, пропустилъ нѣсколько уроковъ, и пріѣхалъ сильно навеселѣ.

— Господа,—обратился онъ къ своимъ слушателямъ,—я пропустилъ эти уроки потому, что женился, а такъ какъ жениться въ жизни приходится почти всегда только одинъ разъ, то я долгомъ счелъ сильно загулять по этому случаю...

Лучшія воспоминанія, повидимому, сохранились у Ивана Сергѣевича о Клюшниковѣ. Много лѣтъ спустя послѣ московскаго ученія, въ 1856 году, Тургеневъ узналъ, что Клюшниковъ еще живъ, обрадовался, немедленно потребовалъ у знакомыхъ адресъ своего бывшаго наставника, намѣреваясь написать старику. Клюшниковъ бывалъ въ кружкѣ Станкевича, пріобрѣлъ довольно извѣстное имя поэта... Онъ и Дубенскій, независимо отъ пансіонскаго курса, готовили Ивана Сергѣевича къ университетскому экзамену.

Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка московскій университетъ являлся больше внѣшнимъ украшеніемъ русской жизни, чѣмъ ея просвѣтителемъ,—и имъ весьма мало занималось русское общество. Въ 1805 году, передъ началомъ ученья, онъ особымъ „провозглашеніемъ“ „усерднѣйше“ приглашалъ юношей всѣхъ состояній, желающихъ украсить разумъ свой многоразличными знаніями, удостоить оный вписаніемъ именъ своихъ въ число своихъ слушателей“. Университетъ обѣщалъ не только знанія, но и „права и преимущества“ по службѣ окончившимъ курсъ, а родителей будущихъ студентовъ успокоивалъ на счетъ неусыпной бдительности профессоровъ и начальства за добрыми нравами учащихся. Провозглашеніе имѣло весьма посредственный успѣхъ, не смотря на крайнюю легкость вступительныхъ экзаменовъ. Число студентовъ на первомъ курсѣ самого многолюднаго и популярнаго отдѣленія—нравственно-политическаго—не достигало и

трехъ десятковъ даже въ началѣ тридцатыхъ годовъ. При такихъ льготныхъ условіяхъ въ университетѣ учились многіе знаменитые впослѣдствіи русскіе писатели—Бѣлинскій, Лермонтовъ, Станкевичъ, Герценъ, Константинъ Аксаковъ и нѣкоторые изъ нихъ учились хорошо, когда, по замѣчанію извѣстнаго историка Соловьева, „нечему было учиться“. Поступали въ университетъ подростки лѣтъ пятнадцати а то и раньше, положиавшіе, по выраженіи университетскаго „провозглашенія“, „основаніе домашними ученіями въ исторіи и географіи, въ ариѳметикѣ и геометріи“,—и кромѣ русскаго языка знавшіе одинъ изъ „употребительнѣйшихъ“ иностранныхъ.

Дворянскихъ дѣтей домашней наукой не мучили, университетъ это зналъ и принималъ и даже переводилъ на высшіе курсы студентовъ, получавшихъ на экзаменахъ въ большомъ количествѣ единицы и даже нули. Естественно Аксановъ—прилежный студентъ—вспоминалъ объ университетѣ: „солнце истины освѣщало наши умы очень тускло и холодно“, а Лермонтовъ оставилъ весьма непочтительное описаніе, какъ это солнце свѣтило,—въ университетской авдиторіи передъ началомъ и во время лекцій:

Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!..

Большинство профессоровъ не пользовалось никакимъ уваженіемъ среди слушателей; напротивъ, съ именемъ Малова, Брянцева, Сандунова связывалось множество смѣхотворныхъ анекдотовъ.

Русская литература, представлявшая, конечно, наибольшій интересъ для Тургенева, преподавалась по схоластическимъ учебникамъ. Современныя явленія въ области русскаго слова не касались профессоровъ. Пушкинъ былъ запрещенное, преступное имя въ университетской авдиторіи. Всѣ, жаждавшіе живого знанія, учились, какъ могли, и собирались сами по себѣ, другъ съ другомъ—внѣ университета.

Ко времени вступленія въ университетъ Тургенева условія пріема студентовъ нѣсколько измѣнилось.

Въ ноябрѣ 1831 года былъ изданъ высочайшій указъ—принимать въ университетъ молодыхъ людей, подвергая строгому испытанію по предметамъ полнаго гимназическаго курса. Тургеневъ явился на экзамены въ августѣ 1833 года, когда вновь была подтверждена совѣтомъ университета необходимость дѣйствительныхъ знаній у всѣхъ желающихъ поступить въ университетъ. Большое вниманіе удѣлялось новымъ языкамъ. Изъ 167 экзаменовавшихся было принято только

25 человѣкъ, въ числѣ ихъ Тургеневъ, зачисленный въ студенты опредѣленіемъ совѣта отъ 20 сентября.

Пробылъ Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ,—въ половинѣ 1834 года семья переселилась въ Петербургъ и Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ Петербургскій университетъ.

Чему же Тургеневъ могъ научиться у московскихъ профессоровъ?

Въ Московскомъ университетѣ раньше чѣмъ попасть на спеціальный факультетъ—всѣмъ студентамъ приходилось проходить общій предварительный курсъ. Науки этого курса считались необходимыми вообще для всѣхъ образованныхъ русскихъ людей: чтеніе св. писанія, русская словесность, всеобщая исторія, физика и языки латинскій, французскій и нѣмецкій. Этотъ общеобразовательный курсъ былъ введенъ съ 1832 года и Тургеневъ, вѣроятно, его прослушалъ.

Прекрасная задача выполнялась университетомъ съ малымъ успѣхомъ. Ученость и навыки профессоровъ остались старые, университетскіе ученые не блистали ни дарованіями, ни ученостью, ни свѣжестью своихъ знаній. Важнѣйшій для Тургенева предметъ—русская словесность—въ преподаваніи профессора отставалъ отъ жизни, по крайней мѣрѣ, на цѣлое поколѣніе, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ больше чѣмъ на столѣтіе. Образцы краснорѣчія указывались въ проповѣдяхъ Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, въ изящной литературѣ не отводилось мѣста даже Жуковскому,—и Тургеневу въ университетской авдиторіи невольно долженъ былъ припомниться деревенскій садъ и чтеніе „Россіады“ на-черно и на-бѣло. Къ экзаменамъ приходилось вытверживать учебники по риторикѣ, и, естественно, Тургеневъ къ этой наукѣ не питалъ охоты,—на экзаменѣ на второй курсъ по русской словесности получилъ только три.

Но въ тридцатые годы университетская профессорская наука только числилась, жила и процвѣтала другая,—кружковая, исключительно студенческая, почти безъ всякаго участія профессоровъ. Собственно науки, съ ея изслѣдованіемъ, съ ея вдумчивой и часто тяжелой работой мысли, съ ея трудно и осмотрительно добываемыми выводами,—здѣсь не было и не могло быть. Шестнадцатилѣтніе юноши не имѣли обо всемъ этомъ даже отдаленнаго представленія: они ничего подобнаго не находили въ авдиторіяхъ. Профессора, по распоряженію начальства, могли преподавать—каждый какой угодно предметъ,— напримѣръ словесникъ Давыдовъ то философію, то высшую алгебру, то снова словесность, а по личному усмотрѣнію профессоръ могъ даже и никакой науки не преподавать,—физикъ Павловъ читалъ не физику, а натуръ-философію, т. е. вмѣсто изученія явленій природы

опытнымъ путемъ,—рѣшалъ отвлеченные вопросы—что такое природа и въ чемъ сущность всего существующаго?

Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, особенно при чужой помощи,—несравненно доступнѣе и для воображенія увлекательнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе положительныхъ знаній. Вольная философія поминутно превращалась въ поэзію,—и горячій юноша, безъ особенныхъ усилій мысли,—могъ разрушать и созидать міры идей и идеаловъ. Двѣ германскихъ философскихъ системы—Шеллинга и Гегеля—какъ нельзя больше были приспособлены къ безконечной игрѣ діалектики и воображенія. Она не требовала ни самостоятельныхъ знаній въ какой бы то ни было наукѣ, ни личнаго знакомства съ дѣйствительной жизнью. „Ты посидишь у меня—пофантазируемъ",—писалъ Станкевичъ Невѣрову", „пріѣзжай, прошу тебя, ко мнѣ побесѣдовать о безсмертіи души"; „пріѣзжай вечеромъ, побесѣдуемъ о царствіи небесномъ". Пріятели сходились—и переживали „мечтательное счастье". „Прекраснодушіе" и „резиньяція"—пышно разцвѣтали на почвѣ шеллиніанскаго тождества и гегельянской разумной дѣйствительности и окутывали густымъ розовымъ туманомъ глаза и мозгъ юныхъ „любомудровъ". Немало философскихъ душъ, всю молодость кипѣвшихъ въ „дѣйствіи пустомъ",—увяло раньше срока и даже Бѣлинскому пришлось пережить нелегкія опыты надъ самимъ собой, чтобы прорваться сквозь мглу нѣмецкой метафизики къ неподдѣльной русской дѣйствительности. А люди менѣе одаренные, чѣмъ Станкевичъ и Невѣровъ, переживъ сны молодости и перемѣсивъ нерѣдко краснорѣчивымъ языкомъ нѣмецкія книги и брошюры,—въ зрѣлые годы оказывались будто безъ почвы и воздуха, лишними доживали свой выдохшійся вѣкъ.

Даже юноши другаго закала, не мечтатели и не поэты, а дѣятели и политики,—проходили въ кружкахъ школу столь же фантастическую. Къ нимъ также шли изрѣченія Станкевича: „Nur der Irrthum ist das Leben",—и „можетъ быть то только и есть Wahrheit, что мы называемъ Irrthum". Истина въ знаніи, а знанія никто не предлагалъ ни поэтамъ, ни политикамъ.

На великое горе университетская молодежь была лишена и умственнаго и научнаго руководительства. „Отцы" въ семьѣ и въ университетѣ могли обучать дѣтей только разнымъ видамъ крѣпостнаго права,—отцы по природѣ учили дѣтей быть господами надъ другими людьми, а отцы по духу старались превратить ихъ самихъ въ рабовъ давно отжившихъ формъ мысли и искусства. Ни конюшня, ни схоластика не имѣли будущаго,—и „дѣтямъ" приходилось учиться тому, къ чему влекла ихъ молодость, ихъ непосредственный вкусъ. Исторія не забудетъ, сколько благородныхъ влеченій было обнаружено

русскимъ юношествомъ на этомъ свободномъ пути,—но даже плодороднѣйшая почва требуетъ ухода,—иначе сорная трава глушитъ пшеницу.

Этой сорной травой въ умственной работѣ молодежи тридцатыхъ годовъ и много лѣтъ позже было простое неумѣнье распознать живую цѣнность, понять сущность предмета, привлекшаго вниманіе взволнованнаго юноши. Сколько восторговъ, сколько вечеровъ и ночей, потраченыхъ на запойное краснорѣчіе, сколько „схожденій" и „расхожденій" съ „нашими" и „не-нашими"!—Во имя чего?

Герценъ много лѣтъ спустя не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Пропаганда „дѣлалась" необыкновенно страстная: „мы были фанатики и юноши", говоритъ онъ,—но „что мы собственно проповѣдовали—сказать трудно. Идеи были смутны. Мы проповѣдовали французскую революцію. потомъ проповѣдовали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдовали конституцію и республику"...

Хуже всего была не пестрота проповѣди, и слѣпота пропаганды а непониманіе ихъ содержанія и устойчивость этого непониманія, привычка къ пропагандѣ не знаній и убѣжденій, а впечатлѣній и пристрастій.

Бѣлинскаго пріятели—политики обвиняли въ грубомъ непониманіи гегелевской разумной дѣйствительности, и Герценъ даже прекратилъ съ нимъ сношенія изъ-за статей, вдохновленныхъ непонятымъ гегельянствомъ... А самъ Герценъ понималъ *своего* главнаго учителя, понималъ тотъ сенъ-симонизмъ, какой, по его словамъ, онъ проповѣдывалъ въ Москвѣ?

„Сенъ-симонизмъ, говоритъ онъ, легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ".

Что же представлялъ Герценъ подъ именемъ такого исключительно-важнаго ученія?

„Соціализмъ и реализмъ",—отвѣчаетъ онъ. Но со втораго же слова начиналось недоразумѣніе еще болѣе глубокое, чѣмъ у Бѣлинскаго съ ученіемъ Гегеля. Вниманіе Герцена, какъ вообще большаго любителя шумныхъ и блестящихъ выступленій, привлекъ знаменитый въ свое время процессъ „Отца" Анфантэна, обвиненнаго въ безнравственномъ ученіи объ *искупленіи плоти* и *освобожденіи женщины*, т. е. въ упраздненіи старой семьи и старой личной нравственности. Герценъ пришелъ въ лихорадочное восхищеніе отъ этихъ „восторженныхъ юношей" въ неразрѣзанныхъ жилетахъ, съ отрощенными бородами, вызвавшихъ предъ собою на судъ старый мѣщанскій міръ.

Герценъ вообразилъ, что Анфантэна осудилъ старый міръ, между тѣмъ противъ него возстали именно подлинные сенъ-симонисты, вѣрные

ученики учителя, не желавшіе имѣть ничего общаго съ анфантэнизмомъ. Не обошлось безъ недоразумѣній и съ другой основой убѣжденій, почеркнутыхъ Герценомъ будто бы въ сенъ-симонизмѣ. Позже, вновь подъ вліяніемъ иностранной книги, Герценъ, откроетъ зародыши соціализма въ русской общинѣ и вступитъ съ Тургеневымъ въ запальчивый споръ... Какія простыя истины придется Тургеневу объяснять своему противнику, на какія самыя будничныя явленія жизни указывать, незамѣченныя или непонятыя Герценомъ изъ-за философскихъ брошюръ, одолѣвавшихъ его даже изъ нѣмецкихъ „уѣздныхъ городовъ!“

Это роковое отсутствіе руководительства со стороны школы, вообще старшаго поколѣнія пройдетъ едва ли не самой краснорѣчивой чертой по всей судьбѣ русскихъ общественныхъ движеній. Во главѣ ихъ всегда будетъ стоять какое нибудь явленіе европейской мысли,— воспринятое фанатически, въ его наиболѣе доступныхъ и рѣзко-отрицательныхъ выводахъ,—не изученное въ его органическомъ развитіи и усвоенное исключительно съ цѣлью борьбы и уничтоженія.

„Прочитавъ первыя страницы, я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычіе и иносказанія, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, ненужно намъ облекать истину въ миѳы!“. Такъ сообщаетъ Герценъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первомъ знакомствѣ съ сочиненіемъ Фейербаха: *Das wesen des Christenthums* („Сущность христіанства“). Прочитаны всего *первыя* страницы,—и прыжокъ отъ радости и самое рѣшительное заключеніе, перемѣна міросозерцанія, хотя Герценъ давно оставилъ университетъ и ему уже за тридцать лѣтъ. Какъ бы высоко ни ставить эту свободолюбивую впечатлительность и критическую удаль,—трудно забыть, что на этихъ юношески-привлекательныхъ качествахъ не построить ни яснаго пониманія исторической и текущей дѣйствительности, ни даже твердыхъ убѣжденій въ области собственныхъ увлеченій. Герценъ впослѣдствіи это докажетъ едва ли не при всякой своей попыткѣ вмѣшаться въ отвѣтственную политическую задачу,—въ родѣ русскаго революціоннаго движенія или польскаго возстанія,— и именно Тургеневу не разъ придется положить свою дружескую успокоивающую руку на плечо „добраго малаго“, „милѣйшаго Александра Ивановича“, безпрестанно вспрыгивавшаго и восклицавшаго.

Но Герценъ только одинъ изъ породы.

Въ шестидесятые годы имена Фурье и Сенъ-Симона будутъ замѣщены другими, народятся новые „юноши и фанатики“, загорится новая пропаганда,—но и теперь Дарвинъ и другіе европейскіе авторитеты у русскихъ послѣдователей будутъ столь-же мало походить на подлинныхъ, какъ раньше герценовскій сенъ-симонизмъ походилъ на ученіе Сенъ-Симона.

Въ высшей степени важный вопросъ, какое мѣсто занялъ Тургеневъ въ этой словесной кружковой суматохѣ?

Герценъ оставилъ университетъ за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія Тургенева,—но весь годъ по окончаніи былъ, по его словамъ, „продолжающійся пиръ дружбы, обмѣна идей, вдохновенья, разгула", и, по его увѣренію, „пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла за университетскія стѣны". Все это прошло мимо Тургенева, не смотря на ограниченное число студентовъ во всемъ университетѣ. Можетъ быть,—только въ „Быломъ" Герцена, которое далеко не всегда „бывшее"—пропаганда представляется такимъ яркимъ явленіемъ, что ее приходится сравнивать даже съ проповѣдью евангелія,—а въ дѣйствительности шумъ не выходилъ за предѣлы двухъ-трехъ квартиръ четырехъ-пяти друзей. И, можетъ быть, Герценъ именно какъ пропагандистъ или, по его выраженію, какъ дьяконъ съ евангеліемъ въ рукахъ, не считался здѣсь особенно значительнымъ. По крайней мѣрѣ,—одинъ изъ членовъ кружка, потерпѣвшаго суровую кару въ 1833 году, сосланный на Кавказъ, слалъ въ письмѣ съ дороги привѣтъ единомышленникамъ въ Москву,—и среди нихъ Герцена не называлъ, хотя былъ названъ неразлучный другъ Герцена—Огаревъ. Герцену пришлось самому публично заявить о своемъ единодушіи съ Огаревымъ, надѣвъ одинаковые съ нимъ береты á la Karl Sand, и одинаковые трехцвѣтные шарфы, „облегчая будущій надзоръ полиціи". Все это, повидимому, не привлекло вниманія Тургенева, хотя онъ позже вспоминалъ о „философской гимнастикѣ", занимавшей его въ Москвѣ и ему не чужды были политическія настроенія. Много лѣтъ спустя онъ говорилъ одному изъ иностранныхъ друзей, что его всегдашней мечтой было посѣтить Америку. „Въ юности, когда я учился въ Московскомъ университетѣ, разсказывалъ Тургеневъ, мои демократическія тенденціи и мой энтузіазмъ по отношенію къ Сѣверъ-Американской республикѣ вошли въ поговорку и товарищи студенты называли меня „американцемъ".

Глава другаго Московскаго студенческаго кружка—Станкевичъ еще оставался въ университетѣ въ теченіи всего года, пока Тургеневъ учился въ Москвѣ. Знакомство между ними не произошло, хотя Тургеневъ, несомнѣнно, о Станкевича зналъ,—но только какъ о „виршеплетѣ„—не больше. По крайней мѣрѣ четыре года спустя въ Берлинѣ въ отвѣтъ на сообщеніе Грановскаго о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, Тургеневъ спросилъ: „не виршеплетъ-ли? Очевидно, московскіе кружки, оказавшiеся незабвенными для Герцена, совершенно не затронули Тургенева лично,—но какъ писатель онъ отозвался на это явленіе.

Первый же разсказъ, написанный прозой, *Андрей Колосовъ*—ему предшествовало единственное прозаическое произведеніе—комедія *Неосторожность* изъ испанскихъ нравовъ—въ высшей степени замѣчателенъ. Разсказъ—одинокій среди стихотворныхъ произведеній автора—написанъ будто съ особой цѣлью. Все содержаніе его исчерпывается изображеніемъ молодого необыкновеннаго чоловѣка, въ чемъ необыкновенность—излагается вполнѣ опредѣленно: „ясный, простой взглядъ на жизнь, отсутствіе всякой фразы“, потому что „въ извѣстныя лѣта быть естественнымъ значитъ быть необыкновеннымъ“. Колосовъ до такой степени трезвъ и естественъ, что ему могъ бы позавидовать даже Базаровъ: Колосовъ по непринужденности и независимости житейскихъ отношеній можетъ считаться предшественникомъ „нигилиста“, а во многихъ случаяхъ—выше его, такъ какъ онъ никогда не подчеркиваетъ своей „естественности“ ни позами, ни фразами. Чтобы личность Колосова являлась еще внушительнѣе,—она окружена разными художественными чертами явно вызывающаго смысла, со всѣми признаками авторскаго сильнаго чувства: вотъ „глухое внутренное броженіе, которое обыкновенно, разрѣшившись дюжиной болѣе или менѣе шершавыхъ стихотвореній, оканчивается весьма мирно и благополучно“, вотъ „полупьяный виршеплетъ съ вѣчно восторженной улыбкой“, вотъ студентъ Пузырицынъ, прозванный „идеалистомъ“ за то, что онъ непремѣнно разъ въ сутки долженъ сказать: „прекрасное все гибнетъ въ пышномъ цвѣтѣ—таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“, а остальное время „съ усвоенной пріятностью“ покуриваетъ трубочку въ кружку добрыхъ товарищей, вотъ мечта о томъ, какъ души супруговъ составляютъ одно *прекрасное цѣлое* и именно поэтому каждый стремится сыскать себѣ особую дорожку,—и въ заключеніе „порядокъ вещей“—когда студентъ ничего не дѣлаетъ и ничему не учится... Въ общемъ это должно дать картину добрыхъ студенческихъ нравовъ, студенческаго кружковаго фантазерства и привередничества. Будто Тургеневъ предчувствовалъ Герценовскую живопись и желалъ показать ея изнанку, вмѣсто патетически выкрикиваемой *жызни* произнести подлинное житейское слово „жизнь“, и на мѣсто дѣтски—глубокомысленнаго понятія о *дѣйствительности* какъ *пошлости*, показать дѣйствительность правдивую и страшную своей правдой. Можетъ быть, и паѳосъ и сарказмъ одинаково не совпадаютъ съ истиной,—но, несомнѣнно,—они безошибочно характеризуютъ писателей. Съ перваго опыта мы знаемъ, чего ждать отъ Тургенева. Мы увѣрены,—въ его *сочиненіяхъ* будетъ больше исторической, бытовой и психологической правды, чѣмъ въ *автобіографіи* его горячаго современника.

Пять лѣтъ спустя Тургеневъ снова возвращается къ московскимъ кружкамъ и его желчь нисколько не утихла.

Гамлетъ Щигровскаго уѣзда—бывшій членъ кружка, вообще онъ прошелъ обычный путь „человѣка тридцатыхъ годовъ", одно время, какъ водится, состоялъ чуть не въ геніяхъ, а теперь ни на что не нужный, *лишній человѣкъ*. Самыя горькія и жесткія воспоминанія у него о кружкѣ, и именно—Московскомъ. „Кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаютъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединеной благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку... Въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носятъ на рукахъ стихотворца бездарнаго но съ затаенными мыслями, въ кружкѣ молодые семнадцатилѣтніе малые хитро и мудрено толкуютъ о женщинахъ и любви... Въ кружкѣ процвѣтаетъ хитростное краснорѣчіе; въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ"...

Нѣкоторыя черты этого описанія невольно представляются изнанкой для слишкомъ торжественнаго изображенія у Герцена его подвиговъ въ кружкѣ. А дальше разсказъ, какъ у „Гамлета" проходилъ незамѣтно день—рѣшительно безъ всякаго дѣла и оканчивался вечеромъ съ пріятелями: „давай трубочку курить, пить жидкій чай стаканами, да толковать о нѣмецкой философіи, любви, вѣчномъ солнцѣ духа и прочихъ отдаленныхъ предметахъ"... Разница съ Герценовскимъ „былымъ" развѣ одна: Герценъ съ пріятелями жидкому чаю предпочиталъ вина Депре, шампанское, ouka au champagne, жжёнку и прочіе горячительные предметы...

Тургеневу не помѣшало нарисовать убійственную картину кружка глубокое личное уваженіе къ Станкевичу. Этого человѣка онъ выдѣлялъ изъ кружковаго стада. Онъ изобразилъ его въ лицѣ Покорскаго, —но „все это только блѣдный очеркъ",—пояснялъ онъ, вспоминая подлинникъ. Здѣсь Станкевичъ не является главой кружка, намъ неизвѣстны даже его взгляды, онъ просто необычайно привлекательный человѣкъ: „поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему", а не философія и не проповѣдь.

Въ другомъ мѣстѣ Тургеневъ пользуется произведеніемъ Станкевича. Въ повѣсти *Несчастная* „студенту-поэту" выпадаетъ благородная роль—одному, среди общества,—оплакать злополучную участь одинокой оклеветанной дѣвушки,—только его одного трогаетъ ея участь,—и четыре стиха, оставшіеся въ памяти автора разсказа, взяты изъ стихотворенія Станкевича: „На могилѣ Эмиліи"...

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты.

Несомнѣнный герой кружка—Рудинъ: именно онъ мудрено толковалъ о женщинахъ и любви и развѣ только Огаревъ и въ особенности Герценъ могли превзойдти Рудина неисчерпаемымъ запасомъ „хитростнаго краснорѣчія" по этому вопросу.

Отрицательное отношеніе Тургенева къ кружковой жизни,—какъ къ пышному убѣжищу умственной пустоты, надутаго суесловія, глубокомысленнаго невѣжества и всякаго рода театральства, бросаетъ свѣтъ на первыя его литературныя произведенія,—поэмы и стихотворенія. Ихъ онъ потомъ сочтетъ недостойными даже упоминанія, но, мы увидимъ,—они по своему смыслу и настроенію прямо замѣчательны для своей среды и своего времени.

Петербургскій университетъ предъ поступленіемъ Тургенева находился въ нелучшемъ положеніи, чѣмъ Московскій. Сколько-нибудь способныхъ преподавателей не было, кое-что знали пять-шесть иностранцевъ, но зато они не владѣли русскимъ языкомъ и читали лекціи по латыни, малодоступной слушателямъ. Большинство профессоровъ не знало вовсе новыхъ языковъ и не могло слѣдить за наукой, вообще у профессоровъ не было, по выраженію современнаго слушателя, „ни духа науки, ни ученаго достоинства". Лекціи читались по учебникамъ —единственнымъ кладезямъ премудрости профессоровъ и профессора заботливо скрывали ихъ отъ студентовъ, давая имъ заучивать наизусть крохи этой и безъ того скудной трапезы. Отвѣчать „своими словами" студенту не позволялось,—считалось вреднымъ свободомысліемъ. Студенты, кончая курсъ, знали только названія пройденныхъ наукъ и кое-какіе случайно застрявшіе въ памяти отрывки.

Почти одновременно съ появленіемъ Тургенева въ Петербургскомъ университетѣ былъ утвержденъ новый университетскій уставъ—26 іюля 1835 года. Но преобразованіе отчасти осуществилось только къ началу 1836—7 учебнаго года, а въ 1837 году Тургеневъ уже окончилъ курсъ. слѣдовательно, всего одинъ годъ Тургеневъ могъ пользоваться наукой преобразованнаго университета. Перемѣны оказались значительныя. Новый уставъ требовалъ отъ профессоровъ высшей ученой степени. Въ университетѣ возникли невѣдомые раньше диспуты, университетъ сталъ торжественно присуждать ученыя степени, преподаватели и студенты съ увлеченіемъ принимали участіе въ этихъ праздникахъ науки. Кафедры заняли посланные раньше заграницу молодые ученые: теперь они вернулись, были подвергнуты особому вновь установленному испытанію и уже въ теченіи 1835 года трое защитили диссертаціи на степень доктора, среди нихъ знаменитый впослѣдствіи Неволинъ.

Не всѣ, разумѣется, кафедры могли занять такіе блестящіе ученые, —но наука университета посвѣжѣла и ободрилась,— и даже не вы-

дающіеся ученые, какихъ пришлось слушать Тургеневу на философскомъ факультетѣ,—не походили на прежнихъ риторовъ и схоластиковъ.

О студенческихъ годахъ въ Петербургѣ мы знаемъ со словъ самого Тургенева. Онъ описалъ нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей, и общественно-литературную жизнь петербургскихъ ученыхъ и писательскихъ кружковъ.

Каѳедру русской словесности занималъ Петръ Александровичъ Плетневъ, одинъ изъ лучшихъ преподавателей и превосходный человѣкъ, но не руководитель. „Ученый багажъ его былъ весьма легокъ", говоритъ Тургеневъ. Знанія онъ сообщалъ просто и ясно, умѣлъ даже возбудить у слушателей интересъ къ предмету, но увлечь, расширить умственный кругозоръ студента—было не въ его силахъ. Главнѣйшія права Плетнева на уваженіе слушателей заключались не въ его познаніяхъ и дарованіяхъ, а въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ славнѣйшимъ писателямъ,—Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Гоголю. Онъ любилъ разсказывать объ этихъ людяхъ, но для глубокаго пониманія ихъ произведеній у него не хватало силы. Притомъ онъ, по природѣ, не любилъ спора, критики, полемики. Провести жизнь мирно, не переходя предѣловъ золотой середины, *умиляясь* простотой, лелѣя дорогія воспоминанія—таковъ идеалъ Плетнева. Студенты очень его любили. Ни у одного профессора не встрѣчали они такой привѣтливости, такой готовности быть полезнымъ, поощрять ихъ молодые литературные опыты. Между прочимъ, поощреніямъ Плетнева русская литература обязана появленіемъ *Конька-Горбунка*, Ершова.

Тургеневъ бывалъ въ семьѣ Плетнева, на его вечерахъ. Юный студентъ съ неизбѣжными романтическими замашками мало любопытнаго и увлекательнаго могъ встрѣтить на этихъ скромныхъ собраніяхъ. Вообще, кругомъ—среди образованныхъ людей—все было чрезвычайно буднично и смирно. Появлялись величайшія произведенія русской литературы, но общество относилось къ нимъ довольно безучастно, точнѣе—не понимало ихъ, пропускало мимо себя, какъ нѣчто чуждое, или слишкомъ безпокойное. Пушкинъ былъ еще живъ, ходили слухи о превосходныхъ произведеніяхъ, готовыхъ къ выпуску въ свѣтъ, но только крайне немногіе занимались этими слухами. Большинство относилось къ великому поэту равнодушно, въ иныхъ кругахъ даже враждебно. Величіе генія и заслугъ Пушкина оставалось загадкой для большинства столичнаго общества. Оффиціальные интересы стояли на первомъ планѣ. Появился *Ревизоръ*,—но отнюдь не уравнялъ для автора путей къ славѣ. Журналы по прежнему продолжали нападать на грубость и легкомысліе его таланта. По прежнему у Гоголя былъ единственный вѣрный и сильный другъ, защитникъ и читатель—его

вдохновитель Пушкинъ. Страшная драма вскорѣ засвидѣтельствовала, въ какой варварской средѣ поэтъ совершалъ путь своего служенія родинѣ... И недаромъ Гоголь, бѣжавшій изъ столицы и изъ отечества почувствовалъ себя, послѣ кончины Пушкина, глубоко несчастнымъ и одинокимъ.

Дѣятельность Бѣлинскаго еще не начиналась. Мысль русскаго читателя еще не была призвана къ вдумчивой оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Пока *Библіотека для Чтенія* безнаказанно могла обзывать произведенія Гоголя грязнымъ малороссійскимъ жартомъ, и даже сочувствующіе журналисты умѣли только пройтись па счетъ нѣкоторыхъ остроумныхъ подробностей въ безсмертной комедіи, не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ цѣлаго.

Таланты и великія созданія застали общество будто врасплохъ. Оно казалось не въ силахъ справиться съ нахлынувшими идеями и образами, кое-какъ уловляло мелочи, частности или просто открещивалось отъ досадныхъ новшествъ, нерѣдко клеймя и проклиная ихъ. На встрѣчу шла цензура.

Ей тридцатые годы обязаны славой допотопныхъ. Ея исторія за это время—сплошной рядъ едва вѣроятныхъ анекдотовъ. Обычной бесѣдой въ собраніяхъ литераторовъ бывали жалобы на цензуру, разсказы о той или другой изумительной выходкѣ цензоровъ. „Литераторъ", говоритъ Тургеневъ, „кто бы онъ ни былъ, не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста". Даже въ частныхъ собраніяхъ литераторовъ чувствовалась запуганность и приниженность. Правда, еще Пушкинъ гордо заявилъ о высокомъ общественномъ значеніи писателя, но даже великому поэту, удостоенному личнаго покровительства государя, по временамъ жутко приходилось въ средѣ Булгариныхъ и ихъ высокихъ покровителей. Естественно болѣе слабые занимались личными дрязгами, преслѣдовали другъ друга всевозможными кляузами... А между тѣмъ, по словамъ Тургенева, ему въ молодости и его сверстникамъ „нуженъ былъ вождь" и Тургеневу особенно,—ему одинокому въ дѣтствѣ, одинокому въ родномъ домѣ. Съ какою точностью онъ запоминаетъ нѣсколько случайно услышанныхъ словъ Пушкина, отмѣчаетъ встрѣчу съ нимъ въ концертѣ, хотя поэтъ и не подозрѣваетъ о восторженномъ поклонникѣ и только съ досадой поводитъ плечомъ и отходитъ въ сторону, замѣтивъ слишкомъ пристальный взоръ юноши, погруженнаго въ созерцаніе его особы... Съ какой стремительностью онъ привязывается къ Бѣлинскому и до конца жизни хранитъ воспоминанія о каждомъ часѣ, проведенномъ съ нимъ!..

Съ такимъ настроеніемъ молодой Тургеневъ попалъ въ общество петербургскихъ литераторовъ, посѣщалъ лекціи петербургскихъ про-

фессоровъ. Ни здѣсь, ни тамъ онъ не могъ встрѣтить и намека на то, къ чему стремился. Добрые люди въ родѣ Плетнева и добросовѣстные преподаватели въ родѣ Никитенко въ вожди не годились.

Тургеневу пришлось увидѣть Гоголя на профессорской кафедрѣ. Профессура была однимъ изъ самыхъ неудачныхъ замысловъ геніальнаго писателя. Гоголь оказался дурно подготовленнымъ, мало свѣдущимъ, и плохимъ лекторомъ. Познанія по всеобщей исторіи онъ истощилъ въ нѣсколькихъ вступительныхъ лекціяхъ, и дальше выходило жалкое зрѣлище. „Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ", разсказываетъ Тургеневъ, а „когда онъ появлялся на каѳедрѣ—онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ и все время ужасно конфузился". Студенты скоро убѣдились, что ихъ профессоръ обладаетъ крайне ограниченными свѣдѣніями. Самъ Гоголь поддержалъ это убѣжденіе. На экзаменъ онъ явился повязанный платкомъ будто отъ зубной боли, просидѣлъ все время съ совершенно убитой физіономіей, предоставилъ экзаменовать студентовъ ассистенту. Студенты и на этотъ разъ были убѣждены, что Гоголь хранитъ молчаніе изъ страха попасть въ просакъ въ присутствіи своихъ товарищей.

Комедія скоро прекратилась: Гоголь вышелъ изъ университета.

Литературныя вкусы Тургенева во время студенчества совпадали со вкусами вообще молодежи того времени. Романтизмъ напыщенный и изломанный плѣнялъ публику, и не только юную. Поэзія Пушкина, исполненная красоты и мысли, проходила сравнительно въ тѣни. Имя поэта меркло предъ такими именами, какъ Марлинскій и Бенедиктовъ. Марлинскій сводилъ съ ума читательницъ, стихотворенія Бенедиктова заучивались наизусть всѣми, кто считалъ себя нечуждымъ литературы.

Стихотворенія вышли въ 1836 году, и привели въ восхищеніе всю публику,—читателей, писателей и больше всего молодежь. Тургеневъ не отставалъ отъ другихъ. Но вотъ появляется статья Бѣлинскаго въ „Телескопѣ", безпощадно развѣнчивающая славу Бенедиктова. Юныхъ романтиковъ охватило чувство негодованія. Тургеневъ также негодовалъ, но, говоритъ онъ, „къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ". находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова".

Такъ произошло съ теченіемъ времени, но въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ Иванъ Сергѣевичъ сочинилъ сверхъестественную драму въ духѣ моднаго вкуса, въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ „Стеніо" и теперь представилъ ее на судъ Плетнева. На одной изъ лекцій Плетневъ, не называя имени автора, разобралъ съ обычнымъ благодушіемъ „это", по выраженію Тургенева, „совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ съ бѣшеной неумѣлостью выражалось рабское подраженіе байроновскому Манфреду". Плетневъ все-таки нашелъ возможнымъ ободрить юнаго автора, объявилъ ему, что въ немъ „что-то есть". Туже драму потомъ Тургеневъ показывалъ другому профессору словесности Никитенко. Въ юношѣ пробудилась смѣлость и на усмотрѣніе Плетнева, уже какъ издателя, было представлено нѣсколько стихотвореній. Изъ нихъ Плетневъ выбралъ два и напечаталъ въ „Современникѣ". „Старый дубъ" („Вечеръ") и „Къ Венерѣ Медицейской".

„Это первая моя вещь", говоритъ Тургеневъ, о „Старомъ дубѣ" „явившаяся въ печати, конечно безъ подписи".

„Старый дубъ" напечатанъ въ 1838 г., почти двумя годами раньше—въ другомъ періодическомъ изданіи *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* появилось первое прозаическое произведеніе Тургенева, статья о книгѣ: „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ", изданной А. И. Муравьевымъ.

Статья довольно обширна. Въ ней видно горячее религіозное чувство, умиленіе предъ чудомъ распространенія христіанства, одушевленно излагается древняя исторія христіанской церкви въ Россіи, восхваляется нравственное и патріотическое значеніе древнихъ русскихъ монастырей, нѣсколько довольно удачныхъ характеристикъ духовныхъ дѣятелей, напримѣръ, патріарха Никона.

Статья заканчивается лирической рѣчью: „Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно увянуть воображеніе, возбуждаютъ его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго—инока, или когда слушаетъ трогательный разсказъ игумена о св. Царевичѣ Іоасафѣ, оставившемъ царство земное для небеснаго, и умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ авторомъ стихи, которые желаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые члены
Здѣсь обрѣли,

Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны!

Подъ статьей—полная подпись автора, но Тургеневъ, по его словамъ, ни тогда, ни впослѣдствіи не видалъ своей напечатанной статьи. Въ 1875 году онъ крайне удивился, когда въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* указали на нее, но припомнилъ, что его родственники, заботясь объ его будущей карьерѣ, рекомендовали его издателю *Журнала Министерства Просвѣщенія* и тотъ, для испытанія его способностей, далъ ему для разбора книгу Муравьева. Тургеневъ отказывался это „ребяческое упражненіе“ считать своимъ первымъ литературнымъ трудомъ.

Тургеневъ окончилъ университетскій курсъ сначала со степенью дѣйствительнаго студента, годъ спустя сдалъ кандидатскій экзаменъ, въ журналы перваго отдѣленія философскаго факультета 24 іюня 1837 года записано: „дѣйствительный студентъ Тургеневъ, выпущенный изъ университета съ сею степенью и въ прошломъ году, съ разрѣшенія совѣта посѣщавшій цѣлый годъ лекціи третьяго курса, и оказавшій на нынѣшнемъ испытаніи вездѣ отличные или очень хорошіе успѣхи, удостоивается степени кандидата“. Помимо университетскихъ занятій, Тургеневъ много времени отдавалъ древнимъ языкамъ, особенно греческому языку. Отечественной наукой Иванъ Сергѣевичъ не думалъ удовлетвориться и готовился къ другому, болѣе высокому образованію.

Оканчивая университетъ, Иванъ Сергѣевичъ былъ беззаботнымъ, жизнерадостнымъ юношей. Его раскатистый, заразительный смѣхъ счастливаго человѣка безпрестанно раздавался въ домѣ. Онъ не прочь принять участіе въ дѣтскихъ шалостяхъ и первый испытываетъ искреннее удовольствіе. Его хохотъ иногда даже навлекаетъ выговоры матери. Ей кажется неприличнымъ для молодого аристократа хохотать „такъ по мѣщански“.

— Mais cessez donc, Jean,—говорила Варвара Петровна,—c'est même mauvais genre de rire ainsi. Qu'est-ce que ce rire bourgeois! (Перестань же, Иванъ, даже неприлично такъ хохотать! Что за мѣщанскій смѣхъ!).

Въ эту пору отношенія съ матерью были еще довольно ровны. Сынъ, не смотря на тяжелыя дѣтскія воспоминанія, чувствовалъ къ ней неподдѣльную привязанность. Варварѣ Петровнѣ сдѣлали операцію, она нѣкоторое время оставалась въ постели, Иванъ Сергѣевичъ окружилъ ее заботами, просиживалъ съ нею ночи. Такая любовь благотворно дѣйствовала даже на жесткій нравъ самовластной барыни. Она, конечно, по прежнему управляла домомъ и имѣніями, но присутствіе сына

смягчало ея власть. Очевидецъ резсказываетъ, какъ тяжело было сыну глядѣть на подвиги матери и чувствовать свое безсиліе помочь ея жертвамъ. Но, прибавляетъ разсказчикъ, „доброта его иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная и потому въ его присутствіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали, какъ блага. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына“...

Такъ было до заграничнаго путешествія Ивана Сергѣевича. Въ это время онъ, вѣроятно, и самъ не особенно пристально всматривался въ окружающую жизнь. Можетъ быть, отчасти занятія наукой, многочисленные литературные замыслы—самостоятельные и переводные,—можетъ быть, и быстро смѣнявшіяся юношескія настроенія мѣшали ему вникнуть въ бездну золъ, переполнявшую его родной домъ. Напримѣръ, цѣлый годъ у Тургенева—студента посвященъ переводу *Отелло*—до половины второго акта, *Короля Лира*, *Манфреда*, а кромѣ того молодого словесника, повидимому, гораздо сильнѣе раздражали „деспотизмъ и монополія нѣкоторыхъ людей въ нашей словесности“, чѣмъ въ родной деревнѣ. Покрайней мѣрѣ,—сочиняется произведеніе *Нашъ вѣкъ* „въ припадкѣ злобной досады“ на литературныхъ деспотовъ,—несомнѣнно,—на Булгарина, Греча и Сенковскаго, разбойничавшихъ втроемъ противъ Пушкина и Гоголя. Наконецъ, врожденное добродушіе и привязанность къ матери, желаніе щадить ея спокойствіе, сохранять добрыя отношенія къ ней все это сдерживало Тургенева,—но долго сдерживать не могло. Взгляды и дѣла матери слишкомъ противорѣчили простѣйшему человѣколюбію и справедливости, а сынъ былъ одаренъ на этотъ счетъ особой воспріимчивостью: разрывъ произойдетъ неминуемо, онъ вопросъ времени. Но пока миръ и согласіе: Варвара Петровна не противорѣчитъ задушевному желанію сына—поѣхать учиться заграницей.

„Объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно“, пишетъ Тургеневъ въ *Воспоминаніяхъ*. „Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго званія находится заграницей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ, они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ, посылавшее на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты“.

Тургеневу предстояло много труда. Кандидатъ русскаго университета не былъ подготовленъ къ слушанію лекцій въ нѣмецкомъ университетѣ, приходилось на первыхъ порахъ приняться за зубреніе латинской и греческой грамматики. Тургенева это не пугало. Онъ смѣло отправился въ чужіе края, первый разъ въ жизни—одинъ, безъ материнскаго надзора.

„Матушка въ первый разъ отпустила меня ѣхать одного", разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, „и я долженъ былъ обѣщать ей вести себя благоразумно, а главное, не дотрогиваться до картъ"...

Въ день отъѣзда въ Казанскомъ соборѣ отслужили напутственный молебенъ. Варвара Петровна все время плакала. Она провожала сына на пароходъ „Николай I", на возвратномъ пути съ ней сдѣлался обморокъ.

Путешествіе Ивана Сергѣевича не прошло благополучно. На пароходѣ случился пожаръ. Много лѣтъ спустя, Тургеневъ разсказалъ о немъ въ очеркѣ „Пожаръ на морѣ", единственная достовѣрная исторія событія. Авторъ вспоминаетъ, какъ онъ схватилъ за руку матроса и обѣщалъ ему десять тысячъ рублей отъ имени матушки, если матросъ спасетъ его... Девятнадцатилѣтнему юношѣ было естественно потерять голову въ виду страшной гибели. Но въ Петербургъ пришли другія вѣсти, нелестныя для самолюбія юноши. Разсказывали со словъ свидѣтелей, что Иванъ Сергѣевичъ волновался черезъ мѣру на пароходѣ, взывалъ къ любимой матери, сообщалъ товарищамъ по несчастью, что онъ богатый сынъ вдовы, хотя сыновей у нея было двое,—и долженъ быть спасенъ ради нея. Этимъ слухамъ вѣрили...

Сплетня потомъ принесла Тургеневу не мало тяжелыхъ минутъ. Лѣтомъ въ 1868 г., въ письмѣ къ редактору *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, Тургеневу пришлось опровергать разсказъ о томъ, будто онъ, тридцать лѣтъ назадъ, во время пожара на пароходѣ кричалъ: „спасите меня, я единственный сынъ у матери"...

Въ качествѣ дядьки Ивана Сергѣевича сопровождалъ границу крѣпостной докторъ Варвары Петровны—Порфирій Тимоѳеевичъ Кудряшевъ. Порфирій пользовался особымъ положеніемъ въ домѣ барыни. Правда, она не затруднилась пригрозить ему ссылкой въ Сибирь, если онъ не вылѣчитъ ея воспитанницы, но та же воспитанница утверждаетъ, что это единственный человѣкъ, кого Варвара Петровна не оскорбила ни словомъ, ни дѣломъ, и кому довѣряла даже больше, чѣмъ всѣмъ другимъ докторамъ. Уже посылка Порфирія дядькой при молодомъ баринѣ свидѣтельствовала о довѣріи Варвары Петровны къ этому крѣпостному.

Иванъ Сергѣевичъ быстро сблизился съ своимъ дядькой и между ними установились товарищескія отношенія. Свободныя минуты баринъ

и слуга проводили въ такомъ невинномъ занятіи, какъ игра въ картонные солдатики: за этой забавой Тургенева неоднократно заставалъ Грановскій. Самъ Иванъ Сергѣевичъ разсказываетъ о другомъ удовольствіи, также съ участіемъ дядьки. Тургеневу случайно досталась собака,—и баринъ съ дядькой съ величайшимъ усердіемъ принялись воспитывать ее, учить ее охотиться за крысами. „Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу", разсказывалъ Тургеневъ, „я сію же минуту бросаю и Гегеля, и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами".

У Порфирія былъ, впрочемъ, болѣе пріятный способъ проводить время и на этотъ разъ уже онъ пользовался услугами барина. Онъ быстро освоился съ заграничной жизнью, отчасти съ нѣмецкимъ языкомъ и завелъ романъ съ нѣмкой. Ивану Сергѣевичу приходилось писать любовныя письма для своего дядьки. Дѣло едва не дошло до брака, но Порфирій испугался вѣчныхъ узъ на чужбинѣ...

Эти пріятныя занятія далеко не поглощали всего времени ни у барина, ни у слуги. Оба добросовѣстно отнеслись къ цѣли путешествія, —и даже дядька вернулся на родину сравнительно образованнымъ человѣкомъ. Чему Тургеневъ учился въ Берлинѣ, кто его училъ и съ кѣмъ онъ встрѣчался,—мы знаемъ отъ него самого.

„Я занимался философіей говорилъ онъ, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля, подъ руководствомъ профессора Вердера". Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ гегельянство было притягательной силой нѣмецкихъ университетовъ, и особенно Берлинскаго. Одинъ изъ бывшихъ поклонниковъ Гегеля, не принадлежавшій къ берлинскому кружку студентовъ въ пору Тургенева, кратко и вѣрно выразилъ отношеніе—свое и другихъ—къ Гегелю: „мы да и всѣ его послѣдователи изучали его, какъ новаго Мессію, и кланялись ему, какъ буряты своимъ фетишамъ".

Увлеченіе Гегелемъ росло благодаря необыкновенно привлекательному толкователю гегельянства, молодому профессору Вердеру. Вердеръ особенно близокъ былъ со Станкевичемъ, прямо влюбился въ своего ученика, и его самого поражала его привязанность къ иноземному студенту. Къ великой забавѣ Станкевича онъ объяснялъ ее тѣмъ, что у его русскаго друга душа совершенно нѣмецкая.

Станкевичъ высоко цѣнилъ эту дружбу. „Профессоръ Вердеръ, пишетъ онъ, рѣдкій молодой человѣкъ, наивный, какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ, какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится самому лучше и самъ становишься лучше".

Нравственная сущность гегельянства, какъ его понималъ Вердеръ, —безграничная вѣра и свѣтлая надежда прекрасной разумной души Недаромъ, Вердеръ по природѣ вѣрующій оптимистъ, по умственной работѣ—восторженный „правый“ гегельянецъ. Философія заранѣе спасала философа отъ огорченій и негодованій. Можно ли огорчаться и негодовать, если всѣ явленія и всякіе люди съ одинаковымъ правомъ входятъ въ діалектическій процессъ всемірнаго духа? Человѣку остается постиженіе, примиреніе, „самоотреченіе“, такъ художественно воспѣтое въ нѣмецкой поэзіи. Русскій истолкователь гегельянства, Бакунинъ также имѣвшій своихъ учениковъ, между прочимъ,—Бѣлинскаго,—въ немногихъ словахъ выразилъ душевное настроеніе, философскую вѣру и художественный вкусъ своихъ сверстниковъ въ тридцатые годы: „примиреніе съ дѣйствительностью во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни—есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь“. Но съ такой философіей не только было легко примириться съ дѣйствительностью,—но и отпадала необходимость ее знать. Поэтому и Вердеръ, при всей своей замѣчательности, былъ, по выраженію умной русской наблюдательницы, „знакомъ только съ самимъ собой“.

Если бы русскіе ученики Вердера не только его сердечно любили, но и старались сполна усвоить и жизнью оправдать его міровоззрѣніе, —лекціи нѣмецкаго профессора были бы священнодѣйствіемъ надъ кладбищемъ русскаго гражданскаго духа,—поэтическимъ и трогательнымъ, какими часто бываютъ кладбища,—но нужнымъ не для живыхъ, а для мертвыхъ.

Правда, ни одинъ русскій прославившійся слушатель Вердера не остался гегельянцемъ съ „резиньяціей“, ни одинъ не послѣдовалъ совѣту Бакунина тридцатыхъ годовъ: „сродниться съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью“,—а тамъ же, подъ сѣнью Берлинскаго университета невольно, не въ силу философіи, а своего разума и своего сердца, они оказались антитезой все примиряющей и все благословляющей мудрости.—Впослѣдствіи Тургеневъ произнесъ осужденіе не только направленію Берлинской философіи, но и тому увлеченію русской молодежи, какое создавало для нея обособленность, идейное отшельничество среди родной дѣйствительности. Въ осужденіи Тургеневъ будто разумѣлъ самого себя. Это все тотъ же Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Послѣ кружковаго краснобайства онъ отправляется заграницу,—оставляя свои вотчины на попеченіе двороваго человѣка Кудряшева—одноименнаго съ дворовымъ человѣкомъ Тургенева. Гамлетъ горько укоряетъ себя за безплодныя занятія: „какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? что общаго, скажите, между этой

энциклопедіей и русской жизнью? и какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку"?

И Щигровскій помѣщикъ бичуетъ себя за то, что онъ въ свое время не сидѣлъ дома, не изучалъ родной русской жизни, не узнавалъ ея потребностей. Тогда бы ему выяснилось и его призваніе. Наконецъ, „Гамлетъ" бросаетъ замѣчаніе, стоющею пространныхъ разсужденій о безпомощности самыхъ благонамѣренныхъ и умныхъ русскихъ людей передъ судьбой своей родины.

„Гамлетъ" не могъ изучать дѣйствительной русской жизни по очень простой причинѣ: такъ ужъ повелось,—русскій образованный человѣкъ можетъ изучать предметъ только по книгѣ, по готовымъ выводамъ и заключеніямъ. Изучать жизнь хотя бы русскую, ему не подъ силу,—она для него нѣмая, „молчитъ голубушка". Говорятъ за то „наши Московскіе",—„Курскими соловьями свищутъ да не по людскому говорятъ". У этихъ соловьевъ имѣется превосходное объясненіе для своего стихійнаго бѣгства изъ Россіи: „вотъ я подумалъ, подумалъ—вѣдь наука то, кажись, вездѣ одна и истина одна—взялъ да и пустился съ Богомъ въ чужую сторону, къ нехристямъ".

Наука и истина одна—любимое изрѣченіе русскихъ благородныхъ искателей истины, Герценъ, напримѣръ, не устаетъ его повторять,—забывая, это есть человѣческія истины и весьма важныя, неразрывно связанныя съ почвой, съ отдѣльными явленіями, какъ свойства химическаго элемента связаны съ самимъ элементомъ. А между тѣмъ, этихъ почвенныхъ истинъ за русской землей не признавали ея просвѣщенныя дѣти. Они стремились на западъ не только за наукой, какой не было въ Россіи,—но и за такимъ знаніемъ, какого слѣдовало искать прежде всего дома. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ искателей, глубоко любимый и чтимый Тургеневымъ,—Н. И. Тургеневъ въ пору своей молодости отъ родной скуки и тьмы бѣжалъ „къ нѣмцамъ": „Примите, восклицалъ онъ,—германскія музы подъ кровъ свой человѣка, желающаго имѣть какое-нибудь свѣдѣніе о наукахъ (вообще), но болѣе всего ѣдущаго въ путешествіе для познанія науки важнѣйшей и полезнѣйшей—науки узнавать людей". Также думали и другіе русскіе путешественники, разсчитывавшіе выполнить свой нравственный и гражданскій долгъ передъ родиной, погружаясь въ волны западной жизни рука объ руку съ западными людьми. И они узнавали жизнь и человѣка—только не тѣхъ, какіе могли сдѣлать ихъ мудрыми и сильными передъ ихъ роднымъ народомъ. Въ пониманіе его нуждъ и задачъ его будущаго они вносили свѣтъ и рѣшенія, созданныя иной природой и иной исторіей и часто оказывались не только слѣпыми

учителями но и „за давностью лѣтъ“ плохими учениками. Тургеневу придется встрѣтиться въ рѣзкой борьбѣ съ однимъ изъ выучениковъ той самой школы, какая въ баснѣ привела въ такое трагикомическое положеніе сына льва воспитаннаго орломъ.

Герценъ, такъ долго и горячо объяснявшій міровое значеніе русскаго „міра“, изучалъ этотъ смыслъ „міра“ не въ то время, когда самъ жилъ въ Россіи, а когда попалъ заграницу и прочиталъ о русской общинѣ въ иностранной книгѣ, а въ иностранной жизни отчаялся увидѣть утвержденіе соціалистическихъ идеаловъ,—не живой русскій мужикъ надоумилъ его на счетъ своего провиденціальнаго будущаго, а нѣмецкій баронъ Гакстгаузенъ. И такъ какъ „истина одна“,—Герценъ и приспособилъ русскую общину къ новѣйшей европейской „истинѣ“ —къ соціализму. Европа—разсуждалъ Герценъ—оказалась не въ силахъ осуществить высшій порядокъ человѣческаго общества,—его осуществитъ и уже началъ осуществлять темный и жалкій русскій мужикъ... Сколько потребовалось гнѣвнаго и чувствительнаго краснорѣчія, сколько простодушныхъ восторговъ въ одну сторону и злобныхъ укоризнъ въ другую—ради безнадежной отвлеченно—добытой и книжновзлелѣяной идеи! Будто въ капканѣ билась мысль Герцена, усиливаясь доказать волшебную силу русскаго быта—произвести синтезъ величайшихъ завоеваній человѣческой цивилизаціи-индивидуализма и соціализма. Такъ, даже вѣра въ высшее призваніе родины, не воспитанная предварительнымъ изученіемъ ея прошлаго и ея свойствъ и силъ,—разрѣшается въ безплодную—у искренняго мыслителя безвыходно—трагическую грёзу. И, мы увидимъ,—Герценъ-мыслитель и публицистъ умретъ раньше смерти и еще надъ живыми—надъ собой и своимъ другомъ Огаревымъ—произнесетъ отходную: „Мы фурфуировались, дѣло ясное, что никто не хочетъ ни французскаго, ни русскаго *Колокола*“.—*Сбились съ пути!..* Щигровскій помѣщикъ могъ бы объяснить это Герцену гораздо раньше, а Тургеневъ понималъ ложный путь еще студентомъ Берлинскаго университета.

Онъ, несомнѣнно, цѣнилъ благородную личность Вердера, въ гегельянскую мудрость онъ проникалъ легко, зная превосходно нѣмецкій языкъ,—но, повидимому, эта мудрость мало вліяла на него. Играть въ дѣтскую игру или охотиться на крысъ не совсѣмъ свойственно философу. Въ произведеніяхъ Тургенева нѣтъ ни одного намека на восторги предъ Гегелемъ,—зато восторженное чувство къ Гёте не подлежитъ сомнѣнію. Вердеръ безпрестанно ссылался па *вторую* часть *Фауста*,—какъ и надлежало философу-метафизику,—Тургеневъ зналъ наизусть первую часть: здѣсь философіи мало,—а много той жизненной правды, какая смутила долголѣтній покой дочери Ельцовой,

Фаустъ,—писалъ Тургеневъ „страстное, неокругленное произведеніе первой молодости“ поэта, Гете не имѣлъ здѣсь „ни желанія ни стремленія заниматься предметами богословія или философіи“. Герой Тургеневской повѣсти, читая *Фауста* съ цѣлью увлечь еще не жившую сердцемъ женщину, пропускаетъ интермеццо „штуку“ по манерѣ принадлежащую второй части. Вѣроятно,—и самъ Тургеневъ, пропускалъ подобныя „штуки“. Вообще, на товарищей гегельянцевъ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка легкомысленнаго,—мы знаемъ это отъ него самого.

Еще въ Петербургѣ въ 1835 году онъ познакомился съ Грановскимъ, тоже студентомъ университета—на послѣднемъ курсѣ. Видѣлись они рѣдко, но у Тургенева и отъ ранняго знакомства осталась память о „плѣнительномъ добродушіи“ Грановскаго, объ его „душевной простотѣ“, о „невольномъ уваженіи“, какое онъ внушалъ. Теперь онъ встрѣтился съ Грановскимъ въ Берлинѣ, но и на этотъ разъ они не сошлись: „я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ“, поясняетъ Тургеневъ по поводу смерти Грановскаго въ 1855 году. Грановскій подружился со Станкевичемъ, и тотъ имѣлъ на него „величайшее вліяніе“, „часть его духа перешла“ на Грановскаго. Другимъ близкимъ другомъ Станкевича былъ Невѣровъ еще съ Москвы, и даже больше чѣмъ другомъ,—его духовникомъ. Объяснялось это рѣдкими качествами Невѣрова въ этомъ мірѣ философскаго прекраснодушія. Невѣровъ съ дѣтства успѣлъ близко приглядѣться къ русской жизни, нѣсколько лѣтъ былъ чиновникомъ добровольно и добросовѣстно въ той самой провинціи, какая внушала такой смертный ужасъ Огареву и особенно Герцену, самъ приготовился въ университетъ и, по окончаніи курса, поѣхалъ заграницу. Сильный положительный умъ, богатый жизненный опытъ Невѣрова производили на благородную мечтательную душу Станкевича впечатлѣніе силы и власти и никому такъ много и откровенно онъ не писалъ, какъ Невѣрову, хотя тотъ высказывалъ весьма чувствительныя для Станкевича сомнѣнія—въ пользѣ занятій современной нѣмецкой философіей. Можетъ быть, отчасти вліянію Невѣрова слѣдуетъ приписать позднѣйшую попытку Станкевича взять на себя службу, какъ будничную посильную дѣятельность на пользу народа.

Станкевича съ Тургеневымъ познакомилъ Грановскій въ апрѣлѣ 1838 года.

Тургеневъ, по его словамъ, тотчасъ же почувствовалъ уваженіе къ новому знакомому, „и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей отъ внуренняго сознанія собственной недостойности и лживости“. Станкевичъ ни разу не былъ у Тургенева,—очевидно, не разсчитывалъ

найдти въ немъ достойнаго собесѣдника по своимъ любимымъ вопросамъ. Можетъ быть, Тургеневъ холоднѣе другихъ относился къ другу Станкевича—Вердеру и не принималъ горячаго участія въ студенческихъ серенадахъ подъ окнами профессора, не произносилъ рѣчей, не проливалъ слезъ и не кричалъ: обо всѣхъ этихъ „продѣлкахъ" студентовъ онъ вспоминалъ девять лѣтъ спустя. Наконецъ, можетъ быть онъ и тогда уже думалъ, что „пора нѣмцу-Фаусту выйдти изъ своей кельи", „пора ему перестать заниматься трансцендентальными вопросами". Такой взглядъ, конечно, глубоко обидѣлъ бы Вердера и многихъ его почитателей.

Тургеневъ чаще всего встрѣчался со Станкевичемъ въ семьѣ Фроловыхъ. Хозяйка была, по словамъ Тургенева, „женщина очень замѣчательная", съ „тонкимъ женскимъ умомъ", „сама говорила не много, но каждое слово ея не забывалось". Ее посѣщалъ знаменитый авторъ *Космоса*—Гумбольдтъ. „Я ходилъ туда молчать, разиня ротъ и слушать",—говоритъ про себя Тургеневъ. О чемъ здѣсь говорили, можно видѣть изъ разсказа Невѣрова.

„Однажды на вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы, оставившей отечество и постоянно жившей заграницей, шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера, мы возвратились домой и, естественно, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ—Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ.

— „Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія", и при этомъ Станкевичъ взялъ съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли.

„И мы сдержали наше слово: самъ Станкевичъ черезъ два года умеръ въ званіи почетнаго смотрителя Острогожскаго уѣзднаго учи-

лица, слѣдовательно, если не лично, что было невозможно при его болѣзненномъ состояніи, то косвенно взносомъ на училище, содѣйствовалъ образованію народа; Грановскій окончилъ жизнь профессоромъ университета, а я, возвратившись изъ-за границы, вмѣсто литературнаго поприща, какъ предполагалось прежде, поступилъ на учебное, и, конечно, на немъ и окончу мое земное поприще".

Подобныя бесѣды вовсе не касались гегелевской философіи и въ этомъ уклоненіи въ сторону родной дѣйствительности заключалось истинное спасеніе русскихъ душъ, очарованныхъ Вердеромъ. Здѣсь даже легкомысліе не мѣшало Тургеневу чувствовать себя на твердой, *своей* почвѣ, и намъ невольно припоминаются живыя заботы о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, охватившія Тургенева еще раньше, чѣмъ народъ сталъ свободнымъ, его разнообразные замыслы придти на помощь народной темнотѣ. Это все отголоски берлинскихъ бесѣдъ, можетъ быть отголоски клятвы, потребованной Станкевичемъ у своихъ земляковъ и можетъ быть за эти отголоски Тургеневъ много лѣтъ спустя называлъ это время „свѣтлымъ прошлымъ".

Со Станкевичемъ Тургеневъ сошелся тѣснѣе въ Римѣ въ началѣ 1840 года, видѣлъ его каждый день уже очень больнаго. Встрѣчались они безпрестанно въ семьѣ Ховриныхъ, къ старшей дочери въ этой семьѣ былъ неравнодушенъ Тургеневъ, а она „чувствовала, по его словамъ, большую симпатію къ Станкевичу". И въ эту пору Тургеневу приходилось не разъ слышать отъ Станкевича дружескія, но поучительныя отповѣди на свои все еще юношескія выходки. Такъ Тургеневъ, осматривая римскія катакомбы вмѣстѣ со Станкевичемъ, воскликнулъ о первыхъ христіанахъ: „Это были слѣпыя орудія Провидѣнія",—Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ передъ мраморной статуей св. Цециліи Тургеневъ проговорилъ стихи Жуковскаго:

И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по *привычкѣ* любуется прелестью да еще въ такіе молодые годы. Это разсказываетъ самъ Тургеневъ, вообще, повидимому чувствовавшій себя въ Римѣ беззаботнымъ художникомъ. Ему даже пришла мысль посвятить себя живописи, онъ сталъ брать уроки у живописца, усердно рисовалъ каррикатуры по темамъ Станкевича. Наконецъ, Тургеневъ сообщаетъ одну черту характера Станкевича, отсутствовавшую у самого Тургенева: Станкевичъ никогда не жаловался на свое здоровье, о своей болѣзни —явно смертельной онъ говорилъ не иначе какъ въ шутливомъ тонѣ. Однажды онъ и Тургеневъ взбирались по лѣстницѣ на четвертый этажъ

къ Ховринымъ. Станкевичъ началъ читать едва слышнымъ голосомъ стихотвореніе Пушкина „Снова тучи надо мною“, вдругъ остановился, кашлянулъ и поднесъ платокъ къ губамъ,—на платкѣ показалась кровь. „Я невольно содрогнулся, разсказываетъ Тургеневъ, а онъ только улыбнулся и дочелъ стихотвореніе до конца“. Только однажды будто нѣчто зловѣщее смутило Станкевича. Разъ Тургеневъ проѣзжалъ съ нимъ вечеромъ мимо высокой развалины, обросшей плющемъ. Тургеневу почему то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ: Divus Cajus Julius Caesar“! Въ развалинѣ это отозвалось будто стономъ. Станкевичъ до того времени очень разговорчивый и веселый—вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ то страннымъ выраженіемъ: „Зачѣмъ вы это сдѣлали“?

Въ іюнѣ Станкевичъ уѣхалъ изъ Рима во Флоренцію, а Тургеневъ въ Берлинъ. Изъ Флоренціи Станкевичъ написалъ Тургеневу большое письмо, 11 іюня, всего за тринадцать дней до смерти. Вердеръ и здѣсь занимаетъ первое мѣсто. Станкевичъ проситъ Тургенева „ради Бога“ написать „хоть нѣсколько строкъ“—и непремѣнно о Вердерѣ: „скажите ему мое почтеніе, скажите, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога, и что все что во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано“. Не былъ забытъ и другой близкій человѣкъ, столь не похожій на Вердера—Невѣровъ. Станкевичъ услышалъ, что Невѣрова сдѣлали цензоромъ и вотъ какъ онъ оцѣнилъ эту новую службу друга: „его должности очень сообразны его положительному *порядочному* направленію, соединенному съ снисхожденіемъ и величайшею добротою. Какъ хорошо, если бы онъ пошелъ впередъ постоянно по этой дорогѣ“. Становится понятнымъ, почему рядомъ съ этимъ человѣкомъ каждому становилось свѣтло и уютно. Въ сердцѣ мечтателя находилось мѣсто не только такимъ отрѣшеннымъ художникамъ чистой идеи, какимъ былъ Вердеръ,—но и всякой благородной дѣятельной силѣ и самый даровитый гегельянецъ могъ казаться бѣднякомъ предъ этимъ многообъемлющимъ душевнымъ міромъ. Тургеневъ устами Лежнева такъ прямо и называетъ Рудина бѣднякомъ въ сравненіи съ Покорскимъ—Станкевичемъ, и ни одного человѣка за всю свою жизнь не оплакивалъ онъ такими задушевными слезами, какъ Станкевича,—и врядъ ли кто еще вызывалъ у него такое преклоненіе предъ нравственной красотой и такую любовь къ человѣческой личности.

Станкевичъ скончался въ Нови 24 іюня,—и Тургеневъ писалъ Грановскому: „Насъ постигло великое несчастье, Грановскій. Едва могу я собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашею гордостью и надеждою“.

Дальше Тургеневъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ покойному, о томъ, какъ онъ цѣнилъ „его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души". Съ трогательнымъ чувствомъ Тургеневъ пересказываетъ предсмертное письмо Станкевича и подъ конецъ чувство горя звучитъ отчаяніемъ: „Я оглядываюсь, ищу—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будемъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?...

„О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не умереть другому, тысячѣ другимъ, мнѣ напр.? Когда же придетъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла и сама наша жизнь условіе и плодъ наслажденій—Творца, зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное"?..

„Но нѣтъ, мы не должны унывать и преклоняться.

„Сойдемся, дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ, быть можетъ, лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и—рано-ли поздно—свѣтъ побѣдитъ тьму".

Пребываніе Тургенева при Берлинскомъ университетѣ продолжалось около двухъ лѣтъ, съ перерывами на поѣздку въ Россію, путешествіе въ Италію.

О значеніи этихъ двухъ заграничныхъ лѣтъ Тургеневъ выразился, повидимому, вполнѣ опредѣленно. „Я бросился внизъ головою въ Нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я все-таки очутился „западникомъ", и остался имъ навсегда".

Такъ писалъ Тургеневъ много лѣтъ спустя, вскорѣ послѣ того какъ онъ далъ рѣшительное сраженіе въ защиту своего „западничества" романомъ *Дымъ*. А до этого романа онъ вынесъ борьбу съ Герценомъ по тому же вопросу. Слѣдовательно, у него было не мало пережитаго и передуманнаго для точной оцѣнки себя, какъ „западника". Намъ придется не разъ встрѣтиться съ ней. Несомнѣнно, въ вопросѣ было не все ясно, если такіе непохожіе люди какъ Герценъ и Достоевскій съ рѣзкой запальчивостью но одинаково отрицательно взглянули на Тургенева какъ „западника".

Самъ онъ начало своего западничества ведетъ съ студенческаго путешествія въ Берлинъ, когда, по его словамъ, онъ „съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера". Какое умственное богатство почерпнулъ Тургеневъ изъ этого изученія

—онъ не объясняетъ,—но врядъ ли оно было внушительно и врядъ ли его считалъ такимъ самъ Тургеневъ, слушая чтенія Вердера. Мы это могли заключить изъ того положенія, какое занималъ Тургеневъ среди друзей Станкевича, изъ его позднѣйшаго отношенія къ берлинской философіи и, наконецъ, изъ его личнаго признанія, передаваемаго Фетомъ. Ему пришлось перелистать свои берлинскія философскія записки и оказалось,—онъ ни слова не могъ понять. Можетъ быть, Фетъ преувеличиваетъ выраженія—но смыслъ вполнѣ правдоподобенъ: иначе среди произведеній Тургенева врядъ ли существовали бы *Гамлетъ Щигровскаго уѣзда* и *Рудинъ* и всего пять или шесть лѣтъ спустя Тургеневъ не нашелъ бы въ себѣ силы насмѣшливо изображать „продѣлки" берлинскихъ студентовъ съ чувствительными серенадами въ честь Вердера и разсказывать о томъ, что неизмѣнно горячаго толкователя гегелевской логики слушаютъ всего три человѣка,—изъ нихъ одинъ нѣмецъ да и тотъ изъ Помераніи.

Очевидно, нѣмецкая философія заняла очень скромное мѣсто въ душѣ Тургенева, хотя сгоряча онъ и мечталъ сдѣлаться ученымъ философомъ.

Дальше, изъ объясненій Тургенева выходитъ, будто отправляясь въ Берлинъ за наукой онъ порывалъ съ „полосой помѣщичьей, крѣпостной", вообще съ роднымъ бытомъ, отталкивалъ отъ себя „всѣхъ и вся", „даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко сердцу". Это настроеніе—позднѣйшаго происхожденія,—и развѣ только слабо и неясно переживалось оно Тургеневымъ, только что кончившимъ университетскій курсъ. Разрывъ съ бытомъ и средой, т. е. съ крѣпостнымъ правомъ, какъ личнымъ врагомъ, врядъ ли имѣлся въ виду при поѣздкѣ въ Берлинскій университетъ. Тургеневъ незадолго до путешествія сообщалъ профессору Никитенко о своихъ литературныхъ работахъ и замыслахъ: въ нихъ нѣтъ ни единаго намека на какое бы то ни было отношеніе къ крѣпостному праву, вообще къ деревенскому быту. Тургеневъ, живя въ деревнѣ, врядъ ли внимательнѣе Герцена смотрѣлъ на окружающую дѣйствительность. Герценъ оставилъ дневникъ своихъ мыслей и чувствованій среди крѣпостнаго міра,—и дневникъ этотъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы возникнуть на берегахъ Неаполитанскаго залива: такъ сравнительно ничтожно мѣсто „простаго, добраго и славнаго народа" на его страницахъ. Тургеневъ дневника не сочинялъ,—но въ его раннихъ литературныхъ произведеніяхъ—вплоть до *Записокъ охотника* ничто не напоминаетъ настроеній, подсказавшихъ Пушкину *Деревню*, а Лермонтову и Бѣлинскому ихъ юношескія драмы. Приходится признать,—способность почти въ двадцать лѣтъ играть въ картонныхъ солдатиковъ была вполнѣ

искренняя и не сталкивалась съ глубоко воспринятыми и осмысленными впечатлѣніями жизни. Пока Тургеневъ могъ искупаться въ нѣмецкомъ морѣ довольно беззаботно и выговоры Станкевича въ Римѣ за легкомысленныя выходки имѣли вполнѣ цѣлесообразный воспитательный смыслъ.

Можно думать,—именно общество *русскихъ* людей въ Берлинѣ гораздо больше помогло „западничеству" Тургенева въ томъ смыслѣ, какой онъ ему придаетъ, чѣмъ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ. Истинной авдиторіей для этого западничества былъ не Берлинскій университетъ, а тотъ русскій домъ, гдѣ происходила разсказанная Невѣровымъ бесѣда и произносились торжественныя обѣщанія. Отсюда Тургеневъ долженъ былъ вывезти вполнѣ сознательную ненависть къ крѣпостному праву и обѣщаніе, данное по предложенію Станкевича, явилось первой „аннибаловской клятвой". Такой смыслъ придаетъ разсказу и самъ Невѣровъ относительно самого себя, Станкевича и Грановскаго.

Тургеневъ утверждаетъ,—онъ „не написалъ бы *Записокъ охотника*, если бы остался въ Россіи". Болѣе преувеличеннаго сужденія нельзя и представить,—развѣ ужъ прямо заявить: только на Западѣ Тургеневъ могъ почувствовать, до какой степени возмутительна власть помѣщиковъ надъ крестьянами, понять, что среди крестьянъ не мало людей благородныхъ и весьма одаренныхъ и, наконецъ, придти къ заключенію, что долгъ каждаго попытаться высказать всѣ эти истины вслухъ. Неужели за такими уроками кому бы то ни было надлежало ѣхать заграницу и жить тамъ годами? Тургеневъ такъ писалъ въ 1868 году, когда уже давно слышались самыя беззастѣнчивыя нареканія на его проживаніе заграницей, при чёмъ не щадилась и его личная жизнь. Если Достоевскій, послѣ *Дыма*, могъ обвинять Тургенева въ отщепенствѣ отъ родины, въ измѣнѣ ей, то другіе указывали на „модную пѣвицу" и порабощеннаго ею русскаго писателя. Естественно, Тургеневъ воспользовался случаемъ возможно сильнѣе защитить не столько свое „западничество", сколько свою долголѣтнюю разлуку съ Россіей и „Западу" приписалъ несравненно больше, чѣмъ получилъ отъ него и какъ писатель, и какъ человѣкъ. Всему этому мы встрѣтимъ множество подтвержденій и убѣдимся въ основной истинѣ: все, что Тургеневъ принялъ отъ Запада, онъ могъ взять вовсе не отталкивая „всѣхъ и вся" и не бросаться внизъ головою въ какое бы то нибыло западное море,—наоборотъ,—Западъ *отнялъ* у Тургенева—въ его творчествѣ и въ его личной жизни такъ много, что никакая „западная" философія не могла вознаградить за утрату ни его самого, ни его родину.

Рѣшительную разлуку съ Россіей, о какой говоритъ Тургеневъ, слѣдуетъ начинать не съ путешествія въ Берлинъ, а съ другого—спустя восемь лѣтъ послѣ перваго. Теперь это дѣйствительно былъ другой человѣкъ и сдѣлала его такимъ не западная философія, а русская дѣйствительность, вплотную налегшая на сердце и мысль писателя. И не желаніе убѣжать отъ страшной власти этой дѣйствительности погнало Тургенева въ чужіе края: были еще причины,—и среди нихъ „полоса помѣщичья крѣпостная“—не первая и не главная.

III.

По возвращеніи изъ заграницы Тургеневъ прежде всего думалъ продолжать научную дѣятельность. Въ началѣ 1842 года онъ обратился въ Московскій университетъ съ просьбой—допустить его къ испытанію на степень магистра философіи. Просьба кандидата Тургенева повергла университетскую администрацію въ безвыходное затрудененіе. Каѳедра философіи въ Московскомъ университетѣ не существовала съ 1826 года. Въ этомъ году преподаватель философіи И. И. Давыдовъ прочелъ вступительную лекцію, составленную по Шеллингу *О возможности философіи, какъ науки*. Лекція и планъ предположеннаго курса не понравились высшему начальству, Давыдовъ былъ переведенъ на математическій факультетъ и ему поручено сначала преподаваніе высшей алгебры, а потомъ, по смерти Мерзлякова, его вернули на словесное отдѣленіе для преподаванія—русской словесности. Каѳедра философіи оставалась незанятой, хотя по временамъ читалась логика для студентовъ перваго курса. По поводу прошенія Тургенева возникла переписка между университетомъ и попечителемъ, такъ какъ факультетъ затруднялся экзаменовать кандидата на магистерскую степень по каѳедрѣ, остающейся незанятой въ теченіе пятнадцати лѣтъ вслѣдствіе усмотрѣнія высшаго начальства. Переписка ни къ чему не привела: прошеніе Тургенева осталось безъ послѣдствій.

Эта попытка Ивана Сергѣевича превратиться въ ученаго возбудила немалое удивленіе въ обществѣ, близко его знавшемъ: Тургеневъ все еще производилъ впечатлѣніе, противорѣчившее его замысламъ.

Въ одномъ изъ писемъ Тургеневъ говоритъ: „Какой я былъ бы художникъ (не говоря уже—человѣкъ), если бы не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости?“

Такъ могъ сказать Тургеневъ о себѣ, какимъ онъ былъ въ молодую пору жизни и о многихъ своихъ сверстникахъ. Желанія, перелетаю-

щія за предѣлы слишкомъ обыкновенной дѣйствительности, замыслы, превосходящіе личныя и вообще человѣческія возможности, вызовы міру и людямъ—все это такъ же обычно въ человѣческой молодости, какъ буйный волшебный размахъ весенней природы. Юноши-поэты создали даже особыхъ героевъ, готовыхъ образцовъ для будущихъ поколѣній такихъ же юношей. Среди этихъ созданій первое мѣсто занялъ самый загадочный, самый роковой и очаровательный байроновскій герой разочарованія, презрѣнія къ людямъ, герой необъятныхъ стремленій и мощныхъ страстей. Сколько жертвъ принесено этому кумиру! Вспомните Пушкина, Лермонтова... Вспомните пламенное желаніе непремѣнно щеголять въ „гарольдовомъ плащѣ", испепелять окружающихъ пигмеевъ презрѣньемъ, вести себя высшимъ избраннымъ существомъ. Вспомните гордыя выходки крупныхъ и мелкихъ „демоновъ" въ „свѣтѣ" и въ обществѣ и чѣмъ общество смиреннѣе, тѣмъ запальчивость байронствующаго героя будетъ отважнѣе и необычайнѣе. Онъ постарается поразить вольнодумствомъ, оригинальностью поведенія, рѣчей, образомъ жизни. И его будетъ тѣшить всеобщее изумленіе и еще лучше—негодованіе. Въ его глазахъ это борьба, вызовъ пошлому, погрязшему въ предразсудкахъ мѣщанству...

Кто бы ни надѣлъ гарольдовъ плащъ и нацѣпилъ демоническія крылья будь это даже Пушкинъ и Лермонтовъ—сущность одна и та же: игра въ маскарадъ, въ преувеличенныя чувства, въ парадоксальныя идеи... Много надо проницательности, знанія человѣческаго сердца и еще больше благородной снисходительности, чтобы за лицедѣйской внѣшностью распознать броженіе великихъ силъ и чтобы ради этихъ силъ простить молодыя позы и фразы.

Тургеневъ не могъ не выболѣть этой корью. Не даромъ онъ писалъ драму въ подражаніе „Манфреду": у него какъ и у другихъ драма была личной мечтой. И по природѣ Тургеневъ могъ разыграть ее съ особеннымъ успѣхомъ,—онъ одаренный воображеніемъ геніальнаго художника. Красивые, эффектные вымыслы давались ему безъ всякихъ усилій,—и ему-ли красивому, знатному, щедро одаренному противостать обаянію сказочныхъ грёзъ! Кромѣ того онъ, и въ самомъ дѣлѣ много зналъ, о многомъ думалъ, являлся въ полномъ смыслѣ выдающимся молодымъ человѣкомъ. Это чувствовалось всѣми, не могъ этого не чувствовать и онъ самъ.

И вотъ всюду, куда бы ни являлся свѣжій питомецъ западнаго университета, происходитъ одно и то же. Какой бы вопросъ ни подняли, о чемъ бы ни заговорили, Тургеневъ непремѣнно завладѣетъ и вопросомъ, и разговоромъ единолично и разовьетъ свои воззрѣнія съ поразительнымъ, врядъ ли еще кому доступнымъ искусствомъ. Потокъ

блестящихъ мыслей, разнообразнѣйшихъ свѣдѣній и что важнѣе всего художественныхъ образовъ ошеломляетъ слушателей. Самъ ораторъ испытываетъ неописанное наслажденіе, пока создаетъ волшебную ткань. Но, какъ и слѣдовало ожидать,—блестящаго говоруна занималъ не самый предметъ разговора, а размахъ собственныхъ разсужденій и больше всего впечатлѣнія слушателей. Онъ стремится скорѣе поразить ихъ новизной, неожиданностью взглядовъ и выводовъ, чѣмъ дѣйствительно убѣдить. У него главная задача—не походить на другихъ, выдѣлиться изъ общаго круга какойнибудь необыкновенностью, исключительной выходкой, эффектомъ бесѣды. И онъ достигаетъ цѣли, но далеко недаромъ: на него начинаютъ смотрѣть, какъ на легкомысленнаго краснобая; ни въ чемъ онъ не убѣжденъ, ни о чемъ серьезно не размышляетъ, занятъ исключительно разыгрываніемъ ослѣпительныхъ зрѣлищъ. Тургеневъ будто преднамѣренно поддерживаетъ это мнѣніе. Онъ усваиваетъ странныя повадки, даже особенное выраженіе лица, совершенно не соотвѣтствующее его мягкой сердечной природѣ, высказываетъ замѣчанія, невѣроятныя на обычный здравый смыслъ, напримѣръ: предъ великими произведеніями искусства—живописи, скульптуры, музыки—онъ чувствуетъ, по его словамъ, зудъ подъ колѣнами...

Будто онъ соревнуетъ извѣстнымъ печоринскимъ, сужденіямъ о музыкѣ, какъ о гастрономическомъ предметѣ,—когда то такимъ страшнымъ для бѣдныхъ свѣтскихъ барышень!

И нашъ юноша *геніальничаетъ*, вызываетъ у людей разсудительныхъ и уравновѣшенныхъ чувство отчужденія и даже негодованія. Многимъ ли придетъ на умъ разобраться во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ и посмотрѣть безпристрастными глазами на сущность? Большинство старается подхватить промахи „льва“, запоминаетъ ихъ и злостно распространяетъ среди знакомыхъ и незнакомыхъ.

Станкевичъ и здѣсь оказался исключеніемъ: онъ предупреждалъ своихъ московскихъ знакомыхъ не судить о Тургеневѣ по первому впечатлѣнію: это человѣкъ умный и даровитый. Такую же проницательность обнаружилъ и Бѣлинскій, по своему обычаю крѣпко полюбившій Тургенева, хотя и упрекалъ его въ хлестаковщинѣ,—но за то Герценъ сразу произнесъ рѣшительный и уничтожающій приговоръ и не только надъ Тургеневымъ, но попутно и надъ Бѣлинскимъ за его непониманіе людей: „пускай-молъ Бѣлинскій занимается книгами и книжонками и не вмѣшивается въ оцѣнку людей—тутъ онъ ничего не смыслитъ“. А болѣе обыкновенные люди, пораженные прежде всего костюмомъ Тургенева—синимъ фракомъ, золотыми пуговицами съ изображеніемъ львиныхъ головъ, свѣтлыми клѣтчатыми панталонами, бѣлымъ жилетомъ, цвѣтнымъ галстукомъ,—только и замѣтили:

ходульность, желаніе рисоваться, порханіе, фланерство мыслей, и—что неожиданнѣе всего—„пренебреженіе ко всему, что отзывалось Россіей, условій жизни которой онъ, видимо, не понималъ, не зналъ и въ нихъ не вдумывался". Именно это мнѣніе должно было имѣть широкое распространеніе и принести Тургеневу не мало ѣдкихъ и горькихъ минутъ. Онъ самъ впослѣдствіи припомнитъ свои юношескіе подвиги и въ романѣ *Рудинъ* подвергнетъ ихъ суровому осужденію.

А между тѣмъ, помимо романтической молодости, у молодого Тургенева была еще самая будничная причина—играть роль, вполнѣ уважительная,—тотъ родъ игры, когда за видимымъ смѣхомъ таятся незримыя слезы.

Недоразумѣнія съ матерью у Ивана Сергѣевича начались немедленно по возвращеніи изъ заграницы. Варвара Петровна подъ старость, повидимому, все болѣе изощрялась въ крѣпостническихъ причудахъ. Самодурство ея становилось еще мрачнѣе, близкимъ людямъ жизнь часто казалась не въ моготу. Иванъ Сергѣевичъ большую часть времени жилъ въ Петербургѣ, отчасти въ Москвѣ и только лѣтомъ пріѣзжалъ въ Спасское. Эти пріѣзды были праздниками для подневольнаго деревенскаго міра, хотя положительной пользы выходило мало. Очевидецъ разсказываетъ: „Всѣ его любили, всякій въ немъ чуялъ *своего* и душой былъ преданъ ему, вѣруя въ его доброту, которая въ домѣ матери не смѣла, однако, проявляться открыто въ защиту кого-либо. Но, тѣмъ не менѣе, когда онъ пріѣзжалъ, говорили: „нашъ ангелъ, нашъ заступникъ ѣдетъ".

Иванъ Сергѣевичъ до послѣдней степени щадилъ свою мать и никогда не высказывалъ ей рѣзко своихъ мнѣній. По возвращеніи изъ заграницы онъ осыпалъ ее ласками, всякій случай съ ней, малѣйшее подозрѣніе, что ее можетъ постигнуть непріятность, волновали его. Но мать дурно поддерживала эти чувства. Иванъ Сергѣевичъ, напримѣръ, умолялъ ее отпустить на волю Кудряшева. Дворовый успѣлъ пріобрѣсти заграницей основательныя медицинскія познанія и по возвращеніи на родину усердно продолжалъ заниматься любимымъ предметомъ. Тургеневъ не могъ выносить крѣпостнаго положенія способнаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго человѣка.

— Сними ты съ него это ярмо!—умолялъ онъ мать.—Клянусь тебѣ, что онъ тебя не броситъ, пока ты жива. Дай ты ему только сознаніе того, что онъ человѣкъ, не рабъ, не вещь, которую ты можешь по своему произволу, по одному капризу упечь куда и когда захочешь!

Варвара Петровна оставалась непреклонной. Не мало происходило разговоровъ у сына съ матерью и вообще о крѣпостномъ правѣ. Сынъ

изъ силъ выбивался доказать матери унизительность рабскаго положенія человѣка, подавленнаго однимъ чувствомъ—страхомъ. Варвара Петровна рѣшительно отказывалась понять эти разсужденія. Тогда Иванъ Сергѣевичъ начиналъ грозить ей близкимъ концомъ позорныхъ порядковъ. Это совершенно выводило помѣщицу изъ границъ терпѣнія,—и она осыпала бранью и сына, и его пророчества.

Разговоры эти, конечно, нисколько не измѣняли къ лучшему положенія подданныхъ Варвары Петровны. Напротивъ, она недовольство сына старалась объяснить наговорами дворовыхъ и усердно искала, кто изъ прислуги могъ нажаловаться на нее сыну. При такихъ условіяхъ, очевидно, были безполезны всякія убѣжденія. Потерпѣвшимъ лицомъ оказывался самъ Иванъ Сергѣевичъ. Мать постепенно сократила ему содержаніе и предоставила его почти исключительно собственнымъ силамъ.

Ея гнѣвливость особенно разбередилъ старшій сынъ Николай. Вскорѣ послѣ возвращенія Ивана Сергѣевича изъ заграницы—зимой въ 1841 году—его братъ женился на Аннѣ Яковлевнѣ Шварцъ, рижской нѣмкѣ, бѣдной дѣвушкѣ, проживавшей въ тургеневскомъ домѣ въ качествѣ камеристки. Этотъ бракъ страшно поразилъ Варвару Петровну, она окончательно перестала высылать деньги Николаю Сергѣевичу; тотъ принужденъ былъ выйти изъ военной службы и поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Семья увеличивалась,—и вынудила его впослѣдствіи давать уроки французскаго языка. Варвара Петровна оставалась совершенно равнодушной къ участи сына и его семьи.

Почти одновременно и у Ивана Сергѣевича произошелъ романъ, въ глазахъ Варвары Петровны еще болѣе унизительный. Самъ Тургеневъ разсказалъ объ этомъ романѣ въ письмѣ къ Полинѣ Віардо въ самыхъ пренебрежительныхъ выраженіяхъ: „Девять лѣтъ назадъ, молодымъ человѣкомъ я жилъ въ деревнѣ. Я обратилъ вниманіе на довольно хорошенькую швею, нанятую моей матерью. Я ей шепнулъ два слова, она пришла ко мнѣ. Я далъ ей денегъ, а затѣмъ уѣхалъ. Вотъ и все,—какъ въ сказкѣ съ волкомъ. Впослѣдствіи эта женщина стала тѣмъ, чѣмъ могла стать; остальное вы знаете. Все что я могу сдѣлать для нея-это улучшать ея матерьяльное положеніе. Это мой долгъ, и я буду его исполнять, но видѣться съ ней я не могу. Вы—ангелъ во всемъ, что говорите и думаете, но повторяю я могу только избавлять ее отъ нужды. И я сдѣлаю это“.

Повидимому, Полина Віардо совѣтовала Тургеневу не относиться съ такимъ отчужденіемъ къ женщинѣ, ставшей матерью его ребенка. По вполнѣ точному указанію Тургенева, ребенокъ этотъ—Пелагея—ро-

дился 26 апрѣля 1842 года; и судьба ему выпала нерадостная и изломанная. Мать ея—московская мѣщанка Авдотья Ермолаевна Иванова—должна была покинуть Спасское, лишь только Варвара Петровна замѣтила ея отношенія съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Дѣвочка родилась въ Москвѣ и была привезена въ Спасское—на издѣвательство для барыни и на потѣху для дворни. Когда дѣвочка подросла, барыня заставляла одѣвать ее на короткое время въ чистое платье и приводить въ гостиную. Здѣсь Варвара Петровна съ недоумѣніемъ спрашивала у своихъ гостей и домочадцевъ: „скажите, на кого эта дѣвочка похожа?“ Недоумѣніе было притворное, такъ какъ дѣвочка чрезвычайно походила на отца. Дворня забавлялась по-своему: она издѣвательски звала Полю „барышней“ и заставляла ее исполнять непосильную черную работу, въ родѣ тасканья ведеръ для прачки.

Такъ продолжалось до 1850 года, когда Тургеневъ вернулся изъ второй поѣздки заграницу и написалъ Полинѣ Віардо о жалкомъ положеніи своей дочери. Віардо предложила взять дѣвочку къ себѣ и Тургеневъ выполнилъ это предложеніе всего за нѣсколько дней до смерти своей матери. Мать Поли теперь навсегда была оторвана отъ своего ребенка. Правда, она получала отъ Тургенева, чрезъ третье лицо, незначительное вспомоществованіе, а потомъ даже вышла замужъ,—но перестать матерью, разумѣется, не могла. Ея желаніе видѣть дочь Тургеневъ рѣшительно отвергалъ, доказывалъ, что у нея нѣтъ ничего общаго съ дочерью, получившей французское воспитаніе, что Поля, ставшая Полиной, забыла совсѣмъ даже русскій языкъ, а мать ея не знаетъ по французски и онѣ вовсе не поймутъ другъ друга.

Неизвѣстно, насколько вѣренъ этотъ разсказъ, но не подлежитъ сомнѣнію,—Тургеневъ желалъ навсегда отчудить свою дочь отъ ея матери: „надо, чтобъ она совсѣмъ забыла свою мать“,—писалъ онъ Полинѣ Віардо,—и отъ, повидимому, вполнѣ достигъ цѣли. Самъ онъ къ дочери, по его словамъ, „особенной привязанности никогда не чувствовалъ“ и все, что онъ дѣлалъ для нея, внушалось ему „единственно чувствомъ долга“. По чувству долга онъ выдалъ ее замужъ съ приданымъ, но замужество оказалось крайне неудачнымъ и мы услышимъ отъ Тургенева, сколько онъ самъ претерпѣлъ отъ несчастнаго брака дочери. Такъ въ жизни писателя надо всѣмъ, что касалось семьи его лично или его близкихъ,—будто тяготѣлъ злой рокъ и самъ Тургеневъ не смогъ или не захотѣлъ бороться съ судьбой. Одно только нельзя объяснить рокомъ: отнюдь не сердечное отношеніе къ матери своей дочери. Кто представляетъ во всей силѣ способность Тургенева изображать въ благороднѣйшихъ краскахъ женскую при-

роду, тотъ былъ бы въ правѣ ожидать, по крайней мѣрѣ, не столько пренебреженія къ дѣвушкѣ, виноватой въ слишкомъ послушной отзывчивости на „два слова“ молодого барина. Одно объясненіе представляется естественнымъ: къ Полинѣ Віардо, вѣроятно, иначе и неумѣстно было писать о прежнемъ увлеченіи, какъ въ духѣ полнѣйшаго равнодушія и даже презрѣнія. Можетъ быть, Фетъ, пересказывая отчаяніе Тургенева предъ своимъ рабскимъ положеніемъ у Полины Віардо какъ разъ по поводу судьбы своей дочери,—на этотъ разъ близокъ къ истинѣ и неотразимая для Тургенева рука предначертала по своему усмотрѣнію участь дочери такъ же какъ, и судьбу ея отца. „Она давно и навсегда заслонила отъ меня все остальное“—кромѣ дочери, жаловался Тургеневъ,—и мы убѣдимся, что иными словами онъ и не могъ выразить смысла почти всей своей жизни.

Послѣ женитьбы сына Николая Варвара Петровна смотрѣла на Ивана Сергѣевича, какъ на единственную надежду и поддержку рода Тургеневыхъ. Какъ поддержать честь рода—для нея было вполнѣ ясно —поступить на службу, жениться и сдѣлать чиновничью карьеру. О томъ, что ея сынъ сочинялъ и даже печаталъ—она и слышать не захотѣла. Ecrivain on gratte—papier est tout-un—„писатель и писецъ, одно и тоже“—говорила она,—и даже слава писательская въ ея глазахъ была бы только порухой дворянскому достоинству семьи.

О женитьбѣ Иванъ Сергѣевичъ и слышать не хотѣлъ, но служить попытался.

Въ 1842 году онъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Ближайшимъ начальникомъ его былъ извѣстный писатель Даль, директоръ канцеляріи министра Перовскаго. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, именно Даль и уговорилъ Тургенева поступить къ нему на службу. Опытъ продолжался не долго. Даль—прямолинейный, строгій служака не давалъ покою Ивану Сергѣевичу начальническими выговорами за небреженіе по службѣ. Тургеневъ оставался на службѣ около двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку, и службы уже больше не возобновлялъ.

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Тургеневъ вовсе не желалъ ничего дѣлать въ качествѣ чиновника. Сохранилась довольно любопытная записка, поданная имъ начальству—*Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и русскомъ крестьянствѣ*,—подъ запиской стоитъ подпись: *кандидатъ философіи Ив. Тургеневъ* и помѣта—*писано 23, 24 и 25 декабря 1842 года*. Въ началѣ записки Тургеневъ прямо говоритъ, что представляемыя замѣчанія „могутъ только служить залогомъ моихъ ревностныхъ будущихъ занятій по части государственнаго хозяйства“, —изученію его онъ рѣшился посвятить все свое время. Онъ прежде

всего сторонникъ развитія народа по пути, указанному Петромъ Великимъ,—но онъ рѣшительный противникъ перехода земледѣлія въ промышленость, т. е. обработки земли паровыми машинами, образованія компаній для воздѣлыванія земель. Онъ защитникъ патріархальнаго земледѣльческаго быта, того земледѣлія, какое у грековъ считалось непосредственнымъ даромъ Божества. Всякіе замыслы—уничтожить классъ хлѣбопашцевъ—„безразсудны и безнравственны“. Но необходимо улучшить положеніе этого класса.

Вопросъ этотъ рѣшается очень осторожно и обдуманно. Однимъ изъ важнѣйшихъ „неудобствъ нашего хозяйства“ Тургеневъ считаетъ „недостатокъ законности и положительности въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ“. Отношенія эти почти „ничѣмъ не опредѣлены и большею частью зависятъ отъ прихоти владѣльцевъ“, напримѣръ, оброкъ и барщина. Есть, разумѣется, благоденствующіе крѣпостные,—но это „плодъ личныхъ качествъ господина, а не законнаго неизмѣннаго порядка“. Это не единственная причина, мѣшающая развитію сельскаго хозяйства въ Россіи. Правительство ее сознало,—и „указъ Его Императорскаго Величества на счетъ опредѣленія отношеній дворянъ къ крестьянамъ долженъ принести величайшую пользу“. Тургеневъ разумѣлъ указъ 2 апрѣля 1842 года объ „обязанныхъ крестьянахъ“. Многіе современники Тургенева склонны были преувеличивать значеніе указа, дававшаго помѣщикамъ право предоставлять крестьянамъ участки земли за условленныя повинности. Новое право помѣщиковъ не оказало сколько нибудь замѣтнаго благотворнаго вліянія на положеніе крѣпостныхъ, и правомъ воспользовались весьма немногіе. Даже въ годъ изданія указа Тургеневъ врядъ ли могъ ожидать отъ него важныхъ послѣдствій,—онъ больше всего желавшій „законности и твердости въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ“ и безусловнаго устраненія прихоти владѣльца, создающей рабское состояніе народа.

Отсутствіе законности пагубно дѣйствуетъ на нравственную природу крестьянъ. У нихъ слабо развито „чувство гражданственности“. И понятно—почему: крестьянинъ не сознаетъ себя гражданиномъ, такъ какъ не чувствуетъ себя подъ покровительствомъ законовъ. Ему приходится защищать себя средствами, недостойными человѣка живущаго въ благоустроенномъ обществѣ,—столь удивительными для многихъ смышленостью и смѣтливостью. Авторъ желалъ бы „уменьшенія“ этой смѣтливости и изворотливости,—качествъ лисицы, а не человѣка. Есть и другая причина низкаго гражданскаго развитія у русскаго крестьянина: его положеніе шатко и ненадежно,—и онъ не заботится о своемъ благосостояніи, предается пьянству и ради нѣсколь-

кихъ часовъ самозабвенія—не щадитъ своего здоровья и проводитъ жизнь въ нуждѣ и бѣдности.

Но, по мысли автора, крестьянинъ въ своемъ жалкомъ положеніи виноватъ не столько самъ, сколько условія его быта. Иначе думаетъ онъ о господахъ. Прежде всего онъ наноситъ чувствительный ударъ сословной спѣси русскихъ дворянъ. Они иногда чуждаются своихъ крестьянъ, считая ихъ, очевидно, низшей породой людей, чѣмъ они сами. Они заблуждаются. Они вовсе не такіе аристократы, какъ, напримѣръ, англичане. Тѣ аристократы *милостью Божьей* какъ и самъ король. Они потомки свободныхъ нормандскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Вильгельма Завоевателя въ Англію на извѣстныхъ условіяхъ и онъ раздѣлилъ между ними завоеванную землю, какъ между своими товарищами: они ее покорили своими мечами. Въ Россіи удѣльные князья только потому считались господами и владѣльцами, что принадлежали къ одному роду съ царемъ. Они не были зависимыми баронами, а почтительно-покорными слугами царя, ихъ главы и онъ былъ властенъ надъ ихъ жизнью и ихъ достояніемъ. Молодой авторъ указываетъ коренное различіе западнаго феодальнаго строя, основаннаго на завоеваніи пришлымъ народомъ туземнаго населенія,—и русскаго удѣльнаго быта, гдѣ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, гдѣ всѣ говорили однимъ языкомъ, имѣли одинъ и тотъ же складъ лицъ,—всѣ составляли одну семью во главѣ съ государемъ. Осторожно но все таки опредѣленно авторъ приходитъ къ очень важному выводу о назначеніи русскихъ дворянъ въ связи съ ихъ историческимъ происхожденіемъ: всѣ владѣльцы должны „пристально и трудолюбиво“ обработывать землю и владѣльцевъ должно быть „много“,—этого требуетъ обширность русской земли. „Весь нашъ сельскій бытъ долженъ измѣниться“,—говоритъ Тургеневъ и въ „переворотѣ“—медленномъ и постепенномъ—должно участвовать все дворянское сословіе, отъ этого переворота зависитъ будущность Россіи.

Мысль автора очевидна: земледѣльцы должны быть владѣльцами и наоборотъ: „всякая централизація едва ли не вредна“,—поясняетъ онъ свое разсужденіе. Это дѣйствительно переворотъ, о какомъ въ сороковые годы врядъ ли кому среди философствовавшей молодежи приходило въ голову.

Тургеневъ не ограничивается общимъ осужденіемъ крѣпостныхъ отношеній только потому, что въ основѣ ихъ нѣтъ законности. Онъ доказываетъ, что крѣпостное право, угнетая крестьянъ, пагубно вліяетъ на самихъ помѣщиковъ. Если они живутъ въ имѣніяхъ,—это совершенно безполезно и для хозяйства и для крестьянъ. У помѣщиковъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о земледѣліи, и даже когда они предпри-

нимаютъ какія-либо мѣры,—ихъ постигаютъ неудачи и они падаютъ духомъ. Самые богатые среди помѣщиковъ часто только проживаютъ свои доходы и не улучшаютъ своихъ имѣній. Они до сихъ поръ не научились бороться съ голодовками: когда обильный урожай—жалобы на дешевыя цѣны, при плохомъ урожаѣ—жалобы на невозможность прокормить крестьянъ.

Здравый смыслъ и знаніе авторъ обнаруживаетъ въ самомъ любопытномъ вопросѣ,—особенно для него, только что побывавшаго на западѣ. Онъ вернулся домой отнюдь не въ безусловномъ восторгѣ предъ европейскими порядками. Онъ даже находитъ возможнымъ замѣтить: „часто изъ Германіи возвращаешься съ большей вѣрой въ силу и будущность нашихъ учрежденій“. Онъ одинаково далекъ отъ слѣпого поклоненія всему русскому и обожанія всего западнаго. Онъ рѣшается признать не только „крѣпкое, живое, неразрушенное начало“ въ русскомъ народѣ, но и своеобразіе этого начала, особенности русскаго характера, русской жизни, не доступныя западнымъ ученымъ.

Въ статьѣ, несомнѣнно, имѣются черты, подсказанныя оффиціальнымъ назначеніемъ „замѣчаній“: вѣроятно, въ дѣйствительности Тургеневъ былъ не такъ восхищенъ правительствомъ императора Николая, какъ онъ оговариваетъ нѣсколько разъ. Врядъ ли вполнѣ обдуманно онъ могъ утверждать,—что указъ объ обязанныхъ крестьянахъ долженъ принести „величайшую пользу“ крѣпостнымъ. Польза эта зависѣла отъ доброй воли помѣщиковъ, а ихъ самъ же авторъ описалъ людьми, въ большинствѣ отнюдь не наклонными соблюдать „пользу“ крестьянъ. Но независимо отъ частностей, какихъ не могъ избѣжать начинающій чиновникъ въ бумагѣ, сочиненной для начальства въ николаевское время,—„замѣчанія“ Тургенева должны занять видное мѣсто среди его молодыхъ трудовъ. Для опредѣленія его общественныхъ мнѣній статья гораздо краснорѣчивѣе его стихотворныхъ произведеній: довольно точно намѣчены предѣлы его „западничества“ и установлено его отношеніе къ крестьянскому вопросу,—два важныхъ вопроса въ біографіи Тургенева. Въ особенности не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію демократизмъ автора, очевидно, со времени московскихъ американскихъ увлеченій успѣвшій принять вполнѣ твердое направленіе и въ полномъ соотвѣтствіи съ исторіей и запросами русской жизни.

Можно думать,—это направленіе и было господствующимъ настроеніемъ двадцатичетырехлѣтняго кандидата философіи. Можетъ быть, направленіе было не чуждо довольно яркой окраски: недаромъ даже въ служебномъ докладѣ Тургеневъ подчеркивалъ весьма скромное происхожденіе правъ и власти русскихъ дво-

рянъ сравнительно съ англійской аристократіей и настаивалъ на единствѣ русскаго народа, составляющаго одну семью. Недаромъ мы услышимъ, что графа Толстого въ молодомъ Тургеневѣ больше всего возмущали его демократическія повадки,—и, можетъ быть,—одно случайное извѣстіе является новымъ указаніемъ, изъ какого источника должны были возникнуть *Записки Охотника.*

Мы знаемъ,—Тургеневъ не раздѣлялъ увлеченія Станкевича Вердеромъ, но, повидимому, иное чувство вызвали у него гегельянцы другаго—лѣваго направленія. Философскимъ методомъ Гегеля съ одинаковой легкостью обожествлялась наличная дѣйствительность, хотя бы даже прусскаго пошиба, и оправдывалась, ставилась на очередь дня „антитеза“ этой дѣйствительности, т. е. возстаніе противъ нея, революція. Все зависѣло отъ личнаго вкуса къ тому или другому моменту діалектическаго процесса и гегельянство съ одинаковымъ успѣхомъ могло увѣнчивать и низвергать. Лѣвые гегельянцы въ короткое время завоевали Берлинскій университетъ и оставили Вердера съ тремя слушателями. Скоро и лѣвыхъ гегельянцевъ должно было смѣнить новое направленіе,—уже открыто политическое, несшее въ себѣ бури сорокъ восьмаго года и навсегда хоронившее въ архивахъ исторіи философствовавшую и мечтавшую Германію. Предвѣстникомъ смѣны въ Дрезденѣ явился журналъ лѣваго гегельянца—Руге *Deutsche Jahrbücher.* Статья Бакунина—*Die Reaction in Deutschland*, напечатанная въ октябрѣ въ 1842 году, за подписью Jules Eliazard- опредѣляла отношеніе новаго направленія къ старому. Авторъ съ головокружительной быстротой перепробовалъ всю гамму политическихъ цвѣтовъ—отъ нѣжно-бѣлаго до нестерпимо-краснаго, будто перелеталъ въ безвоздушномъ пространствѣ отъ одного края спектра къ другому, не испытывая ни малѣйшихъ треній отъ реально-существующихъ предметовъ. Критика одного направленія во славу другаго у этого „мыслителя“ была покаяньемъ въ лично-совершенномъ прегрѣшеніи и оправданіемъ лично задуманнаго подвига. И Бакунинъ съ большимъ краснорѣчіемъ укорялъ нѣмецкій геній въ способности требованія времени превращать въ діалектическія построенія, политику замѣнять схоластикой,—и, давъ философское опредѣленіе жизненному явленію, успокоиваться до другаго подобнаго случая. Герценъ пришелъ въ восторгъ отъ статьи какъ отъ громкаго, открытаго, торжественнаго возгласа демократической партіи,—и по обыкновенію немедлено сдѣлалъ обобщеніе о французахъ, такъ какъ статья была подписана французскимъ именемъ. Повидимому, Тургеневъ тоже читалъ журналъ Руге и не остался равнодушнымъ къ его направленію. Сохранилась его записка о пересылкѣ денегъ для Руге и для Бакунина, по тысячѣ

руб. асс. каждому. Бакунинъ находился въ это время въ Цюрихѣ, журналъ Руге былъ закрытъ въ началѣ 1843 года и русское правительство требовало отъ Бакунина возвращенія въ Россію. Тургеневъ, слѣдовательно, помогалъ людямъ, которыхъ преслѣдовали прусское и саксонское правительства за демократическую проповѣдь. Самъ Тургеневъ въ это время отнюдь не распологалъ большими деньгами; изъ той же записки видно, что Тургеневъ пока не могъ уплатить два своихъ заграничныхъ долга. Бакунину вообще Тургеневъ помогалъ часто—со времени своего Берлинскаго знакомства съ нимъ, помогалъ какъ „старому товарищу молодости"—писалъ онъ въ оффиціальномъ объясненіи,—но помощь Арнольду Руге врядъ ли могла быть оказываема Тургеневымъ безъ всякаго сочувствія его воззрѣніямъ, въ особенности его тяжелому положенію послѣ закрытія журнала. Правда, положеніе это сильно отягчилъ Бакунинъ, при отъѣздѣ въ Швейцарію онъ занялъ у Руге и не воротилъ долга. Можетъ быть, посылка Тургенева и была отчасти уплатой денегъ за Бакунина, бывшаго до конца своей жизни совершенно беззаботнымъ на этотъ счетъ рѣшительно со всѣми, кто имѣлъ несчастье держаться въ сношеніяхъ съ нимъ старыхъ взглядовъ на собственность.

Для самого Тургенева, послѣ отставки, началось тяжелое время. Варвару Петровну уходъ сына со службы огорчилъ до глубины души и она по своему мстила сыну. Денежное положеніе Тургенева бывало часто и тяжко, и унизительно. Въ Петербургѣ онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома на Стремянной улицѣ. Хозяйство его шло крайне плохо. Комната оставалась нетопленной, для гостей иногда не оказывалось чая, прислуга злоупотребляла добродушіемъ Ивана Сергѣевича и его неразсчетливостью. Онъ часто нуждался буквально въ копѣйкахъ, чтобы заплатить извозчику, не имѣлъ возможности угостить пріятелей бутылкой вина. Легко представить, съ какой горечью чувствовалъ Тургеневъ свою нужду! Всѣмъ было извѣстно,—онъ сынъ богатой семьи, и онъ больше всего боялся, чтобы не раскрыли тайны его бѣдности и не оскорбили нареканіями матери. Сколько усилій приходилось тратить, чтобы ловко ускользнуть отъ подозрѣній товарищей, искусно разыгрывать богатаго барина, не имѣя въ карманѣ ни копѣйки денегъ! Здѣсь призывалось на помощь множество уловокъ: развязность въ рѣчахъ, стремленіе первенствовать въ пріятельскихъ компаніяхъ, притворная расточительность, побуждавшая Тургенева не отставать отъ затѣйливыхъ похожденій и удовольствій и уклоняться незамѣтно отъ расплаты... Такими средствами удавалось отводить глаза, но все это оставляло въ душѣ горькій пережитокъ...

Вотъ едва ли не главная причина, заставлявшая Тургенева часто изображать изъ себя лицо байроническаго пошиба. Для игры требо-

валось тѣмъ больше притворства и ухищреній, что природа щедро одарила Тургенева благодушіемъ, искренностью и простотой. Ему ли притворяться Манфредомъ, Донъ-Жуаномъ, Чайльдъ-Гарольдомъ! А между тѣмъ, притворяться необходимо, напускная злость и вольность языка выражались безобидно, но обидчивые люди думали иначе и наклонность молодого Тургенева къ эпиграммамъ не всегда проходила даромъ.

Эпиграммы сочиняли всѣ, кто умѣлъ, у кого была способность къ остроумію. Сочинялись онѣ и на Тургенева и онъ не думалъ обижаться и мстить. Много лѣтъ спустя онъ припоминалъ эпиграммы, ходившія въ пріятельскомъ кружкѣ, напримѣръ на кн. Влад. Ѳед. Одоевскаго—личность, въ высшей степени привлекательную, всѣми любимую и уважаемую. Кн. Одоевскій отличался невѣроятной разсѣянностью—отсюда насмѣшки и остроты. Тургеневъ вспоминалъ и свои эпиграммы—на Дружинина, на Кетчера, на нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ ученыхъ. Никого это не раздражало. Дружининъ, напримѣръ, первый смѣялся эпиграммѣ, написанной на его европейскія замашки. Одинъ только Достоевскій былъ больно уязвленъ стихами Тургенева, приписалъ ихъ литературной зависти,—и затаилъ злобное чувство...

На множествѣ примѣровъ мы убѣдимся до какой степени писательская зависть была не свойственна Тургеневу.

Въ молодости, чувствуя въ себѣ писателя, онъ искалъ литературныхъ связей и, если находилъ искренній привѣтъ,—глубоко и навсегда привязывался къ человѣку. Таковы его отношенія къ Бѣлинскому.

Имя Бѣлинскаго стало извѣстно Тургеневу по статьямъ въ *Молвѣ* и *Телескопѣ*. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвелъ на него отзывъ Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ. Слухи о Бѣлинскомъ въ Петербургѣ сильно походили на сплетни. Были недовольны его рѣзкими пріемами, ставили ему въ укоръ плебейское происхожденіе, говорили, что онъ недоучившійся казенный студентъ, выгнанъ изъ университета за развратное поведеніе, увѣряли, будто и наружность его самая ужасная: какой-то циникъ, бульдогъ, пригрѣтый Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ, упорно и какъ бы въ укоризну называли его „Бѣлынскимъ"... Голоса въ пользу Бѣлинскаго были крайне рѣдки... При такихъ условіяхъ со стороны Тургенева требовалась большая доля самостоятельности, чтобы обратиться къ Бѣлинскому съ своей только-что напечатанной поэмой—*Параша*.

Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1839 года и вскорѣ его статьи появились въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Тургеневъ отнесъ ему поэму и уѣхалъ въ деревню. Это было весной въ 1843 году.

Въ майской книжкѣ журнала появилась статья Бѣлинскаго. „Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ“, пишетъ Тургеневъ, „такъ чудно хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не могъ повѣрить, и, когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель *Параши* не я“.

Бѣлинскій не только признавалъ литературныя достоинства юношескаго произведенія Тургенева,—онъ находилъ возможнымъ на основаніи поэмы дѣлать заключенія о личности автора. „Что мнѣ за дѣло до промаховъ и излишества Тургенева“,—говорилъ онъ,—„Тургеневъ написалъ *Парашу:* пустые люди такихъ вещей не пишутъ“. Нѣкоторыми мѣстами поэмы Бѣлинскій восторгался и въ частныхъ бесѣдахъ, называлъ автора знакомымъ, какъ несомнѣнно талантливаго юношу. Скоро между поэтомъ и критикомъ завязалась тѣсная дружба.

Тургеневъ, по возвращеніи въ Петербургъ, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство началось. Бѣлинскій поселился на дачѣ въ Лѣсномъ, Тургеневъ нанялъ дачу въ Первомъ Парголовѣ и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. „Я полюбилъ его искренно и глубоко“, пишетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, „онъ благоволилъ ко мнѣ“. Тургеневъ не точно помнитъ о началѣ своего знакомства съ Бѣлинскимъ. Знакомство началось *раньше* лѣта 1843 года,—въ концѣ 1842 года или въ началѣ слѣдующаго. Уже 31 марта 1843 года Бѣлинскій писалъ Боткину объ этомъ знакомствѣ:

„Т—въ очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, желчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Т. немного нѣмецъ...“

Дальше еще опредѣленнѣе:

„Я нѣсколько сблизился съ Т—вымъ. Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или, если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствомъ и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ на бекрень! Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ“.

Этотъ отзывъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ. О Тургеневѣ въ молодости онъ единственный по своему смыслу. Никакія юношескія причуды Тургенева и его погоня за оригинальностью не помѣшали Бѣлинскому составить ясное и справедливое представленіе объ его несомнѣнныхъ достоинствахъ. Мы легко догадываемся, отъ какихъ Тургеневскихъ описаній Москвы „пьянѣлъ" Бѣлинскій. Тургеневъ былъ неизмѣненъ въ своихъ добродушныхъ и подчасъ весьма острыхъ насмѣшкахъ надъ неисчерпаемымъ московскимъ краснобайствомъ, надъ обычаемъ москвичей рѣшать отъ зари до зари міровые вопросы, устраивать—безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій—будущее Россіи и славянскаго міра. Даже качество, о какомъ Бѣлинскій говоритъ будто съ улыбкой,—пристрастіе Тургенева къ нѣмецкому,—цѣнно и любопытно. На этотъ разъ Бѣлинскій могъ услышать о нѣмецкой философіи и о самихъ философахъ отъ наблюдателя спокойнаго и тонкаго, умѣвшаго цѣнить дѣйствительность независимо отъ отвлеченностей.

Бѣлинскій на первыхъ же порахъ почтилъ Тургенева откровенностью, бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ литературныхъ трудахъ, безжалостно осуждалъ свои раннія увлеченія, горячо исповѣдывался въ своихъ ошибкахъ. Тургенева не могла не поразить столь исключительная честность отношенія къ самому себѣ. Онъ съ первыхъ встрѣчъ почувствовалъ восторженное удивленіе къ Бѣлинскому. Среди писателей единственнаго человѣка онъ встрѣтилъ неустрашимаго до самозабвенія во имя своей вѣры и совершенно равнодушнаго къ личному вопросу: „подобнаго ему человѣка, писалъ Тургеневъ, я не встрѣчалъ ни прежде ни послѣ". По смерти онъ хотѣлъ лежать въ могилѣ рядомъ съ Бѣлинскимъ, а при жизни подъ градомъ оскорбленій, вспоминая своего учителя Пушкина,—онъ навѣрное—не разъ вспоминалъ также своего друга, когда въ отвѣтъ на усилія враговъ унизить и развѣнчать его произведенія, онъ съ величавой насмѣшкой надъ своими врагами—покусителями отвѣчалъ любимой мыслью Бѣлинскаго: „изъ своей кожи не выпрыгнешь".

Встрѣчи Тургенева съ Бѣлинскимъ происходили въ теченіи четырехъ зимъ, съ 1843 по 1846 годъ, и особенно часто предъ началомъ 1847 года, когда Тургеневъ отправился надолго заграницу. Кромѣ этихъ зимъ, Тургеневъ провелъ съ Бѣлинскимъ еще лѣто, вѣроятно, въ 1844 году, такъ какъ лѣто въ 1843 году Бѣлинскій прожилъ въ Москвѣ. Въ 1844 году Бѣлинскій былъ уже сѣмьяниномъ и жилъ на дачѣ въ Лѣсномъ.

Друзья много гуляли по сосновымъ рощамъ, окружающимъ Лѣсной Институтъ, происходили длинныя и оживленныя бесѣды,—все о той же неизмѣнной злобѣ дня,—о гегелевской философіи. „Мы, вспо-

минаетъ Тургеневъ, еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія".

Они разсуждали о значеніи жизни, о происхожденіи міра, о безсмертіи души. Извѣстенъ разсказъ Тургенева объ одной изъ такихъ бесѣдъ. Друзья увлеклись слишкомъ продолжительнымъ разговоромъ. Жена умоляла мужа и его друга—хотя на время прервать пренія. Тургеневъ готовъ былъ уступить, но Бѣлинскій въ негодованіи воскликнулъ: „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, а вы хотите ѣсть"...

„На меня дѣйствовали только энтузіастическія натуры", писалъ тридцативосьмилѣтній Тургеневъ про свою молодость. Бѣлинскій былъ именно такой натурой: „Искренность его дѣйствовала на меня" „его огонь сообщался и мнѣ"...

Тургеневу и послѣ смерти Бѣлинскаго казалось,—одно его имя должно зажигать сердца. Онъ недоволенъ, встрѣтивъ въ журналѣ дѣльную, очень умную, безпристрастную, но *холодную* статью о Бѣлинскомъ. Онъ не можетъ допустить мысли, что объ этомъ человѣкѣ можно писать съ „тусклымъ безпристрастіемъ": это искусно испеченные пироги съ „пѣтомъ".. Когда онъ самъ писалъ *Воспоминанія* о Бѣлинскомъ,—онъ жилъ ими: „пришли и стали воспоминанія", писалъ онъ Анненкову,—и онъ особенно доволенъ удачей: „эта вещь мнѣ ближе приросла къ сердцу, чѣмъ многія другія, и мнѣ было бы больно думать, что я не сумѣлъ передать очеркъ лица, столь для меня дорогаго".

Бѣлинскій остался незабвеннымъ для Тургенева не только какъ человѣкъ. Судъ Бѣлинскаго, какъ критика, рѣшилъ писательскую судьбу Тургенева. Послѣ благосклоннаго отзыва о *Парашѣ* Бѣлинскій будто охладѣлъ къ литературной работѣ своего друга. А Тургеневъ между тѣмъ написалъ довольно много стихотвореній и поэмъ. Бѣлинскій, повидимому, не поощрялъ этого творчества и, по словамъ Тургенева, не могъ этого дѣлать. „Впрочемъ", прибавляетъ Иванъ Сергѣевичъ, „я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія—и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу".

Намѣреніе осталось твердымъ до перваго разсказа изъ *Записокъ Охотника*. Этимъ разсказомъ Тургеневъ нашелъ себя какъ писателя,—и писателя „замѣчательнаго",—писалъ ему Бѣлинскій. Но и въ раннихъ, даже стихотворныхъ произведеніяхъ, Тургеневъ, очевидно, былъ не совсѣмъ заурядным: иначе не стать бы ему такъ быстро „замѣчательнымъ".

IV.

Полина Віардо разсказывала, что знакомые представили ей Тургенева какъ молодого русскаго помѣщика, славнаго охотника, интереснаго собесѣдника и плохаго поэта. Такимъ поэтомъ и самъ Тургеневъ считалъ себя. Впослѣдствіи онъ отзывался о своихъ стихахъ до послѣдней степени пренебрежительно: они будто бы „такъ убого посредственны, что ихъ можно сравнить только съ грязной тепловатой водицей“. Друзья охотно поддерживали это мнѣніе. По словамъ Тургенева,—они цитировали его стихи всякій разъ, когда хотѣли позлить его. Будь у Тургенева побольше писательскаго честолюбія и рѣшительности,—онъ съ успѣхомъ могъ бы отразить насмѣшки друзей: стóяло только припомнить отзывъ Бѣлинскаго объ его первомъ же напечатанномъ „разсказѣ въ стихахъ“ *Парашѣ*. Весьма немногіе современные стихотворцы удостоивались такихъ похвалъ: „Одинъ изъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи, какіе давно уже не видѣлись ей“, „глубокая идея“, „теплота внутренняго содержанія“, „юморъ и иронія“, „стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтическій талантъ“,—такъ писалъ суровый критикъ, нѣсколько разъ прочитавшій поэму. Нѣкоторыя мѣста онъ не могъ отъ восхищенія не выписать, а въ изображеніи героини—Параши—находилъ—„каждое слово дышетъ всею роскошью, всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи“. Такъ писалъ страшный отрицатель, чьи статьи, по разсказу Герцена, производили настоящія разгромы въ умахъ московскихъ студентовъ: проглотятъ очередную статью „съ лихорадочнымъ сочувствіемъ“ и „трехъ четырехъ вѣрованій, *уваженій* какъ не бывало“.

И вотъ этотъ то разрушитель создавалъ новое *уваженіе*—къ Тургеневу, какъ къ даровитому и оригинальному поэту.

Правда, года черезъ два отзывъ Бѣлинскаго о другомъ стихотворномъ произведеніи Тургенева—*Разговоръ*—вышелъ нѣсколько холоднѣе. Но критикъ и здѣсь говорилъ объ „истинномъ, неподдѣльномъ талантѣ“, о „быстромъ и прочномъ успѣхѣ“ автора и обѣщалъ читателю: „прекрасный поэтическій *Разговоръ* заставитъ его глубоко, глубоко задуматься“.

И всетаки Тургеневъ всѣ эти похвалы приписалъ не своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, а всегдашней готовности Бѣлинскаго поощрять молодые таланты. Даже молодость не помѣшала Тургеневу взглянуть на себя и на свой трудъ строже и придирчивѣе, чѣмъ смотрѣли другіе—тоже отнюдь не сходительные судьи.

Вотъ эта строгость, неподкупная трезвость взгляда, незамутимо-ясное и искреннее отношеніе къ своей личности и къ своимъ дѣй-

ствіямъ—самая замѣчательная черта въ молодомъ Тургеневѣ. Мы встрѣтились съ ней, когда намъ приходилось говорить объ его студенческихъ годахъ. Какъ спокойно и неумытно оцѣнилъ онъ ихъ рядомъ съ своимъ старшимъ товарищемъ—Герценомъ, сумѣвшимъ о своей студенческой молодости воспѣть своего рода Иліаду во славу Ахиллеса—самого себя и Патрокла—своего друга Огарева! Фейерверочное фразёрство, хотя бы подъ предлогомъ философіи и политики, оставляло Тургенева равнодушнымъ при всемъ его уваженіи къ энтузіазму. „Гражданская экзальтація“, разогрѣтая недоразумѣніями и полузнаніями, не увлекла его „восторженнымъ лепетомъ юности“, хотя бы на самой поэтической сценѣ беззаботныхъ пировъ и беззавѣтной дружбы. Юморъ и иронія, какія Бѣлинскій къ своему удовольствію нашелъ въ первомъ произведеніи Тургенева и именно за эту находку призналъ его зрѣлымъ,—были броней и щитомъ Тургенева предъ безпредметнымъ шумомъ и безпросвѣтнымъ туманомъ, для Герцена не пережитыми окончательно вмѣстѣ съ пережитой юностью.

Когда Тургеневъ писалъ свой „разсказъ въ стихахъ“ предъ нимъ было не меньше литературныхъ соблазновъ, чѣмъ впослѣдствіи житейскихъ искушеній, когда онъ задумывалъ Гамлета Щигровскаго уѣзда и Рудина. Кругомъ него свирѣпствовалъ „романтизмъ“, давно осмѣянный Пушкинымъ, но не перестававшій собирать богатую жатву среди поэтическихъ дѣвицъ и демоническихъ поручиковъ. Еще Писемскій найдетъ нужнымъ потратить не мало издѣвательскаго смѣха подъ пронзительными сердцеѣдами съ блѣднымъ лицомъ и загадочнымъ взоромъ. Самъ Тургеневъ не убережется отъ благодарной задачи—бросить въ читающую толпу затасканную и опошленную фигуру маленькаго Печорина. Сдѣлаетъ онъ это, повидимому, не столько ради удовлетворенія своего творческаго порыва, сколько подъ вліяніемъ все того же юмора и ироніи,—направленныхъ въ этомъ случаѣ на совершенно нестоющій предметъ. *Бреттёръ* будетъ первымъ и послѣднимъ чисто литературнымъ упражненіемъ Тургенева, его *сочинительской* забавой, будто невзначай попавшей подъ его дѣльное и жизненно-значительное перо.

Естественно было принять того же героя не съ юморомъ и насмѣшкой, а какъ его брали современные „властители думъ“—Марлинскій, Бенедиктовъ, позже Авдѣевъ. Это было бы не менѣе „юно-хорошо“ въ искусствѣ, чѣмъ „былое“ Герцена въ исторіи. Горячилъ же и тургеневскую отроческую кровь бенедиктовскій напитокъ!...

Въ двадцать пять лѣтъ для Тургенева этотъ хмѣль оказался давно-испарившимся. Герой Параши вовсе не герой. Онъ—лицо, описанное Пушкинымъ для его будущаго романа: „малый онъ обыкновенный“—

Просто гражданинъ столичный
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
Отъ нашей братьи не отличный.

И Тургеневъ выполнялъ мечту учителя—написать романъ съ такимъ обыкновеннымъ лицомъ. Онъ написалъ этихъ романовъ два—*Парашу* и *Андрея* Въ обоихъ герои, почти такіе, какого онъ изобразилъ тогда же въ стихотвореніи *Человѣкъ какихъ много.* Между всѣми этими лицами замѣтна нѣкоторая разница, но всѣ они похожи другъ на друга *обыкновенностью,* и похожи они также на четвертое лицо на *Молодого человѣка* въ *Разговорѣ.* Начинающій авторъ окружилъ себя цѣлымъ обществомъ лицъ не своеобразныхъ, не сильныхъ, не яркихъ, замѣчательныхъ только—своей распространенностью въ дѣйствительной русской жизни. Всѣ они одна будничная порода, но съ опредѣленными личными качествами—некрупными, но по своему нравственному смыслу чрезвычайно вліятельными на русскій „гражданскій" укладъ. Викторъ Алексѣевичъ, будущій мужъ Параши, далъ Тургеневу возможность высказать свои первыя самыя свѣжія впечатлѣнія отъ того общества, какое принято въ Россіи называть просто „интеллигентнымъ". Викторъ Алексѣеичъ—первый интеллигентъ въ Тургеневской галлереѣ. Отдѣльныя и самыя глубокія черты Виктора Алексѣевича мы встрѣтимъ въ лицахъ всѣхъ Тургеневскихъ романовъ отъ *Рудина* до *Нови.*

Онъ человѣкъ образованный и, какъ полагается, съ молодыхъ лѣтъ „изнуренный, скучающій, съ грустною улыбкой". Изнуреніе не отъ трудовъ, и скука и грусть не отъ возвышеннаго ума и сердца,—а отъ роковаго несчастья русскаго интеллигента, отъ его ненужности для окружающаго міра. Виноватъ ли міръ или ненужный человѣкъ—Тургеневъ будетъ рѣшать этотъ вопросъ въ каждомъ своемъ романѣ,—но и теперь ясны отношенія *героя и среды.* Они выражаются совершенно опредѣленно: по возможности никакихъ отношеній, если эта среда—русская жизнь, именно та, какая тѣснѣе всего связана съ благополучнымъ существованіемъ героя-помѣщика,—жизнь деревенская, народная. Безъ этой жизни немыслимо даже возникновеніе столь образованнаго и изящнаго молодого человѣка, такъ какъ образованность оплачена крѣпостнымъ трудомъ, а изящество воспитано барскимъ ничегонедѣланьемъ. Естественно,—сама среда невѣжественна и груба и обладаетъ изумительной способностью отталкивать отъ себя „изнуренныхъ и скучающихъ". Герценъ вполнѣ искренне сознавался, что, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, даже окруженный какими угодно заграничными книгами и столичными друзьями, онъ не могъ бы прожить въ деревнѣ больше полугода, да и то заслоняясь отъ нея ежед-

невно библіотекой, семейнымъ счастьемъ и „пиромъ дружбы“. Въ молодой веселой комедіи *Безденежье*—она старше всего двумя годами *Параши*—Тургеневъ съ большой ядовитостью объяснилъ причину этой непреодолимой тяги интеллигентской души отъ деревни подальше. Молодой баринъ готовъ согласиться,—кое-что есть хорошее въ деревнѣ, напримѣръ: „всякая дѣвушка мягкій воскъ, дѣлай изъ нея что́ захочешь“.—но „одно въ деревнѣ нехорошо—продолжаетъ онъ, бѣдность тамъ какую-нибудь видѣть, притѣсненіе... съ моими идеями непріятно, дѣйствительно-непріятно“. Выходитъ, чѣмъ у барина больше „идей“ да еще самыхъ передовыхъ, тѣмъ ему невыносимѣе деревня, тѣмъ тоскливѣе онъ повторяетъ любимый Огаревскій припѣвъ къ всякой скукѣ и докукѣ на родинѣ: *dahin*! *dahin*! Эти слова слѣдовало бы читать въ гербѣ каждаго просвѣщеннаго русскаго дворянина, владѣльца крѣпостныхъ душъ,—и они были бы лучшимъ заголовкомъ для исторіи дореформенной дворянской интеллигенціи.

Первый портретъ у Тургенева:

Чужимъ умомъ питался весь свой вѣкъ,
Но ловокъ былъ и вкрадчивъ. Изнуренный
Скучающій, направилъ онъ свой бѣгъ
Въ чужія страны, съ грустною улыбкой
Вездѣ бродилъ надменный и нѣмой;
Но умъ его насмѣшливый и гибкой
Изъ заграницы вынесъ цѣлый рой
Безплодныхъ словъ и множество сомнѣній,
Плоды лукавыхъ робкихъ наблюденій...

Не со всѣми такъ бывало. Весьма многіе приходили въ совершенный восторгъ отъ заграницы и нѣмую надменность привозили только на родину и для родины. Тургеневъ, видимо хотѣлъ указать на другую породу русскихъ путешественниковъ, не проницаемыхъ для европейской цивилизаціи. Они дѣлаютъ наѣзды по Европу будто „казаки“, ничему не удивляются, спѣшатъ

Чужихъ презрительно брани
Ихъ свѣдѣній набраться торопливо.

Они повторяютъ все что слышали и вычитали—„безъ страсти, безъ огня“. Имъ непонятно, какими трудными путями, часто страданіями добыты на западѣ знанія и опыты, сколько жертвъ принесено ради нихъ, сколько борьбы пережито.

Кто же все это забываетъ и живетъ самодовольно *своимъ?*

Несомнѣнно, первые, самые ранніе идейные противники Тургенева—московскіе „славяне“, особенно одинъ изъ нихъ—Константинъ Аксаковъ. Тургеневъ называлъ его „благородной и искренней натурой“,—но каковы были нѣкоторые взгляды этого дѣйствительно искренняго человѣка—мы знаемъ отъ достовѣрнаго свидѣтеля—его брата

Ивана. „Онъ, писалъ Иванъ Сергѣевичъ къ отцу, безо всякой внутренней душевной боли способенъ заклеймить проклятьемъ 9/10 человѣчества и давно не считаетъ людьми бѣдные народы запада, а чѣмъ то вродѣ лошадиныхъ породъ“. Иванъ Аксаковъ, повидимому, не считалъ необходимымъ опровергать это убѣжденіе, находилъ его только „полнымъ горечи“—для себя,—Тургенева оно возмущало—и, очевидно, на столько глубоко, что онъ началъ дѣлать вылазки противъ аксаковскихъ замашекъ съ первыхъ же своихъ произведеній. Сѣрый и куцый Викторъ Алексѣевичъ даетъ автору поводъ припомнить славянофильское пренебреженіе къ „чужому“, къ западному,—припоминаніе не особенно яркое,—но за то лицо умнѣйшее и привлекательнѣйшее въ разсказѣ—Параша—откровенно исповѣдуетъ противомосковскія чувства Тургенева: она смѣется надъ Москвой,—и авторъ проситъ ей снисхожденія у „матушки Москвы“, у ея сыновъ „превспыльчиваго нрава“. Довольно неожиданно врывается въ разсказъ это отступленіе, нужное только для авторскихъ настроеній. Еще настойчивѣе оно ворвется въ другой стихотворный разсказъ Тургенева—*Помѣщикъ*. Здѣсь въ числѣ гостей помѣщицы—вдовы окажется „умница московскій, мясистый, пухлый, съ кадыкомъ, длинноволосый, въ кучерскомъ кафтанѣ“, „въ мурмолкѣ“: это—подлинное изображеніе Константина Аксакова. Оно же, наконецъ появится и въ одномъ изъ первыхъ разсказовъ—въ *Запискахъ Охотника—Однодворецъ Овсянниковъ* и до такой степени рѣзкое, что семья Аксаковыхъ придетъ въ волненіе, а нѣкоторые члены ея навсегда увѣруютъ въ духовную погибель Тургенева. Но онъ считалъ своимъ долгомъ съ особенной настойчивостью возставать противъ славянофильской вѣры въ исключительныя достоинства русской исторіи, русскаго быта, русской народности и противъ презрѣнія къ западной цивилизаціи будто бы вообще несовершенной и отживающей. Мало было вопросовъ, способныхъ вызвать у невоинственнаго Тургенева столько отваги и горячности...

Судьба Параши быстро рѣшается,—даже неожиданно быстро и несправедливо,—послѣ первой же встрѣчи съ такимъ жалкимъ героемъ, каковъ Викторъ Алексѣевичъ: онъ будетъ ея мужемъ.

Она—*Тургеневская* героиня,—пока еще сравнительно блѣдная и смутная, но одной породы съ Натальей, Лизой, Еленой. Уже теперь у автора больше всего поэтическихъ красокъ, творческой изобрѣтательности для женскаго лица. О внѣшности героя ему почти нечего сказать, —но зато одному только „взгляду“ парашиныхъ глазъ,—„волшебныхъ глазъ“—посвящена цѣлая строфа и здѣсь нашлось мѣсто и загадочному романтизму, и нѣжной чувствительности, и намекамъ на нѣчто пожалуй демоническое: говорится о страсти горестной и знойной“ о

„душѣ любимой Божествомъ“. Не удостоивая героя ни малѣйшимъ личнымъ вниманіемъ,—авторъ будто самъ влюбленъ въ Парашу, воспѣваетъ ее „нашей Руси дочь“ отъ собственнаго лица, приписываетъ ей даже свои „западническія“ сочувствія. И намъ все время жаль Параши: зачѣмъ съ такимъ трогательнымъ искусствомъ описаны начало ея любви, ея тоска и тревога, ея невольная жажда счастья и ея разцвѣтъ на встрѣчу готовой осуществиться мечтѣ? Она—такая умная, простая—это подчеркиваетъ авторъ,—она—такая поэтическая и изящная во всѣхъ своихъ движеніяхъ,—и вдругъ—

Какъ листочекъ блестящій и счастливый
Ее несетъ широкая волна...

во власть *его*, о комъ только и можно сказать: чтобъ *мужемъ* быть—кому ума не доставало?

Неужели заурядность, мелочность и сѣрость русской жизни воплощается въ такихъ горе—герояхъ, а ея красота, душевная прелесть въ такихъ дѣвушкахъ? И горе—герои все таки побѣдители, а дѣвушки —послѣ грезъ юности, послѣ тоски о дивномъ блескѣ, о чудномъ призывномъ голосѣ—и новой таинственной жизни—онѣ будто подкошенные цвѣты склоняются къ ногамъ вотъ этого повелителя, такъ рѣшающаго вопросъ о своей женитьбѣ:

Я радъ сосѣдямъ... дочь
У нихъ одна; онъ человѣкъ богатый
При томъ она мила...

И только... И Параша не разгадала этой мѣщанской души и своего сумрачнаго будущаго!

Автору тоже ея жаль, онъ не того ждалъ, зня ее въ молодости, Онъ, разставшись съ надеждами, въ ней „ласкалъ послѣднюю мечту“, въ этой деревенской барышнѣ съ такой тревожной вдохновенной душой. И все погибло и „такъ просто, такъ естественно“. И въ этой естественности—горечь всей исторіи. Правда, Параша не вполнѣ счастлива,—но за то вполнѣ безнадежна. Недаромъ, автору грезился бѣсъ, когда Параша влюбилась и ее полюбили. Бѣсъ хохоталъ,—надъ Парашей ли только? Автору кажется:

Онъ смотритъ не на нихъ—
Россія вся раскинулась, какъ поле,
Передъ его глазами въ этотъ мигъ..

Значитъ, участь Параши—печальная участь цѣлой страны. Не докончилъ авторъ своей мысли,—но она ясна. Тамъ на этомъ безграмотномъ пространствѣ сплошное кладбище юныхъ мечтаній, вдохновеній и надеждъ. Тамъ что ни жизнь—то обманъ, разочарованіе, безсильные вздохи о прошломъ,—и безсмысленный, тоскливый путь—„дорогой столбовою“. Тамъ въ молодости набираются чужаго ума, какъ

ученики и зрители, никогда не доростая до творческаго труда, до грозной борьбы за истину,—а въ зрѣлые годы даже разучиваются смѣяться надъ смѣшнымъ и, растерявши свою душу, обволакиваютъ и душатъ родной тиной чужія души. И все такъ *просто* и *естественно:* ни страданій, ни возмущеній: „и ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно“,—писалъ Тургеневъ надъ своимъ разсказомъ, будто не зная лучшей характеристики для тѣхъ людей и картинъ, какія видѣлъ смѣющійся сатана на русскомъ просторѣ.

Почти черезъ два года послѣ *Параши* и также въ отдѣльномъ изданіи вышло „стихотвореніе“ *Разговоръ.* Это *Отцы и дѣти* сороковыхъ годовъ и въ самой простой формѣ: „старикъ“ и „молодой человѣкъ“ разсказываютъ другъ другу опыты своей жизни. Старикъ вспоминаетъ сраженія, онъ—самъ въ былыя времена доблестный воинъ, онъ, видимо, человѣкъ конца XVIII или начала XIX вѣка, теперь онъ—отшельникъ, но въ его голосѣ все еще слышится „непобѣжденная тоска“, хотя

Много золъ и мукъ
Смягчили прежній, гордый звукъ...

Онъ говоритъ о своей разбитой но живой груди, онъ мечтаетъ о жизни молодой, онъ желаетъ блаженныхъ ясныхъ дней „землѣ возлюбленной своей“,—и всего этого онъ ждетъ отъ новыхъ поколѣній.

Кто онъ? Можетъ быть, надъ Тургеневымъ какъ и надъ Герценомъ носились воспоминанія о декабристахъ. Герценъ всю жизнь вспоминалъ о нихъ съ благоговѣніемъ, съ восторгомъ, какъ о своихъ идейныхъ отцахъ. И не одинъ Герценъ. Его сверстники были полны полусказочной памятью о первыхъ мученикахъ за русскую конституцію. Даже гр. Толстой, равнодушный въ молодости и въ зрѣлые годы ко всякой политикѣ, задумывалъ романъ о декабристахъ. Могъ ли Тургеневъ пройти мимо этихъ воспоминаній? У „старика“ была когда то „пламенная рѣчь“ и гремѣла она какъ набатъ, пробуждающій въ порабощенномъ народѣ ярый гнѣвъ—

И мчатся граждане толпой
На грозный, на послѣдній бой...

Поэтическое-ли это сравненіе—не больше, или подлинная черта изъ минувшей жизни „Старика“? Во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ себя въ правѣ проклинать своего молодого собесѣдника за малодушіе и безсиліе,—за то, что онъ не принесетъ родинѣ лучшаго будущаго.

И „Молодой человѣкъ“ заслуживаетъ упрека. Любопытенъ его разсказъ о себѣ и о своей любви. Предъ нами будто первый очеркъ рудинскаго лица и первый набросокъ знаменитаго прощанья Рудина съ Натальей. Онъ полюбилъ и его полюбили,—и все таки онъ разстался съ *ней* и самъ не могъ понять, зачѣмъ? Бѣжалъ, не зная самъ

куда? На волю, на просторъ,—для чего? Нѣтъ у него ни ясной цѣли, ни твердыхъ желаній. Онъ мчится вдаль, мечтая тамъ найти все чего ему хотѣлось *безотчетно.* А даль—безъ конца, и тянетъ безпокойнаго человѣка все дальше, а на сердцѣ все та же тоска и звучатъ въ ушахъ все тѣ же *смутныя* слова.

Но если не удалась любовь,– на землѣ столько дѣлъ и призваній! И ни одно не привязало къ себѣ юноши, потому что не встрѣтилось ему ни сильныхъ, ни свободныхъ людей. У него не оказалось ничего общаго ни съ обществомъ, ни съ народомъ,—и съ народомъ меньше всего,—вѣчнымъ рабомъ нужды, и заботъ...

Очевидно, юноша не несъ въ себѣ силу, а самъ искалъ ея, ему самому нужны были вдохновители и вожди, безъ нихъ у него не хватало ни жара, ни мужества. Онъ самъ одинъ изъ толпы—по малодушію и безволію, но, на свое несчастье, онъ не похожъ на толпу—умомъ и сердцемъ, онъ выше вздорныхъ умниковъ, любезныхъ остряковъ, довольныхъ службой и судьбой, онъ не рабъ,—и поэтому онъ—одинокъ, онъ—*лишній.* Только одно качество могло бы сдѣлать его *нужнымъ:* сила воли, настойчивая страсть во имя идеала,—„Старикъ“ называетъ это вѣрой въ Бога, великіе русскіе поэты называли пророческимъ призваніемъ, надъ ними въ минуты высшаго вдохновенія парилъ образъ—пророка и объ этомъ пророкѣ тосковалъ величайшій обличитель несовершенствъ русской жизни: „Гдѣ тотъ, восклицалъ Гоголь, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* Кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеніемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь?“ И Тургеневъ говорилъ о своей молодости: „намъ нуженъ былъ *вождь*“, и много лѣтъ спустя его герой повторилъ все тотъ жадно-тоскующій вопросъ Гоголя: „когда же наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?“

Вотъ этой тоской жилъ и „Старикъ“ и за его проклятіями „Молодому человѣку“ звучитъ одинъ страстный укоръ: отчего ты не смогъ стать вождемъ? Надо вѣровать и хотѣть,—и тогда возможешь, тогда явится великая сила,—явится—*благодать* и толпа не посмѣетъ не признать ея... А юноша говоритъ ему о „душѣ печальной и больной“, о томъ, что его жизнь „отравлена“, объ ея пустотѣ и безцѣльности,—обо всемъ, о чемъ часто говорятъ русскіе *лишніе* люди и часто вѣрятъ, что они—лишніе по излишнему благородству, а не по обыкновенному ничтожеству. У „Молодаго человѣка“ есть еще оправданіе и Старику, вѣроятно, нечего на него отвѣчать. Пусть потомки оказались малодушны и маловѣрны, а что сдѣлали отцы? Какими доблестными тру-

дами они подвинули ростъ своего народа? Гдѣ ихъ побѣды? Ихъ работа также оказалась пустой. Оба поколѣнія стóятъ другъ друга и оба вмѣстѣ—ничто. Народъ никого изъ нихъ не помянетъ добромъ и не дождаться имъ благодарности отъ потомства.

Въ первый и послѣдній разъ на Тургеневской сценѣ появился *идейный* представитель самаго стараго изъ поколѣній, изображенныхъ писателемъ.—Всѣ его сверстники будутъ просто *господами*, яркой разновидностью крѣпостнической породы. Вообще русская литература прошла мимо раннихъ общественныхъ движеній вплоть до сороковыхъ годовъ. Единственное исключеніе—Чацкій, только въ самыхъ общихъ чертахъ воспроизводящій умъ и душу своего поколѣнія. Произошло это, можетъ быть, потому что „русскій прогрессъ" дѣйствительно шелъ скачками и провалами. Какъ воспроизвести да еще художественными образами преемственность вольнодумства Екатерининскихъ временъ и умственнаго движенія, вызваннаго отечественной войной и позднѣйшими событіями? А дальше—какая непрерывная связь между декабристами и разнообразными интеллигентскими направленіями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ? Герцену пришлось *открывать* декабристовъ какъ тѣней другаго давно погибшаго міра и установливать съ ними связь скорѣе своимъ благодарнымъ сердцемъ, чѣмъ послѣдовательнымъ міровоззрѣніемъ. Сороковые годы—счастливѣе: ихъ не похоронила историческая судьба раньше смерти, они —своей вѣрой, своими живыми личностями дожили до великаго освобожденія, навсегда устранившаго возможность преждевременныхъ похоронъ и могли, въ самый блестящій разцвѣтъ художественныхъ талантовъ, сосчитаться лицомъ къ лицу съ своими наслѣдниками Этому разсчету и были отданы высшія усилія тургеневскаго таланта,—и каждая подробность оказалась здѣсь ясной и живой. Не то „Старикъ" въ *Разговорѣ*. Онъ такъ и остается загадочнымъ лицомъ, и авторъ даже усложняетъ загадку. Прочтите разсказъ „Старика" объ его любви къ какой то красавицѣ: такъ могъ говоритъ только человѣкъ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ. Это та самая любовь, какая сводила съ ума „отцовъ" въ тургеневскихъ романахъ, та любовь, о какой съ такимъ презрѣніемъ отзывался Базаровъ, когда человѣкъ всю свою жизнь ставитъ на карту женской любви. И предметъ любви старика—въ демоническомъ освѣщеніи сильно напоминаетъ княгиню Р., „сфинкса", загубившаго Павла Кирсанова. *Быть рабомъ* любимой женщины—ремесло той породы людей, какую съ особеннымъ сочувствіемъ изображалъ Тургеневъ, можетъ быть,—потому что „никто свою плоть не ненавидитъ". И, можетъ быть, краснорѣчіе Старика, довольно неожиданное въ устахъ дряхлаго и усердно молящагося отшельника, отголоски авторскаго настроенія,—лирика его печали:

Страсть, узналъ я, злую страсть...
Узналъ томительную власть
Души надменной, молодой
Надъ пылкой преданной душой...
Ея рабомъ я былъ! Она
Была свободна какъ волна.
И мнѣ казалось, что меня
Она не любитъ... О, какъ я
Тогда страдалъ!

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ со времени знакомства Тургенева съ Полиной Віардо,—и кто знаетъ, можно ли было вѣрнѣе, чѣмъ эта исповѣдь „Старика“, разсказать чувства самого поэта? Тургеневъ попалъ въ область притяженія центральнаго свѣтила всей своей жизни почти одновременно съ началомъ своего писательства. Онъ самъ на это указываетъ: въ 1843 году онъ началъ печатать стихи—„очень посредственные“, писалъ онъ Полинѣ Віардо, и „тотъ же 1843 годъ является для меня эпохой гораздо болѣе достопамятной и болѣе дорогой: въ ноябрѣ я имѣлъ счастье познакомиться съ вами“. Слѣдовательно, до знакомства съ Полиной Віардо была написана только *Параша*,—естественно въ *Разговорѣ* намъ должны слышаться отголоски важнѣйшаго событія въ личной жизни Тургенева,—еще яснѣе они прозвучатъ въ его лучшемъ стихотворномъ произведеніи, въ поэмѣ *Андрей*.

Это *русскій* романъ во всѣхъ смыслахъ,—по исполненію, по дѣйствующимъ лицамъ, по авторскому настроенію. Тотъ романъ, какой замышлялъ Пушкинъ на своемъ „веселомъ закатѣ“—„не муки тайныя злодѣйства“, а простой пересказъ „любви плѣнительныхъ сновъ“. Даже героиня тургеневской поэмы—Дуня—таже Таня: „все тихо просто было въ ней“,—и она „другому отдана“ и будетъ „вѣкъ ему вѣрна“. Послѣ великаго предшественника—авторъ нашелъ свои краски, свою поэзію, сумѣлъ даже придать ей свой оттѣнокъ—легкой любовной ироніи, не менѣе изящный, чѣмъ отеческое чувство Пушкина къ *его* „милой Татьянѣ“. Источникъ ироніи все тотъ же: „стоячая вода“ русскихъ душъ и русской жизни, боязнь страсти, разбивающей рамки общепринятаго будничнаго порядка, трепетъ предъ жертвой. Пока все это черты тургеневскихъ героинь,—можетъ быть, потому что герои не стоятъ сильныхъ страстей и не заслуживаютъ жертвъ,—и безсильны они властно всколыхнуть женскую душу и стряхнуть съ нея дремотныя мечты и разсѣять трепетную робость. И ради чего сталъ бы герой звать „чужую жену“ вонъ изъ ея дома, ея „норы“? Ради другой такой же норы, ради жизни „сурка“ въ другихъ стѣнахъ?

Такъ непочтительно выражается авторъ о семейномъ счастьѣ Дуни, —но и объ Андреѣ ему нечего сказать другаго: задумчивый, кроткій,

чувствительный и зѣвающій отъ мечтаній и мечтающій отъ скуки, тотъ же Тентетниковъ и даже безъ разочарованій и безъ смутныхъ замысловъ, безъ раздраженія и презрѣнія, и, наконецъ—„онъ уважалъ законъ и собственность чужую". Въ первый разъ въ русской литературѣ появился такой герой да еще въ стихотворной поэмѣ. Авторъ даже не воспользовался самымъ любимымъ и легкимъ авторскимъ пріемомъ, —не прицѣпилъ къ своему блѣдному герою ни одного украшенія отъ своей собственной личности. Какъ много этотъ пріемъ помогъ, напримѣръ, Герцену, сочинявшему *Кто виноватъ?* одновременно съ *Андреемъ!* При незначительномъ творческомъ дарованіи автора герой Бельтовъ—вышедшій изъ реторты отвлеченныхъ соображеній и надуманныхъ подмѣсей—все таки оказался какъ будто „интереснымъ"—позаимствованной у автора интересностью: „лицо чрезвычайно дѣятельное внутри, раскрытое всѣмъ современнымъ вопросамъ, энциклопедическое, одаренное смѣлымъ и рѣзкимъ мышленіемъ", и потомъ лицо непостижимо—загадочное, „ничѣмъ особенно не занятое", но уже „обреченное уморить въ себѣ страшное богатство силъ и страшную ширь пониманія". Естественно, дама находитъ его „ужаснымъ человѣкомъ", а „почтенные жители" города NN переживаютъ отъ одного его безмолвнаго появленія „сильную и продолжительную сенсацію." Ничего подобнаго у бѣднаго Андрея и съ бѣднымъ Андреемъ! „Ему дала природа не кичливый, но ясный умъ"—вотъ качество, какого Бельтову не удалось позаимствовать у своего творца,—но, разумѣется, съ этимъ качествомъ никакихъ сенсацій не произведешь и романъ получится необыкновенно скромный: только очень сильный и правдивый художникъ могъ рѣшиться разсказать его.

„Имъ было хорошо, тепло вдвоемъ",—и только, даже не высказано и не выслушано признаніе и авторъ вынужденъ придумать особый способъ—открыть любовь Андрея къ Дуняшѣ: она подсматриваетъ, какъ онъ цѣлуетъ забытый ею платокъ, а потомъ „она молчала и молчалъ онъ самъ", у обоихъ на глазахъ слезы восторга,—но мужъ вошелъ внезапно—и все пришло въ порядокъ. Даже больше: Андрей рѣшилъ бѣжать отъ искушенія, какъ человѣкъ совѣстливый и честный... Бѣжалъ,—и роману конецъ. Дуняша вновь осталась одна: „скука тоска... не знаешь ничего... занятій нѣту... нѣтъ дѣтей... ничего нѣту... душно, страшно-душно... Впереди все тоже, тоже до могилы", пишетъ она Андрею и умоляетъ его: „подумай, на кого меня ты здѣсь оставилъ?". Тоже слышалъ „Молодой человѣкъ" въ *Разговорѣ:* онъ также бѣжалъ отъ той, кого любилъ и въ памяти у него остался:

Печальный взоръ
И недоконченный укоръ.

Перепугается дѣвичьей любви и Рудинъ, и Н. Н. и всѣмъ не будетъ чуждо раскаяніе и сожалѣніе. Что за смыслъ этой заячьей повадки? Бѣжитъ тотъ, кто видитъ или чувствуетъ опасность чего-нибудь лишиться—чѣмъ же, какими опасностями могли угрожать Дуняша, Наталья, Ася—тѣмъ, кого они полюбили? Одной-самой простой, естественной у всякой любящей женщины: о ней говоритъ Наталья Рудину: „Вы мужчина, я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ", тоже и Ася: „я все буду дѣлать, что вы мнѣ скажете", тоже и Андрей читалъ въ глазахъ Дуняши, и въ ея письмѣ. *Вѣра*—чужая, довѣрчивая вѣра—какая тягота для того, кому самому не во что вѣрить и у кого, слѣдовательно, нѣтъ вѣры въ себя самого, потому что вѣрить въ себя можно только во имя чего-нибудь, а вѣрить значить хотѣть, стремиться съ увѣренностью достигнуть. Всякая вѣра—религія и у всякой религіи—подвигъ до мученичества и въ вѣнцѣ всего—царство небесное—на небѣ, или здѣсь, на землѣ—лучшій желанный строй жизни. И въ душѣ тургеневской женщины живетъ непремѣнно жажда такой вѣры,—душа „взыскуетъ града" всѣмъ своимъ существомъ только потому, что она отъ природы чутка и благородна. Привязать къ себѣ эту душу—значитъ взять на себя не только ея жажду но и ея вѣру, и жаждать и вѣровать какъ *мужчина*—по выраженію Натальи: „вы должны трудиться",—поясняетъ она Рудину. Вотъ что значитъ любовь этихъ вѣрующихъ мечтательницъ: она возлагаетъ бремя и навязываетъ долгъ,—и благородные любители женскихъ чувствъ и любовной поэзіи это не только видятъ, они чувствуютъ инстинктивно и каждый, какъ случится, но по существу всѣ одинаково отмахиваются отъ демона, несравненно болѣе страшнаго, чѣмъ старый, давно прирученный демонъ „избранныхъ натуръ": тотъ внушалъ презрѣніе и разочарованіе—самыя пріятныя и доступныя чувства,—а этотъ наоборотъ требуетъ любви и очарованія...

Когда придутъ вѣрующіе и очарованные, тогда тургеневскіе романы будутъ иначе кончаться. А теперь автору приходится заключить исторію своихъ героевъ—смѣхомъ, хотя, можетъ быть, и грустнымъ. Таковъ конецъ и романа *Андрея*.

Автору вообще врядъ ли было весело, когда онъ писалъ этотъ романъ. Будто мерцаетъ печальное сіяніе осенняго вечера, озаряющее одинокого человѣка, пугливо полюбившаго и безпомощно борющагося съ своей любовью. И сколько грусти въ этихъ авторскихъ отступленіяхъ:

... Тяжело терять напрасно годы,
Жить завтрашнимъ или вчерашнимъ днемъ,
И счастья ждать, какъ узники свободы...
Упорно какъ они мечтать о немъ

И въ безотвѣтныхъ красотахъ природы
Искать того, чего въ ней нѣтъ: другой
Души любимой, преданной, родной.

А дальше—обращеніе къ природѣ—всегда спокойной:

Часто послѣ прожитаго года
Въ томительной, мучительной борьбѣ,
Природа, позавидуешь тебѣ!

Это былъ 1845 годъ. Въ этомъ году въ августѣ Тургеневъ ѣздилъ во Францію—жилъ въ имѣніи Віардо Куртавнелѣ и Куртавнель сталъ для него „милымъ". Въ предыдущемъ году онъ писалъ Полинѣ Віардо: „мы, несчастные голодающіе, питаемся нашими воспоминаніями". Но потомъ изъ октябрьскаго письма 1846 года видно,—Полина Віардо, по крайней мѣрѣ, годъ не писала Тургеневу,—точнѣе не отвѣчала на его письма: онъ отъ другихъ узнаетъ, что она „дѣлала въ этомъ году". Переписка возобновилась только осенью 1846 года, чему Тургеневъ особенно радъ. И вотъ ему пришлось завидовать спокойствію природы даже не одинъ годъ, а можетъ быть, два,—потому что, пишетъ онъ Віардо,—„узнавъ васъ такъ же трудно васъ забыть, какъ трудно не привязаться къ вамъ".

Мечтательная печаль не мѣшала Тургеневу выполнять дѣло художника-реалиста. Одновременно съ поэмами онъ пишетъ довольно много стихотвореній. Почти всѣ они тусклѣе поэмъ, хотя Некрасовъ и просилъ у Тургенева стиховъ для *Современника*, предпочитая ихъ единодушно съ Бѣлинскимъ стихамъ Огарева. Здѣсь кое-гдѣ мотивы поэмъ: тоска по сильной страсти, смѣхъ надъ юнымъ романтикомъ, будущимъ лежебокомъ и скопидомомъ, воспоминанія о разлукѣ, объ ускользнувшемъ счастьѣ, неизбѣжныя посланія—дѣйствительно нѣжныя и поэтическія, одухотворенныя тургеневской душой, подсказанныя тургеневскими созерцаніями—женской трогательной красоты, женской будто сотканной изъ свѣта граціи, того особаго сіяющаго и благоухающаго счастья, какое несетъ съ собой любимая женщина—въ каждомъ движеніи: все это обычное мастерство тургеневскаго таланта. Такимъ путемъ мы придемъ къ его романамъ. Но есть и другой путь,—онъ ведетъ къ *Запискамъ охотника:* живопись природы, осени, зимы, лѣтнихъ ночей,—и превосходная картина—для нея даже выбранъ размѣръ соотвѣтственно настроенію—*На охотѣ лѣтомъ*: стихъ медленный, истомный, будто вмѣстѣ съ поэтомъ отдыхающій въ лѣсной тѣни отъ солнечнаго огня. Наконецъ,—*Деревня,* совпадающая по времени съ началомъ *Записокъ*,—развернутое полотно для Хоря, Калиныча, Ермолая, Бѣжина луга. Поэзія для народа, ему полное сочувствіе:

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту...

Для господъ другое чувство,—и послѣдняя поэма *Помѣщикъ*—тоже готовое полотно для господъ Полутыкиныхъ, Звѣрьковыхъ и ихъ супругъ,—одна чета уже изображена и такъ живо—можно бы перенести въ разсказъ изъ *Записокъ:* тамъ нѣтъ такого описанія помѣщичьихъ будней, помѣщичьихъ разговоровъ съ крестьянами о развитіи, о чувствѣ долга въ перемѣшку съ легкими побоями, нѣтъ и такой живописной помѣщицы—Цирцеи своей округи, но зато съ ея бала нѣкоторыя красавицы попадутъ въ другія произведенія—Коринна превратится въ Эмеренцію въ разсказѣ *Два пріятеля,* а загадочная пятнадцатилѣтняя дѣвица—у нея на лицѣ „печальный слѣдъ сомнѣній, тревожныхъ раннихъ размышленій, тоски, неопытныхъ страстей и взглядъ внимательный" и, очевидно, „душа самовластная"—ей не выпадетъ счастья, ей суждено одиночество: развѣ это не будущая Лиза? И среди кавалеровъ можно узнать будущихъ знакомыхъ: „неистово развязный, довольно злой, довольно грязный острякъ"—тотъ же Пигасовъ, а черненькій шпіонъ и шулеръ, малый знатный, угодникъ дамскій—почти Малевскій изъ повѣсти *Первая любовь.* Не обошлось и безъ личныхъ знакомыхъ самого автора—чувствительнаго нѣмца учителя, тоскующаго по далекой родинѣ и извѣстнаго намъ „умницы Московскаго"—будущаго Любозвонова, подлиннаго Константина Аксакова.

Тургеневъ, несомнѣнно, шелъ къ важнѣйшему труду своихъ молодыхъ лѣтъ къ *Запискамъ охотника,* но, какъ часто бываетъ съ художниками, самъ не сознавалъ своего пути, и подчасъ старался сочинить кое-что отъ литературы. Таковъ разсказъ *Бреттеръ:* люди и среда, очевидно, мало знакомы автору, отсюда преднамѣренность и подчеркнутость. Отрицательный герой Лучковъ слишкомъ глупъ и пошлъ, чтобы его *всѣ* боялись, его на самомъ дѣлѣ никто и не боится и врядъ ли онъ могъ разыграть такую жестокую роль, какая ему приписана. Положительный герой—русскій нѣмецъ Кистеръ—слишкомъ охерувимленъ, его прекраснодушіе доведено до предѣловъ, какимъ не повѣрилъ бы никакой нѣмецкій „Шиллеръ". По обыкновенію изящна и трогательна барышня—съ ея дѣвичьей мечтой о сильномъ человѣкѣ, одинокомъ, непонятомъ и несчастномъ: „въ ней тихо бродила душа",—для изображенія этого состоянія другаго мастера рядомъ съ Тургеневымъ нѣтъ въ русской литературѣ, и, при всемъ ничтожествѣ Лучкова,—онъ за свой героическій счётъ, подобно Санину и Инсарову, совершаетъ кое-какіе подвиги: достаетъ цвѣтокъ съ опасностью упасть въ воду, объѣзжаетъ молодую лошадь, но это не спасаетъ ни лица, ни положенія, до конца мало убѣдительныхъ. Такое же литературное упражненіе разсказъ *Жидъ.* Врядъ ли Тургеневскому таланту надлежало

живописать, какіе шпіоны бываютъ по призванію и какъ они ради „денежекъ“ готовы на какое угодно дѣло. Одну только черту разсказа отмѣтили первые же его читатели: Жидъ „съ необыкновеннымъ жаромъ“ клянется достать для офицера красавицу, а въ случаѣ обмана, кричитъ онъ, „прикажите тогда дать мнѣ пятьсотъ... *Четыреста пятьдесятъ палокъ*“,—прибавилъ онъ поспѣшно“. Въ „необыкновенномъ жару“ онъ не забылъ мелочнаго торга хотя бы даже въ счетѣ заслуженныхъ палокъ.

Въ поискахъ за предметомъ Тургеневъ, наконецъ, напалъ на семейныя преданія и написалъ извѣстные намъ *Три портрета.* Все значеніе разсказа въ его историчности. Въ художественномъ отношеніи остается незабвеннымъ классическое лицо русской дореформенной литературы, впервые нарисованное Пушкинымъ—стараго крѣпостнаго слуги, безъ лести и безъ корысти преданнаго, сквозь рабство пронесшаго неприкосновенными душу, разумъ и человѣческое достоинство—смиренное, спокойное, но безконечно болѣе благородное, чѣмъ барская „честь“ и барскій нагулянный и начитанный умъ. Тургеневу хорошо были знакомы эти самородно-русскіе мудрецы и рыцари,—и Юдичъ въ *Трехъ портретахъ*, Матвѣй въ комедіи *Безденежье*—полны красокъ и правды.

Наконецъ, послѣдній разсказъ предъ *Записками охотника—Пѣтушковъ.* Для Тургеневскаго таланта въ немъ ничего замѣчательнаго,—но въ него слѣдуетъ вчитаться—и онъ покажется достойнымъ большаго вниманія, Одинокій, безпріютный, простодушно добрый почти сорокалѣтній поручикъ влюбляется въ дѣвицу Василису не за ея душевныя достоинства и не за ея любовь къ нему, а потому что его сердце запросило пріюта, „его душа согрѣлась“. Но у Василисы имѣются другія души, гораздо соблазнительнѣе,—и Пѣтушковъ, даже живя у нея, остается „сиротой“. Это онъ понимаетъ, чувствуетъ унизительность своего приживательскаго сиротства, надъ нимъ смѣются товарищи, укоряетъ денщикъ и онъ самъ видитъ: „надо было показать твердость. Надо было все это прекратить... разомъ“. Бѣднякъ воображаетъ,—его станутъ удерживать, напротивъ Василиса и ея тетка очень рады отъ него отвязаться пусть только уплатитъ по счету: слишкомъ онъ скученъ своей привязчивостью, смѣшенъ своимъ простымъ преданнымъ сердцемъ—такимъ слабымъ и отходчивымъ. Люди и женщины въ особенности не любятъ слабости и не уважаютъ всепрощающей преданности. Но у сироты нѣтъ силъ сбросить съ себя постыдное бремя: „вотъ оно, мое семейство! вотъ оно!..“ говоритъ онъ съ болью и горечью о Василисѣ и ея пріятеляхъ,—и все таки идетъ къ ней, идетъ, даже не найдя приворотнаго зелья—чтобы она любила

его, а поселяется въ „чуланчикѣ" при семьѣ и хозяйствѣ Василисы. Онъ—„бездомный человѣкъ, сирота", кого некому приласкать, кому не отъ кого услышать ласковаго слова... такъ и кончитъ онъ жизнь въ чуланчикѣ, въ чужомъ домѣ, прилѣпившись къ чужимъ людямъ...

Разсказъ написанъ въ 1847 году... Сейчасъ мы услышимъ его ясные отголоски и на этотъ разъ не въ творчествѣ автора.

V.

Въ октябрѣ 1843 года въ Петербургѣ открылась Итальянская опера. Среди пѣвицъ явилась Полина Віардо-Гарсія. О ней знали, что она родомъ испанка, дочь и ученица знаменитаго тенора Гарсія, но сама она еще не была знаменитостью. Первый сезонъ итальянской оперы въ русской столицѣ положилъ начало ея славѣ. Пѣвица явилась въ русскую столицу незнакомкой, первый же вечеръ рѣшилъ ея судьбу. Ея выхода ждали только съ любопытствомъ,—пѣвица поразила публику и безповоротно покорила ее. Предъ нами разсказъ очевидца о первомъ представленіи съ участіемъ Віардо: шелъ *Севильскій цирульникъ*, Віардо исполняла роль Розины.

Началась вторая картина перваго акта: „Комната въ домѣ Бартоло. Входитъ Розина: небольшаго роста, съ довольно крупными чертами лица и большими, глубокими, горячими глазами. Пестрый испанскій костюмъ, высокій андалузскій гребень торчитъ на головѣ немного вкось. „Некрасива!", повторилъ мой сосѣдъ сзади. „Въ самомъ дѣлѣ", подумалъ я.

„Вдругъ совершилось что-то необыкновенное!

„Раздались такія восхитительныя бархатныя ноты, какихъ, казалось, никто никогда не слыхивалъ... прелестныя уста произносили: una voce poco fa!

„По залѣ мгновенно пробѣжала электрическая искра... Въ первую минуту—мертвая тишина, какое-то блаженное оцѣпенѣніе... но молча прослушать до конца—нѣтъ, это было свыше силъ! Порывистыя bravo! bravo! прерывали пѣвицу на каждомъ шагу, заглушали ее... Сдержанность, соблюденіе театральныхъ условій были невозможны; никто не владѣлъ собою. Восторгъ уже не могъ вмѣститься въ огромной массѣ людей, жадно ловившихъ каждый звукъ, каждое дыханіе этой волшебницы, завладѣвшей такъ внезапно и всецѣло всѣми чувствами и мыслями, воображеніемъ молодыхъ и старыхъ, пылкихъ и холодныхъ, музыкантовъ и профановъ, мужчинъ и женщинъ... Да! это была волшебница! И уста ея были *прелестны!* кто это сказалъ „некрасива?"—Нелѣпость!

„Не успѣла еще Віардо-Гарсія кончить свою арію, какъ плотина прорвалась: хлынула такая могучая волна, разразилась такая буря, какихъ я не видывалъ и не слыхивалъ. Я не могъ дать себѣ отчета: гдѣ я? что́ со мною дѣлается? Помню только, что и самъ я, и все кругомъ меня кричало, хлопало, стучало ногами и стульями, неистовствовало... Это было какое-то опьянѣніе, какая-то зараза энтузіазма, мгновенно охватившая всѣхъ съ низу до верху, неудержимая потребность высказаться какъ можно громче и энергичнѣе.

„Это было великое торжество искусства! Не бывшіе въ тотъ вечеръ въ оперной залѣ не въ состояніи представить себѣ, до какой степени можетъ быть наэлектризована масса слушателей, за пять минутъ не ожидавшая ничего подобнаго.

„При повтореніи аріи для всѣхъ стало очевидно, что Віардо не только великая исполнительница, но и геніальная артистка... Каждое почти украшеніе, которыми такъ богаты мотивы Россини, явилось теперь въ новомъ видѣ: новыя, неслыханно-изящныя фіоритуры сыпались какъ блистательный фейерверкъ, изумляли и очаровывали, никогда не повторяясь, порожденныя минутою вдохновенія. Діапазонъ ея голоса отъ сопрано доходилъ до глубокихъ ласкающихъ сердце, нотъ контральто, съ неимовѣрною легкостью и силою. Обаяніе пѣвицы и женщины возростало crescendo въ продолженіе всего перваго акта, такъ что подъ конецъ каждый съ нетерпѣніемъ, казалось (я сужу по себѣ), ожидалъ возможности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь изъ близко знакомыхъ переполнившими душу впечатлѣніями.

„И дѣйствительно, послѣдовавшій затѣмъ антрактъ не походилъ на обыкновенные: началось сильное передвиженіе, но довольно долго никто почти не выходилъ изъ партера: отовсюду слышались горячія восклицанія восторга и удивленія. Вызовамъ, казалось, не будетъ конца...“

Эти тріумфы, продолжаетъ разсказчикъ, впервые вызвали „цвѣтобѣсіе“ среди петербургской публики и Віардо получала самые щедрые дары. Восторженная толпа окружала пѣвицу при выходѣ изъ театра, ожидая счастья—овладѣть цвѣткомъ изъ ея букетовъ, цѣлуя ей руки, провожала карету до ея квартиры. Авторъ воспоминаній въ этихъ восторгахъ видитъ дѣйствительно художественное чувство, вызванное геніальной артисткой, можетъ быть, даже преувеличиваетъ значеніе успѣховъ Віардо: „Она была необыкновеннымъ явленіемъ на нашей сценѣ, разбудила насъ отъ спячки, внесла въ нашу жизнь новыя художественныя ощущенія, настроила насъ на возвышенный ладъ, потрясала наши нервы“...

Другой очевидецъ съ неменьшимъ восхищеніемъ вспоминаетъ игру Віардо въ *Сомнамбулѣ:* одну арію она спѣла такъ, что по словамъ разсказчика, звуки ея голоса „не могутъ быть забыты во вѣки. Кто слыхалъ эту арію, исполнявшуюся Віардо, тому казалось, что подобное исполненіе выше человѣческихъ средствъ“. Помимо красоты голосъ поражалъ необыкновенной широтой діапазона: пѣвица вполнѣ свободно и съ неожиданнымъ эффектомъ переходила съ высокой ноты сопрано на весьма низкую ноту контральто.

Все это очень восторженныя рѣчи, но очевидцы несомнѣнно, искренни: при жалкихъ условіяхъ русской общественной жизни въ сороковыхъ годахъ, итальянская опера съ Віардо могла казаться всѣмъ сколько-нибудь отзывчивымъ людямъ—настоящимъ счастьемъ. Тайна небывалаго впечатлѣнія заключалась въ бурной страстности игры. Рубини не разъ послѣ спектакля говорилъ Віардо: „не играй такъ страстно—умрешь на сценѣ“. Страстность сказывалась не только въ игрѣ. Однажды въ *Сомнамбулѣ* одновременно были вызваны Рубини и Віардо. Среди криковъ и рукоплесканій пѣвица стала на колѣни передъ знаменитымъ теноромъ и поцѣловала ему руку...

Тріумфы Віардо продолжались, конечно, и въ Москвѣ и, вѣроятно, еще въ сильнѣйшей степени. Москвичи требовали исполненія русскихъ романсовъ. Віардо вызвала бурный восторгъ извѣстнымъ романсомъ „Соловей“. Тургеневъ, говорятъ, особенно восхитился именно этимъ концертомъ. Знакомство произошло въ Петербургѣ,—и Тургеневъ всю жизнь не могъ забыть ни мѣста, ни времени, ни подробностей: „священный день“ 1 ноября, утромъ, въ домѣ на Невскомъ, противъ Александринскаго театра.

Поклонниковъ у Віардо было множество, особенной благосклонностью пѣвицы пользовался Гедеоновъ, сынъ директора театровъ. Бывали, повидимому, минуты—Тургенева мучила ревность. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ его друзей именно этому чувству приписываетъ слишкомъ рѣзкій тонъ статьи, написанной Тургеневымъ о драмѣ Гедеонова „Смерть Ляпунова“. Иванъ Сергѣевичъ сталъ самымъ горячимъ и постояннымъ цѣнителемъ талантовъ Віардо. Таланты были многочисленны: Віардо рисовала, играла на фортепіано, сочиняли музыку. Оба эти искусства—живопись и музыка—увлекали Тургенева всю жизнь,—особенно музыка. Онъ способенъ испытывать настоящую *музыкальную жажду* и *музыкальный голодъ*, живя въ деревнѣ онъ поглощенъ мыслью—гдѣ бы послушать музыки, кого бы упросить поиграть на рояли, а самому погрузиться въ несказанное блаженство и въ минуты непреодолимаго восхищенія подпѣвать игрѣ при всемъ своемъ безголосіи.

Слухъ его отличался необыкновенной музыкальностью, малѣйшая фальшь причиняла ему страданія. Въ лучшихъ роляхъ Віардо онъ помнилъ каждую подробность, иногда приходилъ въ такой восторгъ, что вставалъ съ мѣста, начиналъ жестикулировать и пѣть... Такъ бывало уже въ преклонномъ возрастѣ,—легко представить, что переживалось въ молодости!

Не меньше любилъ Тургеневъ и живопись. Въ Парижѣ онъ будетъ постояннымъ посѣтителемъ выставокъ, покупать картины, пристально и чутко изучать, превосходно освоится съ теоріей искусства. И Віардо могла „окружить Тургенева", по выраженію одного иностранца, его „любимыми искусствами".—И не только искусствами.

Тургеневъ, переживш1й печальное дѣтство, одинокую молодость, высшимъ счастьемъ считалъ семью, семейный уютъ и непремѣнно съ дѣтьми. Онъ всю жизнь любилъ дѣтей, дружилъ съ ними, забавлялъ ихъ. Въ домѣ матери только съ нимъ откровенна маленькая воспитанница сирота.—Она разсказываетъ ему свои огорченія, вмѣстѣ съ нимъ сѣтуетъ на тяжелую участь людей, близкихъ къ Варварѣ Петровнѣ, осмѣливается передавать ему о жестокихъ выходкахъ грозной госпожи. Его вниманіе къ ребенку доходитъ до мелочей. Ребенокъ боится грозы,—Тургеневъ садится съ нимъ у окна и принимается описывать красоту облаковъ и всей природы во время грозы. Онъ замѣчаетъ,—ребенку нравится особенно одна сказка—о голубомъ фазанѣ и онъ часто проситъ ребенка разсказывать любимую исторію и слушаетъ разсказъ съ самымъ благодушнымъ вниманіемъ.

Часто въ гостяхъ онъ оставляетъ взрослыхъ, идетъ въ дѣтскую и очаровываетъ маленькихъ слушателей своими чудными разсказами. Онъ умѣетъ подмѣтить незамѣтное другимъ въ духовной жизни ребенка, угадать его характеръ и склонности, указать родителямъ—онъ посторонній ихъ семьѣ, самъ лично одинокій.

Въ старости онъ приходитъ въ дѣтскую, убираетъ дѣтскія вещи безъ всякой воркотни, съ любовью и терпѣніемъ настоящей няньки, отправляется гулять съ дѣтьми и дѣлитъ ихъ восторги. Дѣти смѣлы съ добродушнымъ великаномъ, настойчиво распоряжаются его желаніями и временемъ.

И для него все это остается свѣтлымъ воспоминаніемъ. Терзаемый смертельнымъ недугомъ, онъ помнитъ о своихъ прогулкахъ въ обществѣ дѣтей и мечтаетъ со временемъ испытать то же удовольствіе.

Вотъ два письма Тургенева его маленькой спутницѣ:

„Лѣтомъ мы будемъ опять въ Спасскомъ и будемъ опять ходить въ лѣсъ и кричать:—Что я вижу! Какой прелестный подберезникъ!"

За годъ до смерти Тургеневъ вновь пишетъ:

„Какъ бы я былъ радъ ходить съ тобой, какъ въ прошломъ году, по рощѣ и отыскивать *прелестные* подберезники! Съ большимъ удовольствіемъ разсказалъ бы тебѣ сказку и послалъ бы тебѣ одну главу; но голова моя—настоящій пустой боченокъ, изъ котораго вылито все вино, и стоитъ онъ кверху дномъ, такъ что и новое вино въ него набраться не можетъ... Если же поправлюсь, то напишу тебѣ сказку—именно о *пустомъ боченкѣ*".

Сказокъ этихъ Иванъ Сергѣевичъ разсказалъ не мало. Имъ самимъ лично написанъ только одинъ разсказъ для дѣтей *Перепелка*, только два—*Капля жизни и Самознайка* пересказаны Полонскимъ: съ его дѣтьми Тургеневъ дѣлилъ свое деревенское уединеніе. Всѣ разсказы—о любви дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ...

Въ сказкѣ *Капля жизни* мальчикъ достаетъ съ величайшими препятствіями и опасностями чудодѣйственную каплю, чтобы спасти своихъ родителей отъ смертельнаго недуга: Въ разсказѣ *Перепелка*—любовь птицъ къ своимъ дѣтямъ. Разсказчикъ видѣлъ случай въ дѣтствѣ съ отцомъ на охотѣ.

Однажды охотникъ приблизился къ гнѣзду перепела. Внезапно изъ подъ самаго носа собаки вскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю—точно была ранена или крыло у ней надломилось. Собака немедленно поймала птицу и прикусила ее. Оказалось, перепелка не была раненой, а притворилась, чтобы отвести собаку отъ гнѣзда, пожертвовала собой ради дѣтей.

Другой случай съ маткой-тетеревомъ. Охотники нашли выводокъ; матка вскочила, и ее тотчасъ же ранили. Но она не упала, а полетѣла дальше вмѣстѣ съ тетеревятами. Тогда одинъ изъ охотниковъ притаился и началъ свистать, какъ свищутъ тетерева. На свистъ сперва откликнулся одинъ молодой, потомъ другой и—„вотъ слышимъ мы", продолжаетъ разсказчикъ, „сама матка квохчетъ да нѣжно такъ и близко. Я приподнялъ голову и вижу: сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшитъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце"!..

Наконецъ, стихотвореніе въ прозѣ—*Воробей*, о томъ, какъ старый воробей бросился защищать своего дѣтенышка, упавшаго съ гнѣзда. Старикъ сидѣлъ высоко, на безопасной вѣткѣ, но непреодолимая сила сбросила его—къ самой пасти собаки, приблизившейся къ птенцу. Что могла сдѣлать птичка съ такимъ чудовищемъ, но она жертвовала собой. Собака остановилась, попятилась...

„Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился благоговѣя".

„Да, не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ этой маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

„Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь“.

Такъ трогательно разсказывалъ Тургеневъ о родительскомъ чувствѣ, и его письма переполнены тоской о семьѣ, о родномъ гнѣздѣ, о тихомъ счастьѣ у *своего* очага.

Иностранецъ, близко знавшій Ивана Сергѣевича, пишетъ: „Однажды онъ высказалъ мнѣ, что, по природѣ своей, онъ созданъ для тихой семейной жизни, оживленной семейными радостями. Но это счастье не было дано ему, и жизнь его была омрачена отсутствіемъ семьи. Какая-то туча заслоняла его отъ солнечнаго свѣта и бросала на его жизненный путь тѣнь,—она замѣтна и на его твореніяхъ“.

Въ письмѣ къ Анненкову онъ настаиваетъ: „женитесь непремѣнно. Это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ, какъ горько быть холостякомъ“. „Непремѣнно *женитесь*“, повторяется немного спустя. Этотъ совѣтъ идетъ рядомъ съ жалобой на личное одиночество. „Не знаю,—пишетъ Тургеневъ,—что предстоитъ мнѣ въ будущемъ, но столько предстоитъ затрудненій и внутреннихъ; и внѣшнихъ! Осужденъ я на цыганскую жизнь—и не свить мнѣ, видно, гнѣзда нигдѣ и никогда“.

Тургеневъ сѣтуетъ, что въ Россіи „товарищество слабо“, „особенно литературное товарищество“. Единственное убѣжище—семья. „Это событіе,—пишетъ онъ о женитьбѣ Анненкова,—столь неожиданное съ перваго разу, кажется мнѣ совершенно естественнымъ и необходимымъ, и чѣмъ больше я о немъ думаю, тѣмъ отраднѣе и прекраснѣе представляется мнѣ ваша будущая жизнь. Слава Богу! Свилъ себѣ человѣкъ гнѣздо, вошелъ въ пристань—не всѣ мы, стало быть, еще пропали! То, о чемъ я иногда мечталъ для самаго себя, что носилось передо мною, когда я рисовалъ образъ Лаврецкаго—совершилось надъ вами, и я могу призвать все, что дружба имѣетъ благороднаго и чистаго, въ томъ свѣтломъ чувствѣ, съ которымъ я благословлю васъ на долгое и полное счастье. Это чувство тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ гуще ложатся тѣни на собственное мое будущее; я это сознаю и радуюсь безкорыстію своего сердца“.

Судьбѣ не угодно было подарить Тургенева въ молодости непобѣдимой любовью женщины. Ни одинъ изъ русскихъ писателей не возлагалъ такихъ надеждъ на силу женскаго чувства, никто такъ высоко не ставилъ личности и назначенія женщины. „Общество мужчинъ“, говаривалъ Тургеневъ, „безъ присутствія доброй и умной женщины, походитъ на тяжелый обозъ съ немазанными колесами, который разди-

раетъ уши нестерпимымъ, однообразнымъ своимъ скрипомъ"... И какіе женскіе образы создавалъ Тургеневъ, какія исторіи женскаго сердца разсказывалъ онъ! Врядъ ли былъ и будетъ у русской женщинѣ болѣе благородный и болѣе изящный рыцарь.

„Онъ оживалъ въ обществѣ женщинъ", пишетъ его другъ. Тургеневъ не разъ сознается, какъ много онъ думалъ о прошломъ и настоящемъ русской женщины. А какое значеніе онъ придавалъ женскимъ приговорамъ надъ его лучшими произведеніями! Онъ не прочь сжечь *Новь* только потому, что онъ вызвалъ насмѣшливый отзывъ женщины.

Наконецъ, взглядъ Тургенева на любовь къ женщинѣ до конца остался романтическимъ.

Полонскій передаетъ любопытный отзывъ Тургенева о Левинѣ, героѣ Толстовскаго романа. Тургеневъ возмущался этой личностью и пристрастіемъ къ ней автора романа.

„Неужели же", говорилъ онъ, „ты хоть одну минуту могъ думать, что Левинъ влюбленъ или любитъ Китти, или что Левинъ можетъ любить кого-нибудь? Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которая подламываетъ наше *я*, заставляетъ какъ бы забывать о себѣ и о своихъ интересахъ. Левинъ же, узнавши, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ носиться съ своимъ собственнымъ *я*, ухаживаетъ за собой. Ему кажется, что даже извозчики, и тѣ какъ-то особенно, съ особеннымъ уваженіемъ и охотой, предлагаютъ ему свои услуги. Онъ злится, когда его поздравляютъ люди, близкіе къ Китти. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистомъ и носится съ собой до того, что воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ... Всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей, и, понятно, почему на женщинъ онъ смотритъ, какъ на существъ, созданныхъ только для художественныхъ и семейныхъ дрязгъ".

„Не одна любовь", продолжалъ онъ, „всякая сильная страсть религіозная, политическая, общественная, даже страсть къ наукѣ,—надламываетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики идеи, часто нелѣпой и безразсудной, тоже не жалѣютъ головы своей. Такова и любовь"...

Отзывъ Варвары Петровны совпадаетъ съ этими рѣчами. Она считала своихъ сыновей *однолюбцами*, способными только разъ любить во всю жизнь. Старшій братъ создалъ себѣ семью, а младшему со всѣми его мечтами о семьѣ, его высокими чувствами къ женщинѣ выпалъ совершенно исключительный жребій.

Тургеневъ съ его страстью къ музыкѣ не могъ не пасть къ ногамъ необыкновенной пѣвицы,—по его мнѣнію *„единственной"* во всемъ мірѣ. Такъ думалъ не одинъ онъ. Поэты, композиторы, ученые писа-

тели—единодушны въ восторгахъ: Полина Віардо—„сама музыка!“ Даже писательницы, напримѣръ—Жоржъ Зандъ—склонялись предъ геніемъ и такими свойствами этого генія, какихъ другимъ не простили бы,—предъ эгоизмомъ, предъ заботой о собственномъ спокойствіи, когда всѣ кругомъ были взволнованы и поражены великимъ политическимъ злымъ дѣломъ, декабрьскимъ переворотомъ. Наконецъ,—сама Варвара Петровна, при всемъ негодованіи на безуміе сына, послушала пѣвицу и рѣшила: „надо признаться, хорошо проклятая цыганка поётъ“. Мы можемъ, слѣдовательно, заранѣе ожидать отъ Тургенева безграничныхъ восторговъ предъ Віардо—пѣвицей и артисткой: „вы—олицетвореніе благороднаго стремленія къ высокому и, вѣрьте мнѣ,—даже самыя заурядныя сердца бьются и рвутся“; „если бы на землѣ не было тамъ и сямъ такихъ созданій какъ вы, то на самого себя было бы томно глядѣть“. Это восторги въ началѣ,—а потомъ, уже въ старости, единственный въ своемъ родѣ молитвенный гимнъ, стихотвореніе *Стой!* Полинѣ Віардо шелъ пятьдесятъ восьмой годъ, она все еще иногда пѣла и вотъ послѣ одного такого случая Тургеневъ восклицалъ: „Стой! какою я теперь тебя вижу—останься навсегда такою въ моей памяти!... Какой свѣтъ тоньше и чище солнечнаго свѣта разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды!... Вотъ она открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно! Вотъ оно безсмертіе! Другаго безсмертія нѣтъ—и не надо. Въ это мгновеніе ты безсмертна... Стой! и дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!“

Не меньше восхищеній и предъ композиторскимъ талантомъ Віардо. Тургеневъ училъ пѣвицу русскому языку и познакомилъ ее съ поэзіей Пушкина, Лермонтова, Фета. Віардо написала музыку на нѣкоторыя ихъ стихотворенія и на стихотвореніе самого Тургенева, музыка была издана и Тургеневъ усердно хлопоталъ объ ея распространеніи, самъ написалъ восторженный отзывъ, просилъ Анненкова. Романсы Віардо не имѣли успѣха, Тургеневъ негодовалъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на неудачи своихъ произведеній, старался скрыть неуспѣхъ отъ Віардо, издавалъ ея музыку на свой счетъ, и изданіе щедро раздавалось пѣвцамъ и любителямъ, а Тургеневъ продолжалъ увѣрять Віардо, что романсы ея охотно покупаетъ музыкальный издатель. „Есть особа для которой я не только на рекламы, на все пущусь“,—писалъ онъ Анненкову.

Наконецъ,—третій талантъ Полины Віардо—острая литературная чуткость. И здѣсь Тургеневъ покорно склоняется. Начиная писать романъ, онъ въ Спасскомъ тоскуетъ о далекомъ но самомъ дорогомъ для него критикѣ: „какъ бы я былъ счастливъ представить вамъ планъ,

объяснить характеры, цѣль какую я себѣ поставилъ и какъ бы я тщательно запомнилъ всѣ замѣчанія, какія бы вы сдѣлали! На этотъ разъ я долго обдумывалъ сюжетъ и, надѣюсь, избѣгну нетерпѣливыхъ и скоропалительныхъ рѣшеній, которыя совершенно справедливо вызывали ваше неудовольствіе". Настроенія публики послѣ впечатлѣній Віардо для Тургенева не имѣютъ цѣны. Мнѣніемъ публики онъ особенно доволенъ, когда оно совпадаетъ съ мнѣніемъ Віардо „единственнымъ для него рѣшающимъ".

Все вновь написанное онъ ей читаетъ и ждетъ ея суда со страхомъ. О *Степномъ Королѣ Лирѣ* боится, что она на десятой страницѣ встанетъ и уйдетъ. Когда онъ согласенъ съ отрицательнымъ отзывомъ критика,—онъ заявляетъ ему—будто въ ободреніе: таково мнѣніе и г-жи Віардо.

Все это пока признаніе талантовъ и ума Віардо. Какъ бы велики они ни были, они не произвели бы переворота въ жизни Тургенева. Полина Віардо обладала еще одной силой,—и эта сила оказалась для Тургенева непреодолимой, она рѣшила его судьбу.

Мы слышали, какъ онъ вѣчно думалъ о любви, мы знаемъ, какъ онъ умѣлъ ее описывать, о ней разсказывать. Шекспировскій Ромео, не признававшій за монахомъ права—судить о любви, какъ о чувствѣ лично не пережитомъ,—по романамъ Тургенева навѣрное рѣшилъ бы: этотъ человѣкъ, несомнѣнно, любилъ самъ,—о неиспытанномъ нельзя говорить такъ искренне и такъ горячо.

Правъ ли Ромео? Близкій другъ Тургенева—Анненковъ—затруднился бы отвѣтить. По его словамъ, Тургеневъ „не отвѣчалъ ни на одну изъ симпатій, которыя шли ему на встрѣчу, за исключеніемъ развѣ трогательныхъ связей съ О. А. Т. въ 1854 году, но и они длились не долго и кончились какъ кончаются минутныя вспышки, капризы и причуды, на которыя онъ размѣнялъ свирѣпое одушевленіе истинной страсти, т. е. мирнымъ разрывомъ и поэтическимъ воспоминаніемъ о прожитомъ времени".

О. А. Т.—Ольга Александровна Тургенева, дальняя родственница Ивана Сергѣевича. Онъ даже помышлялъ жениться на ней, успѣлъ открыть свою тайну С. Т. Аксакову. Объ Ольгѣ Александровнѣ мы знаемъ изъ письма Боткина къ Фету: „милая во всѣхъ отношеніяхъ, отличная дѣвушка... Хорошо играетъ на фортепьяно, особенно сонаты Бетховена". И все таки, по словамъ Тургенева Аксакову, „планы упали въ воду", какъ и вышло у Аксакова на картахъ, когда еще Тургеневъ уѣзжалъ лѣтомъ въ 1854 году изъ его имѣнія въ Петергофъ ради Ольги Александровны. Она потомъ вышла замужъ, умерла въ 1872 году, ея смерть вызвала у Тургенева сердечныя воспоминанія:

„однимъ прекраснымъ. чистымъ существомъ на свѣтѣ меньше. Многое мнѣ вспомнилось... вспомнилось горько“.

Почему же „планы упали въ воду?“ *Прекрасное, чистое существо, милая отличная дѣвушка*... Почти такими словами Тургеневъ описываетъ многочисленный разрядъ своихъ героинь,—вѣрнѣе не *героинь:* героини-дѣвушки и женщины совсѣмъ другой породы—Натальи, Елены, Лизы, Маріанны, Ирины,—и даже не *дѣйствующихъ* лицъ, а только предметовъ, а нерѣдко и жертвъ чужихъ дѣйствій. Это—Варя *(Андрей Колосовъ)*, Маша *(Бреттеръ)*, Таня *(Дымъ)*, отчасти Джемма *(Вешнія воды)*. Всѣ онѣ—въ высшей степени милы, кротки, привязчивы, искренни и трогательно-женственны,—но имъ не дала природа той таинственной силы, той загадочной властности, какая простому человѣку кажется чародѣйствомъ, а образованнаго часто превращаетъ въ безвольнаго раба. Эти *прекрасныя, чистыя* существа могутъ быть названы ангелами,—но на землѣ счастье чаще достается не женщинѣ—ангелу, а женщинѣ—„вѣдьмѣ“, женщинѣ—демону, какъ ее изобразилъ Гоголь будто по народнымъ преданіямъ, а на самомъ дѣлѣ съ грозной правдой дѣйствительности. У Тургенева неразъ являются рядомъ ангелы и вѣдьмы и ангелы всегда побѣждены, если этого желаютъ демоны: Таня разбита Ириной, Джемма Полозовой. И до какой степени эта побѣда жила въ тайникахъ художественнаго творчества Тургенева, показываютъ *Вешнія воды*. „Хотѣлъ я возвеличить нравственность,—писалъ онъ одной изъ строгихъ читательницъ,—а вышло къ ужасу моему, что торжествуетъ безнравственность! Бѣда моя... ужъ лучше не читайте“. Не возвеличилъ, очевидно, потому что это вышло бы неправдой: въ жизни такъ не бываетъ, не было и съ самимъ Тургеневымъ.

Таню заслоняетъ Ирина, а Ольгу Александровну заслонила женщина той же породы—менѣе всего похожая на ангела. У самого Тургенева ничего не было демоническаго. По словамъ Анненкова, его мучило сознаніе, что онъ не можетъ побѣдить женской души и управлять ею“. Но за то его можно было побѣдить и имъ управлять. Роковая участь всѣхъ „отцовъ!“ У всѣхъ у нихъ въ жизни и въ душѣ распоряжалось какое нибудь роковое женское существо и неразгаданная княгиня Р.—символическій злой геній русскихъ высоко—культурныхъ дворянскихъ душъ. Тургенева ждала таже участь. Онъ шелъ къ ней неуклонно мимо всѣхъ встрѣчъ и увлеченій. Всѣ они, очевидно, были однородны. Объ одномъ онъ кратко говоритъ „моя пассія“ изъ свѣтскаго круга, о другомъ, можетъ быть, болѣе сильномъ, хотя Тургеневу уже было подъ шестьдесятъ,—подробнѣе, почти такъ же, какъ объ Ольгѣ Александровнѣ. Это—баронесса Вревская, ее встрѣтилъ Турге-

невъ въ 1873 году, а спустя почти пять лѣтъ она умерла. Въ ней жило нѣчто отъ Тургеневскихъ *героинь*, можетъ быть—больше всего отъ Елены: она также погибла вдали отъ родины, ухаживая за больными солдатами въ Турецкую войну. Тургеневъ вспоминалъ о ней съ особымъ чувствомъ скорби и жалости: „чудесное было существо и столь же глубоко несчастное". Ея памяти посвящено стихотвореніе въ прозѣ: сильно и трогательно изображена ея смерть, кратко и ярко очерчена жизнь, сулившая счастье, но „нѣжное и кроткое сердце" жаждаю только жертвы, не вѣдало другаго счастья—кромѣ помощи другимъ, служенія ближнимъ. И она умерла—не оплаканная, „никто не сказалъ спасибо даже ея трупу"... Судьба подвижницы,—и кто не преклонится предъ ней! Но сравните этотъ „поздній цвѣтокъ" „милой тѣни" и восторженный до самозабвенія молитвенный гимнъ—*Стой!*...

Несчастные могутъ вызвать слезы умиленія, но они часто такъ же несильны, какъ и добрые,—и что бы ни писалъ почти шестидесятилѣтній Тургеневъ о „нѣжномъ, кроткомъ сердцѣ",—не такому сердцу было схватить его душу мертвой хваткой. Это удалось Полинѣ Віардо.

До сихъ поръ напечатаны далеко не всѣ письма Тургенева къ ней и напечатанныя изувѣчены по ея волѣ. Но и по этимъ письмамъ можно судить,—увлеченіе Тургенева Віардо, какъ женщиной, имѣло свой ростъ, приливы и отливы. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ знакомства—въ мартѣ 1844 года—Тургеневъ пишетъ какъ другъ, очень преданный, даже тоскующій,—но рѣчь его сдержана заурядна. Проходитъ больше года раньше чѣмъ онъ собирается заграницу—въ августѣ 1845 года. Онъ попадаетъ въ имѣніе Віардо „милый" Куртавнель, запоминаетъ подробности хозяйства и образа жизни хозяйки. Но и послѣ этого проходитъ почти годъ безъ переписки. Она возобновляется только въ октябрѣ 1846 года,—но въ первомъ же письмѣ начинаетъ звучать болѣе откровенное чувство: „вѣрьте, пишетъ Тургеневъ, что, узнавъ васъ, такъ же трудно васъ забыть, какъ трудно не привязаться къ вамъ", и не только къ ней, но и къ ея семьѣ, къ ея маленькой дочери—Луизѣ. Въ это время Тургеневу становилось все тяжелѣе жить дома. Варвара Петровна никакъ не могла примириться съ *неслужащимъ* сыномъ. Писательство вызывало у нея одно лишь презрѣніе, какъ занятіе унизительное для молодого человѣка благороднаго происхожденія. Только одного писателя Жуковскаго она уважала, потому что онъ былъ близокъ ко двору и давно, вскорѣ послѣ Двѣнадцатаго года, нѣсколько разъ посѣтилъ ее въ деревнѣ, проживая по сосѣдству. Шестнадцати лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ побывать у Жуковскаго въ Петербургѣ въ день его имянинъ и под-

нести ему отъ имени матери подарокъ—красивую бархатную подушку. Всѣ остальные писатели для нея не существовали. И сына она не стала уважать за его писательство и чаще всего не обращала никакого вниманія на его вмѣшательство въ ея барскія дѣла.

Только изрѣдка въ его присутствіи ей случалось быть доброй и снисходительной. Но, говоритъ очевидецъ, „и она, и всѣ мы вполнѣ сознавали, что временная доброта и снисходительность Варвары Петровны поддерживались только рѣдкостью и краткостью свиданій съ сыномъ.... Останься онъ при ней,—она бы не выдержала долго, и онъ только былъ бы безмолвнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ того, что выносить онъ не могъ и чему помочь былъ не въ силахъ. Легче отъ этого никому бы не было... и онъ уѣхалъ“.

Это объясненіе совпадаетъ съ разсказомъ самого Тургенева о разлукѣ съ родиной.

„Тотъ бытъ, пишетъ онъ въ *Воспоминаніяхъ*, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная,—не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести, общей колеей, по избитой дорогѣ: либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу Я такъ и сдѣлалъ“...

„Я другого пути передъ собой не видѣлъ, я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва, и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... „Записки Охотника“—эти въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опереженные этюды были написаны мною заграницей; нѣкоторые изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ: вернуться ли мнѣ на родину или нѣтъ?“

И все таки Тургеневъ уѣзжалъ въ „свою даль“ съ тяжелымъ чувствомъ. Жилось ему дома тяжело, но едва ли было легче покидать

этотъ домъ... По словамъ очевидца,—„послѣдніе дни передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ особенно грустенъ, и въ памяти моей, во всѣ послѣдующіе за этимъ годы образъ его представляется мнѣ не иначе, какъ задумчивымъ и печальнымъ“. Варвара Петровна не хотѣла и врядъ ли могла понять настроеніе сына. Его отъѣздъ заграницу она объясняла увлеченіемъ. Полиной Віардо, и не скрывала злобнаго чувства къ ней, не сочла нужнымъ помочь сыну,—онъ уѣхалъ въ январѣ 1847 года „получивъ отъ матери весьма скромную сумму денегъ;“ говоритъ тотъ же свидѣтель. Варвара Петровна почти каждый день повторяла: „надо Ваничкѣ денегъ послать“, и откладывала посылку день за день; случалось, и совсѣмъ забывала о ней.

Тургеневъ теперь странникъ на чужбинѣ,—и мы знаемъ, куда онъ стремится. Онъ—„страшно проголодавшійся безъ хорошей музыки“—за нѣсколько мѣсяцевъ предупредилъ Віардо, чтобы она была въ голосѣ къ его пріѣзду. Но по пути онъ на нѣсколько мѣсяцевъ задержался въ Германіи. Въ маѣ заграницу отправился больной Бѣлинскій. Въ чужихъ краяхъ онъ чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, съ нимъ на каждомъ шагу, по его словамъ, происходили „комическія несчастія“. Въ Берлинѣ ему удалось отыскать Тургенева и—пишетъ Бѣлинскій—„я почувствовалъ себя у пристали: со мною была моя нянька“.

Тургеневъ повезъ Бѣлинскаго сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Зальцбруннъ. Отсюда Бѣлинскій послалъ знаменитое письмо Гоголю объ его *Перепискѣ съ друзьями*. Былые споры возобновились. Критикъ часто говаривалъ молодому писателю: „Мальчикъ! берегитесь,—я васъ въ уголъ поставлю“. Бѣлинскій по прежнему душевно любилъ Тургенева и взлагалъ на него большія надежды. Тургеневъ писалъ *Бурмистра*, почти не покидая больного. „Что за мерзавецъ съ тонкими вкусами!“—отозвался Бѣлинскій съ обычнымъ страстнымъ негодованіемъ о Пѣночкинѣ. Вдругъ Тургеневъ внезапно уѣхалъ, обѣщая вернуться. Возвращенія не послѣдовало,—Тургеневъ очутился въ Лондонѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ снова встрѣтилъ Бѣлинскаго,—и, наконецъ,—у цѣли своихъ странствій—въ Куртавнелѣ.

Цѣль достигнута, но жизнь обѣщала мало отраднаго. Жить по прежнему крайне трудно. Тургеневъ бѣдствуетъ какъ поденщикъ, обязанный зарабатывать свой насущный хлѣбъ. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ остался долженъ Некрасову 1200 р. асс., вскорѣ ему было выслано еще 1050 р., кромѣ того Некрасовъ уплатилъ Тургеневскій счетъ портному въ 210 р. Переписка съ другимъ издателемъ,—Краевскимъ—не менѣе краснорѣчива. Она полна просьбами о присылкѣ авансовъ или просто о ссудахъ взаймы. Осенью 1849 года Тургеневъ сидитъ безъ ко-

пѣйки и не можетъ, по его словамъ, разсчитывать, „на подмогу изъ родительскаго дома“. Въ концѣ года онъ находится „въ совершенной крайности“: триста рублей необходимы, чтобы спастись „отъ голодной смерти“. Въ слѣдующемъ году не лучше: „голодъ не тетка, пишетъ Тургеневъ, и я имѣю свирѣпыя намѣренія на вашъ карманъ“. Онъ сообщаетъ объ окончательномъ разрывѣ съ матерью и поясняетъ, подчеркивая: „*мнѣ приходится зарабатывать свой насущный хлѣбъ*“.

Заработки выходили очень скромными: Некрасовъ платилъ ему 50 р. за листъ, съ Краевскаго Тургеневъ требуетъ сначала 200 р. асс., потомъ 75 р. сер.: листъ *Отечественныхъ записокъ* больше листа *Современника*,—о чемъ надоумилъ его Некрасовъ. Средствъ на жизнь въ Парижѣ у Тургенева нѣтъ. Чье бы ни было гостепріимство для него весьма цѣнно и онъ живетъ въ помѣстьѣ Віардо, въ замкѣ Жоржъ Зандъ, на югѣ почти на самой границѣ Испаніи, изрѣдка наѣзжаетъ въ Парижъ, стараясь не встрѣчаться съ своими знакомыми. Но трудно скрыть истину отъ тѣхъ, чьими услугами пользуешься. Тургеневъ пишетъ Віардо изъ ея же имѣнія: онъ бѣденъ какъ Іовъ, у него нѣтъ денегъ даже на обѣдъ, онъ хотѣлъ бы вознаградить прислугу,—но одно лишь въ состояніи предложить ей—жениться на ней: „всякая иная монета для меня только химера“. Въ Парижѣ онъ можетъ побывать только потому, что тетка Віардо оставляетъ ему 30 франковъ. Крестьянинъ принесъ трехъ зайчатъ и онъ покупаетъ ихъ цѣной своего послѣдняго фрака.

Онъ дѣлаетъ долги и для расплаты занимаетъ у мужа Віардо 400 франковъ, сообщая ему будто въ оправданіе, что онъ заработалъ 1000 франковъ; изъ дому же онъ получилъ крайне неутѣшительное письмо. Какъ же онъ живетъ? „Какъ въ очарованномъ замкѣ, отвѣчаетъ онъ, меня кормятъ, меня поютъ, что̀ больше нужно для одинокого человѣка?“ Онъ старается быть полезнымъ: приводитъ въ порядокъ библіотеку г-на Віардо, занимается нѣмецкимъ языкомъ съ Луизой, въ теченіи двухъ дней—выпачканный и вымокшій—вычищаетъ канавы отъ тростника, усердно помогаетъ слугѣ и вообще обѣщаетъ работать какъ негръ, сообщаетъ господамъ о поведеніи слугъ, даже о томъ, что они обкрадываютъ своихъ господъ, описываетъ забавныя наблюденія надъ пѣтухомъ—шутомъ и нахаломъ, разсчитывая, что эти подробности доставятъ Полинѣ Віардо „нѣкоторое удовольствіе“, разсказываетъ, какъ чадолюбивая куропатка притворилась подстрѣленой, чтобы отвлечь собаку отъ своихъ птенцовъ, какъ ее схватила собака и Тургеневъ возвратилъ ей свободу—„отважной матери и слишкомъ хорошей актрисѣ“. „Въ сущности я совсѣмъ маленькій мальчуганъ, пишетъ тридцатилѣтній писатель,—я поджалъ хвостъ и сижу себѣ скромненько,

какъ собаченка, которая сознаетъ, что надъ нею смѣются и которая неопредѣленно глядитъ въ сторону, прищуривъ глаза какъ бы отъ солнца, вѣрнѣе,—я немножко грустенъ и меланхоличенъ, но это пустяки и все таки очень доволенъ тѣмъ, что я въ Куртавнелѣ". Да, грусть несомнѣнна и подчасъ глубокая. Для него нѣтъ тайнъ въ красотахъ природы. Онъ чуетъ и видитъ одухотворенную силу, *личность* даже въ деревьяхъ и даетъ имъ подходящія имена. Онъ не можетъ смотрѣть безъ волненія на вѣтку съ молодыми зеленѣющими листьями, какъ она безпомощная но живая колеблется отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, —а надъ нею вѣчная и пустая безпредѣльность голубого неба. Какая трогательная противоположность этой хрупкой но близкой человѣку жизни—и далекаго безучастнаго неба! Въ этомъ ужасъ—въ непоколебимомъ равнодушіи природы—несказанно прекрасной и слѣпо жестокой: поющій соловей и мучительно умирающее полураздавленное насѣкомое въ его зобу! И грустно не только поэту,—грустно человѣку: предъ нимъ чужая природа,—не та степная орловская, взлелѣявшая его дѣтство и своими неяркими красками и небуйными звуками изощрившая его талантъ, пославшая въ міръ единственнаго *психолога* своихъ явленій—часто такихъ будто тусклыхъ, робкихъ и незаконченныхъ, но вызывавшихъ у автора и родныхъ ему героевъ восхищенную думу: „Какъ хорошо, Боже мой!" И когда Тургеневъ видитъ сѣраго ворона, прилетѣвшаго съ далекой Россіи на чужія поля, онъ въ волненіи снимаетъ шляпу и спрашиваетъ у ворона вѣстей о своей родинѣ...

Такъ Тургеневъ живетъ въ Куртавнелѣ въ 1847 году съ іюля по октябрь, въ слѣдующемъ году съ іюля до конца сентября, въ 1849 году съ іюня до конца октября и наконецъ, въ 1850 году—май и начало іюня,—потомъ онъ уѣзжаетъ въ Россію, и не покидаетъ ея почти въ теченіи шести лѣтъ. Нерѣдко онъ остается въ Куртавнелѣ одинъ, неимущимъ гостемъ и нахлѣбникомъ, питается супомъ изъ полукурицы и яичницей. Нелегко въ такомъ положеніи переживать нѣжныя чувства и изъясняться въ нихъ. Но послѣ перваго лѣтняго пребыванія въ Куртавнелѣ начинаются воспоминанія о прогулкахъ, о созерцаніяхъ природы вдвоемъ и—любезности женской красотѣ Віардо. Тѣ зубы, которые изъ широко раскрытаго рта во время пѣнія напоминали Гейне бурныя картины тропической флоры и фауны,—Тургеневу представляются зубками, очевидно,—чрезвычайно и мирно-прелестными. Онъ также въ восторгѣ отъ улыбки Віардо съ особенной гримаской. По ночамъ онъ просыпается и видитъ ясно ея образъ, видитъ его и во снѣ. Особенно поднимается тонъ писемъ во второе лѣтнее пребываніе Тургенева въ Куртавнелѣ.

Полина Віардо пѣла въ Англіи и врядъ ли какой романистъ могъ бы придумать болѣе страстныя и мучительныя переживанія, чѣмъ испы-

тывалъ Тургеневъ передъ выходами пѣвицы. Онъ слѣдитъ по часамъ за состояніемъ ея духа, осыпаетъ ее совѣтами, пожеланіями, даетъ такіе обѣты, что сила ихъ „способна дубы вырывать“. Въ день перваго выхода онъ такъ возбужденъ, что не можетъ писать и успокаивается только въ полночь, когда, по его разсчету, спектакль окончился, и онъ апплодируетъ предъ портретомъ Віардо и бросаетъ предъ нимъ букетъ цвѣтовъ. Сгорая нетерпѣніемъ, онъ ѣдетъ въ Парижъ исключительно затѣмъ, чтобы прочитать англійскія газеты. Въ это же время появляются въ письмахъ привѣтствія и объясненія на нѣмецкомъ языкѣ. Зачѣмъ они? Тургеневъ все время изучаетъ испанскій языкъ,—можетъ быть,—затѣмъ чтобы читать письма Віардо къ ея матери и даже выучивать ихъ наизусть. Не желая французскаго языка, онъ могъ бы пользоваться испанскимъ,—но предпочитаетъ нѣмецкій. Причину объясняетъ, можетъ быть, нѣмецкая приписка въ письмѣ отъ 23 іюля 1849 года: „Was fehlt V... Ist ihm vielleicht unangenehm, dass ich hier wohne?“— „что́ такое съ В?—можетъ быть ему непріятно, что я здѣсь живу?“— Очевидно,—вопросъ не предназначался для мужа Віардо—такъ же какъ и всѣ нѣмецкія приписки, неизмѣнно самыя интимныя и даже иногда страстныя,—напримѣръ: „Милое дорогое существо! Ежеминутно думалъ я о васъ, объ удовольствіи, о будущемъ. Пишите мнѣ хотя на маленькихъ клочкахъ бумаги въ письмахъ... вы знаете что̀. Тысячу привѣтовъ милому лучшему. Вы вѣдь—лучшее изо всего, что есть на землѣ“—Или еще: „сколько разъ въ теченіе дня я думалъ о васъ и сказать вамъ не могу. Возвращаясь, я такъ громко крикнулъ ваше имя, съ такой страстью протянулъ къ вамъ руки... Вы должны были слышать и видѣть это“.

Отношенія къ мужу въ это время дѣловыя—о хозяйствѣ, займѣ денегъ, объ устройствѣ охоты,—только уѣзжая въ Россію Тургеневъ благодаритъ хозяина за гостепріимство, увѣряетъ его въ самыхъ сердечныхъ чувствахъ, называетъ себя его безгранично преданнымъ другомъ и обѣщаетъ вновь быть „вполнѣ счастливымъ“ только на охотѣ съ Віардо „по милымъ равнинамъ Бри“,—наконецъ—знаменательное признаніе:

„Конечно, отечество имѣетъ свои права, но не тамъ ли настоящее отечество человѣка, гдѣ онъ нашелъ больше привязанности, гдѣ лучше его сердцу и уму? Нѣтъ мѣста на землѣ, которое я любилъ бы такъ, какъ Куртавнель“.

Очевидно, не влекло Тургенева отечество, можетъ быть, потому что онъ по прежнему не ожидалъ тамъ встрѣтить ни искренне-близкихъ людей, ни сердечно-отрадныхъ впечатлѣній. Кромѣ того, только что совершилась февральская революція, Тургеневъ видѣлъ ее

воочію, майскіе и іюньскіе дни, разсказалъ о нихъ въ письмѣ къ Віардо, въ воспоминаніяхъ: *Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ* и *Наши послали*. Революція не удалась во Франціи,—но будто подземный ударъ пронеслась почти по всей Европѣ и налегла на Россію ужасомъ и зловѣщими предчувствіями—на правительство и даже на такихъ, казалось бы, подготовленныхъ современниковъ, какъ Грановскій. Этихъ людей испугало грядущее крушеніе цивилизаціи подъ напоромъ стихійныхъ массовыхъ силъ,—другихъ, наоборотъ, привелъ въ отчаяніе разгромъ именно массовыхъ ожиданій: съ этихъ поръ Герценъ отчаялся въ благородствѣ и жизнеспособности европейской цивилизаціи и увѣровалъ въ русскій народный соціализмъ.

Тургеневъ не почувствовалъ ни ужаса, ни отчаянія. Его демократическія сочувствія остались непоколебимыми. „Для человѣка съ сердцемъ, писалъ онъ въ концѣ 1848 года, есть только одно отечество—демократія",—и не желалъ успѣховъ русскому правительству въ венгерскомъ возстаніи. Съ другой стороны его неподкупный взглядъ наблюдателя удержалъ его отъ восторговъ, по теоріи, можетъ быть и обязательныхъ,—но не оправдываемыхъ дѣйствительностью. Въ маѣ онъ видѣлъ революціонный народъ и никакъ не могъ понять, чего же онъ хотѣлъ? Народъ ждалъ событій, ждалъ рѣшенія извнѣ,—очевидно, исторія совершалась не по программѣ. Тургеневъ и на этотъ разъ воспринялъ урокъ безъ нервовъ и пафоса, снова въ полную противоположность Герцену,—и послѣдствія были различны. Герценъ „почувствовалъ невыносимое оскорбленіе", когда „критическій духъ революціи" обманулъ его мечты о республикѣ и торжествѣ соціализма во Франціи и онъ началъ пророчествовать Европѣ ужасы свѣтопреставленія, а самъ погрузился сначала въ мрачную тоску, а потомъ въ „какое-то тревожное раздраженіе". Онъ жалѣлъ, что „не остался за баррикадой" и не погибъ. Жена его плакала и въ страхѣ „не смѣла больше желать, чтобы ея *дѣти были живы*", подчеркиваетъ Герценъ. Разумѣется, страшныя слова не помѣшали идти жизни своимъ путемъ: книги, вино, музыка, разговоры явились на помощь, хотя по словамъ Герцена, съ разными непріятными послѣдствіями: вино пьянило „тяжело", музыка „рѣзала по сердцу", а „веселая бесѣда оканчивалась почти всегда мрачнымъ молчаніемъ". Все таки, значитъ, бывало весело и даже до конца.

Съ этого времени Герценъ становится maître-d'hotel'емъ сорвавшихся европейскихъ революцій и щедрой рукой пользуется наслѣдственнымъ богатствомъ т. е. данью крѣпостнаго русскаго народа для прокормленія и прочаго облагодѣтельствованія революціонныхъ бѣглецовъ, международныхъ прихлебателей и искателей наживы и приключеній.

Самое важное—Герценъ именно послѣ сорокъ восьмого года рѣшилъ совсѣмъ не возвращаться въ Россію. При всемъ безнадежномъ положеніи Запада и полномъ опустошеніи „внутри“ самого Герцена—онъ рѣшилъ, въ Россіи будетъ „жутко“, забывъ свое убѣжденіе четыре года раньше: ѣхать изъ Россіи, „когда другіе ждутъ цѣпей—félonie!“

Въ Россіи дѣйствительно становилось нелегко. Нигдѣ французскія событія не вызвали такихъ страховъ, какъ здѣсь и на едва говорившую сколько-нибудь яснымъ голосомъ русскую литературу правительство ополчилось, какъ на грозную революціонную силу. Благонамѣреннѣйшій профессоръ Никитенко писалъ: „Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“... Уже раньше помимо общей цензуры всѣ министерства имѣли особое право рѣшать и вязать статьи по вопросамъ ихъ вѣдомствъ. Теперь былъ учрежденъ особый *комитетъ 2-го апрѣля* и такъ повелъ дѣло, что Россію можно было принять за страну, населенную необыкновенно тонкими и неуловимыми злоумышленниками—литераторами. Даже самъ Булгаринъ, преданнѣйшій слуга „отцовъ-командировъ“ и усерднѣйшій развѣдчикъ и докладчикъ,—неоднократно попадалъ подъ розгу цензуры. Правительство неимовѣрно озабочено „косвенными намеками“ и охотится за ними съ такой безпощадностью, что тотъ же Булгаринъ взываетъ: „О Боже, гдѣ мы живемъ! За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій?“ Кромѣ „косвенныхъ намековъ“ цензоры вооружились еще однимъ не менѣе смертоноснымъ орудіемъ: „осторожнѣе и соотвѣтственнѣе природѣ человѣческой людей незнакомыхъ со зломъ оставлять въ прежнемъ его невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій“. Примѣняя это правило, цензура могла обезпечить безмятежное житіе всякому злу и пороку, а ихъ жертвы пріучить къ безропотному молчанію.

Тургеневу все это, разумѣется, было извѣстно и многое онъ успѣлъ испытать на самомъ себѣ до такой степени ощутительно, что у него бывали „тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться—на родину или нѣтъ“. Въ *Современникѣ* печатались *Записки Охотника* и подчасъ нелегко бывало автору читать свои разсказы въ печати. Цензура преданно защищала благородныя сословія—помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и старательно сглаживала слѣды „барскаго гнѣва“ и барской прихоти. Спокойное, изящное творчество Тургенева сравнительно удачно проскальзывало сквозь цензурныя ущелья, но мало хорошаго могъ ждать писатель на родинѣ, особенно послѣ сорокъ восьмого года.

И все таки ему не приходила мысль когда нибудь совсѣмъ удалиться подъ вольную сѣнь европейскихъ струй. Почти за мѣсяцъ до отъѣзда онъ писалъ Віардо о восторженной любви къ Куртавнелю, писалъ и о Россіи—„необъятной и мрачной фигурѣ, неподвижной и сокровенной какъ Сфинксъ Эдипа“. Пока онъ счастливъ „какъ ребенокъ“ своимъ свиданіемъ съ Куртавнелемъ, Россія подождетъ,—пусть она поглотитъ его позднѣе,—и Тургеневу будто являлась та самая греза, какая волновала Гоголя: „Мнѣ кажется,—я вижу—ея тяжелый неподвижный взглядъ устремленъ на меня съ угрюмымъ вниманіемъ, какъ и подобаетъ глазамъ изъ камня. Будь покоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и ты можешь свободно пожрать меня, если я не разгадаю твоей загадки“.

Искренность намѣренія-несомнѣнна, но для насъ также несомнѣнно: если Тургеневу суждено быть проглоченнымъ, то еще вопросъ,—поглотитъ ли его родина или женщина, которую онъ называлъ: *libstes, theurstes bestes Wesen.* Тургеневъ, повидимому, думалъ иначе: уѣзжая въ Россію,—онъ, по его словамъ, хорошо зналъ, что съ Віардо разстается надолго, если не навсегда. Но и Павелъ Кирсановъ, не одинъ разъ разставаясь съ княгиней Р. всякую разлуку считалъ послѣдней.

VI.

Тургенева вызвали въ Россію извѣстія о болѣзни матери. Она съ нетерпѣніемъ ждала сына, радостно его встрѣтила въ Москвѣ но, въ сущности, отношенія ея къ нему и къ старшему сыну не измѣнились. Оба по прежнему должны жить въ крайней нуждѣ. Иванъ Сергѣевичъ сталъ извѣстностью, приглашенія въ Петербургѣ и въ Москвѣ сыпались на него со всѣхъ сторонъ, а у него часто не бывало чѣмъ заплатить извощику. Еще тяжелѣе положеніе Николая Сергѣевича, обремененнаго семьей. Миръ съ матерью продолжался не больше десяти дней. Братья рѣшились, наконецъ, заговорить, „въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ, по словамъ очевидца, просили они мать опредѣлить имъ хотя небольшой доходъ, чтобы знать, сколько они могутъ тратить, а не безпокоить ее изъ-за каждой необходимой бездѣлицы“.

Варвара Петровна въ отвѣтъ только насмѣялась надъ сыновьями, обѣщала все сдѣлать и ничего не сдѣлала, будто злорадно испытывая ихъ терпѣніе Иванъ Сергѣевичъ не вытерпѣлъ,—не за себя, а за брата. Онъ высказалъ матери, какъ жестоко играть комедію съ человѣкомъ, обреченнымъ на всевозможныя лишенія вмѣстѣ со своей семьей. Въ разговорѣ сынъ сталъ укорять мать вообще за ея отно-

шенія къ людямъ. Варвара Петровна прогнала его съ глазъ долой. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Братья уѣхали въ отцовскую деревню, Тургенево.

Разрывъ подѣйствовалъ и на Варвару Петровну. Ея здоровье давно шло на убыль, теперь оно быстро разрушалось. Сыновья писали ей письма, но отвѣтовъ не получали. Иванъ Сергѣевичъ тайно пріѣзжалъ освѣдомляться о здоровьѣ матери и глубоко раскаявался въ своемъ разговорѣ съ ней. Въ ноябрѣ Варвара Петровна скончалась. Ивану Сергѣевичу не успѣли сообщить о наступающемъ концѣ, онъ не засталъ мать въ живыхъ, о чемъ не переставалъ сѣтовать до конца жизни.

Умирала Варвара Петровна страшной смертью: „да хранитъ Господь насъ всѣхъ отъ такой смерти,“—писалъ Тургеневъ Віардо. „Она старалась только оглушить себя. Наканунѣ смерти, когда она уже начала хрипѣть въ агоніи, въ сосѣдней комнатѣ по ея распоряженію оркестръ игралъ польки“. Въ послѣднія минуты она только и думала, какъ бы разорить сыновей. Въ предсмертномъ письмѣ къ управляющему она приказывала все продать за безцѣнокъ, или все сжечь. Сыновьямъ она не написала ни строчки. Нашелся дневникъ за послѣдніе мѣсяцы. Тургеневъ читалъ его всю ночь и былъ, по его словамъ, „совершенно потрясенъ“. О жизни матери онъ прочиталъ такіе ужасы, что не рѣшился сообщить о нихъ въ письмѣ даже Віардо: обѣщалъ ей только современемъ показать самый дневникъ. Но и тогда, можетъ быть, Віардо попроситъ его замолчать. „Какая женщина, другъ мой, какая женщина!“—восклицалъ пораженный сынъ,—„мы должны быть добры и справедливы, хотя бы для того, чтобы не умереть такъ какъ она“. Ближайшіе къ ней люди оказались врядъ ли много лучше. Тургеневъ особенно изумленъ воспитанницей—семнадцатилѣтней дѣвушкой но уже „фальшивой, злой, хитрой и безсердечной,“—и необыкновенно дерзкой и искусной интриганткой. Пришлось отъ нея откупиться за 60.000 рублей и за разныя вещи покойной. Тургенева все это происшествіе взволновало до послѣдней степени, вѣроятно больше всего потому что онъ—такъ любившій дѣтей и особенно дѣвичью юность—менѣе всего ожидалъ подобнаго испытанія отъ дѣвушки, такъ недавно еще ребенка—для него милаго и забавнаго: „я совершенно не могъ работать въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль“.

Послѣдовалъ раздѣлъ наслѣдства между братьями. Иванъ Сергѣевичъ выказалъ необыкновенную уступчивость, предоставилъ произвести раздѣлъ брату, увѣренный, что братъ сможетъ это „въ тысячу разъ лучше“ его, хотя и зналъ его замѣчательную скупость. Но именно это качество заставило Тургенева передать завѣдыванье

имѣніемъ своему другу Тютчеву, а не брату: „боюсь недоразумѣній, объяснялъ онъ, братъ очень экономенъ, почти скупъ и захочетъ копить для меня". Иванъ Сергѣевичъ пожелалъ удержать за собой Спасское, а большую часть лучшихъ имѣній уступилъ брату, позволилъ его женѣ забрать все движимое имущество Варвары Петровны, серебро, драгоцѣнности, не оставить въ Спасскомъ ни одной ложки. Ему пришлось всѣмъ снова обзаводиться. Доходы его теперь доходили до 25.000 франковъ въ годъ и онъ считалъ себя богатымъ.

Относительно крестьянъ и дворовыхъ онъ поспѣшилъ загладить „вины матери". О дворовыхъ покойная не сдѣлала никакихъ распоряженій и они, писалъ Тургеневъ, остались на улицѣ: ихъ онъ немедленно отпустилъ на волю, многихъ крестьянъ, кто пожелалъ, перевелъ на оброкъ, ближайшихъ слугъ матери щедро наградилъ. Дворовымъ были розданы десятки десятинъ земли и лѣсу. Раздача производилась легко, дарилась земля даже у самой усадьбы, и потомъ новые владѣльцы стали тѣснить своего барина. Въ Спасскомъ былъ колодецъ съ превосходной ключевой водой. Тургеневъ вѣрилъ,—такой воды нѣтъ во всемъ мірѣ: облагодѣтельствованные новые владѣльцы загородили пути къ колодцу,—Ивану Сергѣевичу стоило не малаго труда пробираться къ нему.

Негромкое но краснорѣчивое свидѣтельство тургеневскаго благодушія. Навсегда установились мирныя, но подчасъ довольно своеобразныя отношенія барина и его крѣпостныхъ. Одинъ изъ бывшихъ тургеневскихъ крестьянъ разказываетъ:

„Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, въ высшей степени благородный. Крестьяне называли его „хорошимъ бариномъ", „добрымъ бояриномъ", „батюшкой", выражали иногда: „гуторятъ люди, что нашъ-то слѣпой („слѣпымъ" называли Ивана Сергѣевича потому, что онъ никогда не разставался съ pince-nez), пріѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкою на позаранкѣ"... „Что вы довольны моимъ управляющимъ?" обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда пріѣзжалъ въ Спасское и созывалъ „сходку", „міръ" крестьянъ.— „Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ", отвѣчали каждый разъ мужики".

О господской власти у такого барина, конечно, не могло быть рѣчи: слишкомъ достаточно насмотрѣлся на нее Тургеневъ съ молодыхъ лѣтъ. „Ненависть къ крѣпостному праву, писалъ онъ, была причиной тому, что я возросшій среди побоевъ и истязаній не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ". И не только ударомъ,— но даже рѣзкимъ словомъ врядъ ли онъ былъ способенъ выразить неудовольствіе на крестьянина. Сконфуженный, смущенный дво-

рянинъ—за грѣхи отцовъ-насильниковъ! Боткинъ разсказывалъ будто со словъ Тургенева, во всякомъ случаѣ весьма правдоподобное приключеніе: „Ѣдетъ онъ однажды въ *своемъ* экипажѣ, на *своихъ* лошадяхъ изъ Спасскаго къ сосѣду и *спѣшитъ*. На козлахъ у него сидитъ *свой* кучеръ и *свой* лакей, крѣпостные. Ѣхали—ѣхали, долго ли коротко ли,—вдругъ перестали спѣшить,—стали. Иванъ Сергѣевичъ думаетъ—нужно оправить сбрую: нѣтъ, никто не слѣзаетъ къ лошадямъ, или тамъ по надобности. Подождалъ, подождалъ—смотритъ: играютъ въ карты, да! кучеръ и лакей играютъ въ карты... Чтожъ онъ? прикрикнулъ? Или хоть сказалъ что-нибудь?—Нѣтъ, онъ забился въ уголъ коляски и сидитъ, молчитъ. А тѣ играютъ. Когда кончили тогда и поѣхали“.

Послѣ девятнадцатаго февраля своеобразіе отношеній стало ярче: смущенный, безъ вины виноватый дворянинъ и „мужички“, превосходно знающіе свои права и учитывающіе смущеніе барина.

Независимый богатый помѣщикъ—Тургеневъ могъ бы по примѣру Герцена и Огарева немедленно поселиться заграницей. Ему не пришлось сразу заручиться крупнымъ капиталомъ, подобно Герцену,—по наслѣдству онъ капитала не получилъ,—а вслѣдъ за Огаревымъ освободить крестьянъ за выкупъ по закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ—врядъ ли удалось бы даже при всемъ желаніи обѣихъ сторонъ. Среди огаревскихъ крестьянъ было немало очень богатыхъ, участниковъ даже въ откупахъ, въ имѣніи находились чрезвычайно доходныя статьи—поемные луга, рыбныя ловли,—уплата выкупа, повидимому, не представляла большихъ затрудненій, но и огаревскимъ крестьянамъ пришлось перезаложить себя, чтобы скорѣе удовлетворить владѣльца. Спасскіе крестьяне не были и не могли быть богачами особенно послѣ управленія Варвары Петровны, когда, по словамъ ея сына, честному человѣку трудно было ужиться съ барыней. Кромѣ того, спасскіе крестьяне врядъ ли и хотѣли воли, зная своего молодого владѣльца и, разумѣется, воля для нихъ вышла хуже неволи,—какъ это потомъ и оказалось—по крайней мѣрѣ—во внѣшнемъ быту.

Но Тургеневъ и съ 25,000 франковъ ежегоднаго дохода могъ беззаботно проживать заграницей. И все таки онъ остался въ Россіи въ самыя тяжелыя для писателя времена и вскорѣ тяжесть эту испыталъ на самомъ себѣ.

Тургенева съ пріятностью встрѣтили на родинѣ и даже литераторы обрадовались. „Воротился онъ, писалъ Боткинъ, самымъ милымъ, любезнымъ и самымъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Это—сама простота“. Почти буквально также отзывается Некрасовъ: онъ очень обрадовался Тургеневу и нашелъ,—онъ нисколько не перемѣнился и все

такой же милый человѣкъ, какъ былъ. *Записки Охотника* поставили его на первое мѣсто среди писателей. Блестящая образованность, рѣдкое знаніе заграничной жизни, начитанность, неисчерпаемое добродушіе и чисто-русское гостепріимство—такой знакомый и гость всюду былъ желаннымъ. Къ славѣ *Записокъ Охотника* скоро прибавились успѣхи драматическихъ произведеній—и Тургеневъ, наконецъ, дожилъ до всѣхъ возможностей быть счастливымъ: до богатства, до славы и ему только что начался четвертый десятокъ лѣтъ. Наконецъ пришла и любовь: она могла бы стать такой же, какая озарила грѣющимъ тихимъ свѣтомъ жизнь Николая Кирсанова и также въ сорокъ лѣтъ. Но Тургеневъ не былъ двойникомъ Кирсанова и Феоктистѣ не пришлось занять положеніе Феодосьи. Романъ случился годъ спустя послѣ смерти Варвары Петровны. Воспоминаній о немъ самого Тургенева мы незнаемъ. Французскимъ писателямъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ Тургеневъ нерѣдко разсказывалъ о разныхъ „полевыхъ цвѣткахъ", какіе онъ—по обычаю баричей—срывалъ въ родной деревнѣ,—а, случалось, и сами полевые цвѣтки брали въ плѣнъ добраго и красиваго барчука,—о Феоктистѣ ни слова. И все таки она существовала, была горничной у родственницы Тургенева, не столько красивая, сколько стройная, на рѣдкость изящная и рѣшительно ничѣмъ, кромѣ своего положенія, не напоминала крѣпостной. На этотъ разъ Тургеневъ увлекся несравненно сильнѣе, чѣмъ Авдотьей Ермолаевной. Пришлось выкупить Феоктисту у ея владѣлицы и она стала для Тургенева „жена не жена, а почитай что жена", по выраженію Чертопханова о своей Машѣ. Увлеченіе продолжалось около двухъ лѣтъ, Феоктиста жила у Тургенева въ Петербургѣ и въ Спасскомъ. Впослѣдствіи она вышла замужъ за чиновника. Говорятъ, она оказалась совершенно неспособной къ просвѣщенію, скучала за грамотой и чтеніемъ, раздражалась,—и Тургеневъ предпочелъ конецъ: для него цвѣты искусствъ и грацій значили гораздо больше, чѣмъ просто цвѣтущая грація. А благоуханіе этихъ цвѣтовъ не переставало смущать Тургенева даже на далекомъ разстояніи. Полина Віардо неотлучно рѣяла надъ всѣми заботами и радостями своего рыцаря.

Не успѣлъ Тургеневъ пріѣхать въ Россію,—у него завязывается съ Віардо новая связь и она свяжетъ его еще крѣпче, чѣмъ проживанія въ домѣ Віардо. Рѣшается вопросъ объ его дочери. Віардо совѣтуетъ ему—для него это, по его словамъ, приказаніе—воспитывать дочь во Франціи и отдать ее на воспитаніе ей—Полинѣ Віардо. Это предложеніе оказывается для Тургенева едва ли не такимъ же важнымъ событіемъ, какъ первое знакомство съ Віардо. Съ этихъ поръ на долго письма его переполнены самой стремительной благодар-

ностью. Віардо является прямо чудомъ доброты и какимъ чудомъ! „У васъ, пишетъ Тургеневъ, такая веселая, ясная манера дѣлать добро, что чувствуешь себя счастливымъ какъ ребенокъ, когда благодаришь васъ. Выходитъ такъ, словно оказываешь вамъ большую услугу, когда доставляешь вамъ случай сдѣлать кому нибудь одолженіе“. И Тургеневъ не находитъ словъ выразить свои чувства. Счастье дочери теперь онъ считаетъ безграничнымъ, воспитаніе обезпеченнымъ: Пелагея ставшая Полиной,—навѣрное „немножко заразится добротой“ другой Полины, онъ самъ привяжется къ дочери, если ее полюбитъ Віардо, для маленькой Полины—единственное спасеніе обожать Віардо какъ своего бога, для нея должно быть наслажденіемъ возможно чаще цѣловать руки Віардо—„ангельскія ручки“, даже думать о Віардо не иначе, какъ „скрестивъ руки и склонивъ колѣни“. „О какъ счастлива она, эта маленькая соплячка!“—завидуетъ отецъ дочери и возмѣщаетъ свое лишеніе гимнами благодѣтельницѣ: „я ничего не видѣлъ на свѣтѣ лучше васъ,... встрѣтить васъ на своемъ пути—было величайшимъ счастьемъ моей жизни, моя преданность и благодарность вамъ не имѣетъ границъ и умретъ только вмѣстѣ со мною. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ! Молю Его объ этомъ на колѣняхъ и сложивъ руки. Вы все что есть самаго лучшаго, благороднаго и симпатичнаго на этомъ свѣтѣ“. Узнавъ о болѣзни Віардо, онъ готовъ взять на себя ея страданія, съ радостью отрѣзалъ бы себѣ руку, если бы это помогло ей, онъ всю свою жизнь, будто подстилку, бросаетъ подъ ея ноги, которыя онъ цѣлуетъ тысячу разъ. Онъ и счастливъ и сталъ уважать себя только съ тѣхъ поръ, какъ отблескъ ея жизни смѣшивается съ его жизнью, у ногъ ея онъ хочетъ жить и умереть, безпрестанно цѣлуетъ ихъ по цѣлымъ часамъ, проситъ письменнаго разрѣшенія цѣловать ихъ, и пишетъ странныя слова: *Dank für die lieben Nägel*... Ея именемъ онъ молится, будто средневѣковый рыцарь шепчетъ это имя даже предъ опасностью—предъ поднятіемъ занавѣса на представленіи своей пьесы и благодаритъ *ее* за успѣхъ. Для него счастье связывать все въ своей жизни съ воспоминаніемъ о ней, съ ея вліяніемъ. Онъ тоскуетъ о свиданіи чрезъ полгода съ декабря 1850 года, можетъ быть черезъ годъ...

Ни въ одномъ романѣ русской литературы ни одинъ влюбленный не писалъ такихъ посланій,—и не говорилъ такимъ языкомъ ни одинъ тургеневскій герой. Личный романъ самого Тургенева оказался единственнымъ по языку—правда, по французскому языку—и по смыслу, точнѣе по трудности его открыть. Одновременно съ такими удивительными письмами открывается романъ съ крестьянской дѣвушкой и какъ разъ на тотъ годъ, когда Тургеневъ разсчитывалъ свидѣться съ

Полиной Віардо. Къ ней „рвалось все существо" его въ новый 1851 годъ, когда онъ мысленно пилъ за неё новогодній тостъ. И вдругъ рядомъ съ французскимъ романомъ въ письмахъ начался русскій въ дѣйствительности! И въ письмахъ къ Віардо о немъ ни единаго намека, —къ ней, отъ кого Тургеневъ не хотѣлъ имѣть никакихъ тайнъ! Онъ живетъ въ ссылкѣ въ деревнѣ за статью о Гоголѣ, Феоктиста дѣлитъ съ нимъ уединеніе,—письма къ Віардо за это время переполнены не самой Віардо, какъ раньше, а музыкой, разсказами, какъ изгнанникъ страдаетъ отъ музыкальнаго голода и какъ онъ его удовлетворяетъ благодаря сосѣдямъ Тютчевымъ. Никогда раньше не было такъ много дѣловаго содержанія въ письмахъ: о смерти Гоголя, объ арестѣ, объ изученіи русскаго народа на свободѣ, въ ссылкѣ, о погруженіи въ русскія лѣтописи по горло... Одно письмо даже совершенно неожиданно прерывается,—Тургеневъ боится продолжать—*наканунѣ годовщины* смерти Гоголя: великій писатель не выходитъ у него изъ головы и онъ опасается перенести свою печаль въ письмо. Память о Гоголѣ сильнѣе желанія излить свои чувства предъ своимъ божествомъ! Наконецъ, нѣмецкія приписки вовсе исчезаютъ, кое-какія любезности, конечно, неизбѣжны,—но вдругъ встрѣчается признаніе, будто Тургеневъ, уѣзжая отъ Віардо, зналъ, что разстается съ ней на долго или даже навсегда. Признаніе послѣ страстной жажды свидѣться поскорѣе —походитъ на затаенную мысль о возможности, пожалуй,—естественности разлуки на всегда. И никакого отчаянія!

Въ началѣ 1853 года Віардо въ Петербургѣ. Тургеневъ все еще живетъ въ ссылкѣ въ Спасскомъ и, оказывается, подробности о Віардо онъ узнаетъ не отъ нея самой, а отъ своей петербургской знакомой—княгини Мещерской. Это ему не особенно пріятно, но Віардо „живетъ въ вихрѣ", поглощающемъ все ея время—и лишь бы она его не забыла,—больше онъ ничего не проситъ. За содержаніе дочери онъ расплачивается не съ Полиной Віардо, а съ ея мужемъ, проситъ не забыть прислать ему московскій адресъ. Віардо собиралась въ Москву. И она побывала въ Москвѣ, одна безъ мужа. Уже послѣ ея отъѣзда Тургеневъ мечтаетъ,—въ случаѣ ея пріѣзда въ Москву съ мужемъ—она пріѣдетъ съ нимъ въ Спасское—въ слѣдующемъ 1854 году. Но почему же трехлѣтняя разлука не подсказала Полинѣ Віардо желанія навѣстить изгнанника? Правда, свиданіе, повидимому, состоялось въ Москвѣ, куда Тургеневъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, пріѣзжалъ будто бы съ паспортомъ на имя какого-то мѣщанина въ апрѣлѣ 1853 года. Въ майскомъ письмѣ нѣтъ на это ни единаго намека и письмо къ „милой и доброй г-жѣ Віардо"—довольно холодное.

Дальше предъ нами пробѣлъ въ перепискѣ, да и была ли она, кромѣ развѣ дѣловыхъ сношеній по содержанію дочери? Романъ съ

Феоктистой кончился, но начался другой, обѣщавшій рѣшительный переворотъ въ жизни Тургенева. Лѣтомъ въ 1854 году одно время казалась возможной его женитьба на Ольгѣ Александровнѣ Тургеневой. Бракъ не удался, но даже помышленія о немъ, очевидно, не оставляли мѣста былымъ восторгамъ предъ Віардо. Тургеневъ продолжаетъ жить въ Россіи, дѣятельно работаетъ и Полина Віардо будто совсѣмъ пропала съ небосклона его жизни. Но въ іюлѣ 1856 года Тургеневъ ѣдетъ заграницу, мы увидимъ—не столько увлекаемый чужбиной, сколько жаждущій отдыха отъ родины,—ѣдетъ сначала въ Парижъ и Лондонъ, а потомъ въ Куртавнель,—началась почти двухлѣтняя жизнь заграницей,—до конца мая 1858 года. Она совсѣмъ не похожа на первое заграничное пребываніе. Теперь Тургенева не радуютъ чужіе края и чужіе люди. „Что ни говори, на чужбинѣ точно вывихнутый, пишетъ онъ,— никому не нуженъ и тебѣ никто не нуженъ. Надо пріѣзжать сюда молодымъ,когда еще собираешься только жить—или же старымъ, когда покончилъ жизнь". Признательность къ западу, будто бы вызвавше мукъ жизни даже самый талантъ писателя, исчезла окончательно. Теперь настроенія Тургенева ничѣмъ не отличаются отъ чувствъ какого-нибудь почвеннаго москвича, только и признающаго свѣтъ въ московскомъ окошкѣ. „Я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь, какъ мерзлая рыба при оттепели",—плачется Тургеневъ. Къ Парижу онъ чувствуетъ прямо отвращеніе: „солонъ пришелся" онъ ему. Онъ клянется не бывать больше ни одной зимы въ Парижѣ. Онъ пытается разогнать мракъ и кислоту своей души разъѣздами по Франціи: ничего не выходитъ.

Въ апрѣлѣ 1857 года его встрѣчаетъ въ Парижѣ Иванъ Аксаковъ и пишетъ отцу: „Тургеневъ хандритъ, совсѣмъ размякъ, тоскуетъ", собирается путешествовать. Незадолго до этой встрѣчи Тургеневъ высказывалъ въ письмѣ къ Боткину совершенно безнадежныя мысли о своемъ талантѣ, о своихъ произведеніяхъ, выражалъ твердое намѣреніе—не писать и не печатать больше „ни одной строчки". Осенью въ томъ же году онъ рѣшается бѣжать изъ Парижа, измученный „треволненіями и муками душевными", „послѣ ужасной зимы въ Парижѣ". Ему приходится „попытаться нельзя ли еще разъ возродиться духомъ".

А что же Віардо?

Она, не только не занимаетъ теперь въ жизни Тургенева перваго мѣста, но, повидимому, у него вообще исчезли нѣжныя чувства къ ней, осталась только дружба.

Разсказъ Фета, можетъ-быть, не вполнѣ точный—заслуживаетъ вниманія, потому что смыслъ его подтверждается съ другихъ сторонъ.

Фетъ навѣстилъ Тургенева въ Куртавнелѣ и услышалъ отъ него откровенное признаніе, какъ его дочь попала въ Парижъ—по предложенію Віардо и о самой Віардо. „И не въ одномъ этомъ отношеніи, прибавилъ Тургеневъ, воодушевляясь, я подчиненъ волѣ этой женщины. Нѣтъ! Она давно и навсегда заслонила отъ меня все остальное, и такъ мнѣ и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблукомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавитъ мое лицо носомъ въ грязь. Боже мой, воскликнулъ онъ, заламывая руки надъ головою и шагая по комнатѣ, —какое счастье для женщины быть безобразной“!

Есть одно произведеніе Тургенева—не изъ лучшихъ, хотя оно писалось или, по крайней мѣрѣ, оставалось въ бумагахъ автора очень долго. *Переписка* задумана въ 1850 году, окончена четыре года спустя и все таки осталась наброскомъ, изложеніемъ содержанія ненаписаннаго романа, можетъ быть потому что былъ уже написанъ разсказъ *Дневникъ лишняго человѣка*, а *Переписка* будто отрывокъ изъ *Дневника:* такъ похожи замыселъ и герои. Любопытнѣе всего въ *Перепискѣ* разсказъ Алексѣя Петровича о своемъ увлеченіи танцовщицей. Она-не красива, ея танцамъ „топали и кричали зрители“, но кромѣ разсказчика въ нее никто не влюблялся, высокими нравственными качествами она не обладала,—но пробила „роковая минута“—и „я, пишетъ Алексѣй Петровичъ, принадлежалъ ей весь вотъ какъ собака принадлежитъ своему хозяину. Я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ отъ всего мнѣ дорогаго, отъ самой родины и пустился вслѣдъ за этой женщиной... Чтобы я ни думалъ о ней въ ея отсутствіи, —при ней я ощущалъ одно подобострастное обожаніе... Въ нѣмецкихъ сказкахъ рыцари часто впадаютъ въ подобное оцѣпенѣніе. Я не могъ отвести взора отъ чертъ ея лица, не могъ наслушаться ея рѣчей, налюбоваться каждымъ ея движеніемъ; я, право, и дышалъ то вслѣдъ за ней“... Такъ можно бы изложить содержаніе писемъ Тургенева къ Віардо, повторено даже его удивительное заявленіе;—онъ ни одной черты не измѣнилъ бы въ ея лицѣ,—въ томъ лицѣ, какое никто не рѣшался называть красивымъ. И общій выводъ о любви: „любовь даже вовсе не чувство; она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла... Обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли—ни дать, ни взять холера или лихорадка... Подцѣпитъ его голубчика, какъ коршунъ цыпленка,—и понесетъ его куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся... Въ любви нѣтъ равенства... Въ любви одно лицо—рабъ, а другое—властелинъ и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, наложенныхъ любовью. Любовь—цѣпь и самая тяжелая“. Иначе не могъ бы выразиться Тургеневъ и о своей любви,— и въ признаніяхъ Фету звучитъ та же рѣчь, только еще рѣзче. И

Переписка и признанія—смыслъ одинъ: любовь—слѣпая безпощадная сила, вовсе не приносящая счастья порабощенному, а лишь поминутно доказывающая его жалкое безсиліе. Такъ можно говорить послѣ „личнаго опыта". Его пережилъ Алексѣй Петровичъ, забывшій благородную сердечную Марью Александровну ради танцовщицы, перенесъ его и Тургеневъ, послѣ того, какъ его мечты о женитьбѣ на О. А. Тургеневой „упали въ воду". У героя и автора были свѣтлые промежутки—близкаго и возможнаго счастья,—но одного захватила внезапная „холера", а другого ударила старая „цѣпь",—каждый могъ сказать о себѣ: „умираю рабомъ" и не спроста такъ краснорѣчиво пишетъ Алексѣй Петровичъ о рабствѣ въ любви наканунѣ смерти. Это писалъ Тургеневъ наканунѣ своего новаго и окончательнаго порабощенія.

Въ письмахъ Тургеневъ вообще крайне рѣдко касался вопроса о своихъ отношеніяхъ къ Віардо,—яркое исключеніе письмо къ Некрасову въ августѣ 1857 года изъ Куртавнеля. „Ты видишь, пишетъ онъ, что я здѣсь, т. е. что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня... Но поступить иначе было не возможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краюшкѣ чужаго гнѣзда. Своего нѣтъ, ну и не надо никакого". Еще въ январѣ того же года въ письмѣ къ Аксакову Тургеневъ крайне рѣзко отзывался о французскихъ писателяхъ—знаменитыхъ и молодыхъ, поэтахъ и критикахъ: „все это какъ то мелко, пусто, прозаично и безталанно. Какая то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость безсилія, крайнее непониманіе всего нефранцузскаго, отсутствіе всякой вѣры, всякаго убѣжденія, даже художническаго убѣжденія". Вся Франція не лучше: „общій уровень нравственности понижается съ каждымъ днемъ, „жажда золота томитъ всѣхъ и каждаго". Тургеневъ, по его словамъ, ни за чтó бы не жилъ въ такой странѣ и въ Парижѣ, живетъ только „въ силу обстоятельствъ, не зависящихъ отъ его" воли, но весна придетъ, и я полечу на родину, гдѣ еще жизнь молода и богата надеждами. О, съ какой радостью увижу я наши полустепныя мѣста!"

Въ слѣдующемъ году онъ продолжаетъ стремиться домой: „никакія силы меня не удержатъ здѣсь болѣе", пишетъ онъ Некрасову:

Полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань".

Письмо—изъ Вѣны и уже прошло семь мѣсяцевъ, какъ Тургеневъ покинулъ Парижъ и жилъ очень долго въ Италіи. Послѣ продолжительной разлуки онъ всего на три недѣли пріѣдетъ въ Парижъ и въ началѣ іюня уѣдетъ въ Россію.

Въ 1859 году Тургеневъ поѣхалъ на воды въ Виши, съѣздилъ очень удачно и попалъ на два мѣсяца въ Куртавнель. Какимъ благополучіемъ онъ наслаждался здѣсь, видно изъ письма къ Марко Вовчку: „Все очень тихо вокругъ: слышатся дѣтскіе голоса и шаги (у г-жи Віардо прелестныя дѣти)—въ саду воркуютъ дикіе голуби и малиновка распѣваетъ, вѣтеръ вѣетъ мнѣ въ лицо и на сердцѣ у меня—едва ли не старческая грусть. Нѣтъ счастія внѣ семьи и внѣ родины; каждый сиди на своемъ гнѣздѣ и пускай корни въ родную землю. Чтó лѣпиться къ краюшку чужаго гнѣзда?“

Но лѣпиться приходится: одиночество такъ страшно! Жизнь въ гнѣздѣ не романъ,—и онъ, повидимому, давно разсѣялся. Самъ Тургеневъ признаетъ это довольно опредѣленно: въ Куртавнелѣ осталось „много много моей жизни“, пишетъ онъ, „бывало какъ сердце билось, какъ дыханье стѣснялось, когда я подъѣзжалъ къ нему, а теперь все это стало тише да и пора! Я намѣренъ пробыть здѣсь дней 10—никакъ не болѣе (вотъ уже эти три слова говорятъ о новыхъ временахъ)“. О новыхъ ли? Не напрасно ли было говорить о *новомъ*, снова попавъ въ старый потокъ хотя бы и съ лучшими намѣреніями?

Полина Віардо не перестала быть художественно и разнообразно одаренной, геніальной пѣвицей, талантливымъ композиторомъ, тонкой цѣнительницей искусства, обаятельной собесѣдницей, съ острымъ умомъ, сильной волей и тѣмъ почти безсознательнымъ обожаньемъ собственной личности, какое такъ часто свойственно художественнымъ натурамъ и женщинамъ, взысканнымъ славой и поклоненіемъ. А самообожаніе даетъ самоувѣренность и власть вообще надъ людьми, и особенно надъ такими „дикарями“, по выраженію Віардо, какимъ былъ Тургеневъ. „Онъ обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ, пишетъ Анненковъ,—за нимъ ничего не пропадало. Онъ никогда не оставался въ долгу ни за какое дѣло, ни за оказанное расположеніе, ни за наслажденіе, доставленное ему произведеніемъ, ни за простую потѣху, почерпнутую въ той или другой формѣ. Все это онъ помнилъ хорошо и такъ или иначе, рано или поздно находилъ случай отыскать и отблагодарить по своему человѣка за интеллектуальную услугу, полученную отъ него когда-то“.

А услугъ отъ Полины Віардо получено не мало и не только отъ нея: ея мужъ переводилъ сочиненія Тургенева,—дѣлалось бы это и безъ него,—но Тургеневъ не могъ не считать себя обязаннымъ. Наконецъ,—съ того времени, когда о сердечныхъ восторгахъ давно замолкла рѣчь, когда, можетъ быть, подчасъ Тургеневъ и могъ тяготиться самодержавной властью Полины Віардо надъ его личностью,—началась новая полоса его жизни и она принесла новыя цѣпи—и

самыя крѣпкія, приковавшія русскаго писателя къ французской семьѣ,—къ *семьѣ*, а не къ *женщинѣ*.

Тургеневъ Некрасову писалъ о „гнѣздѣ"; „своего нѣтъ, ну и не надо никакого". Знаменитый писатель напускалъ на себя храбрость, для него совершенно непосильную. Онъ чувствовалъ знобящій холодъ приближающейся старости, когда ему еще не было сорока лѣтъ и ужасъ предъ одиночествомъ, хотя его слава только что разгорѣлась. Но слава не грѣла и не ютила. Въ ея блескѣ онъ дожилъ до убѣжденія,—„возбудить къ себѣ сочувствіе есть рѣдкость и счастье". Между тѣмъ его уже гложетъ „тоска и страхъ безцѣльнаго будущаго". „старость стучится въ дверь, а стоишь одинъ какъ перстъ, и кругомъ все мертво и голо". На четвертомъ десяткѣ лѣтъ Тургенева стали одолѣвать болѣзни „мѣшать жить", и главная изъ нихъ подагра—скоро стала его неотвязной спутницей. На пятомъ десяткѣ Полина Віардо называетъ его „стекляннымъ": такъ хрупко его тѣло! И онъ самъ пишетъ: „мой жалкій организмъ нервный, ослабленный и подагрическій принимаетъ и пріючаетъ у себя всякую болѣзнь, которой вздумается его посѣтить" съ „радушьемъ" и „готовностью". Съ другой стороны жизнь спѣшила подтвердить убѣжденіе Тургенева въ рѣдкости человѣческаго сочувствія и распахнуть передъ нимъ жуткую даль одиночества.

Въ іюлѣ 1858 года умеръ живописецъ Ивановъ и Тургеневъ писалъ Віардо: „злая журнальная статья, наносившая ему оскорбленія, потомъ разсчитанно—презрительныя выходки,—вотъ все, что его отечество дало ему за то короткое время, какое протекло между его возвращеніемъ и его смертью".

Для самого Тургенева участь Иванова будто предзнаменованіе. Отечество готовилось цѣнить его несравненно хуже, чѣмъ несчастнаго подвижника—художника. Тургеневъ отъ крестьянъ переходилъ къ образованному сословію, къ интеллигенціи,—сталъ разсказывать исторію ея ума и воли,—и съ первой же главы этой исторіи—*Рудина* до послѣдней *Нови*—писатель проходилъ сквозь строй, по „зеленой улицѣ", и удары сыпались справа и слѣва и во имя порядка, и во славу революціи, и въ защиту отечественной самобытности, и за послѣдніе крики европейской книжной моды. Тягостные разрывы съ крупнѣйшими современными писателями слѣдовали одинъ за другимъ. Началось съ Некрасова и публицистовъ *Современника*—Чернышевскаго и Добролюбова, потомъ столкновеніе съ Гончаровымъ, разрывы съ Герценомъ, съ Достоевскимъ, назрѣла ссора съ гр. Толстымъ и, наконецъ, необыкновенно дерзкое покушеніе графа на личность Тургенева. И всѣ эти ссоры и сраженія неизмѣнно предлагались вниманію публики: *Современникъ* съ великимъ усердіемъ осмѣивалъ и при-

нижалъ ненавистнаго писателя, Гончаровъ устроилъ ему третейскій судъ о похищеніи героини изъ *Обрыва* въ *Наканунѣ*, Герценъ разразился въ *Колоколѣ* клеветой на Тургенева, какъ труса и предателя и не оставлялъ его долгое время злобными издѣвательствами, Достоевскій изобразилъ въ романѣ какъ личность пошлую и глупую. Вскорѣ Катковъ присоединилъ свой голосъ,—и Тургеневу представлялось, что въ его отечествѣ безъ брани и клеветы о немъ разучились и писать и говорить: „право, нѣтъ позорнаго слова, пишетъ онъ, которое не было бы примѣнено ко мнѣ". Одному изъ вѣрнѣйшихъ западныхъ друзей Пичу онъ перечисляетъ „небольшую долю" того что говорили о немъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: Видокъ, подкупленный Іуда, дуракъ, оселъ, гадина, плевательница. Въ письмѣ къ Анненкову онъ затруднялся назвать преступленье, въ какомъ его еще не обвинили—остается развѣ святотатство. Пріятелю не—литератору онъ признавался: „поневолѣ самого себя ощупываешь и думаешь: за что все это?" Даже *Воспоминанія* вызвали столько брани и обвиненій, что Тургеневъ пришелъ къ заключенію: „Давать мнѣ en passant плюхи, повидимому, est très bien porté въ нынѣшней литературѣ въ родѣ тирольскихъ шляпъ, послѣдняя мода". Мы увидимъ,—Тургеневъ нисколько не преувеличивалъ. Несомнѣнно „плюхи" были обратной стороной того, что̀ зовется славой. Писатель дожилъ и до восторговъ читателей,—но даже по горячимъ привѣтамъ соотечественниковъ неизмѣнно пробѣгала холодная струя. *Правды* ему не прощали до конца— тѣ самые, кто громче всѣхъ кричалъ о свободѣ правды,—и Тургеневъ съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ мысль Ивана Аксакова о смерти Гоголя: „*Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кто ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ". Гоголь бѣжалъ изъ Россіи и не скрывалъ причины своего бѣгства. На приглашеніе вернуться на родину, онъ отвѣчалъ: „О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли!"

Къ шестидесятымъ годамъ аристократство и меценаты утратили для литераторовъ прежнее значеніе,—остались ученые и неученые умники,—но и ихъ оказалось вполнѣ достаточно, чтобы заставить писателя жить подальше отъ нихъ. Возвращаясь въ Россію въ іюнѣ въ 1858 году, Тургеневъ, повидимому, вовсе не разсчитывалъ надолго покидать родины хотя бы ради Віардо: изъ пяти мѣсяцевъ онъ и одного не прожилъ поблизости къ ней. За границу, разумѣется, онъ не пересталъ бы ѣздить, но устроить тамъ свою осѣдлость—мысль эта пришла гораздо позже,—именно послѣ сраженій, данныхъ ему соотечественниками за его произведенія, особенно за *Отцовъ и Дѣтей*.. Онъ

даже было рѣшился совсѣмъ перестать писать: „уединенная, почти подъ землей скрытая жизнь“ стала казаться ему желаннымъ счастьемъ,—жизнь подальше и отъ литературы и отъ родины. Связь впечатлѣній и намѣреній вполнѣ ясна изъ слѣдующихъ горькихъ словъ Тургенева: „едва ли мнѣ опять скоро придется предстать на судъ критики и публики, съ меня довольно треска и грохота возбужденнаго О. и Д. *(Отцами и Дѣтьми).* Я вамъ когда-нибудь разскажу, если не забуду —всѣ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ послѣдняго моего пребыванія въ Россіи, какъ меня били руки, которыя я бы хотѣлъ пожать и ласкали руки другія, отъ которыхъ я бы бѣжалъ за тридевять земель и т. д. Вообще, мое божество произвело на меня дѣйствіе странное: я вижу, что теперь колесо покатилось благополучно впередъ—но присутствовать при томъ, какъ оно будетъ то прыгать—черезъ камни и тонуть въ грязи—не желаю, довольно съ меня знать, что оно пошло“.

Письмо это писалось лѣтомъ въ 1862 году. Семья Віардо жила въ Баденѣ и рѣшила здѣсь окончательно поселиться. Знаменитая пѣвица покидала сцену. Весной 1864 года—въ разцвѣтъ новаго цезаризма—она въ послѣдній—едва ли не въ сотый разъ—пѣла въ оперѣ *Орфей*, въ парижскомъ *Théâtre Lyrique*,—и отъѣздъ изъ Парижа совершился. Віардо намѣревалась открыть музыкальную школу внѣ Франціи, вѣроятно, по желанію мужа: онъ чувствовалъ себя республиканцемъ, даже рабочихъ въ Куртавнелѣ старался подбирать изъ „красныхъ“, по выраженію Тургенева, а наполеоновская имперія могла вызвать негодованіе и у болѣе умѣренныхъ наблюдателей. Тургеневъ питалъ личное отвращеніе къ Наполеону III, язвительно смѣялся надъ его цезаризмомъ и позже радовался побѣдамъ нѣмцевъ, бившихъ „змѣю по головѣ“.

Віардо обзавелись въ Баденѣ собственностью, недалеко отъ города въ Thiergartenthal былъ купленъ домъ у подошвы лѣсистаго Зауерберга, къ нимъ пристроился Тургеневъ, „купилъ себѣ десятины полторы землицы“, писалъ онъ въ іюнѣ 1864 года, большой запущенный участокъ земли, съ фруктовыми деревьями, съ источникомъ ключевой воды, чѣмъ особенно дорожилъ Тургеневъ. Парижскій архитекторъ построилъ здѣсь большую виллу, въ видѣ замка въ стилѣ Людовика XIII, кругомъ разбилъ роскошный садъ. Въ новый домъ Тургеневу пришлось переселиться позже, только въ 1868 году—изъ-за денежныхъ затрудненій. Но и раньше онъ свое баденское мѣстопребываніе называлъ „гнѣздышкомъ“, „которое такъ мнѣ полюбилось, что заставляетъ измѣнить нашимъ палестинамъ“. Кругомъ гнѣзда живописныя долины, лѣса, а въ немъ—домашній уютъ, семья. Началась новая полоса въ жизни Тургенева и въ его отношеніяхъ къ *семьѣ* Віардо,—къ *семьѣ*, а не къ *женщинѣ*.

Съ родины на него дуетъ вѣтеръ холодный и тяжелый. Въ *Современникѣ* его такъ „пробираютъ, что просто пыль столбомъ". Онъ вообще не доволенъ новой литературой, не ждетъ отъ нея добрыхъ плодовъ и все сильнѣе имъ овладѣваетъ желаніе пожить спокойно, будто и въ самомъ дѣлѣ онъ все совершилъ и доканчиваетъ перегонъ къ послѣдней остановкѣ. Ему всего сорокъ шесть лѣтъ, а онъ говоритъ объ осеннихъ краскахъ, ложащихся на его жизнь, объ осенней тишинѣ: „желанія успокоились и дѣятельность прекращается... День скользитъ тихонько за днемъ, и только и думаешь: какъ бы это продолжалось подольше и въ томъ же родѣ". Поменьше волненій, и даже новыхъ впечатлѣній не надо: „пѣсенка спѣта: такъ спокойно катится жизнь, такъ мало сожалѣній, тревогъ, что только думаешь объ одномъ: матушка середа, будь похожа на вторникъ, какъ онъ батюшка вторникъ былъ похожъ на понедѣльникъ". Борьбы не надо, не по силамъ она, хороша жизнь и съ однимъ чувствомъ красоты: „всплакнуть надъ стихомъ, надъ мелодіей". Достаточно, если хватитъ усилій на охоту —„страсть горячую, сильную, неистомную"—съ изумительной собакой Пегасомъ—знаменитымъ во всемъ герцогствѣ Баденскомъ.

Это настроеніе подсказало Тургеневу нѣчто въ родѣ завѣщанія при жизни—*Довольно:* „полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать".

Сколько разъ повторялись эти слова „велѣть сердцу молчать",—но удавалось исполнить ихъ только тому, у кого сердце вообще было молчаливымъ или косноязычнымъ. Не тургеневскому сердцу приказать молчать,—оно могло только временно замедлить тактъ, чтобы заговорить съ новой силой и страстью—даже небывалой раньше. Но пока сердце не столько устало, сколько сдавлено обидой, и Тургеневъ ищетъ покоя тамъ, гдѣ, по его словамъ, на него меньше всего смотрѣли какъ на писателя.

Кругомъ его виллы сошлось все, чѣмъ могъ дорожить и художникъ и человѣкъ: могучая живописная природа, рядомъ избранное общество Европы, тихія радости уединенія и изысканныя утѣхи культуры, почти сельскій идиллическій покой зимой и шумная красота города въ лѣтніе мѣсяцы.

Домъ Віардо сталъ притяженіемъ исключительныхъ гостей. Въ саду воздвиглось нѣчто въ родѣ храма искусства, посвященнаго музыкѣ и живописи. По воскресеньямъ устраивались музыкальныя утра. Самыя высокопоставленныя лица считали за счастье попасть на эти собранія. Прусскій король Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ, и королева Августа были постоянными гостями, послѣ концерта оставались на чай, принимали живое участіе въ общей бесѣдѣ. Тургеневъ разсказы-

вая объ этомъ, шутливо замѣчалъ: „Вотъ въ какихъ мы, батюшка, гонёрахъ“.

Каждый вечеръ въ домѣ Віардо посвящался музыкѣ, преимущественно нѣмецкой. Тургеневъ чувствовалъ себя наверху блаженства, особенно, если днемъ ему удавалось поохотиться. Музыка прекращалась не раньше двухъ часовъ ночи, и какъ былъ оживленъ, увлекателенъ русскій писатель осчастливленный любимымъ искусствомъ! Бесѣды длились часами, возобновлялись на слѣдующее утро. О нихъ разсказываетъ очевидецъ баденской жизни—Пичъ.

„Въ присутствіи Тургенева и его близкихъ друзей самый требовательный умъ ощущалъ чувство удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній и сознанія полнѣйшаго счастья; Какъ ни велико богатство наблюдательности и поэзіи, обнаруженное Тургеневымъ въ его произведеніяхъ, все-таки оно было только частицей того, что выливалось изъ его устъ въ присутствіи его друзей, освѣжая и нѣжа васъ, какъ тотъ ручей, которымъ онъ такъ гордился. Если бы кто-нибудь стенографировалъ всѣ разсказы и анекдоты изъ личной жизни, результаты непрерывнаго наблюденія природы и людей, всѣ глубокія и оригинальныя мысли Тургенева, эти золотыя изреченія, не заключавшія въ себѣ ни одной громкой или вульгарной фразы, эти сужденія—точныя, правдивыя и логичныя, съ неумолимымъ презрѣніемъ клеймящія всякую ложь, даже въ искусствѣ, если бы кто-либо сдѣлалъ это,—подобно Эккерману, записывавшему разговоры Гете,—тотъ собралъ бы неоцѣнимую сокровищницу вѣчной красоты и мудрости... За утреннимъ чаемъ, въ саду, въ маленькомъ открытомъ павильонѣ, около котораго протекалъ упомянутый ручеекъ, за завтракомъ, сидя со мной въ столовой, обитой деревомъ, широкія окна которой выходили на свѣжіе зеленые луга, окаймленные темнымъ лѣсомъ, Тургеневъ выливался весь. Онъ полными пригоршнями расточалъ драгоцѣнныя сокровища своего сердца и ума. Надо было только воспользоваться всѣмъ этимъ, чтобы имѣть на всю жизнь обильный матеріалъ для размышленій“.

Полина Віардо слыла лучшей учительницей музыки. Къ ней въ Баденъ-Баденъ стекались юные таланты со всѣхъ сторонъ. Артистка желала подвергнуть ихъ испытанію въ небольшихъ роляхъ. Такъ возникли три фантастическихъ оперетки, три сказки въ драматической формѣ. *Trop de femmes, Krakamiche, le dernier des sorciers* и *L'Ogre*. Текстъ писалъ Тургеневъ, музыку—Полина Віардо,—музыку, по его словамъ,—„прелестную, поэтическую, возвышенную“. Пѣвица иногда играла роль влюбленнаго принца, Тургеневъ—роль какого-нибудь пожилаго героя,—Паши, Людоѣда и разсказывалъ Пичу, какъ онъ однажды, лежа на полу въ подобной роли, замѣтилъ „легкую усмѣшку обычнаго

презрѣнія“ на губахъ надменной прусской кронпринцессы. Но „презрѣніе“ не мѣшало представленіямъ быть „очень милыми и пріятными“. Театръ находился въ новомъ домѣ Тургенева. Сюда Тургеневъ переселился въ началѣ апрѣля 1868 года и, повидимому, въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя „въ гнѣздѣ“. „Никогда я не былъ еще обставленъ такимъ комфортомъ, писалъ онъ,—такъ что даже совѣстно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданное“.

Въ Баденѣ настала очередь семейныхъ заботъ.

Тургеневъ все время въ положеніи отца, волнуется, хлопочетъ, устраиваетъ денежныя дѣла, празднуетъ семейныя торжества, умиляется отъ семейныхъ радостей. Наконецъ, судьба послала ему утоленіе давней жажды. Въ январѣ 1865 года онъ выдаетъ свою дочь замужъ —„въ великихъ хлопотахъ“, но за то партія во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительная“. Но главныя его попеченія сосредоточены на другой „дочери“—безгранично имъ любимой.

У Полины Віардо три дочери—Луиза, Маріанна и Клавдія или Диди. Когда Тургеневъ познакомился съ ней—была только Луиза. Тургеневъ тотчасъ же полюбилъ Louison—Луизочку. Въ письмахъ онъ шлетъ ей крѣпкіе поцѣлуи, приписываетъ нарочно: „Луиза, я цѣлую тебя отъ всего сердца!“ Луиза выросла и, повидимому, обнаружила нѣкоторыя музыкальныя способности, пѣла, сочинила оперу. Но неудачи преслѣдовали ее всюду: въ замужествѣ не посчастливилось, и она потомъ старалась поступить въ Росссію въ оперу, какъ въ lieu d'asyle чтобы не быть высланной къ мужу: такъ пишетъ Анненковъ Тургеневу. Какъ пѣвица она потерпѣла полную неудачу,—и это даже радуетъ Тургенева: неудача, можетъ быть, отучитъ ее выступать на сценѣ. Наконецъ, постановка ея оперы, не смотря на хлопоты Тургенева, не состоялась въ Веймарѣ: „отъ этого удара бѣдняжка Луиза не скоро оправится“,—пишетъ Тургеневъ, хотя отъ него же мы знаемъ: „эта молодая женщина довольно сумасбродная и уже довольно много горя причинила на своемъ вѣку людямъ, которые ее любятъ“. Тургеневъ разумѣлъ не только отца и мать Луизы,—но и можетъ быть, самого себя: не даромъ онъ являлся къ Луизѣ сватомъ отъ француза, котораго она, казалось, любила,—человѣка вполнѣ порядочнаго и на рѣдкость терпимаго. Но она внезапно вышла замужъ за другаго, также внезапно бросила его и своего ребенка по совершенно необъяснимымъ причинамъ, отправилась въ Петербургъ, разсчитывая, вѣроятно, на поддержку славы матери, попала потомъ въ Екатеринославскую губернію съ какимъ-то знакомымъ.

Даже тѣ, кто признавалъ за ней достоинства ума и музыкальности, находили ея характеръ „невозможнымъ, эксцентрическимъ и рѣзкимъ“.

Тургеневъ выражалъ сильныя опасенія за ея судьбу, боялся даже самоубійства. Но Луиза его пережила и уже въ 1907 году такъ же внезапно, какъ она дѣлала и многое другое,—бросила клеветой въ его память. По ея словамъ, Тургеневъ—человѣкъ безтактный, навязчивый, жилъ въ домѣ ея родителей тридцать лѣтъ съ полнымъ комфортомъ и за все это время ничего не платилъ и даже не пытался платить. Французская семья какимъ то чудомъ держала десятки лѣтъ подъ своимъ кровомъ удивительно безсовѣстнаго нахлѣбника!

Третья дочь Віардо—Клавдія—могла бы разсказать, сколько здѣсь правды.

Эта Диди, несомнѣнно, самая нѣжная любовь Тургенева. Она для него *дочь глубоко* любимая. Она „совершенная прелесть“ „существо удивительное“, „вотъ на кого нужно стихи писать“,—и ея портреты онъ посылаетъ пріятелямъ на удивленіе. Онъ бо́дрствуетъ надъ ея судьбой, пишетъ ей особыя письма, одна изъ главныхъ его заботъ скопить приданое для нея. Онъ собралъ уже 4000 р., разсчитываетъ продать лѣсъ также за 4000 р.—и тогда онъ „сможетъ начать откладывать на приданное Диди“. Это въ 1868 году, три года спустя онъ „надѣется привезти изъ Россіи достаточно денегъ, что бы пополнить приданое Диди: это составитъ что то около 5,500 или даже 6000 фр. ренты“. Онъ покупаетъ на 17,500 фр. акцій русскихъ желѣзныхъ дорогъ для пополненія приданаго Диди: теперь у нея 80,000 фр. Но замужъ ей еще рано: надо пока поскорѣе взять учителя музыки для ея сестры Маріанны. Тургенева „очень мучитъ“ мысль, что иначе Маріанна не используетъ своихъ замѣчательныхъ природныхъ способностей. Обѣимъ сестрамъ онъ пишетъ изъ Россіи „колоссальныя“ письма. Наконецъ, въ 1874 году Диди выходитъ замужъ. Тургеневъ зорко слѣдитъ за ея увлеченіемъ, тщательно узнаетъ ея будущаго мужа. Онъ „великолѣпная, благородная, молодая, сильная натура“—иначе,—заявляетъ Тургеневъ,—„я бы никогда не далъ своего согласія“. Для него несказанный восторгъ наблюдать любовь Диди: „такого очарованія я еще никогда не видѣлъ“—и онъ—творецъ единственныхъ во всѣхъ литературахъ исторій женскаго сердца—такихъ цѣломудренно-нѣжныхъ и лучезарныхъ—пришелъ къ заключенію: „Мы всѣ такъ называемые писатели почти слѣпые въ подобнаго рода вещахъ“. Онъ видитъ одно: „молодые такъ счастливы, что даже смѣшно и трогательно глядѣть на нихъ“. Спустя семь лѣтъ повторяются тѣ же волненія и хлопоты: выходитъ замужъ Маріанна. И на этотъ разъ пріятели Тургенева день за днемъ узнаютъ ея радости, горе Тургенева во время ея болѣзни: онъ не спитъ шесть ночей сряду. И какъ разъ въ это время разыгрывается драма съ его родной дочерью: она бѣжитъ отъ мужа и

ищетъ помощи у отца. И все таки Маріанна не лишена его нѣжнѣйшихъ заботъ.

Сынъ Полины Віардо тоже близокъ Тургеневу, восхищаетъ его музыкальными успѣхами, учится у него наукамъ.

Такъ тѣшилась преждевременная старость писателя, радовалось поздно-разцвѣтшее чувство „отца". Но во всѣхъ позднихъ чувствахъ трудно сказать—чего больше—самого ли чувства или желанія его пережить. Диди родилась въ 1852 году. Двадцать два года спустя Тургеневъ говоритъ о ней: „существо которое я люблю больше и нѣжнѣе всѣхъ". Однако, мы ничего подобнаго не слышимъ до шестидесятыхъ годахъ. Во время продолжительной разлуки съ семьей Віардо Тургеневъ если и помнитъ эту Диди, то не больше чѣмъ всѣхъ остальныхъ членовъ семьи Віардо, кромѣ матери. Стремительность чувствъ къ „моей милой маленькой Диди" совпала съ горькимъ чувствомъ одиночества и душевной безпріютности. Диди оказалась цементомъ, „прилѣпившимъ" русскаго писателя къ „чужому гнѣзду". А раньше она была только вообще однимъ изъ дѣтей, всегда милыхъ для Тургенева. Теперь онъ ее полюбилъ тоскою одинокаго человѣка, осужденнаго на „цыганскую жизнь".

Но, повидимому, кочевью пришелъ конецъ: „возлюбленный Баденъ", „милая маленькая долина" будутъ покоить его „до безконечности". Чего больше желать? Настала „осенняя тишина". Теперь, гдѣ бы ни былъ Тургеневъ,—его мучаетъ тоска—Sehnsucht—по Бадену. Онъ стремится скорѣе изъ Спасскаго, изъ Петербурга, изъ Москвы. „Я похожъ на человѣка, который грезитъ",—пишетъ онъ съ пути въ Россію; „я не могу привыкнуть къ мысли, что я уже такъ далеко отъ Бадена и люди и предметы проходятъ передомной, не вызывая во мнѣ впечатлѣній. Лишь только я попаду въ Петербургъ, я стану работать ногами и руками чтобы возможно скорѣе отдѣлаться". Вдали отъ „маленькаго мірка" Віардо онъ живетъ его жизнью: по часамъ слѣдитъ, что̀ теперь дѣлается у нихъ, кто чѣмъ занятъ,—и у него самого „на сердцѣ очень тяжело". Онъ „такъ хорошо приспособился къ тихой очаровательной жизни" въ Баденѣ, что все время думаетъ о ней, не въ состояніи не думать, безъ ея онъ не живетъ, онъ будто во снѣ, и будетъ счастливъ и доволенъ, только когда вернется „въ благодатный край, гдѣ оставилъ лучшую часть самого себя". Для него теперь на родинѣ „каждый день длиненъ и тяжелъ". Въ Петербургѣ бѣлыя ночи разстраиваютъ его нервы, ему чувствуется въ воздухѣ какая то сладковатая сырость,—и ему тошнитъ: ни за что онъ не сталъ бы жить здѣсь. Москва еще хуже: „попахиваетъ лампаднымъ масломъ и славянской ворванью",—а потомъ болтовня безъ конца—

„до гудѣнья колокольнаго въ ушахъ и въ мозгу“. Это давняя нелюбовь къ московскимъ „славянамъ“ и словопреніямъ,—теперь даже Петербургъ подчасъ кажется предпочтительнѣе. Въ Спасскомъ тоже тяжело: не уютно въ старомъ домѣ, старыя стѣны глядятъ на него, какъ на чужестранца и „я дѣйствительно чужестранецъ“,—пишетъ онъ,—и „считаетъ минуты“. И безъ конца одинъ и тотъ же припѣвъ: „буду счастливъ только когда вернусь въ мою милую маленькую долину“, въ „мой милый Баденъ“, въ „дорогой моему сердцу домикъ въ Тиргартенѣ“.

Этого мало. Со времени переселенія въ Баденъ вновь начинается старый романъ, повидимому не сразу,—но съ 1864 года вновь тѣ же изліянія, тѣ же нѣмецкія приписки, какъ четырнадцать лѣтъ назадъ. И замѣчательно,—во главѣ опять необыкновенно горячая благодарность: раньше за пріютъ и воспитаніе дочери, теперь просто за любовь и дружбу. Полина Віардо—будто никогда не была такъ внимательна съ своимъ старымъ поклонникомъ. По крайней мѣрѣ, только теперь она требуетъ у него подробнѣйшихъ отчетовъ объ его здоровьѣ и онъ стыдливо даетъ ихъ, оправдываясь ея волей, только теперь она „балуетъ“ его „маленькими письмами, озаряющими для него все вокругъ“. Никогда до такой степени его не смущала ея доброта: „Вотъ славное письмо, восклицаетъ онъ въ началѣ 1864 года,—которымъ я счастливъ и доволенъ. Но право же мнѣ совѣстно, что меня такъ любятъ. Я почти готовъ просить прощенія и въ то же время чувствую себя такимъ счастливымъ. Благодарю, тысячу милліоновъ разъ благодарю!“

И затѣмъ вновь „старыя пѣсни“—именно пѣсни, потому что письма безпрестанно превращаются въ стихотворенія въ прозѣ: сердце его „буквально таетъ отъ умиленія“ при мысли объ ея „миломъ образѣ“, на головѣ онъ „постоянно чувствуетъ милую тяжесть ея руки“ и такъ счастливъ чувствовать, что онъ ей принадлежитъ,—онъ хотѣлъ бы „изойдти въ непрестанномъ обожаніи“—in beständiger Anbetung vergehen—и онъ „на колѣняхъ цѣлуетъ священный для него подолъ ея платья“. Все давно намъ знакомое!—только выраженія еще нѣжнѣе и преданнѣе. Повидимому, и здѣсь сказались—„осеннія краски“, налегшія на жизнь. Подчасъ совершенно ясно ощущается дѣйствительно старческая безпомощность настроенія. „Не умѣю сказать вамъ, какъ безконечно я былъ печаленъ“,—пишетъ Тургеневъ и дальше жалуется на слишкомъ сильныя внезапныя волненія, для него непосильныя: въ Берлинѣ произошла неожиданно—чудная встрѣча, а потомъ разлука и онъ сломился подъ бременемъ „незабываемыхъ впечатлѣній“. А ему еще нѣтъ и пятидесяти лѣтъ! Но его чувство такъ велико и такъ сильно, что нѣтъ словъ и выразить его и едва хватаетъ силъ его пе-

реживать—чувство къ сорокашестилѣтней очаровательницѣ! Да, ей пишутся слова, какія могъ высказать или скорѣе пропѣть юный Ромео еще болѣе юной Джульеттѣ. „Я не могу больше, я не могу жить вдали отъ васъ. Я долженъ чувствовать вашу личную близость, наслаждаться ею. День когда ваши глаза не свѣтили мнѣ,—погибшій для меня день... Ахъ! довольно! довольно! Иначе я не совладѣю съ собой“. Онъ тоскуетъ о ней каждую ночь и всю ночь видитъ ее во снѣ, онъ не может ъ работать. Его мысли все время рѣютъ вокругъ нея и предъ ея дорогимъ образомъ всѣ другія мысли таютъ какъ снѣгъ. Какъ настоящій Ромео,—онъубѣжденъ,—его чувство небывалое и единственное въ мірѣ: назвать его обожаніемъ было бы слишкомъ слабо. И въ тоже время онъ знаетъ, это—послѣднее возможное для него чувство, оно и его жизнь одно и тоже, отнять его—значитъ лишить воздуха, причинить страхъ, знакомый тому, кто задыхается. Когда онъ въ разлукѣ съ *ней*,—его мучаетъ неотступная, ничѣмъ неизлѣчимая тоска, только съ *ней* ему по себѣ онъ—*дома*. Пусть такъ будетъ до конца: „мы вмѣстѣ спустимся съ горы“. Полина Віардо вновь для Тургенева единственный литературный критикъ, „верховный судья и повелитель“. Онъ сгораетъ отъ нетерпѣнія прочитать ей что написалъ, и все, что ей не понравится, онъ вычеркнетъ. Для него счастье сознавать: все что въ немъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ ея существомъ и отъ нея зависитъ: „Если я дерево, то вы—мои корни и моя вершина“.

Это пишется въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ. Эта вторая глава началась послѣ событій, вызванныхъ романами *Наканунѣ* и особенно *Отцы и Дѣти*. Она совпала съ несомнѣнно самой тяжелой порой въ жизни Тургенева, съ небывалыми на него нападками, съ цѣлымъ рядомъ оскорбленій, нанесенныхъ ему лично и литературно. Подъ тяжестью ихъ ему стало холодно, жутко и тоскливо. Онъ жадно искалъ убѣжища отъ непогоды и одиночества,—и нашелъ его очень легко. Утверждали, будто онъ купилъ собственность въ Баденѣ и подарилъ ее Віардо. Во всякомъ случаѣ, это не былъ прежній нахлѣбникъ. Теперь онъ могъ стать въ положеніе второго отца семейства. Ему позволяютъ копить приданое для дѣвицы Віардо, съ его согласія выдаютъ ее замужъ. Онъ несетъ и другіе расходы на дѣтей. Онъ можетъ себя чувствовать уже не на краюшкѣ гнѣзда, а въ самомъ гнѣздѣ. И онъ безконечно благодаренъ и не находитъ достаточно словъ—благодарность перевести на языкъ любви. Будто птица, гонимая зимней вьюгой, залетѣла въ теплую комнату,—отогрѣлась и начала напѣвать свои весеннія пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ часто звучитъ —если и страсть, то дѣйствительно осенняя, болѣе привязчивая, чѣмъ сильная, болѣе истомная, чѣмъ горячая. „Съ несказаннымъ умиленіемъ

простираюсь у вашихъ милыхъ ногъ"... „Дайте мнѣ ваши милыя руки, чтобы я могъ выцѣловать всю свою душу"... И эти загадочныя слова: „запирайтесь хорошенько на ночь каждый вечеръ"... Наконецъ,—давно извѣстныя намъ молитвы рыцаря своей дамѣ въ минуты опасности или побѣды. Раньше онъ шепталъ имя Полины Віардо предъ поднятіемъ занавѣса на представленіи своей пьесы, теперь онъ вспоминаетъ ее, читая въ обществѣ свой новый романъ.

Сколько угодно чертъ того чувства, какое именуется любовью. Но слова *любовь* Тургеневъ не произноситъ ни разу въ своихъ письмахъ, не произносилъ онъ его и въ своихъ бесѣдахъ. Слово это у него постоянно замѣняется другими,—всѣ они равносильны его подлинному выраженію: „для меня ея воля законъ". Такъ говорятъ не о любви, а о подчиненіи, о безграничной преданности и покорности, говорятъ не о подругѣ, а о повелительницѣ и когда эта повелительница бросаетъ своему рыцарю—служителю крохи своего вниманія,—онъ ее благодаритъ снизу вверхъ, благодаритъ за справку объ его здоровьѣ, за милыя записочки, а за большее—распростирается у ногъ, цѣлуетъ ноги и подолъ платья. Всякая мелочь въ связи съ Віардо становится значительной. Переписка съ Пичемъ наполнена вѣстями объ ея настроеніяхъ, опухоли ея большого пальца—и все это—какъ о самыхъ важныхъ предметахъ. Недаромъ, по словамъ Полонскаго, Тургеневъ едва не бросился изъ Спасскаго въ Парижъ, получивъ извѣстіе объ укусѣ мухой носа Віардо и опухоли этого носа. Это подданство въ полномъ смыслѣ,—безотвѣтное, беззавѣтное и безвольное. Тургеневъ на счетъ своей воли однажды сдѣлалъ любопытное признаніе. „Я искренно ненавижу Краевскаго, говорилъ онъ, но очень можетъ быть, завтра вы увидите меня на Невскомъ подъ руку съ нимъ. Бога ради, не подумайте, что я подлецъ. Своихъ убѣжденій я не мѣняю, но я не могу избавиться отъ неотразимаго вліянія на меня этого человѣка. Я просто передъ нимъ пасую я самъ не знаю отчего. Какъ посмотритъ онъ на меня своими оловянными глазами, я рѣшительно уничтожаюсь и онъ можетъ дѣлать изъ меня все, что хочетъ". Было что-то таинственное и въ романѣ Тургенева,—во всякомъ случаѣ такія тайны, какія по мнѣнію его брата, „довѣряютъ только брату",—и Николай Сергѣевичъ эти тайны, дѣйствительно, слышалъ. Можетъ быть, онѣ отчасти были извѣстны Некрасову. Съ нимъ, повидимому, Тургеневъ о своемъ романѣ говорилъ откровеннѣе, чѣмъ съ другими. По крайней мѣрѣ,—изъ всей переписки Тургенева—только въ письмѣ Некрасова встрѣчаются уговоры—„не шутить съ своими нервами и дѣйствовать рѣшительно", —иначе не придется уѣхать изъ Парижа. Тургеневъ не послушался,—и сознавался, что сдѣлалъ „глупость"—вновь попалъ въ Куртавнель.

И здѣсь мы слышимъ отголоски не столько страсти, сколько слабой воли, полоненной другимъ человѣкомъ. И врядъ ли страстное увлеченіе жило въ природѣ Тургенева. Предъ нами любопытный женскій отзывъ о немъ—Натальи Александровна Герценъ. „Странный человѣкъ Тургеневъ, писала она.—Часто глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату—сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйдти поскорѣй на свѣтъ, на тепло. А человѣкъ онъ хорошій“. Правда, жена Герцена—вѣчно мятущаяся, съ вихремъ мечтаній въ головѣ и съ романтическимъ жаромъ въ сердцѣ,—не вызывала у Тургенева почтительнаго вниманія къ своей необыкновенности и онъ даже позволялъ себѣ „ироническій взглядъ и насмѣшки“ въ минуты ея приподнятыхъ ощущеній. Но „сырость на стѣнахъ“—не лишена смысла. Даже при великомъ художественномъ талантѣ Тургеневъ не жегъ и не ослѣплялъ: все было очень изящно, „интересно“, но „его никогда не бываетъ нужно“, по выраженію Натальи Александровны,—онъ не вызывалъ ни думъ, ни тоски, въ немъ не было той таинственной силы, какая съ первой встрѣчи съ Инсаровымъ охватила Елену волнующимъ маревомъ. И онъ это зналъ. „Онъ страдалъ сознаніемъ, пишетъ Анненковъ, что не можетъ побѣдить женской души и управлять ею“. Тончайшая организація мозга и нервовъ развилась на счетъ крѣпости организма, твердости воли и силы темперамента. Этотъ высокій крупный человѣкъ будто ежеминутно готовъ размякнуть, съежиться и смутиться. Такъ въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье въ собраніи участниковъ Освобожденія 19 февраля онъ бормочетъ „нѣсколько непонятныхъ словъ“ „съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ“, прибавляетъ онъ, а передъ публикой, выражающей ему восторгъ, онъ стоитъ „смущенный, красный, съ безстрастной улыбкой на лицѣ“ и рукоплесканія и крики на него „производили дѣйствіе проливнаго дождя во время грозы—быстраго и буйнаго, падающаго на обнаженныя плечи“. И чужую страсть Тургеневъ встрѣтилъ бы признательностью, нѣжностью, преданностью, готовностью на жертвы, —но тщетно эта страсть пыталась бы извлечь изъ тургеневской души отвѣтный огонь. Наталья Александровна Герценъ испытывала это даже отнюдь не въ романтическихъ отношеніяхъ съ Тургеневымъ и испытаніе оставляло въ ней тяжелый осадокъ: „Я сношу его посѣщенія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мнѣ случалось увлекаться и говорить съ нимъ отъ души—и всякій разъ жалѣла потомъ“. Для *хорошихъ минутъ* женщины Тургеневъ не подходилъ, не потому что въ душѣ его царствовалъ холодъ, а потому что вся природа его была лишена электричества, той грозы и бури,

какая воспѣвается не только въ стихахъ, но неизмѣнно живетъ рядомъ съ могучей волей и неумчивой отвагой.

Въ романѣ съ Полиной Віардо этотъ недостатокъ былъ достоинствомъ. Геніальная пѣвица—артистка сама обладала сильной страстью,—но только на сценѣ и для сцены. На сценѣ она могла казаться воплощеньемъ тропическаго зноя,—въ жизни не было человѣка благоразумнѣе и *одноцвѣтнѣе*. Тургеневъ изумлялся ея способности быть вѣчно здоровой, веселой и дѣятельной, а Жоржъ Зандъ еще больше поражалась уравновѣшеннымъ эгоизмомъ жгучей актрисы, ея „спокойной и ревнивой“ заботливостью о своемъ покоѣ. Напримѣръ, „декабрьское преступленіе“, т. е. превращеніе Луи Наполеона въ Наполеона III несказанно взволновало всѣхъ, кто имѣлъ понятіе о политической свободѣ,—осталась спокойной одна Полина Віардо и даже приказала не принимать мужчинъ, потому что они надоѣдали ей вѣстями и вопросами: „Это меня только даромъ утомляетъ и волнуетъ“,—объясняла она. Умѣть разсчитать, когда стóитъ и не стоитъ волноваться и переживать только *не-напрасныя* волненія—значитъ вовсе не испытывать непосредственныхъ волненій, быть не способной на такія волненія. Поистинѣ—даръ боговъ—не менѣе драгоцѣнный, чѣмъ сценическій талантъ!

Не Тургеневу, разумѣется, было взволновать эту необыкновенную душу. И онъ врядъ ли даже привлекъ ея особенное вниманіе, покрайней мѣрѣ, вначалѣ. Полина Віардо оставила въ Россіи много поклонниковъ своего таланта. Тургеневъ безпрестанно сообщаетъ о нихъ, объ одномъ графѣ М.—что онъ получилъ отъ Віардо „*длинное* и *хорошее письмо*“—подчеркиваетъ Тургеневъ слова графа,—когда еще о такихъ письмахъ къ самому Тургеневу мы не слышимъ. Можетъ быть и самъ Тургеневъ, при другихъ семейныхъ условіяхъ, съѣздилъ бы въ Парижъ, но не поселился бы нáдолго въ Куртавнелѣ, оказавшемся для него островомъ Цирцеи. А тамъ вступила въ права безграничная признательность. Такъ начался романъ—безъ взаимнаго *сердечнаго* увлеченія, при вполнѣ спокойномъ настроеніи съ одной стороны и съ чисто-художественными восторгами съ другой. Мать забросила Тургенева въ чужой домъ, въ нахлѣбники, а потомъ отечественная литература загнала его въ Баденъ, въ тихое пристанище. Такова внѣшняя обстановка романа, а внутренняя—открылась художественной страстью—одной изъ двухъ подлинныхъ тургеневскихъ страстей: къ искусству и къ охотѣ, продолжалась необыкновенно острымъ чувствомъ благодарности и завершилась—„ея воля для меня законъ! „Онъ былъ *взятъ* всецѣло и безповоротно накапунѣ переселенія въ Баденъ. Имъ вообще овладѣвали. Въ дуэтѣ любви онъ былъ сопрано: недаромъ его высокій голосъ и

въ разговорѣ не звучалъ мужскими нотами. Въ Парижѣ, часто обѣдая съ французскими писателями, Тургеневъ дѣлилъ ихъ излюбленныя бесѣды о женщинахъ и о любовныхъ приключеніяхъ. Онъ разсказывалъ свои и всегда выходило одно и тоже. Вотъ ему пятнадцать лѣтъ, онъ въ сумерки гуляетъ въ саду, вдругъ къ нему подходитъ горничная, крѣпостная, хватаетъ его за волосы съ затылка и говоритъ: „Ступай“!—Это было его первое приключеніе и ему даже въ старости доставляло удовольствіе вспоминать эту хватку за волосы. Онъ сталъ молодымъ человѣкомъ, ему встрѣтилась хорошенькая мельничиха въ окрестностяхъ подъ Петербургомъ, по ея просьбѣ онъ ей подарилъ душистаго мыла, та вымыла имъ руки и сказала: „Поцѣлуйте мнѣ руки, какъ вы цѣлуете у дамъ въ Петербургѣ“. Тургеневъ не просто поцѣловалъ, а „бросился на колѣни“—и, по его словамъ, „это было лучшее мгновеніе въ моей жизни“. Третье приключеніе. Во время бала онъ прошелъ съ дамой въ одну изъ неосвѣщенныхъ комнатъ, сѣли на диванъ, начали разговоръ,—вдругъ дама внезапно бросается на него, стремительно цѣлуетъ и обнимаетъ его... Спустя нѣсколько минутъ онъ бѣжитъ на воздухъ передохнуть и освѣжиться. А общее чувство у него предъ женщиной, дарящей его любовью „уваженіе, волненіе, изумленіе предъ своимъ счастьемъ“.

Для французовъ это нестерпимое простодушіе. У нихъ совсѣмъ другія исторіи и другія впечатлѣнія,—и Тургеневъ, разсказываетъ французъ—очевидецъ,—„слушаетъ насъ съ какимъ то *окаменѣлымъ* изумленіемъ варвара, представляющаго любовь только въ совершенно естественномъ видѣ“. Додэ прямо совѣтовалъ Тургеневу не признаваться въ своей простотѣ: иначе онъ насмѣшитъ всѣхъ.

Нравилось и Полинѣ Віардо бросить въ Тургенева насмѣшливое „ses tours de sauvage“. И дѣйствительно, во французскомъ романѣ нѣтъ третьей роли,—или герой или простакъ.

Тургеневъ вполнѣ сознавалъ свою: онъ до конца остался при убѣжденіи,—его никто не любитъ и мы услышимъ его горькія жалобы на жизнь какъ разъ въ тѣ самые годы, когда онъ суетится съ дочерьми Віардо. Но это означало,—художественный восторгъ, признательность и всепреданность не занимали всего сердца и не наполняли всей жизни. И мы вновь встрѣчаемся съ попыткой Тургенева—уклониться съ своей роковой орбиты, спрятаться отъ лучей и притяженія своего центральнаго свѣтила.

Послѣ перваго прилива молитвъ и поклоненій слѣдовало два увлеченія—одно за другимъ,—послѣ благодарностей и преданностей въ Баденскую полосу жизни произошло знакомство съ баронессой Вревской. Если Віардо—властительница сорокалѣтняго и пятидесятилѣтняго

сердца Тургенева,—баронесса взволновала его сердце на пятьдесятъ пятомъ году „нѣсколько страннымъ, но искреннимъ и хорошимъ“ чувствомъ, по его выраженію. Баронесса гоститъ у Тургенева въ Спасскомъ и при разлукѣ оставляетъ въ его душѣ „глубокій слѣдъ, на столько глубокій, что онъ перестаетъ считать себя поконченнымъ или только старымъ, предъ нимъ будто рѣетъ золотой туманъ не дружеской любви и не—братскихъ объятій. Но и теперь не хватило силы и власти. Баронесса уѣхала въ Турцію сестрой милосердія, тамъ погибла и Тургеневу осталось вспоминать о ней „ежедневно съ особымъ чувствомъ скорби и жалости“,—такъ же какъ и объ Ольгѣ Александровнѣ Тургеневой, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ взволновавшей его сердце надеждами. Оставалось воспѣть послѣднюю любовь въ стихотвореніи: *Памяти Ю. П. Вревской* и успокоиться уже до конца—теперь недалекаго—подъ властью *ея*,—единственной не по чарующей красотѣ души, а по „спокойствію генія“ и „эгоизму высочайшаго артиста“. Ошиблась въ младшемъ сынѣ Варвара Петровна, не вышелъ онъ „однолюдцемъ“, не было у него одной всю жизнь любимой женщины, а любилъ онъ *любовь*, любилъ *женщину*—какъ особую человѣческую породу, безсильный воплотить ее могуществомъ личной страсти въ одномъ живомъ лицѣ. „Моя жизнь поглощена женственностью“, говорилъ онъ, „нѣтъ книги, нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло замѣнить мнѣ женщину“. Отсюда его изумительные женскіе образы, но отсюда же и его излюбленный герой. Впервые появился онъ безъименнымъ „молодымъ человѣкомъ“ въ юношескомъ стихотвореніи *Разговоръ*, а потомъ прошелъ почти по всѣмъ крупнѣйшимъ произведеніямъ: показался въ Рудинѣ, въ горе—героѣ Аси, отчасти въ Лаврецкомъ, въ Берсеневѣ, въ Павлѣ Кирсановѣ. Всюду надъ нимъ горѣла все таже зловѣщая звѣзда: или одиночество безъ женской любви или „воля ея законъ“—до самой смерти.

Этотъ законъ свернулъ жизнь русскаго писателя съ естественнаго пути, поставилъ между имъ и его родиной женщину и чужбину и заставилъ его въ теченіи десятилѣтій рѣшать самый мучительный, самый трагическій для писателя вопросъ: „чтобы писать надо жить въ Россіи, жить я тамъ постоянно не могу, ergo—писать не слѣдуетъ“.

VII.

Мы видѣли, какое рѣшающее значеніе придавалъ Тургеневъ своей связи съ западомъ для своего писательскаго призванія. „Я, конечно, не написалъ бы *Записки Охотника*, утверждаетъ онъ, еслибъ остался въ Россіи“. Мы указывали, писатель этими словами стремился оправдать

нѣчто большее, чѣмъ кажется съ виду,—оправдать не „западничество“, а добровольное изгнаніе изъ Россіи, тѣ самыя „всесильныя обстоятельства“, какія заставили его въ чужой странѣ устроить „гнѣздо“, а въ родной—гостинницу. Для *Записокъ Охотника* вовсе не нужно было „Нѣмецкое море“. Доказательство—общія и частныя условія, при какихъ возникли знаменитые разсказы.

Прежде всего у Тургенева былъ предшественникъ. Онъ самъ указываетъ на него,—на Григоровича, автора повѣсти *Деревня*, напечатанной въ *Отечественныхъ запискахъ* въ концѣ 1846 года. Тургеневъ говоритъ о ней: „по времени *первая* попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ деревенскихъ исторій —Dorfgeschichten“. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ и не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта—было несомнѣнно“. Бѣлинскій не только привѣтствовалъ повѣсть, но, по словамъ Тургенева, даже предсказалъ грядущій поворотъ въ русской словесности. Гораздо раньше Бѣлинскаго поворотъ былъ предопредѣленъ Пушкинымъ, быстро шедшимъ по пути къ народнической литературѣ. „Смиренная проза“, „Фламандской школы пестрый соръ“—стали привлекать его геній въ послѣдніе годы,—а за тѣмъ:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ...
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь хозяйка,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Деревня, ея бытъ, ея лица вмѣстились въ эти немногія строки. Григоровичъ началъ выполнять предчувствія великаго поэта—съ умѣреннымъ талантомъ, но съ искреннимъ чувствомъ, съ благородной и вполнѣ современной цѣлью изображалъ судьбу крестьянской дѣвушки-сироты, насильно выданной замужъ помѣщикомъ и замученной мужемъ. Тургеневу также естественно было пойти дорогой, указанной Пушкинымъ. Мы видѣли,—онъ сразу началъ продолжать дѣло своего учителя, писать хотя и стихотворныя, но вполнѣ „прозаическія“ поэмы, какъ ихъ понималъ Пушкинъ,—и, замѣчательно, всѣ онѣ были или провинціальными или даже *деревенскими исторіями*, только пока съ помѣщиками, а не съ мужиками. Переходъ былъ не далекъ и не труденъ. Онъ уже былъ сдѣланъ вскорѣ послѣ перваго же деревенскаго романа—*Параша*. Мы упоминали о комедіи *Безденежье:* Здѣсь дворовый человѣкъ Матвѣй не уступаетъ наиболѣе красочнымъ лицамъ въ

Запискахъ Охотника. Слѣдовательно, открытій Тургеневъ не дѣлалъ въ своемъ талантѣ, начиная эти *Записки,*—ни для читателей, ни для самого себя. И Западъ даже не подсказалъ ему новаго дѣла. *Записки,* по объясненію Тургенева, стали возникать случайно, а вовсе не по программѣ, внушенной писателю его купаньемъ въ нѣмецкомъ морѣ.

Съ января 1874 года *Современникъ* отъ Плетнева перешелъ къ другимъ издателямъ. Тургеневъ усердно хлопоталъ въ этомъ дѣлѣ ради Бѣлинскаго, покинувшаго *Отечественныя записки.* Разсчетъ не удался. Хозяиномъ сталъ Некрасовъ. Онъ овладѣлъ и дѣломъ, и сотрудниками и повелъ журналъ съ большимъ умѣньемъ, разрывая и завязывая связи, щадя самолюбія и оскорбляя ихъ въ полной зависимости отъ успѣха изданія. Тургеневъ, уѣзжая заграницу, обѣщалъ дѣятельное сотрудничество, хотя въ тоже время, по его словамъ, „возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу“, разочарованный своими поэмами. Такія намѣренія и позже будутъ находить на Тургенева,—но прекращеніе или продолженіе литературы зависѣло не отъ нихъ,—а отъ „пѣсенъ“, накоплявшихся или изсякавшихъ съ теченіемъ времени въ душѣ писателя. Такъ и теперь. При твердомъ намѣреніи не писать,—онъ неожиданно для себя началъ „очеркъ“—на столько замѣчательный, что очеркъ обязывалъ автора быть писателемъ.

По словамъ Тургенева,—у Панаева, другаго издателя *Современника,* не было „чѣмъ наполнить отдѣлъ *Смѣси* въ 1-мъ нумерѣ“, и Тургеневъ оставилъ ему очеркъ *Хорь и Калинычъ.* Заглавіе *изъ Записокъ Охотника*—придумалъ тотъ же Панаевъ—„съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію“. Успѣхъ очерка побудилъ Тургенева написать другіе и онъ вернулся къ литературѣ. Разсказы быстро слѣдовали одинъ за другимъ: въ томъ же 1847 году напечатано еще семь, въ слѣдующемъ шесть, въ началѣ 1849 года автору показалось,—онъ написалъ *Записокъ* слишкомъ много,—и въ четвертомъ разсказѣ этого года—*Лѣсъ и степь* давалъ читателю обѣщаніе—больше не писать своихъ *Записокъ.* Цензура ихъ не поощряла. Некрасову приходится безпрестанно сообщать объ урѣзкахъ, особенно „изрядно общипаны“ разсказы *Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чертопхановъ и Недопюскинъ,* но за то Некрасовъ не переставалъ радовать Тургенева вѣстями объ его успѣхахъ въ публикѣ. На этотъ разъ во вкусѣ сошлись и западники и славянофилы. Бѣлинскій уже по первому разсказу провидѣлъ въ Тургеневѣ „замѣчательнаго писателя“. Аксаковы привѣтствовали его переходъ къ „русскому крестьянству“ отъ „любви и эгоизма“ просвѣщенныхъ господъ и, несомнѣнно, *Записки Охотника* повели къ дружескому сближенію Тургенева съ знаменитой Московской семьей. Впослѣдствіи Иванъ Аксаковъ опредѣлялъ *Записки* какъ „стройный рядъ нападеній,

цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта". Цензура этого не понимала, пока разсказы печатались въ журналѣ. Бѣлинскій послѣ первыхъ *Записокъ Охотника* находилъ однородность таланта Тургенева съ талантомъ Даля, авторомъ бытовыхъ очерковъ изъ народнаго быта. Въ сороковые годы такіе очерки назывались „физіологическими". Къ нимъ цензуру пріучилъ Даль, веселый казакъ Луганскій, менѣе всего помышлявшій порочить крѣпостное право. Тургеневу всего за годъ до начала *Записокъ* пришлось отозваться въ критической статьѣ чрезвычайно одобрительно объ одномъ изъ бытовыхъ очерковъ Даля—*Русскій мужикъ*. Выставленъ этотъ мужикъ отнюдь не мудрецомъ: только тогда онъ и беретъ въ толкъ свою пользу и понимаетъ свое положеніе, когда его оттаскаютъ за волосы или высѣкутъ. Дѣлается это разумнымъ помѣщикомъ и вполнѣ добродушно,—но „русскій мужикъ" при такомъ баринѣ кажется еще неразумнѣе. Гдѣ же такому человѣку жить на волѣ, когда онъ не понимаетъ дѣла даже по чужой указкѣ? Написанъ разсказъ очень живо, съ мужицкой рѣчью и ухваткой,—Тургеневъ находилъ,—его можно прочитать „нѣсколько разъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ".

Очевидно, у такого писателя никакой преднамѣренности не будетъ. Ничего проповѣдовать онъ не станетъ. Даже больше. Въ первомъ же разсказѣ *Хорь и Калинычъ* рѣчь заходитъ объ отпускѣ на свободу очень умнаго и дѣльнаго мужика—Хоря,—Хорь отвѣчаетъ: „попалъ Хорь въ вольные люди,—кто безъ бороды живетъ—тотъ Хорю и на́большій". Будто Хорь наслушался разсужденій Константина Аксакова о томъ, что крестьяне врядъ ли выиграютъ отъ отмѣны крѣпостнаго права,—теперь для нихъ помѣщичья власть „какъ бы стеклянный колпакъ, избавляющій ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ наружнаго административнаго благоустройства",—а съ упраздненіемъ этого колпака исчезнетъ вся самобытность жизни русскаго народа. Что Тургеневъ не смотрѣлъ на *Записки охотника* какъ на нарочито-задуманное оружіе противъ крѣпостнаго права, показываетъ ихъ исторія: онѣ не закончились съ концомъ народнаго рабства,— Тургеневу, повидимому, безпрестанно приходила мысль ихъ продолжать, будто его томило желаніе вернуться къ работѣ, когда то принесшей ему единодушную свѣтлую славу писателя-борца и освободителя. Въ концѣ 1872 года онъ написалъ *Конецъ Чертопханова*, какъ новую прибавку къ *Запискамъ*. Анненковъ принялся его умолять, „заклинать именемъ Господа Бога"—не сочинять этихъ прибавокъ: „памятникъ захватившій цѣлую эпоху и выразившій чужой народъ въ извѣстную минуту" долженъ стоять неприкосновеннымъ. Тургеневъ согласился,— но два года спустя явилось новое добавленіе *Живыя мощи*, а немного позже—еще одно и послѣднее *Стучитъ*...

Очевидно, подъ *Записками Охотника* Тургеневъ хотѣлъ понимать вообще бытовыя картины и лица изъ помѣщичьей и крестьянской жизни—даже безъ всякаго отношенія къ крѣпостному праву. И знаменитый разсказъ объ Аннибаловской клятвѣ въ значительной степени долженъ былъ сложиться послѣ событія, когда уже пало крѣпостное право и значеніе *Записокъ Охотника* въ этомъ паденіи было признано всѣми и, по словамъ Тургенева, даже Императоромъ Александромъ II. Если бы Аннибаловская клятва—„бороться до конца" противъ крѣпостного права была произнесена съ полной опредѣленностью заранѣе,—мы не присутствовали бы при столь случайномъ появленіи *Записокъ* въ печати. Можетъ быть,—мы не видѣли бы и другого явленія. Тургеневу отъ самыхъ искреннихъ хвалителей его новыхъ разсказовъ пришлось услышать укоризны въ разныхъ частностяхъ, несвойственныхъ значительному литературному произведенію. Бѣлинскій былъ недоволенъ „звукоподражательной поэзіей" въ родѣ „Рракаліоонъ"! „Че-о-экъ"! и орловскимъ говоромъ, пестрившимъ даже рѣчь самого автора. Иванъ Аксаковъ находилъ немало неумѣстныхъ „шуточекъ и остротъ" на счетъ старыхъ дѣвъ, кислыхъ фортепьянъ, рыхлыхъ купчихъ, дряблыхъ грудей и пр. и пр. Огорчало его и появленіе Любозвонова въ разсказѣ однодворца Овсянникова: для Аксаковыхъ читать насмѣшки надъ однимъ изъ членовъ своей семьи было тяжело и больно. И Любозвоновъ, дѣйствительно, слишкомъ намѣренно, слишкомъ *лично*—втѣснялся въ спокойную бытовую картину.

Безъ ясно обдуманной цѣли, почти безъ вѣдома писателя его произведеніе встало предъ обществомъ и властью какъ благородный вызовъ, какъ спокойное но неотразимое обличеніе на однихъ, какъ ясное и радостное ободреніе для другихъ. Когда разсказы были собраны вмѣстѣ, въ одну книгу,—разсѣянныя искры любви и негодованія заблистали будто боевое знамя и спохватившаяся власть поспѣшила съ большимъ опозданіемъ дать почувствовать автору, что и она взвѣсила вѣсъ его книги.

Разсказы—личныя вспоминанія автора, большинство лицъ—его знакомые, охотничьи случаи, описанные въ *Запискахъ*, были извѣстны не одному Тургеневу, знали о нихъ его друзья, принимавшіе участіе въ его охотахъ. Случаи разсказываются и люди описываются чрезвычайно просто, по будничному, понятно для всякаго возраста и умственнаго развитія, и смыслъ получается ясный: крѣпостные мужики не только люди, но имъ доступны такія же сложныя душевныя переживанія, такая же нравственная многосторонность, какъ и всѣмъ просвѣщеннымъ и воспитаннымъ.

Не меньше трехъ вѣковъ стояли крѣпостные порядки и не меньше полутораста лѣтъ вызывали осужденіе. Еще въ началѣ XVIII вѣка

Царь, писатель и крестьянинъ одновременно почувствовали нравственную тяготу передъ явленіями помѣщичьяго быта. Царя Петра смутила торговля людьми, писателя—Кантемира—оскорбляло барское безсердечіе, а крестьянинъ—Посошковъ—пошелъ дальше всѣхъ, усомнился въ правдѣ помѣщичьихъ правъ и объявилъ: прямой владѣтель крестьянину не помѣщикъ, а Всероссійскій Самодержецъ, и не на вѣкъ крестьянинъ достался помѣщику.

Съ тѣхъ поръ не замолкали въ русской художественной литературѣ соболѣзнованіе, негодованіе, насмѣшка и въ глубинѣ этихъ чувствъ не переставала звучать громкая истина, провозглашенная во французской столицѣ—родинѣ русскаго литературнаго ума: всѣ люди отъ природы равны и свободны.

Выражалъ эту истину наставительно и замысловато петровскій сатирикъ: „плоть въ слугѣ твоей одноличнa“, переводилъ на шершавый и рѣзкій стихъ екатерининскій драматургъ:

Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ и тотъ земли одушевленный комъ...

Предлагала ее вниманію избранной публики вкрадчивая, усиленно-изящная проза Карамзина: „Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе“.

А чувствительный читатель *Вертера* и взволнованный ученикъ Руссо-Радищевъ съ великимъ гражданскимъ мужествомъ громкимъ и вызывающимъ голосомъ разсказалъ о своемъ „терзаніи души“, о слезахъ подъ участью *рабовъ* во власти *тигровъ* и возславилъ *природное всѣхъ равенство* и *право естественное.*

А дальше все изящнѣе рѣчи и ярче картины. Вотъ боевой вызовъ Грибоѣдова: „умный добрый нашъ народъ“, и рядомъ навѣки отчеканенные образцы помѣщичьяго неразумія и бездушія.

Вотъ овладѣвающіе памятью и сердцемъ стихи Пушкина о деревнѣ, юношескія рѣчи Лермонтова, простодушныя не законченныя, но рокочущія отголосками близкой бури и ростущей страсти... И, наконецъ, цѣлыя исторіи крестьянской жизни и мужицкой души: у Григоровича—сколько горя и зла!.. Загубленная дѣвичья доля, разоренная и разметанная крѣпостная семья, вымотанный подневольной работой и выброшенный на лютую одинокую смерть помѣщичій слуга. Очевидно, давно образованные читатели могли прочитать—на грубоватомъ и изысканномъ но нерѣдко искреннемъ языкѣ о простой и доброй душѣ русскаго человѣка, о его природномъ умѣ, объ его терпимости, человѣчности, но никто не умѣлъ ввести читателей въ крестьянскую душу, поставить невѣрующихъ предъ мужицкимъ безмолвнымъ и затаеннымъ *я* и показать съ неопровержимой ясностью красоту и глубину человѣческой богато—одаренной породы.

Тургеневъ достигъ цѣли безъ направленскаго задора, безъ чувствительныхъ изліяній, безъ лукаваго подбора явленій и лицъ. Читая книгу, невольно чувствуешь: иначе и быть не можетъ, иной правды народная русская жизнь не могла создать. Предъ нами больше чѣмъ подлинная исторія: предъ нами естественное, неизбѣжное развитіе бытовыхъ порядковъ и нравственныхъ законовъ.

А между тѣмъ, сколько новаго узнавали читатели изъ этихъ, столь, повидимому, обыкновенныхъ повѣствованій! И чего никакъ не могли ожидать.

Въ первомъ же разсказѣ самъ писатель пораженъ „нѣжностями“ мужика: Калинычъ нарвалъ для своего друга Хоря пучокъ полевой земляники. Неожиданнымъ оказался и другъ Калиныча. Авторъ, самъ удивленный и нерѣдко въ глубинѣ души разстроганный, велъ читателей по новому міру, на каждомъ шагу открывая самоцвѣтные камни и своеобразныя дива.

Хорь и Калинычъ стали во главѣ открытій, какъ представители двухъ породъ въ мужицкомъ царствѣ. Одинъ—будто живое воплощеніе родной природы—несильный, неяркій, нешумный,—простодушный, кроткій и ясный, безпомощный въ житейскихъ дѣлахъ,—но природа—мать одарила его долей своихъ тайнъ и чудесъ, допустила его къ своимъ живымъ родникамъ, какъ поэта, какъ—на народный взглядъ—знахаря,—и живетъ онъ свой вѣкъ—задумчивый, тихо—восторженный, ко всему живому—безгранично-благожелательный. Это одна порода, особенно близкая сердцу автора.

Другая чужда мечтательной поэзіи и ясной непосредственности души,—но для просвѣщеннаго общества такая же неожиданность среди деревенской дикости и глупости: самоувѣренная житейская мудрость, воспитанная многолѣтними тяжелыми опытами, мудрость—холодная, недовѣрчивая, подъ часъ насмѣшливая, но спокойная и добродушная,—автору она напоминаетъ Сократа.

Эти двѣ породы занимаютъ первое мѣсто въ *Запискахъ*,—для каждой нѣсколько лицъ: одна—Калинычъ, Касьянъ, отчасти Ермолай; другая—Хорь, Моргачъ, Овсянниковъ. И всѣ они, при всемъ несродствѣ,—русскіе—въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ощущеніи: самобытные поэты и мудрецы они могли возникнуть только на русской почвѣ и притомъ—крѣпостнической.

Крѣпостная зависимость отдѣляла крестьянъ почти непроходимой пропастью отъ остальныхъ людей. Мужику приходилось собственными силами и въ своей собственной средѣ искать удовлетворенія насущнымъ запросамъ человѣческой души. Кругомъ люди или равнодушные или враждебные ему, рядомъ—такіе же „униженные и оскорблен-

ные“, какъ и онъ самъ. Всякій, кто сколько-нибудь по способностямъ и природнымъ наклонностямъ выдавался надъ темнымъ и такъ часто презираемымъ міромъ, долженъ чувствовать глубокое, мучительное одиночество. Не съ кѣмъ отвести чуткое волнующееся сердце, дарованное такъ некстати въ неволѣ и загонѣ.

Отсюда—мечтательная грусть, сиротливая любовь и чуткое участіе къ безсловесной природѣ, почти болѣзненное сочувствіе всему слабому и беззащитному. Крѣпостной мужикъ, по горькой участи родившійся впечатлительнымъ и мягко-сердымъ, неминуемо становился юродивцемъ—вродѣ Калиныча и Касьяна. Они живутъ „въ міру“, но будто пустынники и отшельники. Они неприспособлены къ будничной подневольной дѣятельности—единственной, какая доступна крестьянину. Это и есть ихъ неразуміе: такъ судятъ о нихъ другіе, такъ думаютъ и они сами.

Но такъ ли дѣйствительно они неразумны?

Калинычъ—„идеалистъ“, романтикъ,—все что, повидимому, ненужно и дико въ деревнѣ, и Хорь добродушно честитъ своего пріятеля „шалопаемъ“. Но, оказывается, въ „шалопаѣ“ гораздо больше нуждаются другіе, чѣмъ онъ въ нихъ. Безъ него баринъ его „шагу ступить не могъ“,—это на охотѣ, на барской прихоти. Но и Хорь—разумный и сильный—также не обходится безъ услугъ Калиныча: никто лучше его не могъ остановить кровь, вылѣчить отъ испуга, пристроить вновь купленную скотину къ новому мѣсту. Неразуміемъ и шалопайствомъ такъ часто люди называютъ чего не понимаютъ, но чѣмъ при случаѣ пользуются такъ же охотно, какъ своимъ умомъ и дѣловитостью. И въ участи простодушнаго Калиныча безропотно устраивающаго барина и безкорыстно благодѣтельствующаго мужику—слышится намъ отголосокъ вѣчной общечеловѣческой драмы—непризнаніе людьми тѣхъ избранныхъ, кто вноситъ въ ихъ среду свѣтъ и отраду и своимъ самоотреченіемъ и подвижническимъ человѣколюбіемъ, часто среди смѣха и презрѣнія толпы, свидѣтельствуетъ о безсмертныхъ задаткахъ человѣческой природы. И зауряднымъ *чернымъ* людямъ стыдно и неловко сознаться въ этомъ: они такіе умные и удачливые,—а Калинычамъ и Касьянамъ обыкновенно „задачи въ жизни не вышло“. Хорь въ глубинѣ души не считаетъ Калиныча за настоящаго человѣка, хотя пользуется имъ,—Касьянъ еще неосновательнѣе Калиныча, совсѣмъ чудной человѣкъ, „какъ есть юродивецъ“,—и разсудительные считаютъ для себя даже унизительнымъ признать за нимъ какое-либо достоинство, даже когда они сами завѣдомо испытали его на себѣ.

И у Касьяна есть такой же судья и отрицатель—какъ у Калиныча,—положительный, обдумчивый Ерофей. Онъ также не можетъ

допустить мысли, будто Касьянъ человѣкъ стоющій, годный на что-нибудь,—а между тѣмъ... У Ерофея спрашиваютъ, лѣчитъ ли Касьянъ, —и Ерофей строго отвѣчаетъ:

— Какое лѣчитъ?.. Ну, гдѣ ему!.. Таковскій онъ человѣкъ! *Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ...*

Но сколькихъ бы Ерофеевъ ни вылѣчилъ Касьянъ,—ему такъ и остаться до конца жизни „глупымъ человѣкомъ". Людская толпа—одно изъ самыхъ рабскихъ явленій въ природѣ—требуетъ для своего почета иныхъ качествъ—не душевной чистоты и безкорыстія. Въ романѣ *Война и миръ* есть удивительное лицо, единственное по способностямъ и заслугамъ—мужикъ Тихонъ Щербатый,—„самый полезный и храбрый человѣкъ въ партіи",—говорится о немъ,—но „вслѣдствіе этого онъ былъ шутъ всѣхъ казаковъ, гусаровъ",—прибавляетъ авторъ. Тихонъ нисколько не тяготится своимъ положеніемъ,—не обижается и Касьянъ: оба согласны—одинъ быть шутомъ, другой „глупымъ". Изъ поколѣнія въ поколѣніе они видѣли, съ какой готовностью признается „удачливость" вплоть до ненаказанной или ненаказуемой преступности и внушительность положенія при ничтожествѣ лица,—и, будто бесознательная благодѣтельная сила природы, они предлагаютъ міру свои сокровища, даже не помышляя о чести и признательности. И врядъ ли можно ярче освѣтить страшную истину: какъ тяжко и жутко человѣческому генію тамъ, гдѣ нѣтъ человѣка! Касьянъ не чувствуетъ ужаса,—но въ иной средѣ,—иной по степени, но такой же по духу у другихъ „сыновъ природы" будетъ всю жизнь метаться израненное сердце, пока, наконецъ, не перестанетъ биться подъ преждевременной, нерѣдко вынужденной но желанной смертью... Да, какъ ни сѣры и незамѣтны Калинычи и Касьяны,—они вызываютъ въ нашей памяти другихъ „чудныхъ, безпокойныхъ, несообразныхъ",—Пушкина, Лермонтова, Гоголя—благороднѣйшую славу и горчайшую укоризну русской земли...

Касьянъ на вопросъ, чѣмъ онъ промышляетъ, объясняетъ:

„Живу, какъ Господь велитъ,—а чтобы то есть промышлять—нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно, съ мальства; работаю, пока мочно,—работникъ-то я плохой.. гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы"...

Но это не тунеядство—спутникъ нравственнаго и умственнаго отупѣнія. Душа Касьяна живетъ глубокой и сложной жизнью. У него свое міросозерцаніе,—жизненное, для него осмысленное и оно управляетъ его отношеніями къ людямъ и природѣ.

Самъ онъ „существо не отъ міра сего", на этотъ разъ не въ высоко-развитой средѣ, а въ деревенскомъ, темномъ углу. И его ду-

ховное содержаніе неизмѣримо благороднѣе, чѣмъ будто бы поэтическая, безпредметная мечтательность—исключительныхъ, ангелоподобныхъ или загадочныхъ натуръ, порожденій мятущейся праздности, суетливой погони за похотливымъ и привередливымъ личнымъ счастьемъ.

Касьянъ „неразуменъ“, но въ деревенскомъ заброшенномъ быту онъ—красота и нерѣдко прибѣжище—живетъ одною жизнью съ природой,—не въ минуты особаго вдохновенія и восторженныхъ созерцаній, а потому, что иной жизни у него нѣтъ. Онъ знаетъ голосъ каждой птицы, умѣетъ перекликнуться съ ней, подхватить ея пѣсню. Каждая травка и цвѣтокъ вызываютъ у него тѣ самыя чувства, съ какими другіе люди вспоминаютъ о старыхъ друзьяхъ. И его друзья оказываютъ ему великія услуги, какихъ никогда никому не дождаться отъ людей. Даже ключевая вода настраиваетъ его на благовѣйныя мысли, а степи охватываютъ его душу трепетнымъ восторгомъ.

Касьяна болѣзнено поражаетъ всякое страданіе у людей, даже у птицъ, а дѣвочка Аннушка, его питомица, заставляетъ его голосъ звучать неизъяснимой страстной нѣжностью. Какой это трогательный родникъ міровой и человѣческой любви, бьющій ключемъ на истоптанной жесткой почвѣ!.. Кто могъ подозрѣвать такія тайны подъ рванымъ мужицкимъ армякомъ? Кто бы на некрасивомъ, смѣшномъ лицѣ убогаго карлика разглядѣлъ отраженіе благородной поэтической души?

И кто бы догадался, что этотъ жалкій человѣкъ, прозванный блохой, въ своей судьбѣ несетъ общую судьбу непризнанныхъ и неоцѣненныхъ?

Писателю, очевидно, доставляло особое удовольствіе открывать свѣтлыя черты народной души. Для него нѣтъ настолько ничтожныхъ, подавленныхъ тяготой внѣшней жизни, чтобы внутренняя ихъ жизнь не стоила нашего просвѣщеннаго вниманія. Даже Степушка, совершенно, повидимому, жалкое, безличное созданіе, все поглощенное заботой о кормѣ, ни для кого не замѣтное и рѣшительно никому ненужное,—даже эта инфузорія житейскаго моря оказывается чуткой и отзывчивой на чужое горе. И какъ тонко, до умилительности просто авторъ даетъ это понять!

Мужикъ разсказалъ о своемъ горѣ, разсказалъ, какъ только можетъ разсказывать мужикъ—безъ фразъ, безъ вздоховъ и жалобъ. И словъ въ его рѣчи несравненно меньше, чѣмъ содержанія, и ни малѣйшаго разсчета на сочувствіе слушателя.

Степа слушалъ молча, можетъ быть, онъ молчалъ цѣлые дни: врядъ ли кому хотѣлось поговорить съ нимъ.

И вдругъ на краткую и скудную и, повидимому, равнодушную рѣчь мужика, у Степы невольно, безъ его вѣдома, срывается нѣсколько словъ:

—Да ты бы... того...

И только. Степа смѣшался, замолчалъ, онъ не знаетъ куда глаза дѣвать—отъ смущенія. Такъ для него необыкновенна даже такая рѣчь.

Но для васъ ея достаточно. Вы почувствовали человѣческую душу, робкую, но живую, человѣколюбивую и жалостливую, какая, по представленію автора, искони живетъ въ русскомъ народѣ.

А вотъ другая порода мужика, мужикъ—мыслитель, Сократъ, и неутомимый устроитель своего мужицкаго благосостоянія

Хорь—богатъ, почти независимъ, хотя крѣпостной, и всѣмъ обязанъ только себѣ. Онъ также, какъ и мужики-мечтатели и поэты, выдѣлился изъ общаго мужицкаго круга, поселился въ сторонѣ отъ деревни, зажилъ одинъ съ семьей на болотѣ и быстро показалъ, чего можетъ достигнуть крѣпкій и въ конецъ неподавленный лично мужикъ. Хорь, сумѣвшій разбогатѣть, насквозь понимающій и своего барина, и вообще жизнь всякихъ господъ и ихъ подданныхъ, чрезвычайно остороженъ въ мысляхъ и дѣлахъ, а съ посторонними осмотрителенъ, будто на войнѣ. Это великая нравственная сила, по существу недовѣрчивая, тяжелая на подъемъ, осмотрительная, даже боязливая. Поколѣніями подневольнаго существованія укоренилось въ мужикѣ глубокое сознаніе, чего иной разъ стоитъ одинъ опрометчивый шагъ, одно лишнее слово,—воспиталось чувство личной отвѣтственности, непостижимое для барина.

Нуженъ длинный рядъ опытовъ, чтобы Хорь призналъ пользу такого, повидимому, безусловно-полезнаго пріобрѣтенія, какъ грамота. Но разъ онъ убѣдился въ пользѣ,—его не остановятъ препятствія, и именно Хорь подсказываетъ автору смѣлую мысль: „Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ“. Какая новость,—по наблюденіямъ надъ крѣпостнымъ оброчнымъ мужикомъ составлять понятіе о великомъ преобразователѣ!

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, природа мужика до такой степени содержательна и поучительна, что можетъ навести на важныя философскія и политическія соображенія?

Господину Полутыкину, барину Хоря, этого и во снѣ не грезится. Онъ просто видитъ въ своемъ данникѣ ловкаго, оборотливаго дѣльца, по просту кулака. До мыслей Хоря барину нѣтъ никакого дѣла, онъ и не подозрѣваетъ, насколько смиренный подданный умственно стоитъ выше его и какъ ясно видитъ всю мелкоту его души. Является писатель, и въ болотномъ отшельникѣ открываетъ подлиннаго

русскаго мудреца, со многими наслѣдственными странностями въ родѣ глубокаго презрѣнія къ бабамъ, но съ воззрѣніями твердыми, лично осмысленными и жизнью оправданными.

Какія бы высокія качества, свойственныя человѣку, вы ни припомнили, вы ихъ непремѣнно найдете у мужиковъ,—и всегда рядомъ съ однимъ особенно рѣдкимъ достоинствомъ: мужикъ смѣлъ безъ похвальбы, благороденъ безъ картинности, уменъ безъ щегольства, остроуменъ не на показъ.

Вотъ Ермолай, внезапно затонувъ въ пруду, въ ту же минуту опредѣляетъ, что̀ надо дѣлать, не умѣя плавать, отправляется искать бродъ, долго ищетъ и возвращается къ спутникамъ, такъ основательно изучивъ дно пруда въ теченіе какого-нибудь часа, будто это была открытая дорога.

И все это молча, безъ тѣни самодовольства, будто иначе и быть не можетъ. И авторъ также ничего не подчеркиваетъ: достаточно положенія, оно само по себѣ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

То же съ мальчикомъ Павлушей..

На ночномъ встревожились собаки. Павлушѣ вспала мысль,—это волки, и онъ, ни минуты не раздумывая, „безъ хворостинки въ рукѣ", скачетъ одинъ и совершенно равнодушно сообщаетъ потомъ своимъ пріятелямъ: „Ничего... Я думалъ волкъ". А товарищи Павлуши... Этотъ отнынѣ знаменитый Бѣжинъ лугъ—подлинный лугъ Мценскаго уѣзда имѣнія Спасскаго,—такая тѣсная сцена: кружокъ изъ пяти мальчиковъ у костра, такіе маленькіе люди—старшему лѣтъ четырнадцать,—младшему всего семь, такое короткое время—лѣтняя ночь, такая незамысловатая дѣтская бесѣда—и предъ нами символъ крѣпостнаго крестьянскаго міра—съ его суевѣріями, страданіями, событіями, съ его надеждами и мечтами.—И безконечно далеко отъ этого міра господское просвѣщеніе, господская помощь въ темнотѣ и бѣдѣ, развѣ только ворвется господская жизнь въ деревенскую юдоль насиліемъ и какимъ нибудь нравственнымъ уродствомъ и оставитъ по себѣ память на нѣсколько поколѣній въ преданіи о страшномъ старикѣ—баринѣ, кого земля давитъ за темныя дѣла. Но вотъ, наконецъ, баринъ „рѣшился подойти къ огонькамъ", поговорить и послушать этихъ чужихъ людей—не по барски.

Можетъ быть,—на первыхъ порахъ писатель, въ противовѣсъ барину, взглянулъ на мужика слишкомъ любовно и мечтательно? Мы могли ожидать такого взгляда отъ Тургенева. Недаромъ онъ еще студентомъ за свои демократическія увлеченія прослылъ *американцемъ*, а позже, въ то самое время когда писались *Записки Охотника* онъ объявлялъ Полинѣ Віардо: „Для человѣка съ сердцемъ есть только

одно отечество—демократія“. А потомъ, крестьяне были стороной, требующей защиты отъ помѣщиковъ и заступничества предъ правительствомъ. Это положеніе несомнѣнно отразилось на краскахъ Тургеневской картины. Крестьяне до 19 февраля были его первой идейной любовью. Одинъ разсказъ написанъ явно подъ вліяніемъ этого чувства. „Я въ немного прикрашенномъ видѣ изобразилъ состязаніе двухъ народныхъ пѣвцовъ, писалъ Тургеневъ Віардо,—на которомъ я присутствовалъ два мѣсяца назадъ“. Пѣвцы напомнили ему Гомера, онъ видѣлъ ихъ, видѣлъ и остальныхъ лицъ, изображенныхъ въ разсказѣ. Ивану Аксакову показалось лишней послѣдняя сцена пьянства въ кабакѣ. Аксаковъ не понялъ, какую полноту народной жизни автору пришлось наблюдать и удалось изобразить. Главное лицо—Яковъ чудный пѣвецъ, слѣдовательно—вдохновенный поэтъ,—но только въ тѣ минуты, когда другаго великаго русскаго поэта Аполлонъ требовалъ къ священной жертвѣ,—а въ иныя—и такія почти вся жизнь русскаго народнаго пѣвца—поэта—онъ ничтоженъ, слабъ и невзраченъ. И отъ этого его минуты вдохновенія всегда печальны, нерѣдко полны отчаянія, того безнадежнаго чувства, какое живетъ въ человѣкѣ съ незадавшейся жизнью и съ немощной волей. Геніальность и безсиліе, мгновенныя вспышки божественной красоты, непобѣдимаго очарованія—и вслѣдъ за ними безвольная покорность опошляющимъ буднямъ. Отъ этого такъ много тоски, такъ много беззавѣтной будто предгибельной удали въ русской пѣснѣ. Отъ этого Яковъ, пѣвшій раньше у Тургенева пѣсню „При долинушкѣ стояла, калину ломала“,—поётъ въ исправленномъ разсказѣ: „Не одна во полѣ дороженька“ и слышится въ пѣснѣ: „неподдѣльная, глубокая страсть и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательная безпечная, грустная скорбь“, и даже „сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой“. Слезы и горечь—о чемъ и отчего?—Конецъ разсказа даетъ отвѣтъ—такой обыкновенный и естественный: „невеселая хотя пестрая и живая картина“ кабацкаго разгула, гдѣ единственно трезвый и осмыленно-дѣятельный цѣловальникъ. Загадочный Дикій-Баринъ—человѣкъ съ волей и чувствомъ достоинства—бѣжалъ отъ этихъ жалкихъ дѣтей униженій и праха,—бѣжалъ какъ искони бѣжали отъ этого народнаго міра лучшіе и сильнѣйшіе, бѣжали или на безконечные поиски „небеснаго града“ въ лѣса и пустыни или не столь идеальные и тоскующіе—строили свое *личное* независимое дѣло *скраю* этого міра.

Мы знаемъ этихъ строителей—Хорь, цѣловальникъ Николай Иванычъ, рядчикъ Моргачъ—о всѣхъ можно сказать одно: „тертые калачи, которые знаютъ людей и умѣютъ ими пользоваться“. Впослѣд-

ствіи въ спорѣ съ Герценомъ, искавшимъ задатковъ соціализма въ русскомъ крестьянскомъ мірѣ, Тургеневъ указывалъ на совсѣмъ другіе зародыши въ русскомъ народѣ—„буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, въ темной и грязной избѣ, и вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніе ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности“. Теперь краски гораздо мягче, хотя сущность пріобрѣтательскихъ дарованій не скрыта ни у одного изъ этихъ предтечей буржуазіи. Бережное отношеніе ко всему крестьянскому коснулось и ихъ. У Шекспира говорится: „О женщины! все свѣтлое позоритъ въ васъ мужчина“. Тургеневъ временъ *Записокъ Охотника* могъ бы сказать: „О мужики! все свѣтлое помѣщики въ васъ губятъ“. И дѣйствительно: если крестьянинъ вызываетъ отталкивающее чувство или онъ —существо въ конецъ обезличенное, *обезчеловѣченное*,—ищите непремѣнно господское вліяніе, господскую власть.

Двѣ отвратительнѣйшихъ породы нравственнаго уродства созданы въ народѣ крѣпостнымъ правомъ—бурмистръ и лакей. Тургеневъ на своей картинѣ отводитъ имъ должное мѣсто. „Государственный человѣкъ“ въ имѣніи Пѣночкина—Софронъ и камердинеръ богатаго барина—Викторъ—такія же почвенныя произведенія крѣпостной культуры, какъ Хорь и Калинычъ. Двѣ главныхъ язвы помѣщичьяго, барскаго положенія—право на тунеядство и разсчетъ на безотвѣтственность—заражали всѣхъ, кто близко соприкасался съ господской жизнью. Человѣкъ, не обязанный никакимъ трудомъ и владѣющій почти неограниченно чужимъ и даже чужой личностью, естественно становился источникомъ нравственнаго разложенія кругомъ себя. Рядомъ съ нимъ и по его образцу выростали еще болѣе уродливые тунеядцы и насильники, чѣмъ онъ самъ,—потому что имъ свои злыя дѣла приходилось основывать не на своемъ личномъ хотя бы безсмысленномъ и незаконномъ правѣ, а на существованіи другаго еще болѣе сильнаго беззаконника и своевольца. Поэтому бурмистръ былъ страшнѣе барина, лакей подлѣе господина, а власть, попадавшая въ грубыя мужицкія руки, власть вчерашняго раба надъ своимъ же братомъ—мужикомъ, не встрѣчала никакихъ стѣсненій въ чувствѣ неловкости, брезгливости, иногда страха предъ общественнымъ мнѣніемъ,—что могло въ извѣстной степени оказаться у барина. И черная грязная работа крѣпостническаго насилія выполнялась невозбранно черными жилистыми руками самихъ крѣпостныхъ, оставляя барскія руки чистыми и нѣжными. Пѣночкинъ черезъ бурмистра могъ совершать всевозможныя низости, не измѣняя своимъ тонкимъ вкусамъ и спокойствію духа.

Лакей Викторъ у Пѣночкина могъ заимствовать свободный обычай срывать полевые цвѣтки и въ хамскую душу воспринять

барское пренебреженіе къ послѣдствіямъ своихъ сельскихъ развлеченій. Такъ баре воспитывали своихъ подданныхъ и, можетъ быть,—никакое другое зло не налагало такой несмываемой печати проклятія на весь крѣпостной бытъ, какъ это растлѣніе народной души ея повелителями. Растлѣвая чужую душу,—воспитатели готовили себѣ нравственную смерть. Народъ привыкалъ всякое злое, низкое или безумное дѣло считать дѣломъ господскимъ по преимуществу и переставалъ удивляться очевидной безсмыслицѣ или преступленію: „извѣстно-господская власть", „сталобыть, ничего, можно—коли баринъ приказалъ". Такъ объясняетъ Сучокъ свою нелѣпую судьбу,—онъ, побывавшій на своемъ вѣку кучеромъ, поваромъ, кофишенкомъ, актеромъ и даже изъ Кузьмы—Антономъ—все по барской волѣ. Но Сучокъ—воплощенное смиреніе и простота,—не всѣ крестьяне на его стать,—народъ не хуже Хоря насквозь видѣлъ своихъ господъ и у него составилось опредѣленное убѣжденіе: тунеядецъ, ничего не хочетъ дѣлать, значитъ—„какъ баринъ",—полная неспособность уразумѣть существенныя стороны жизни и особенно крестьянской,—тоже признакъ барина: „извѣстно,—баринъ: развѣ онъ что̀ понимаетъ?" Такъ создалось и укоренилось роковое отчужденіе народа и „образованныхъ господъ"—до сихъ поръ неисчерпанное бѣдствіе русской жизни.

Картина Тургенева была бы неполна и даже непонятна, если бы эти господа не занимали надлежащаго мѣста. Ихъ выводитъ писатель одного за другимъ на лобное мѣсто безъ страсти и гнѣва,—здѣсь они и непужны: лица и поступки говорятъ за себя. Чѣмъ только держится дворянская Россія!—невольно воскликнетъ читатель, побывавъ въ обществѣ господъ Полутыкиныхъ, Звѣрковыхъ, Пѣночкиныхъ, Хвалынскихъ, Стегуновыхъ... Есть между ними и краснорѣчивые, и костноязычные, и „люди простые", и просвѣщенные, и въ чинахъ, и безъ чиновъ,—но у всѣхъ вѣра нравственная и общественная сводится къ одной истинѣ, не требующей доказательствъ: „коли баринъ—такъ баринъ, а коли мужикъ—такъ мужикъ". Это значитъ—мужикъ всегда и только—для барина: Полутыкинъ ради своей охотничьей страсти можетъ разорять мужицкое хозяйство, Звѣрковъ для удобства супруги осуждать горничныхъ на безбрачіе, Пѣночкинъ управлять подданными посредствомъ конюшни и бурмистра „мошенника безпардоннаго". Такой образъ правленія не требуетъ ни умѣнья, ни знаній,—и генералъ Хвалынскій можетъ до конца своихъ дней не знать, что̀ такое овинъ и почему вмѣсто ржи нельзя засѣвать поля макомъ. Удивительнѣе всего,—поминутное заушеніе человѣка нисколько не мѣшаетъ людямъ слыть „прекрасными" и „предобрѣйшими". Такими ихъ считаютъ даже сами заушаемые: очевидно, въ крѣпостной школѣ

добродѣтели добывается и воспитываются не иначе, какъ побоями. Нетрудно представить, во что превратятся эти добродѣтели на свободѣ и какія могутъ образоваться отношенія между воспитателями и ихъ „воспитанниками"! Но крѣпостное право воспитывало рабскія добродѣтели не только у рабовъ: кто считаетъ естественными униженія для другаго, тотъ невольно и даже добровольно при случаѣ и самъ окажется униженнымъ. Это круговая порука упраздненія личности. Генералъ Хвалынскій такой же рабъ передъ высшими, какъ его крѣпостные передъ нимъ самимъ и приметъ онъ отъ сильнѣйшаго личное оскорбленіе съ такимъ же чуствомъ покорности, съ какимъ буфетчикъ Вася съ большими бакенбардами принимаетъ розги своего барина Стегунова. „Вотъ она старая-то Русь!"—восклицаетъ авторъ, пока не предчувствуя, что эта старая Русь будетъ вставать на всёмъ его писательскомъ пути все еще крѣпкой и обѣщающей долгую жизнь.

Два очерка въ *Запискахъ Охотника*—исключительно психологическаго содержанія. Они и по формѣ рѣзко отличаются отъ остальныхъ: они оба—монологи, исповѣди. Два человѣка сами описываютъ себя и во всей книгѣ не рисуется съ такой по истинѣ философской глубиной коренная нравственная и бытовая противоположность двухъ міровъ—крестьянскаго и барскаго. Эти разсказы—*Гамлетъ Щигровскаго уѣзда* и *Живыя мощи*.

Василій Васильевичъ, именующій себя Гамлетомъ,—одинъ изъ великаго множества *лишнихъ* людей. Почему лишнихъ—никто изъ нихъ не понимаетъ. Одинъ всю причину видитъ въ неоригинальности своей личности, другой въ „неудачномъ устройствѣ своей особы", большинство—менѣе искренніе и болѣе самолюбивые—въ неудачномъ устройствѣ среды. На первый взглядъ,—кому бы и быть *нужными* какъ не этимъ лишнимъ? „Гамлетъ", какъ и всѣ они, чрезвычайно способенъ къ просвѣщенію, порядоченъ, понимаетъ людей,—и все таки его не замѣчаютъ даже сѣрые люди сѣраго захолустья. Ни у кого не бываетъ такой минуты, такого настроенія или положенія, чтобы ему понадобился Василій Васильевичъ. Никому не нужна изученная имъ нѣмецкая философія, его отличный французскій языкъ, его знакомство съ Европой. Оказывается,—и ему самому все это ненужно, и только лишнимъ раздраженіемъ бередитъ его обиженную душу. „Складочное мѣсто общихъ мѣстъ!"—Инымъ онъ и стать не могъ: общія мѣста вычитываются изъ книгъ, а необщія—наживаются изъ жизни. Русскій Гамлетъ, несущій въ себѣ кровь тунеядныхъ поколѣній, пошелъ исключительно легчайшимъ путемъ,—слушалъ лекціи, читалъ книги, спорилъ съ такими же Гамлетами, какъ онъ самъ, писалъ статьи, вгонялъ барышень въ задумчивость. Русская жизнь проходила мимо него, какъ

слишкомъ незанимательное и чуждое ему зрѣлище. О ней онъ хотѣлъ знать не больше Пѣночкина,—только тотъ въ философіи не пошелъ дальше житейскаго поклоненія Эпикуру, а этотъ, соотвѣтствуя духу времени, изучалъ даже Гегеля. Впослѣдствіи тотъ же духъ времени другихъ Гамлетовъ подвинетъ на изученіе матеріализма и соціализма, и они, не въ примѣръ своему непредпріимчивому предшественнику, отправятся даже въ народъ—просвѣщать его по вопросу о „соціально—демократической республикѣ". Положеніе не измѣнится: новые „Гамлеты" окажутся такими же лишними, трагически—ненужными. Такъ пройдетъ одно поколѣніе за другимъ русскихъ иностранцевъ въ русской землѣ, начиная съ короткодушнаго уроженца Щигровскаго уѣзда и кончая незаконнорожденнымъ сыномъ петербургскаго сановника. На землѣ нѣтъ ни одного заблужденія, даже ни одного преступленія и порока, для которыхъ бы не нашелся краснорѣчивый истолкователь и защитникъ. Несчастный Василій Васильевичъ отъ гегельянскихъ полетовъ дожилъ до горькаго сознанія своей никчемности, до раскаянія, зачѣмъ онъ въ молодые годы не изучалъ русской жизни, а углублялся въ энциклопедію Гегеля и прогуливался за границей. Но другіе смѣлые и блестящіе Гамлеты заявятъ: изучать не стоитъ и нечего. „Одинокіе въ мірѣ мы ничего не дали міру, ничему не научили его. Ни одна полезная мысль не родилась на безплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды... мы составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ"... Такъ звучитъ надгробное слово Чаадаева надъ бытіемъ русскаго народа. Почитатель Чаадаева Герценъ называлъ его произведеніе „погребальной проповѣдью": она „не давала ничего кромѣ *утѣшеній на томъ свѣтѣ* какого-то далекаго будущаго". Это-не точно. Въ глазахъ Чаадаева для русскаго народа не было даже и „того свѣта": этому народу предназначено только „послужить какимъ то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній". Человѣкъ, хоронившій свой народъ, самъ былъ мертвецомъ: такимъ и казался Чаадаевъ даже своимъ почитателямъ. Тотъ же Герценъ, самъ причислявшій себя, по крайней мѣрѣ, за годы молодости къ поколѣнію лишнихъ людей, объяснилъ сущность ихъ душевнаго недуга: „Мы жили чужой жизнью, мы его (русскій народъ) понимали чужой мыслью, а по большей частью совсѣмъ ничего не понимали дома и не заботились объ этомъ, а усвоили себѣ кое-что чужаго... Впродолженіи полутора вѣковъ мы не имѣли никакого понятія о русскомъ народѣ. Въ то время пока насъ вытягивали въ колосальную имперію, пока намъ прививали цивилизацію и мы съ успѣхомъ учились тому и другому, у насъ не было никакого сознанія о нашемъ народѣ; были люди, знавшіе русскую

исторію, по современнаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ". Отсюда, по выраженію Герцена, явились „безземельные дома",—порода нигдѣ не бывалая. Недаромъ „Гамлетъ" о самомъ себѣ произноситъ ту самую „погребальную проповѣдь", какую Герценъ прочиталъ у Чаадаева. Какая же сила мѣшала русскимъ людямъ узнавать русскій народъ? Кто, повидимому, могъ бы ближе подойти къ народу, да еще крѣпостному, чѣмъ его господа? Вѣдь „хоромы" отдѣлялись отъ „порядка" только дворомъ и садомъ,—и вотъ эти дворъ и садъ для барина оказались гораздо болѣе длиннымъ и труднымъ путемъ, чѣмъ дорога въ Парижъ и въ Италію и человѣческая бесѣда съ мужикомъ несравненно менѣе возможной, чѣмъ съ лакеями и проходимцами всѣхъ европейскихъ націй. Расплата послѣдовала грозная и цѣлыми поколѣніями неоплаченная. Пока народъ молчалъ и вѣрилъ въ истину: „коли баринъ такъ баринъ",—лишніе люди, особенно тѣ, у кого—не въ примѣръ бѣдному Гамлету Щигровскаго уѣзда,—были средства уѣхать въ столицу и даже *dahin*!—могли безнаказанно и къ великому своему удовольствію разыгрывать роль разочарованныхъ, непонятыхъ, неоцѣненныхъ.—Но народъ пересталъ вѣрить и, наконецъ, заговорилъ, —и, оказалось, не было въ исторіи жалче участи, чѣмъ у русскаго *лишняго человѣка*, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся предъ народомъ—барина—просвѣтителя, барина—благодѣтеля или барина—революціонера.

И вотъ посмотрите—рядомъ *Лишній человѣкъ* деревни, самый лишній, какого можно представить,—Лукерья—*живыя мощи*. Она дѣйствительно *живая* и *мощная* и она необыкновенно краснорѣчива, хотя ея едва слышныя крестьянскія слова такъ скудны и просты сравнительно съ великолѣпными рѣчами всегда чрезвычайно рѣчистыхъ *лишнихъ* господъ.

Они изъѣздили всю Европу, побывали на вершинахъ европейской мысли и нажили нестерпимо—кислый осадокъ скуки и раздраженія на весь міръ—на свое отечество за его смиренность и незанимательность, на западъ—за его „мѣщанство" и неспособность наполнить жадную пустоту россійской просвѣщенной души, на каждый день давая все новыя зрѣлища изъ перемѣнъ и переворотовъ. Русскій *Гамлетъ* задолго до смерти проклинаетъ день и часъ своего рожденія, —Лукерья—уже шесть лѣтъ тѣломъ мертвецъ,—и у нея нѣтъ и намека на отчаяніе. Отчего? Отъ ея необразованности и малоумія? Но философія Гегеля и европейская цивилизація не могли научить русскихъ путешественниковъ съ достоинствомъ принимать толчки и неожиданности на своемъ жизненномъ барскомъ пути. Вспомните, что́ дѣлается съ русскимъ интеллигентомъ, когда онъ чувствуетъ себя лишнимъ!

Онъ пьянѣетъ отъ гнѣва на „среду“ и на весь міръ, и часто—пьянѣетъ буквально: это также утѣшеніе лишняго въ годину ненужности. И намъ невольно припоминаются два самыхъ блестящихъ примѣра. Герцену пришлось признать горькую истину: „русской публики для насъ нѣтъ“, „никому въ Россіи дѣла нѣтъ, выходитъ онъ *(Колоколъ)*, не выходитъ“. И какъ же за это печальное событіе должно расплатиться русское общество, вообще Россія! „Я начинаю русскихъ ненавидѣть... Русская публика временно обязанная свинья, отъ а до z... Что за безобразная, дикая, отвратительная сторона наша „шерпатри“! вопитъ Герценъ въ порывѣ ярости. Очевидно, Россія—лишняя, а не самъ лишній человѣкъ. Огаревъ пошелъ другимъ путемъ, „принялся“, по выраженію Герцена, „за быстрѣйшее разрушеніе“ и даже „пріобрѣлъ извѣстность по этой части“. И все это послѣдствія „безземельности“ этихъ людей въ своей родной странѣ, иноземности среди своего народа.

Лукерью, наоборотъ, одарила неисчерпаемыми радостями эта страна и этотъ народъ. И радости-то самыя тихія, какія можно испытывать лёжа неподвижно,—особенно ихъ много лѣтомъ: полевые цвѣты, жужжанье пчелъ, воркованье голубей, семейная жизнь ласточекъ,—а темной зимой—трещанье сверчка и шумъ мыши—все это говоритъ о неумолкаемой жизни и все это улавливаетъ чуткое сердце больной. Это—дары родной природы. Они для Лукерьи потому такъ богаты и радостны, что отъ родного народа она унаслѣдовала душу, полную религіозныхъ созвучій. Какое страданіе можетъ одолѣть такую душу? Тайна страданій непостижима. Кто сможетъ сказать, что его счастье заслуженно, его радости—цѣлесообразны, а страданія безсмысленны? Страданіе—одно изъ безчисленныхъ звѣньевъ безконечной міровой жизни,—и если одно мельчайшее звѣно неосмысленно—нѣтъ смысла и во всей цѣпи, нѣтъ смысла въ безконечности. Это непоколебимое убѣжденіе въ осмысленности вѣчнаго цѣлаго и его временныхъ проявленій и есть религіозное сознаніе. Отсюда идея грѣха. Она—усиліе религіознаго чувства осмыслить испытаніе непостижимое для человѣческаго ума, подыскать разумную причину поражающему явленію. Страданіе есть возстановленіе нарушеннаго порядка, слѣдовательно, осуществленіе божественной строительской воли. Отсюда вѣра въ желательность страданій. „Послалъ онъ мнѣ крестъ-значитъ меня онъ любитъ“,—говоритъ Лукерья. И чѣмъ исключительнѣе страданіе, тѣмъ, слѣдовательно, неуклоннѣе торжество высшей правды, высшей любви. И Лукерья переживаетъ вдохновенные восторги одиночества и страданій. „И чудится мнѣ, будто что меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе—даже удивительное! придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было—не поймешь“! И другому

никому не понять. Это тайна между *Имъ* и тѣмъ, кого онъ избралъ для откровенія своей любви въ жертвѣ и мукахъ.

Какъ суетно, досадно и неосмысленно должно казаться такому человѣку общество людей—здоровыхъ, поглощенныхъ низменными заботами плоти, знающими только одно счастье—ихъ удовлетвореніе, и одно утѣшеніе въ бѣдѣ—надежду ее избыть. Имъ не понять высшаго счастья, сливающаго человѣческую душу съ божествомъ,—не понять воли къ страданію и одиночеству. И никто не убѣдитъ Лукерьи, что нѣтъ смысла въ ея несчастьи, что оно никому и ничему не нужно. А святые?—спроситъ Лукерья. Они страдали несравненно тажелѣе, чѣмъ она,—значитъ и ихъ страданія безсмысленны? Тогда почему же даетъ столько утѣшенія, столько вѣры одна только мысль о подвигахъ святыхъ. А сны!—почему же ей—Лукерьѣ—снится Христосъ, именующій ее своей невѣстой, зовущій ее на радости небеснаго царства? Почему ея родители являлись благодарить ее за искупленіе ихъ грѣховъ ея страданіями? Ей скажутъ: это все ея же думы и грёзы. Но здѣсь и таится ихъ великая всеразрѣшающая сила: страдающее тѣло съ едва мерцающей жизнью одухотворено такой восторженно-вѣрующей и цѣлесообразно-творящей душой. Но жизнь все еще мерцаетъ и тѣло пока не умерло,—и бываютъ минуты—предъ Лукерьей проносятся далекіе на вѣки утраченные отголоски прежней человѣческой жизни, —и хочется ей пѣсню спѣть и простой подаренный ей платокъ напоминаетъ ей былыя радости и мечты молодости... Такъ будто въ переливахъ разноцвѣтныхъ лучей сплетаются въ этомъ умирающемъ существѣ двѣ жизни—едва уловимый румянецъ еле вспыхивающихъ земныхъ ощущеній и свѣтлый тихій восторгъ таинственнаго сліяпія страдающаго человѣка съ вѣнчающей страданія Вѣчной Правдой...

Таковъ *лишній человѣкъ* изъ народа,—лишній, съ такой неизсякаемой жизнью души, безъ единаго проблеска отчаянія и озлобленія,— и людямъ нужный, житейски-полезный до конца. Лукерья не забываетъ похлопотать предъ бариномъ за мужиковъ: съ нихъ оброкъ великъ, а угодій нѣтъ. Ей ничего не надо, а крестьянскій міръ все еще близокъ и роденъ ея сердцу. И оно не устаетъ излучаться любовью и жалостью. Какъ и здѣсь не похожа она на лишняго барина,— никому ненужнаго съ тоской и злобой себялюбца—неудачника!

Такъ въ каждомъ разсказѣ въ *Запискахъ охотника* невольно встаютъ сравненія барскаго и крестьянскаго міра. Авторъ *ниразу* не подчеркнулъ своей задачи вызвать эти сравненія,—онъ предоставилъ самой жизни подсказать ихъ читателямъ. Какой баринъ могъ похвалиться такимъ сильнымъ, жизненнымъ умомъ, какъ у болотнаго жителя Хоря, такимъ спокойнымъ, естественнымъ мужествомъ, какъ у бродяги-

охотника Ермолая, такой прекрасной поэтической душой, какая у смѣшного мечтателя Калиныча? А какая помѣщичья барышня, хотя бы она прочитала всѣ новости французскихъ книжныхъ лавокъ и пересмотрѣла зрѣлища всѣхъ русскихъ театровъ, могла бы соперничать богатствомъ, благородствомъ мыслей и чувствъ съ убогой крестьянской дѣвушкой Лукерьей, для которой весь міръ заключенъ въ стѣнахъ деревенскаго сарая?.. Молодой писатель, самъ баринъ, будущій владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, будто невольно внушалъ читателямъ: если хотите видѣть природу русскаго человѣка во всей силѣ ея дарованій, во всей ея нравственной красотѣ, не ходите въ барскія хоромы, а идите въ поля, на гумны, въ черныя избы, тамъ пока закрытое тучами неволи и всякой бѣдноты скрывается солнце грядущаго ослѣпительнаго дня русской земли... Онъ будто и самъ подчинился этому естественному смыслу пережитыхъ впечатлѣній. Не довольствуясь воспроизведеніемъ помѣщиковъ рядомъ съ крестьянами,—онъ одновременно съ *Записками охотника* написалъ рядъ разсказовъ и комедій изъ барской и вообще образованной жизни. Смыслъ этихъ произведеній—одинъ: показать образованныхъ людей въ *ихъ* средѣ. Въ *Запискахъ* они рисуются всегда въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, тамъ они—помѣщики и господа, здѣсь просто—высшее просвѣщенное сословіе. Тамъ они—хозяйничаютъ, управляютъ, разоряютъ, всячески привередничаютъ,—здѣсь влюбляются, страдаютъ, казнятся за неразуміе и немощь.

VIII.

Мы нашли въ *Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда*—образчикъ *Лишняго человѣка*, хотя въ разсказѣ это названіе ниразу не употреблено.

Немного позже *Гамлета* Тургеневъ напечаталъ *Дневникъ лишняго человѣка.* Здѣсь опредѣленіе *лишній* дано не по званію. Оно вовсе не означаетъ своеобразнаго явленія русской жизни, представляемаго *Гамлетомъ* и его духовными родичами. Чулкатуринъ—просто несчастный, незадачливый человѣкъ, очень похожій на знакомаго намъ Пѣтушкова. Никакого *бытоваго, идейнаго* содержанія здѣсь нѣтъ. Безталанные, отъ природы куцые люди, кончающіе одиночествомъ и чахоткой,—возможны вездѣ и всегда,—и въ разсказѣ врядъ ли можно указать какую-либо исключительно—русскую, національную черту. Въ тоскѣ по семейному гнѣзду, можетъ—быть, звучитъ личная грусть автора, какъ и въ исторіи Пѣтушкова. И вообще предъ нами дневникъ *одинокаго* человѣка, и именно поэтому *лишняго* и весь смыслъ разсказа въ психологическомъ объясненіи неудачной попытки лишняго перестать быть лишнимъ, т. е. одинокимъ. Психологія неудачи вновь

напоминаетъ намъ самого автора. Мы видѣли, по мнѣнію Тургенева, для торжества надъ женскимъ сердцемъ ему не доставало наглости, безумства, ослѣпленія,—этихъ качествъ не достаётъ и Чулкатурину, любовь его избранницы—Лизы—достается „развязному" князю, а „мнительный", „натянутый" человѣкъ остаётся одинокимъ, и униженнымъ. И замѣчательно, онъ съ какимъ то подчеркнутымъ наслажденіемъ, съ неутомимымъ издѣвательствомъ описываетъ свою жалкость, свою роковую безпріютность въ цѣломъ мірѣ, свою оброшенность, когда разцвѣтаетъ весна,—а онъ готовится умереть на глазахъ черствой старухи сидѣлки. Будто, писатель испытывалъ какое-то блаженное удовлетвореніе—изобразить одиночество самыми тяжелыми, сердце сжимающими красками. И чтобы еще сильнѣе оттѣнить тусклую личность и нудно-ненастную судьбу героя,—неподражаемымъ истинно-тургеневскимъ вдохновеніемъ озарена героиня, на глазахъ читателя изъ ребенка выростающая въ женщину: этотъ единственный геніально-задуманный заходъ солнца, вызвавшій восходъ другаго досель спавшаго солнца дѣвичьей страстной жажды любви и женскаго счастья. И на встрѣчу жаждѣ судьба посылаетъ побѣдителя дерзкаго и бездушнаго,—но именно такихъ любовная страсть—сила стихійная и темная—вѣнчаетъ побѣдой. Только тургеневская живопись, всегда безгранично рыцарственная, могла одухотворить благородной поэзіей отнюдь не возвышенную исторію о томъ, какъ уѣздная дѣвица стала жертвой столичнаго слётка. Тургенева видимо занимали и такія прихоти женскаго сердца, столь не похожія на романы въ *Рудинѣ*, въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, въ *Нови*. Почти одновременно съ *Дневникомъ лишняго человѣка* написанъ разсказъ *Три встрѣчи*—съ такимъ же романическимъ положеніемъ: увлеченіе женщины столь же дерзкимъ, самоувѣреннымъ,—безсердечнымъ очарователемъ и ея равнодушіе, почти гнѣвное пренебреженіе—къ скромному честно-влюбленному и покорному обожателю красоты, какъ у Лизы къ „лишнему человѣку". Наконецъ, въ *Первой любви* тотъ же мотивъ будетъ развитъ въ послѣдній разъ. Любовь, какъ явленіе зоологическое, какъ непреодолимое слѣпое влеченіе одной особи къ другой, безъ всякаго участія высшихъ свойствъ человѣческой природы,—такая любовь обычный предметъ романовъ гр. Толстого,—у Тургенева эти разсказы будто проселочныя отвѣтвленія главнаго пути, какимъ идетъ *тургеневская* женщина: въ ея сверкающую духовную красоту мы вѣримъ не столько убѣжденные въ дѣйствительности ея существованія, сколько покоренные искренней благородной силой писательскаго творчества.

Оно совершаетъ истинныя чудеса въ пьесахъ, гдѣ первое мѣсто отдано женщинамъ.

Тургеневъ не признавалъ у себя драматическаго таланта. Нѣкоторыя пьесы, по его словамъ, имѣли успѣхъ благодаря тому что геніальнѣйшій изъ всѣхъ актеровъ, какихъ когда-либо видѣлъ Тургеневъ,—Мартыновъ, бралъ на себя главную роль. *Мѣсяцъ въ деревнѣ*, по мнѣнію автора, лучше других,—„еще стóитъ кое-чего". Успѣхъ имѣлъ и *Холостякъ:* въ Петербургѣ—въ исполненіи Мартыновымъ роли Мошкина, въ Москвѣ—Щепкинымъ. Этотъ успѣхъ одно время внушилъ даже Тургеневу надежду, что онъ можетъ писать хорошія пьесы. Такъ онъ писалъ Віардо послѣ представленія *Холостяка* въ Москвѣ въ декабрѣ 1850 года,—и, дѣйствительно, продолжалъ сочинять пьесы до 1852 года, когда были написаны почти всѣ *Записки охотника*, за исключеніемъ трехъ очень позднихъ разсказовъ, когда, слѣдовательно, авторъ отдавалъ ясный отчетъ въ своемъ дарованіи. Некрасовъ очень восхищался пьесой *Гдѣ тонко тамъ и рвется:* „вещицы болѣе граціозной и художественной, писалъ онъ Тургеневу,—въ нынѣшней литературѣ врядъ ли отыскать". Также отзывался онъ о *Холостякѣ* и *Нахлѣбникѣ:* оба „удивительны",—но не скрывалъ, что разсказы ему нравились больше. Вообще, и здѣсь Тургеневъ былъ о себѣ гораздо болѣе скромнаго мнѣнія, чѣмъ другіе. Послѣ онъ пересталъ писать не потому, что у него изсякъ драматическій талантъ, а потому что привлекшія его вниманіе явленія русской жизни—борьба новыхъ идей за новую жизнь—требовали романа, а не комедіи.

Самая ранняя пьеса Тургенева—*Неосторожность* написана одновременно съ *Парашей*. Содержаніе взято изъ испанскихъ нравовъ. Хотя въ пьесѣ есть балконъ, молодая жена стараго мужа подъ надзоромъ злой мстительной дуэньи и мрачный злобный интриганъ,—но автору или не удалось или вѣрнѣе не хотѣлось выдержать *испанскаго* тона своихъ сценъ. Русская и даже „не-высокая" комедія какъ-то проникла сюда и даже въ среду главныхъ молодыхъ героевъ. Жалобы несчастной жены—доньи Долоресъ можно бы услышать пожалуй въ замоскворѣцкомъ саду, юный искатель приключеній—донъ Рофаэль сразу отзывается о своемъ „предметѣ": она „слишкомъ глупа", и самъ онъ до такой степени не рыцарь и не джентльмэнъ, что немедленно вымѣщаетъ свою первую неудачу на женщинѣ, только что благосклонно внимавшей его объясненіямъ въ любви. Донъ-Рафаэль и смѣшенъ и неблагороденъ, мужъ—прямо пошлъ и водевиленъ,—обычный образчикъ старыхъ мужей, а „злодѣй драмы"—спокойно убивающій женщину за отказъ полюбить его, убивающій *изъ-за любви къ ней* довольно туманная загадка—можетъ быть и испанская, но во всякомъ случаѣ мало—человѣческая. Авторъ навсегда бросилъ подобныя забавы пера, не призванный ни къ трагедіямъ, ни къ испанскимъ правамъ.

Два года спустя послѣдовало *Безденежье*—съ несравненно болѣе правдивымъ и любопытнымъ содержаніемъ. Мы указывали на слугу Матвѣя: онъ могъ бы найдти мѣсто даже въ *Запискахъ Охотника*, а положеніе и жалобы его барина—въ біографіи автора, не лучше Жазикова мытарившаго въ Петербургѣ безъ службы и безъ материнской помощи.

Вскорѣ началось такое же бѣдственное заграничное житье Тургенева, нужда заставляла его работать и онъ постоянно увѣрялъ Полину Віардо въ своемъ трудолюбіи, будто желалъ успокоить ее, что не даромъ пользуется ея гостепріимствомъ, увѣрялъ и издателей,—особенно Некрасова, и получалъ отъ него такія, напримѣръ, чисто—отеческія поощренія: „Радуюсь, что вы работаете, только, пожалуйста, не ослабѣвайте,—право я радъ за васъ и за *Современникъ:* на такую отличную дорогу вы попали,—очевидно, вы начинаете привыкать къ труду и любить его,—это, мой другъ, великое счастье". И Некрасовъ, видя трудоспособность Тургенева, соглашается охотно заплатить за него нѣкоторые долги. Первымъ плодомъ этого заграничнаго трудолюбія явилась комедія *Гдѣ тонко тамъ и рвется.* Замыселъ автора дѣйствительно тонкій: изобразить какъ праздный молодой человѣкъ Горскій рѣшаетъ головоломную задачу—самому не жениться на барышнѣ, жаждущей выйдти замужъ, и помѣшать на ней жениться другому, заставивъ барышню изнывать въ безплодномъ томленіи по загадочномъ играющемъ ея сердцемъ кавалерѣ. А задача для барышни: что̀ любопытнѣе и желательнѣе—выйдти немедленно замужъ за неособенно интереснаго жениха или постараться поймать болѣе интереснаго но менѣе уловимаго? Тонкости больше въ замыслѣ, чѣмъ въ развитіи. Барышня въ простодушной погонѣ за мужемъ, идетъ на—проломъ,—естественно, хитрить другой сторонѣ не остается ни мѣста, ни времени,—и барышня рѣшаетъ скоропостижно: „Станицынъ! дайте мнѣ вашу руку",—это и есть ея станція и, какъ всѣ люди на твердой точкѣ опоры,—она отчитываетъ неудачнаго мефистофеля—не хуже, чѣмъ Гетевскій Мефистофель отчитывалъ ученика.

Пьеса любопытна для освѣщенія Тургеневскаго воззрѣнія вообще на борьбу любовныхъ увлеченій, на вѣчный споръ мужчины и женщины за первенство въ естественной драмѣ сердецъ. У Тургенева первенство всегда на сторонѣ женщины, если другая сторона русскій интеллигентъ. Мужикъ глубоко обижается, когда Базаровъ спрашиваетъ у него, не бьетъ ли его жена? „А насъ съ вами побили, продолжаетъ Базаровъ, обращаясь къ Аркадію,—вотъ оно что значитъ быть образованными людьми".

Тургеневъ могъ судить по себѣ: Полина Віардо, несомнѣнно, въ его драмѣ заняла мѣсто героя, а онъ побѣжденнаго,—если не побитаго.

Только совершенно исключительные люди, въ родѣ человѣка далекаго будущаго Соломина—не падаютъ постыдно въ бою, они даже не завязываютъ его,—а приходятъ и побѣждаютъ, какъ неоспоримая самодовлѣющая сила: взошло солнце и стало свѣтло. А всѣ другіе обязаны доказать свои права—умомъ, образованіемъ, остроуміемъ, чаще всего краснорѣчіемъ: „русскія дѣвушки любятъ краснорѣчіе",—замѣчаетъ Тургеневъ. Но и краснорѣчіе далеко не всегда спасаетъ. Оно не спасло Горскаго, не спасетъ потомъ и Рудина. Какая-нибудь Вѣрочка, еще вчера считавшаяся ребенкомъ,—при помощи одного здраваго смысла и непосредственнаго чувства правды разбиваетъ на—голову хитроумнаго и краснорѣчиваго Одиссея. „Вы умный человѣкъ, а ошиблись во мнѣ грубо",—эти слова девятнадцатилѣтней дѣвицы можно написать надъ всѣми покушеніями отечественныхъ демоновъ—поработить женское сердце. Тургеневъ не вѣрилъ въ этихъ демоновъ съ самого начала,—отъ этого его раннія поэмы такъ реальны по содержанію и его раннія пьесы—дѣйствительно бытовыя произведенія.

Еще болѣе сложная борьба разыгрывается на такой же дворянской сценѣ въ лучшей комедіи изъ барской жизни—*Мѣсяцъ въ деревнѣ*. Смыслъ ея тотъ же, объясняется онъ также женщиной и очень умному и образованному „другу": „О, тонкіе люди, какъ вы мало проницательны, хотя и тонки"! А проницательность должна бы обнаружиться въ томъ, чтобы угадать причину странныхъ настроеній двадцати девяти лѣтней дамы Натальи Петровны. Причина—ея позднее увлеченіе притомъ такимъ героемъ, кого рѣшительно никто бы не записалъ въ герои—молодымъ студентомъ, отнюдь не бойкимъ, не остроумнымъ, даже малообразованнымъ и среднеспособнымъ,—но молодымъ, жизнерадостнымъ, неистощимымъ на молодыя затѣи. Правда, у дамы мужъ тридцати шести лѣтъ, чрезвычайно дѣятельный и дѣльный, искренне любитъ жену,—но совсѣмъ не дѣлитъ ея досуговъ,—а ихъ ей дѣвать некуда. Имѣется молодой другъ дома Ракитинъ, но изъ обыкновенной породы умницъ, чей умъ на столько же тонокъ, на сколько тщедушна природа, скудна своеобразность, нудна будничная жизнь—робкая, подъ гнетомъ неизбывныхъ сомнѣній, отрицаній, застарѣлой ироніи и никогда не созрѣвающихъ мечтаній. „Иногда мы съ вами разговариваемъ точно кружева плетемъ",—говоритъ Наталья Петровна Ракитину, а кружева плетутся въ душныхъ комнатахъ, гдѣ нѣтъ движенія,—и какъ послѣ такой работы хочется глотка свѣжей воды! Ракитинъ неутомимый наблюдатель, безропотный слуга любимой женщины, съ глубокимъ художественнымъ чувствомъ,—особенно тонко воспринимаетъ онъ красоты природы, говоритъ о нихъ языкомъ влюбленнаго,—но намъ невольно вспоминается отзывъ Н. А. Герценъ о бесѣдахъ

съ Тургеневымъ: съ нимъ чувствуешь себя будто въ сырой комнатѣ. Именно такъ чувствуетъ себя Наталья Петровна. У наблюдательнаго рыцаря и краснорѣчиваго поэта природы нѣтъ той силы, той скрытой грозы, того тайнаго могущества натуры,—всего что̀ покоряетъ женщину будто сверхестественной властью,—и чего не находилъ у себя Тургеневъ. Наталья Петровна недовольна: Ракитинъ ниразу не заставилъ ея плакать. Его можно любить только *спокойной* любовью, почти любовью ребенка къ нянькѣ. Онъ и самъ больше всего боится страданій, потому что не въ силахъ ихъ побѣдить. И послушайте, какъ онъ жалуется на свою участь Бѣляеву: „Вы узна́ете, что́ значитъ принадлежать юбкѣ, что значитъ быть порабощеннымъ, зараженнымъ —и какъ постыдно и томительно это рабство!.. Вы узнаете, наконецъ, какіе пустячки покупаются такою дорогою цѣною"... И онъ завидуетъ всякому беззаботному и *свободному*... Такъ жаловался Тургеневскій герой, когда самъ авторъ жилъ въ неволѣ, буквально пресмыкался предъ женщиной, лобызая край ея платья, и даже если мы усомнимся въ его гнѣвныхъ жалобахъ, передаваемыхъ другими,—кто рѣшится утверждать, что *его* любовь также не была для него рабствомъ и это рабство не казалось ему *заразой* и *стыдомъ*, о чемъ говоритъ Ракитинъ? Ужъ очень стремительно, несоотвѣтственно характеру и достоинству сталъ этотъ „больной" герой жаловаться на свою участь почти мальчику и притомъ своему счастливому сопернику. Не выполнялъ ли онъ скорѣе порученіе автора, чѣмъ удовлетворялъ требованіямъ своего положенія? Мы знаемъ,—именно 49-й и 50-й годы были самые напряженные въ романѣ Тургенева съ Полиной Віардо. Въ 1850 году онъ отправилъ къ ней свою дочь, навсегда оторвалъ ее отъ Россіи и всего русскаго, даже языка. Именно этотъ поступокъ онъ считалъ однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ своего рабства предъ волей Віардо,—а между тѣмъ съ какой трепетной униженностью онъ благодарилъ ее какъ разъ за совѣтъ—отдать дочь ей! Трудно освѣтить сокровеннѣйшія области человѣческаго сердца,—тѣ въ особенности, куда такъ рѣдко и только у исключительно—сильныхъ людей проникаютъ разумъ и воля. Нельзя одного отрицать: постоянство Тургенева въ молодые годы писательства изображать людей—даровитыхъ, образованныхъ, художественно-краснорѣчивыхъ но съ выродившейся волей, съ размягченнымъ темпераментомъ, съ своеобразнымъ гамлетизмомъ—не столько философскимъ—отъ глубины и богатства идей,—сколько органическимъ отъ тщедушія наслѣдственности и безжизненности общественной среды. Въ этомъ явленіи берутъ начало сердечныя драмы Тургеневской женщины. Драма Натальи Петровны проще и не столь благородна. Она пала бы въ объятія сильнаго и яркаго

человѣка,—но она принадлежитъ къ старой барской породѣ и для нея содержаніе жизни въ ея занимательности: „что хорошаго въ умѣ, когда онъ не забавляетъ!.. Ничего нѣтъ утомительнѣе невеселаго ума",— говоритъ она своему недогадливому поклоннику. Автору требовалось не мало изобрѣтательности не утомить читателя или зрителя безконечными завязками сценъ на одну и ту же тему: почему съ барыней перемѣна? Она не въ духѣ, у нея нервы, желчь, настроенія -будто собирается гроза, а то будто вечеръ послѣ грозы. Выходитъ весьма комическое сочетаніе лицъ: мужъ разрывается въ хлопотахъ по хозяйству, жена поминутно мѣняетъ настроенія, а другъ дома занятъ исключительно уловленіемъ и разгадкой этихъ настроеній. Болѣе жестокой сатиры на барскую игру въ любовь и страданія не легко придумать. Но авторъ вовсе не смѣется и даже не шутитъ. Для него Наталья Петровна—женщина несчастная—почтеннымъ и красивымъ несчастьемъ. Впослѣдствіи Тургеневъ напишетъ *Дворянское гнѣздо* и всѣ прочтутъ въ романѣ грустный прощальный привѣтъ уходящему въ исторію дворянскому быту, на сколько въ этомъ бытѣ наличествовала культура—ума и особенно сердца, благородныхъ взаимныхъ отношеній между людьми. Настроеніе *Дворянскаго гнѣзда* вѣетъ надъ *Мѣсяцемъ въ деревнѣ;* даже нѣкоторыя лица пьесы напоминаютъ романъ: нѣмецъ, почти неизбѣжный въ дворянской семьѣ,—только въ романѣ онъ гораздо содержательнѣе и очерченъ художественнѣе,— старушка Ислаева родная сестра Марфы Тимофеевны, а благородный довѣрчивый мужъ Ислаевъ одной породы съ Лаврецкимъ и должно быть Лаврецкій послѣ своихъ неудачныхъ романовъ сталъ совсѣмъ походить на Ислаева, когда, по словамъ автора, „сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ". Но важнѣе всего настроеніе автора: и въ пьесѣ и въ романѣ оно одинаково любовно--покровительственное, слегка грустное, какое бываетъ у человѣка предъ отъѣздомъ, при прощаніи съ родной деревней и съ ея „завѣтными уголками". Это неотемлено—тургеневское чувство было однимъ изъ тѣхъ, какія способствовали его душевному отчужденію отъ „новыхъ людей", отъ Базаровыхъ и особенно отъ ихъ разновидностей въ жизни: для нихъ за рубежомъ 19 февраля не было ничего, заслуживающаго сочувствія и пощады и по первому же случаю, по поводу *Аси*, одна изъ этихъ разновидностей—Чернышевскій произнесётъ смертный приговоръ надъ всѣми произведеніями дворянской культуры. какъ бы они ни были изящны и благородны и какъ бы долго ни считались „представителями нашего просвѣщенія". „Новый человѣкъ" въ отместку за вѣковое унизительное положеніе *своихъ* предковъ прямо объявитъ о томъ, кто презиралъ и унижалъ: „безъ него намъ было бы лучше жить", и никогда онъ не былъ „представителемъ нашего просвѣщенія".

Предокъ этого безпощаднаго судьи предъ нами, на той же сценѣ, гдѣ разыгрывается барская „блажь". Чернышевскій писалъ о „господинѣ" изъ повѣсти *Ася:* „мы не имѣемъ чести быть его родственниками; между нашими семьями существовала даже нелюбовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ". Почти буквально тоже самое говоритъ докторъ Шпигельскій о господахъ: „брезгаютъ онѣ нами, что ты будешь дѣлать". Шпигельскій, по его словамъ, не остается у нихъ въ долгу. Только его положеніе—тѣсное, онъ зависитъ отъ „господъ". Придетъ время—и очень скоро—онъ освободится отъ необходимости угождать господамъ,—и если не Шпигельскій, то его „родственникъ" жестоко отомститъ если не этимъ именно господамъ, то также ихъ родственникамъ, хотя бы до седьмаго колѣна. Всѣ, уцѣлѣвшіе отъ „закоренѣлой бѣдности" и дворянскаго презрѣнія, справятъ необыкновенно шумный праздникъ на своей улицѣ, поминая недобромъ все *не-ихъ* прошлое.

Тургеневъ не согласился бы съ такой рѣшительной казнью надъ своими слабовольными, праздными и часто привередливыми героями. Не все было соромъ на нивахъ дворянской Россіи,—а что касается отброса, то задолго до „новыхъ людей" Тургеневъ добросовѣстно отвѣялъ его отъ зеренъ, какія казались ему пшеницей,—во всякомъ случаѣ не мякиной.

Соръ дворянской среды Тургеневу будто непріятно бросать на сцену своихъ душевно ему близкихъ произведеній: помѣщичьяго сора, крѣпостническихъ уродствъ нѣтъ ни въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*, ни въ *Мѣсяцѣ въ деревнѣ*. Но сочиняя и пьесы, Тургеневъ отнюдь не забывалъ о своемъ „личномъ врагѣ" и мы безпрестанно встрѣчаемъ созвучія съ *Записками охотника*. Въ *Нахлѣбникѣ*—главное лицо одна изъ самыхъ обычныхъ жертвъ барскаго крѣпостнаго самодурства—дворянинъ—шутъ при богатомъ баринѣ,—таковъ въ *Запискахъ*—Федоръ Михѣевъ при Радиловѣ. Небольшая очень живая комедія—*Завтракъ у Предводителя*—изображаетъ собраніе дворянъ, о чемъ такъ картинно умѣлъ разсказывать однодворецъ Овсянниковъ, и слушатель видѣлъ,—почти каждый изъ благородныхъ членовъ собранія самъ годился въ шуты. Самый бытъ барина часто, безъ всякаго желанія дѣйствующихъ лицъ, выходилъ шутовскимъ: такова встрѣча господъ въ *Нахлѣбникѣ*. Само содержаніе комедіи—драматическое, и самое трагическое лицо ея не на сценѣ, давно умершая униженная и отвергнутая жена, въ порывѣ нестерпимой обиды отдается шуту своего мужа и потомъ умираетъ отъ горя, раскаянія, и слезъ по этому самому мужу. „Шутъ"—человѣкъ добрый и порядочный, но способный быть шутомъ не только изъ-за хлѣба, но и по охотѣ:

будто крѣпостническій воздухъ, по представленію автора, не могъ воспитать въ дворянинѣ благородной бѣдности, потому что вообще не могъ воспитать характера и чувства личнаго, а не сословнаго достоинства. И мы видимъ, какъ легко бывшій владѣлецъ душъ становится наймитомъ и шутомъ, продаетъ за пропитаніе или выпивку собственную душу, а часто даже просто за нѣкоторое брезгливое вниманіе большого барина. Въ *Запискахъ* разсказано сполна превращеніе барина Каратаева въ купеческаго забавника, а въ *Лебедяни* вся сцена наполнена „благородными" шутами нѣкоего веселаго князя. И замѣчательно,—какъ нѣтъ въ *Запискахъ* среди рядовыхъ крестьянъ—не дворовыхъ—пошляковъ и глупцовъ, такъ нѣтъ среди нихъ и шутовъ, особенно по личной охотѣ. Только среди помѣщиковъ эти качества процвѣтаютъ въ изобиліи. Даже изображая горькую участь „нахлѣбника", рисуя его честнымъ и разсудительнымъ, авторъ не отнялъ у него малодушія и той жути и оторопи предъ всякой борьбой съ жизнью, какія должны были жить въ крови барина—прирожденнаго нахлѣбника или своихъ крестьянъ, или, за утратой ихъ, другаго барина. Для полноты картины такой баринъ съ такимъ шутомъ—почти не покидаетъ сцены въ *Нахлѣбникѣ*. На границѣ шутовства—одинъ изъ дворянъ въ *Завтракѣ Предводителя*,—„убогій", по мнѣнію богатаго барина, потому что бѣдный. Такъ это общество охвачено неразрывной цѣпью униженій и рабства: самъ по себѣ человѣкъ цѣнится ни во что и лакей или дворецкій немедленно становятся господами надъ тѣми, кто, при своемъ дворянскомъ званіи, не имѣетъ возможности имѣть собственныхъ лакеевъ и дворецкихъ.

Въ такой школѣ воспитывалась страна. Понятіе *барина* поработило всѣ личныя и общественныя отношенія и даже искренніе, добрые и честные русскіе люди признали этотъ порядокъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Какая сила едва не разрушила счастья всей жизни Маши Бѣловой,—воспитанницы „Холостяка"—Мошкина? Трудно повѣрить—но авторъ умѣетъ доказать съ полной убѣдительностью,—эта сила въ молодомъ ограниченномъ чиновникѣ-нѣмцѣ. Господинъ фонъ-Фонкъ состоитъ при особѣ министра и своимъ положеніемъ и соотвѣтственными повадками до такой степени подавляетъ коллежскаго ассесора и коллежскаго секретаря, что они не смѣютъ имѣть въ его присутствіи собственнаго мнѣнія,—коллежскій секретарь даже отказывается отъ женитьбы на своей невѣстѣ: фонъ-Фонкъ ее находитъ мало-образованной и безъ связей. Бѣдный женихъ устрашается плыть по обманчивому чиновничьему морю безъ такого руля и попутнаго вѣтра, какъ „связи". Нѣмецъ „съ характеромъ" оказывается господиномъ воли и жизни „нерѣшительнаго, слабаго", хотя и

„самолюбиваго“ русскаго,—и господиномъ не въ силу своихъ достоинствъ, а на основахъ повелительнаго порядка русской дѣйсвительности. Она вооружила нѣмца неотразимыми доводами: надо всѣми силами „избѣгать близкихъ сношеній съ людьми низшаго круга и знакомиться съ людьми высшими“: это важнѣе „трудолюбія, усердія, акуратности“. Доказательство—Мошкинъ въ 50 лѣтъ только столоначальникъ. Одинъ Тургеневъ умѣлъ рисовать безусловно добрыхъ и простыхъ людей такими живыми и привлекательными, менѣе всего утомительными и однообразными. Мошкинъ—единственное лицо въ русской драматической литературѣ—*драматическое* и въ то же время по природѣ лишенное всякаго намека на драматизмъ,—драматическое не въ смыслѣ исключительныхъ переживаній или положеній, а въ смыслѣ глубины и остроты благороднѣйшихъ движеній человѣческаго сердца. Доброта на землѣ всегда драматична сама по себѣ, потому что „міръ во злѣ лежитъ“: только великая трудность показать яркую личную жизнь добраго сердца въ едва замѣтномъ человѣкѣ.

У Тургенева это такая же основа его таланта, какъ чрезвычайно чуткая и тонкая живопись русской такой же *тихой* природы, какъ и русскіе добрые люди. И особенно одно явленіе въ душевной жизни этихъ людей близко сочувствію и творчеству Тургенева,—горе одиночества, мучительное чувство безпріютности, не столько жажда личнаго счастья, сколько тоска по человѣку, кого можно бы осчастливить неистощимымъ запасомъ своей любви, своихъ жертвъ. Это чисто-тургеневское видоизмѣненіе гоголевской темы о маленькихъ людяхъ. Акакіи Акакіевичи Тургенева—Пѣтушковы, Мошкины—не только бѣдны и жалки по своимъ способностямъ и положенію, но богаты и сильны истино-человѣческой душой. Отъ этого такъ часто чувствуется будто нравственное сліяніе скромнаго и тусклаго героя съ авторомъ геніально-одареннымъ, но жизнью не меньше обойденнымъ. Окончательно съ такимъ своимъ хотя и далекимъ но, несомнѣнно,—родственникомъ—Тургеневъ прощается *Вечеромъ въ Сорренто*: „старикъ“ Аваковъ—ему всего 45 лѣтъ, но Тургеневъ началъ считать себя старикомъ даже раньше 40 лѣтъ—у Авакова та же „неизмѣнная и вѣчная преданность“ Надеждѣ Павловнѣ,—особѣ весьма кокетливой и мало склонной цѣнить эту добродѣтель, но, какъ и надлежитъ среди сверкающей праздничной природы,—она, повидимому, въ недалекомъ будущемъ сама какъ солнце озаритъ жизнь вѣрнаго „старика“.

Вечеромъ въ Сорренто закончились драматическіе труды Тургенева. Но передъ концомъ онъ не преминулъ показать знатнаго барина и русскаго „демона“ въ положеніи шута, одураченной и осмѣянной жертвы „провинціалки“—уѣздной чиновницы,—а въ *Разговорѣ на боль-*

шой дорогѣ представить какъ бы символъ барской и мужицкой судьбы. Все изжито и прожито у господина Михрюткина, хотя ему всего 28 лѣтъ: здоровья нѣтъ, имѣніе возьмутъ въ опеку, весь міръ для него какой то сырой и темный уголъ, гдѣ шумитъ и суетится грозное существо во образѣ супруги, а онъ самъ исходитъ страхомъ и желчнымъ раздраженіемъ. Слуги, напротивъ, спокойны, благодушны и довольны своимъ положеніемъ,—имъ каждому по 40 лѣтъ,—но они, несомнѣнно, переживутъ своего барина,—и одинъ надъ нимъ посмѣется, а другой по добротѣ душевной пожалѣетъ, но обоимъ нѣтъ никакого дѣла до барской невзгоды. У нихъ своя жизнь, не бариномъ она началась и не бариномъ кончится. Не только баринъ,—*все* его—для нихъ совершенно чужое и въ этой естественной отчужденности и неподвижномъ равнодушіи чуется несравненно болѣе страшное возмездіе за вѣковой „барскій гнѣвъ и барскую любовь“, чѣмъ какое либо рѣзкое чувство.

Такую сложную творческую и идейную полосу пережилъ Тургеневъ въ пору *Записокъ Охотника*. Не одинъ онъ писалъ о деревнѣ. Одновременно съ нимъ писали о ней не только скромный по дарованію Григоровичъ,—но и Писемскій и гр. Толстой,—и ничьи произведенія не заняли такого высокаго мѣста ни въ литературѣ, ни въ исторіи. Причина—ясна: никто не умѣлъ или не хотѣлъ оглянуть деревенскаго міра во всю его ширь и глубь и не только взоромъ наблюдателя, но и *согражданина*—если не въ настоящемъ, то въ недалекомъ и неотвратимомъ будущемъ.

Впослѣдствіи цензура особенно встревожилась неожиданными открытіями Тургенева въ деревенскомъ мірѣ: здѣсь оказались „администраторы, раціоналисты, люди восторженные и мечтатели“: „Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!“—восклицалъ цензоръ. Но писатель нашелъ не только такихъ, но среди мужицкаго отчужденія отъ баръ, среди вѣками воспитаннаго недовѣрія „поданныхъ“ къ господамъ, среди такъ часто заслуженныхъ чувствъ обиды и презрѣнія обиженныхъ къ обидчикамъ, онъ открылъ качества—выше административныхъ, способности—благороднѣе восторговъ, мечтаній и всякаго „раціонализма“,—открылъ чувство долга во имя самого долга при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ его исполненія,—открылъ единственную прочную основу общественныхъ отношеній и государственной силы. И вы помните,—кто этотъ удивительный мужикъ, способный, вѣроятно, смутить совѣсть не у одного цензора и кореннаго администратора.

Бирюкъ—одинокій, брошенный женой, охраняетъ господскій лѣсъ, и за это ненавидимый мужиками, ежечасно угрожаемый смертными опасностями,—и вотъ эта сумрачная жизнь и это подвижническое

дѣло стоятъ на вѣрѣ и принципѣ, творящихъ изъ человѣка гражданина.

Бирюку выразили удивленіе его смѣлости и честности.

— Должность свою справляю,—отвѣчаетъ онъ угрюмо: даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Пусть этотъ человѣкъ доживетъ до барина-отечества, пусть ему будетъ дано охранять не крѣпостное барское достояніе, а „дѣло Божье и государево",—какъ выражался человѣкъ такой же породы и такой же крови, какъ Бирюкъ,- Ломоносовъ,—и русской странѣ не въ чемъ будетъ завидовать ни одному народу на землѣ.

Какая разница получалась отъ участія въ творчествѣ писателя именно этого чувства нравственнаго родства и гражданскаго единства съ мужикомъ,—видно на разсказѣ гр. Толстого—*Утро Помѣщика*. Это также своего рода *Записки охотника*, писались они одновременно съ тургеневскими, художественнаго дарованія въ нихъ не меньше, хотя охватъ несравненно уже, проникновеніе грубѣе и поверхностнѣе, проявленіе его не такое вольное и ясное,—а его послѣднее слово—безрадостное въ настоящемъ и безнадежное въ будущемъ.

Молодой помѣщикъ Нехлюдовъ поселился въ своей деревнѣ съ твердымъ рѣшеніемъ—„посвятить свою жизнь" крестьянамъ, онъ „готовъ самъ лишить себя всего", лишь бы они „были довольны и счастливы". Благороднѣе помѣщика и не рождала русская земля,—и какъ будто затѣмъ, чтобы ярче обнаружилась негодность, безнравственность, умственная и нравственная тупость крѣпостныхъ мужиковъ. Лучшіе изъ нихъ таковы, что приходится скорѣе отряхнуть руки и бѣжать. Напримѣръ, Хорь гр. Толстого—старый, богатый, благообразный Дутловъ клянется самыми страшными клятвами, что у него нѣтъ денегъ. Отрицаетъ ихъ и Хорь за собой,—но у него хватаетъ совѣсти и достоинства не вопить: „лопни мои глаза, провались я на семъ мѣстѣ", хотя его баринъ совершенно лишенъ благородства кн. Нехлюдова и самъ онъ не такъ силенъ и благообразенъ. А дальше все хуже: Юхванки, Давыдки, несомнѣнно, ниже многихъ дикарей, даже многихъ животныхъ: до такой степени они равнодушны къ условіямъ своей жизни. Сообразительность просыпается охотнѣе всего, когда является возможность одурачить барина и тупымъ страдательнымъ сопротивленіемъ разрушить его благороднѣйшія и полезныя для нихъ намѣренія.

Въ основѣ лежитъ извѣстное намъ недовѣріе мужиковъ вообще къ барскимъ затѣямъ, баре для нихъ—въ полномъ смыслѣ данайцы,—но врядъ ли кто подчеркивалъ это явленіе съ такой рѣзкостью, обобщалъ его съ такой неограниченностью, дѣлалъ выводъ съ такой рѣшительностью какъ гр. Толстой. Нельзя и придумать болѣе удру-

чающей противоположности, чѣмъ охочій на всѣ жертвы помѣщикъ и способные на всякую ложь мужики. Естественно, помѣщикъ готовъ все бросить и бѣжать и Стародумъ разсказа—мудрая няня—въ конецъ развѣнчиваетъ его „мечты“: „Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Ничего тутъ хорошаго нѣтъ,—только себя губишь да и народъ-то балуется. Вѣдь нашъ народъ какой: онъ этого не чувствуетъ, право“...

И самъ народъ о себѣ не лучшаго мнѣнія. Лучшій изъ крестьянъ, не вѣря ничему барскому, не вѣритъ также и мужицкому,—онъ рѣшительно отказывается имѣть какое либо дѣло съ „міромъ“: „Что міръ? Дѣло извѣстное“...

Какой выводъ подсказывался читателю всѣми этими внушеніями? Его опредѣлилъ Тургеневъ, прочитавши разсказъ: „вообще просвѣщать мужика, улучшать его бытъ—ни къ чему не ведетъ“.

Гр. Толстой, дѣйствительно, могъ это доказывать по многимъ причинамъ и ни одна не имѣла ничего общаго съ *человѣческимъ* вниманіемъ къ крестьянскому міру. Прежде всего, гр. Толстой уже въ 1852 году какъ двѣ капли воды походилъ на Левина, а Левинъ по наблюденіямъ его пріятелей, во всѣхъ случаяхъ полагалъ „что нибудь не какъ люди“. Люди, съ кѣмъ гр. Толстой въ молодости особенно часто спорилъ и кого чрезвычайно поражалъ—страстью къ противорѣчію во что бы то ни стало—были писатели, а среди писателей пятидесятыхъ годовъ „общепринятое сужденіе“ заключалось именно въ желаніи возможно скораго освобожденія крестьянъ и желаніе это, разумѣется, основывалось на извѣстныхъ представленіяхъ о крестьянахъ.

Гр. Толстой „не могъ молчать“ и „не возразить“ и *Утро* дѣйствительно явилось „возраженіемъ“: освобождать такихъ мужиковъ, какихъ у одного Нехлюдова семьсотъ, нѣтъ смысла,—они и не поймутъ свободы, и не сумѣютъ ею воспользоваться. Кромѣ того гр. Толстой въ 1852 году былъ еще тѣмъ самымъ бариномъ—помѣщикомъ, какого онъ потомъ въ самомъ отчаянномъ видѣ изобразилъ въ *Исповѣди:* „проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ“. И мы знаемъ, поборы съ крестьянъ съ Ясной Полянѣ были изъ самыхъ тяжелыхъ во всей губерніи. Оппозиція „общепринятому въ области сужденій“ на этотъ разъ оправдывалось личной жизнью писателя.

Сила худоnественнаго таланта заставила читателей все забыть и многаго даже не разсмотрѣть. Но исторія не забудетъ, что для созданія *Записокъ Охотника* требовалось не только писательское дарованіе, но и благородство личности,—въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ мы видимъ, далеко не общераспространенное въ пятидесятые годы даже среди весьма талантливыхъ писателей.

IX.

Записки Охотника утвердили Тургенева на писательскомъ пути. Послѣ ихъ успѣха онъ, при всей мнительности, не могъ сомнѣваться въ своемъ призваніи. Въ началѣ 1852 года разсказы вышли отдѣльнымъ изданіемъ и немедленно удостоились вниманія и сочувстія со всѣхъ сторонъ. Цензура и раньше подозрительно встрѣчала *Записки*, полагала, чѣмъ „онѣ могутъ имѣть вредное вліяніе на большую часть нашихъ помѣщиковъ, которые къ сожалѣнію, походятъ во всемъ" на помѣщика въ *Запискахъ*—Стегунова. Теперь всѣ вмѣстѣ онѣ могли быть дозволены цензурой только по недоразумѣнію или по крайней снисходительности. Иванъ Аксаковъ отказывался понять, какъ цензоръ кн. Львовъ рѣшился пропустить *Записки* „стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта". Такъ поняли книгу и нѣкоторые цензоры. Одинъ изъ нихъ считалъ безусловно вреднымъ доказывать „нашему грамотному народу", что крестьяне, столь опоэтизированные авторомъ, находятся въ угнетеніи, а помѣщики „ведутъ себя неприлично и противозаконно". Цензоръ, слѣдовательно, понялъ сущность *Записокъ*, особый пріемъ ихъ изображать крестьянъ, —*Утро помѣщика*, напримѣръ, было не только не опасно, но даже на такой взглядъ желательно. Высшее общество, какъ водится, поспѣшило забѣжать передъ властью. Графиня Растопчина отозвалось Чаадаеву о книгѣ: „Voilà un livre incendiaire". Чаадаевъ попросилъ графиню выразиться по-русски, такъ какъ разговоръ шелъ о русской книгѣ,—получалось—„зажигательная книга". Министръ Народнаго Просвѣщенія кн. Ширинскій—Шихматовъ доложилъ Государю, что цензоръ кн. Львовъ, уже давно заподозрѣнный въ славянофильствѣ и находившійся подъ строгимъ наблюденіемъ, совершилъ новый проступокъ, дозволилъ *Записки Охотника*—въ „значительной части статей" рѣшительно направленныя „къ униженію помѣщиковъ", которые представляются вообще въ смѣшномъ, каррикатурномъ видѣ или еще чаще въ предосудительномъ: это можетъ уменьшить уваженіе другихъ сословій къ дворянству. Министръ полагалъ цензора заслуживающимъ увольненія отъ службы.

И кн. Львовъ былъ уволенъ за небрежное исполненіе своей должности, возбудили вопросъ о конфискаціи книги. До этого не дошло, но Тургеневъ теперь попалъ на строгое замѣчаніе, требовался только поводъ—наказаніе было рѣшено. Поводъ представился въ томъ же 1852 году.

Пятнадцатаго февраля умеръ Гоголь. Тургеневъ видѣлъ его нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, былъ у него со Щепкинымъ 20 октября.

Смотрѣлъ онъ на него какъ всѣ свободно и почти всѣ несвободно—мыслящіе того времени: геніальный художникъ,—но человѣкъ загадочный, „странное и больное существо“,—выражался Тургеневъ много лѣтъ спустя, а другіе просто думали—подозрительный человѣкъ и съ нечистоплотными разсчетами: доказательство—*Переписка съ друзьями*. Бѣлинскій, въ предсмертномъ недугѣ, размахнулся на своего любимаго писателя во всю ширь „неистовства“ и „святого недовольства“, будто отмахиваясь отъ призрака врага, съ какимъ воевалъ почти всю жизнь. Личное письмо Бѣлинскаго немедленно стало посланіемъ къ вѣрнымъ. Герценъ въ заграничной статьѣ укорялъ Гоголя въ отступительствѣ отъ прежнихъ убѣжденій. Статья поразила смертельно—больного писателя въ сердце и Тургеневъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ мучительномъ небываломъ волненіи торопился представить своимъ посѣтителямъ доказательства, что онъ никогда не былъ измѣнникомъ своихъ убѣжденій. Онъ умеръ и глаза у многихъ открылись впервые на эту жизнь, какъ подвигъ, на эту смерть, какъ жертву. Иванъ Аксаковъ чувствовалъ, „будто хоронилъ самого себя“, —и ему захотѣлось писать къ Тургеневу въ Петербургъ. Тургеневъ уже получилъ подробныя извѣстія о событіи, написалъ статью, она встрѣтила рѣзкій отпоръ у попечителя и предсѣдателя цензурнаго комитета Мусина-Пушкина и теперь Тургеневъ, въ двойномъ негодованіи, отвѣчалъ Аксакову. Отвѣтъ не дошелъ, попалъ въ другія руки и вмѣстѣ со статьей явился уликой для будущей кары.

Тургеневъ сообщалъ о впечатлѣніи, какое смерть Гоголя произвела на него и въ Петербургѣ: „Скажу вамъ безъ преувеличенія: съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя. Эта страшная смерть—историческое событіе, понятное не сразу. Это—тайна, тяжелая, грозная тайна... Ничего отраднаго не найдетъ съ ней тотъ, кто ее разгадаетъ. *Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ... Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому что рѣшился, захотѣлъ умереть... Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго здѣсь его смертью, да будетъ вамъ достаточно знать, что попечитель здѣшняго университета г. Мусинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя писателемъ лакейскимъ... Г. Мусинъ-Пушкинъ не могъ довольно надивиться дерзости людей, жалѣющихъ о Гоголѣ. Честному человѣку не стоитъ тратить своего честнаго негодованія. Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь,—на здоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя“.

Тоже настроеніе не менѣе ярко сказалось въ письмѣ къ Віардо: „нѣтъ русскаго, писалъ Тургеневъ, чье бы сердце не обливалось кровью въ эту минуту. Это былъ больше, чѣмъ писатель для насъ: онъ намъ открылъ насъ самихъ. Во многихъ смыслахъ онъ былъ для насъ продолжателемъ Петра Великаго. Надо быть русскимъ, чтобы это чувствовать". Даже годъ спустя, въ день смерти Гоголя, Тургеневъ не могъ написать письма Віардо все отъ того же неизбывнаго горя. Не могъ забыть Тургеневъ и чрезвычайно лестнаго мнѣнія Гоголя о немъ. Мѣсяца за два до смерти Гоголь однажды заявилъ: „во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланту у Тургенева", Это—не единственный отзывъ Гоголя. Еще раньше Тургеневъ съ большой радостью сообщалъ Віардо о похвалахъ Гоголя его произведеніямъ. Наконецъ, изъ всѣхъ современныхъ писателей врядъ-ли кто горячѣе Тургенева принималъ къ сердцу судьбы русской литературы, вообще русской художественной талантливости. Недаромъ, Тургеневъ всю жизнь неуклонно покровительствовалъ всякому, въ комъ ему чуялась искра дарованія.

Въ Петербургѣ напечатать статью оказалось невозможнымъ: имя Гоголя вообще было запрещено упоминать въ печати, выражали недовольство торжественностью похоронъ писателя, присутствіемъ генералъ-губернатора въ Андреевской лентѣ. Ни одинъ Петербургскій журналъ не могъ отозваться на смерть одного изъ величайшихъ русскихъ писателей. Повторялось происходившее по смерти Пушкина. Объ этомъ событіи нѣсколько строкъ напечатало единственное періодическое изданіе, *Литературныя прибавленія* къ *Русскому Инвалиду*, и за этотъ поступокъ редакторъ *Прибавленій* Краевскій поплатился жестокимъ выговоромъ.

Теперь въ положеніе Краевскаго попалъ Тургеневъ, но расплата оказалась несравненно тяжелѣе.

„Мнѣ казалось неумѣстнымъ, объяснялъ Мусинъ-Пушкинъ свое запрещеніе шефу жандармовъ, писать о Гоголѣ въ такихъ пышныхъ выраженіяхъ, едва ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина, или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей и представить смерть Гоголя, какъ незамѣнимую потерю, а не раздѣляющихъ это мнѣніе—легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно представлять, какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія".

Тургеневъ, по его разсказу въ *Воспоминаніяхъ*, послалъ статью въ Москву при письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей. Этотъ пріятель Ѳеоктистовъ и другой Боткинъ сообщили ему подробности смерти Гоголя и онъ отвѣчалъ имъ такъ же, какъ Аксакову: онъ не помнилъ

подобнаго впечатлѣнія за всю свою жизнь: „мнѣ право кажется, что какія то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ моей головой. —и я иду на дно, застывая и нѣмѣя“. При письмѣ онъ приложилъ стихи Некрасова на смерть Гоголя—*Блаженъ незлобивый поэтъ* и свои „нѣсколько словъ“, вызванныхъ впечатлѣніемъ отъ этихъ стиховъ. „Я не знаю какъ они вышли, говорилъ онъ въ письмѣ, но я плакалъ навзрыдъ, когда писалъ ихъ“. Подъ статьей онъ не желалъ поставить своего имени, это было бы безстыдствомъ и почти святотатствомъ.

По словамъ Тургенева, онъ сообщилъ въ Москву о запрещеніи статьи въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ Ѳеоктистову этого сообщенія не было и онъ поспѣшилъ отдать статью въ *Московскія Вѣдомости*, полагая, что она одновременно появится и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Только на третій или на четвертый день по напечатаніи статьи Ѳеоктистовъ получилъ отъ Тургенева увѣдомленіе, что статья была запрещена въ Петербургѣ. Но у Боткина были другія свѣдѣнія. Послѣ перваго письма къ Ѳеоктистову, Тургеневъ писалъ другому своему пріятелю: „Нельзя ли попробовать напечатать то что̀ я написалъ о Гоголѣ (разумѣется безъ подписи) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ,— какъ отрывокъ изъ письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui viventi ci“. Ясно, Тургеневъ, вопреки показанію Ѳеоктистова, желалъ напечатанья статьи и въ этомъ ему помогали какіе то таинственные сочувственники въ Петербургѣ, можетъ быть, изъ оффиціальнаго міра. Петербургскія власти узнали о намѣреніи Тургенева напечатать въ Москвѣ запрещенную статью безъ подписи. Московскій генералъ-губернаторъ получилъ предупрежденіе, но статья была уже напечатана.

Эти довольно запутанныя обстоятельства любопытны для выясненія оффиціальной вины Тургенева, если статьи не одобрилъ только петербургскій цензоръ, то Тургеневъ по закону могъ передать ее другому и съ его разрѣшенія напечатать. С. Т. Аксаковъ, самъ долго бывшій цензоромъ, въ письмѣ къ Тургеневу указывалъ на множество примѣровъ когда непропускаемыя въ Москвѣ статьи одобрялись петербургскими цензорами и печатались въ той-же Москвѣ за подписью разрѣшившаго цензора. Но если статью вносили въ комитетъ и запрещали на законномъ основаніи, тогда напечатать ее въ другомъ городѣ можно было только обманомъ, предупредивъ оффиціальное сообщеніе о запрещеніи. Это—уголовное преступленіе и С. Т. Аксаковъ выражалъ увѣренность, что не только Тургеневъ, но „едва ли кто либо пустится на такое дурное дѣло“. Тургеневъ отвѣчалъ Аксакову, что онъ „и не думалъ дѣлать что-нибудь противозаконное“. Мусинъ-Пушкинъ оффиціально подтвердилъ, что статью запретилъ онъ и что она была въ

цензурномъ комитетѣ. Тургеневъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову утверждалъ, а потомъ повторилъ и въ *Воспоминаніяхъ*, будто Мусинъ-Пушкинъ завѣрилъ высшее начальство, что онъ призывалъ его лично и лично передалъ запрещеніе печатать статью,—между тѣмъ Тургеневъ „даже въ глаза не видалъ“ Мусина-Пушкина. По объясненію Аксакова, для законнаго запрещенія статьи не требовалось личное свиданіе автора съ предсѣдателемъ комитета,—достаточно было простого постановленія,—и послѣ него Тургеневъ не имѣлъ права посылать для печати свою статью въ Москву. Изъ того же письма къ Аксакову видно, что московскій попечитель Назимовъ говорилъ съ Тургеневымъ объ его свиданіи съ Мусинымъ-Пушкинымъ. Отсюда можно заключить, —это свиданіе для Тургенева являлось единственнымъ путемъ, какимъ онъ могъ узнать о запрещеніи статьи—до ея отсылки въ Москву. Врядъ ли можно сомнѣваться, что Тургеневъ этихъ свѣдѣній не имѣлъ,—зналъ только о непропускѣ статьи цензоромъ и считалъ себя въ правѣ попытаться напечатать ее въ Москвѣ,—иначе онъ не рѣшился бы подвергнуть опасности не только себя, но и своихъ пріятелей. О законномъ запрещеніи онъ, вѣроятно, узналъ позже, когда по словамъ Ѳеоктистова, и сообщилъ въ Москву.

Статья появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 13 марта, а 16, по выраженію всеподданнѣйшаго доклада шефа жандармовъ, „пылкій и предпріимчивый“, авторъ, по Высочайшему повелѣнію, „за явное ослушаніе“ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, и по истеченіи этого срока ссылался въ деревню на жительство „подъ присмотръ“. Первые двадцать четыре часа Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ сибиркѣ въ съѣзжемъ домѣ второй адмиралтейской части въ обществѣ „изысканно-вѣжливаго и образованнаго полицейскаго унтеръ-офицера“, который разсказывалъ ему о своей прогулкѣ въ лѣтнемъ саду и объ „ароматѣ птицъ“. Узника стали усердно навѣщать многочисленные цѣнители его таланта. Это обезпокоило полицію. Спустя нѣсколько дней было приказано—никого не допускать для свиданія съ помѣщикомъ Тургеневымъ.

Кое—кто полушепотомъ осмѣливался сѣтовать, что дворянина, владѣльца двухъ тысячъ душъ, засадили на съѣзжую, а почитатели словесности втихомолку острили: „говорятъ, литература не пользуется у насъ уваженіемъ,—напротивъ, литература у насъ въ *части*“.

Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ нашлись лица, сочувствовавшія этой мѣрѣ, возмущались особенно тѣмъ, что Тургеневъ въ статьѣ называлъ Гоголя „великимъ человѣкомъ“. Сановные нѣмцы находили неприличнымъ говорить о Фридрихѣ и о Гоголѣ. *Friedrich der Grosse* и *Gogol der Grosse*. Одна дама, согласившаяся было ходатай-

ствовать за Тургенева,—изъ—за этого слова признала кару заслуженной. Совершенно такое же возмущеніе было вызвано подобнымъ выраженіемъ въ замѣткѣ о смерти Пушкина: тамъ говорилось о „великомъ поприщѣ“ покойнаго.—„Какое такое поприще?“—укоряли автора—„развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ?!. Писать стишки не значитъ еще проходить великое поприще“.

Не миновала кара и московскихъ пріятелей Тургенева. Боткинъ уже состоявшій подъ „секретнымъ наблюденіемъ“, за то что не занимался торговыми дѣлами отца и за „свободный образъ мыслей“, теперь отданъ подъ полицейскій надзоръ, а Ѳеоктистову, неслужащему кандидату юридическаго факультета, не имѣющему состоянія и ведущему знакомства „съ прогресистами и литераторами“ приказано вступить въ государственную службу, съ отдачей его также подъ надзоръ полиціи.

Тургеневъ рѣшилъ написать Цесаревичу Александру Николаевичу, и въ письмѣ отъ 27 апрѣля искренне объяснялъ свой поступокъ горестью объ умершемъ писателѣ. Неизвѣстно, получилъ ли онъ отвѣтъ. Изъ части его перевели въ квартиру частнаго пристава, дали ему хорошую комнату, книги. Въ письмѣ къ Віардо онъ не жаловался на свое положеніе: у него не будетъ весны въ 1852 году, только и всего. Арестъ онъ приписывалъ вовсе не статьѣ о Гоголѣ, по его мнѣнію, „совершенно незначительной“: на него уже давно смотрѣли косо, схватились за первый случай и такъ „вѣроломно“ представили дѣло Государю, что онъ не могъ иначе поступить. Черезъ двѣ недѣли ему предстояло отправиться въ деревню. Его и это будущее не смущало. Онъ готовился продолжать изученіе русскаго народа, „самого страннаго и самого изумительнаго во всемъ мірѣ“,—говорилъ онъ, готовился работать надъ романомъ, не разсчитывая напечатать его въ Россіи,—но тѣмъ свободнѣе можно будетъ его писать! Ему казалось,—лучшая часть жизни прожита. Онъ постарѣлъ „до смѣшнаго“: онъ могъ бы прислать Віардо—прядь сѣдыхъ волосъ! „Моя жизнь кончена“, писалъ онъ,—„очарованіе исчезло. Я съѣлъ весь свой бѣлый хлѣбъ, будемъ жевать сколько осталось чернаго“...

Ему не было тридцати четырехъ лѣтъ, а онъ хоронилъ и молодость и даже „очарованіе жизни“. А впереди его ждали высшія проявленія его таланта, ждала единственная во всѣхъ литературахъ вдохновенная лѣтопись человѣческаго общества въ важнѣйшіе моменты его историческаго пути. И что эти усилія таланта будутъ побѣдоносны, не смотря на мимолетныя тягостныя состоянія души, писатель доказалъ въ тѣ самые дни, когда писалъ такія печальныя строки о своей преждевременной старости.

Подъ арестомъ въ части написанъ разсказъ *Муму:* Карлейль считалъ его самымъ трогательнымъ, какой только ему приходилось читать...

Разсказъ—личныя воспоминанія Тургенева. Пришли они въ полицейскомъ домѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ обстановки, а, можетъ быть, и потому что Тургеневъ все еще не могъ отдѣлаться отъ потрясающихъ впечатлѣній дневника матери, ея страшнаго конца: „день ея нерадостный и ненастный,—говорится въ началѣ разсказа о госпожѣ Нѣмаго Герасима,—и вечеръ ея чернѣе ночи!".

Изъ подъ ареста Тургеневъ 18 мая былъ отправленъ въ Спасское, лишенъ права выѣзда изъ деревни, отданъ подъ надзоръ мѣстной полиціи. Надзоръ оказался чрезвычайно усерднымъ. Слѣдили за каждымъ шагомъ поднадзорнаго. Куда бы Тургеневъ ни отправлялся изъ дому—на охоту или въ гости—за нимъ, будто привязанный, маячилъ особый „человѣчекъ", прозванный сосѣдями Тургенева „мценскимъ церберомъ" и непремѣнно ночевалъ тамъ, гдѣ оставался Тургеневъ. „Церберъ" вносилъ въ свои записи даже что̀ ѣлъ и пилъ Иванъ Сергѣевичъ, отъ кого получалъ письма. Вотъ образчикъ его записей во всей неприкосновенности: „И ехали они на охоту. Видъ у нихъ былъ бравый. Остановились въ поле и долго съ крестьянами изволили говорить о волѣ. А когда я къ нимъ подошедши шапку снялъ и поклонился, то Иванъ Сергѣевичъ такой видъ приняли, какъ будто черта увидѣли, сдѣлались серьезными".

Лѣто прошло сравнительно сносно: Тургеневъ предавался своей страсти—охотѣ, но настала осень, начались ненастья,—и ему съ каждымъ днемъ становилось тоскливѣе. Только письма Віардо разгоняли тоску,—другихъ развлеченій не было. Ни музыки, ни друзей, ни даже сосѣдей—„чтобы поскучать вмѣстѣ", писалъ онъ. Жили по сосѣдству Тютчевы, „превосходные люди", замѣчалъ Тургеневъ, „но мы плывемъ въ слишкомъ разныхъ теченіяхъ". Правда, Тютчева иногда удовлетворяла его музыкальный голодъ,—но нелегко было засадить ее за фортепьяно. А ея сестра—„очень ограниченная, очень чувствительная и очень довольная собой" раздражала Тургенева восторженностью и, повидимому, подсказала ему кое-какія черты для очаровательной Эмеренціи—въ разсказѣ *Два Пріятеля*, написанномъ во время ссылки. Попытался Тургеневъ на два дня проѣхать въ Орелъ,—но „провинціальная жизнь" произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ „рѣшился не показывать больше носа и работать въ четырехъ стѣнахъ". Въ концѣ октября онъ попытался выхлопотать разрѣшеніе—съѣздить въ свои имѣнія въ Тульской, Тамбовской и Калужской губерніяхъ, а также на дворянскіе выборы въ Тульской губерніи. Изъ министерства

внутреннихъ дѣлъ отвѣтили: „по недавнему удаленію г. Тургенева изъ С.-Петербурга не представляется въ настоящее время, впредь до удостовѣренія въ хорошемъ поведеніи и совершенной благонадежности его, удобнымъ ходатайствовать у Государя Императора объ удовлетвореніи изъясненной просьбы Тургенева“.

Ему, дѣйствительно, оставалась только работа. И онъ не только писалъ, но и учился.

Въ теченіи зимы написанъ *Постоялый дворъ* и съ большимъ прилежаніемъ обдумывался первый большой романъ. Талантъ быстро созрѣвалъ—среди народной жизни, въ трудовомъ уединеніи. Уже въ октябрѣ 1852 года Тургеневъ писалъ о *Запискахъ охотника* какъ о пережитомъ окончательно, какъ о *старой манерѣ* своего сочинительства. Теперь ему хотѣлось безусловной простоты, спокойствія, ясности линій, добросовѣстности работы. Все это было въ основѣ *Записокъ*, но автору, очевидно, чувствовалась нѣкоторая придуманность частностей, шероховатость и небрежность въ подробностяхъ, можетъ-быть—кое-какіе отголоски далекаго юношескаго романтизма и столь ненавистной ему *фразы*. Даже въ изящной художественности *Пѣвцовъ* онъ видѣлъ прикрашенность. И теперь онъ пока не начиналъ писать романа, ожидая „свѣтлости и силы“.

Онъ идетъ къ нимъ, не только бережно приводя въ порядокъ „бродящія въ немъ стихіи“ романа, пристально наблюдая живой народный бытъ,—онъ старается изучить его въ прошломъ, въ историческомъ развитіи. Всю зиму онъ „чрезвычайно много“ занимается русской исторіей и русскими древностями, „прочелъ“,—пишетъ онъ Константину Аксакову, „Сахарова, Терещенку, Снегирева e tutti quanti“. Въ особенный восторгъ привелъ его Кирша Даниловъ, т. е. русскіе былины. Теперь онъ даже радуется своему мѣсячному сидѣнью въ части: ему „удалось взглянуть тамъ на русскаго человѣка со стороны которая была ему мало знакома до тѣхъ поръ“.

На каждомъ шагу онъ присматривается къ захолустнымъ людямъ: „я стараюсь, пишетъ онъ, не упускать никакого случая извлекать изъ провинціальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился съ великимъ множествомъ новыхъ лицъ и ближе сталъ къ современному быту и народу“.

Выясненію новыхъ мыслей помогала оживленная переписка съ семьей Аксаковыхъ. Тургеневъ впослѣдствіи намѣревался къ своимъ *Воспоминаніямъ* прибавить главу о славянофилахъ. Намѣреніе не осуществилось, хотя, по словамъ Тургенева, статья была почти готова, и авторъ ручался за полное спокойствіе и безукоризненность ея содержанія, считалъ „этотъ отрывокъ“ „лучше всѣхъ другихъ“: въ немъ

высказано „нѣсколько полезныхъ вещей“. Но, повидимому, спокойствіе, давалось нелегко. Славянофильское пренебреженіе къ западной Европѣ— одно изъ немногихъ явленій, вызывавшихъ у Тургенева самыя рѣзкія чувства. „Славянофильская брага“ Герцена встрѣтитъ позже его рѣшительное осужденіе и рѣчи Потугина будутъ едва ли не самымъ *личнымъ* выступленіемъ Тургенева во всѣхъ его художественныхъ произведеніяхъ. Недаромъ, не смотря на знакомство съ семьей Аксаковыхъ, онъ сохранилъ разсказъ Однодворца Овсянникова о Любозвоновѣ. Иванъ Аксаковъ съ большой настойчивостью хотя и въ духѣ добрыхъ отношеній укорялъ Тургенева, особенно за мнѣніе Овсянникова, будто Любозвоновъ „не въ своемъ умѣ“. Тургеневъ отвѣчалъ на столько горячо, что Аксаковъ смутился: по его словамъ—ему „стало совѣстно“, что онъ писалъ „о такихъ пустякахъ“ и увѣрялъ Тургенева, что Константинъ ни на минуту не задумался надъ Любозвоновымъ и оба брата не сохранили „ни малѣйшаго зерна досады или чего-либо подобнаго“. Переписка продолжалась непрерывно все время ссылки Тургенева въ самомъ дружескомъ настроеніи,—особенно съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ. Старикъ, по его выраженію, былъ горбатъ болѣе въ сторону Тургенева, чѣмъ въ сторону сына Константина. Съ этимъ—Тургеневъ велъ споры почти во всѣхъ письмахъ и споръ не остался безъ послѣдствій.

Мы знаемъ, какъ понималъ Иванъ Аксаковъ взглядъ своего брата на западные народы. Горячій славянофилъ не преминулъ разъяснить свою вѣру Тургеневу, будто подготовляя его къ будущему спору съ Герценомъ: такъ много оказывалось общаго въ основной мысли кореннаго москвича и добровольнаго пожизненнаго путешественника.

Аксаковъ видѣлъ „чудный міръ“ въ древнемъ русскомъ народномъ бытѣ, до сихъ поръ сохранившемся у крестьянъ. Подобно Герцену онъ готовъ зачеркнуть едва ли не всю русскую исторію, все что совершалось внѣ доисторическаго уклада народной жизни. Культурную цѣнность представляетъ только этотъ укладъ,—и, естественно, „переворотъ Петра“ самое гибельное явленіе въ исторіи: разрушилъ „стройность, высоту,—образованность и духовную красоту“ исконнаго русскаго міра. За послѣдніе полтораста лѣтъ онъ привелъ „преобразованные классы“ къ отреченію отъ родной стихіи, истощенію ума, чувства и воли. Для Аксакова эти „классы“ „люди—обезьяны“, безъ почвы, безъ непосредственной связи „съ нашей Русью“. Самобытность и самостоятельность только въ крестьянинѣ,—и задача образованныхъ людей—„великой силой мысли“ вновь соединиться съ народомъ.

Ясно,—на этотъ взглядъ вся европейская цивилизація—безуміе и бѣдствіе и всякое соприкосновеніе съ ней вызываетъ гніеніе у здоро-

ваго человѣка, а гніющіе, „люди—обезьяны“, не годятся даже „въ дѣло для искусства“, „какъ бы ни претендовалъ человѣкъ—обезьяна на страсти или на чувство“. Тургеневъ никакъ не могъ согласиться съ такимъ приговоромъ, отринуть исторію, не сочувствовать страданію даже „человѣка обезьяны“ и лишить его права на жизнь.—Не раздѣлялъ онъ и аксаковскихъ восторговъ предъ доисторическими пережитками народнаго быта: „я вижу, писалъ онъ, трагическую судьбу племени, великую общественную драму тамъ, гдѣ вы находите успокоеніе и прибѣжище Эпоса“. Сохранились не всѣ письма Константина Аксакова и можно только догадываться, какую красоту и высоту они рисовали Тургеневу въ русскомъ народномъ бытѣ. Тургеневъ пишетъ: „Ваську Буслаева считаю я типомъ русскимъ“, и именно этотъ богатырь, очевидно, совершенно различно оцѣнивался имъ и Аксаковымъ. Тургеневу самъ Аксаковъ долженъ былъ представляться Васькой Буслаевымъ. Разсказъ о презрительномъ пинкѣ Буслаева мертвой головѣ напоминалъ Тургеневу аксаковское отношеніе къ Западу и Тургеневъ убѣдительно просилъ своего противника прочитать отвѣтъ мертвой головы оскорбителю:

Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!
Я вѣдь кость то не мошенницка,
Я вѣдь кость не подорожницка,
Я вѣдь кость и не татарская,
А была я кость крестьянская.
Не тебѣ меня бы и попинывать,
Не тебѣ меня побрасывать.
Самъ я молодецъ тебя не хуже былъ,
Да умѣю молодецъ, валятися.
А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
Тамъ же и Василію кататися,
И Васильевой головушкѣ валятися.

Подобную отповѣдь прочтетъ Тургеневъ Герцену, сулившему гибель западной цивилизаціи не въ примѣръ исключительному будущему русскаго народнаго міра.

Аксаковыхъ не меньше восхищали другія свойства русскаго народа,—народныя по преимуществу:—„мирное восхожденіе въ духѣ и разумѣ“,—безъ исторіи, безъ учрежденій, безъ борьбы съ другими народами. Все это для русскаго народа злая судьба, послѣдствія внѣшнихъ нападеній, а потомъ петровскихъ преобразованій. Очевидно, сохраненіе древняго быта, какъ онъ отразился въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ,—самое желанное будущее: ни цивилизаціи, ни внѣшнихъ сомнѣній, ни даже государственнаго устройства, какимъ его выработала исторія, въ особенности европейская. А такъ какъ развитіе европейской цивилизаціи двигалось—*личностью*, усложненіемъ ея за-

просовъ, ея возстаніями, ея борьбой за право и свободу,—то понятіе личности въ европейскомъ воинствующемъ смыслѣ приходится считать явленіемъ не свойственнымъ русскому народному міру „свѣтлому и ясному“. Спокойная, стройная, прирожденно-благородная и естественно-*образованная* жизнь „міра“ безъ индивидуалистическихъ треволненій такова должна быть картина русской національной судьбы.

Тургеневъ рѣшительно отказывался согласиться съ подобной философіей русской исторіи, не подавалъ надежды на согласіе и въ будущемъ, сколько бы Аксаковъ его ни убѣждалъ,—въ подтвержденіе своей непоколебимости даже вошелъ въ оцѣнку своего личнаго характера.

„Съ Константиномъ Сергѣевичемъ, писалъ онъ его отцу,—я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ мірѣ видитъ какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и собственность—если такъ можно выразиться—Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную основную почву, но не болѣе, какъ почву—форму, *на* которой строится, а не *въ* которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ: но Константинъ Сергѣевичъ мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что ни говори, уничтожается, а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сражаться до конца. Обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ въ іюлѣ; но пословица гласитъ: „горбатаго исправитъ могила“, а мы съ нимъ чуть ли не оба горбаты, только въ разные стороны. Хотя я принадлежу болѣе къ „тряпкамъ“, но вѣдь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотомъ сколько угодно бей по ней,—ничего не сдѣлаешь“...

Столкновеніе взглядовъ Тургенева и Аксаковыхъ произошло не только въ перепискѣ. Два разсказа, написанные въ заключеніи и въ ссылкѣ, особенно понравились Аксаковымъ. Иванъ Аксаковъ чрезвычайно хвалилъ *Муму*, а *Постоялый дворъ* прямо привелъ въ восторгъ и отца и сыновей. Восхищеніе Аксаковыхъ—понятно,—но Тургеневу оно принесло не одно удовольствіе.

Оба разсказа могли бы войти въ *Записки Охотника*. Къ *Запискамъ* Тургеневъ написалъ *Эпилогъ*—*Лѣсъ и степь*—заключительную хвалу русской природѣ и охотѣ. *Муму* и *Постоялый дворъ* также эпилогъ. Они не хвала русскому крестьянину, по крайней мѣрѣ, не столь очевидная какъ *Лѣсъ и степь*—охотѣ и природѣ,—они гораздо шире: они—объясненіе всѣхъ лицъ, бытовыхъ явленій и случаевъ, описанныхъ въ *Запискахъ*. Смыслъ *Записокъ* для всѣхъ былъ ясенъ: помѣщики во всѣхъ отношеніяхъ ниже своихъ крѣпостныхъ. Крестьяне умнѣе, даровитѣе, даже мужественнѣе своихъ господъ. Если кто

высшая порода и въ комъ течетъ дѣйствительно благородная, голубая кровь,—отнюдь не въ Пѣночкиныхъ и Хвалынскихъ, а въ Касьянахъ и въ Бирюкахъ. На чемъ же тогда зиждится крѣпостное право,—не какъ государственный порядокъ, а какъ явленіе, признаваемое народомъ, подчиняющее народъ не только за страхъ но и за совѣсть? Какъ объяснить, что умный и смѣлый Бирюкъ говоритъ съ почтеніемъ о своемъ долгѣ предъ „барскимъ хлѣбомъ", и цѣлый рядъ такихъ же умныхъ, добрыхъ крестьянъ, при всемъ ничтожествѣ и безсмысленныхъ часто жестокихъ привередничествахъ своихъ господъ, все прощаютъ и все оправдываютъ однимъ внушительнымъ для нихъ доводомъ: „вѣдь онъ все таки есть баринъ". Барину, слѣдовательно, достаточно быть бариномъ, чтобы получить непререкаемое право на какіе угодно нравственные пороки и недостойныя дѣла и всякое даже вполнѣ естественное негодованіе и отвращеніе смолкали предъ нимъ—въ жалкомъ безсиліи, въ безмолвномъ чувствѣ покорности и даже почтенія. Развѣ только какой-нибудь парѣдкость независимый Хорь позволитъ себѣ слегка заочно подтрунить надъ бариномъ, видя „насквозь" его полную никчемность и корыстное самоуправство надъ безотвѣтнымъ мужикомъ. Какъ этотъ благородный и одаренный народъ могъ быть порабощенъ до такой степени, доведенъ до такого *непротивленія злу?*

Нѣмой Герасимъ и дворникъ Акимъ призваны еще разъ воплотить эту изумительную черту, при чемъ у Нѣмого—лица дѣйствительнаго—въ жизни она оказалась еще поразительнѣе, чѣмъ въ разсказѣ. У Варвары Петровны былъ дворовый Андрей нѣмой, силачъ, работяга. Съ нимъ случилось все, какъ въ разсказѣ съ Герасимомъ,—только Андрей, лишившись Муму по прихоти госпожи, сохранилъ прежнюю къ ней преданность, до ея смерти служилъ ей. Исторія Акима такая же правдивая и сильная. И обѣ исторіи—по одному плану: причины бѣдъ—барыни, старыя, одинокія, сами по себѣ совершенно ничтожныя. Сила не въ ихъ личностяхъ, а въ ихъ положеніи. Оно—будто таинственная слѣпая власть—обрушиваетъ всякія бѣды на всякаго, на кого поднимается немощная барская рука,—и обрушиваетъ чужими здоровыми руками,—руками такихъ же рабовъ какъ самъ опальный рабъ. Дворецкій, приживалка, главная горничная—во всякую минуту готовы осуществить барскую власть въ какихъ угодно размѣрахъ и на комъ угодно. И они чаще всего злѣе, преступнѣе и ревнивѣе къ барской власти, чѣмъ ихъ повелители. И—что удивительнѣе всего—„подданные" преклоняются и предъ этой властью, часто безропотно и съ такимъ же почтеніемъ, какъ предъ властью самого барина. Нѣтъ, очевидно, ни одного уродства человѣческой

природы, какое на полной волѣ—не вызвало бы въ окружающей жизни своего *естественнаго подбора* и будто магнитомъ не притянуло бы къ себѣ все сходственное и родственное.

Лица въ обоихъ разсказахъ поставлены другъ противъ друга съ необыкновенной яркостью: барыня Герасима вызываетъ отвращеніе и негодованіе,—болѣе отвратительнаго существа не могло, вѣроятно, породить, даже крѣпостное право. Несомнѣнно, сила впечатлѣнія объясняется подлинностью самого лица и всѣхъ подробностей. Художникъ и человѣкъ совершенно устранили сына,—ясность, сила и спокойствіе, о какихъ мечталъ Тургеневъ въ это время, были достигнуты сполна. Ни въ одной литературѣ нѣтъ разсказа—такого трогательнаго безъ чувствительности, такого волнующаго гнѣвомъ и состраданіемъ—безъ намѣренности. Самый языкъ какъ и въ *Постояломъ дворѣ*—иной чѣмъ въ *Запискахъ Охотника:* будто безличный, *не авторскій*, событія сами отпечатлѣваются словами, настроенія сами превращаются въ звуки, разсказъ ведетъ не писатель, а кто-нибудь изъ простыхъ свидѣтелей драмы, хоръ русскаго народа,—мудрый, величавый, полный того одушевленнаго но яснаго спокойствія предъ людскимъ горемъ и зломъ, какое говоритъ о великой пока скрытой мощи народной души. Какая должна зазвучать грозная непобѣдимая рѣчь, когда Нѣмой заговоритъ, и какая буря праведнаго гнѣва сметётъ съ лица земли мѣщанскую душу г-жи Кунце и холопское счастье ея рабынь, когда Акимъ потребуетъ возмездія за свою разбитую жизнь!

Но Нѣмой молчитъ, Акимъ не думаетъ о возмездіи и даже не считаетъ своей жизни разбитой. Оба они уходятъ подальше отъ барскаго двора—этого царства безумія и злодѣйства,—одинъ на крестьянскую работу, другой на странническую молитву. И даже больше: работа Нѣмого пойдетъ на пользу той же барынѣ, и молитва Акима не минуетъ г-жи Кунце. И оба пребудутъ „совершенно спокойны и счастливы“,—они одинокіе и обездоленные. Не кажется ли вамъ,—этимъ разсказамъ немногаго не достаетъ, чтобы стать народными повѣстями о блаженныхъ и святыхъ? Иначе народъ и не понимаетъ святости: отойдти отъ зла и сотворить благо, унести чистоту своей души изъ злобнаго суетнаго міра въ „одинокую избу“ Герасима или на страннической путь Акима.

А что станется съ злобнымъ и суетнымъ міромъ? На сколько это зависитъ отъ Герасима и Акима,—онъ можетъ процвѣтать невозбранно. Великъ трудъ Нѣмого и благочестивы молитвы странника,—но они грѣшнаго міра не спасутъ, порабощенныхъ не освободятъ и поработителей не образумятъ и не обратятъ. Ничто не помѣшаетъ барынямъ и ихъ дворецкимъ творить злыя дѣла и высылать въ пустыни и на

дороги все новымъ Акимовъ. Развѣ только г-жа Кунце, ограбившая Акима и успокоенная его безропотностью, начнетъ по ея словамъ, „очень уважать русскаго мужика“,—и за уваженіе брать съ него сугубую дань рабства и лишеній.

Оба разсказа имѣли несравненно болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ *Записки Охотника*. Тамъ ставился вопросъ объ *учрежденіи*, здѣсь о *государствѣ*, тамъ положеніе крѣпостнаго мужика, здѣсь судьба русскаго народа. Крѣпостные были вездѣ,—но гдѣ были Герасимы и Акимы, какъ лучшіе, благороднѣйшіе представители своего народа? Гдѣ въ отвѣтъ на гоненія и неправду эти лучшіе уходили и совершали свой часто подвижническій путь *стороною, мимо* гонителей—своихъ враговъ и гонимыхъ—своихъ братьевъ? Пусть такъ продолжится на всѣ поколѣнія и на всѣ времена,—что останется на русской землѣ? Конюшня для барской власти и монастырь для мужицкой молитвы.

Что долженъ былъ почувствовать Тургеневъ, когда Аксаковы пришли въ восторгъ отъ обоихъ разсказовъ, и больше всего отъ Акима? Много лѣтъ спустя Тургеневъ писалъ Віардо изъ Спасскаго о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ: русскія деревни подавляли его непокрытой бѣдностью. „Святая Русь далеко не процвѣтаетъ! Впрочемъ для святого это и необязательно“, съ горькой усмѣшкой прибавлялъ онъ. Акимъ странникъ, несомнѣнно, обыватель Св. Русси... Аксаковы имъ восхитились какъ человѣкомъ, совершенно непохожимъ на европейца. Старикъ Аксаковъ благодарилъ за „отрадное чувство“, пережитое имъ. Сыновья принялись подробно сравнивать Акима съ „западнымъ человѣкомъ“, находили его „несказанно выше“. У западнаго писателя Акимъ непремѣнно вышелъ бы картиннымъ злодѣемъ, при чемъ въ его злодѣяніяхъ было бы обвинено общество. Иванъ Аксаковъ считалъ разсказъ „не только великой литературной и общественной заслугой, но и личнымъ нравственнымъ подвигомъ, дѣломъ души“. Константинъ Аксаковъ снова воспользовался случаемъ—превознести „особенность русскаго человѣка и русской исторіи“: „она и состоитъ въ отсутствіи всякаго эффекта, всякой фразы“. На западѣ „вѣчная картина“ „подавила всякую искренность“,—и теперь западъ представляетъ „раздраженную соблазнительно—красивыми мечтаніями мысль и совершенно изнеможенную волю, ибо ни въ чемъ нѣтъ тамъ правды, все эффекты, вездѣ картинка, и вмѣстѣ личное самолюбіе на первомъ планѣ“. Наоборотъ въ русскомъ человѣкѣ и въ русской исторіи „простота, безпримѣсное добро, отсутствіе личнаго самолюбія“, и „какая постоянная скромность, какъ бы ни было велико дѣло! Какое смиреніе“! Тургеневъ, читая эти восхваленія, могъ счесть ихъ автора за несовсѣмъ русскаго человѣка: скромность и смиреніе, несомнѣнно, отсутствовали

въ такомъ сопоставленіи Россіи и Запада. А Константинъ Аксаковъ все сильнѣе увлекался мыслями по поводу Акима и готовился писать Тургеневу все новыя письма. Онъ очаровывался и самимъ авторомъ, видѣлъ въ немъ „искреннее и плодотворное стремленіе къ русской землѣ“, выражалъ увѣренность,—они „больше не разойдутся“.

Всѣ эти похвалы и личныя сочувствія, какъ ни было лестно для Тургенева слышать ихъ отъ такихъ благородныхъ и высоко-развитыхъ людей, все-таки должны были заставить его призадуматься. Похоронить Западъ онъ никакъ не могъ такъ же какъ и признать высшей нравственной красотой смиреніе. Что на Западѣ было не мало эффекта и фразы,—это онъ зналъ не хуже Константина Аксакова, и не побоялся неразъ заявить объ этомъ всепардно. Какъ разъ во время переписки съ Аксаковыми онъ впервые насмѣялся надъ униженіями, какимъ подвергаются простодушные русскіе европейцы на Западѣ предъ всякимъ встрѣчнымъ проходимцемъ. *Вечеръ въ Сорренто* написанъ въ одно время съ *Постоялымъ дворомъ* и даже Константинъ Аксаковъ не пожелалъ бы болѣе злого изображенія для „французика“, „какого-нибудь этакого фигурантика“, какого живописуетъ черноземный русскій помѣщикъ Аваковъ. Русскіе варвары—глупы, но у нихъ есть деньги,—таковъ, по мнѣнію помѣщика, весь смыслъ вниманія французовъ къ русскимъ. Въ разсказѣ *Два пріятеля*—авторъ отъ себя рисуетъ еще болѣе отталкивающій образчикъ французской наглости и французскаго варварства. Несчастный „московитъ“ за свою страсть къ заграницѣ и особенно къ Парижу расплачивается жизнью: его убиваетъ на дуэли французскій капитанъ изъ-за публичной женщины при дѣятельномъ участіи другихъ не менѣе тупыхъ и пошлыхъ французскихъ героевъ въ офицерскихъ мундирахъ. Разсказъ объ этой дуэли можно принять за убійственную сатиру надъ французами, по-крайней мѣрѣ, военнаго сословія, и она съ этихъ поръ станетъ повторяться въ отзывахъ Тургенева вообще о французахъ, Аксаковы могли быть довольны, тѣмъ болѣе что Тургеневу вскорѣ представится случай сообщить имъ поразительный образчикъ французской литературной беззастѣнчивости. Нѣкій Шаррьеръ перевелъ *Записки Охотника.* Тургеневъ приводилъ всего одинъ едва вѣроятный примѣръ: слова „я убѣжалъ“—французъ переводилъ такъ: „je m'enfuis d'une course folle, effarée, échevelée, comme si j'eusse à mes traces toute une légion de couleuvres commandée par des sorcières“, „и все въ этакомъ родѣ“, жаловался Тургеневъ, каковъ безсовѣстный французъ! И за что я теперь долженъ, по его милости превратиться въ шута“! Пришлось заявить въ *Journal de St. Petersbourg*, что въ переводѣ Шаррьера *Записокъ Охотника* „нѣтъ четырехъ строкъ къ ряду вѣрно переведенныхъ“.

И вся бѣда произошла отъ французскаго эффекта и фразы,—о чемъ съ такимъ презрѣніемъ писалъ Константинъ Аксаковъ. Въ послѣднихъ произведеніяхъ Тургенева онъ могъ найдти и другое совпаденіе съ своими мыслями: хотя Тургеневъ пытался защитить „людей—обезъянъ" отъ полнаго упраздненія ихъ славянофиломъ,—самъ безпощадно въ это же время издѣвался надъ ними. Въ томъ же разсказѣ *Два пріятеля*—появляются сразу три „обезьяны": мамаша Пелагея Ивановна съ неотразимой дочерью Эмеренціей и госпожа Заднѣпровская,—изъ нея должна въ будущемъ развиться Евдоксія Кукшина. Домашняя обстановка, внѣшность, вкусы, разговоръ Заднѣпровской—образецъ обезъяньяго быта и нрава: даже русскій европеецъ, любитель Парижа, почувствовалъ тошноту. Всѣ сочувствія автора покоятся на людяхъ, какихъ Аксаковъ могъ бы признать примѣромъ русской простоты и скромности и полнаго отсутствія фразы. У старика Барсукова воздержанность рѣчи низведена почти до безсловесія: „что бы ему ни говорили, съ улыбкой на все отвѣчалъ: „брау, брау"! Но умѣлъ онъ чувствовать глубоко и вѣрно, людей понималъ тонко, особенно—фразёровъ съ „благороднымъ негодованіемъ", выдуманнымъ, по его убѣжденію, подлецами. Его мужики благоденствовали и всѣ сосѣди ѣзжали въ его домъ, какъ въ свой. Столько молчаливаго благородства, непоказнаго ума, чисто—русскаго хлѣбосольства! Вотъ человѣкъ изъ „древняго русскаго міра"!—могъ бы воскликнуть славянофилъ.

Вѣрочка—его достойная дочь,—самая прозрачная и безхитростная изъ всѣхъ тургеневскихъ Вѣрочекъ. Естественность ея сверхъ всякой мѣры: она даже не мечтаетъ по дѣвичьему обычаю,—она, пожалуй, проще былинныхъ поленицъ—удалыхъ: ей ужъ никакъ не пришло бы на умъ „всѣхъ продать да выкупить, а Владиміра—то князя и съ ума свести". У нея нѣтъ никакого вкуса къ женскому кокетству. Она не понимаетъ никакихъ намековъ на любовь, увлеченіе, вообще ни на какой романтизмъ и романизмъ. Въ замужествѣ она будетъ сверхъ—Татьяна: и вѣрна, и безропотна, и хозяйственна. Авторъ такъ недавно изображалъ прихотливую игру женскаго воображенія и сердца, открывалъ увлекательныя тайны пробуждающагося дѣвичьяго чувства,—въ недалекомъ будущемъ онъ покажетъ не менѣе сложныя и еще болѣе благородныя женскія души, исполненныя жажды подвига,—теперь онъ на сторонѣ такой будничной деревенской Вѣрочки,—безъ тайнъ и поэзіи, даже безъ нервъ и настроеній. Онъ заставляетъ жестоко поплатиться изящнаго по легкомысленнаго господина, не оцѣнившаго достоинствъ Вѣрочки. Будто онъ желалъ простой и чистый уютъ Вѣрочкинаго хозяйства сопоставить съ пошлымъ, наглымъ и развратнымъ Парижемъ, тихое мирное счастье русскаго деревенскаго

захолустья съ заграничной низменной, безсмысленной и жестокой сутолокой. Какіе скромные и благородные люди въ русской деревнѣ, —и какіе отбросы человѣческой природы тамъ—въ блестящемъ съ виду далекѣ! И если спросить, гдѣ возможно счастье, столь рѣдкое на землѣ? И въ чемъ это счастье? Отвѣтъ автора въ концѣ разсказа: „Петръ Васильевичъ, его жена, всѣ его домашніе проводятъ время очень однообразно—мирно и тихо: они наслаждаются счастіемъ... потому что на землѣ другого счастія нѣтъ“.

Это настроеніе у Тургенева не мимолетное. Оно останется у него на всю остальную жизнь, а пока внушитъ ему еще одно произведеніе, по сочетанію дѣйствующихъ лицъ, по смыслу содержанія очень похожее на разсказъ *Два пріятеля.* Оно даже названо будто символическимъ названіемъ—*Затишье,*—и главное женское лицо тоже будто символъ—Марья Павловна—рѣдкая „прямо-русская степная красота“, во всей неприкосновенности сохранившая до новаго бойкаго пестраго вѣка—величавость, строгость и неизбѣжную женскую ограниченность дѣдовскихъ временъ. Кажется,—ни одного чувства не переживаетъ это честное сердце слегка, мимоходомъ, для развлеченія, —и это не по убѣжденію, а такая ужъ природа, та самая, какая въ старой Руси явила міру богатырскую совѣсть старой вѣры, какая непреклонной волей въ теченіи вѣковъ строила русскую землю. Жить, какъ вѣрую или лучше смерть,—такъ училъ великій Протопопъ. „Себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть“;— и тотъ же Протопопъ съ презрѣніемъ отзывался о человѣкѣ, „суетѣ который уподобится“: „скачетъ яко козелъ, раздувается яко пузырь, лукавственный яко бѣсъ“... Какъ ни неожиданно,—но эти рѣчи и образы древней Москвы, исполненной своего незаимствованнаго достоинства, невольно припоминаются, когда эта извнѣ похожая на Юнону русская дѣвушка проходитъ свою краткую молчаливую затаенно—трагическую жизнь—безъ женскихъ слезъ и немощныхъ жалобъ, „проходя подвигъ“—по выраженію того же Аввакума,—„не на басняхъ“. Марья Павловна сестра по духу Акиму,—и эти два лица—одна волна въ творческомъ потокѣ тургеневскаго вдохновенія. И всѣ кругомъ— какое художественное дополненіе картины! Будто даже бури и грозы природы обходятъ этотъ укромный уголъ тихихъ людей—слегка простодушныхъ, слегка насмѣшливыхъ, слегка—смѣшныхъ, въ общемъ сплошь „складныхъ душъ“! Ихъ жизнь—будто однотонная, но несказанно гармоничная воркующая симфонія,—и отдѣльныя ноты—напримѣръ голосъ Марьи Павловны звучатъ *своей* глубокой неповторимой красотой. Рѣзкіе и пошлые звуки прилетаютъ издалека и это подчеркивается авторомъ: непрошенные участники степной симфоніи—

„джентльменъ изъ Петербурга“ и „господинъ съ береговъ Вислы“, —особенно этотъ господинъ Стельчицкій по природѣ подлый, по карьерѣ шулеръ, возмѣщающій недостатокъ ума и нравственной чистоплотности гоноромъ, бутафорской честью. Это задорныя птицы низкаго полета изъ далекаго задорнаго царства—большихъ городовъ и чужеземныхъ притоновъ попадаютъ въ Затишье забѣгомъ,—ихъ родная стихія—Невскій проспектъ и заграничная гостинница. Невскимъ кончаетъ третье лицо, внесшее въ Затишье не одинъ задоръ, а настоящую драму. Это лицо уже появлялось мелькомъ въ разсказѣ *Два пріятеля*—подъ именемъ „недоучившагося студента“ Карантьева, изъ талантливыхъ натуръ, подающихъ надежды до самой смерти, пѣвецъ и плясунъ на зависть всѣмъ цыганамъ. Вѣрочкѣ нравились его пѣсни, но для увлеченія имъ у нея было слишкомъ мало темперамента и слишкомъ большая требовательность къ внѣшней порядочности. Марья Павловна—полнокровная дочь степей, сама звучащая то удалыми, то задумчивыми пѣснями,—полюбила на жизнь и смерть двойника Карантьева, Веретьева, можетъ быть,—только болѣе самоувѣреннаго и искуснаго въ показываньи своихъ талантовъ. За что полюбила? Можетъ быть за то, что для русской натуры и дѣвичьей въ особенности, какъ бы строга и сильна она ни была, вѣчный соблазнъ—въ удали и беззавѣтности, въ томъ самозабвеніи богатырской души, когда нѣтъ, кажется, для нея ни непосильнаго подвига, ни непереноснаго страданія. А Веретьевъ умѣлъ казаться удалымъ и сильнымъ, самъ вѣрилъ въ свою удаль и силу,—и какое смутное приводящее въ сладкій трепетъ будущее грезилось очарованной Марьѣ Павловнѣ съ этимъ „игрецомъ и дудцомъ и на всѣ руки молодцомъ!“ Въ *Затишьѣ* онъ являлся ей *ея* Инсаровымъ,—обманъ разсѣялся и она задохлась въ страшной правдѣ.. Въ полномъ смыслѣ *русскій* романъ въ его чистѣйшемъ видѣ,—безъ вмѣшательства навѣянныхъ идей и сложныхъ идеаловъ—злосчастная любовь „красной дѣвицы“ къ „добру-молодцу“. И опять какое сопоставленіе! Русская „красна-дѣвица“ гибнетъ отъ своей несбывшейся мечты, а блестящая просвѣщенная барышня, супруга „господина съ береговъ Вислы“ нашла въ немъ гораздо худшее, чѣмъ спившійся Веретьевъ,—и—утѣшилась, какъ полагается легковѣсной русско-европейской душѣ: среди утѣшителей тотъ самый г. Попеленъ, французскій художникъ—съ бородкой, въ курточкѣ и съ ужимочкой, какой выводилъ изъ терпѣнія черноземнаго помѣщика Авакова вечеромъ въ Сорренто.

Ни въ сочувствіи, ни въ презрѣніи автора не можетъ быть сомнѣній. Деревня, близкое и непрерывное общеніе съ народомъ и его бытомъ, изученіе народной души и народной жизни въ прошломъ

по непосредственнымъ источникамъ—по народному творчеству—обогатили Тургенева не только новыми наблюденіями и знаніями—ихъ было не мало и для *Записокъ Охотника*—но заставили его вдуматься въ сущность нравственной природы русскаго народа. Переписка съ Аксаковыми толкала къ той же цѣли. Особенно два качества русскаго народнаго характера—простота и отсутствіе фразы,—настойчиво подчеркивались Аксаковыми въ противоположность обезьянству русскихъ европейцевъ и фразёрству, по крайней мѣрѣ, многихъ подлинныхъ европейцевъ,—и Тургеневъ, по личному опыту не могъ не согласиться съ указаніями. Ему теперь особенно ярко припомнились многочисленные примѣры словеснаго щегольства, столь свойственнаго французамъ, національная узость ихъ культурнаго кругозора, ихъ прирожденное непониманіе почти всего не-французскаго и прочно усвоенное презрѣніе къ простодушнымъ русскимъ варварамъ. Съ этихъ поръ въ произведеніяхъ Тургенева появляется излюбленный свой „французикъ изъ Бордо"—дважды онъ именуется Mr. Popelin, потомъ это будетъ Мсьё Вердье—предметъ восторга для просвѣщенныхъ русскихъ путешественниковъ и проходимецъ—шутъ на взглядъ просто-умныхъ русскихъ людей. Этотъ мсьё будто воплотитъ заграничную цивилизацію, самую доступную и милую отечественнымъ полу-цивилизованнымъ „варварамъ". Можетъ быть, въ связи съ этими мыслями стали представляться Тургеневу въ иномъ свѣтѣ и его личныя отношенія къ заграничнымъ людямъ, даже къ самымъ близкимъ, къ семьѣ Віардо и къ самой Полинѣ Віардо. Не припоминалось ли ему по временамъ *его* положеніе „дикаря" и „варвара" среди Парижанъ? Вѣдь именно этими словами называли его въ милую шутку въ домѣ Віардо и въ обществѣ французскихъ литераторовъ. Но всегда ли шутка была милой и одна ли только шутка скрывалась за панибратскимъ обращеніемъ? Врядъ ли на высотѣ артистическаго эстетизма и парижскаго шика можно было удержаться отъ нѣкоторой,—по крайней мѣрѣ, доли снисходительности и покровительственности къ преданному поклоннику и необыкновенно деликатному, почти застѣнчивому франко-рюссу? А кромѣ того великорусскій глазъ Тургенева великолѣпно видѣлъ мелочность и крохоборство французской будничной жизни, безнадежно мѣщанской по природѣ и обычаю—при всѣхъ политическихъ революціяхъ и литературныхъ романтизмахъ. Впослѣдствіи онъ и не скрывалъ невольнаго отвращенія своей открытой русской натуры къ французскому грошовничеству, охотно щеголяющему въ разныхъ взвинченныхъ пустопорожнихъ эффектахъ.

Насколько роднѣе и желаннѣе казался безхитростный русскій бытъ—подчасъ безтолково но искренне широкій у богатыхъ, простой,

часто задушевный у бѣдныхъ! Простота и искренность всегда были для Тургенева высшими достоинствами,—теперь онъ будто влюбленъ въ нихъ. А странное но вполнѣ дѣйствительное сознаніе надвигающейся преждевременной старости превращаетъ влюбленность въ жажду уютной прочно упорядоченной жизни. Деревенская ссылка, можно думать, окончательно готовила Тургенева къ семейному пристанищу, *своему гнѣзду*. Немедленно послѣ освобожденія у Тургенева выяснились опредѣленные планы на женитьбу. Но, какъ въ *Перепискѣ* Алексѣю Петровичу не суждена, можетъ быть,—рѣшающая встрѣча съ Марьей Александровной и вихрь роковой „лихорадки“ уноситъ его далеко отъ родины и возможнаго тихаго счастья,—такъ и у Тургенева обрываются отношенія съ О. А. Тургеневой: „всѣ эти планы канули въ воду, писалъ Тургеневъ старому Аксакову,—карты сказали правду“. Старику, пожалуй, не трудно было разгадать судьбу Тургенева даже по картамъ. Не могъ онъ быть менѣе проницательнымъ, чѣмъ фрейлина Тютчева, не находившая у Тургенева *l'épine dorsale morale*,—въ переводѣ Ивана Аксакова это значитъ „тряпка характеромъ“. Слишкомъ сильно и какъ обобщеніе—несправедливо,—но въ коренномъ вопросѣ личной жизни Ивана Сергѣевича—неразъ доказано имъ самимъ.

Деревня приспособляла къ мирному русскому быту не только сердце Тургенева,—она тронула своими вѣяніями его „западничество“. Оно никогда не было ни слѣпымъ, ни крайнимъ, но теперь оно стало вполнѣ трезвымъ и независимымъ, до такой степени, что Тургеневу вскорѣ придется неразъ оправдываться предъ европейцами въ слишкомъ презрительномъ отношеніи къ нимъ въ его произведеніяхъ. Особенно часто придется обижаться нѣмцамъ:—за *Наканунѣ*, за *Несчастную*, за *Вешнія воды*, а о французахъ личная переписка Тургенева запестритъ уничтожающими насмѣшками.

И все таки Аксаковы не открыли въ немъ своего человѣка. Пока шла только переписка,—совѣтъ и любовь кое какъ держались. Но положеніе измѣнилось, лишь только Тургеневъ сталъ на время частымъ гостемъ въ Московской семьѣ.

Какъ ни наполнялъ онъ свое уединеніе въ деревнѣ,—запретъ выѣзда тяжко угнеталъ его. Въ апрѣлѣ въ годовщину заключенія въ полицейской части Тургеневъ обратился съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Наслѣднику. Онъ признавалъ свою вину—напечатанье въ Москвѣ статьи недопущенной въ Петербургѣ,—но называлъ вину невольной. Ссылаясь на разстройство здоровья, онъ просилъ разрѣшенія посовѣтоваться съ столичными врачами. Шефъ жандармовъ Орловъ не далъ движенія прошенію. Наконецъ вмѣшались въ дѣло

Смирнова, извѣстная пріятельница Гоголя и гр. А. Толстой—поэтъ и церемоніймейстеръ. Орловъ 14 ноября 1853 года доложилъ Государю о раскаяніи Тургенева и о томъ, что двухлѣтнее наказаніе послужитъ ему „должнымъ урокомъ". Государь согласился простить, но прибавилъ: „имѣть подъ строжайшимъ здѣсь присмотромъ". Прощеніе пошло по инстанціямъ и 8 декабря мценскій земскій судъ доносилъ губернатору: „Г. Тургеневъ отправился въ столичный городъ Санктъ-Петербургъ для совѣщанія съ опытными врачами". Надзоръ надъ Тургеневымъ продолжался до Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

X.

Тургенева встрѣтили въ Петербургѣ съ великой радостью. Редакція *Современника* устроила многолюдный обѣдъ своему сотруднику—благодѣтелю. Въ это время Некрасовъ былъ убѣжденъ, что Тургеневъ „спаситель" журнала и безъ него „хоть закрывай лавочку". Большое любопытство, мы знаемъ, возбуждалъ Тургеневъ и въ противоположномъ станѣ. Семья Аксаковыхъ ждала его, какъ желаннаго гостя. Константинъ Аксаковъ горѣлъ желаніемъ—наговориться съ нимъ и, можетъ быть, даже договориться до единой правой вѣры. Для Аксакова она была вполнѣ установлена со всѣми догматами,—но такими, что съ нимъ даже въ семьѣ соглашалась, повидимому, только его старшая сестра—Вѣра, восторженно, мистически религіозная. Надежды не сбылись. Тургеневъ произвелъ на семью Аксакова худшее впечатлѣніе, чѣмъ его письма. Вѣрѣ Сергѣевнѣ онъ очень не понравился и она изобразила его въ своемъ дневникѣ почти сплошь отрицательными чертами. По женски прямолинейная она, разумѣется, слишкомъ нажала перо,—но сущность ея отзыва, несомнѣнно, признавалась правильной всѣми Аксаковыми, вообще славянофилами: недаромъ въ семьѣ Вѣра Сергѣевна именовалась „умницей".—Впечатлѣнія важны не столько своимъ прямымъ смысломъ, сколько отраженіемъ нѣкоторыхъ несомнѣнно подлинныхъ мыслей и чувствъ Тургенева.

„Я со вниманіемъ всматривалась въ него, пишетъ Аксакова, и прислушивалась къ его словамъ и вотъ что могу сказать. Это человѣкъ кромѣ того, что не имѣющій понятія ни о какой вѣрѣ, кромѣ того что проводилъ всю жизнь безнравственно и котораго понятія загрязнились отъ такой жизни, это—человѣкъ способный испытывать только физическія ощущенія; всѣ его впечатлѣнія проходятъ черезъ нервы, духовной стороны предмета онъ не въ состояніи ни понять, ни почувствовать. Духовной, я не говорю въ смыслѣ вѣры,—но человѣкъ даже не вѣрующій, или магометанинъ способенъ оторваться на время отъ земныхъ

и матерьяльныхъ впечатлѣній, иной въ области мысли, другой подъ впечатлѣніемъ изящной красоты въ искусствѣ. Но у Тургенева мысли есть плодъ его чисто земныхъ ощущеній, а о поэзіи онъ самъ выразился, что стихи производятъ на него физическое впечатлѣніе и онъ, кажется, потому судитъ хороши ли они или нѣтъ; и когда онъ читаетъ ихъ съ особеннымъ жаромъ и одушевленіемъ, тотъ жаръ именно передаетъ какое-то внутреннее физическое раздраженіе и красоты чистой поэзіи уже нечистыя выходятъ изъ его устъ. У него есть какія то стремленія къ чему то болѣе деликатному, къ какой то душевности, но не духовному; онъ—весь человѣкъ ощущеній, впечатлѣній, человѣкъ, въ которомъ нѣтъ даже языческой силы и возвышенности души, дряблость душевная какъ и тѣлесная, не смотря на его огромную фигуру".

Вскорѣ и Константинъ Аксаковъ возмутился Тургеневымъ, его „гастрономическими вкусами въ жизни", но больше всего—признаніемъ Тургенева, что Бѣлинскій и его письмо къ Гоголю—„вся его религія". На счетъ неспособности Тургенева понимать „духовное",—Константинъ Аксаковъ даже написалъ стихи, вполнѣ одобренные Хомяковымъ. Онъ и Аксаковы со всѣхъ сторонъ старались вразумить Тургенева. Старая хозяйка брала съ Тургенева честное слово—пойдти въ слѣдующее воскресенье въ церковь, Константинъ пробовалъ уяснить ему значеніе брака какъ таинства. Въ церковь пойдти Тургеневъ соглашался,—но признать бракъ таинствомъ рѣшительно отказался. Но Вѣра Сергѣевна не можетъ скрыть,—Тургеневъ въ спорахъ съ ея братомъ и Хомяковымъ „говорилъ очень умно", особенно возражая на мнѣнія Константина о русскомъ человѣкѣ, т. е. крестьянинѣ. Кромѣ того,—у Тургенева, несомнѣнно, можно бы открыть и кое-что духовное: напримѣръ, разсказъ изъ хроники С. Т. Аксакова о Куроѣдовѣ—извергѣ—крѣпостникѣ—произвелъ на него самое сильное впечатлѣніе среди всѣхъ слушателей: „Тургеневъ расходился, пришелъ въ неистовство, нервы его раздражились",—записываетъ Аксакова, врядъ ли понимая, что этого записать было бы невозможно о человѣкѣ, способномъ „только испытывать физическія ощущенія", безнадежно загрязненномъ безнравственной жизнью и безсильномъ оторваться даже на время „отъ земныхъ и матерьяльныхъ впечатлѣній". Повидимому,—и письмо Бѣлинскаго заслуживало иной оцѣнки, кромѣ негодованія,—если его признавалъ своей религіей человѣкъ такой чуткій къ народнымъ страданіямъ. Наконецъ, неужели безъ всякой „возвышенности души" можно написать *Муму* и *Постоялый дворъ*—такъ восхитившіе тѣхъ же Аксаковыхъ? Старикъ Аксаковъ называлъ исторію Акима: „русская драма жизни, некрасивая по внѣшности, но потрясающая душу", а

Иванъ Аксаковъ разсказъ считалъ „личнымъ нравственнымъ подвигомъ, дѣломъ души“.

Но у Аксаковыхъ и ихъ единомышленниковъ имѣлась своя вѣра и любовь, настоящая *приходская* вѣра и она не прощала инако—вѣрующимъ. Тургеневъ меньше всего восхищался тѣми явленіями и свойствами русской народной жизни, какія отдаляли её отъ европейской, т. е. общечеловѣческой цивилизаціи. Аксакова въ одномъ права: Тургеневъ не чувствовалъ себя православнымъ и, можетъ быть, свобода отъ этого чувства выражалась иногда въ такой же слишкомъ одноцвѣтной картинѣ, въ какой Аксакова рисуетъ его невѣрующую душу. Напримѣръ,—изъ всего бѣднаго и загнаннаго сельскаго люда меньше всего сочувствія у Тургенева къ духовенству. Но вѣра его—хотя и не православная—не подлежала сомнѣнію. Въ личной жизни она утѣшеній приносила, разумѣется несравненно меньше, чѣмъ непоколебимая религіозная вѣра. Мы увидимъ,—предъ Тургеневымъ стояла во всемъ ужасѣ страшная загадка жизни—холодная, безличная къ человѣческимъ страданіямъ совершенно равнодушная. Вѣрить въ будущую все возмѣщающую правду не дано Тургеневу; эта вѣра —особый даръ, какъ, напримѣръ, художественный талантъ или исключительная красота. И тѣмъ тягостнѣе жизнь для обдѣленнаго. Но у Тургенева была вѣра, хотя Аксаковы, можетъ быть, не сочли бы её вѣрой. „Знайте, писалъ Тургеневъ въ то самое время, когда въ домѣ Аксаковыхъ надъ нимъ произносили смертный нравственный приговоръ,—что безъ вѣры, безъ глубокой и сильной вѣры не стоитъ жить,—гадко жить; знайте, что это говоритъ вамъ человѣкъ, про котораго, можетъ быть, думаютъ, что онъ весь проникнутъ ироніей и критикой,—но безъ горячей любви и вѣры иронія—дрянь, и критика хуже всякой драки. Если разобрать поэзію зла, воплощенную въ типѣ Сатаны, то и въ ней мы найдемъ основаніемъ безконечную любовь.... Во всякомъ случаѣ наше призваніе не быть чертями, будемте людьми, постараемся быть ими какъ можно долѣе: съ Богомъ въ трудовую дорогу“!

И Тургеневъ былъ человѣкомъ, вѣрилъ въ одинокую въ мірѣ человѣческую совѣсть и въ самодовлѣющее человѣческое благородство. И кто назоветъ эту вѣру болѣе удобной и менѣе отвѣтственной, чѣмъ вѣру „по писанію“? Все начинать съ человѣка и все къ нему обращать—значитъ брать на себя тягчайшее бремя. Въ *Перепискѣ* Алексѣй Петровичъ опредѣляетъ, что такое судьба? Опредѣляетъ не умозрительно, а художественно,—но тѣмъ яснѣе основной взглядъ Тургенева на смыслъ человѣческой участи. „Какъ облака сперва слагаются изъ паровъ земли, возстаютъ изъ нѣдръ ея, потомъ отдѣ-

ляются, отчуждаются отъ нея и несутъ ей, наконецъ, благодать или гибель;—такъ около каждаго изъ насъ но изъ насъ же самихъ образуется... какъ бы это сказать? образуется родъ стихіи, которая потомъ разрушительно или спасительно дѣйствуетъ на насъ же. Эту то стихію я называю судьбой... Другими словами и говоря просто: каждый дѣлаетъ свою судьбу, и каждаго она дѣлаетъ“.

Мало отраднаго въ такой вѣрѣ и въ пору непогоды и тьмы можетъ показаться,—въ жизни нѣтъ ни свѣту, ни радости. И Тургенева часто одолѣвало это чувство. Сложилась одинокой его личная жизнь, и неотступно его преслѣдовала мысль о другомъ насравненно болѣе страшномъ одиночествѣ—объ одиночествѣ *человѣка* съ его добромъ и зломъ, мудростью и безуміемъ, то одиночество, какое привело Экклезіаста къ нравственной смерти: „во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, одна участь всѣмъ... Праведниковъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми бываетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ“. И сказалъ Экклезіастъ: „все суета и томленіе духа“.

Въ то самое время, когда вѣрующіе и благочестивые не находили въ душѣ Тургенева даже „языческой силы и возвышенности“, онъ видѣлъ жизнь безконечно глубже и воспринималъ ее несравненно духовнѣе, чѣмъ его судьи, потому что его воспріятіе близко *всякому* человѣческому сердцу, не только правовѣрному. Когда смертью Инсарова судьба вынула смыслъ изъ жизни Елены, Елена опустилась на колѣни, но молиться не могла. И о чемъ молиться? На что жаловаться? „Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который въ силу пользы имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жизни“.

Это также одна изъ посылокъ въ мудрости Экклезіаста, а за ней логическій выводъ и онъ также принятъ Тургеневымъ: „участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—участь одна“. Тургеневъ прочиталъ эту тайну въ глазахъ своей собаки,—вдвоемъ съ ней, подъ вой грозной бури: „и въ ней и во мнѣ живетъ одно и тоже чувство, между нами нѣтъ никакой разницы... Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ, широкимъ крыломъ... И конецъ!... Это не человѣкъ и животное мѣняются взглядами... Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга“. И что бы ни читалъ въ этихъ глазахъ человѣкъ,—онъ прочтетъ въ нихъ только человѣческія мысли и слова его будутъ только человѣческими словами: для Природы—съ одинаковымъ безстрастьемъ создающей и разрушающей геніальный мозгъ и насѣкомое—они будутъ звучать какъ простой мимолетный шумъ.

Такъ представлялась Тургеневу участь человѣка и всего живаго еще въ ранней молодости. Въ старости въ стихотвореніяхъ *Собака* и *Природа* въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ онъ выразилъ свою человѣческую безграничную печаль, не осиленную десятками лѣтъ думъ и вдохновеній. Онъ такъ и остался одинокимъ съ своей печалью. Но она не помѣшала ему изъ положеній, общихъ съ Экклезіастомъ, сдѣлать свое заключеніе, совершенно противоположное выводу древняго мудреца. Тотъ былъ убѣжденъ: „нѣтъ лучшаго для человѣка подъ солнцемъ, какъ ѣсть, пить и веселиться". Для Тургенева цѣль жизни не въ счастьи, а въ достоинствѣ человѣческомъ и врядъ ли кто изъ столь повидимому взысканныхъ людей, какъ онъ, видѣлъ въ жизни меньше веселья и больше горечи за оправданіе человѣческаго достоинства.

Аксаковы и Хомяковъ не были единственными, не чуявшими въ Тургеневѣ благородной души. Удивительнѣе всего,—въ глазахъ цѣнителей Тургеневу не помогли его исполненныя „духовности" произведенія о крестьянскомъ мірѣ, а въ глазахъ цѣнительницъ—его единственныя въ русской литературѣ лучезарныя лица дѣвушекъ и по истинѣ рыцарское разрѣшеніе имъ же поставленныхъ вопросовъ: „что такое русская женщина? Какая ея судьба въ свѣтѣ,—словомъ что такое ея жизнь?"

Ихъ Тургеневъ ставилъ какъ разъ въ то время, когда въ немъ находили способность испытывать только физическія ощущенія. Онъ не переставалъ обдумывать свой первый романъ,—и одно изъ писемъ въ *Перепискѣ*—о русской женщинѣ и ея судьбѣ—являлось будто программой его работы: о томъ, какая сила для дѣвушки ея любовь, сколько вѣры у нея въ того, кого она любитъ,—будь онъ герой—и она пойдетъ на самопожертвованіе. „Но героевъ въ наше время нѣтъ"! Говорятся слова, западающія въ душу,—но для самого говорящаго—они пусты, ничтожны и ложны. А дальше—разлука, всегда—по винѣ обстоятельствъ и всегда также по малодушію *его*, не имѣющаго ни духа ни даже желанія сказать *ей* истину. И для нея—одиночество на всю жизнь, потому что ея семья, ея знакомые всегда были ей чужды: отъ нихъ насмѣшки, а у нея единственный отвѣтъ—одинокія горькія слезы.

Такъ Марья Александровна разсказываетъ обычный романъ русской дѣвушки и рисуетъ обычнаго русскаго горе-героя. Будто съ этого разсказа Тургеневъ спишетъ увлеченіе Натальи Рудинымъ и самого Рудина. Авторъ дойдетъ до этого романа съ большимъ трудомъ и самый романъ представитъ для его творчества великія затрудненія, а предшедственникъ *Рудина,* не смотря на весьма продолжительную работу,

останется неоконченнымъ, исчезнетъ безслѣдно, кромѣ одного отрывка и этотъ отрывокъ—*Собственная господская контора*—будетъ напечатанъ шесть лѣтъ спустя по усиленной просьбѣ издателя новаго журнала *Московскій Вѣстникъ*. Тургеневъ помѣтитъ отрывокъ 1853 годомъ, будто слагая съ себя отвѣтственность за его несовершенства.

Романъ начатъ зимой 1852 года. Къ слѣдующему году 23 апрѣля Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: „романъ мой переписывается, перечитывалъ и поправлялъ написанныя главы,—безжалостно выкидывалъ всякое, не идущее къ дѣлу сочинительское слово“. Къ 5 іюня окончена первая часть и послана Анненкову „по обѣщанію“. Къ 29 іюня онъ уже зналъ впечатлѣнія Анненкова и ждалъ „приговора“ С. Т. Аксакова.

Существенный недостатокъ романа, по мнѣнію Анненкова,—обиліе біографическихъ повѣствованій, особенно о главной героинѣ. Другія погрѣшности казались критику мелочами и должны были исчезнуть при дальнѣйшей обработкѣ.

Прочіе судьи—пріятели оказались далеко не такъ снисходительны. Кетчеръ подвергъ романъ жестокому порицанію, а Боткинъ даже превзошелъ бранчиваго врача-литератора,—находилъ описанія, кромѣ картинъ природы вялыми, длинными и безцвѣтными, главныхъ дѣйствующихъ лицъ Дмитрія Петровича и Елизавету Михайловну—блѣдными и неопредѣленными, а самый разсказъ малозанимательнымъ. На Тургенева отзывы подѣйствовали удручающе. Анненкову стоило немалаго труда утѣшить мнительнаго друга.

Онъ совѣтовалъ не обращать вниманія на судъ пріятелей.

„Публичный оборотъ“, писалъ онъ, „важнѣе ареопага изъ пятнадцати Гёте, изъ дюжины критиковъ. Для кого вы пишите? Для меня, для А, для В? Да вы знаете хорошо, что вы хоть лопните отъ усердія, а я и А и В всегда найдемъ васъ отравить на пріятельскомъ ужинѣ. Вы сами точно также устроены и знаете, какъ только въ рукахъ книга, и пошли вставать образы, лица, вопросы, допросы и проч. Ни себя, ни насъ вы никогда не удовлетворите. Зачѣмъ добиваться этого съ такою горячностью? Это ли послѣднее слово созданія? Эта ли цѣль его? Цѣль есть публичный оборотъ мысли, которая и растетъ, и крѣпнетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ оборота“.

Тургеневъ и самъ позже ставилъ сочувствіе публики выше похвалъ или порицаній литературныхъ судей. Но эта мысль могла укрѣпиться только послѣ многочисленныхъ горькихъ испытаній, послѣ долголѣтней и безплодной борьбы съ недоразумѣніями, а часто и преднамѣренными навѣтами критиковъ.

Сначала Тургеневъ будто поддался убѣжденіямъ Анненкова, но не надолго: въ его письмахъ звучитъ то разочарованіе въ своемъ

произведеніи, то неувѣренная надежда. Въ августѣ онъ старался объяснить С. Т. Аксакову подробности романа, неясныя и для этого читателя, обѣщалъ вставить новую главу о воспитаніи героя, точнѣе опредѣлить главныхъ лицъ, въ общемъ „выразить современный быть, какимъ онъ у насъ *выродился*", подчеркивалъ Тургеневъ. Въ октябрѣ онъ снова писалъ Аксакову: „Стану передѣлывать, а потомъ, если Богъ дастъ, и продолжать свой романъ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ было сказано нѣсколько словъ на счетъ вашихъ замѣчаній,—теперь же не хочется больше говорить, а дѣлать; письма ваши прочтены мною не разъ,—и многое принято къ свѣдѣнію".

Но едва прошла недѣля—отъ 6-го до 14-го октября, Тургеневъ сознается,—онъ „немного охладѣлъ" къ роману. Правда, здѣсь же слѣдуетъ оговорка,—онъ намѣренъ все-таки „его кончить",—но замыселъ былъ, очевидно, подорванъ въ самомъ корнѣ. Возникли новые планы и успѣли созрѣть въ болѣе ясныя созданія. Еще 2-го іюня 1855 года Тургеневъ продолжаетъ увѣрять Аксакова, что онъ думаетъ передѣлать романъ. Ровно годъ спустя Аксакову пришлось высказаться уже о новомъ произведеніи Ивана Сергѣевича,—и этимъ произведеніемъ былъ *Рудинъ*. Мы точно знаемъ, когда оно начато: оказывается—три дня спустя послѣ того, какъ Тургеневъ все еще писалъ Аксакову о старомъ романѣ. Очевидно, не одинъ художественный замыселъ зрѣлъ въ головѣ писателя одновременно, и это должно было отразиться на романѣ, который, наконецъ, авторъ, рѣшился выпустить въ свѣтъ.

Лѣто 1855 года Тургеневъ провелъ въ Спасскомъ. Весной у него гостили Григоровичъ, Дружининъ и Боткинъ. Въ *Воспоминаніяхъ* Григоровича подробно описано времяпрепровожденіе друзей. Имъ пришла мысль сочинить общими силами пьесу и разыграть ее. Главнымъ лицомъ пьесы выбрали самого хозяина, воспользовались его свойствомъ—приходить въ легкомысленный восторгъ. Произведеніе называлось *Школа гостепріимства* и было разыграно 26 мая въ Спасскомъ домѣ. Содержаніе весьма простое: добрякъ-помѣщикъ, не бывавшій съ дѣтства въ деревнѣ и получившій ее въ наслѣдство, на радостяхъ зоветъ къ себѣ всякаго встрѣчнаго, въ яркихъ краскахъ описываетъ прелести сельской жизни, обстановку своего дома. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не оказывается: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти однѣ развалины. Помѣщикъ въ ужасѣ, гости должны пріѣхать съ часу на часъ. Начинается мучительная пытка: гости являются, возникаетъ брань, ссоры, жена помѣщика съ дѣтьми уѣзжаетъ, но гости все прибываютъ, тогда герой бросается, наконецъ, къ кухаркѣ и говоритъ ей изнемогающимъ голосомъ: „Аксинья, поди скажи имъ, что мы всѣ умерли"!..

Тургеневъ игралъ роль помѣщика, согласился даже внести въ роль фразу, будто бы произнесенную имъ на пароходѣ во время пожара: „Спасите, спасите меня, я единственный сынъ у матери"!

Тургеневъ увлекся и сочинилъ еще пародію на сцену Эдипа и Антигоны въ трагедіи Озерова: Эдипа изображалъ самъ авторъ, Антигону—Григоровичъ.

Слухъ о представленіи быстро распространился среди окрестныхъ помѣщиковъ и они пожелали присутствовать. Тургеневъ, несмотря на возраженія друзей, удовлетворилъ желающихъ,—и публика едва нашла мѣсто. Фарсъ разыграли съ успѣхомъ, роль Тургенева, и особенно знаменитая фраза произвели фуроръ. Тургеневъ, уже послѣ отъѣзда друзей, писалъ, что ихъ артистическіе подвиги вызвали въ уѣздѣ цѣлыя легенды.

Въ іюнѣ Тургеневъ, остался одинъ и принялся за работу: это былъ романъ—*Рудинъ*.

Въ черновой тетради стоитъ другое заглавіе *Геніальная натура* и такое примѣчаніе: „начатъ 5 іюня 1855 г. въ воскресенье, въ Спасскомъ; конченъ 24 іюля 1855 въ воскресенье, тамъ же, въ 7 недѣль. Напечатанъ съ большими прибавленіями въ январ. и февр. книжкахъ *Современника* 1856 г.".

Тургеневъ приступилъ къ труду съ большой осмотрительностью, не хотѣлъ, „чтобы первый блинъ вышелъ комомъ". „Блинъ" на самомъ дѣлѣ не былъ *первымъ*, и осмотрительность, помимо обычной авторской добросовѣстности Тургенева, вызывалась недавнимъ печальнымъ опытомъ: *первый блинъ* дѣйствительно вышелъ комомъ.

Тургеневъ, по обыкновенію, поспѣшилъ узнать мнѣнія пріятелей и близкихъ знакомыхъ. Однимъ онъ сталъ читать романъ еще до напечатанья, другихъ просилъ высказать впечатлѣнія по прочтеніи въ журналѣ. Первымъ изъ читателей отозвался К. С. Аксаковъ и остановился на вопросѣ, многихъ занимавшемъ: кто подлинникъ главнаго героя и на сколько велико сходство? Аксаковъ писалъ автору:

„Рудинъ похожъ очень на общаго нашего знакомаго, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворителенъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неясненности, характеръ Рудина не широко развитъ; но, тѣмъ не менѣе, повѣсть имѣетъ большое достоинство, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ, вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно кой-чего еще бы прибавить. Теперь вы Печорина, конечно, выставили бы не героемъ. А замѣчательное лицо—нашъ знакомый".

Аксаковъ разумѣлъ Бакунина, блестящаго московскаго гегельянца, потомъ прославленнаго во всей Европѣ революціоннаго оратора и борца. Аксаковъ видѣлъ только сходство въ Рудинѣ съ Бакунинымъ,—и Тургеневъ отвѣчалъ ему: „Мнѣ пріятно, что вы не ищете въ Рудинѣ копіи съ какого-нибудь извѣстнаго лица... Ужъ если съ кого списывать, такъ съ себя начинать“. Семь лѣтъ спустя Тургеневъ выражался рѣшительнѣе. На вопросъ, что за человѣкъ Бакунинъ, онъ отвѣчалъ: „я въ Рудинѣ представилъ довольно вѣрный его портретъ“. Оба отвѣта не противорѣчатъ другъ другу: Бакунинъ до революціонной дѣятельности прожилъ умственную жизнь, общую для всего русскаго поколѣнія конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Нѣмецкая философія вспоила своимъ метафизическимъ молокомъ людей самыхъ различныхъ направленій и свойствъ. Будущій анархистъ и будущій „постепеновецъ“ съ одинаковой радостью могли вспомнить о годахъ своего идейнаго ученичества: только годы странствія развели потомъ бывшихъ спутниковъ по разнымъ даже противоположнымъ путямъ. Естественно,—вспоминая молодаго Бакунина, Тургеневъ не могъ не вспомнить и себя самого и, вѣроятно, многихъ другихъ. А что̀ для всѣхъ лицъ романовъ, по крайней мѣрѣ для главныхъ лицъ, у Тургенева всегда были подлинники, это мы знаемъ отъ него самого. Но подлинникъ только толчокъ для вдохновенія,—оно остается свободнымъ отъ подражанія одиночному явленію и подчиняется лишь авторскому чувству жизненной правды и цѣльности. И первостепенный вопросъ не въ разъясненіи, откуда и кѣмъ данъ толчокъ, а въ раскрытіи психологическаго и историческаго содержанія въ созданіи художника.

Здѣсь Тургеневу судьба судила совершенно исключительное положеніе. Ничьи произведенія съ ихъ героями не вызывали столько страстныхъ и противорѣчихъ толкованій. Врядъ ли какой критикъ съ большей взволнованностью могъ говорить о самомъ себѣ, чѣмъ писалъ о тургеневскомъ героѣ. Такъ властно умѣлъ писатель схватить въ творческомъ созерцаніи душу современнаго человѣка. Всю жизнь вокругъ имени Тургенева гремѣла небывалая ни раньше ни позже битва идей. Казалось, общественная мысль не только питалась его творчествомъ, но видоизмѣнялась подъ вліяніемъ его героевъ. Его литература творила жизнь. Гр. Толстой могъ писать романы—каждый по объему равный, по крайней мѣрѣ, тремъ или четыремъ тургеневскимъ повѣстямъ,—рядомъ съ этими повѣстями они будто не существовали въ глазахъ самыхъ алчущихъ и самыхъ отзывчивыхъ читателей. Только смерть Тургенева позволила звѣздѣ гр. Толстого превратиться въ солнце. Мы увидимъ, какъ тяжело пришлось Турге-

неву расплатиться за такую славу. Гр. Толстой могъ лучшіе годы прожить по истинѣ любимцемъ боговъ—въ затишьѣ покоя, довольства и счастья,—а надъ Тургеневымъ почти всю жизнь шумѣла непогода и—слава, будто ревнивая и привередливая красавица, безпрестанно улыбку привѣта смѣняла на судорогу гнѣва и даже презрѣнія.

Первый же романъ показалъ, чего ждать въ будущемъ.

Лучшіе цѣнители оцѣнили каждый по-своему и никто не миновалъ личности автора.

Самый вліятельный—Писаревъ—осуждалъ Рудина и оправдывалъ Тургенева. „Поколѣніе Рудиныхъ, писалъ критикъ,—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ—замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и всю жизнь свою толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта“.

И заслуга Тургенева немалая: онъ „совершенно развѣнчалъ“ Рудиныхъ, поступилъ съ ними такъ же, какъ Сервантесъ съ героями рыцарскихъ романовъ.

„Рудинъ“, по мнѣнію Писарева, „умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его ничто иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей“. И цѣль у Тургенова вполнѣ опредѣленная: „чтобы оттѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безпощадность своихъ отношеній къ ихъ чахлымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ ставитъ ихъ съ простыми, очень неразвитыми смертными; и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ“.

Другой критикъ—Шелгуновъ—посмотрѣлъ на вопросъ совершенно иначе. Рудинъ и для него несомнѣнное уродство, жалкій продуктъ барской теплицы, но не меньше виноватъ и авторъ за свое сочувствіе Рудину. Тургеневъ, по понятіямъ критика, „остался всю свою жизнь вѣренъ сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи понять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудинымъ и въ недоумѣніи понять новыхъ людей, смѣнившихъ ихъ“.

Шелгуновъ, слѣдовательно, совсѣмъ не усмотрѣлъ указанной Писаревымъ авторской задачи—развѣнчать Рудиныхъ. Напротивъ, Тургеневъ только и былъ способенъ увѣнчивать подобныхъ господъ, „тургеневскихъ героевъ“, по выраженію критика.

Наконецъ, третій судья съ правомъ на вниманіе читателей, Аполлонъ Григорьевъ, принялъ обоюдостороннее направленіе, какъ бы шелгуновско-писаревское. „Въ этой повѣсти,—писалъ онъ,—совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что̀ ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, снова возводитъ въ апоѳеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ“.

Но и критическое отношеніе автора къ герою отнюдь не развѣнчиваетъ Рудина. Это не фразеръ, еще менѣе человѣкъ слабый и безхарактерный, „куцый“, по выраженію Пигасова. При подобныхъ недостаткахъ онъ не производилъ бы такого дѣйствія на „чистую, юношески-благородную натуру Басистова“ и Пигасовъ не приходилъ бы въ такой восторгъ, подмѣтивъ его *куцымъ*, и Лежневъ не *боялся* бы его вліянія на другихъ. Очевидно, и до эпилога у Рудина много весьма существенныхъ положительныхъ качествъ, и именно эти качества объясняютъ перемѣну въ тонѣ автора.

Очевидно, читателямъ нелегко было вычитать у критиковъ сколько-нибудь опредѣленное мнѣніе о романѣ. Для читателей вопросъ о подлинникѣ героя не имѣлъ ни малѣйшаго значенія. Бакунинъ былъ извѣстностью и отчасти даже знаменитостью для весьма тѣснаго кружка.—Всѣ остальные судили Рудина только по роману и, мы знаемъ, приговоръ оказался въ его пользу. До сихъ поръ это имя не утратило ни своей свѣжести, ни даже своей привлекательности: геніальный ораторъ, благородный мечтатель, безпріютный странникъ—за этими крупными чертами стушевались остальныя, далеко не всѣ лестныя. Несомнѣнно,—общее впечатлѣніе подсказано читателямъ скорѣе сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ.

Кто же въ дѣйствительности это первое среди Тургеневскихъ *заразительныхъ* лицъ?

Рудинъ—питомецъ германскихъ университетовъ. Онъ „весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ“. Такъ сообщаетъ авторъ,—и Рудинъ при первомъ же случаѣ готовъ предаться студенческимъ воспоминаніямъ, принять на себя защиту великаго пророка и учителя—Гегеля. Все это, несомнѣнно, отголоски сороковыхъ годовъ.

Тѣ же отголоски и въ идеяхъ Рудина, въ его блестящихъ проповѣдяхъ. Все, чѣмъ онъ очаровываетъ Наталью и Басистова, увлекало молодежь гегельянскаго поколѣнія.

„Людямъ нужна вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностью и безсиліемъ“.

Такъ говоритъ Рудинъ. То же Бѣлинскій писалъ матери, исключенный изъ Московскаго университета „по неспособности“ и влачившій жалкое голодное и холодное существованіе. То же писалъ невѣстѣ Герценъ изъ далекаго края, гдѣ жизнь ему казалось непереносной ссылкой. Имъ, было, овладѣла иронія, и „я думалъ“, признается онъ, „затушить всѣ чувства этимъ смѣхомъ. Но чувства взяли свое и выразились любовью къ идеѣ, къ высокой мысли о славѣ“.

Это же чувствовалъ Огаревъ и также въ глуши. Онъ не позволяетъ мизантропіи овладѣть душой, потому что мизантропія—отчаяніе, безнадежность, а онъ „полонъ вѣры въ человѣчество, въ самого себя, въ свое призваніе“.

И поэтому-то такъ безпощадно поражаетъ Рудинъ иронію и мизантропію въ лицѣ Пигасова.

Дальше онъ доказываетъ:

„Если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? Какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать“...

Насмѣшникъ Пигасовъ окончательно раздраженъ, не даетъ даже кончить вопроса,—но это опять идеи и рѣчи сороковыхъ годовъ. Мечтательное стремленіе къ народному благу—кому оно могло быть чуждо? Бѣлинскій—студентъ сочиняетъ пламенную драму и клеймитъ крѣпостное право со страстью шиллеровскаго Карла Мора. Въ Берлинѣ, у русской молодежи мы видѣли—волнующій вопросъ о просвѣщеніи народа. И эти—мечты воздухъ времени. Лермонтовъ не дружилъ съ Бѣлинскимъ, не бывалъ у Станкевича, но и онъ свое юношеское вдохновеніе отдалъ гнѣву противъ народнаго рабства. Не даромъ, слѣдовательно, у Рудина мысль о народѣ такъ тѣсно связана съ высокими далями иноземной философіи.

Да, Рудинъ гегельянецъ, студентъ, выросшій среди молодыхъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И въ числѣ ихъ самъ авторъ. Вѣдь это онъ оплакалъ такъ искренне любимѣйшаго благороднѣйшаго выученика германской мысли и поэзіи. Это онъ прощалъ Бакунину своеобразности его ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считавшейся личности и всячески помогалъ ему во имя воспоминаній молодости, ради тѣхъ же воспоминаній онъ прослезился надъ смертью Герцена, больно и не разъ оскорблявшаго его, и кончину Грановскаго онъ переживалъ какъ личное несчастье. И если Рудинъ изъ

той же среды, у Тургенева не только въ пору романа, а до конца дней не должно быть иного чувства кромѣ увлеченія и благодарной любви.

А между тѣмъ, въ романѣ ничего подобнаго. Читателю невольно при первомъ же знакомствѣ съ Рудинымъ бросается въ глаза странное отношеніе автора къ своему герою. Рудинъ появляется и покоряетъ юныя сердца, озлобляетъ завистниковъ, пугаетъ людей добродѣтельныхъ, но ограниченныхъ. Онъ настоящій побѣдитель, властный неотразимой силой слова и мысли. Одинъ только человѣкъ не поддается очарованію,—и этотъ человѣкъ—самъ авторъ.

На его взглядъ, побѣдитель забавенъ съ самаго начала. „Я вижу фортепіано“, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ“... и вы чувствуете,—такъ выразиться можно объ артистѣ, только что вызвавшемъ эффектъ, для него вполнѣ привычный и занимательный лишь по чужимъ впечатлѣніямъ. Онъ блистательно исполнилъ роль и хочетъ отдохнуть на игрѣ другихъ. Подобное настроеніе врядъ ли свойственно человѣку, минутой раньше съ такой горячностью разрѣшавшему міровые вопросы,—врядъ ли при одномъ условіи, если вопросы владѣютъ его сердцемъ, тѣсно срослись съ его нравственной природой. Иначе естественно замѣчаніе—также авторское—о впечатлѣніи m-lle Boncourt: Рудинъ „въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста“... Зачѣмъ авторъ счелъ необходимымъ сообщить намъ, что̀ думаетъ объ его героѣ существо совершенно безличное, безъ всякаго значенія для романа?

Дальше еще ярче. Рудинъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Басистова. Юноша сталъ его боготворить. Но Рудинъ остался совершенно равнодушнымъ къ его благородному чувству, какъ-то разъ поговорилъ съ нимъ „о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ“, „возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ“. Авторъ не оставляетъ безъ своей оцѣнки такого поведенія Рудина: „видно онъ только на словахъ, искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ“...

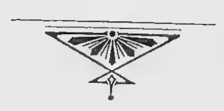
То же самое съ Натальей. Она, конечно, гораздо интереснѣе для Рудина, чѣмъ Басистовъ, онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ ней, но именно какъ виртуозъ: ему важенъ эффектъ, а не идейное вліяніе рѣчей. „Рудинъ, казалось“, снова замѣчаетъ авторъ, „не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала—лишь бы слушала его“...

Авторъ будто не можетъ сдержать своего отрицательнаго или ироническаго настроенія къ своему побѣдоносному герою и заранѣе спѣшитъ уронить его въ глазахъ читателя, раньше, чѣмъ его поступки сорвутъ съ него пышное убранство. Въ чемъ тайна этого чувства,

Проф. В. И. Петръ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

по Омеру.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1912

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго
Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.
Директоръ *Ив. Ивановъ*.

Лингвистическіе этюды по hОмеру.

Прп переводѣ древне-греческихъ поэтическихъ произведеній, въ особенности hОмеровскихъ поэмъ, на отечественный языкъ мы часто затрудняемся правильно передать нѣкоторые эпитеты, изъ коихъ многіе почти срослись съ именами боговъ, героевъ, людей и даже предметовъ и въ такомъ видѣ перешли и въ другіе виды греческой поэсіи. Неправильная, а часто и невѣрная передача эпитетовъ, этихъ жемчуговъ древне-греческой поэсіи, этихъ яркихъ блестковъ вдохновенія античнаго духа, сдѣлалась хроническимъ недугомъ у нашихъ классическихъ филологовъ и вызываетъ ироническую улыбку у тѣхъ, кто слушаетъ или читаетъ такія безсмысленныя и вульгарныя выраженія, какъ *совоокая Аѳина*, *волоокая hЕра*, *богомъ вскормленные цари* и под. Невольно напрашивается вопросъ, въ этихъ ли вульгарныхъ, и, можно сказать, неэстетическихъ выраженіяхъ также заключается та поэтическая прелесть, которой такъ восхищаются ревнители древне-греческой поэсіи? Конечно, въ выраженіяхъ, какъ „совоокая, волоокая“ и под. никто не усмотритъ ни поэтичности, ни глубины мысли, а тѣмъ менѣе читатель, который, самъ не будучи въ состояніи обратиться къ оригиналу, вынужденъ принять на вѣру искаженія неумѣлаго и мало освѣдомленнаго переводчика. Къ стыду своему, мы, поборники классическаго образованія, должны признаться, что отчасти мы сами являемся виновниками пренебрежительнаго отношенія широкаго общества къ античному міру, что мы сами роняемъ красоты древне-грече-

ской поэсіи, которая когда-то заставила весь міръ преклониться предъ классической древностью и положить въ основаніе воспитанія юношества изученіе античнаго міра, что мы сами умаляемъ достоинства этой поэсіи, дѣлая ее предметомъ дешеваго остроумія и неостроумныхъ насмѣшекъ, благодаря тому, между прочимъ, что столь безсмысленно и вульгарно передаемъ высоко поэтическіе и содержательные эпитеты, встрѣчающіеся въ античной поэсіи.

Неправильность и невѣрность передачи эпитетовъ происходитъ отъ непониманія и незнанія первоначальнаго значенія ихъ, такъ какъ они, какъ остатки, унаслѣдованные эпической поэсіей отъ болѣе древней, до-hОмеровской поэсіи, сдѣлались не только для насъ, но были и для самихъ грековъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ схоліи и глоссы, непонятными и темными вслѣдствіе того, что ихъ корневой составъ сдѣлался рѣдкимъ въ языкѣ или совсѣмъ исчез изъ употребленія и потому сталъ неяснымъ или даже непонятнымъ. Такое слово, неясное или непонятное по этѵмологическому составу, пріурочивалось къ тожественнымъ или близкимъ въ акустическомъ отношеніи корнямъ, хотя бы съ совершенно инымъ, а подчасъ противоположнымъ значеніемъ, и толковалось сообразно со значеніемъ этихъ послѣднихъ корней. Въ этихъ случаяхъ на лингвистахъ лежитъ обязанность пріити на помощь толкователямъ древне-греческой поэсіи и объяснить имъ то, что имъ неизвѣстно или неясно и что вводитъ ихъ въ заблужденіе. Къ сожалѣнію, лингвистика у насъ все еще въ загонѣ и до сихъ поръ не завоевала себѣ того мѣста, которое ей по ея значенію подобаетъ, даже среди наукъ высшей школы, гдѣ она подчасъ подвергается гоненію со стороны филологовъ, даже классическихъ. А между тѣмъ именно эта наука сослужила имъ большую службу, отвѣтивъ на многіе темные вопросы, не только въ собственной филологіи, но и въ исторіи. Многіе изъ этихъ вопросовъ можетъ быть до сихъ поръ остались бы неразскрытыми безъ содѣйствія лингвистики.

Въ настоящей работѣ я намѣренъ представить толкованія нѣкоторыхъ болѣе менѣе загадочныхъ словъ, по преимуще-

ству эпитетовъ, и по возможности установить ихъ надлежащее значеніе.

1. γλαυκῶπις.

Л. Мейеръ (Griech. Etymol. III, 69) производитъ γλαυκῶπις, какъ эпитетъ Аѳины (отсюда и названіе Аѳинскаго кремля Γλαυκώπιον у Страбона 7, 299 и Etymologicum Magnum), отъ γλαύξ „сова" и переводитъ *eulenäugig* „совоокая" на томъ, вѣроятно, основаніи, что сова была, какъ символъ мудрости, посвящена Аѳинѣ (Etym. Mag. s. v. γλαύξ), и что этихъ птицъ въ Аѳинахъ было такъ много, что возникла пословица γλαῦκ' Ἀθήναζε (Suidas, Hesych. s. v. γλαύξ) относительно безцѣльности какого-нибудь предпріятія (срв. также Аристоф. Птицы 302 τίς γλαῦκ' Ἀθήναζ' ἤγαγεν), подобно нашему „дрова въ лѣсъ возить". Но толкованіе это противорѣчитъ дѣйствительности по двумъ причинамъ. Во первыхъ слово γλαύξ (также γλαῦξ) hОмеру неизвѣстно и появляется въ литературѣ въ первый разъ у Аристофана (Птицы 301 и 576, Всадники 1003), у hОмера же сова называется σκώψ Odys. 5, 66 и Аѳина должна была бы въ такомъ случаѣ получить эпитетъ σκωπ-ῶπις; а во вторыхъ, у самаго hОмера есть participium γλαυκιόων (Il. 20, 172) „сверкая глазами" (Hesych. ἔμπυρον καὶ φοβερὸν βλέπων), первая часть котораго γλαυκ- ничего общаго съ γλαύξ „сова" не имѣетъ, такъ какъ рѣчь идетъ о львѣ, да и у Пиндара (Pyth. 4, 444 и Olymp. 6, 71) встрѣчающееся прилагательное γλαυκώψ „сверкающій" не можетъ быть произведено отъ γλαύξ „сова", такъ какъ оно относится къ змѣю (ὄφις, δράκων). Въ γλαυκῶπις вторая часть— ωπις несомнѣнно должна быть сопоставлена съ ὦψ (acc. ὦπ-α зрѣніе отъ кор. ok^v въ лат. oc-ulus, греч. ὄσσε изъ ὀκ-jε, др. слав. оч-и изъ ок-ıє, лит. ak-is око), гдѣ ωπ-, какъ удлиненная форма изъ οπ- (ὄψομαι, ὀφθῆνα, ὀφθαλμός, ὄπ-ωπ-α), произошла изъ $\omega\kappa^v$-. Что же касается первой части γλαυκ-, то мы ее встрѣчаемъ въ γλαύκω (Etym. Gud. λάμπω) и въ γλαύσσει (Hesych. λάμπει, φαίνει, φαύσκει) изъ γλαυκ-jει блеститъ, а также въ прилагат. γλαυκός свѣтлый, ясный.

Естественно, слѣдовательно, передавать γλαυκ-ῶπις черезъ „*свѣтлоокая*“, „*ясноокая*“, согласно древнимъ грамматикамъ (Etym. Mag. γλαυκόφθαλμος· γλαυκοὺς ὦπας ἔχουσα; Etym. Gud. ἀπὸ τοῦ γλαυκοὺς ἔχειν ὦπας; Hesych. λαμπρόφθαλμος, εὐόφθαλμος); неэстическое же „совоокая“ должно быть навсегда оставлено.

Какъ параллель, но съ противоположнымъ значеніемъ, приведемъ лат. atrôx; оно происходитъ отъ основы atr- (ater „черный“), встрѣчающейся въ умбр. atr-u=atra, въ осскомъ названіи города Atella изъ Ater-la=осск. Aderla „черный городъ“, въ лат. собств. имени Atrius „черный“, въ лат. atrium „черная, законченная комната“, въ которой находился домашній очагъ, и отъ —ôc-s=-ôx=греч.—ωψ (см. выше). Такимъ образомъ atrôx, въ противоположность γλαυκῶπις „свѣтлоокая“, слѣдов. „ласковая“, означаетъ „съ потемнѣвшими глазами“, „свирѣпый“.

2. βοῶπις.

Эпитетъ прекрасной богини, супруги Дія, hЕры—βοῶπις передаютъ на русскій языкъ обыкновенно черезъ „волоокая“ (horribile dictu!), усматривая въ первой его части кор. βoF- (въ βοῦς изъ βοϋ-ς, βoF-ς, дор. βῶς изъ βωϋς, βωF-ς, срв. умбр. bu-m acc.=bov-em изъ g^vu-m, лат. bos, bov-is изъ g^vov-is (форма діалектическая, вм. vos, такъ какъ g^v въ лат. языкѣ является въ видѣ v, а не b: vor-are изъ gvor-are, срв. греч. βορ-ός изъ γ^vορ-ος, βι-βρώ-σκω, гдѣ βρω- изъ βορο-, др. сл. жьр-ѫ, жрѣ-ти изъ g^ver-, скр. gar-a пожираніе; ven-io изъ g^vem-io, греч. βαίνω изъ γ^vαμ-jω, g^vm-jo, гот. qim-an=нѣм. kommen, скр. gam-ati идетъ), двн. chuo=нѣм. kuh, скр. gau-s, др. сл. гов-ѧдо, чеш. hov-ado, русск. гов-ядина, латыш. $g^{\mathring{u}}$r-os, а во второй—ωπις, какъ въ γλαυκ-ῶπις. Однакожъ, у самаго hОмера встрѣчаются слова, сложныя съ βου-=βoF-, какъ βού-βρωστις (Il. 24, 532) „большой голодъ“ и βου-γάϊος (Il. 13, 824) „большой хвастунъ“, которыя никакого отношенія не имѣютъ къ βοῦς быкъ. Но допустимъ даже, что βού-βρωστις, гдѣ βρώ-στις происходитъ отъ βι-βρώ-σκω (см. выше) пожираю, могло бы означать пожираніе

быковъ съ голода, а потомъ большой голодъ, то во всякомъ случаѣ βου-γάϊος въ смыслѣ „большой хвастунъ“ (γάϊος изъ γαF-ιος отъ γα(F)ίω „радуюсь“, срв. лат. gau-dêre=греч. γηθέω изъ γαFεθέω) съ βοῦς быкъ сопоставлено быть не можетъ. Но кромѣ приведенныхъ словъ изъ hОмера мы можемъ указать на цѣлый рядъ словъ, правда, большей частью позднихъ, которыя сложены со слогомъ βου-, ничего общаго неимѣющимъ съ βοῦς быкъ, какъ: βού-πεινα „большой голодъ“ (πεῖνα изъ πεν-jα, лат. pen-uria недостатокъ, πέν-ομαι терпѣть недостатокъ), βου-κόρυζα „большой насморкъ“ (срв. двн. hroz=нѣм. rotz сапъ), βού-δοκος и βου-χάνδης „очень объемистый“ (отъ δέχ-ομαι и χανδ-άνω=prehend-ere хватать), βού-μαστος sc. ἄμπελος „съ большими (какъ груди μαστός) гроздями“, βου-μελία „большой ясень“, βού-παις „большой парень“, βου-νεβρός „большая лань“, βού-συκον „большое фиговое дерево“, βου-βάρος „очень тяжеловѣсный, громоздкій, неуклюжій“ и др. Въ нихъ, въ силу ихъ значенія, нельзя въ βου- видѣть βοῦς быкъ. Руководящимъ указаніемъ при опредѣленіи значенія βου- служатъ намъ глоссы hЕсvхія, который s. v. βου говоритъ, что βου κεῖται ἐπὶ τοῦ μεγάλου, т. е. что βου значитъ „большой“, какъ напр. βού-παις, βού-συκον и др.; также βου-γάϊος (s. v.) рекоммендуетъ онъ передавать черезъ τὸν ἐφ' ἑαυτῷ μεγάλως γαυριῶντα (очень гордящагося самимъ собой). Наконецъ βοῶπις (s. v.) онъ передаетъ черезъ μεγαλόφθαλμος (великоокая) или εὐόφθαλμος (прекрасноокая); также Etym. Gud. ἡ μεγαλόφθαλμος. Итакъ, βου- означало „большой“. Возможно, что βου совпадаетъ съ βοῦς, но только въ томъ случаѣ, если кор. βoF-, лежащій въ основаніи βοῦς быкъ, первоначально означало не животное пасущееся (отъ βό-σκω), а животное большое. Этому можно наити аналогію въ выраженіяхъ ἱ π π ό - κ ρ η μ ν ο ς (Aristoph. Ranae 929: ἱππό-κρημνον ῥῆμα очень высокопарное слово) и ἱ π π ο - γ ν ώ μ ω ν (Aeschyl. frg. 239 Наука: θυμὸν ἱππογνώμονα очень мудрый, премудрый умъ), въ коихъ ἵππος—конь, какъ большое животное, служитъ для выраженія чего-нибудь большого. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что βοῶπις—эпитетъ *великоокой*, т. е. *прекрасноокой* hЕры.

Мимоходомъ замѣтимъ, что корень βοF-, который встрѣчается также въ удлиненной формѣ βωF-, является въ слабой формѣ βF (по исчезновеніи ο) въ ἑκατόμ-β(F)η- изъ ἑκατον-β(ο)F-η „жертва изъ ста быковъ“.

3. πότνια.

На основаніи сообщеній древнихъ грамматиковъ (Suidas πότνια· σεμνή, ἔνδοξος; Etym. Magn. πότνια· σεβαστία, ἔντιμος; Hesychius πότνα, πότνια· σεβαστή, ἔντιμος) у насъ передается этотъ эпитетъ черезъ „почтенная“; но такого значенія это слово не имѣетъ. Оно вполнѣ совпадаетъ съ скр. pátnî „госпожа“. Какъ въ πότ-νια, такъ и въ pát-nî корнемъ оказывается pot-, который сохранился во второй части греч. слова δεσ-πότ-ης=скр. dam-pat-is „господинъ дома, хозяинъ“, гдѣ δες- есть сокращенная форма gen. sing. δεμ-(ο)ς, δε(μ)-ς отъ δέμ-ω „строю“, δόμ-ος „домъ“, срв. лат. dom-us, сл. домъ, скр. dam-as, двн. zim-bar=нѣм. zim-mer. Корень pot- мы находимъ и въ πόσις „супругъ“ изъ πότις, срв. скр. pátiš „господинъ“, лит. pàt-s супругъ, лат. pot-is, pot-ior, pos-sum изъ pot-sum (pot-est, pot-erat, pot-ui), а также во второй части слова hos-pes, hos-pit-is (изъ hosti-pes, hosti-pit-is) „владыка“, потомъ „другъ гостей“, гдѣ первая часть (hos-tis) соотвѣтствуетъ др. слав. гос-ть, гот. gas-ts=нѣм. gast.. Корень pot- сохранился также вѣроятно во второй части слав. слова гос-подь съ д вмѣсто т (какъ въ греч. νέ-ποδ-ες потомки вт. νέ-ποτ-ες, лат. ne-pot-es внуки, скр. na-pat потомки, нѣм. ne-ffe внукъ, т. е. невластные), гдѣ гос- вѣроятно сокращенное гость: гос(ть)—пот(д)-=hos(ti)-pit-. Въ виду сказаннаго πότνια значитъ *„владычица“*. Кстати замѣтимъ, что въ греч. δέσ-ποινα, какъ въ формѣ жен. род. отъ δεσ-πότης, вторая часть—ποινα не можетъ происходить изъ πότνια, а изъ πο-νjα непосредственно отъ чистаго корня πο- (въ po-ti-s, πό-σι-ς, pá-ti-š etc.).

4. δῖος, δῖα.

Древніе грамматики передаютъ δῖος черезъ ἔνδοξος (Etym. Magnum., Etym. Gudianum s. v. δῖος), или же, производя его

отъ gen. Διός (Ζεύς), передаютъ черезъ „божественный“ (Hesych. s. v. δῖος), съ чѣмъ согласенъ и Л. Мейеръ (G. E. III, 175). Но та и другая передача невѣрна. Корень этого слова имѣетъ три степени: doi-, dei-, di „блистѣть“. Отъ doi- происходитъ гом. δοάσσατο изъ δο(j)-άσσατο показалось, δο(j)-άσσεται (conj. aor.); отъ dei- δέ(j)-ατοι (арк.=hОм. δέαται) кажется, δε(j)-άμην· ἐδοκί-μαζον (Hesych.), δέ(j)-ελος=атт. δῆλος ясный, скр. di-de-ti блеститъ; а слабый кор. di- распространенъ былъ или черезъ удлиненный детерминатъ êu въ скр. Dj-âu-š pitâ или черезъ сокращенное ευ въ греч. Ζεὺς πατήρ изъ Δj-ευ-ς, Iûpiter изъ Dj-eu-piter. Во всѣхъ трехъ случаяхъ этими словами обозначается владыка или отецъ свѣта, какъ и лат. dies изъ di-ev-s собственно означаетъ свѣтъ, а потомъ день. Черезъ приставку -vo- отъ сильнаго корня dei- произошло лат. (древ.) dei-vo-s -dî-vus, оск. dei-vai=dîvae и deus и dîum (sub dîo), др. сл. ди-во, ди-вь-нъ дивный, лит. de--wa-s, скр. de-vá-š богъ. di-v-jati блистѣть. Наконецъ отъ слабаго корня di-, распространеннаго слабой формой детермонанта (e)u, т. е. F=v, происходятъ формы: скр. div-jás и греч. δῖος изъ δί(F)-ιος, εὔ-διος, ἔν-διος. Изъ всего сказаннаго видно, что δῖος значитъ „свѣтлый, ясный“ и что оно близко, какъ по формѣ, такъ и по значенію слав. дивьнъ= дивный. Вмѣсто этого прилагательнаго въ русскихъ былинахъ употребляется существительное „свѣтъ“. Такимъ образомъ напр. δῖος Ἀχιλλεύς можно передать или *дивный Ахиллесъ* или, по былинному, *свѣтъ Ахиллесъ.*

5. διοτρεφής.

Древніе грамматики видѣли въ первой части этого эпитета корень имени бога Дія (Ζεύς изъ Djευ-ς, gen. ΔιFός) и толкуютъ его какъ „вскормленный Діемъ“ (Suidas ὑπὸ Διὸς τεθραμμένος) или какъ происходящій отъ Дія (Hesych. ἐκ τοῦ Διὸς ἕλκοντες τὸ γένος). Этимъ эпитетомъ величаются у hОмера преимущественно вожди народа (Ил. 1, 196 διFοτρεφέων βασιλέων), одинъ разъ богъ рѣки Скамандра (Ил. 21, 233 Σκάμανδρε διFοτρεφές), иногда и люди (Од. 5, 378 ἀνθρώποισι διFοτρεφέεσσι).

Боги и герои могутъ быть названы „рожденнымъ Діемъ", такъ какъ они могутъ отъ него происходить; но къ людямъ этотъ эпитетъ въ установленномъ древними смыслѣ не идетъ, а потому мы должны въ διFοτρεφής предположить болѣе общее значеніе, которое подходило бы и къ богамъ и къ людямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вторая часть этого слова -τρεφής происходитъ отъ τρέφω, кормить, питать, воспитывать. Что же касается διFο-, то возникаетъ вопросъ, можетъ ли оно быть произведено отъ корня διF- въ gen. ΔιFός. По нашему мнѣнію это сомнительно, во первыхъ, потому, что едвали имя бога, особенно же Дія, можетъ служить составной частью какого-либо прилагательнаго (въ существующихъ сложныхъ словахъ, какъ Διός-κουροι, Διός-πολις, Διός-πυρον, Διί-φιλος—Διός представляетъ gen. sing., Διί dat. sing. отъ Ζεύς; о Διός-δοτος см. 6); а, во вторыхъ, если бы дѣйствительно первая часть этого эпитета происходила отъ имени бога Дія, то она должна бы являться въ видѣ διFι-, а не διFο-. Если это такъ, то въ διο- мы должны видѣть основу δῖο- изъ διFιο- въ δῖος (см. 4). Правда, у hОмера въ διοτρεφής въ слогѣ δι краткое ι, но оно сократилось по аналогіи съ краткостью въ Διός. А такъ какъ neutr. δῖον изъ δι(F)ιο-ν означаетъ свѣтъ (конечно небесный), владыкой котораго являетъ Ζεὺς πατήρ (Dies-piter=Iûpiter, Djâu^{s} pitâ), то διοτρεφής должно обозначать, небеснымъ свѣтомъ, т. е. ею живительной силой, питающійся, *„неба питомецъ"*, лелѣянный счастливой судьбой. Вслѣдствіе смѣшенія διο- съ gen. sing. Διὸς получилось толкованіе διοτρεφής, какъ богомъ (Діемъ) вскормленный.

По аналогіи отношенія γλαυκῶπις къ atrôx (см. 1) приведемъ какъ параллель къ διοτρεφής, также съ противоположнымъ значеніемъ, hЕсіодовское κηριτρεφής (Ἐ. κ. Ἑ. 429 κηριτρεφεῖς ἄνθρωποι). Первая его часть κηρι- есть основа слова κήρ смерть, несчастіе, тьма, богиня смерти (срв. κηραίνω губить, κάρ у Алкмана, καριῶσαι· ἀποκτεῖναι Hesych., скр. kr-nâti губитъ, гот. hair-us мечь, zd. kar-eta ножъ, лит. kor-à наказаніе), и по значенію своему, какъ несчастье, смерть, тьма, т. е. зло, исходящее отъ тьмы, представляетъ противоположность къ

δῖον, какъ благу, нисходящему отъ небеснаго свѣта. По этому κηριτρεφής, въ противоположность къ διοτρεφής, должно передаваться черезъ „*питомецъ ада*“, преслѣдуемый злымъ рокомъ.

6. διῑπετής.

Этому прилагательному древніе придавали три значенія: 1) „падающій, исходящій отъ Дія“, какъ эпитетъ рѣкъ (Etym. Mag. ἀπὸ τοῦ Διὸς πεπτωκός, какъ Нилъ или Ксанѳъ) или какъ эпитетъ молніи (Etym. Mag. κεραυνὸς διῑπετής· ἀπὸ Διὸς πίπτων); 2) „наполняемый Діемъ“, что близко къ предыдущему значенію тоже относительно рѣкъ, главнымъ образомъ Нила, (Etym. Mag. διῑπετέος ποταμοῖο· ὑπὸ τοῦ Διὸς πληρουμένου; διῑπετεῖς ποταμοὶ οἱ χείμαρροι· ὅτι ἐκ Διὸς πίπτον τὸ ὕδωρ πληρεῖ τούτους; Suidas διῑπετεῖς· τοῦ ὑπὸ Διὸς πληρουμένου; Hesych. διῑπετέος· ὑπὸ Διὸς πληρουμένου, ἐπὶ μὲν τῶν ἄλλων ποταμῶν, ἀπὸ Διὸς πληρουμένων χειμάρρων, ἐπὶ δὲ τοῦ Νείλου); 3) „ясный, прозрачный“ о воздухѣ, у Еврип. Вакх. 1268: αἰθὴρ διῑπετέστερος (что по Etym. Magn. означало διαυγέστερος прозрачный).

Что вторая часть этого слова—πετής происходитъ отъ πίπτω падать изъ πι-π(ε)τ-ω (срв. πέτ-ομαι летать, προ-πετ-ής=лат. prae-pes (-pit-is), лат. pet-ere, penna изъ pet-na, сл. пьт-ица, чеш. p(ъ)t-ák, нѣм. fittig крыло, двн. fëd-ara=нѣм. fedr перо, скр. pát-ati летаетъ, падаетъ, pat-ram крыло, перо), не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается первой части διῑ-, то въ ней безспорно заключается извѣстный намъ уже (изъ 4). Корень διF. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что второе ι въ διῑ-долгое, какъ видно изъ Һомера, напр. Ил. 16, 174: Σπερχοῖο διῑπετέος ποταμοῖο, Ил. 17, 263 προχοῇσι διῑπετέος ποταμοῖο, Odys. 6, 477: Αἰγύπτοιο, διῑπετέος ποταμοῖο, Odys. 7, 284 δ'ἀπάνευθε διῑπετέος ποταμοῖο. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ ι имѣемъ новый детерминантъ, присоединившись непосредственно къ корню διF-, въ коемъ краткое ι неможетъ быть считаемо за сокращеніе изъ ῑ, какъ въ διοτρεφής, по аналогіи съ Διός. Этотъ детерминантъ ῑ ничего общаго не имѣетъ съ ο въ διο- изъ διFιο-, а по Редигеру (K, L. 4, 320) засту-

паетъ болѣе древнее—ει-, происшедшее изъ приставки εσ+ί (loc. sing). Основу διF-εσ- мы находимъ напр. въ εὐ-διεσ-τάτη изъ—διF-εσ-τάτη (sc. χώρα Hippocr. 283, 48), въ εὐ-διεινός изъ -διF-εσ-νός, -διεν-νός, (sc. γαλήνη Plat. legg 11, 919, a). Только въ прилагательномъ διόσδοτος (напр. αἴγλα у Пиндара Pyth. 8, 136, σκῆπτρα Aischyl. Eumen. 626), что также переводятъ черезъ „богомъ, т. е. Діемъ, данный", хотя въ этомъ значеніи gen. Διός неумѣстенъ (срв. выше 5: Διός-κουροι и проч.), сохранилось διοσ- вм. δι(F)-εσ- по аналогіи gen. Διός въ словахъ какъ Διός-κουροι, Διός-πολις, Διός-πυρον. Какъ δῖο- изъ διFιο-, такъ διF-ῖ- изъ διF-ε(σ)ι означаетъ небесный свѣтъ, небо, а потому, если διοτρεφής мы передали черезъ „неба питомецъ", то διῖ-πετής мы должны передавать черезъ падающій съ неба, питающійся водой съ неба, *питаемый небомъ*, тѣмъ болѣе что διῖπετής употребляется по преимуществу о рѣкѣ. Если же въ διί-φιλος (богумилъ) второе отъ начала ι у hОмера удлиняется, хотя оно какъ dat. sing. Δι(F)ί по природѣ краткое, то это объясняется аналогіей съ διῖπετής (иначе Schulze Quaestiones epicae, 237—9). Что толкованіе διῖπετής, небомъ питаемый, въ смыслѣ „падающій съ неба" правильно, показываетъ глосса hЕсvхія, который объясняетъ διο-πετές (напр. ἄγαλμα у Еврип. Iphig-Taur. 977), какъ ἐξ οὐρανοῦ ἐρχόμενον. На этихъ основаніяхъ διόσδοτος (вм. δί(F)εσ-δοτος) αἴγλη, διόσδοτα σκῆπτρα, нужно передавать черезъ „небомъ данный", и διῖπετέστερος αἰθήρ „нисходящій съ неба". И здѣсь произошло смѣшеніе δι- съ gen. Διός.

7. τερπικέραυνος.

Изъ свидѣтельствъ древнихъ грамматиковъ явствуетъ, что сами Греки не имѣли яснаго представленія о значеніи слова τερπικέραυνος, употреблявшагося какъ эпитетъ Дія. Одни переводили это слово черезъ ὁ τερπόμενος κεραυνοῖς „радующійся молніи", а другіе ὁ τρέπων τοὺς ἐναντίους κεραυνοῖς „отвращающій враговъ молніей". Такъ напр. говоритъ схол. ad Hom. Il. 1, 419: τερπικεραύνῳ· τερπομένῳ κεραυνοῖς ἢ καταγωνιζομένῳ τοὺς ἐναντίους καὶ τρέποντι κεραυνοῖς; схол. ad Hom. Il. 8, 2 τερπικέραυνος· ὁ

τερπόμενος τοῖς κεραυνοῖς ἢ ὁ τρέπων τοὺς ἐναντίους τοῖς κεραυνοῖς; у hЕсvхія читаемъ: τερπικέραυνος· ὁ τερπόμενος ἢ τρέπων πάλιν κεραυνοὺς; въ Etym. Magn. τερπικέραυνος· εἰ μὲν ἀπὸ τοῦ τέρπω, δηλοῖ τὸν τερπόμενον ἐν τοῖς κεραυνοῖς, εἰ δὲ ἀπὸ τοῦ τρέπω, παρὰ τοῦ τρέπειν τοὺς ἐναντίους τῷ κεραυνῷ; а у Свиды τερπικέραυνος· ὁ τοῖς κεραυνοῖς τερπόμενος. Первое толкованіе въ смыслѣ „радующійся молніи" у насъ господствуетъ до сихъ поръ и нѣмецкій филологъ *Бехтель* защищаетъ его еще и теперь въ Glotta I, 75 (1909 г.). Тѣмъ не менѣе согласиться съ этимъ нельзя на слѣдующихъ основаніяхъ. Во первыхъ, непонятно, какое качество владыки неба и земли, отца боговъ и людей, должно выражаться эпитетомъ τερπικέραυνος въ смыслѣ „радующійся молніи". Мы знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ относились къ Дію Греки, какъ удивлялись они его величію а какой страхъ внушало имъ его могущество. Но Дій „радующійся молніи" не возбуждаетъ въ насъ этихъ чувствъ, а, напротивъ, является какимъ то пустымъ существомъ, которое находитъ удовольствіе въ молніи, можетъ быть потому, что она блеститъ. А, во вторыхъ, сложныя прилагательныя съ глаголой основой въ первой части какъ τερπι-κέραυνος, имѣютъ, какъ указалъ *Г. Мейеръ* (Curt. Stud. 5, 26—31 и 7, 180), партиципіальное значеніе (слѣдов. ὁ τέρπων κεραυνόν), такъ что неглагольная часть прилагательнаго относится къ глагольной какъ объектъ. На основаніи этого τερπι-κέραυνος въ смыслѣ ὁ τέρπων κεραυνόν должно была бы обозначать, по одной версіи древнихъ, „радующій молнію", а по другой—„отвращающій молнію". Но въ томъ и другомъ толкованіи значеніе эпитета τερπι-κέραυνος неподходящее, и, можно сказать, безсмысленное. Но такъ какъ τέρπω (изъ τερκ^{v}ω), какъ видно изъ сопоставленія съ соотвѣтствующими выраженіями родственныхъ языковъ, (лат. torquêre, скр. tarkuš=ἄτρακ-τος веретено) собственно означаетъ „вертѣть", то *Г. Мейеръ* (Curt. Stad. 7, 182), а также *Курціусъ* (Grundzüge[5] 468) объясняютъ τερπικέραυνος черезъ „fulmina torquens" (См. Verg. Aen. 4, 208 fulmina torques), предполагая въ τερπι- метаѳесь изъ τρεπι-, засвидѣтельствованную

якобы hЕсvхіемъ (τερπώμεθα· τρεπώμεθα и τετάρπετο· ἐτρέπετο). Но и въ этомъ случаѣ возникаютъ сомнѣнія. Извѣстно, что π, возникшее изъ $\varkappa^v$, какъ напр. въ τέρπω или τρέπω изъ $\tau\epsilon\rho\varkappa^v\omega$ или $\tau\rho\epsilon\varkappa^v\omega$=лат. torquêre, передъ палатальными гласными ι и ε является въ видѣ τ (напр. τίς изъ $\varkappa^v\iota\varsigma$ при πῶς изъ $\varkappa^v\tilde{\omega}\varsigma$, лат. quis, quô, гот. kvathas=ποτερος изъ $\varkappa^v$οτερος; τείω, τίνω изъ $\varkappa^v$είω, $\varkappa^v$ίνω при ποινή, скр. čajati мстить, zd. kaena наказаніе, сл. цѣ-на штрафъ, стоимость; ὄσσε изъ ὀτ-jε, ὀκ-jε при ὄπ-ωπ-α изъ $o\varkappa^v$-$\omega\varkappa^v$-α, слав. оч-и, лат. oc-ulus, лит. ak-ìs око). Конечно, этотъ законъ впослѣдствіи нарушался перенесеніемъ π на мѣсто τ. Но въ столь древнихъ формахъ, какими являются hОмеровскіе эпитеты, относящіеся въ большинствѣ случаевъ, къ доисторической эпохѣ греческаго языка, это нарушеніе не допустимо, а потому въ τερπικέραυνος мы должны π считать общеарійскимъ и предположить корень trp-=τερπ-, а не trk^v= $\tau\epsilon\rho\varkappa^v$-. Такой корень мы находимъ въ лат. trep-it (Paul. Diaconus D. 559 Pon.: vertit, unde trepido и trepidatio, quia turbatione mens vertitur)—въ лат. языкѣ p никогда не происходитъ изъ qu, несмотря на увѣренія Корссена (Aussprache[2] 1, 117), Курціуса (Grundzüge[5] 469), Фрэде (B. B. 8, 167) и другихъ, развѣ только въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ—и еще въ сл. трєп-ати, русс. треп-ать, чеш. třep-ati. На основаніи сказаннаго τερπικέραυνος значитъ „треплющій молнію“, т. е. потрясающій молніей, мечущій молнію или *громовержецъ*, какимъ и изображается Дій въ дошедшихъ до насъ памятникахъ искусствамъ. Τερπικέραυνος въ этомъ смыслѣ близко подходитъ къ fulmina torquens; но послѣднее, не соотвѣствуетъ этvмологическому составу перваго.

Вслѣдствіе того, что корень trp въ смыслѣ terpere, трепать сохранился въ единственной лишь формѣ τερπι-κέραυνος, и то не какъ самостоятельное слово, а какъ составная часть сложнаго слова, то значеніе его скоро было забыто и Греки, смѣшали его съ другими, близкими въ акустическомъ отношеніи глаголами τέρπομαι и τρέπω, что было тѣмъ легче, такъ какъ отъ послѣдняго сохранились формы съ перестановкой τερπ-.

8. μέροπες.

Толкователи этого эпитета, которое употребляетъ hОмеръ чаще всего при ἄνθρωποι, а иногда и самостоятельно, распадаются на двѣ котегоріи въ зависимости отъ того, за что они принимаютъ вторую часть этого слова—οπ.

Одни считаютъ -οπ- за -Fοκ^v- (лат. vox, скр. vač, двн. ge-wah-nen=нѣм. er-wäh-nen, греч. Fὄψ изъ Fοκ^{v}ς, ὄσσα изъ Fοκjα, Fἔπ-ος изъ Fεκ^v-ος), а къ нимъ принадлежатъ всѣ древніе грамматики, которые въ первой части этого слова μερ- видятъ глаголъ μερίζω „дѣлить". По ихъ толкованію μέρ-οπ-ες означаетъ людей, имѣющихъ членораздѣльную рѣчь. Къ нимъ принадлежатъ схол. къ Il. 1, 250 μερόπων· μεμερισμένην τὴν φωνὴν ἐχόντων, ὡς πρὸς σύγκρισιν τῶν ἄλλων ζώων, ὅ ἐστι μεριζομένην εἰς συλλαβὰς καὶ ἔναρθρον ἐχόντων τὴν ὄπα, τοῦτ' ἔστι τὴν φωνήν; Hesych. μέροπες· ἄνθρωποι· διὰ τὸ μεμερισμένην ἔχειν τὴν ὄπα; Etym. Mag. и Gud. μέροψ, συνώνυμον· γίνεται παρὰ τὸ μείρω, τὸ μερίζω, ὁ μεμερισμένην τὴν ὄπα, ὅ ἐστι τὴν φωνήν, ἔχων καὶ ἄναρθρον, ὡς πρὸς σύγκρισιν τῶν ἄλλων ζώων, ἐπειδὴ ἐὰν εἴπω „ἄνθρωπος", μερίζεται εἰς συλλαβάς. ἢ ὅτι οὐ πάντες τὴν αὐτὴν φωνὴν ἔχουσιν; Eustathii comm. in Il. 1, 250 μέροπες· οἱ ἄνθρωποι παρὰ τὸ φύσει μεμερισμένην ἔχειν τὴν ὄπα εἴς τε λέξεις καὶ εἰς συλλαβὰς καὶ εἰς στοιχεῖα, ὃ μηδεμία τις ἄλλη ἔχει φωνή. Это толкованіе приняли многіе изъ новыхъ ученныхъ, какъ Дэдерлейнъ (Gloss. 2479), Г. Мейеръ (Curt. Stud. 5, 167 die stimme gliedernd), Pott. (Etym. Forsch. 1 195 и Wörterbuch 2, 1, 527), Benfey (2, 59), Clemm (de comp. graec. 13, anm. 30), словарь Папе и др. Но едва-ли сужденіе о членораздѣльной рѣчи, которое предполагаетъ высокое умственное развитіе, можетъ быть отнесено къ эпохѣ до-hОмеровскаго человѣка, къ которой безспорно относится это слово. Скорѣе можно было бы предположить глаголъ μείρομαι изъ σμερ-jομαι имѣть участіе—съ корнемъ smr. (Hesych. κάσμορος изъ κατ-σμορος· δίστηνος, ἔμμορα изъ ἐ-σμορ-α, εἵμαρσαι изъ σε-σμαρ-ται), лат. mer-êri, такъ что μέροψ означало бы ὃς ἔμμορε ὀπός одаренный рѣчью.

Вторая категорія толкователей этого слова видитъ въ -οπ- кор. -οκ^v- (лат. oc-ulus, слав. ок-о-, лит. ak-ìs, греч. ὄσσε изъ ὀκ-jε). При этомъ первая часть толкуется различно. Такъ Гэбель (Goebel, Zeitschr. für Gymnasialwesen 12, 808) видитъ въ μέρ-οπες кор. smr-, срв. μέρμηρα=μέριμνα забота, μερμαίρω=μερμηρίζω забочусь, скр. smar-ati помнитъ, smr-tis память, лат. me-mor, me-mor-ia. Согласно этому объясненію μέροπες означало бы людей смышленно смотрящихъ, съ умнымъ выраженіямъ лица. Съ этимъ толкованіемъ согласенъ Прелливицъ (Griech. Wörterbuch², 290). Опять другіе, принимая μερ- за корень mr- въ μορ-τός=βρο-τός изъ μ-β-ρο-τος, срв. скр. mr-tás мертвый лат. mor-ior, mor tuus, mor-s, слав. мрѫ-тькѫ, мрѣ-ти, лит. mìr-ti, гот. maúr-th=нѣм. mor-d, передаютъ μέρ-οπ-ες черезъ „видящіе смерть“ или „съ выраженіемъ смерти въ глазахъ“. Но это аскетисмъ, который не въ духѣ Грековъ. Къ этой категоріи относятся Бенари (K. Z. 4, 53), Дюнцеръ (Höfer's Zeitschrift 2, 188 и Homerische Beiwörter p. 30), Зонне (K. Z. 15, 125), Вольтеръ (K. Z. X, 204). Опять Нидерле (Listy fil. a paed. 2, 12, 1875) принимаетъ μερ- за корень глагола μαρ-μαίρω, блистѣтъ, напр. ὄμματα μαρμαίροντα блестящіе глаза, μάρμαρος πέτρος блестящій камень, μαρμάρεος блестящій. Въ этомъ случаѣ μέροπες означало бы людей „съ блескомъ въ глазахъ“. Это толкованіе допускаетъ Прелльвицъ (Gr. Wörtb.² 290), сопоставляя съ μαρμαίρω еще лат. mêr-us чистый.

Упомянемъ еще о попыткѣ Фикка (K. Z. 21, 172; 22, 209), который производитъ μέροψ отъ μάρπτω хватать, схватывать, воспринимать, въ смыслѣ понимать и переводитъ его черезъ „воспринимающіе, понимающіе“.

Намъ кажется, что слово, которое употребляется какъ эпитетъ людей, и даже просто какъ „люди“, должно заключать въ себѣ качество, общее всѣмъ людямъ безъ исключенія и обозначать ихъ общую и всѣмъ имъ извѣстную примѣту, которая связана съ общечеловѣческой природой и которая не носитъ на себѣ отпечатка ученаго размышленія. А между тѣмъ ни одно изъ приведенныхъ толкованій не соотвѣтствуетъ

этому постулату. По нашему мнѣнію такимъ эпитетомъ можетъ быть прилагательное „смертный“, каковое значеніе можетъ получить μέροφ, если принять μερ- за корень со значеніемъ „смерть“ съ приставкой—οφ. Но что это за приставка? Арійскіе языки не знаютъ суффикса со звукомъ р. Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что π въ -οπ- произошло изъ арійскаго k^v. Въ этомъ случаѣ -$οκ^v$- соотвѣтствуетъ лат.—âx, какъ aud-âx, слав. приставкѣ -окъ, напр. вык-окъ, свѣд-окъ и проч., конечный звукъ которой насъ ведетъ къ формѣ -ok^vo-, что въ свою очередь предполагаетъ греч. -οπο-, напр. χαρ-οπό-ς искристый. Такимъ образомъ μέρ-οφ произошло изъ μέρ-οπ(ο)-ς и означаетъ *смертный*.

Этимъ я не хочу сказать, что не было вовсе словъ, сложныхъ съ корн. $οκ^v$- въ ὄφ око или $Fοκ^v$- въ ὄφ звукъ, голосъ; такія несомнѣнно были, какъ напр. εὐρυ-όπα „широковидящій“, καλλι-όπη „съ красивымъ голосомъ“; но я утверждаю, что этихъ корней не было въ приставкахъ прилагательныхъ на -οφ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же напр. въ приставкѣ—οφ прилаг. αἴθοφ (у hОмера καπνός, οἶνος, χαλκός, у hЕсіода λιμός), или же οἶνοφ (у hОмера πόντος мрачное море), или ἦνοφ (у hОмера χαλκός блестящая мѣдь), или же στέροφ (у Софокла λιγνύς) предположить значеніе „видѣть“ или „звучать“.

При посредствѣ Вѵзантійской письменности слово μέροπες, которое напр. у Іоанна Кантакузена (15 вѣка) и Никифора Грегоры (14 вѣка) обозначало сельскихъ жителей, рабовъ, перешло въ древне-слав. языкъ въ формѣ мѣропьхъ или нѣропьхъ съ тѣмъ же значеніемъ.

Остается еще сказать объ имени владыки и прорицателя Μέροφ въ Перкотѣ (Il. 2, 831; 11, 329, котораго Hesych. s. v. μέροπες называетъ сыномъ Коя) и птицы кобца, которую Hesych. ibid. называетъ μέροφ. Къ имени Μέροφ, какъ мудраго прорицателя, подходитъ выше упомянутая этѵмологія Гебеля отъ кор. mr- въ μερμαίρω, по аналогіи производства имени Калханта отъ καλχαίνω „обдумиваю“. Къ названію же птицы μέροφ „кобецъ“ можетъ быть примѣнена этѵмологія Фикка отъ μάρπτω „хватать, ловить“.

9. *αἰγίοχος*.

Этотъ эпитетъ принадлежалъ Дію и часто употреблялся самостоятельно въ смыслѣ *Ζεύς*, какъ видно изъ Свиды, гдѣ читаемъ *αἰγίοχος· ὁ Ζεύς*. Значеніе *αἰγίοχος* изложено hEсvхіемъ словами: *αἰγιδοῦχος, ὁ τὴν αἰγίδα ἔχων· αἰγὶς δὲ ὅπλον*. Тоже самое выражено кратко въ Etym. Gud., гдѣ читаемъ *αἰγιόχοιο· αἰγίδα ἔχοντος*. Такое же толкованіе заключается въ принятомъ у насъ переводѣ этого слова „эгидодержавный“. Но оба Etymologica сохранили еще и другія толкованія. Въ нихъ мы читаемъ: *αἰγίοχος· παρὰ τὸ ὀχή, ὃ σημαίνει τὴν τροφὴν καὶ τὸ αἴξ. Λέγουσι γὰρ αὐτὸν τεθηλακέναι Ἀμάλθειαν τὴν αἶγα. οἱ δὲ, ὅτι σκεπαστήριον ἦν αὐτῷ αἰγίς, ἀπὸ Κρητικῆς αἰγὸς ληφθεῖσα. ἢ ἀπὸ τοῦ καταιγίζειν τοῖς ἀνέμοις καὶ πνεύμασι, καλεῖται γὰρ αἰγὶς ὁ ἄνεμος. οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Αἶγα πρώτην γῆμαι, τὴν τοῦ Πανὸς θυγατέρα*. На основаніи этихъ толкованій *αἰγίοχος* могло обозначать, кромѣ выше приведеннаго „эгидодержавный“, также еще „вскормлённый козой“, „владыка бурь и вихрей“ и „супругъ Эгиды“. Отсюда видно, что, по мнѣнію древнихъ, при различномъ значеніи первой части *αἰγι-*, вторая принималась за производную форму отъ ἔχω (изъ σεχ-ω въ аор. ἔ-σ(ε)χ-ον, imperf. εἶχον изъ ἔ-(σ)εχ-ον, ἴσχω изъ (σ)ι-σ(ε)χ-ω, (σ)όχ-ος держащій, срв. скр. sáh-ati одолѣваетъ, sáh-as сила, побѣда, гот. sig-is=нѣм. sieg, слав. сѧг-нѫти по-сяг-нуть, чеш. sáh-nouti, при-сѧг-а присяга, чеш. př́-sah-a, сѧж-ьнь сажень, чеш. sáh). Но возможно предположить, что *-οχος*, принадлежитъ къ Fόχ-ος возъ, Fοχ-έομαι везусь, Fοχ-ή содержаніе, ѣда, кормъ, памфvл. Fεχ-έτω пусть везетъ, (срв. лат. veh-o везу, veh-iculum повозка, осское veia=veh-ja повозка, слав. воз-ъ, вез-ѫ, лит. vež-ù везу, vež-é дорога, Бѣловежъ, бѣлая дорога, нѣм. wag-en, гот. vigs=нѣм. weg, скр. vah-ati, zd. vaz-aiti везетъ). Такимъ образомъ *αἰγίοχος* можетъ быть или *αἰγί-σοχος* держащій *αἰγι-*, или же *αἰγί-Fοχος* везущій *αἰγι-*. Но, что такое *αἰγι-*? Во всѣхъ тѣхъ значеніяхъ, которыя придавали слову *αἰγίοχος* древніе, въ *αἰγι-* предполагалось слово *αἰγίς*, *-ίδος* съ основой *αἰγιδ-*, будь это козій щитъ или буря и вихрь. Въ соединеніи съ *-σοχος*

слово αἰγίς дало бы формы или αἰγιδ-σοχος=αἰγί(σ)σοχος или αἰγιδί-(σ)οχος или же αἰγιδο-(σ)οχος=αἰγιδοῦχος, а съ -Fοχος или αἰγιδ-(F)ο-χος=αἰγίδοχος или αἰγιδί(F)οχος или наконецъ αἰγιδο-(F)οχος=αἰγιδοῦχος. Но такъ какъ формы αἰγίσοχος, αἰγιδίοχος, αἰγίδοχος не существуютъ, а αἰγιδοῦχος (у hEсvхія) образовано очевидно по образцу ῥαβδοῦχος, то остается въ αἰγί-οχος предположить основу αἰγ-. Такую основу находимъ въ двухъ словахъ: αἴξ, αἰγ-ός коза, срв. αἰγύπιος изъ αἰγι-γύπιος козій коршунъ, αἰγωλιός изъ αἰγι-γωλιος ночная птица, которая прячется (γωλεός, γωλεά берлога, лит. gul-is) въ хлѣвѣ козъ, и αἶγ-ες волны, напоръ (греч. ἐπ-είγ-ω, скр. ež-ati движется=скр. iùg-ati, срв. αἶγες· κύματα, Δωριεῖς у hEсvхія и καὶ γὰρ τὰ μεγάλα κύματα ἐν τῇ συνηθείᾳ λέγομεν у Артемидора Онеірокрита 2, 12, αἰγι-αλός изъ αἰγι-σαλος, гдѣ σάλ-ος=лат. sal-um=нѣм. schwall приливъ волнъ къ берегу). Въ этихъ случаяхъ означало бы αἰγί-οχος или держащій или везущій козу или волну, а если по Etym. Mag. и Gud. -οχος происходитъ отъ Fοχή кормъ, то кормящій козу, что однакожъ все не идетъ, какъ эпитетъ Діа. Прочія слова, въ коихъ встрѣчаетъ еще основа αἰγ(ι)-, въ этvмологическомъ отношеніи не совсѣмъ ясны, какъ αἰγίλιψ (о скалѣ) высокій (по Etym. Mag. πέτρα; ἣν καὶ αἴξ οὐ δύναται ἀναβῆναι; но Ульяновъ χαριστήρια 127, прим. 2 сравниваетъ -λιψ съ лит. lip-ù, lip-ti всходить, откуда ἄλιψ· πέτρα Hesych., недоступная скала и αἰγί-λιψ доступная для волнъ); αἰγίλωψ ячмень на глазу по Boisacq'у Греч. словарь 21 изъ ἀFιγ-ιλωψ въ avena изъ avig-sna, слав. овьс-ъ изъ овьз-ъ, лит. aviž-à по Педерзену Ind. Forsch. 5, 42); αἰγανέη дубовое копье, αἰγίλωψ дубъ, αἴγ-ειρος тополь (двн. eih=нѣм. eich-e, дубъ, лат. aes-culus изъ aig-sculos дубъ, ilex изъ ig-slex дубъ). Но существуетъ корень αἰ- означающій „горѣть“ (въ ἦρι утромъ изъ αἰ-ερι, ἄριστον изъ αἰ-ερι-στον завтракъ, срв. zd. aj-are день, гот. ai-r рано, ai-ris раньше, нѣм. eher, erst), расширенный съ одной стороны детерминантомъ dh=ϑ=d въ αἴ-ϑω горю, пылаю, αἶ-ϑος пожаръ, αἰ-ϑήρ чистый воздухъ, скр. e-dh-s головня, лат. ae-des, домъ, храмъ (съ пылающимъ очагомъ), aedilis (ai-d-ilis) служитель, первонач. храма, ae-stus жаръ, ae-stas жаркое время года, лѣто изъ ae-d-t-,

а съ другой-детерминантомъ g=γ въ αἴ-ξ изъ αἰ-γ-ς огненное явленіе въ воздухѣ (Aristoteles, Meteor. 1, 4) и αἴ-γ-λη блескъ. Вотъ этотъ то кор. αἰγ- я предполагаю въ словѣ αἰγί-οχος, которое въ такомъ случаѣ должно обозначать или держащій огонь (αἰγι-σοχος) или же везущій огонь (αἰγι-Fοχος). А такъ какъ это эпитетъ бога неба и солнца, то, конечно, къ нему не идетъ второе „везущій огонь“ (солнце), такъ какъ это дѣлаетъ Ἥλιος, а нужно принять первое и передавать черезъ „владыка солнца и неба“ или *„огнедержецъ“*, что великолѣпно характеризуетъ Діа.

Вслѣдствіе смѣшенія корня αἰγ- „огонь“ съ другимъ равнозвучнымъ корнемъ αἰγ въ (αἶγες), „волна, напоръ“, который является и въ видѣ αἰγίς вихрь, буря, туча (Hesych. ὀξεῖα πνοή, Etym. Mag. αἰγίδες, κατ-αιγίδες· οἱ ἄνεμοι, Serv. in Verg. Aen. 8, 354: sane Graeci poëtae turbines et procellas κατ-αιγίδας appellant, quod haec mota faciant tempestates), стали древніе толковать эпитетъ αἰγίοχος какъ владыка вихрей, бурь, тучъ. Видимой причиной бури служила туча, покрывающая небо. Буйная фантасія Грековъ сдѣлала изъ такой тучи щитъ, которымъ прикрывается Дій. Потрясая же имъ владыка неба производилъ бурю и дождь. Въ этомъ опять мы видимъ смѣшеніе слова αἰγίς буря съ αἰγίς щитъ изъ дубоваго дерева (см. выше αἰγ-ανέη etc.). Отсюда и глосса hЕсvхія αἰγίς· τὸ τοῦ Διὸς Ἡφαιστότεκνον ὅπλον. Но и на этомъ не остановилась фантасія Грековъ. Смѣшавъ кор. αἰγ съ корнемъ слова αἴξ „коза“, Греки стали αἰγίς называть „козьимъ щитомъ“, какъ видно изъ глоссы hЕсvхія αἰγίς· ὅπλον ἐξ αἰγοῦ.

Но такъ какъ непонятно было, почему щитъ Дія былъ изъ козьей кожи, необходимо было обратиться къ преданію, на основаніи котораго Рея, родивши Дія на островѣ Критѣ, поручила его попеченію нvмфъ, которыя его вскормили молокомъ козы Амальѳеи (Apollod. 1, 1, 7). hОмеръ этого еще не знаетъ. У hЕсіода (Ѳеогонія 474) разсказывается о рожденіи Діа Реей на Критѣ; но тамъ его кормитъ Гая, а не Амальѳея, которой hЕсіодъ также не знаетъ; единственнымъ намекомъ на

козу служитъ названіе козьей горы, въ которой скрылась Рея (Αἰγαῖον ὄρος). Этотъ намекъ послужилъ для болѣе позднихъ миѳологовъ поводомъ къ сочиненію миѳа о козѣ Амальѳеѣ и о томъ, что Дій въ память о своей кормилицѣ обтянулъ щитъ свой ея кожей. Однакожъ разсудительнымъ критикамъ показалась басня о козѣ Амальѳеѣ и щитѣ изъ ея кожи слишкомъ смѣлой и они возвратились къ болѣе древнему толкованію, какъ видно изъ словъ Etym. Mag., гдѣ говорится, что щитъ Дія сдѣланъ „οὐχ, ὥς τινές φασιν, ἀπὸ τῆς ᾿Αμαλθείας αἰγός, τῆς τὸν Δία ἀναθρεψάσης, ἀλλ᾽ ἀπὸ τοῦ τὰς συστροφὰς τῶν ἀνέμων ποιεῖν κινεῖσθαι.

Итакъ древнѣйшимъ значеніемъ эпитета αἰγίοχος было „*огнедержецъ,* владыка солнца и неба“, которое возникло еще раньше hОмера въ священной до-hОмеровской поэсіи и оттуда перешло въ эпическую поэсію. На эпической почвѣ могло возникнуть другое значеніе „владыка бурь и тучъ“; но третье значеніе „эгидодержавный“, какъ возникшее уже послѣ hОмера, на почвѣ искусственной эпики, какъ плодъ фантасіи послѣ-hОмеровскихъ миѳологовъ, должно быть отвергнуто.

10. ἀργεϊφόντης.

Къ числу темныхъ и загадочныхъ словъ эпической поэсіи принадлежитъ эпитетъ hЕрмеса—ἀργεϊφόντης. Древніе уже не понимали настоящаго значенія этого слова, а потому у нихъ находимъ большое количество толкованій его. Вотъ эти толкованія.

1. Самое распространенное, не только у нихъ, но и у насъ—*аргоубійца,* каковымъ себѣ древніе представляли hЕрмеса, на основаніи миѳа объ убійствѣ (φόνος) имъ Арга (῎Αργος). Миѳъ этотъ, къ которому мы вернемся еще ниже, изложенъ у Аполлодора 2, 1, 3. Кромѣ того читаемъ въ схоліяхъ Венеціанскихъ къ Ил. 2, 103: ῾Ερμῆς... τὸν ῎Αργον λίθῳ βαλὼν ἀπέκτεινε καὶ ἐντεῦθεν ἀργεϊφόντης ἐκλήθη; Etym. Mag.: ἀργεϊφόντης, ἐπειδὴ τὸν ῎Αργον ἐφόνευσε λίθῳ βαλών; Etym. Gud. ἀργεϊφόντης, ὃς φονεύσας ῎Αργον τὸν πολυόμματον κύνα и дальше παρὰ τὸ ῎Αργον τὸν πολυόμματον κύνα πεφονεῦσθαι τὸν ᾿Ιοῦς φύλακα; въ schol. Paris. ad Hesiod.: ῎Εργ. κ. ῾Ημ.: οἱ δὲ νεώτεροι, ὅτι τὸν ῎Αργον ἐφόνευσε τὸν πανόπτην.

2. *Быстрый посолъ* отъ ἀργός быстрый и φαίνω сообщать; такъ въ schol. Lips. къ Ил. 2, 104 и у hЕсvхія читаемъ: ὁ ταχέως καὶ τρανῶς ἀποφαινόμενος; Etym. Gud.: παρὰ τὸ ἀργός—ὁ ταχὺς ἄγγελος; schol. къ Ил. 24, 24: οὐχ ὅτι κατὰ Ἡσιόδου μύθους τὸν βουκόλον Ἰοῦς ἐφόνευσε, ἀλλ' ἐπειδὴ μία παντὸς λόγου φύσις ἐκφαίνει ἐναργῶς τὸ νοούμενον.

3. *Ясно докладывающій* изъ ἀργός ясный и φαίνω докладывать schol. Venet. къ Ил. 2 и у hЕсvхія, 104: ἀργεϊφόντης—καθαροφάντης, λευκοφάντης ἀπὸ τοῦ λευκῶς πάντα φαίνειν καὶ σαφηνίζειν; Etym. Gud.: παρὰ τὸ ἀργὸν συγκείμενον τὸ λευκόν, ἀργοφόντης τις ὤν.

4. *Толкователь сновъ* отъ ἀργής ясный и φαντάζομαι толковать (сны=φαντασίας); такъ Etym. Mag.: ὁ ἐναργεῖς τὰς φαντασίας ποιῶν, ἐπάνω γὰρ τῶν ὀνείρων ἐστὶ ὁ Ἑρμῆς, далѣе ὁ μεγάλως φανταζόμενος τοῖς ὀνείροις, и еще παρὰ ἐναργεῖς τὰς φαντασίας ποιεῖν, ὡς φησὶν Ἀλεξίων καὶ Ἀρίσταρχος; Etym. Gud.: ὁ ἐναργεῖς τὰς φαντασίας ἀποτελῶν, ὀνειρόπεμπος γάρ ἐστιν. Сюда относится также слѣдующая замѣтка въ Etym. Gud.: οἱ δὲ διὰ τοῦ ι γράφοντές φασιν, παρὰ τὸ ἀρι τὸ ἐπιτακτικὸν μόριον, ὡς ἀρίζηλος, ἀρίδηλος, ἀριφόντης ὁ μεγαλοφανταζόμενος διὰ τοὺς ὀνείρους καὶ πλεονασμοῦ τοῦ γ. Что это толкованіе принадлежитъ Дидvму, видно изъ Etym. Mag., гдѣ сказано, что „Δίδυμος διὰ τοῦ ι γράφει, λέγει γάρ, ὥσπερ ἀπὸ τοῦ ἀρι ἐπιτακτικοῦ γίνεται ἀριφόντης, καὶ πλεονασμῷ γ ἀργιφόντης.

5. *Чистый, непричастный къ убійству* отъ ἀργός чистый и φόνος убійство; Etym. Mag.: ὅτι ἀργός ἐστι τοῦ φόνου, τουτέστι καθαρός, Etym. Gud.: ὁ ἀργὸς φόνου, εἰρηνικὸς γὰρ ὁ θεός, ὅπερ Ὅμηρος φῇ; schol. къ Одvс. 1, 38: τὸν ἀργὸν φόνου καὶ εἰρηνικόν. На этомъ основаній hЕрмесъ названъ также

6. *открывающій убійства;* такъ у hЕсvхія: καταργῶν τοὺς φόνους; Etym. Gud.: καταργεῖ τοὺς φόνους.

7. *Появившійся въ Аргосѣ* отъ Ἄργος и φαίνομαι; такъ у hЕсvхія: ἐν Ἄργει πρῶτον πεφηνώς, что повторяется въ Etym. Gud.: ὁ ἐν Ἄργει πρῶτον πεφηνώς, ὁ γὰρ Ἑρμῆς πρῶτον ἐν τῷ Ἄργει ἐφάνη.

8. *Торжествующій надъ убитымъ Аргомъ* отъ Ἀργός и φωνέω торжествовать; schol. ad hEsiodi Ἔργ. κ. Ἡμ.: ἤτοι ὁ ἐν Ἀργῷ φωνῶν.

9. Наконецъ *змѣеубійца* отъ ἀργῆς змѣй и φονεύω; Etym. Gud. ὅτι τὸν ὄφιν τὸν Τυφῶνα ἀνεῖλε, κατὰ γὰρ τὴν τῶν Ἀργείων γλῶσσαν ἀργῆς καλεῖται ὁ ὄφις, ἵν' ᾖ ὀφιοκτόνος.

Какъ выше было замѣчено, у насъ изъ древнихъ толкованій слова ἀργεϊφόντης самое распространенное первое — *аргоубійца* благодаря Преллеру, который въ своей Griechische Mythologie I[4], 394 принялъ это толкованіе. Что оно неправильно, видно изъ того, что отъ Ἀργός мы бы ожидали или ἀργο-φόντης или же ἀργοι-φόντης, какъ напр. ὁδοί-πορος, χοροί-τυπος отъ ὁδός, χορός, а во вторыхъ, миѳъ объ hЕрмесѣ, какъ аргоубійцѣ, возникъ уже послѣ hОмера, а потому ἀργεϊφόντης у hОмера не можетъ обозначать аргоубійцу.

Второе толкованіе—*быстрый посолъ* нашло защитниковъ въ Амейсѣ (Anhang zur Odyssee 1, 84), Гэбелѣ (Lexicolog. 1, 220), Зейлерѣ (Vollständiges Wörterbuch des Hom.) и другихъ, которые переводятъ ἀργεϊφόντης черезъ eilbote, производя это слово отъ ἀργός быстрый и φαίνω объявляю, докладываю. Но, во первыхъ, отъ основы ἀργο- мы бы ожидали ἀργοι- или же отъ корня ἀργ- (скр. rnž-ate стремится впередъ) ἀργι-, какъ ἀργί-πους быстроногій (Ил. 24, 211), а во вторыхъ отъ φαίνω (изъ φαν-jω) существительное должно быть φάν-της, а не— φόν-της. Послѣдняя форма возможна только въ эолійскомъ нарѣчіи, гдѣ α превращается въ ο, какъ напр. τομίας, ὀνία, λόχον, δέκοτος вм. ταμίας, ἀνία λάχον, δέκατος. Однакожъ у hОмера сохранилось эол. ο вмѣсто α только въ ορ и ρο вмѣсто αρ и ρα въ тѣхъ случаяхъ, когда это ορ=αρ и ρο=ρα стоитъ вмѣсто арійскаго сонанта r (или по Hirt'у въ его Ablaut 164 и Handbuch der griech. Laut- und Formenlehre § 87—145 вмѣсто ere), напр. πόρδαλις вм. πάρδαλις изъ πrδαλις, скр. prdâkuš, ἥμβροτον вм. ἥμαρτον изъ ἤ-μrτ-ον и ἀβροτάζω вм. ἀμβροτάζω=ἁμαρτάνω изъ ἀ-μrτάζω, ὄρχαμος въ ἄρχαμος отъ ἄρχω. На этомъ основаніи едвали можно признать hОмер. ἀργεϊφόντης за эолійскую форму вмѣсто ἀργεϊφάντης.

Также и третье толкованіе древнихъ въ смыслѣ *ясно докладывающій*, поддерживаемое Велькеромъ (Götterlehre 336),

не можетъ быть принято на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ мы бы ожидали ἀργοι—им. ἀργοι-φάντης, а не ἀργεϊφόντης.

Оставляя въ сторонѣ толкованія древнихъ, приведенныя подъ №№ 4—8, какъ плодъ фантасіи грамматиковъ, мы остановимся на послѣднемъ (9), по которому ἀργεϊφόντης могло обозначать ὀφιόκτονος—*змѣеубійца*. Въ этомъ смыслѣ ἀργεϊφόντης могло бы имѣть значеніе по отношенію къ Аполлону, который такъ названъ у Софокла, frg. 972 (срв. также Etym. Gud. s. v. ἀργεϊφόντης· παρὰ δὲ Σοφοκλέους ἐπὶ δὲ τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ Τελέφου. Извѣстно преданіе, что Аполлонъ, будучи еще отрокомъ, убилъ Дельфійскаго змѣя Пиѳоя, а такъ какъ на языкѣ Аргейцевъ ἀργῆς означаетъ змѣя (см. Etym. Gud. выше подъ 9), то Софоклъ, называя Аполлона ἀργεϊφόντης, могъ имѣть въ виду именно это преданіе. Однакожъ ἀργῆς, ср. дор. ἀργᾶς, т. е. ἀργάεις изъ ἀργα-Fεντ-ς, произошло изъ ἀργήεις, которое въ свою очередь восходитъ къ ἀργη-Fεντ-ς, и отъ него должна бы получиться форма ἀργηFεντι-φόντης или ἀργηντι-φόντης. Къ Аполлону могло бы относиться ἀργεϊφόντης скорѣе толкованіе Клемма (Curt. Stud. 7, 34), который въ первой части видитъ основу ἀργεσ-, встрѣчающуюся въ ἐναργής, -ές ясный, ἀργεσ-τής блестящій, ἀργεννός изъ ἀργεσ-νός блестящій, наконецъ въ названіи города (τὸ) Ἄργος (=Бѣлгородъ), отъ корня ἀργ- въ ἀργ-ός бѣлый, ἀργ-ής свѣтлый, ἄργ-υρος серебро, ἄργ-ῖλος=лат. arg-îla бѣлая глина, лат. arg-uere доказывать, arg-entum=ἄργ-υρος=осск. arag-etom, скр. árž-unas свѣтлый, raž-atám=arg-entum, rá̆ž-ati блеститъ, зд. erez-ata=осск. arag-etom. А такъ какъ въ -φόντης онъ признаетъ nomen agentis отъ φον- въ φον-εύω убиваю, (корень. ghn-, срв. скр. hán-mi бью, ha-tás изъ hn-tás побитый, слав. жьн-ѫ жну, собств. рѣжу, откуда греч. ἔ-πε-φν-ον и φα-τός изъ φn-τός), то по его толкованію ἀργε(σ)-ι-φόντης значитъ „убивающій свѣтомъ", „убивающій солнечными лучами". Въ этомъ смыслѣ могъ бы называться дѣйствительно Аполлонъ, который напр. въ Ил. 1, 45—53 послалъ на Ахеянъ моровую язву отъ своихъ стрѣлъ, т. е. смертъ отъ солнечныхъ лучей, отъ солнечнаго удара. Такимъ же онъ изображенъ подъ именемъ Mars въ

пѣсни арвальскихъ братьевъ: satur fu fere Mars limen sali sta berber=satur esto, fere Mars, lumen solis siste fervêre. Клеммъ считаетъ первую часть ἀργει- изъ ἀργ-εσ-ι- за abl. sing. отъ ἀργεσ-. Однакожъ, едва-ли можно серьезно говорить о первыхъ частяхъ дѣйствительныхъ композитъ какъ о падежахъ, особенно тамъ, гдѣ они обнаруживаютъ приставку ε(σ)ι- или εσ-, такъ какъ такія формы являются или аористными основами или же основами именными, которыя составляютъ объектъ nominis agentis, если оно встрѣчается во второй части сложнаго слова, какъ въ данномъ случаѣ- -φόν-της отъ φονεύων. На основаніи этого ἀγειφοντης, какъ эпитетъ hЕрмеса, не можетъ обозначать „убивающій лучами"; это слово могло бы служить эпитетомъ Аполлона, а также Телефа (см. выше Etym. Gud.), сына Авги (αὐγή блескъ), который для Мѵсіи вѣроятно былъ тѣмъ же, чѣмъ для Греціи былъ Аполлонъ (Τήλεφος ѵпокористическая форма изъ ΤηλεφάϜης, какъ Τήλεκλος изъ ΤηλεκλέϜης, Ἐτέοκλος изъ ἘτεοκλέϜης), т. е. богомъ солнца. Оставляя въ сторонѣ, какимъ соображеніемъ руководствовался Софокль, называя Аполлона аргеифонтомъ, перейдемъ къ разъясненію дальнѣйшихъ толкованій этого эпитета новыми изслѣдователями.

Захеръ (De prioris nom. comp. partis format. 1, 34) и Дюнцеръ (K. Z. 12, 4) передаютъ ἀργεϊφόντης черезъ *яркоблестящій*, съ чѣмъ можно сравнить и толкованіе Прелльвица (Etym. Wörterbuch der Griech. Sprache[2], 50) „in der Helle erscheinend", являющійся въ блескѣ. Захеръ видитъ въ первой части основу ἀργι- съ подъемомъ ι въ ει отъ предполагаемаго прилагательнаго ἄργι-ς ясный, Дюнцеръ же производитъ ее отъ корня ἀργ- съ соединительнымъ гласнымъ ι, а Прелльвицъ находитъ въ ἀργει- основу ἀργεσι-, блескъ, а въ φοντης кор. bhê =φη являться. Что касается послѣдняго толкованія, то непонятно, какое отношеніе имѣетъ—φον-της къ φη (можетъ быть къ φαίνω изъ φαν-jω?). Относительно же первыхъ 2 объясненій, которыя предполагаютъ форму Дидѵма ἀργι-φοντης, нужно сказать, что ученіе о подъемѣ и соединительныхъ гласныхъ

наукой давно уже оставлено, не говоря о невозможности производства второй части -φοντης изъ -φάντης, которая, какъ nomen agentis, не можетъ выражать состояніе, какое заключается въ ἀργεϊφόντης со значеніемъ „яркоблестящій“.

Также не удовлетворяетъ объясненіе Рошера, который (Hermes der Windgott, 94 seqq. и Ausf. Lex. d. Griech. Mythologie 2385), производя это слово отъ ἀργός свѣтлый и φαίνω являть, передаетъ его черезъ „являющій, дѣлающій погоду ясной, проясняющій небо“. Вотъ его доводы:

1. Приводя отрывокъ изъ Алкмана (у Аѳенэя 11, 499, ed. Kaibel), въ которомъ съ τυρὸν согласовано якобы ἀργεϊφόντην, онъ переводитъ „сыръ яснoблестящій, бѣлый“. Но въ такомъ случаѣ онъ подкрѣпляетъ мнѣніе Захера и Дюнцера, а не свое. Кромѣ того форма, приводимая Рошеромъ, и ея отношеніе къ τυρὸν, сомнительны, такъ какъ рукописи представляютъ разночтенія αργειοφεονται, αργειοφονται, αργυφεοντε, а издатели допускаютъ конъектуры ʼΑργειφόντᾳ, ἀργυφόνταν. Послѣдняя форма встрѣчается у Grammaticus Hamburgensis, изданнаго Велькеромъ и Шнейдевиномъ (Rh. M. 10, 256; Philolog 10, 350). Отрывокъ изъ Алкмана, приводимый Аѳенэемъ, состоитъ изъ 6 дактилическихъ тетраметровъ, изъ коихъ 3 принадлежатъ къ разряду акаталектическихъ, а 3—каталектическихъ, при чемъ въ первыхъ двухъ дистихахъ акаталектическій тетраметръ занимаетъ первое, а въ третьемъ второе мѣсто. Очевидно, что въ третьемъ дистихѣ нарушенъ порядокъ, который долженъ быть возстановленъ слѣдующимъ образомъ:

πολλάκι δʼ ἐν κορυφαῖς ὀρέων, ὅκα
θεοῖσιν ἅδῃ πολύφανος ἑορτά,
χρύσεον ἄργος ἔχοισα μέγαν σκύφον,
οἷά τε ποιμένες ἄνδρες ἔχουσιν,
τυρὸν ἐτύρησα μέγαν ἄτρυφον
χερσὶ λεόντεον ἐν γάλα θεῖσα
ἀργεϊφόνταν. . . .

Изъ приведеннаго отрывка видно, что словомъ ἀργεϊφόνταν начинается четвертое двустишіе, которое, однакожъ, не вы-

писано Аѳенэемъ. А такъ какъ отрывокъ и безъ слова ἀργεϊφόνταν даетъ вполнѣ законченный смыслъ и это послѣднее можетъ даже не относиться къ τυρόν, то едвали ему можно придавать такое значеніе, которое ему придаетъ Рошеръ.

2. ἀργεϊφόντης было прозвищемъ божествъ свѣта, Аполлона и Телефа, а потому можетъ означать „освѣщающій“.

3. ἀργεϊφόντης форма эолійская и произошла изъ ἀργεϊφάντες;

4. ει вм. ο объясняется формой ἀνδρεϊφόντης;

5. какъ Κλεοφόντης, Ἀριστοφόντης, въ виду параллельныхъ формъ Κλεοφῶν, Ἀριστοφῶν, слѣдуетъ производить отъ φαίνω, а не отъ φένω (ἔπεφνον), такъ и ἀργεϊφόντης должно быть произведено отъ φαίνω;

6. для вѣтровъ, очищающихъ небо отъ тучъ, употребляется эпитетъ ἀργεσ-τής, а такъ какъ основа его ἀργεσ- составляетъ первую часть слова ἀργεϊφόντης, то оно должно означать „проясняющій“.

Но доводы эти не убѣдительны, во-первыхъ, потому, что, какъ выше нами было указано,—φόντης не можетъ происходить отъ φαίνω; далѣе, ἀργεϊφόντης, какъ прозвище Аполлона и Телефа, можетъ быть объяснено иначе; ἀνδρεϊφόντης не можетъ служить для объясненія слова ἀργεϊφόντης, такъ какъ оно образовалось по аналогіи послѣдняго; наконецъ изъ того, что отъ основы ἀργεσ- образовалось прозвище вѣтровъ ἀργεστής, не слѣдуетъ, что ἀργεϊφόντης, въ первой части котораго также имѣемъ основу ἀργεσ-, какъ эпитетъ hЕрмеса, по Рошеру бога вѣтра, должно обозначать „проясняющій небо“, такъ какъ вѣтеръ способенъ не только прояснять небо, но и покрывать его тучами.

Мы дошли до объясненія, которое впервые было высказано Л. Мейеромъ (Bemerkungen zur ältesten Geschichte der griech. Mythologie, 53) еще въ 1857 году и повторено его ученикомъ Шэнбергомъ (Über griech. Composita, 29) въ 1868 году и принято также Г. Мейеромъ (Curt. Stud 5, 93). Эти изслѣдователи, производя ἀργεϊ- изъ ἀργεσι- ясный, свѣтлый и φόν-της отъ корня φον въ φον-εύω, передаютъ ἀργεϊφόντης черезъ „губящій, уничтожающій свѣтъ“.

Мнѣ кажется, что именно такъ, и не иначе необходимо объяснить форму и значеніе этого слова. Ἀργεϊ- въ смыслѣ свѣтлый, блестящій встрѣчается еще въ ἀργεΐ-λοφος „со свѣтлой верхушкой“ (λόφ-ος=слав. лѫб-ъ лобъ) и также происходитъ отъ основы ἀργεσ- изъ ἀργε(σ)ι-. Подобныя же формы на ει- въ первой части сложныхъ прилагательныхъ находимъ еще напр. въ ἐγχεΐ-βρομος, ὀρεΐ-δρομος, θερεϊ-γενής, въ коихъ εϊ- произошло изъ ε(σ)ι-, какъ видно изъ параллельныхъ формъ ἐγχεσί-παλος и ὀρεσί-δρομος. Что же касается значенія второй половины— φόντης, то напр. ἀνδρεϊ-φόντης „убивающій мужей“ ясно показываетъ, что -φόντης есть дѣйствительно nomen agentis отъ корня φον- (φόν-ος, φον-εύω), объектомъ котораго служитъ ἀνδρεϊ-, хотя оно и образовалось по аналогіи съ ἀργεϊ-, такъ какъ основы ἀνδρεσι- нѣтъ и мы бы ожидали ἀνδρι- или ἀνδρο-. Подтвержденіемъ этому служитъ также Βελλερο-φόντης „убійца Беллера“ (schol. Къ Ил. 6, 155: οὕτως πρότερον ἐκαλεῖτο Ἱππόνοος. ἀνελὼν δὲ Βέλλερον τὸν Κορινθίων δυνάστην, Βελλεροφόντης ἐκλήθη). Мυѳъ этотъ возникъ послѣ hОмера, благодаря непониманію слова βελλεροφόντής, которое еще Евстаѳій (ad Hom. Iliad 2, p. 635. 6) толкуетъ какъ „губитель зла“, объясняя ἔλλερα (Каллимахъ frg. 434) по hЕсυхію какъ ἐχθρά, πολέμια, κακά. Такимъ же объектомъ къ -φόντης въ ἀργεϊ-φόντης служитъ первая его часть ἀργεϊ, а потому передачу черезъ *„свѣтогубецъ“*, или по аналогіи съ черноморъ—*„ясноморъ“* можно считать вполнѣ правильной.

Возникаетъ вопросъ, на какомъ основаніи hЕрмесъ могъ называться *свѣтогубцемъ* или *ясноморомъ?* Постараемся разъяснить значеніе самого названія бога hЕрмеса—эпич. Ἑρμείας, Ἑρμείης, Ἑρμέας, эол. дор. Ἑρμᾶς, атт. іон. Ἑρμῆς. Кромѣ этихъ обычныхъ формъ намъ извѣстна еще форма ѳесс. dat. sing. Ἑρμαύου вм. ἙρμάϜῳ, которая свидѣтельствуетъ объ основѣ ἙρμαϜ-, встрѣчающейся также въ лак. аркад. gen. sing. Ἑρμᾶνος, и месс. дат. Ἑρμᾶνι, изъ ἙρμάϜωνος, ἙρμάϜωνι, слѣдов. nom, sing. ἙρμάϜων. На этомъ основаніи Прелльвицъ (Wörterb.[2], 157) предполагаетъ для эпич. Ἑρμείας Ἑρμείης, Ἑρμέας и атт. Ἑρμῆς, форму ἙρμαϜίας, а Boisacq (Dictionaire, 283 прим. 3) для

формъ остальныхъ нарѣчій ѵпокористическую форму Ἑρμᾶς, возникшую изъ ἙρμάFων, какъ возникло Ποτιδᾶς (=Ποσειδῶν) изъ ΠοτιδάFων. Но существованіе формъ ἙρμάFος и ἙρμάFων въ не-іоническихъ нарѣчіяхъ не должно вызывать необходимость производить и іон. форму Ἑρμείας изъ ἙρμαF-ίας. Я убѣжденъ въ томъ, что Ἑρμείας есть параллельная форма къ не-іонійскому ἙρμάFος, ἙρμάFων. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ основой ἑρμα-, отъ которой въ однихъ нарѣчіяхъ образовалось имя бога hЕрмеса при помощи приставокъ Fο-, Fων-, въ другихъ при помощи приставки jα-.

Съ формальной стороны съ греч. Ἑρμείας изъ Σερμειας совпадаетъ скр. Sârameja$; разница заключается лишь въ томъ, что въ санскритскомъ словѣ корень sâra- представляетъ удлиненную ступень (Dehnstufe), тогда какъ въ греч. формѣ имѣемъ краткій корень sar-; далѣе въ скр. словѣ отъ корня sâra- и въ греч. отъ sar- образовалась основа на -mâ (въ греч. же на μα-), такъ что Sâramejas есть patronimicum отъ Sâr-amâ, (основа Sâr-amai-) а греч. Ἑρμείας отъ Ἑρ-μα-, образовавшіяся при помощи приставки ja-, при чемъ Sârameja- представляетъ форму Sâramai-ja-, а Ἑρμεια- Σερμα-jα-.

Въ индійской миѳологіи мы находимъ преданіе о сукѣ Сарамѣ, посланницѣ бога Индры и о ея двухъ сынахъ, четвероглазыхъ псахъ Сарамеяхъ, посланцахъ подземнаго бога Ямы. Въ Ригведѣ 10, 108 читаемъ, что Пани, богатое, но скупое племя, похитили у Индры стадо коровъ и скрыли ихъ въ пещерѣ далеко за рѣкой Расъ. Сарама, перескочивъ широкую рѣку, выслѣдила коровъ и сообщила о нихъ Индрѣ. Индра, явившись туда со свитой, увелъ коровъ домой. Въ той же Ригведѣ 10, 10 находятся слѣдующія свѣдѣнія о Сарамеяхъ: Сарамеи охраняютъ подземное жилище Ямы отъ злыхъ людей, провожаютъ души умершихъ въ подземное царство Ямы и являются посредниками между подземнымъ царствомъ и свѣтомъ. Изъ легенды о Сарамѣ мы видимъ, что главной характерной чертой ея была проворность и быстрота. Выслѣдивъ коровъ Индры, она съ быстротой вѣтра совершаетъ

путешествіе изъ Индіи къ далекой рѣкѣ Расъ (Волга) и перескакиваетъ, или лучше сказать перелѣтаетъ ея многоверстную ширину. Быстроту унаслѣдовали у матери своей и ея сыновья Сарамеи; вѣдь только быстрые какъ вѣтеръ псы могли быть проводниками воздушныхъ существъ—душъ. А такъ какъ въ Ригведѣ 12, 55 одинъ Сарамея является богомъ сна, хранителемъ жилища и избавителемъ отъ болѣзней, то Кунъ (Haupt, Zeitschrift für deutsches Altertum 6, 117), видя въ греч. мvѳѣ о похищеніи hЕрмесомъ быковъ Аполлона варіантъ индійскаго мvѳа, отожествляетъ hЕрмеса, какъ посла боговъ, хранителя жилищъ, исцѣлителя болѣзней, бога сна и проводника душъ, съ индійскимъ Сарамеей, какъ носителемъ тѣхъ-же качествъ, предполагая, что hЕрмесъ первоначально изображался съ собачей головой въ видѣ Кербера, подземнаго пса. Однакожъ это не всѣ значенія, присущіе hЕрмесу. Такъ Греки считали его богомъ гvмнастики и агонистики, приписывали ему воровской, обманный и разбойничій характеръ, называли его изобрѣтателемъ музыкальныхъ инструментовъ сvринги, авла и лvры, богомъ неожиданнаго счастья, покровителемъ путешествія и путешественниковъ, сухопутной и морской торговли. Всѣ эти качества не принадлежатъ индійскому Сарамеѣ, а потому hЕрмесъ долженъ былъ ихъ пріобрѣсти на греческой почвѣ независимо отъ тѣхъ качествъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ индійскаго Сарамеи. Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи качествъ hЕрмеса мы должны различать два періода, одинъ до-греческій, къ которому относятся его качества, унаслѣдованныя имъ отъ индійскаго Сарамеи, и другой—греческій, въ которомъ развились всѣ прочія его значенія.

На это обстоятельство не обратили должнаго вниманія изслѣдователи мvѳологіи изъ старанія привести значеніе hЕрмеса къ одному общему принципу. Въ настоящее время мvѳологи раздѣлились по отношенію къ hЕрмесу на два лагеря; одни изъ нихъ, съ Сике во главѣ (Hermes der Mondgott, Leipzig. 1908 г.), считаютъ hЕрмеса богомъ луны, а другіе,

послѣдователи Рошера (Hermes der Windgott 1878 Leipzig), видятъ въ hЕрмесѣ бога вѣтра.

Вдаваться здѣсь въ подробный разборъ обѣихъ сѵстемъ я не нахожу возможнымъ; скажу только, что лунарная сѵстема Сике поражаетъ своею противоестественностью (hЕрмесъ= луна!) и неубѣдительностью. Такъ напр. жезлъ hЕрмеса, украшенный кругами и полукругами—это въ глазахъ Сике луна въ ея фазисахъ, треглавый hЕрмесъ—также разныя фазисы луны, изображенія hЕрмеса въ видѣ hермъ, т. е. одной головы его съ длинной остроконечной бородой на подставкѣ—это луна и ея фазисы, круглая шляпа hЕрмеса, на половину бѣлая, на половину черная—луна съ ея фазами, дискъ hЕрмеса—луна, фаллосъ hЕрмеса—фазисъ луны, мѣшокъ hЕрмеса—луна, чаша hЕрмеса—луна, рога барана hЕрмеса—фазисы луны, пѣтухъ hЕрмеса—луна, черепаха, изъ которой hЕрмесъ сдѣлалъ лѵру—луна. Въ этомъ духѣ ведутся всѣ доказательства Сике въ пользу лунарнаго существа hЕрмеса.

Совсѣмъ иной доказательной силой обладаютъ пріемы Рошера, принимающаго hЕрмеса за бога вѣтра. Вмѣсто разбора приведу статью изъ его книги, заключающую въ себѣ выводы его труда: „Значеніе, которое имѣлъ hЕрмесъ, какъ слуга боговъ, преимущественно же Дія, объясняется совершенно просто изъ положенія, существовавшаго въ древности, особенно у hОмера и прочихъ поэтовъ, что вѣтеръ—орудіе боговъ, находящееся преимущественно въ распоряженіи Дія. Подобно тому, какъ вѣтры спускаются съ эѳира и облаковъ или съ вершинъ горъ и представляются живущими въ горныхъ ущельяхъ, такъ hЕрмесъ, сынъ бога эѳира—Дія и богини облака—Маи, родился или на Олѵмпѣ или въ пещерѣ на горѣ Кѵлленѣ. Крылатымъ богамъ вѣтровъ Бореадамъ уподобляется крылатый hЕрмесъ и представляется, какъ они, быстрымъ, проворнымъ и сильнымъ. Съ этимъ совпадаетъ значеніе hЕрмеса, какъ бога гѵмнастики и агонистики. Сильно распространенному представленію о воровствѣ, хищеніи и обманѣ, качествахъ, приписываемыхъ вѣтрамъ, соотвѣтствуетъ

воровскій и обманный характеръ этого бога, который между прочимъ является похитителемъ Аполлоновыхъ стадъ (облаковъ). Подобно тому какъ вѣтры являются свистунами и пѣвцами, такъ и hЕрмесъ считается изобрѣтателемъ авла и сѵринги, какъ простѣйшихъ духовыхъ инструментовъ, а также лѵры. И псѵхопомпія hЕрмеса можетъ быть легко объяснена значеніемъ его, какъ бога вѣтра, если допустить, что души представлялись искони воздухообразными и какъ такія при оставленіи тѣла должны были возвратиться въ царство вѣтра или воздуха, изъ котораго произошли. Родственныя душамъ сновидѣнія происходятъ также изъ воздуха и при помощи послѣдняго являются спящимъ людямъ; вотъ почему hЕрмесъ считается проводникомъ душъ, богомъ сна и сновидѣній. Такъ какъ вѣтры приносятъ земледѣльцамъ то оплодотворяющія тучи, то сухую погоду, а потому представляются оплодотворящими, а такъ какъ, по нѣкоторымъ вѣрованіямъ пастуховъ, отъ вѣтра зависитъ оплодотвореніе стадъ, то hЕрмесъ считался виновникомъ богатства стадъ и богомъ пастуховъ и изображался фаллически. Также считался онъ богомъ здоровья, такъ какъ вѣтры очищаютъ воздухъ отъ вредныхъ міасмовъ и такимъ образомъ избавляютъ отъ болѣзней или уменьшаютъ ихъ. Такъ какъ вѣтеръ, благодаря своей капризности и своему непостоянству, всегда и вездѣ считался сѵмболомъ судьбы, то hЕрмесъ, какъ богъ вѣтра, былъ богомъ внезапнаго и неожиданнаго счастья, богомъ, которому посвящались жребіи. Очень просто объясняется значеніе его какъ бога пути и путешественниковъ изъ его первоначальнаго значенія вѣтра, такъ какъ путешественники находятся въ зависимости отъ вѣтра и погоды. О его отношеніи къ вѣтру свидѣтельствуетъ еще и то, что hЕрмесу посвященъ былъ четвертый день каждаго мѣсяца (онъ родился въ четвертый день мѣсяца), такъ какъ въ этотъ день мѣняется вѣтеръ и погода, и что ему посвященъ былъ пѣтухъ, какъ птица, предсказывающая погоду, а также и то, что hЕрмесъ родился рано утромъ, когда дуетъ утренній вѣтерокъ. Наконецъ, hЕр-

месъ, по значенію своему, совпадаетъ съ богомъ вѣтра разныхъ индоевропейскихъ народовъ, какъ напр. съ германскимъ Воданомъ, индійскими Ваю и Марутами".

Большая часть этихъ доводовъ настолько убѣдительна, что едвали можно не согласиться съ основнымъ положеніемъ Рошера, что һЕрмесъ былъ богомъ стремительной силы вѣтра. И дѣйствительно кажется страннымъ и даже непонятнымъ предположеніемъ, что Греки, столь чуткіе къ мельчайшимъ явленіямъ природы, не создали себѣ кумира изъ столь могучей стихійной силы, какой является вѣтеръ. Сике неправъ, когда онъ (16) говоритъ, что Греки создавали себѣ божества изъ тѣхъ явленій, которыя были доступны ихъ зрѣнію, и потому не могли создать бога вѣтра, такъ какъ вѣтеръ явленіе невидимое. Подземное царство также не было доступно зрѣнію Грековъ, тѣмъ не менѣе они создали себѣ владыку этого царства—Плутона. Не въ видимости явленія природы, а въ воспринятіи его силы и вліянія заключается поводъ его олицетворенія. А вѣтеръ—это внушительная стихійная сила, которую древніе не могли оставить безъ олицетворенія. Правда, у нихъ были боги вѣтра, какъ олицетворенія отдѣльныхъ явленій его, какъ „сѣвернаго—Боррей, западнаго—Зефѵръ, южнаго—Нотъ, восточнаго—Эвръ, были богини сѣверныхъ бурь—һАрпіи, былъ даже владыка вѣтровъ—Эолъ; но олицетворенія всей силы вѣтра, подобно напр. олицетворенію силы солнца въ Аполлонѣ, луны въ Артемидѣ, какъ будто не было. Возможно ли это?

Предположеніе, что такимъ олицетвореніемъ стремительной силы вѣтра былъ һЕрмесъ, станетъ еще болѣе вѣроятнымъ, если принять во вниманіе то отношеніе, въ которомъ һЕрмесъ находится къ облакамъ. Онъ сынъ облачной нѵмфы Маи, старшей сестры плеядъ, при закатѣ которой въ обществѣ ея сестеръ въ осеннее время наступаетъ въ Греціи бурное и дождливое время. Это столь обычное у насъ явленіе производило на умы Грековъ сильное впечатлѣніе въ силу того, что ихъ взоры привикли въ продолженіе почти всего года

къ безоблачному небу, днемъ освѣщаемому яркимъ свѣтомъ солнца, ночью же сверкающему милліонами звѣздъ, среди которыхъ въ опредѣленные сроки плыветъ луна. И вдругъ при закатѣ плеядъ осенью вся эта краса уничтожается налѣтѣвшими откуда то тучами. Не могъ не показаться имъ виновникомъ всего этого богъ вѣтра, который, наводя черныя тучи, уничтожаютъ блескъ и солнца и луны и звѣздъ. Какъ было не назвать такого бога свѣтогубщемъ, ясноморомъ— аргеифонтомъ?

Подобное явленіе природы лежитъ въ основаніи мѵѳа, возникшаго, правда, въ послѣ-hОмеровское время изъ наблюденія за чередованіемъ солнца и луны на небѣ. Дія (солнце) преслѣдуетъ Іо (луну). Ревнивая супруга Дій hЕра поручаетъ Іо надзору стоглазаго Арга (звѣздное небо), но hЕрмесъ, по приказанію Дія убиваетъ его (покрываетъ небо тучами). Тогда hЕра превращаетъ Іо въ телку (фазисы луны), которую затѣмъ Дій преслѣдуетъ въ видѣ овода. Легко догадаться, что hЕрмесъ, который, нагнавъ тучи, покрываетъ ими небо, есть собственно вѣтеръ и что отсюда возникло его названіе аргеифонтъ, т. е. свѣтогубецъ или ясноморъ, которое однакожъ вслѣдствіе перенесенія первой части этого эпитета ἀργεϊ- на Ἀργός, истолковано было какъ аргоубійца.

Лучшимъ же доказательствомъ значенія hЕрмеса, какъ бога стремительной силы вѣтра, служитъ этѵмологія этого имени. Корнемъ этого слова является sere-, которое встрѣчается или въ видѣ ser(e)- или же s(e)rê- или s(e)r(e)- стремиться, напирать, течь, бѣжать; такъ ser- въ скр. sar-ati течетъ, zd. har бѣжать, со смѣной е гласнымъ о въ греч. ὁρ-μή напоръ изъ σορ-μή, ὁρ-μάομαι стремлюсь=скр. sar-ma-s теченіе; srê- въ слав. с-т-рѣ-ла, морав. s-t-ří непогода, вѣтеръ; наконецъ sr- въ скр. sr-ká, с-т-рь-мъ, чеш. s-t-r-mý, с-т-ре-миться, с-т-ре-м-главъ, анг. сакс. s-t-or-m=нѣм. s-t-ur-m буря. Въ Ἑρ-με-ίας корень сохранился въ видѣ ser-, который встрѣчается въ удлиненномъ видѣ sâr- въ скр, Sâr-a-me-ja-s, тогда какъ морав. s-t-ří изъ s-t-r-je со вставочнымъ t между s и r (срв. о-с-т-р-ъ, лит.

aš-t-rùs, при греч. ἄκρις, лат. acris, инд. açris; пьс-т-р-ъ пестрый, при греч. πικ-ρός; сє-с-т-ра, гот. svi-s-t-ar=нѣм. schve-s-t-r, при инд. sva-sr-âm (gen. pl.), лат. soror изъ so-sr-) корнемъ будетъ sr-. Слово stří встрѣчается въ названіи бога Стри-богъ, что значитъ богъ вѣтра. Такимъ образомъ мы нашли въ трехъ арійскихъ языкахъ названія бога вѣтра: греч. Ἑρμείας Ἑρμῆς, скр. Sâramejas, слав. Стри-богъ отъ корня sere- въ разныхъ его видахъ, который означаетъ напоръ, стретительная сила, свойственная вѣтру.

Если hЕрмесъ есть греческій преемникъ значенія индійскаго Сарамеи, то ему, какъ таковому, необходимо приписать качества Сарамеи, какъ проводника душъ, бога сна и сновидѣній, хранителя жилищъ, исцѣлителя отъ болѣзней и посла боговъ. Всѣ же остальныя качества, какъ бога вѣтра, онъ пріобрѣлъ уже на греческой почвѣ подъ именемъ Аргеифонта. Что Аргеифонтъ представлялъ самостоятельную мνѳическую фигуру независимо отъ hЕрмеса, явствуетъ изъ того, что Ἀργεϊφόντης у hОмера часто употребляется какъ собственное имя съ эпитетами διάκτορος, χρυσόρραπις, κρατύς и проч. Впослѣдствіи арійскій Ἑρμείας слился съ греческимъ Аргеифонтомъ въ одно божество, олицетворявшее собою силу вѣтра вообще.

На основаніи всего сказаннаго я находилъ бы цѣлесообразнымъ передавать на русскій языкъ Ἑρμῆς Ἀργεϊφόντης черезъ *Стрибогъ ясноморъ*, но никакъ не черезъ Аргоубійца, какъ какъ мνѳъ объ убійствѣ Арга hЕрмесомъ возникъ въ послѣ-hОмеровскую эпоху, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ scholia Veneta къ Ил, 2, 103: τὸν δὲ Ἰοῦς ἔρωτα οὐκ οἶδε ὁ ποιητής (sc. Ὅμηρος), πέπλασται δὲ τοῖς νεωτέροις τὰ περὶ Ἄργον и scholia Parisina къ hЕсіоду Ἔργ. κ. Ἡμ.: οἱ δὲ νεώτεροι, ὅτι Ἀργὸν ἐφόνευσε τὸν πανόπτην. Первый намекъ на этотъ мνѳъ мы встрѣчаемъ въ ПсевдоhЕсіодовскомъ Эгиміѣ (Schol. ad Eurip. Phoenis 1123), гдѣ говорится слѣдующее:

καί οἱ ἐπίσκοπον Ἄργον ἵει κρατερόν τε μέγαν τε,
τέτρασιν ὀφθαλμοῖσιν ὁρώμενον ἔνθα καὶ ἔνθα,
ἀκάματον δέ οἱ ὦρσε θεὰ μένος, οὐδέ οἱ ὕπνος
πῖπτεν ἐπὶ βλεφάροις, φυλακὴ ἔχεν ἔμπεδον αὐτόν.

Къ этому сообщенію очевидно относится замѣтка въ schol. Ven. ad Hom. Il. 24, 14 Ἀργεϊφόντης· οὐχ ὅτι κατὰ τοὺς Ἡσιόδου λόγους τὸν βουκόλον Ἰοῦς ἐφόνευσεν.

Возникшій на основаніи столь поздняго, послѣ-hОмеровскаго мѵѳа эпитетъ къ hОмеровскому hЕрмесу не идетъ и представляетъ ничѣмъ неоправданный анахронисмъ.

11. Ἐξ ἀπίης γαίης.

Во всѣхъ 4 мѣстахъ у hОмера, гдѣ встрѣчаются приведенныя въ заглавіи этой статьи слова, подъ ними подразумѣвается греческій материкъ. Вотъ тѣ 4 мѣста: Въ Ил. 1, 270 Несторъ, находясь подъ Троей, упрекаетъ Ахейскихъ князей за ихъ раздоры и говоритъ, что онъ, пріидя сюда издалекаго Пѵла, имѣлъ сообщество съ лучшими людьми: ἐκ Πύλου ἐλθὼν τηλόθεν ἐξ ἀπίης γαίης; въ Ил. 3, 49 hЕкторъ бранитъ въ Троѣ Александра (Париса) за то, что онъ похитилъ красивую женщину: γυναῖκ' εὐειδέ' ἀνῆγες ἐξ ἀπίης γαίης; въ Одѵс. 16, 18 Одѵссей привѣтствуетъ на Иѳакѣ своего сына, пришедшаго (ἐλθόντα) ἐξ ἀπίης γαίης; въ Одѵс. 7, 25 Одѵссей говоритъ у Фэаковъ, что онъ является (ἐνθάδ' ἱκάνω) τηλόθεν ἐξ ἀπίης γαίης. Древніе принимали ἀπίη за названіе Пелопоннеса; такъ въ Etym. Mag. s. v. Ἀπία читаемъ: ἐξ ἀπίης γαίης — ἀπὸ τῆς Πελοποννήσου, и въ Etym. Gud. s. v. Ἀπία· ἡ Πελοπόννησος. Въ Etym. Mag. находимъ слѣдующее объясненіе: Ἀπία ἐκλήθη ἀπὸ Ἄπιδος τοῦ Φορωνέως παιδός, т. е. что Пелопоннесъ назывался Апіей по имени царя Апида, сына Форонея. Эсхѵлъ (Supplic. 272) называетъ Апида царемъ Аргосскимъ, что повторяетъ и Павсанія 2, 5, 5.

Другое объясненіе находимъ въ схоліяхъ къ Ил. 1, 270, по которому ἐξ ἀπίης γαίης значитъ „изъ отдаленной страны“ (τῆς πόρρωθεν οὔσης ἐκ τοῦ[ἀπὸ καὶ] ἵημι), что повторяется и Стефана Вѵзант. s. v. Ἀπία и Аполлодора 2, 11, съ чѣмъ согласно толкованіе hЕсѵхія s. v. ἀπίης γαίης· τῆς μακρὸν ἀπεχούσης γῆς. Но и схол. къ Ил. 1, 270 разумѣлъ подъ „отдаленной страной“ Пелопоннесъ, такъ какъ онъ прибавляетъ, что οἱ νεώτεροι ἐξε-

δέξαντο τὴν Πελοπόννησον. Къ этому же толкованію склоняется и Свида s. v. ἀπίη· ἡ ἀλλοδαπή.

Существуютъ еще два мнѣнія древнихъ о происхожденіи слова ἀπίη. Въ Etym. Mag. ἀπίη происходитъ ἢ παρὰ τὸ ἄπιδα, ὃ σημαίνει τὴν ἀπιδέαν, ἡ ἐν καταξήροις τόποις ὑπάρχουσα, ἐκ τοῦ πίω γὰρ γίνεται, ὃ σημαίνει τὸ πίνω ἀποβολῇ τοῦ ν, ἐκ τούτου ὢν γίνεται ἄπιος, καὶ τὸ θηλυκὸν ἀπία, ἡ ἐν πολλοῖς ἔτεσι διψήσασα. На основаніи этой замѣтки ἀπίη происходитъ отъ глагола πίνω безъ ν и означаетъ „непьющій, жаждущій, страдающій засухой“. Въ Etym. Mag. имѣется еще одно толкованіе слова ἀπία: ἢ ἀπὸ τοῦ ἐκεῖ πρῶτον πεφυτεῦσθαι ἀπίους, т. е. страна, гдѣ впервые уродили груши. Съ этимъ согласенъ и Аѳенэй (15, 650, 63, C), который приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Арголикъ Истра: ἑξῆς οὖν λέξω περὶ τῶν παρακειμένων ἀπίων· ἐπεὶ ἀπ' αὐτῶν καὶ ἡ Πελοπόννησος 'Απία ἐκλήθη διὰ τὸ ἐπιδαψιλεύειν ἐν αὐτῇ τὸ φυτόν, φησὶν Ἴστρος ἐν τοῖς 'Αργολικοῖς.

Аргосская генеалогія называетъ первымъ царемъ Арголиды Инаха (Ἴναχος), сына Океана и Теѳvды; преемникомъ Инаха былъ сынъ его Фороней (Φορωνεύς) отъ Океаниды Меліи (Μελία); третьимъ царемъ считается сынъ Форонея Аписъ (Ἆπις). Вся эта генеалогія является плодомъ живой фантасіи Грековъ, которая олицетворяла характерныя явленія страны. Вслѣдствіе обильныхъ дождей, являющихся результатомъ сочетанія водныхъ божествъ Океана и Теѳvды, происходилъ разливъ рѣки Инаха, который потому считался ихъ сыномъ. Благодатнымъ послѣдствіемъ дождей и разлива рѣки было плодородіе почвы, которое и считалось дѣломъ Инаха и Меліи (черной тучи отъ μέλας), т. е. сыномъ Форонеемъ (приносящимъ плодородіе отъ φέρω). Ясно, что и сынъ Форонея, Апидъ по имени котораго Арголида, а потомъ весь Пелопоннесъ назывались Апіей, долженъ имѣть отношеніе къ водѣ, являющейся главной причиной плодородія страны. Еще Поттъ (Etym. Forsch. 2, 43) сближалъ ἀπία съ скр. корнемъ ap вода, лат. aqua, гот. ahva и полагалъ, что 'Απία γῆ означаетъ землю, обилующую водой или же омываемую водой, какою дѣйствительно былъ и есть Пелопоннесъ и какимъ представлялся

онъ и славянамъ, назвавшимъ его Мореей (Morea отъ морнѥ море). Съ этимъ объясненіемъ соглашался и Бугге (K. Z. 19, 404), присоединивъ сюда еще др. норд. форму еу „островъ" (нѣм. ei-land), которую онъ считаетъ за прилагательное изъ ehvja. Того же мнѣнія былъ „Курціусъ (Grundz[5]. 469) съ тѣмъ лишь различіемъ, что принималъ два вида корня, âp и ap, происшедшіе изъ âk и ak, отъ перваго изъ которыхъ онъ производилъ ἀπία γῆ съ долгимъ начальнымъ α и отъ второго ἐξ ἀπίης γαίης съ краткимъ начальнымъ α въ ἀπίης. Однакожъ тамъ же (470) онъ допускалъ возможность существованія двухъ самостоятельныхъ корней ap и ak по примѣру Фикка (Vergl. Wört[3] 1, 473 и 489). И дѣйствительно отъ корня ap (удлиненнаго âp и краткаго ap) происходятъ скр. âpaš nom. pl, но apâm. gen. pl. воды, apavant- водянистый, лит. ùpe, латыш. upe вода, прусс. ape рѣка, apus источникъ, русс. названіе рѣки Упа (притокъ Оки), чеш. названія рѣкъ Упа, Упица и греч. Μεσσ-απία южная часть Италіи, образовавшая узкій полуостровъ между морями=лат. Apulia, локр. Μεσσ-άπια, иллир. названіе рѣки Ἄψος, тогда какъ отъ корня ak, собств. ak[v] производится лат. aqua, гот. ahva, нѣм. названіе рѣки Ache, двн. aha и awa, нѣм. названіе рѣки Aa, а можетъ быть и русск. названіе рѣки Ока. Такимъ образомъ древніе, называя Пелопоннесъ странной царя Апида, даже не подозрѣвали, что и имя его Ἆπις происходитъ отъ корня âp, вода и что въ немъ заключается наименованіе представителя обильной водой или омываемой водой страны.

Второе производство слова ἀπίης отъ предлога ἀπὸ въ смыслѣ „отдаленной или дальней" страны, какъ бы оно ни было заманчиво—его призналъ и Прелльвицъ (Wört.[2] 46)—, едвали возможно, потому что въ греч. языкѣ отъ предлоговъ нѣтъ прилагательныхъ; если же и существуетъ ἀντίος, которое принимаютъ за производное прилагательное отъ ἀντί, то мы бы ожидали по аналогіи съ ἀπὸ—ἄπιος (Soph. O. R. 16, 85), отъ ἀντὶ—ἄντιος, а не ἀντίος, а кромѣ того ἀντὶ у hОмера никогда не означаетъ „отъ", а всегда „вмѣсто"; а потому ἀντίος слѣдуетъ

производить отъ ἄντα „противъ“ въ смыслѣ „противостоящій, противный“. Также производство этого слова отъ ἀπὸ и ἵημι невозможно уже потому, что оно дало бы ἄφ-ιος; если же принять ἀπίης за эолійскую форму и признать въ ней ψίλωσις, то и тогда нужно предположить форму ἄπ-ε-ος, такъ какъ корень глагола ἵημι не ἱ, а ἑ, а ε переходитъ въ ι только въ πίσσυρες, параллельно съ которымъ встрѣчаетъ и πέσυρα (Балабилла). Что же касается третьяго и четвертаго производства отъ πίνω и отъ ἄπιος (ἄπιον) груша, то они могутъ быть оставлены безъ вниманія, какъ неудачные вымыслы грамматиковъ.

Такъ какъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употреблено ἐξ ἀπίης γαίης, говорящій находился внѣ предѣловъ Пелопоннеса, который такимъ образомъ отъ него былъ отдѣленъ моремъ, то я полагаю самымъ подходящимъ передавать ἐξ ἀπίης γαίης черезъ *„изъ заморской стороны“*, что передаетъ и этимологическое значеніе этого слова, а также отдаленность страны, имъ обозначаемой. А такъ какъ „заморскій“ заключаетъ въ себѣ и значеніе „дальній“, то это дало поводъ древнимъ производить ἀπίη отъ сходнаго съ ap ἀπὸ, тѣмъ болѣе, что слова отъ корня ap вода вышли совсѣмъ изъ употребленія и значеніе его пришло въ забвеніе.

12. ἀμολγῷ.

У hОмера встрѣчается это слово 5 разъ (Ил. 11, 173; 15, 324; 22, 28; 22, 317; Од. 4, 841) всякій разъ въ концѣ стиха съ предшествующимъ νυκτὸς (Ил. 11, 173 ἐν νυκτός). На основаніи глоссы hЕсvхія ἀμολγῷ· ζόφῳ hОмеровское (ἐν) νυκτὸς ἀμολγῷ передается черезъ „въ ночной темнотѣ“ (а именно Одvс. 4, 841 послѣдняя треть ночи, Ил. 22, 28 первая треть ночи, Ил. 11, 173; 15, 324 вообще ночь). Но у древнихъ были и другія толкованія. Евстаѳій въ комментаріяхъ къ Ил. 15, 324 передаетъ ἀμολγῷ черезъ ἀκμή, такъ что νυκτὸς ἀμολγῷ означало бы въ полночь, съ чѣмъ согласно толкованіе Аполлонія и hЕсvхія, у которыхъ νυκτὸς ἀμολγῷ означаетъ μεσόνυκτον; а прилагательное ἀμολγός (νύκτα ἀμολγόν Eurip.) hЕсvхій объясняетъ черезъ ζοφερός,

σκοτεινός темный (срв. Эсхvл. у Аѳенея 11, 469 ε). Это толкованіе принялъ Буттманнъ (Lexicolog. 2, 40). Еще раньше Бутманна очень распространено было (по почину Вольфа (Ideler, Chronologie 1, 228, у Фэзи, Потта, Паппе etc.) объясненіе слова ἀμολγῷ какъ время доенія отъ ἀμέλγω (лат. mulgêre, нѣм. melk-en, лит. mélž-u доить, русс. молоз-иво, слав. млѣзѫ, млѣсти), такъ какъ доеніе происходило или рано утромъ или поздно вечеромъ; но тогда при чемъ тутъ νυκτός? Амейсъ принявъ во вниманіе глоссу hEсvхія μολγός· νέφος передаетъ νυκτὸς ἀμολγῷ въ безоблачную ночь. hЕрманнъ (De Aesch. Heliade, 11; Opusc. 3, 137) видитъ въ ἀμολγῷ гущу молока (сиворотку), муть, темноту. Шенкель (Wert der Sprachvergleichung 12; Zeitschrift für österr. Gymnasien за 1865 г., 342) сопоставлялъ ἀμολγός съ ἀμαυρός темный изъ ἀ-μαρ-Fος, предполагая чередованіе λ съ ρ; но такое чередованіе на почвѣ одного языка сомнительно, а кромѣ того ἄ-μαυρ-ος изъ ἄ-σμαυρ-ος равно русс. па-смур-ный, чеш. po-šmour-ný. Далѣе Эрбе (Correspondensblatt за 1876 г. 138, 140) предполагалъ корень mluk- скриваться и передавалъ νυκτὸς ἀμολγῷ черезъ „подъ прикрытіемъ ночи“. Л. Мейеръ K. Z. 8, 362 видѣлъ въ ἀμολγῷ др. норд. myrk, др. сакс. mirku мрачный, темный, къ чему Курціусъ (Grdz[5] 533, 568) прибавилъ новогреч. μουρκίζει темнѣетъ и слав. мракъ; однакожъ чередованіе слав. и герм. и новогреч. κ съ древнегреч. γ не допускаетъ этого сопоставленія. Наконецъ Видеманнъ (B. B. 13, 301) и Прелльвицъ (Wörtrb.[2] p. 34) сопоставляютъ съ ἀμολγῷ лит. milsz-ti заволакивать, латыш. mils-t темнѣетъ, гот. milhma туча. Но и здѣсь лит. sz, латыш. s, гот. h предполагаетъ k, а не g. Во всякомъ случаѣ въ формахъ, приводимыхъ Прелльвицемъ и Видеманномъ, предполагается корень mele-, который является, въ видѣ mel(e), mol(e)- черный въ греч. μέλας черный, μολ-ύνω пятнять, скр. mal-inás грязный, mal-ám грязь, латыш. mel-t чернѣть, mel-ns черный, лит. mul-vyti загрязнить, mul-var красноватый, темнокрасный=лат. mulleus изъ mul-veus) и который еще Дэдерлейнъ (Gloss. 378) преду-

гадывалъ въ ἀμολγός, предполагая расширеніе его черезъ g. И онъ былъ правъ. Въ русскомъ языкѣ существуетъ діалект. глаголъ „за-молаж-ивать“, что Даль (Толковый Словарь) передаетъ черезъ „пасмурнѣть, заволакиваться тучками, клониться къ ненастью, замывать“. Корень этого слова мологизъ meleg- дѣйствительно представляетъ расширеніе корня mele- черезъ g, тогда какъ балтійскія и германскія слова, приведенныя Видеманномъ и Прелльвицемъ, возникли изъ того же корня, но въ видѣ m(e)l(e)- = ml при помощи другого детерминанта k.

Итакъ въ греч. словѣ ἀμολγῷ мы имѣемъ корень μολ- темный, черный, расширенный детерминантомъ γ съ протет. интензив. ἀ = ἀ = sm. Этимъ оправдывается значеніе его въ глоссѣ hEcvxія ἀμολγῷ· ζόφῳ въ темнотѣ, а (ἐν) νυκτὸς ἀμολγῷ *„въ ночной темнотѣ“*.

13. ἑκάεργος, ἑκηβόλος, ἑκατηβόλος, ἑκατηβελέτης.

Древніе толковали эти слова такъ: Etym. Mag. ἑκάεργος Ἀπόλλων παρὰ τὸ ἕκαθεν εἴργειν, τουτέστι κωλύειν ἢ παρὰ τὸ ἕκαθεν ἐργαζόμενον, τουτέστι μαχόμενον, ἔργον γὰρ τὴν μάχην οἶδεν Ὅμηρος καλεῖν, τουτέστι ὁ πόρρωθεν ἐέργων, ὅ ἐστι ἐργαζόμενος καὶ μαχόμεμενος, τοξότης. Ἐπιθετικῶς δὲ λέγεται Ἀπόλλων. Etym. Gud. ἑκάεργος ὁ Ἀπόλλων, ὁ τοξότης, ὁ ἑκατέροθεν εἴργων τοὺς πολεμίους ἢ ἑκάεργος, ὁ πόρρωθεν ἐργαζόμενος. Ἑκαέργη ἡ Ἄρτεμις παρὰ τὸ ἑκὰς εἴργειν, τοξότης γὰρ ἦν. Hesychios ἑκάεργον· μακρόβολον, τοξότην. Etym. Mag. ἑκατηβελέταο ἄνακτος, πόρρωθεν βάλλοντος, εὐστόχου, τοξότου. Ἔστι δὲ γενικὴ Αἰολική. Παρὰ τὸ ἑκὰς καὶ τὸ βέλος γένεται ἑκαβελέτης, καὶ πλεονασμῷ τῆς τη συλλαβῆς ἑκατηβελέτης, ὡς ἔτυμον, ἐτήτομον, ὁ ἕκαθεν βάλλων, τοξότης γὰρ ἑκατηβόλος, ὡς ἤδη εἴρηται, ἢ παρὰ τὸ ἵημι, τὸ πέμπω· ὁ παθητικὸς παρακείμενος ἕμαι ἕσαι, ἕται, ἕτης· καὶ μετὰ τοῦ βέλους, βελέτης· καὶ μετὰ τοῦ ἑκη ἑκηβελέτης, καὶ πλεονασμῷ τοῦ ατ ἑκατηβελέτης, ὁ τὰ βέλη μήκοθεν βάλλων. Ἑκάτοιο τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ μακρόθεν βάλλοντος, τοῦ τοξικοῦ. Ἑκ τοῦ ἑκὰς ἕκαστος, ἕκατος. Etym. Gud. ἑκατηβελέτης ὁ τοξότης, παρὰ τὸ ἑκὰς καὶ τὸ μέλος ἑκηβελέτης καὶ τοῦ τη πλεονάσαντος ἑκητηβελέτης, ὡς

ἔτυμον, ἐτήτυμον· ἀναπλάττουσι γάρ τινὲς ὡς ἑκατὸν βέλεσι τὴν δελφὶν ὁ Ἀπόλλων ἀπέκτεινε. Οὐκ ἔστι οὖν παρὰ τὸ ἑκατόν, ἀλλὰ παρὰ τὸ ἑκάς, ὅθεν καὶ ἑκάεργος καὶ ἑκηβόλος, ὁ δὴ καὶ ἑκατηβόλος λέγεται... ἑκηβόλος καὶ ἑκηβελέτης ὁ Ἀπόλλων, ὅτι αὐτὸς ἐπὶ τῷ ἡλίῳ τὰς ἀκτῖνας ἕκαθεν βάλλει ἢ ὅτι ἑκατὸν βέλη ἐπαφῆκε τῷ δελφίνῳ. Hesych. ἑκατηβελέτα· τοῦ μακροβόλου; ἑκατηβόλος καὶ ἑκηβόλος· ὁ ἕκαθεν βάλλων καὶ ἐπιτυγχάνων· τινὲς δὲ ἐπεὶ ἑκατὸν βέλεσι ἐν Πυθοῖ δράκοντα ἀνεῖλε Ἀπόλλων. Ἑκάτοιο· μακροβόλου.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что ἑκάεργος прозвище Аполлона, ἑκαέργη—Артемиды и что древніе объясняли ἑκάεργος какъ „издали оттѣсняющій“ или „издали сражающійся“, видя въ первой части этого эпитета слово ἑκὰς, ἕκαθεν вдали, издали, а во второй или εἴργω окружать, оттѣснять или ἐργάζομαι въ смыслѣ μάχεσθαι. Однакожъ, такъ какъ ἑκάεργος употребляется совершенно въ смыслѣ ἑκη-βόλος, ἑκατη-βόλος, ἑκατη-βελέτης, гдѣ βόλος и βελέτης, происходя отъ βάλλω бросать, означаетъ „бросающій, стрѣлокъ“, то и въ-εργος мы должны искать такого-же значенія: а такъ какъ ни εἴργω (изъ ἐϜέργω, срв. слав. -врѣз-ж, врѣти закрывать въ виду отъ -врѣз-ж развязывать, окрывать, лит. verž-iù стягиваю, лат. urg-êre), ни ἐργάζομαι (изъ Ϝεργ-αδjομαι, срв. гот. vaúrk-jau, нѣм. wirk-en, zd. verez-jâiti работаетъ) такого значенія не имѣютъ, то -εργος мы должны сопоставить со слав. връг-ж, врѣшти, верг-ать, чеш. vrh-ati, что соотвѣтствуетъ по своему значенію греч. βάλλω. Что же касается первой части этого эпитета ἑκα-, то, конечно, и она тождественна съ первой же частью эпитетовъ ἑκη-βόλος, ἑκατη-βόλος, ἑκατη-βελέτης.

Нѣтъ сомнѣнія, что слова ἑκη-, ἑκατη, находятся въ родствѣ съ ἕκητι, ἕκατι по волѣ, ради и что они въ свою очередь близки къ ἑκών, какъ предугадывалъ hЕрманнъ (Op. 7 p. 306). Возьмемъ за исходную точку слово ἑκών, которое оказывается партиципіальной формой отъ корня Ϝεκ-, встрѣчающаготя въ скр. глаголѣ vaç-mi желаю, хочу и заключающагося въ греч. словѣ ἕνεκα изъ ἐν Ϝεκ-α (ἐν предлогъ и Ϝεκ-α acc. неупотребительнаго существительнаго имени Ϝεξ=Ϝεκ-ς воля, желаніе), означающемъ „въ волю, по волѣ, ради“. При-

ставка причастія nt въ греч. языкѣ не измѣняется, если приступаетъ къ примѣтной основѣ, въ данномъ случаѣ къ Fεκ-ο- въ Fεκ-ο-ντ-, скр. uç-á-nt- (ἑκών), Fεκο-ντ-jα, скр. uç-atî (ἑκοῦσα); но она измѣняется на греч. почвѣ въ ατ, такъ какъ сонантное n, какимъ оно является въ приставкѣ nt, въ греч. языкѣ даетъ α, если присоединяется къ безпримѣтной основѣ, въ данномъ случаѣ къ Fεκ- въ жен. родѣ ἀ-Fέκασσα, срв. крит. Fέκαθθα (γεκαθά· ἑκοῦσα Hes.), изъ -Fεκ-ατ-jα, -Fεκ-nt-jα. Что касается формъ ἕκητι, ἕκατι, то онѣ произошли per haplologiam изъ dat. sing. ἑκάτητι отъ неупотребительнаго имени ἑκάτης, gen. ἑκάτητος воля, желаніе отъ именной основы Fεκ-α-τâτ-. Отъ основы же Fεκ-ατ- произошло ἑκηβόλος, дор. ἑκαβόλος изъ ἑκα(τ)-βολος и ἑκάεργος изъ ἑκα(τ)-Fεργος[1]); а отъ основы ἑκατητ- получилось ἑκατη(τ)-βόλος, ἑκατη(τ)-βελέτης, а у Тимоѳея Персы 249 ἑκατâ-βολος. Такимъ образомъ ἑκάεργος, ἑκηβόλος, ἑκατηβόλος, ἑκατηβελέτης должно обозначать *„по своему желанію попадающій, мѣтко-бьющій, мѣтко-стрѣляющій“* (см. Etym. Mag. εὔστοχος τοξότης и Hesych. ἐπιτυγχάνων), что прекрасно характеризуетъ Аполлона, какъ бога силы солнечныхъ лучей, которыми онъ и освѣщаетъ и согрѣваетъ землю, но и поражаетъ людей. Такая сцена, въ которой Аполлонъ своими стрѣлами, т. е. лучами солнца, поражалъ животныхъ и людей, описанъ у hОмера Ил. 1, 48—53; на нее мы имѣемъ намекъ въ Etym. Gud. s. v. ἑκηβόλος.... 'Απόλλων, ὅτι αὐτὸς ἐπὶ τῷ ἡλίῳ τὰς ἀκτῖνας ἕκαθεν βάλλει.

Ѵпокористическая форма эпитета ἑκατηβόλος была Ἕκατος т. е. Аполлонъ, какъ видно изъ Etym. Mag. s. v. ἑκατηβελέταο... Ἑκάτοιο· τοῦ 'Απόλλωνος τοῦ μακροβάλλοντος. Но есть и женская форма Ἑκάτη, вм. Ἑκατηβόλη, имя страшной богини ночи, представительницы силы лунныхъ лучей, которая испускаетъ ихъ ночью, подобно какъ Ἕκατος=Аполлонъ испускаетъ лучи солнца днемъ.

---

1) Въ ἑκηβόλος употребляется у hОмера η вмѣсто краткаго α въ силу необходимости, такъ какъ ἑκαβόλος не укладываетя въ дактилическое колѣно.

Мы видѣли, что древніе толкователи въ ἑκα-, ἑκη-, ἑκατη- предполагали ἑκάς, ἕκαθεν издали, далеко, и что многіе изъ переводчиковъ передаютъ выше упомянутые эпитеты черезъ „далеко стрѣляющій“. Однакожъ, этѵмологическій составъ словъ ἑκάς, ἕκαθεν совершенно иной, чѣмъ ἑκα-, ἑκη-, ἑκατη-, такъ какъ ἑκάς (βεκάς· μακράν Hes.), ἑκασ-τέρω, ἑκασ-τάτω, состоящее изъ основы 3 лица личнаго мѣстоименія ἑ- изъ σϜε- и изъ κάς, собств. κατ-ς отъ κατά, напр. ἀνδρα-κάς человѣкъ послѣ человѣка, человѣкъ отдѣльно отъ человѣка, т. е. κατ' ἄνδρα, скр. êka-ças каждый отдѣльно, parva-ças по частямъ, означаетъ отъ себя, вдали отъ себя, а ἕκαθεν издали. Древніе, не зная этѵмологическаго состава этихъ словъ, смѣшали ἑκάς съ ἑκα-, ἑκη-, руководствуясь акустическимъ сходствомъ ихъ.

14. ἀγελείη.

Какъ эпитетъ Аѳины оно часто производится отъ ἀγέλη стадо и передается черезъ „защитница стадъ“. Но такъ какъ намъ изъ мѵѳологіи ничего неизвѣстно объ отношеніи Аѳины къ стадамъ, то такое толкованіе слова ἀγελείη должно быть отнесено къ числу тѣхъ вымысловъ, которые обязаны своимъ появленіемъ случайному созвучію двухъ словъ, въ данномъ случаѣ ἀγελείη и ἀγέλη. Въ Etym. Mag. находимъ другое толкованіе, на основаніи котораго ἀγελείη произошло отъ того, что Аѳина ἡγεῖται λαῶν, и у hЕсѵхія ἀγελείη(ς)· ἡγουμένης τοῦ πολέμου, т. е. ведетъ народы или предводительствуетъ на войнѣ. Но было у древнихъ еще и третье, и очевидно самое распространенное толкованіе, а именно „доставляющая добычу“; такъ мы читаемъ у Свиды ἀγελείη· ἡ 'Αθηνᾶ, ἀπὸ τοῦ ἄγειν λείαν, τουτέστι στρατιωτική; у hЕсѵхія ἀγελείη(ς)· λαφυραγωγοῦ и въ Etym. Mag. ἀγελείη· ἡ 'Αθηνᾶ, ἡ ἄγουσα λείαν ἀπὸ τοῦ πολέμου, ὅ ἐστι ἡ λαφυραγωγός.

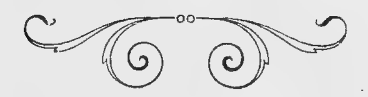
Намъ кажется, что послѣднее толкованіе необходимо признать правильнымъ. Въ словѣ ἀγελείη заключаются два слова: ἄγω веду, доставляю и λεία добыча. Распространятыя объ ἄγω считаю лишнимъ; что же касается λεία, дор. λαία, іон. ληΐη, то оно

произошло изъ λαF-ία, срв. ληF-ίς, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ сл. лов-л-ıа изъ лов-ıа, звукъ в котораго находимъ также въ сл. лов-ъ, лов-ити, скр. láu-tum, láu-tram добыча, въ лат. Lav-erna богиня выгодъ, lû-crum выгода, гот. lau-n=мѣм. lohn. заработокъ, заработная плата и греч. ἀπο-λαύ-ω наслаждаюсь, пользуюсь. Такимъ образомъ ἀγε-λείη значитъ *„доставляющая добычу“*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію Аѳины, какъ богини военнаго искусства и ея другому прозвищу Λη(F)-ῖτις=лат. Lav-erna, какъ подательницы военной добычи.

Профессоръ *В. Петръ.*

А. Ѳ. Семеновъ.

Греческій лирикъ
Симонидъ Кеосскій
и сохранившіеся отрывки его поэзіи.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго, д. Безсмертнаго,
1912.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.
Директоръ *Ив. Ивановъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга является вторымъ изданіемъ сочиненія того же автора, напечатаннаго въ Кіевѣ еще въ 1903-мъ году подъ заглавіемъ „Симонидъ Кеосскій“. Изданіе значительно исправлено и дополнено въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, пришлось считаться съ накопившейся за десятилѣтіе ученой литературой о нашемъ поэтѣ, особенно съ почтеннымъ трудомъ голландца B o a s'*a о критикѣ преданія эпиграммъ, приписываемыхъ Симониду. Во вторыхъ, мы должны признаться, что наши собственные взгляды на нѣкоторыя детали за указанный промежутокъ времени во многомъ измѣнились. Мы не принадлежимъ къ числу ученыхъ, которые, придя разъ къ какому нибудь заключенію, держатся его всегда, не смотря ни на что,* quand même!—*Такихъ ученыхъ больше, къ сожалѣнію, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и весьма прискорбно, что къ числу ихъ очень нерѣдко принадлежатъ носители славныхъ въ наукѣ именъ.*—Errare humanum est, *а особенно часто эта поговорка оправдывается въ такихъ областяхъ науки, гдѣ выводъ не основанъ на математическихъ аксіомахъ, а часто на личной дивинаціи автора, какъ напр. въ нашемъ случаѣ, когда мы стараемся возстановить подлинныя чтенія испорченнаго въ преданіи текста. Шаткость выводовъ увеличивается, когда мы имѣемъ дѣло не съ цѣльными произведеніями писателя, а лишь съ отрывками его лирики, намъ случайно сохранившимися; приходится угадывать не только отдѣльныя слова, но и весь ходъ мыслей. Конечно, не должно думать, что мы принуждены исправлять испорченный текстъ исключительно на угадъ; въ наукѣ филологической критики установились извѣстные пріемы, благодаря которымъ по возможности устраняется произволъ. Однако мы принуждены признаться, что если выводы и въ такъ называемыхъ точныхъ наукахъ не всегда бываютъ незыблемы, то тѣмъ менѣе филологъ можетъ быть увѣреннымъ, что его рѣшеніе какого нибудь вопроса, какъ бы не-*

оспоримымъ оно не казалось ему и даже всѣмъ соревнователямъ въ данный моментъ, дѣйствительно является обсолютно правильнымъ и заключительнымъ. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что мы должны опустить руки. Заблужденія нашихъ предшественниковъ и наши собственныя ошибки, если мы рѣшимся ихъ признать за таковыя, нерѣдко насъ выводятъ на вѣрную дорогу. Если такъ называемые cruces *въ сохранившихся текстахъ древнихъ авторовъ повергаютъ филолога въ отчаяніе, то онъ не долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, сколько изъ этихъ* cruces *было устранено съ теченіемъ времени, благодаря удачнымъ конъектурамъ, которыми безъ всякаго сомнѣнія возстановлены подлинныя слова писателей.*

Вышеприведенныя соображенія побудили насъ вновь внимательно разсмотрѣть наши выводы и, устранивъ тѣ изъ нихъ, съ которыми мы теперь сами не согласны, замѣнить ихъ отчасти иными. Такія поправки пришлось сдѣлать особенно въ послѣдней главѣ, трактующей объ эпиграммахъ, приписываемыхъ Симониду. Относительно ихъ подлинности нашъ скептицизмъ также вообще возросъ.

Мы признаемъ, что по нѣкоторымъ причинамъ слѣдовало бы не спѣшить съ новымъ изданіемъ нашей книги. Вышеупомянутый ученый, Boas, обѣщалъ издать продолженіе своего труда, въ которомъ, на основаніи своего изслѣдованія о преданіи текста эпиграммъ Симонида, хотѣлъ привести свои соображенія о подлинности или неподлинности каждой эпиграммы въ отдѣльности. Далѣе, знаменитый эллинистъ нашего времени U. v. Wilamowitz-Möllendorf обѣщалъ вновь издать всѣ отрывки Симонида. Интересно было бы переждать появленіе въ печати этихъ обѣщанныхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эти давно данныя обѣщанія были выполнены въ ближайшемъ времени и мы рѣшились выпустить нашу книгу, не считаясь съ ними.

А. Семеновъ.

Нѣжинъ.

Іюль 1912 г.

ГЛАВА I.

Жизнь Симонида Кеосскаго.

Жизнь писателя есть фонъ на картинѣ его дѣятельности. Едва ли встрѣтимъ возраженіе, если скажемъ, что знакомство съ внѣшними обстоятельствами жизни писателя значительно облегчаетъ изученіе его произведеній. Это изученіе всегда должно идти рука объ руку съ изученіемъ его жизни и той обстановки, въ которой она протекала. Произведенія словесности временъ отдаленныхъ, или создавшіяся среди народа намъ чуждаго по языку и по обычаямъ, бываютъ мало понятны и нуждаются въ обширныхъ комментаріяхъ. Вотъ одна изъ причинъ, и притомъ наиболѣе существенная, тому, что литература, напримѣръ, древнѣйшихъ культурныхъ народовъ Европы, грековъ и римлянъ, никогда не будетъ по достоинству оцѣнена широкой современной публикой и не будетъ возбуждать въ ней столь живого интереса, какъ литература ближайшихъ намъ и по времени и по образу жизни народовъ. Но нельзя сказать, чтобы и спеціально занимающійся греческой и римской словесностью ученый, вполнѣ посвятившій себя ея изученію, дѣйствительно могъ достигнуть въ точномъ смыслѣ слова полнаго ея пониманія, которое можно бы было сравнить съ пониманіемъ литературы народовъ намъ современныхъ. Помимо другихъ обстоятельствъ, большую роль здѣсь играетъ недостаточность нашихъ свѣдѣній о жизни и эпохѣ огромнаго большинства античныхъ писателей. Подробныхъ и безпристрастныхъ біографій, на которыя можно бы было положиться, намъ почти не сохранилось [1]). Коротенькія и скуд-

---

[1]) Наиболѣе подробныя біографіи у Плутарха и Діогена Лаэртійскаго страдаютъ анекдотивностью.

ныя замѣтки въ нашихъ рукописяхъ, такъ наз. βίοι, замѣнить ихъ никакъ не могутъ, да сверхъ того, о жизни весьма многихъ писателей даже такихъ суммарныхъ свѣдѣній не сохранилось. Чтобы какъ нибудь восполнить этотъ весьма чувствительный недостатокъ, стараются возстановить, если можно такъ выразиться, подробныя біографіи писателей, собирая и сопоставляя о нихъ свѣдѣнія, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ ихъ намъ сохранившихся сочиненій, или свидѣтельства о нихъ вообще въ дошедшей до насъ античной литературѣ. Само собой понятно, это задача очень нелегкая. Вѣдь недостаточно только собирать свидѣтельства; ихъ необходимо строго провѣрять, такъ какъ далеко не всѣ писатели, ихъ сообщающіе, въ одинаковой степени достойны нашего довѣрія. Что же касается до свидѣтельствъ авторовъ о собственной жизни, то это въ большинствѣ случаевъ весьма темные намеки, открывающіе обширное поле субъективнымъ догадкамъ.

Предпринимая новое спеціальное изданіе пощаженныхъ жестокимъ временемъ отрывковъ изъ произведеній древнегреческаго лирическаго поэта Симонида Кеосскаго, мы встрѣтили необходимость предпослать имъ его возможно подробнѣйшую біографію. Древность, т. е. писатели наиболѣе близкіе къ поэту по времени, намъ не оставила не только подробной его біографіи, но даже и такъ называемаго βίος, если за таковый не считать короткую замѣтку въ словарѣ Свиды, писателя поздняго (X вѣкъ), въ свѣдѣніяхъ котораго къ тому же замѣчается большая путаница. Желая написать картину жизни Симонида, мы почти исключительно принуждены прибѣгать къ собиранію и сопоставленію случайныхъ свѣдѣній о немъ у другихъ древнихъ писателей, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ ссылаться на его собственныя слова.

Итакъ подробной біографіи поэта намъ не сохранилось, но мы знаемъ, что въ древности такая біографія была дѣйствительно написана.

Одной изъ безсмертныхъ заслугъ Аристотеля былъ подъемъ интереса къ изученію жизни великихъ писателей преж-

нихъ временъ. Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ его учениковъ, составившихъ безчисленныя біографіи. Вся эта литература для насъ потеряна, а въ томъ числѣ и біографія Симонида Кеосскаго, составленная ученикомъ Ѳеофраста, бывшаго ученикомъ Аристотеля, Хамэлеонтомъ *Гераклейскимъ*[1]). Впрочемъ, можно допустить, что очень многое изъ этой біографіи намъ сохранилось косвеннымъ путемъ въ сочиненіяхъ другихъ позднѣйшихъ писателей, черпавшихъ изъ сочиненія Хамэлеонта. Должно однако замѣтить, что мы бы немного выиграли, если бы даже эта біографія дошла до насъ цѣликомъ. Хамэлеонтъ принадлежалъ къ числу мало достовѣрныхъ писателей. Такъ у него замѣчалась склонность развлекать читателей занимательными анекдотами. Нѣкоторые онъ нерѣдко даже не находилъ въ преданіи, а сочинялъ самъ, комбинируя различныя черты изъ жизни писателей и толкуя отдѣльныя мѣста въ ихъ сочиненіяхъ[2]). Кромѣ того какъ источникомъ онъ пользовался комедіями древнеаттическихъ поэтовъ[3]). Извѣстно, въ какомъ искаженномъ видѣ мы здѣсь встрѣчаемъ фигуры великихъ дѣятелей политики, философіи и поэзіи. — Итакъ, если бы даже намъ сохранилось сочиненіе Хамэлеонта въ подлинномъ видѣ, мы бы не могли на него вполнѣ положиться и намъ пришлось бы подвергать его слова такой же строгой критикѣ, какъ и остальныя намъ сохранившіяся свидѣтельства о жизни Симонида. За исключеніемъ уже отмѣченной краткой статьи Свиды, ни изъ древности, ни изъ среднихъ вѣковъ до насъ не дошло связнаго разсказа о жизни нашего поэта и его біографію мы принуждены составлять изъ случайныхъ замѣтокъ.

---

[1]) Аѳеней 184d—или *Понтійскимъ* (Аѳеней 273e). Впрочемъ, очевидно, что здѣсь Хамэлеонтъ спутанъ съ другимъ перипатетикомъ *Гераклидомъ Понтійскимъ*.

[2]) Ср. *E. Köpke*, de Chamaeleonte Heracleota, Berlin 1856.

[3]) Ср. объ этомъ *Fr. Schoell*, De locis nonnullis ad Aeschyli vitam et ad historiam tragoediae graecae pertinentibus epistula. Iena. 1875 p. 50.—Вообще о Хамэлеонтѣ ср. *Leutsch* въ Philologus XI p. 21 и слл.

Изъ новыхъ ученыхъ очень многіе интересовались личной судьбой Симонида. Вѣдь это несомнѣнно была крупная величина въ древнегреческой литературѣ. Его еще при жизни цѣнили не менѣе его великаго современника и соперника Пиндара.

Прежде всего, конечно, задача представить возможно удовлетворительный очеркъ жизни поэта выпадала на долю составителей общихъ сочиненій по древнегреческой литературѣ. О Симонидѣ писали: *Gyraldus*[1]), *Voss*[2]), *Fabricius*[3]), *Bayle*[4]). Въ XIX вѣкѣ о Симонидѣ находимъ статьи въ сочиненіяхъ по исторіи греческой литературы Bernhardy, Bergk'a, Sittl'я, W. Christ'a, Croiset.

Въ виду того, что поэзія Симонида находилась въ тѣсной связи съ его эпохой, о немъ писали и авторы сочиненій по греческой культурной и политической исторіи. Назовемъ историковъ Сициліи, гдѣ также жилъ Симонидъ, *Holm'a* и *Freeman'a*. Особенно подробно писали о Симонидѣ авторы спеціальныхъ сочиненій по греческой поэзіи, а особенно лирикѣ: *Ulrici, Flach, Nageotte*. Своему изданію сохранившихся отрывковъ Симонида предпослалъ его біографію *Schneidewin*. Наконецъ, въ ученой литературѣ существуютъ и сочиненія, спеціально посвященныя личности Симонида. Въ 1755 году появилось сочиненіе о немъ *Boissy*, а тринадцать лѣтъ спустя, въ 1768 году, сочиненіе *Duker'a*. И на русскомъ языкѣ уже существуетъ біографія Симонида; она написана въ Варшавѣ г. *Стемповскимъ*[5]). Наконецъ слѣдуетъ назвать трудъ итальянскаго ученаго *Michelangeli*[6]).

Симонида, о которомъ поведемъ рѣчь, должно отличать

---

[1]) De historia poetarum tam graecorum quam latinorum dialogus 1545.

[2]) De historicis graecis 1624.

[3]) Bibliotheca graeca 1705—28.

[4]) Dictionnaire historique.

[5]) Варшавскія Универс. Извѣстія. 1879.

[6]) Rivista di storia antica I (1896) p. 24.—Подробныя заглавія упом. сочиненій см. въ приложеніи: Bibliotheca Simonidea.

отъ другого поэта, носившаго тоже имя, но жившаго значительно раньше, Симонида съ острова Аморга, прославившагося особенно своей сатирой на женщинъ[1]). Обыкновенно ихъ отличаютъ, обозначая родину; говорятъ о Симонидѣ аморгинскомъ и соотвѣтственно о Симонидѣ кеосскомъ. Впрочемъ, среди нѣмецкихъ филологовъ установился обычай отличать ихъ и различнымъ правописаніемъ ихъ именъ. Утверждаютъ, что Симонида аморгинскаго звали не Σιμωνίδης, а Σημωνίδης. Это правописаніе предлагаетъ грамматикъ Хэробоскъ (Etymologicum Magnum 713, 17). Дѣйствительно, авторъ одного отрывка въ Volumina Herculanensia (collectio altera IV 201) послѣдовательно различаетъ такимъ образомъ двухъ поэтовъ. Должно однако замѣтить, что въ надписяхъ имя Σημωνίδης не встрѣчается. Съ своей стороны мы бы не рѣшились называть аморгинскаго поэта Семонидомъ. Правописаніе Σημωνίδης вм. Σιμωνίδης считать орѳографической ошибкой, какъ легко можно подумать въ виду одинаковости произношенія η и ι въ позднѣйшее время, конечно нельзя. Хэробоскъ писалъ въ эпоху когда η и ι въ произношеніи еще строго отличали. Только въ эпоху Юстиніана обѣ буквы стали произносить одинаково[2]). Тѣмъ не менѣе должно показаться страннымъ, почему двухъ поэтовъ всегда отличали прибавленіями ὁ Κεῖος и ὁ 'Αμοργῖνος, или ὁ μελοποιός и ὁ ἰαμβογράφος[3]), если бы ихъ имена писались и произносились различно?—Σιμωνίδης есть отчество отъ имени Σίμων, хотя возможно производство и отъ прилагательнаго σιμός, подобно тому какъ имя Στράβων производится отъ στραβός[4]). Но первое производство кажется

---

[1]) Объ этомъ поэтѣ ср. прекрасную работу итальянскаго ученаго *T. Malusa*, Simonide Amorgino. I frammenti con proemio e note. Venezia 1900.

[2]) Σημωνίδης естъ производное отъ Σήμων. Имя это встрѣчается въ аттической эпитафіи 6-го вѣка до Р. Х. (*Kaibel*, Epigr. gr. nr. 5) и въ отрывкѣ надписи изъ Катаны (*Kaibel*, ibid. nr. 801). Того же корня имена: Σημίας и Σημός—ср. *Kirchner*, Prosopographia nr. 252.

[3]) Ср. Тэмистій Or. 21.

[4]) Такъ объясняетъ *F. Solmsen* въ Untersuchungen zur griechischen Lautlehre, p. 50.

намъ вѣроятнѣе по слѣдующей причинѣ. Какъ вообще на греческихъ островахъ, такъ и на Кеосѣ и Аморгѣ въ древнѣйшую эпоху можно предположить существованіе если не финикійскихъ колоній[1]), то торговыхъ станцій. Отдѣльныя лица семитскаго происхожденія, весьма возможно, селились здѣсь навсегда и вступали въ брачные союзы съ греческими поселенцами. Такимъ образомъ чисто семитское имя Σίμων могло переходить къ грекамъ. Мы рѣшаемся даже предположить, что родоначальникомъ всей семьи къ которой принадлежалъ поэтъ Симонидъ Кеосскій былъ именно Σίμων, или вѣрнѣе *Шимонъ*. Дѣло въ томъ, что имя Симонидъ носилъ въ этой семьѣ не только извѣстный поэтъ, а оно въ ней нерѣдко повторялось, какъ увидимъ ниже. Сверхъ того многія черты въ характерѣ нашего поэта живо напоминаютъ характеръ семитовъ вообще.

Мы уже замѣтили выше, что Симонида лирика принято называть Кеосскимъ, чтобы обозначить его мѣсто рожденія. Но дѣйствительно ли можно считать островъ Кеосъ родиной поэта? У Тэмистія Or. 21 p. 25 намъ сохранился намекъ на то, что нѣкоторые сомнѣвались, гдѣ именно родился Симонидъ. Тэмистій говоритъ, что нелѣпо всякій разъ приводить факты изъ жизни Платона или Аристотеля, идетъ ли рѣчь объ Эсхилѣ или о *томъ, на какомъ островѣ родился Симонидъ лирикъ*. Точно также въ припискѣ къ одной эпиграммѣ греческой антологіи такъ называемаго корректора (Anth. Pal. VII 24) читаемъ: ὅτι καὶ αὐτὸς Σιμωνίδης Τήϊος ἦν, ὅθεν καὶ Ἀνακρέων. Можно подумать, что нѣкоторые считали родиной поэта Теосъ. Всѣ эти сомнѣнія однако легко устраняются. У Тэмистія рѣчь идетъ о людяхъ, смѣшавшихъ Симонида съ острова Аморга съ Симонидомъ съ острова Кеоса. Корректоръ же антологіи

---

[1]) Впрочемъ въ пользу предположенія о существованіи на Кеосѣ финикійскаго поселенія говоритъ названіе города *Картэи* на этомъ островѣ, названіе финикійское и производное отъ Karth=городъ.

смѣшалъ очевидно весьма похожія слова: Κήϊος и Τήϊος[1]).— Наконецъ въ одной эпиграммѣ (nr. 129) Симонидъ самъ заявляетъ, что онъ былъ кеосцемъ, хотя, конечно, вѣсъ этого аргумента всецѣло зависитъ отъ рѣшенія вопроса о подлинности данной эпиграммы въ ту или другую сторону.

Всѣ свидѣтельства древности согласны, что родился Симонидъ на Кеосѣ, въ городѣ *Іулисѣ*; но есть извѣстіе, что онъ посѣщалъ и городъ *Картэю*. Аѳеней (р. 456E) сообщаетъ намъ со словъ упомянутаго Хамэлеонта, что Симонидъ въ Картэѣ однажды обучалъ хоръ. Обыкновенно относятъ этотъ эпизодъ къ эпохѣ юности поэта. Nageotte въ histoire de la poésie lyrique grecque II p. 86 замѣчаетъ, что въ позднѣйшее время Симонидъ слишкомъ былъ знаменитъ, чтобы исполнять столь скромную обязанность, какъ обученіе хора[2]). Должно однако возразить, что извѣстны примѣры, какъ знаменитѣйшіе греческіе поэты, на вершинѣ своей славы, не гнушались лично обучать хоръ исполнять свое произведеніе. Мнѣніе, что Симонидъ обучалъ хоръ въ Картэѣ *въ молодости*, основывается, вѣроятно, на словахъ νέος ἔτι ὤν у Аѳенея; но эти слова относятся къ другому эпизоду изъ жизни поэта[3]). Выше мы говорили, что Симонидъ былъ семитскаго происхожденія. Но намъ сохранилось свѣдѣніе, что его семейство происходило изъ *Локриды*. Кромѣ имени Симонида, мы встрѣчаемъ въ этомъ семействѣ также имя Вакхилида—имя распространенное у локрянъ, вслѣдствіе особеннаго почитанія у нихъ бога вина-Вакха[4]). Дѣйствительно, первыми греческими поселенцами на Кеосѣ были локряне. (Ср. Pridik, De Cei

---

[1]) Ср. Плутархъ Ѳемистоклъ гл. 3—упоминаемый здѣсь *теосецъ* Стеснлей у другихъ назывался *кеосцемъ*.—Ср. еще Et. Gud. 645, 43: φύξιμος ὀδμή—Σιμωνίδης ὁ Τήϊος.

[2]) Il était trop rayonnant de gloire pour y (à Carthaea) remplir des fonctions aussi modestes.

[3]) Именно о топорѣ, выскользнувшемъ изъ рукъ приносившаго жертву и попавшемъ въ кузницу—Аѳеней р. 456C.

[4]) Ср. Schol. ad Aristoph. Nubes vs 330 и Свида s. v. Σοφιστής.

insulae rebus p. 22 и CIG 2350 и 2351[1]). Что кеосцы не забывали своего происхожденія видно изъ факта, что напр. въ морской битвѣ при Артемисіонѣ они сражались рядомъ съ локрянами[2]). Можно предположить, что и семейство Симонида происходило изъ области Локровъ. Мы и не хотимъ утверждать, что родоначальникомъ семейства по *мужскому* колѣну былъ непремѣнно семитъ. Возможно, что какой нибудь изъ предковъ Симонида женился на дочери семита и въ честь дѣда по матери его сынъ былъ названъ семитскимъ именемъ. Вѣдь подобнымъ образомъ случилось, что въ жилахъ знаменитаго аѳинскаго историка Ѳукидида текла ѳракійская кровь.

Изъ предковъ Симонида мы знаемъ имена его отца Леопрепеса и дѣда Гиллиха. Въ паросской хроникѣ (Epocha 50) названъ еще другой дѣдъ, носившій будто бы тоже имя, какъ и нашъ поэтъ, и тоже бывшій поэтомъ. Впрочемъ, именно въ данномъ мѣсто хроники плита, на которой она вырѣзана, обломана. Нѣсколько буквъ необходимо дополнить. Chandler читалъ: ποιητὴς ὢν καὶ (αὐτὸς 'Αθή) νησι καὶ Δαρεῖος τελευτᾷ. Но Симонидъ—дѣдъ въ 485 году (годъ смерти Дарія) имѣлъ бы отъ роду около 110 лѣтъ, если, какъ увидимъ ниже, внукъ родился около 556 годъ до Р. Х.—Prideau дополнилъ: ποιητὴς ὢν καὶ (αὐτὸς ἐφάνη 'Αθή) νησι т. е. сказуемое τελευτᾷ отнесъ только къ Дарію, а для Симонида вставилъ новое сказуемое: ἐφάνη равняющееся болѣе употребительному въ такихъ случаяхъ: ἐγνωρίζετο[3]). Итакъ въ 485 году до Р. Х. не Симонидъ—дѣдъ умеръ, а Симонидъ—внукъ *прославился* въ Аѳинахъ. Если допустимъ что рѣчь идетъ дѣйствительно о внукѣ т. е. нашемъ Симонидѣ, то въ выраженіи πάππος τοῦ ποιητοῦ не должно подъ τοῦ ποιητοῦ подразумѣвать нашего Симонида, а его соименнаго внука, который дѣйствительно въ эпоху пелопоннеской войны, т. е. въ концѣ 5-го вѣка до Р. Х., писалъ въ

---

[1]) Герой Кеосъ предводительствовалъ локрянами, поселившимися на Кеосѣ.

[2]) Herod. VIII, 1.

[3]) По латыни: clarus habetur.

стихахъ генеалогіи. Хотя предположеніе Prideau имѣетъ такимъ образомъ многое за себя, но тѣмъ не менѣе его нельзя признать правильнымъ. Выраженіе τοῦ ποιητοῦ въ данномъ случаѣ не можетъ значить просто: поэта, а *извѣстнаго и знаменитаго* поэта. Между тѣмъ поэтъ генеалогій, Симонидъ младшій, былъ весьма мало извѣстнымъ поэтомъ и никакъ не могъ состязаться въ этомъ отношеніи съ своимъ знаменитымъ дѣдомъ. Точно также и выраженіе καὶ αὐτός[1]) значило бы, что Симонидъ-дѣдъ былъ худшимъ поэтомъ, чѣмъ его внукъ, что противорѣчитъ дѣйствительности! Итакъ, никакъ нельзя допустить, чтобы въ данномъ мѣстѣ Marmor Parium рѣчь шла о нашемъ Симонидѣ. Если мы высказываемся за дополненіе, сдѣланное Chandler'омъ, и признаемъ, что дѣдъ нашего Симонида умеръ въ Аѳинахъ около 110 лѣтъ отъ роду, то не слѣдуетъ находить такой возрастъ невозможнымъ. Вѣдь и знаменитый Кеосскій поэтъ достигъ 90 лѣтъ, какъ это намъ неоднократно сообщается. Что его дѣдъ дѣйствительно носилъ одинаковое съ нимъ имя, доказываютъ еще другія свидѣтельства, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ неправильно объясняемыя. У Евсевія подъ Ол. 55, въ Chronicon Paschale подъ Ол. 53 и у Кирилла contra Iulianum 6 p. 13 (ed. Paris.) къ Ол. 56 мы читаемъ, что Симонидъ въ означенныя олимпіады пріобрѣлъ славу (ἐγνωρίζετο=γνώριμος ἦν). Но въ то время нашъ Симонидъ былъ слишкомъ молодъ или только что родился. Это противорѣчіе старались устранить конъектурами. *Lydiatus*[2]) предложилъ читать у Евсевія вмѣсто ἐγνωρίζετο—ἐγένετο или ἐγεννήθη. *Menagius*[3]) читалъ у Кирилла l. l. вмѣсто Σιμωνίδης—'Επιμενίδης. Но если допустимъ, что въ указанныхъ мѣстахъ рѣчь не о нашемъ Симонидѣ, а о его дѣдѣ, то ничего измѣнять въ текстѣ не придется. Точно также, если Евсевій говоритъ, что въ 555 году до Р. Х. умеръ Стесихоръ, а Симонидъ сдѣ-

---

[1]) Т. е.: „также, между прочимъ".
[2]) Adn. ad Marmor Par. 3 p. 65.
[3]) Ad Diog. Laert. I 68.

лался извѣстнымъ, то конечно этотъ синхронизмъ можетъ касаться только Симонида-дѣда, который по Кириллу l. l. былъ также современникомъ Хилона и вообще семи мудрецовъ т. е. жилъ на рубежѣ VII и VI вѣка до Р. Х. Но вѣдь мы имѣемъ свидѣтельства, что имя дѣда Симонида было *Гиллихъ!*—Это затрудненіе устранилъ уже O. Schneider въ изданіи Каллимаха II p. 234 предположеніемъ, что Ὕλλιχος или Ὑλλιχίδης не есть собств. имя, а означеніе фратріи, къ которой принадлежалъ дѣдъ Симонида. Это названіе производное отъ Ὕλλος. Извѣстно, что одна изъ общедорійскихъ филъ называлась Ὑλλεῖς. Прямого свидѣтельства, чтобы у Кеоссцевъ тоже была такая фила или фратрія, мы не имѣемъ, да и трудно ожидать встрѣтить ее здѣсь, такъ какъ вообще островъ былъ населенъ Іонійцами. Но мы упомянули уже, что на Кеосѣ жили и локры, а окончаніе ιχος встрѣчается у ближайшихъ сосѣдей локрянъ—*бэотійцевъ* нерѣдко *въ надписяхъ* въ женской формѣ—ιχα. Напр. Collitz 930—Μναμίχα 933—'Αρνεισίχα 1033—'Αριστίχα 1047—'Ιρανίχα 1054—'Ονασίχα 1128—'Εγειρίχα и т. д. —Итакъ мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что при имени Симонида-дѣда стояло обозначеніе его фратріи; онъ былъ Σιμωνίδης Ὕλλιχος. Это означеніе фратріи впослѣдствіи приняли за имя и появился второй дѣдъ Симонида—Гиллихъ.—Не только дѣда, но и *прадѣда* нашего поэта звали Симонидомъ. Вѣдь въ упомянутомъ мѣстѣ Marmor Parium мы читаемъ: Σιμωνίδης ὁ Σιμωνίδου πάππος τοῦ ποιητοῦ.—Поэзія, какъ кажется, была вообще любимымъ занятіемъ въ семействѣ Симонида[1]). Кромѣ него самого мы насчитываемъ въ этомъ семействѣ еще трехъ поэтовъ: *Симонидъ-дѣдъ*, *Симонидъ-внукъ* нашего Симонида и наконецъ его племянникъ *Вакхилидъ*, съ поэзіей котораго мы познакомились ближе со времени находки въ одномъ египетскомъ папирусѣ въ 1897 году цѣлаго ряда его стихотвореній. Былъ ли отецъ Симонида, Леопрепесъ, поэтомъ, намъ не сообщается. Его, однако, считали мудрымъ человѣкомъ и

---

[1]) Не такъ думаетъ Bergk, Griech. Litt. II стр. 358, прим. 96.

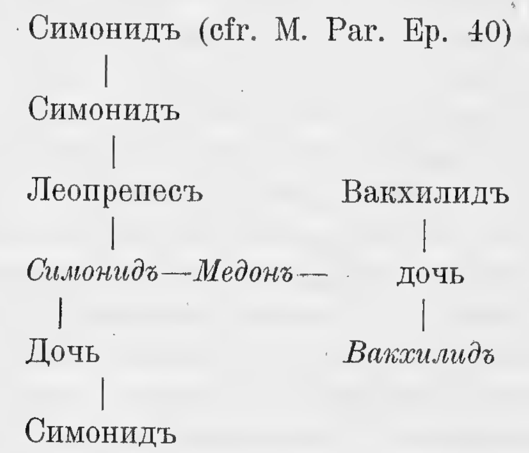
его изреченія были сохранены преданіемъ. Одно изъ такихъ изреченій намъ сохранилъ Эліанъ (въ Varia historia IV 24). Намъ неизвѣстно, много ли было дѣтей у Леопрепеса; во всякомъ случаѣ нашъ Симонидъ не былъ его единственнымъ сыномъ. Думаютъ, что поэтъ Вакхилидъ былъ сыномъ сестры Симонида, вышедшей замужъ за сына *атлета* Вакхилида. Имя этого сына въ преданіи сохранилось въ разныхъ формахъ. Свида s. v. его называетъ Μέδων. Въ одной эпиграммѣ онъ названъ Μείλων. Наконецъ въ Etym. Magnum p. 582, 20 онъ упоминается подъ именемъ Μείδυλος. Crusius въ своей статьѣ о Вакхилидѣ, въ словарѣ Pauly-Wissowa, считаетъ эту форму подлинной, такъ какъ этимологія слова въ этой формѣ вполнѣ понятна (da sie—die Form-etymologisch begründet wird). Мы думаемъ, что этой причины недостаточно, чтобы высказаться въ пользу формы Μείδυλος; вѣдь и двѣ другія формы имени весьма возможны. Имя Μέδων напоминаетъ намъ аттическое семейство Медонтидовъ, а все говоритъ за то, что іонійскіе поселенцы Кеоса прибыли изъ Аттики. При имени же Μείλων, или вѣрнѣе Μίλων[1]), кто не вспомнитъ о знаменитомъ кротонскомъ атлетѣ?—Намъ кажется, предпочтительнѣе въ данномъ случаѣ имя: Μέδων.

Отца Вакхилида, какъ выше замѣчено, считаютъ мужемъ сестры нашего поэта. Ссылаются на заявленіе Страбона, что Вакхилидъ былъ ἀδελφιδοῦς Симонида. Это слово можетъ означать: сынъ сестры, но и сынъ брата: послѣднее даже чаще! Другое соображеніе насъ также приводитъ къ заключенію, что Вакхилидъ былъ скорѣе сыномъ брата Симонида, нежели сестры. Вѣдь ясно, что будучи братомъ поэта Симонида и внукомъ также поэта, Медонъ гораздо скорѣе могъ имѣть и самъ интересъ къ поэзіи и возбудить его въ своемъ сынѣ Вакхилидѣ, чѣмъ если бы онъ возросъ въ семьѣ атлета. Итакъ,

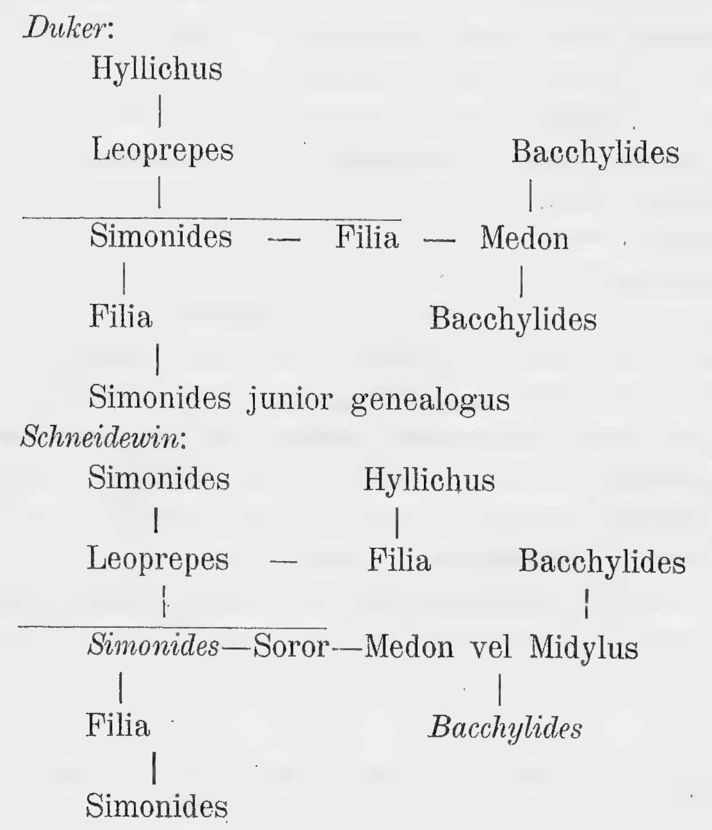
---

[1]) ει здѣсь только графическое изображеніе долгаго ι. Ср. *Blass*, Aussprache des Griechischen стр. 34.

по нашему мнѣнію, вотъ генеалогія нашего Симонида, насколько она намъ извѣстна:

Для сравненія вотъ генеалогіи, предложенныя *Duker'омъ* и *Schneidewin'омъ*:

Такимъ образомъ намъ извѣстно *шесть* поколѣній семейства, къ которому принадлежалъ Симонидъ. Представители *четырехъ* изъ нихъ были поэтами и весьма вѣроятна догадка Schneidewin'a (Simonid. Rell. p. VI и VII), что занятія поэзіей въ родѣ Симонида находились въ связи съ культомъ Аполлона въ Картэѣ. Сверхъ того наблюдаемъ, что вообще семейство оставалось вѣрнымъ Кеосу; внука знаменитаго Симонида опять встрѣчаемъ на этомъ островѣ, хотя его дѣдъ и прапрадѣдъ умерли на чужбинѣ[1])

Очень противорѣчивы извѣстія о годѣ рожденія нашего Симонида. Прежде всего укажемъ на его собственное свидѣтельство, если только соотвѣтственныя слова въ эпигр. 146 и 147 — дѣйствительно написаны имъ самимъ. Онъ говоритъ, что побѣдилъ на поэтическомъ состязаніи въ Аѳинахъ, когда ему было 80 лѣтъ отъ роду, въ томъ году, *когда архонтомъ былъ Адимантъ*. Этотъ годъ намъ извѣстенъ; это 4-ый годъ 75-ой олимпіады. Слѣдовательно Симонидъ родился въ 1-ый годъ 56 олимпіады т. е., по нашему лѣтосчисленію, въ 556 г. до Р. Х. Но несмотря на эту кажущуюся точность опредѣленія искомаго года, у древнихъ хронографовъ замѣчается разногласіе. Согласны съ свидѣтельствомъ эпиграммы Аполлодоръ и Эратосѳенъ; а несогласны—Евсевій и Свида. По Евсевію Симонидъ родился въ 55 олимпіаду, а по Свидѣ въ 56-ю, или въ 62-ю. Съ Евсевіемъ согласенъ и авторъ паросской хроники, но онъ точнѣе опредѣляетъ годъ олимпіады; это 3-ій годъ 55-ой олимпіады. Такая неопредѣленность въ свидѣтельствахъ хронографовъ не могла бы имѣть мѣсто, если бы свидѣтельство вышеупомянутой эпиграммы было дѣйствительно точно. На самомъ дѣлѣ ὀγδωκονταέτης не значитъ именно: „человѣкъ ровно восьмидесяти лѣтъ отъ роду“, а „человѣкъ *около* восьмидесяти лѣтъ“. Это можетъ быть 79, а можетъ быть и 81 или 82. Новѣйшіе ученые тоже не согласны по вопросу о годѣ рожде-

---

[1]) Дѣдъ— въ Сициліи, а прапрадѣдъ—въ Аѳинахъ. См. выше стр. 9.

нія поэта. Bentley, Boissy и Larcher предпочитаютъ дату паросской хроники, т. е. 558 г. до Р. Х., вѣроятно увлекаясь видимой *ея точностью*. Schneidewin, Freeman, Flach, Christ, и Bernhardy думаютъ, что ὀγδωκονταέτης должно понять: ровно 80 лѣтъ и заключаютъ, что Симонидъ родился въ 1-ый годъ 56 олимпіады (=556 г. до Р. Х.). Duker, Ulrici (Hellen. Dichtkunst II p. 505) и Michelangeli приходятъ къ среднему выводу: 557 г. до Р. Х. Впрочемъ Ulrici совершенно правильно замѣтилъ, что нѣтъ возможности при опредѣленіи искомаго года избѣгнутъ ошибки въ 2—3 года. Мы пойдемъ еще немножко дальше и удовольствуемся выводомъ, что Симонидъ родился между 558 и 552 годомъ до Р. Х.

Что касается даты, которую находимъ у одного только Свиды: 532-ой годъ до Р. Х., то очевидно, что она у него лишь по ошибкѣ выдается за годъ рожденія поэта, а на самомъ дѣлѣ въ источникѣ Свиды, вѣроятно, опредѣляла время какого нибудь другого событія въ его жизни. Весьма близко подходитъ эта дата ко времени окончательнаго утвержденія тиранніи Писистрата въ Аѳинахъ. Мы сейчасъ увидимъ, что Симонидъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ сыновьями тиранна и вѣроятно въ указанномъ году переѣхалъ въ Аѳины. По хроникѣ Іеронима ἀκμή Симонида относилась къ 60 олимпіадѣ, т. е. къ 536 году, дата близко подходящая къ датѣ *рожденію*, указанной у Свиды: 532. Очевидно, что Свида смѣшалъ ἀκμή съ годомъ рожденія. Самая же ἀκμή опредѣлена фактомъ приглашенія въ Аѳины, что доказывало славу поэта (clarus habetur).— Изъ первыхъ лѣтъ жизни Симонида, которыя онъ провелъ на своемъ родномъ островѣ, мы немногое можемъ сообщить. Весьма правдоподобно предположеніе, высказанное напр. Sittl'емъ[1]), что довольно сложной теоріи греческаго стихосложенія и музыки его обучалъ дѣдъ, также бывшій поэтомъ. Симонидъ былъ вообще очень образованъ. Судя по отрывкамъ его лирики, намъ сохранившимся, онъ хорошо зналъ

---

[1]) Griech. Litt. III стр. 59.

Гомера. Онъ скоро прославился и за предѣлами своего родного острова. Его стали приглашать въ разныя области эллинскаго міра. Прежде всего мы встрѣчаемъ его въ Аѳинахъ, куда онъ былъ приглашенъ сыномъ Писистрата, Гиппархомъ, какъ сообщаетъ авторъ приписываемаго Платону діалога „Гиппархъ". Если высказанное нами выше предположеніе соотвѣтствуетъ истинѣ, то это случилось въ 531 г. до Р. Х., когда Симонидъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 22—27; но уже въ эту эпоху мы встрѣчаемъ въ немъ черту, которую вообще считали характерной для него. Онъ любилъ деньги. Псевдоплатонъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ, что Гиппархъ пригласилъ его, *убѣждая большимъ вознагражденіемъ.* (μεγάλοις μισθοῖς πείθων). Если обратимъ вниманіе на точное значеніе слова μισθός въ этомъ мѣстѣ, то мы должны допустить, что Симониду въ Аѳинахъ было даже назначено опредѣленное жалованье[1]) и притомъ значительное (μεγάλοις). Впрочемъ, кажется, что Гиппархъ полюбилъ Симонида не только за его искусство, какъ поэта, но и вообще, какъ человѣка. Псевдоплатонъ говоритъ, что онъ его постоянно держалъ при себѣ (ἀεὶ περὶ ἑαυτὸν εἶχε). Какъ увидимъ ниже, почти тоже сообщается объ Гіеронѣ Сиракузскомъ. Мы заключаемъ, что личность Симонида отличалась привлекательностью. Хотя далеко не всѣ его изреченія, сообщаемыя намъ древностью, можно признать за подлинныя, мы должны признать, что поэтъ былъ пріятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ.—Но назвать ли намъ Симонида дѣйствительно искреннимъ другомъ Гиппарха? чувствовалъ ли онъ самъ симпатію къ нему и не привлекало ли его только большое жалованье?—Намъ сохранились двѣ эпиграммы, ему приписываемыя, которыя въ этомъ отношеніе прямо противорѣчатъ другъ другу. Въ одномъ изъ этихъ маленькихъ стихотвореній онъ является другомъ Гиппарха, восхваляетъ его и пророчитъ, что потомство будетъ его цѣнить

---

[1]) Если бы рѣчь шла объ отдѣльныхъ вознагражденіяхъ, то Пс. Платонъ долженъ былъ бы выразиться δώροις; но онъ говоритъ: μισθοῖς καὶ δώροις.

выше всѣхъ современниковъ, а въ другомъ Симонидъ прославляетъ Гармодія и Аристогитона, его убійцъ!—Признавая обѣ эпиграммы подлинными, старались устранить противорѣчіе разными объясненіями. По Freeman[1])'у, любовь къ свободѣ побѣдила въ сердцѣ поэта его личныя симпатіи. По мнѣнію Nageotte'a[2]), эпиграмма, восхваляющая Гармодія и Аристогитона, была написана въ 477 году до Р. Х., когда были воздвигнуты статуи тиранно-убійцъ. Тогда со времени смерти Гиппарха уже прошло 37 лѣтъ и воспоминаніе о дружбѣ съ нимъ могло уже значительно изгладиться изъ памяти поэта. Къ тому же въ эту эпоху всѣ были особенно возмущены противъ тиранновъ, вслѣдствіе только что испытанной опасности порабощенія персами. Это объясненіе было бы весьма правдоподобнымъ; но самый фактъ, что эпиграмма была сочинена именно въ 477 году, нигдѣ не засвидѣтельствованъ и Nageotte свою гипотезу строитъ на другой такой же гипотезѣ. Возможно, что Симонидъ разошелся съ Гиппархомъ еще при жизни его, когда тотъ сталъ показывать склонность къ грубому насилію. Также къ эпохѣ перваго пребыванія Симонида въ Аѳинахъ относится его ссора съ другимъ поэтомъ, котораго тиранны также пригласили къ своему двору—Ласосомъ изъ Герміоны. Объ этой ссорѣ мы заключаемъ изъ словъ Аристофана въ Осахъ ст. 1410: Λᾶσός ποτ' ἀντεδίδασκε καὶ Σιμωνίδης. Ἔπειθ' ὁ Λᾶσος εἶπεν· ὀλίγον μοι μέλει. Вѣроятно ссора призошла по поводу поэтическаго *состязанія*, что видно изъ слова: ἀντεδίδασκε. Мы думаемъ, кромѣ того, что и эпиграмма Симонида на Coca содержитъ намекъ на Ласоса[3]).

Трудно сказать опредѣленно, покинулъ ли Симонидъ Аѳины тотчасъ по смерти Гиппарха, или еще прожилъ тамъ нѣкоторое время. Nageotte и послѣ него Michelangeli, основываясь

---

1) The history of Sicily p. 259.

2) Histoire le la poesie lyrique grecque II p. 88.

3) Имя Сососъ встрѣчалось и въ дѣйствительности ср. Plinius. nat. hist. 36,60—Сососъ изъ Пергама-мастеръ мозаичныхъ половъ.

на эпиграммѣ, которую ему приписываетъ Геродотъ[1]); она могла быть сочинена только въ Аѳинахъ въ 506 году и заключили, что въ этомъ году, т. е. 8 лѣтъ по смерти Гиппарха, Симонидъ жилъ еще въ Аѳинахъ. Но подлинность эпиграммы оспаривалась еще Kirchhoff'омъ[2]), хотя Bergk признавалъ ее подлинной[3]). Какъ бы то ни было, въ общемъ должно допустить, что Симонидъ прожилъ въ Аѳинахъ довольно долго. Даже въ сохранившихся намъ отрывкахъ его произведеній замѣчается много словъ, свойственныхъ аттическому нарѣчію[4]).

Слѣдующимъ продолжительнымъ мѣстопребываніемъ Симонида послѣ Аѳинъ была Ѳессалія. Спорнымъ является вопросъ, переѣхалъ ли Симонидъ изъ Аѳинъ прямо въ Ѳессалію, или въ промежуткѣ времени побывалъ и въ другихъ областяхъ Греціи. Перваго мнѣнія держатся большинство новѣйшихъ біографовъ поэта, а послѣдняго Ulrici и Nageotte. Ulrici предполагаетъ, что тотчасъ по смерти Гиппарха, въ 514 году, Симонидъ путешествовалъ по разнымъ областямъ Греціи. Въ 510 году онъ будто бы вернулся въ Аѳины, гдѣ и оставался до 486 года. Потомъ онъ жилъ въ Спартѣ до 479 года. Затѣмъ въ третій разъ посѣтилъ Аѳины и только въ 468 г. восьмидесятилѣтнимъ старикомъ отправился въ Ѳессалію и оттуда уже въ слѣдующемъ 467 году въ Сицилію, гдѣ и умеръ. Опредѣленныхъ доказательствъ для обоснованія своего предположенія Ulrici не приводитъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что Симонидъ побывалъ во всѣхъ названныхъ областяхъ; на это имѣемъ довольно ясныя указанія. Можно еще назвать *Беотію*. Въ γένος Πινδάρου замѣчено, что онъ былъ однимъ изъ учителей Пиндара, можно думать, въ Ѳивахъ. Временемъ этого пребыванія былъ бы приблизительно 503 годъ[5]).

---

1) V 77.
2) Berl. Akad. 1869 стр. 409.
3) Poetae Lyrici Graeci III pp. 478—79.
4) Напр.: συγγιγνώσκω, ἄπορος, ἀλίθιος(=ἠλίθιος), κωκύω, ψόγος, μωρός.
5) Пиндаръ родился въ 518 году до Р. Х. Ср. Schröder, Pindar p. 48.

Возстановить же порядокъ, въ которомъ Симонидъ посѣтилъ разныя области древней Греціи на основаніи нашихъ источниковъ, едва ли возможно съ точностью. Во всякомъ случаѣ пребываніе въ Ѳессаліи должно отнести ко времени значительно болѣе раннему, чѣмъ 468 годъ. Поэтъ жилъ тамъ навѣрное ранѣе похода Ксеркса. Извѣстно, что во время этого похода ѳессалійцы и бэотійцы измѣнили общему дѣлу грековъ и сражались даже въ рядахъ персовъ. Было бы весьма страннымъ, если бы поэтъ, только что воспѣвшій подвиги аѳинянъ и спартанцевъ противъ нихъ, отправился бы послѣ этого жить къ ихъ союзникамъ. Гораздо вѣроятнѣе высказанное нами предположеніе, тѣмъ болѣе, что писистратиды, у которыхъ жилъ Симонидъ, находились, какъ извѣстно, въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ съ ѳессалійцами[1]). Если привести это въ связь съ другимъ предположеніемъ, высказаннымъ выше, то мы представимъ себѣ дѣло такъ, что Симонида ѳессалійскіе династы приглашали къ себѣ, когда онъ еще жилъ при дворѣ писистратидовъ, но что онъ сначала отказалъ имъ. Позже, разойдясь съ Гиппархомъ, онъ принялъ приглашеніе. Такимъ образомъ еще даже раньше 514 года есть вѣроятность, что поэтъ переѣхалъ въ Ѳессалію.

Здѣсь онъ жилъ, какъ намъ сообщается, при двухъ дворахъ: у Скопадовъ и у Алевадовъ. Его пребываніе у первыхъ засвидѣтельствовано нѣсколькими намъ сохранившимися отрывками его поэтическихъ произведеній, а сверхъ того нѣсколькими анекдотами и интереснымъ сказаніемъ, о которомъ скажемъ ниже. О пребываніи у Алевадовъ мы знаемъ изъ свидѣтельства Ѳеокрита, который говоритъ, что никто бы не зналъ о славѣ Скопадовъ и *Алевадовъ*, если бы ихъ не прославилъ кеосскій поэтъ[2]). Въ особенности здѣсь Ѳеокритъ

---

[1]) Во время одной попытки аѳинянъ, изгнать Гиппія, ему помогъ ѳессаліецъ Кинеасъ съ 1000 всадниками. Ср. Herod. V 63 и 94.

[2]) XVI 42: ἄμναστοι δὲ τὰ πολλὰ καὶ ὄλβια τῆνα λιπόντες δειλοί τ' ἐν νεκύεσσι μακροὺς αἰῶνας ἔκειντο, εἰ μὴ δεινὸς ἀοιδὸς ὁ Κήϊος αἰόλα φωνέων βάρβιτον ἐς

подразумѣваетъ побѣды коней, принадлежавшихъ этимъ династамъ, на національныхъ играхъ. Симонидъ сочинялъ эпиникіи на эти побѣды. Схоліастъ къ этому мѣсту Ѳеокрита, замѣчаетъ, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду особенно Алевада, сына Симоса, при дворѣ котораго жилъ Симонидъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ его біографовъ старались угадать, сколько времени онъ жилъ вообще въ Ѳессаліи и сколько у Скопадовъ и Алевадовъ. Такія попытки совершенно напрасны; мы на это не имѣемъ никакихъ указаній. Мы не знаемъ также, отправился ли онъ сначала къ Скопадамъ, а потомъ къ Алевадамъ, или наоборотъ. Одно можно сказать съ нѣкоторой вѣроятностью, это что Симонидъ не оставался въ Ѳессаліи долго. Едва ли ѳессалійцы умѣли достойнымъ образомъ оцѣнить поэзію Симонида. Въ одномъ анекдотѣ онъ ихъ называетъ ἀμαθεῖς (Plutarchus, de aud. poet. p. 15 C). Что особенно, можно думать, не понравилось Симониду, это скупость ѳессалійцевъ. У нѣкоторыхъ авторовъ сохранился анекдотъ, какъ однажды поэтъ въ эпиникіи въ честь Скопаса удѣлилъ много мѣста похвалѣ Діоскуровъ[1]). Скопасъ, обидѣвшись на это, выдалъ ему только половину обѣщанной платы, предлагая остальную половину получить съ прославленныхъ Діоскуровъ.

Съ этимъ анекдотомъ въ нашемъ преданіи связывается и изобрѣтеніе мнемоники, сдѣланное будто бы Симонидомъ. Объ этомъ повѣствуютъ: *Цицеронъ*, пользуясь разсказомъ Каллимаха[2]) (orator II 86. 351), *Валерій Максимъ* I, 8 (почерпнувъ изъ Цицерона) и *Квинтиліянъ* (Inst. or. XI 2, 11). Намекаетъ на событіе Аристидъ Orat. Sacr. IV p. 584 (Canter), Овидій

πολύχορδον, ἐν ἀνδράσι θῆκ' ὀνομαστοὺς ὁπλοτέροις· τιμᾶς δὲ καὶ ὠκέες ἔλλαχον ἵπποι, οἵ σφιν ἐξ ἱερῶν στεφανηφόροι ἦνθον ἀγώνων. Ср. Сатиръ у Аѳенея p. 534. объ Алкивіадѣ: τῶν 'Αλευάδων ἱππικότερος.

[1]) Они тоже, по преданію, были отличными наѣздниками. Ср. ихъ эпитеты ταχέων ἐπιβήτορε ἵππων, πώλων ὠκέων δματῆρες, ἱππότα σοφώ.

[2]) Qnintilianus Inst. or. XI, 2, 11: Callimachumque secutus Cicero. Намъ сохранился сюда относящійся отрывокъ Каллимаха въ подлинникѣ у Свиды (ср. Fragm 71).

Ibis 513 и Фэдръ IV 24.—Цицеронъ разсказываетъ: говорятъ, что когда Симонидъ обѣдалъ въ Краннонѣ въ Өессаліи у Скопаса, человѣка богатаго и знатнаго, и прочиталъ стихотвореніе, написанное въ честь его, въ которомъ ради украшенія, по обычаю поэтовъ, много говорилось о Касторѣ и Поллуксѣ, Скопасъ сказалъ, что онъ дастъ ему половину условленной платы, а другую половину пусть онъ потребуетъ отъ Тиндаридовъ, которыхъ онъ одинаково съ нимъ прославлялъ. Немного спустя объявили Симониду, чтобы онъ вышелъ; что у дверей стоятъ два молодыхъ человѣка, которые его очень желаютъ видѣть. Симонидъ всталъ, вышелъ, но никого не увидѣлъ. Въ это время помѣщеніе, гдѣ пировалъ Скопасъ, развалилось; въ развалинахъ погибъ онъ самъ со всѣмъ своимъ семействомъ.—Объ изобрѣтеніи при этомъ случаѣ мнемоники далѣе говоритъ Квинтиліанъ: не только тѣла, но и лица раздавленныхъ были до такой степени обезображены, что родственники не могли ихъ различить для погребенія. Тогда, говорятъ, Симонидъ, помня *порядокъ*, въ которомъ каждый возлежалъ, возвратилъ тѣла родственникамъ. Этотъ случай навелъ его будто бы на изобрѣтеніе искусства мнемоники (Пливій NH VII 24). Марціанъ Капелла (sat. V) и Свида также объявляютъ Симонида изобрѣтателемъ этого искусства. Сохранились свѣдѣнія, что онъ лично обладалъ большой памятью; онъ самъ хвалится ею въ одной эпиграммѣ[1]). Упоминаетъ ее и Филостратъ[2]). Аммiанъ Марцеллинъ утверждаетъ, что для укрѣпленія памяти Симонидъ пользовался даже какимъ то снадобьемъ[3]). Но можемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ признавать нашего поэта за изобрѣтателя мнемотехники? Имѣемъ ли мы право, устранивъ, конечно, вмѣшательство миөическихъ Діоскуровъ, все остальное въ легендѣ признать за истину? Въ одномъ трэнѣ, отрывокъ котораго намъ сохранилъ Стобэй (Sermones 105, 62—Fr. 46),

[1]) пr. 129.
[2]) Vita Apollonii I, 14.
[3]) XVI, 15.

Симонидъ дѣйствительно оплакиваетъ τὴν τῶν Σκοπάδων ἀθρόαν ἀπώλειαν—*полную* гибель Скопадовъ. Съ другой стороны сомнѣніе наше возбуждается, когда мы узнаемъ, что весьма сходные анекдоты разсказываются и о другихъ великихъ людяхъ древности. По разсказу Плутарха извѣстный аѳинскій тираннъ Ѳераменъ одинъ только спасся, когда во время пиршества развалился домъ. Подобное же разсказывали и о Сиракузскомъ тираннѣ Гелонѣ. Когда онъ былъ еще мальчикомъ и однажды находился въ школѣ его испугалъ пробѣжавшій волкъ. Онъ выбѣжалъ изъ дома. Въ тотъ же моментъ зданіе разрушилось и придавило всѣхъ, оставшихся въ немъ[1]). Наконецъ, анекдотъ, какъ его разсказываетъ Цицеронъ, намъ передаетъ и Солинъ замѣнивъ имя Симонида именемъ Пиндара.—Весьма остроумно предположеніе Flach'а[2]). Онъ думаетъ, что преданіе возникло вслѣдствіе неправильно понятаго слова οἰκία. Въ разсказѣ слово это понято было въ первоначальномъ смыслѣ, а не въ *переносномъ*, какъ бы слѣдовало. Такимъ образомъ явилось представленіе о разрушившемся *зданіи*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ рѣчь шла только о гибели *рода*.—Но что же скажемъ объ изобрѣтеніи мнемоники? Вѣроятно, Симонидъ былъ извѣстенъ своей выдающейся памятью. Ему приписали изобрѣтеніе, сдѣланное позже его. Амміанъ Марцеллинъ въ выше приведенномъ мѣстѣ говоритъ, что Киръ (?), Симонидъ и софистъ Гиппій изъ Элиды пользовались особымъ снадобьемъ для укрѣпленія памяти. Если вычеркнуть Кира, то весьма вѣроятнымъ является, что изобрѣлъ мнемонику не поэтъ Симонидъ, а софистъ Гиппій. Вѣдь софисты были учителями краснорѣчія, а въ риторикѣ несомнѣнно важный отдѣлъ составляетъ мнемоника, чтобы посредствомъ нѣкоторыхъ особыхъ пріемовъ матеріалъ держать въ памяти и притомъ въ извѣстномъ порядкѣ. Впрочемъ, и

---

[1]) Цецесъ, Хиліады IV 420.

[2]) Geschichte der griech. Lyrik II 611.

пиѳагорейцы въ Ю. Италіи старались укрѣплять естественную память особыми упражненіями[1]).

Послѣ 490 года мы встрѣчаемъ Симонида во второй разъ въ Аѳинахъ. Онъ былъ авторомъ элегіи въ честь погибшихъ при Мараѳонѣ аѳинянъ, которая была даже предпочтена сочиненной Эсхиломъ, такъ какъ по мнѣнію автора нашего источника, эта послѣдняя уступала ей въ трогательности. Ср. Vita Aeschyli p. XIV Dindorf: (Эсхилъ переѣхалъ въ Сицилію)—κατὰ δὲ ἐνίους ἐν τῷ εἰς τοὺς ἐν Μαραθῶνι τεθνηκότας ἐλεγείῳ ἡσσηθεὶς Σιμωνίδῃ· τὸ γὰρ ἐλεγεῖον πολὺ τῆς περὶ τὸ συμπαθὲς λεπτότητος μετέχειν θέλει, ὃ τοῦ Αἰσχύλου, ὡς ἔφαμεν, ἐστὶν ἀλλότριον[2]). Конечно, это не можетъ считаться прямымъ доказательствомъ присутствія Симонида въ Аѳинахъ, но мы имѣемъ кромѣ того свѣдѣнія о личныхъ сношеніяхъ поэта съ извѣстнымъ аѳинскимъ государственнымъ мужемъ того времени—Ѳемистокломъ. Michelangeli думаетъ, что уже съ 494 г. должно искать Симонида въ Аѳинахъ, такъ какъ намъ сообщается о разговорѣ его съ Ѳемистокломъ, когда тотъ былъ *архонтомъ*, а это случилось въ 493 году. Но Плутархъ, сообщая объ этомъ разговорѣ, говоритъ: παρ' αὐτοῦ στρατηγοῦντος, что скорѣе указываетъ на то, что Ѳемистоклъ тогда былъ однимъ изъ 10 стратеговъ. Слово ἄρχων не должно въ данномъ мѣстѣ понимать въ смыслѣ: архонтъ, какъ опредѣленный терминъ для обозначенія извѣстнаго должностного лица въ Аѳинахъ, а просто: исправляющій какую нибудь должность, напр. въ данномъ

---

[1]) Діодоръ, fragm. p. 555 Vol. IV p. 81 Dindorf: они старались припоминать ежедневно въ точности все совершенное въ предъидущій день.—О мнемоникѣ въ древности ср. соч. *Morgenstern*, De arte veterum mnemonica. Dorpat. 1835 и *Curtmann* Simonides et Pythagoras artis mnemonicae inventores. Gissen 1827.

[2]) Welcker предполагалъ, основываясь на стихѣ изъ стихотворенія Эсхила у Плутарха de fort. Alex. p. 334: Βριθὺς, ὁπλιτοπάλας, δάϊος ἀντιπάλοις, что Эсхилъ и Симонидъ состязались эпиграммами, а не элегіями, такъ какъ элегіи писались не на дорійскомъ діалектѣ, какъ приведенный отрывокъ, а на іонійскомъ. Но Schneidewin, возражая Welcker'у, указываетъ на другой отрывокъ, именно изъ *элегій* Эсхила, написанный также на *дорійскомъ* діалектѣ (Theophrast. Hist. Pl. IX 15, 1).

случаѣ, стратега[1]). Изъ самаго анекдота и изъ нѣкоторыхъ другихъ можно заключить, что Симонидъ сдѣлался близкимъ знакомымъ государственнаго мужа. Цицеронъ сообщаетъ анекдотъ, находящійся въ связи съ преданіемъ, что Симонидъ изобрѣлъ мнемотехнику. Онъ будто предложилъ Ѳемистоклу выучить его, какъ укрѣпить память, но тотъ попросилъ его лучше выучить его искусству забвенія[2]). Правда, что Цицеронъ выражается неопредѣленно и оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ, Симонидъ ли предложилъ себя въ учителя мнемоники, или кто другой. Зато несомнѣнными становятся дружественныя отношенія къ Ѳемистоклу изъ слѣдующаго. Намъ извѣстно, что Симонидъ враждовалъ съ поэтомъ Тимокреонтомъ родосскимъ, авторомъ комедій. Объ этой враждѣ читаемъ у Діог. Лаэртійскаго (II 25, 46: Σιμωνίδῃ ἐφιλονείκει Τιμοκρέων) и у Свиды s. v. Τιμοκρέων (Τιμοκρέων Ῥόδιος κωμικὸς καὶ αὐτὸς τῆς ἀρχαίας κωμῳδίας, διεφέρετο δὲ πρὸς Σιμωνίδην τὸν τῶν μελῶν ποιητὴν καὶ Θεμιστοκλέα τὸν Ἀθηναῖον, εἰς ὃν ἐξύφανε ψόγον δι' ἐμμελοῦς τινος ποιήματος—Ἔγραφε κωμῳδίαν εἴς τε τὸν αὐτὸν Θεμιστοκλέα καὶ εἰς Σιμωνίδην τὸν μελοποιὸν καὶ ἄλλα[3]). Причиной вражды нельзя считать взаимную зависть, такъ какъ эти поэты писали въ разныхъ видахъ поэзіи. Вѣроятнѣе привести въ связь эту вражду съ ссорой Тимокреонта съ Ѳемистокломъ, о которой сообщаетъ Плутархъ (Ѳемистоклъ, гл. 21). Тимокреонъ былъ изгнанъ изъ своего родного города, Іалиса на Родосѣ,

---

[1]) Plut. Themistocles c. 5: ὥστε που καὶ πρὸς Σιμωνίδην τὸν Κεῖον εἰπεῖν, αἰτουμένου τι τῶν οὐ μετρίων παρ' αὐτοῦ στρατηγοῦντος, ὡς οὔτ, ἐκεῖνος ἂν γίνοιτο ποιητὴς ἀγαθὸς ᾄδων παρὰ μέλος οὔτ' αὐτὸς ἀστεῖος ἄρχων παρὰ νόμον χαριζόμενος.

[2]) Cicero de oratore II c. 86: non sum tanto, inquit (Antonius), ingénio, quanto Themistocles fuit, ut oblivionis artem quam memoriae malim, gratiamque habeo Simonidi illi Ceo, quem primum ferunt artem memoriae docuisse.—Cp. De fin, II 32: Themistocles quidem, cum ei Simonides *an quis alius* artem memoriae polliceretur, oblivionis, inquit, mallem.

[3]) Отрывки стихотвореній того и другого поэта, относящіеся къ ихъ враждѣ, см. ниже.

по подозрѣнію въ сочувствіи персамъ. Когда Ѳемистоклъ объѣзжалъ острова и за деньги многихъ изгнанниковъ вернулъ на родину, онъ не возвратилъ Тимокреонта, хотя тотъ былъ его другомъ и гостемъ и сверхъ того онъ съ него получилъ три таланта серебра. Разсерженный Тимокреонтъ сталъ дѣлать въ своихъ стихотвореніяхъ злобные выпады противъ Ѳемистокла. Время этой ссоры совпадаетъ съ временемъ второго пребыванія Симонида въ Аѳинахъ. Весьма естественно заключеніе, что сохранившіеся отрывки стихотвореній этого послѣдняго, направленные противъ Тимокреонта, были написаны имъ изъ желанія угодить своему покровителю.

Если возможность личнаго знакомства Симонида съ Ѳемистокломъ для насъ весьма допустима, въ виду того что онъ жилъ несомнѣнно въ Аѳинахъ въ эпоху дѣятельности этого государственнаго мужа, то тѣмъ менѣе понятно для насъ, какъ и гдѣ могъ нашъ поэтъ встрѣтиться съ другимъ героемъ греко-персидскихъ воинъ, царемъ спартанскимъ Павзаніемъ. Между тѣмъ тотъ же Плутархъ сообщаетъ намъ бесѣду съ нимъ Симонида, живо напоминающую намъ анекдотъ у Геродота о бесѣдѣ Солона съ Крезомъ. Плутархъ разсказываетъ (въ Consol. ad Apollonium p. 105A), что Павзаній однажды надменно приказалъ Симониду сказать какое нибудь мудрое изреченіе. Поэтъ произнесъ: помни, что ты человѣкъ! Слишкомъ поздно вспомнилъ возгордившійся спартанскій царь объ этихъ словахъ, когда вмѣсто ожидаемаго богатства и счастья онъ умиралъ отъ голоду замуравленный въ храмѣ Аѳины „подъ мѣдной крышей“[1]). Весь разсказъ есть несомнѣнная параллель къ преданію о бесѣдѣ Солона съ Крезомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ основѣ положено размышленіе о непостоянствѣ человѣческаго счастья. Трагическій конецъ спартанскаго царя потрясающе подѣйствовалъ на души современниковъ и самъ собой повелъ къ такому размышленію: „Спѣсь является передъ самымъ паденіемъ“

[1]) Ср. Эліанъ, Varia Historia IX 4.

Hochmut kommt vor dem Fall говоритъ нѣмецкая пословица. Чтобы ярче представилась эта картина, въ преданіи выступаетъ фигура вѣрнаго предостерегателя (der treue Warner), котораго голосъ напрасно звучитъ и не можетъ уже спасти человѣка ослѣпленнаго временнымъ счастьемъ. Роль предостерегателя получаетъ обыкновенно какой нибудь знаменитый мудрецъ данной эпохи. Такимъ мудрецомъ въ эпоху Креза былъ Солонъ, а въ эпоху Павзанія—Симонидъ. Итакъ бесѣду поэта съ нимъ должно отнести къ апокрифамъ[1]).

Если мы отрицаемъ достовѣрность приведенной бесѣды Симонида съ Павзаніемъ, то не слѣдуетъ, мы думаемъ, рѣшительно отвергать факта, что эти два лица когда либо встрѣчались. Кромѣ Плутарха объ этомъ говоритъ и Псевдоплатонъ (Epistulae II)[2]). Трудно, конечно, опредѣлить съ точностью, гдѣ и когда могла произойти встрѣча. Что Симонидъ живалъ и въ Спартѣ, есть только предположеніе новѣйшихъ ученыхъ, очень слабо обоснованное. Такъ напр. *Nageotte* заключаетъ, что Симонидъ во всякомъ случаѣ бывалъ въ Лаконіи, потому что онъ въ отрывкѣ nr. 29 упоминаетъ Амиклы, городъ въ этой области[3]). Нечего и говорить, что невозможно изъ случайнаго упоминанія какой нибудь мѣстности поэтомъ дѣлать выводъ, что онъ тамъ бывалъ лично. Что касается обстоятельства, что дѣйствительно Симонидъ былъ „гостемъ" спартанскаго прорицателя Мегистія, котораго онъ обезсмертилъ эпиграммой на его могилѣ въ Ѳермопилахъ[4]), то во первыхъ Мегистій по происхожденію не былъ природнымъ спартанцемъ,

---

[1]) Этотъ анекдотъ могъ быть также вызванъ сохранившимся намъ отрывкомъ Симонида, гдѣ онъ говоритъ: будучи человѣкомъ не смѣй сказать, что случится завтра, и видя счастливаго человѣка, не говори, долго ли онъ будетъ счастливъ! (отр. 26).

[2]) Περὶ Ἱέρωνος ὅταν διαλέγωνται οἱ ἄνθρωποι καὶ Παυσανίου τοῦ Λακεδαιμονίου χαίρουσι τὴν Σιμωνίδου ξυνουσίαν παραφέροντες, ἅ τε ἔπραξε καὶ εἶπε πρὸς αὐτούς.—Можно думать, что существовали еще анекдоты о бесѣдахъ съ Павзаніемъ не дошедшіе до насъ.

[3]) Histoire de la poésie lyrique grecque II. p. 122.

[4]) Геродотъ V.

а акарнанцемъ, а во вторыхъ взаимное гостепріимство могло быть, вѣдь, и наслѣдственнымъ.—Несомнѣнно, что во время своего пребыванія въ Аѳинахъ Симонидъ встрѣчался съ великимъ трагикомъ Эсхиломъ. Онъ съ нимъ вступилъ въ поэтическое состязаніе, какъ уже мы имѣли случай замѣтить. Схоліастъ къ „Миру" Аристофана ст. 736 свидѣтельствуетъ, что стихотвореніе Симонида на павшихъ при Мараѳонѣ грековъ болѣе понравилось аѳинянамъ, чѣмъ стихотвореніе на туже тему ихъ согражданина. Схоліастъ говоритъ, что стихотвореніе Симонида была *элегія*. *Goettling* отвергаетъ это свидѣтельство и полагаетъ, что то была *эпиграмма*. Того же мнѣнія держится и *Hiller* въ статьѣ въ Philologus 1889, 2 p. 240. Онъ думаетъ, что скорѣе можно себѣ представить государственный конкурсъ на сочиненіе надгробной эпиграммы, чѣмъ на сочиненіе элегіи, такъ какъ таковая не имѣла общественной цѣли. *Welcker* въ Aeschyl. Trilogie p. 518 совершенно отрицаетъ конкуренцію двухъ поэтовъ. Дѣйствительно, извѣстно было одновременное пребываніе двухъ великихъ поэтовъ въ Аѳинахъ, а сверхъ того, что въ своихъ произведеніяхъ они воспѣвали героевъ персидскихъ воинъ. Весьма легко на такомъ основаніи могла возникнуть легенда о ихъ состязаніи. Существовало также и дальнѣйшее развитіе легенды, именно, что Эсхилъ покинулъ Аѳины и переѣхалъ въ Сиракузы обиженный побѣдой Симонида. Это противорѣчитъ другому преданію, что Эсхилъ вообще легко переносилъ неудачи и утѣшался тѣмъ, что если не современники, то во всякомъ случаѣ его по достоинству оцѣнитъ потомство[1]).

Впрочемъ Симонидъ нерѣдко одерживалъ побѣды на поэтическихъ состязаніяхъ. Въ одной приписываемой ему эпиграммѣ[2]) онъ упоминаетъ и датируетъ одну изъ такихъ побѣдъ.

---

[1]) Аѳеней p. 347E.

[2]) Bergk nr. 147.—Bodensteiner правильно назвалъ ее дидаскаліей въ стихахъ (—eine poetische Didaskalie) въ статьѣ: die choregischen Weihgeschenke въ Commentationes philologicae Monacenses 1891—p. 51.

Въ другой эпиграммѣ насчитывается всего 56 побѣдъ[1]. Цецесъ. Chil. 4, 487, насчитываетъ только 55. Которая цифра вѣрнѣе, нѣтъ возможности установить.

Изъ аѳинскихъ знакомыхъ Симонида слѣдуетъ еще назвать Леократа, сына Стрэба. Въ качествѣ стратега этотъ аѳинянинъ принималъ участіе въ битвѣ при Платэѣ[2], кромѣ того онъ побѣждалъ въ панэллинскихъ состязаніяхъ. Одну изъ его побѣдъ Симонидъ прославилъ въ эпиникіѣ[3]. Точно также свою поэзію онъ предложилъ къ услугамъ Леократа, сочинивъ эпиграмму для статуи Гермеса, которую тотъ воздвигъ въ саду академіи. Эпиграмма сохранена намъ въ палатинской антологіи (VI 144 и VI 214).

Наконецъ Симонидъ встрѣчался въ Аѳинахъ и съ соперникомъ Ѳемистокла, Аристидомъ Справедливымъ. Онъ поставилъ хоръ для одной торжественной пѣсни Симонида (ср. Epigr. nr. 149).

Около 476 года поэтъ предпринялъ, несмотря на свой преклонный возрастъ—ему было свыше 80 лѣтъ—трудное для того времени путешествіе въ Сицилію[4]. Если вѣрить источникамъ Цецеса (ad Chil. I 619), это путешествіе Симонидъ предпринялъ тотчасъ послѣ упомянутой въ эпигр. nr. 147 побѣды. Впрочемъ схоліастъ къ 2 истмійской одѣ Пиндара замѣчаетъ, что уже въ 489 году Симонидъ побывалъ на Трехконечномъ островѣ. Это извѣстіе заслуживаетъ, намъ кажется довѣрія, такъ какъ едва ли въ столь преклонномъ возрастѣ Симонидъ рѣшился бы предпринять путешествіе въ совершенно ему незнакомую страну[5]. Что касается

---

[1]) Bergk nr. 145.

[2]) Плутархъ, Аристидъ 20.—Онъ вмѣстѣ съ Миронидомъ протестовалъ противъ присужденіи награды за побѣду (ἀριστεῖον'α) спартанцамъ.

[3]) Квинтиліянъ, Instit. oratoria XI 2, 14.

[4]) Вѣдь ему пришлось плыть кругомъ Пелопоннеса и обогнуть извѣстный бурями мысъ Малею.

[5]) *Bergk* (Griech. Litteratur II стр. 358—359) въ доказательство перваго пребыванія Симонида въ Ю. Италіи и Сициліи около 62 ол. приводитъ, что Ксенофанъ

причины, побудившей Симонида покинуть Аѳины и переѣхать въ Сиракузы, то объ этомъ говорятъ Эліанъ (VH IV 15 и IX, 1) и Синесій (Epist. 88). Тираннъ сиракузскій Гіеронъ прежде исключительно занимавшійся военнымъ дѣломъ, послѣ продолжительной болѣзни заинтересовался поэзіей и пригласилъ къ своему двору знаменитѣйшихъ поэтовъ своего времени: Симонида съ его племянникомъ Вакхилидомъ, Эсхила и Пиндара[1]). Впрочемъ, весьма возможно, что на рѣшеніе Симонида оставить Аѳины, гдѣ онъ прожилъ такъ долго, повліяло и то обстоятельство, что послѣ опалы Ѳемистокла кружокъ, главой котораго онъ былъ, разстроился. Симонидъ, принадлежавшій къ этому кружку, какъ у насъ есть основанія предполагать, почувствовалъ себя одинокимъ и тѣмъ охотнѣе принялъ приглашеніе сиракузскаго тиранна. Невозможно опредѣлить, къ какому изъ двухъ путешествій поэта въ Сицилію слѣдуетъ отнести вторичное спасеніе его отъ смертельной опасности, о которомъ намъ сообщаетъ цѣлый рядъ писателей. Его корабль присталъ къ городу Таренту и онъ на берегу нашелъ мертвеца. Онъ его похоронилъ, какъ слѣдуетъ. Въ слѣдующую ночь мертвецъ ему явился во снѣ и предостерегалъ его продолжать путешествіе на томъ же кораблѣ. Симонидъ послушался, а корабль, отправившійся безъ него въ море, вскорѣ погибъ. Такъ спасся поэтъ отъ вѣрной смерти.— Намъ сохранилась эпиграмма, ему приписываемая, которая будто бы стояла на статуѣ его предостерегшаго[2]). Самый разсказъ, кажется, былъ очень распространенъ въ древности[3]).

зналъ Симонида лично; вѣдь онъ далъ ему прозвище κίμβιξ. Умеръ же Ксенофанъ вскорѣ послѣ 63 ол. Онъ жилъ въ Ю. Италіи и слѣдовательно только могъ познакомиться съ Симонидомъ раньше 524 г. до Р. Х. Согласно Тимэю, однако (FHG I 215), Ксенофанъ жилъ еще при дворѣ Гіерона. Онъ умеръ въ глубокой старости. (Ср. его fragm. nr. 7: писалъ еще 92 лѣтъ отъ роду).

[1]) Поэтому Вакхилидъ называетъ Гіерона φιλόξεινος: Bacchylides V 50.

[2]) Fr. 129 B.

[3]) Cicero, de div. I 56 и II 134 Valerius Maximus I 7 ext. 3, Libanius IV 1101 (Reiske), Tzetzes Chil. I 632, Schol. Aristid. III 533, Dind. и Anthol. Pal. VII 77 in

Совершенно отрицать достовѣрность факта, мы не имѣемъ причины. Вѣроятно, Симонидъ случайно запоздалъ на берегу и это впослѣдствіи привели въ отношеніе съ другимъ фактомъ: погребеніемъ брошеннаго мертвеца. Junghahn признакомъ недостовѣрности разсказа считаетъ, что такимъ образомъ Симонидъ два раза спасся отъ смерти черезъ предупрежденіе[1]). На это возразимъ, что такой фактъ ничего невѣроятнаго не представляетъ самъ по себѣ, а разсказъ о его спасеніи въ домѣ Скопадовъ мы уже объяснили иначе выше.

Неяснымъ остается въ источникахъ, гдѣ и когда именно произошелъ этотъ случай съ Симонидомъ. Цицеронъ говоритъ туманно: когда онъ предпринялъ морское путешествіе. Согласно Либанію, чудо случилось близъ Тарента во время путешествія въ Сицилію. Въ примѣчаніи къ эпиграммѣ въ антологіи лемматистъ говоритъ: когда Симонидъ присталъ къ одному острову.

Мы знаемъ, что въ Сициліи Симонидъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гостепріимнымъ Гіерономъ тиранномъ сиракузскимъ[2]) и съ Тэрономъ, тиранномъ Агригента. Историкъ Сициліи Тимей сообщилъ, что виновникомъ взаимнаго примиренія этихъ двухъ властителей въ 472-омъ году былъ именно Симонидъ[3]). Схоліастъ сообщаетъ намъ сверхъ того, что поэтъ предостерегалъ Тэрона отъ козней его

---

marg.—Цицеронъ ссылается на стоиковъ.—Среди сказокъ извѣстнаго датскаго писателя Андерсена встрѣчаемъ одну, которая живо напоминаетъ намъ преданіе о Симонидѣ: это „Дорожный товарищъ". Герою сказки также попадается непогребенный (собств. выброшенный изъ гроба), котораго онъ укладываетъ опять въ гробъ. Въ благодарность тотъ ему потомъ является какъ живой человѣкъ и спасаетъ отъ бѣды.—Откуда заимствовалъ Андерсенъ свою сказку, мы не знаемъ. Быть можетъ это случайное сходство, а быть можетъ, сказка навѣяна смутнымъ вспоминаніемъ легенды о Симонидѣ.

[1]) За недоразумѣніе должно признать свѣдѣніе у Федра IV 25, что будто Симонидъ спасся еще сверхъ того отъ смерти при кораблекрушеніи у береговъ Малой Азіи.

[2]) Ср. Вакхилидъ, V, 50—Ἱέρων φιλόξεινος.—Подлиннымъ титуломъ Гіерона былъ: στραταγός αὐτοκράτωρ (ср. Bury въ Class. Rev. 1899 p. 98).

[3]) Схоліастъ къ Пиндару ол. XI 29.

враговъ. Въ честь брата Тэрона, Ксенократа, онъ сочинилъ хвалебную пѣснь[1]).

Цѣлый рядъ свидѣтельствъ говоритъ о дружбѣ Симонида съ Гіерономъ. Какъ кажется, тираннъ очень полюбилъ нашего поэта и предпочиталъ общеніе съ нимъ общенію съ другими не менѣе знаменитыми поэтами, которыхъ онъ собралъ при своемъ гостепріимномъ дворѣ. Здѣсь встрѣтились съ Симонидомъ его прежніе знакомые: Эсхилъ и Пиндаръ. Племянникъ кеосскаго поэта, тоже извѣстный тогда поэтъ, Вакхилидъ, музу котораго мы теперь имѣемъ возможность лучше оцѣнить, чѣмъ прежде, благодаря находкѣ довольно значительныхъ по объему его стихотвореній, также проживалъ при дворѣ Гіерона. Ни съ кѣмъ, однако, Гіеронъ такъ охотно не бесѣдовалъ, какъ съ Симонидомъ. Только о бесѣдахъ съ этимъ поэтомъ сохранились слѣды въ преданіи. Извѣстно, что напр. Ксенофонтъ одно изъ своихъ сочиненій посвятилъ исключительно изложенію такой бесѣды. Это діалогъ „Гіеронъ", гдѣ въ основѣ разсужденія положена тема о преимуществахъ жизни частнаго человѣка *сравнительно съ* жизнью тиранна. Конечно, здѣсь передъ нами не стенографическій отчетъ объ этой бесѣдѣ. Весьма вѣроятно, что она на самомъ дѣлѣ не имѣла мѣста; но если Ксенофонтъ свои мысли заставилъ высказывать именно эти лица, то ясно, что ихъ близкія отношенія между собой были хорошо извѣстны въ эпоху автора діалога.—О другой бесѣдѣ намъ сообщаетъ Цицеронъ[2]). Гіеронъ спросилъ Симонида, что онъ думаетъ о Богѣ. Тотъ попросилъ дать ему одинъ день на размышленіе, потомъ—два дня, потомъ—три и т. д. На вопросъ тиранна, зачѣмъ онъ такъ поступаетъ, поэтъ отвѣчалъ: чѣмъ дольше я думаю о предложенномъ вопросѣ, тѣмъ онъ мнѣ кажется труднѣе.—Какъ велико было благоволеніе Гіерона къ Симониду, видно также изъ того, что онъ его представилъ даже своей женѣ. Это въ греческомъ обществѣ дѣлалось

---

[1]) Bergk, P. L. G. III 389.

[2]) De natura deorum I 22.

очень рѣдко. Жена Гіерона предложила однажды Симониду вопросъ, чѣмъ лучше родиться, мудрецомъ или богачомъ? Тотъ отвѣтилъ: богачомъ, потому что мудрецы первые идутъ къ богачамъ, такъ какъ они не могутъ жить безъ ихъ денегъ[1]). Что мысль, здѣсь высказанная, дѣйствительно была популярна въ эпоху Симонида, видно изъ словъ современныхъ ему поэтовъ. Пиндаръ сказалъ: κέρδει καὶ σοφία δέδεται: и мудрость гонится за выгодой, а Вакхилидъ: φρένα καὶ πυκινὰν κέρδος βιᾶται и сильный умъ поддается жаждѣ наживы[2]).—Хотя Симонидъ не жилъ во дворцѣ Гіерона, но все нужное ему посылалось отъ тиранна на домъ, и притомъ въ изобиліи[3]).

Интересенъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ собравшихся при сиракузскомъ дворѣ великихъ греческихъ поэтовъ. Уже выше мы отвергли легенду, что будто Эсхилъ покинулъ Аѳины и переѣхалъ къ Гіерону обиженный побѣдой надъ нимъ Симонида при состязаніи въ сочиненіи элегіи на павшихъ при Мараѳонѣ. Это невозможно уже потому, что состязаніе происходило въ 489 году, а Гіеронъ воцарился лишь въ 478 году. Такимъ образомъ нѣтъ никакой причины предполагать непріязненныя отношенія между двумя поэтами во время ихъ совмѣстнаго пребыванія при сиракузскомъ дворѣ.

Труднѣе рѣшается вопросъ объ отношеніяхъ Симонида къ Пиндару, ближайшему своему сопернику. Вѣдь оба они сочиняли въ одной и той же области поэзіи, и въ ней пріобрѣли особую славу—въ хоровой лирикѣ.—Наиболѣе подробно объ отношеніяхъ поэтовъ говоритъ R. Jebb въ своемъ изд. Вакхилида 1905 p. 13—24.

Уже часто разбирался вопросъ о томъ, насколько можно вѣрить темнымъ указаніямъ схоліастовъ къ Пиндару относительно серьезный ссоры двухъ великихъ поэтовъ. Приведемъ слова самого Пиндара:

---

[1]) Аристотель, Rhetor. II 16.

[2]) Pindarus, Pyth. III 54. Bacchylides fragm. 2.

[3]) Athenaeus p. 656 D: ἀποστέλλοντος τοῦ Ἱέρωνος αὐτῷ τὰ καθ' ἡμέραν λαμπρῶς.

Олимп. оды 2, стихъ 83 и сл. πολλά μοι ὑπ 'ἀγκῶνος, ὠκέα βέλη ἔνδον ἐντὶ φαρέτρας || φωνάεντα συνετοῖσιν. ἐς δὲ τὸ πᾶν ἑρμηνέων || χατίζει. σοφὸς ὁ πολλὰ Ϝειδῶς φυᾷ, || μαθόντες δὲ λάβροι || παγγλωσσίᾳ, κόρακες ὥς, ἄκραντα γαρύετον || Διὸς πρὸς ὄρνιχα θεῖον.

Ода сочинена въ 475 году. Схоліастъ замѣчаетъ, что здѣсь Пиндаръ намекаетъ на Симонида и его племянника Вакхилида, подобно жалкому воронью, каркающихъ на величаваго орла. Дѣйствительно Пиндаръ говоритъ въ двойственномъ числѣ (γαρύετον) и разумѣетъ слѣдовательно именно какихъ то *двухъ* завистниковъ[1]).

Истмійскія оды II 6: ἁ Μοῖσα γὰρ οὐ φιλοκερδής πω τότ' ἦν οὐδ' ἐργάτις.—Схоліастъ видитъ здѣсь намекъ на Симонида, извѣстнаго своей жадностью, и ссылается на слова Каллимаха: (ἔνθεν καὶ Καλλίμαχος) οὐ γὰρ ἐργάτιν τρέφω τὴν Μοῦσαν ὡς ὁ Κεῖος Ὑλλίχου νέπους. Но и Каллимахъ могъ ошибиться.

Немейскія оды 4, стихъ 37 и сл.: ἔμπα (поэтъ говоритъ самому себѣ) καίπερ ἔχει βαθεῖα ποντιὰς ἅλμα || μέσσον ἀντίτειν 'ἐπιβουλίᾳ· σφόδρα δόξομεν δαΐων ὑπέρτεροι ἐν φάει καταβαίνειν· φθονερὰ δ' ἄλλος ἀνὴρ βλέπων || γνώμαν κενεὰν σκότῳ κυλίνδει || χαμαὶ πετοῖσαν. ||

Пиѳійскія оды 2 стихахъ 72 и сл.: γένοι' οἷος ἐσσὶ μαθών, καλός τοι πίθων παρὰ παισίν, αἰεὶ || καλός, ὁ δὲ 'Ραδάμανθυς εὖ πέπραγεν, ὅτι φρενῶν || ἔλαχε καρπὸν ἀμώμητον, οὐδ' ἀπάταισι θυμὸν τὲρπεται ἔνδοθεν || οἷα ψιθύρων παλάμαις ἕπετ 'αἰεὶ βροτῶν.

Нем. оды 3 ст. 80 и сл.: ἔστι δ'αἰετὸς ὠκὺς ἐν ποτανοῖς, || ὃς ἔλαβεν αἶψα τηλόθε μεταμαιόμενος δάφοινον ἄγραν ποσίν. || κραγέται δὲ κολοιοὶ ταπεινὰ

---

[1]) Впрочемъ, это двойственное число уже устраняли конъектурами. *Bergk:* γαρυέτων, также и *Schröder* (въ смыслѣ: пусть люди болтаютъ). *Jebb* замѣчаетъ, что такая форма imp. pluralis 3-го лица вм. γαρυόντων весьма рѣдко встрѣчается. Изъ этого не слѣдуетъ, мы думаемъ, что она невозможна. Далѣе *Dawes*, а съ нимъ *Michelangeli* предложили: γαρυέμεν; *T. Mommsen*:—γαρύεται какъ schema Pindaricum; *Herwerden*:—γαρύετε; *Hartung*—: γαρυέται (отъ существ.: γαρυέτης).— *Verrall* въ Journ. of Philology IX 114 и 197, оставляя двойств. число, предполагаетъ, что Пиндаръ намекалъ на изв. риторовъ Коракса и Тисія.—*Jebb* не допускаетъ возможности, чтобы уже въ 476 г. риторика могла соперничать съ поэзіей. Ср. *Spengel*, Συν. τεχνῶν 211.

νέμονται.—Мы видимъ, какъ неясны намеки поэта. Неопредѣленны и замѣчанія схоліастовъ. Въ примѣчаніи къ Pyth. 2, 72 большинство, конечно, утверждаетъ, что рѣчь о Вакхилидѣ; но одинъ схоліастъ замѣчаетъ, что идетъ рѣчь о *клеветникахъ вообще.*—Еще сомнительнѣе отношеніе словъ въ Nem 4, 36 къ Симониду. Вотъ что говоритъ схоліастъ: δοκεῖ ταῦτα εἰς Σιμωνίδην τείνειν, ἐπεὶ ἐκεῖνος παρεκβάσει χρῆσθαι εἴωθεν. Видно, что мы имѣемъ дѣло съ простой *догадкой* схоліаста, а не съ опредѣленнымъ преданіемъ

Если обратимся теперь къ Симониду и Вакхилиду, то въ ихъ поэтическомъ наслѣдіи не найдемъ даже и темныхъ намековъ на вражду съ Пиндаромъ. Совсѣмъ напротивъ, у Вакхилида, кажется, находимъ указанія на глубокое его уваженіе къ Θиванскому поэту. Во всякомъ случаѣ его поэзію онъ высоко цѣнилъ и даже подражалъ ей. Въ вновь найденныхъ стихотвореніяхъ Вакхилида находимъ много мѣстъ, гдѣ онъ несомнѣнно подражаетъ Пиндару[1]). Сверхъ того издатель Вакхилида *Кепуоп* въ 5-ой его побѣдной пѣснѣ, написанной на ту же побѣду, какъ и первая олимпійская ода Пиндара, усматриваетъ даже особую любезность по отношенію къ послѣднему. Упоминается его землякъ Гесіодъ (ст. 191 и сл.[2]). Конечно, трудно доказать, чтобы Вакхилидъ только потому привелъ цитату изъ Гесіода, чтобы сдѣлать комплиментъ его земляку[3]). Но и противоположное доказать не легче.

Если вернемся къ приведеннымъ выше мѣстамъ изъ одъ Пиндара, то три обстоятельства въ нихъ могутъ повести къ заключенію о недоброжелательствѣ автора къ двумъ кеосскимъ поэтамъ. Во первыхъ, упомянутыя оды всѣ сочинены между 476 г.

---

[1]) Напр. Bacch. III 11 sq.: ὅς παρὰ Ζηνὸς λαχὼν—οἶδε πυργωθέντα πλοῦτον μὴ—κρύπτειν σκότῳ=Pind. Nem. I 31: οὐκ ἔραμαι πολὺν ἐν μεγάρῳ πλοῦτον κατακρύψας ἔχειν. Ср. также Isthm. I 67.

[2]) Βοιωτὸς ἀνὴρ τάδε φώνησεν, γλυκεῖαν || Ἡσίοδος πρόπολος || μουσᾶν, ὃν ἂν ἀθάνατοι τιμῶσι, κείνῳ || καὶ βροτῶν φήμαν ἕπεσθαι.

[3]) Cfr. *Taccone*, Bacchilide, p. 67: La supposizione non si può dire la più opportuna di questo mondo.

и 472, когда всѣ три поэта встрѣтились при сиракузскомъ дворѣ и такимъ образомъ возможна была личная ссора между ними. Далѣе, въ Ol. 2 v. 88 встрѣчаемъ двойственное число γαρύετον. Пиндаръ намекаетъ на *двухъ* недоброжелателей. Наконецъ, Пиндаръ говоритъ, что поэтомъ нужно *родиться*, между тѣмъ какъ Вакхилидъ утверждаетъ, что поэты *учатся* одинъ у другого[1]). Но чтобы поэтъ сказалъ это съ намекомъ на кого либо, или именно на Пиндара, не болѣе какъ предположеніе.- Изъ словъ же Пиндара можно только заключить одно съ увѣренностью; онъ въ то время имѣлъ дѣло съ людьми, завидовавшими его славѣ. Вѣроятно ихъ было двое[2]). Но чтобы это были непремѣнно поэты, изъ словъ Пиндара непосредственно не слѣдуетъ[3]). Не думаемъ также, чтобы онъ рѣшился сравнить даже въ моментъ сильнаго гнѣва поэзію Симонида и Вакхилида съ карканьемъ воронъ или съ щекотаньемъ сорокъ. Оба поэта пользовались уже такой славой, что подобное сравненіе могло бы возбудить только смѣхъ.— *Jebb* придаетъ особое значеніе тому обстоятельству, что александрійскіе комментаторы Пиндара, *быть можетъ*, знали о враждѣ поэтовъ не только на основаніи своего собственнаго толкованія текста Пиндара, какъ думаютъ обыкновенно, но также и изъ сочиненій, нынѣ утраченныхъ, или сохранившихся только въ отрывкахъ[4]). Напримѣръ, историки Антіохъ Сиракузскій, Филистъ Сиракузскій и Тимей изъ Тавроменіона въ Сициліи, между прочимъ, несомнѣнно повѣствовали о правленіи Гіерона I въ Сиракузахъ и *могли* записать сиракузскія преданія о знаменитыхъ посѣтителяхъ его двора. Суще-

---

[1]) Fragm. 4: ἕτερος ἐξ ἑτέρου σοφός.

[2]) Впрочемъ Nem. 3, 80 онъ говоритъ не въ двойственномъ, а уже въ *множественномъ числѣ*.

[3]) Совершенно ясно въ 11-ой пиѳійской одѣ ст. 29—30 онъ говоритъ о завистникахъ *вообще*: ἴσχει τε γὰρ ὄλβος οὐ μείονα φθόνον || ὁ δὲ χαμηλὰ πνέων ἄφαντον βρέμει.

[4]) Bacchylides p. 13—they *may* have found other evidence in books, which are now lost, or of which only fragments remain.

ствовала также цѣлая литература мемуаровъ и анекдотовъ о знаменитыхъ писателяхъ. Слѣды ея намъ сохранились у Плутарха, Діогена и Аѳенея. Далѣе, видѣть въ словахъ Пиндара раздраженные намеки именно на Симонида и Вакнилида Jebb находитъ весьма понятнымъ[1]). Вѣдь, Пиндаръ и Симонидъ были долгое время первыми представителями лирической поэзіи своей эпохи. Съ племянникомъ Симонида, Вакхилидомъ, Пиндаръ несомнѣнно соперничалъ, сочиняя оды на одни и тѣже побѣды, напр. на побѣду Гіерона въ Олимпіи въ 476 г. Наконецъ, Пиндаръ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, что Гіеронъ предпочелъ его одѣ оду Вакхилида.

Однако Jebb заявляетъ, что цѣлью его словъ было только представить фактическую сторону дѣла, а не защищать тотъ или другой взглядъ. Онъ признаетъ, что возраженія Вакхилида на воззрѣнія Пиндара сдѣланы, очевидно, *съ большой осторожностью и вѣжливостью*. На личную *вражду* мы не находимъ никакого намека. Страннымъ должно показаться, что, если приведенныя слова Пиндара относятся къ Симониду и Вакхилиду, кеосскіе поэты или не отвѣчали на рѣзкіе выпады, или же отвѣчали такъ сдержанно[2]).

Съ своей стороны мы не вѣримъ въ дѣйствительную ссору поэтовъ и считаемъ ее выдумкой позднѣйшихъ толкователей текста ихъ сочиненій. Происхожденіе легенды мы себѣ объясняемъ слѣдующимъ образомъ. Въ риторическихъ школахъ было распространеннымъ упражненіемъ противопоставлятъ другъ другу знаменитыхъ поэтовъ прежнихъ временъ, чтобы лучше изучать ихъ характерныя особенности. Весьма легокъ былъ переходъ къ фикціи взаимнаго состязанія поэтовъ[3]). Впослѣдствіи эти риторическія упражненія призна-

---

[1]) Ibid. p. 20—a reference to Simonides and Bacchylides is perfectly intelligible.

[2]) Jebb объясняетъ это *іонійскимъ добродушіемъ* кеосцевъ, they *may* have been protected from serious annoyance by a sense of humour (Ibid. p. 24).

[3]) Отсюда происхожденіе напримѣръ извѣстнаго Certamen Homeri et Hesiodi.— Въ Средніе Вѣка, въ Германіи подобнымъ образомъ возникло сказаніе о состязаніи поэтовъ на Вартбургѣ (Der Wartburger Saengerkrieg).

валпсь за фактъ и появлялись легенды о враждѣ поэтовъ. Въ ихъ произведеніяхъ начинали искать намековъ на *предполагаемую* вражду и дѣйствительно находили, какъ часто бываетъ, когда чего нибудь ищутъ съ предвзятымъ мнѣніемъ. Конечно, намеки бывали очень темны и неопредѣленны, какъ напримѣръ, въ нашемъ случаѣ.—Хотя въ недавное время въ ученой литературѣ, особенно въ итальянской[1]), возвысились голоса въ пользу гипотезы о ссорѣ поэтовъ, мы все же подписываемъ сужденіе объ этомъ *Richter*'а въ его біографіи Симонида: die Feindschaft des Simonides mit Pindar können nur Scholiastennasen aus Pind. Ol. IX 74, Nem. IV 35 und Isthm. II 1 herausgeschnüffelt haben.

Не пройдемъ молчаніемъ, что въ новооткрытыхъ отрывкахъ изъ пэановъ Пиндара, какъ думаютъ, есть прямой намекъ на кеосскихъ поэтовъ. Въ 4-мъ отрывкѣ въ 5-мъ томѣ Oxyrhynchus Papyri олицетворенный островъ Кеосъ говоритъ: γιγνώσκομαι καὶ Μοισᾶν παρέχων ἅλις—про меня знаютъ, что я довольно много родилъ поэтовъ. Нужно однако сознаться, что неопровержимаго намека именно на Симонида и Вакхилида эта фраза не выражаетъ. По имени они не названы и могутъ подразумѣваться и другіе поэты.

Симонидъ оставался въ Сициліи и послѣ смерти своего покровителя Гіерона (въ 472 г.). Мы знаемъ со словъ Эліана[2]) и Свиды, что онъ тамъ умеръ. Но въ какомъ именно городѣ? Свида разсказываетъ намъ, что ему поставили памятникъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что впослѣдствіи (когда ?) агригентинскій полководецъ Фениксъ изъ добытыхъ изъ него камней могъ построить цѣлую башню[3]). Въ какомъ же городѣ

---

[1]) *Fraccaroli* „Cronologia di Pindaro“, *Michelangeli* „della vita di Bacchilide“, *Taccone* „Bacchilide“.

[2]) Var. hist. IX 1.

[3]) Ἀκραγαντίνων στρατηγὸς ἦν ὄνομα Φοῖνιξ, Συρακουσίοις δὲ ἐπολέμουν οὗτοι. οὔκουν ὅδε ὁ Φοῖνιξ διαλύει τὸν τάφον τοῦ Σιμωνίδου μάλα ἀκηδῶς τε καὶ ἀνοίκτως καὶ ἐκ λίθων τῶνδε ἀνίστησι πύργον, καὶ κατὰ τοῦτο ἑάλω ἡ πόλις.

находилась гробница Симонида, съ которой такъ безжалостно поступилъ Фэниксъ?. Мнѣнія ученыхъ расходятся. Одни думаютъ, что то былъ Агригентъ т. е. нынѣшній Girgenti. По другимъ, то были Сиракузы. Къ первымъ принадлежатъ; Freeman и Holm, а ко вторымъ Boissy, Bergk, Flach и Nageotte. Если понять слова Свиды такъ, что Фениксъ строилъ башню для защиты своего родного города, тогда несомнѣнно нужно признать, что Симонидъ, умеръ и былъ погребенъ въ Агригентѣ. Конечно, можно представить себѣ дѣло и такъ, что башня была построена для цѣлей аттаки города (comme point d'attaque, какъ выражается Nageotte, Poesie lyrique grecque p. 111). Тогда подразумѣваются Сиракузы, такъ какъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы Симонидъ проживалъ бы когда нибудь въ иномъ городѣ Сициліи, кромѣ Агригента и Сиракузъ. Рѣшеніе спорнаго вопроса затруднено тѣмъ, что Свида не говоритъ, какая это была война. Мы высказываемся за Агригентъ въ виду того, что намъ нигдѣ не сообщается, чтобы агригентцы когда либо брали городъ Сиракузы приступомъ. Сверхъ того, возведеніе каменной башни для *аттаки* города было явленіемъ настолько необычнымъ, что Свида навѣрное далъ бы на это какое нибудь болѣе опредѣленное указаніе, если бы это было такъ. Мы подписываемъ также мнѣніе Freeman'а, когда онъ переводитъ κατὰ τοῦτο ἑάλω ἡ πόλις—вслѣдствіе этого святотатства т. е. въ наказаніе, городъ былъ взятъ, городъ, который защищалъ агригентинецъ Фэниксъ—Агригентъ. Итакъ умеръ Симонидъ въ этомъ городѣ, куда онъ вѣроятно переселился тотчасъ по смерти Гіерона. Вѣдь мы знаемъ, что онъ и здѣсь имѣлъ покровителей[1]).

Между тѣмъ какъ годъ рожденія Симонида мы можемъ опредѣлить лишь приблизительно, годъ его смерти намъ извѣстенъ въ точности. Это 4-ый годъ 77 олимпіады т. е. 467 годъ до Р. Х. Этотъ годъ указанъ въ Chronicon Paschale и подтверждается у Свиды, который говоритъ, что Симонидъ

---

[1]) См. выше стр. 29.

жилъ до 78-ой ол. Конечно, онъ такимъ образомъ не дожилъ до 466 года т. е. до битвы при Евримедонѣ, и слѣдов. эпиграмма ему приписываемая (Bergk nr. 142), въ которой эта битва воспѣвается, несомнѣнно подложна[1]).—Возрастъ, котораго достигъ Симонидъ, намъ неизвѣстенъ. Вѣдь мы не знаемъ года рожденія съ точностью. Онъ умеръ приблизительно 90 лѣтъ отъ роду[2]).

Чтобы составить себѣ вполнѣ ясное представлепіе о какой нибудь личности, не излишнимъ бываетъ ознакомиться съ ея внѣшностью. Къ сожалѣнію, большинство корифеевъ античной литературы мы не знаемъ въ лицо. Намъ сохранились или только идеальныя ихъ изображенія[3]), или совсѣмъ не сохранилось никакихъ изображеній. Послѣднее мы принуждены сказать о Симонидѣ. Одно лишь извѣстно намъ о его внѣшности; она была очень непривлекательна. Плутархъ[4]) говоритъ, что Θемистоклъ смѣялся надъ Симонидомъ, когда тотъ, имѣя такую *уродливую* наружность, заставилъ писать съ себя портретъ. Конечно слову αἰσχρός нельзя придавать слишкомъ большого значенія. Вспомнимъ, какъ щепетильны были древніе греки даже по отношенію къ мужской наружности.

Если теперь на основаніи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній попытаемся нарисовать общую картину характера Симонида, то прежде всего бросится въ глаза и будетъ характернымъ для него, что онъ, обладая значительнымъ поэтическимъ талантомъ, сверхъ того умѣлъ привлекать симпатію и къ своей личности, несмотря на только что упомянутую некрасивую наружность. Онъ ужпвался вездѣ. Очевидно, онъ былъ

---

1) Ср. статью Keil'я въ Hermes'ѣ XX стр. 341. Онъ доказалъ, что эпиграмма изданная Kumanudis'омъ въ Athenaeum X стр. 524 есть оригиналъ эпиграммы на битву при Евримедонѣ. Этотъ оригиналъ сочиненъ только послѣ 423 года (Ср. Kirchhoff въ Hermes'ѣ XVII стр. 623).

2) Показаніе у Свиды опредѣляетъ годъ лишь приблизительно: 89 лѣтъ т. е. на 90-мъ году. Цифра круглая.

3) Напр. Гомера.

4) Θемистоклъ, с. 5.

остроумнымъ и ловкимъ собесѣдникомъ и это то качество доставило ему возможность близко сойтись съ властителями и государственными мужами своего времени, а слѣдовательно и пользоваться ихъ покровительствомъ. Вѣдь властители всѣхъ временъ и народовъ имѣли склонность въ часы досуга развлекаться остроумной бесѣдой, съ условіемъ, конечно, чтобы она не затрогивала ихъ личнаго самолюбія. Въ этомъ Симонидъ былъ мастеромъ и даже въ одномъ изъ намъ сохранившихся отрывковъ онъ даетъ намъ образчикъ своей угодливости (Fragm. 5). Онъ былъ типомъ придворнаго поэта. Изъ этого впрочемъ еще не должно дѣлать поспѣшнаго вывода, что нашъ поэтъ имѣлъ бы вообще низменный образъ мыслей. Во всѣ времена мы видимъ знаменитѣйшихъ греческихъ поэтовъ при дворахъ разныхъ властителей, и это скорѣе можно поставить имъ въ похвалу, нежели въ вину. Очень рѣдкіе изъ нихъ сами навязывали себя властителямъ, а большинство приглашалось во дворцы ради ихъ укрѣпившейся уже славы, чтобы составлять собою лучшее украшеніе царскихъ чертоговъ[1]).

Не должна бросать тѣни на личность Симонида и другая сторона его характера, за которую его порицали еще въ древности. Онъ взималъ деньги за свои стихотворенія и кажется даже иногда заставлялъ себѣ платить впередъ или по крайней мѣрѣ уславливался въ цѣнѣ.

Выше приведенъ анекдотъ, что поэтъ получилъ однажды только половину *обѣщанной* ему платы. Тоже самое видно и изъ анекдота приводимаго Аристотелемъ въ „Риторикѣ“ III 2. Когда однажды тираннъ города Регіона, Анаксиласъ, предложилъ поэту слишкомъ ничтожную на его взглядъ плату, тотъ совершенно отказался сочинять для него что либо. Впрочемъ Симонидъ не дѣлалъ этого тайкомъ. Онъ откровенно заявлялъ, что беретъ деньги за свою поэзію, потому что вѣдь поэты, какъ и всѣ остальные люди, нуждаются въ средствахъ

---

[1]) Ср. Софоклъ, Айянтъ: σοφοὶ τύραννοι τῶν σοφῶν συνουσίᾳ.

къ жизни. Съ этой стороны онъ былъ правъ. Вѣдь и современные виртуозы и знаменитые пѣвцы не гнушаются взимать деньги съ желающихъ слушать ихъ концерты.

Въ этомъ Симонида въ древности никто и не обвинялъ. Порицали его только за *любостяжаніе* и *жадность*. Уже его современникъ, Ксенофанъ, называлъ его κίμβιξ т. е. жаднымъ[1]). Аристофанъ говорилъ о немъ: ради выгоды онъ поплылъ бы и на соломенкѣ[2]). Платонъ порицалъ его за то, что онъ ради денегъ хвалилъ и тѣхъ, которыхъ хвалить не слѣдовало[3]). Аристотель выражался умѣреннѣе; онъ считалъ Симонида только экономнымъ. Сюда же относится и воззрѣніе поэта на дворянство. Онъ утверждалъ, что тотъ истинный дворянинъ, кого предки были издавна богаты[4]). Характеренъ также извѣстный анекдотъ о двухъ ларцахъ. Симонидъ однажды сказалъ, что у него есть два ларца, одинъ для денегъ, а другой для благодарности; когда онъ ихъ открывалъ, то первый находилъ полнымъ, а второй пустымъ[5]).—Такимъ образомъ, если мы и не порицаемъ нашего поэта за то, что онъ за свой трудъ бралъ деньги, то мы не можемъ съ другой стороны оправдать его въ излишней любви къ нимъ. Но это, кажется, единственная дурная сторона его характера, на которую мы можемъ указать съ увѣренностью.—Что касается обвиненія его въ сварливости, то мы уже говорили выше о недостаточности доказательствъ въ пользу преданія о его ссорѣ съ знаменитѣйшими современными поэтами Пиндаромъ и Эсхиломъ. Изъ также приведеннаго уже мѣста у Плутарха въ біографіи Ѳемистокла гл. 5, видно, что одно время Симонидъ былъ дѣйствительно въ ссорѣ съ коринѳянами. Но страннымъ должно показаться, что въ нѣкоторыхъ сохранившихся намъ

---

1) Schol. Aristoph. Pax v. 696.

2) Ibid. v. 685: κέρδους ἕκατι κἂν ἐπὶ ῥιπὸς πλέοι.

3) Plato, Protagoras 346 B.

4) Plutarchus, de nobil. 18.

5) Кто не подумаетъ, слыша это, о нашемъ Плюшкинѣ (соболѣзнованіе въ карманъ не положить)?

эпиграммахъ онъ ихъ восхваляетъ[1]). Вѣроятно онѣ сочинены были раньше ссоры; причина ея намъ неизвѣстна. Не подлежитъ сомнѣнію и ссора съ Тимокреонтомъ родосскимъ, которая повела къ взаимному осмѣянію. Но изъ этихъ немногихъ фактовъ, конечно, не слѣдуетъ еще, чтобы характеръ нашъ поэтъ имѣлъ злой и неуживчивый. Совсѣмъ напротивъ, видно изъ всей его жизни, что его вездѣ любили за умѣніе обращаться съ людьми.

Вообще гораздо легче выставить на видъ свѣтлыя стороны его характера. Наиболѣе симпатичная изъ нихъ—его горячій патріотизмъ. Симонидъ былъ истымъ эллиномъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Его не ослѣплялъ партикуляризмъ, которымъ заражено было большинство эллинскаго общества. Онъ не отдавалъ преимущества одному какому нибудь изъ многочисленныхъ греческихъ государствъ въ отдѣльности, а восхвалялъ въ своихъ твореніяхъ всѣхъ эллиновъ безразлично въ ихъ славной борьбѣ съ восточными варварами. Даже аѳинянинъ Эсхилъ къ признанію своихъ же согражданъ не былъ въ состояніи воспѣть славу павшихъ при Мараѳонѣ аѳинянъ такъ хорошо, какъ сдѣлалъ это кеосскій поэтъ. Весьма многія изъ сохранившихся эпиграммъ, ему приписываемыхъ, посвящены восхваленію эллинскихъ героевъ знаменитой борьбы, изъ чего можно заключить, помимо вопроса о подлинности намъ сохранившихся эпиграммъ, что ихъ число было первоначально очень велико[2]). Можно смѣло назвать Симонида пѣвцомъ великой войны, хотя кромѣ упомянутой элегіи на павшихъ при Мараѳонѣ, насколько мы знаемъ, онъ ей не посвятилъ ни одного большого стихо-

---

[1]) Если ихъ считать подлинными.

[2]) Wilamowitz утверждаетъ (въ Gött. Gel. Anz. 1898, статья: Die simonideischen Epigramme), что будто бы впослѣдствіи эпиграммы, относящіяся къ персидскимъ войнамъ, приписывали Симониду, на этомъ только основаніи, что онъ былъ наиболѣе извѣстнымъ поэтомъ той эпохи. Должно предостеречь отъ обобщенія этой въ сущности правильной мысли.

творенія. Но свобода и независимость Греціи была куплена большими жертвами и къ чувству радости и торжества у современниковъ должно было присоединиться чувство печали по убитымъ врагами согражданамъ. Поэзія Симонида въ совершенствѣ выражала эти два противоположныя чувства. Большинство сюда относящихся эпиграммъ и отрывковъ выражаетъ печаль въ соединеніи съ утѣшеніемъ, что слава погибшихъ безсмертна[1]). Въ связи съ этимъ находится другая симпатичная черта въ характерѣ нашего поэта,—его умѣренное и трезвое міровоззрѣніе, σωφροσύνη, которую уже древніе[2]) въ немъ замѣтили. Онъ самъ воздерживается и другихъ предостерегаетъ отъ преувеличеній. Клеобула онъ, напр., порицаетъ за то, что онъ вѣрилъ въ вѣчность бронзоваго памятника: ἅπαντά ἐστι θεῶν ἥσσω—говоритъ поэтъ—все ниже боговъ; одни только боги вѣчны.—Этой чертой Симонидъ выгодно отличается, напр., отъ Пиндара, который, какъ извѣстно, обнаруживаетъ большую самонадѣянность. Но, тѣмъ не менѣе, поэтъ былъ очень чутокъ ко всему великому и прекрасному и среди смертныхъ. Вспомнимъ о сохранившемся намъ отрывкѣ въ честь, ѳермопильскихъ героевъ.

Изъ природной скромности Симонида проистекала его религіозность. Мы только что привели одно изъ его изреченій сюда относящихся. Намъ сохранились и другія: οὔτις ἄνευ θεῶν ἀρετὰν λάβεν—безъ помощи боговъ никто не совершилъ чего либо великаго, ибо только боги все знаютъ и все умѣютъ—θεὸς ὁ πάμμητις—и никогда не ошибаются: μηδὲν ἁμαρτεῖν ἔστι θεοῦ. Возникали иногда сомнѣнія въ чистосердечности поэта въ отношеніи религіи. Nageotte, напр., замѣчаетъ, что Симонидъ сравниваетъ въ одномъ отрывкѣ силу смертнаго съ силой полубога Геракла и, не ограничиваясь этимъ, объяв-

---

[1]) Flach выразилъ сомнѣніе, искренни ли были чувства, которыя Симонидъ выражалъ въ своей поэзіи (Griech. Lyrik II p. 646). Но въ другомъ мѣстѣ Flach говоритъ: bei Simonides spricht das Herz. (p. 629).

[2]) Aristides περὶ παραφθέγματος III p. 645.

ляетъ смертнаго даже болѣе сильнымъ[1]). Кромѣ того, измѣняя произвольно миѳы, онъ будто бы обнаружилъ какое то равнодушіе къ народнымъ вѣрованіямъ. Что касается нравственности поэта вообще, то Taccone (см. прим.) указываетъ на fragm. 5, что добродѣтель есть понятіе относительное и fragm. 199, что ни къ чему не слѣдуетъ относиться слишкомъ серьезно.—На это возразимъ слѣдующее. Религіозность Симонида уже въ древности признавалась всѣми. Ее, напримѣръ, подтверждаетъ Цицеронъ, упоминая разговоръ Гіерона съ Симонидомъ о божествѣ. Если поэтъ себѣ и позволилъ сравнить смертнаго съ Геракломъ, то это ничего не доказываетъ, это просто обыкновенная поэтическая гипербола, не возбудившая возраженія даже со стороны ἔφοροι τῶν ἀθλητῶν[2]).—Не говорятъ также ничего противъ нравственности Симонида и приведенныя мѣста у Taccone.—Въ 5-мъ отрывкѣ ἀρετή не значитъ добродѣтель вообще, а только превосходство надъ другими въ какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ. Извѣстно, что слово имѣетъ это значеніе весьма нерѣдко. Не должно понимать въ общемъ смыслѣ и изреченія въ 199 отрывкѣ. Это просто призывъ противъ пессимизма. Мы вообще не видимъ причины присоединиться къ ученымъ, объявляющимъ Симонида безнравственнымъ атеистомъ и скорѣе склонны утверждать противное.

Ни одна изъ указанныхъ положительныхъ сторонъ характера Симонида не доставила ему столь большой популярности среди современниковъ, какъ его остроуміе. Свидѣтельства о его бесѣдахъ со многими выдающимися современниками заставляютъ предполагать, что его цѣнили какъ остроумнаго собесѣдника. Конечно, содержаніе сообщаемыхъ бесѣдъ не всегда можетъ быть признано достовѣрнымъ, но фактъ бесѣдъ

---

[1]) Taccone, Bacchilide p. XLVIII называетъ это irreligiositá o almeno estrema leggerezza.—Онъ считаетъ Вакхилида болѣе религіознымъ, чѣмъ его дядю.

[2]) Лукіанъ εἰκόνες c. 19: οὔτε ἐκεῖνοι (οἱ ἔφοροι) ἠμύναντο τὸν ποιητὴν ὡς ἀσεβοῦντα περὶ τὸν ἔπαινον.

остается неопровержимымъ. Замѣтенъ также и общій характеръ ихъ. Симониду предлагали вопросы изъ области *практической* жизни. Въ немъ видѣли не только поэта, но и житейскаго мудреца. Платонъ назвалъ его σοφὸς ἀνήρ[1]), а въ новое время Лессингъ—греческимъ Вольтеромъ[2]). Многія изреченія его повторялись другими поэтами[3]). Можно даже считать Симонида за настоящаго философа. Во всякомъ случаѣ, сочиненія прежнихъ и современныхъ ему философовъ были ему знакомы[4]). Онъ полемизируетъ съ Питтакомъ и Клеобуломъ[5]). Съ главой секты элеатовъ, Ксенофаномъ, онъ, кажется, былъ знакомъ и лично. Но имѣлъ ли онъ самъ опредѣленное философское міросозерцаніе? Его воззрѣнія на физику, т. е. на возникновеніе міра, изъ прямыхъ свидѣтельствъ опредѣлить мы не имѣемъ болѣе возможности. Есть вѣроятность, что онѣ не отличались отъ народныхъ. Вѣдь мы знаемъ, что поэтъ былъ глубоко религіозенъ. На религіозности покоилась и его этика. Она была всецѣло основана на богобоязненности. Уже выше[1]) мы привели его изрѣченіе, какъ глубоко онъ сознавалъ ничтожество человѣка и всего человѣческаго сравнительно съ божествомъ. Только божество совершенно. Человѣкъ не можетъ быть добрымъ вполнѣ; онъ можетъ быть добрымъ только относительно. Вообще воззрѣнія Симонида на жизнь очень мрачны. Это вѣчное мученіе. Нѣтъ радости безъ горя[6]). Жизнь полна лишеній, а неизбѣжная смерть подкрады-

---

[1]) Ср. Cicero, de nat. deor. I 22: doctus sapiensque Simonides.

[2]) „Лаокоонъ" въ началѣ.

[3]) Напр. Еврипидъ „Орестъ" ст. 236 и 782=Симонидъ fragm. 76.

[4]) Такъ въ отр. 4 онъ приводитъ характерный для ученья философа Гераклита эпитетъ ἀέναος=вѣчно текущій.

[5]) Изреченія, приписываемыя этимъ мудрецамъ, которыя собралъ Dilthey (Darmstadt 1835), подложны, но это не исключаетъ предположенія, что такъ наз. семь мудрецовъ оставили какія нибудь сочиненія. Вѣдь одинъ изъ нихъ, Солонъ аѳинскій, былъ настоящимъ поэтомъ. Отрывки его стихотвореній дошли и до нашего времени.

[6]) Fragm. 61: ἀπήμαντον γὰρ οὐδὲν ἐν θνατοῖς

вается и внезапно все уничтожаетъ[1]). Она не щадитъ ни добродѣтели, ни могущества. Все низвергается въ одну и туже пучину и тамъ погибаетъ[2]). Помни, что ты человѣкъ! сказалъ будто бы Симонидъ возгордившемуся спартанскому царю Павзанію. Если въ дѣйствительности эти слова и не были произнесены[3]), то онѣ все же вполнѣ характерны для поэта и выражаютъ его міровоззрѣніе. Въ основѣ его лежитъ глубокій пессимизмъ. Мы хорошо понимаемъ, что стихи Симонида казались римскому поэту Катуллу верхомъ печали[4]). А Горацій называлъ его даже просто плакальщицей[5]). Но не подумаемъ, чтобы Симонидъ въ жизни не находилъ хорошихъ сторонъ. Онъ зналъ и цѣнилъ ея радости, благодаря которымъ люди хоть на короткое время забываютъ ея горести. Несчастенъ человѣкъ, поэтому, не знающій этихъ радостей[6]). Пессимизмъ не доводилъ поэта до отчаянія и не заставлялъ его ненавидѣть жизнь. Напротивъ, Симонидъ любилъ ее. Онъ былъ истиннымъ эллиномъ и притомъ іонійцемъ. Извѣстно, что жизнерадостность составляла особенную черту этого племени.

---

1) ὁ δ' ἄφυκτος ἐπικρέμαται θάνατος Fragm. 39.
2) Fragm. 35: πάντα γὰρ μίαν ἱκνεῖται δασπλῆτα χάρυβδιν.
3) Ср. стр. 24.
4) „Maestius lacrimis Simonideis“ говоритъ онъ.
5) Cea nenia—Carm. II 1, 3.
6) Τίς γὰρ ἁδονᾶς ἄτερ βίος ποθεινός;—Fragm. 71.

ГЛАВА II.

Поэзія Симонида.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію твореній кеосскаго поэта, о которыхъ намъ сохранились свѣдѣнія. Онъ несомнѣнно писалъ очень много; ему была дарована долгая жизнь и онъ писалъ до самаго ея конца. Въ виду этого должно показаться весьма страннымъ, что литературное наслѣдіе его въ настоящее время, столь незначительно. Намъ сохранились лишь короткіе отрывки изъ большихъ лирическихъ стихотвореній. Что касается эпиграммъ, сохранившихся подъ его именемъ, то онѣ почти всѣ неподлинны. Объяснить въ точности причину такого явленія, мы не имѣемъ возможности. Во всякомъ случаѣ тутъ не играло роли пренебреженіе потомства къ его твореніямъ сравнительно напр. съ произведеніями его соперника, Пиндара. Многія произведенія его племянника Вакхилида, поэта менѣе популярнаго, нежели онъ, недавно были вновь найдены въ относительной цѣлости. Мы склонны приписать потерю сочиненій Симонида просто случаю и весьма вѣроятно, что въ неисчерпаемой египетской сокровищницѣ древней письменности когда нибудь будутъ найдены его цѣльныя произведенія.—Ничего нельзя сказать и о времени утраты сочиненій Симонида. Несомнѣнно, что ихъ читали еще при Августѣ, напр. Горацій[1]). Читалъ ихъ еще и Юліанъ Отступникъ въ IV вѣкѣ. Ср. fragm. 26.

---

[1]) Съ характеромъ ихъ онъ былъ знакомъ, судя по выраженію Cea nenia. См. выше.

Свида въ X вѣкѣ намъ представляетъ перечисленіе видовъ поэзіи, въ которыхъ писалъ Симонидъ. Это перечисленіе основано на каллимаховыхъ πίνακες[1]). Свида зналъ такимъ образомъ о произведеніяхъ Симонида только косвеннымъ путемъ и трудно сказать, знакомы ли ему были какія нибудь изъ нихъ въ оригиналѣ. Сверхъ того и перечисленіе у Свиды не точно. Онъ говоритъ, что Симонидъ писалъ кромѣ *эпиникіевъ* еще *пэаны, гипорхемы, гимны, энкоміи и трэны*; далѣе такъ наз. *„трагедіи“, элегіи и эпиграммы*. Но мы знаемъ, что Симонидъ сочинялъ еще и *парѳеніи, сколіи и диѳирамбы*, такъ какъ намъ сохранились отрывки стихотвореній изъ этихъ видовъ поэзіи. Съ другой стороны странно, какъ Свида могъ заявлять, что Симонидъ писалъ трагедіи, тогда какъ драматическимъ поэтомъ его никто не считалъ въ древности. Изъ новыхъ ученыхъ G. Hermann допустилъ возможность признавать въ этихъ „трагедіяхъ“ Симонида настоящія драмы[2]). Другіе думали при этомъ о такъ наз. „лирическихъ“ трагедіяхъ. Но существованіе такихъ трагедій отрицается со времени статьи Hiller'а въ Hermes'ѣ 21 p. 357, который доказалъ, что гипотеза о существованіи лирическихъ трагедій основана на простомъ недоразумѣніи.—Мы думаемъ, что и не трудно объяснить, какимъ образомъ въ перечисленіе Свиды попали эти „трагедіи“. Страбонъ[3]) сообщаетъ, что Симонидъ сочинилъ между прочимъ *диѳирамбъ* подъ заглавіемъ „Мемнонъ“. Далѣе извѣстно, что Симонидъ сочинилъ другой диѳирамбъ подъ заглавіемъ „Европа“. Весьма вѣроятнымъ покажется, что Свида вмѣсто слова „диѳирамбы“ въ своемъ перечисленіи выставилъ слово „трагедіи“, если вспомнимъ, что вѣдь диѳирамбъ составлялъ первоначальную и простѣйшую форму трагедіи. Такая замѣна словъ могла произойти и не случайно. Въ подлинномъ диѳирамбѣ рѣчь шла только о

---

[1]) Ср. Daub въ Fleckeisens Jahrbücher XI Suppl. 1880 p. 427.
[2]) Opuscula VII p. 214.
[3]) P. 728.

божествѣ Діонисѣ. Показалось страннымъ, включить въ этотъ видъ поэзіи стихотворенія, въ которыхъ ничего не говорилось о божествѣ вина и слово „диѳирамбы“ въ перечисленіи Свиды, или, еще лучше сказать, Каллимаха, было замѣнено словомъ „трагедіи“[1]).

Изъ *пэановъ* Симонида, кажется, ничего не сохранилось. Bergk въ своемъ изданіи греческихъ лириковъ, правда, приписалъ одинъ отрывокъ, который встрѣчаемъ у Аристотеля Rhet. III 8, Симониду и призналъ его за отрывокъ пэана. Bergk при этомъ основывался на свидѣтельствѣ Юліана въ Epist. 24 p. 395 D. Юліанъ говоритъ въ указанномъ мѣстѣ, что Симонидъ даетъ Аполлону эпитетъ ἕκατος и притомъ въ пэанахъ.

Дѣйствительно въ означенномъ отрывкѣ Аполлонъ названъ ἕκατος; отсюда и выводъ Bergk'а. Но онъ забываетъ, что изъ словъ Юліана никакъ нельзя вывести, что одинъ только Симонидъ называлъ такъ Аполлона[2]). Это и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Уже Гомеръ употреблялъ этотъ эпитетъ. Не слѣдуетъ также изъ словъ Юліана, чтобы Симонидъ употреблялъ это слово *исключительно* въ пэанахъ.

Изъ *гипорхемовъ* сохранилось нѣсколько стиховъ, въ которыхъ скорая пляска сравнивается со скоростью[2]) собаки, преслѣдующей оленя. Изъ *гимновъ* сохранилось три стиха, кромѣ того мы знаемъ три заглавія: въ честь Посидона, въ честь Зевса и въ честь Вѣтра. Послѣднее стихотвореніе Гимерій, упоминающій его, собственно не называетъ гимномъ, а просто пѣснью (ᾠδή). Bergk изъ этого заключилъ, что Гимерій не подразумѣвалъ здѣсь особаго стихотворенія, а просто обращеніе

---

[1]) Иное объясненіе даетъ Immisch (въ Rhein. Museum т. 44 стр. 556). Онъ тоже предполагаетъ неточность выраженія у Свиды, но напоминаетъ объ употребленіи слова τραγῳδία въ болѣе широкомъ значеніи *пѣсни* вообще. Въ новогреческомъ языкѣ, какъ извѣстно, это значеніе слова (въ формѣ τραγούδι) даже совсѣмъ вытѣснило первоначальное. Immisch думаетъ, что Свида этимъ словомъ означаетъ *мелическую поэзію* Симонида вообще. Съ Immisch'емъ согласенъ и Daub въ Jahrb. f. Philologie 1881 S. 250.

[2]) Fragm. 29 и 30.

къ Вѣтру въ какомъ нибудь стихотвореніи, видъ котораго намъ не сообщается. Wilamowitz высказалъ догадку, что это обращеніе встрѣчалось въ стихотвореніи, въ которомъ поэтъ воспѣлъ битву при Артемисіонѣ. Вѣдь было преданіе, что самъ Борей помогъ аѳинянамъ въ этой битвѣ[1]). На нашъ взглядъ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы признать эти догадки за истину[2]).—Въ виду того, что въ гимнѣ въ честь Посидона встрѣчалось выраженіе πάγχρυσον δέρας, можно думать, что въ гимнахъ Симонида игралъ роль миѳъ, подобно какъ напр. въ такъ наз. гомеровскихъ. Въ нашемъ случаѣ подобной вставкой былъ, очевидно, миѳъ объ Аргонавтахъ.

Боговъ прославлялъ Симонидъ еще въ одномъ видѣ поэзіи, котораго Свида совсѣмъ не упоминаетъ. Схоліастъ къ Одиссеѣ ζ 164 сообщаетъ, что описаніе путешествія Менелая съ Одиссеемъ на островъ Делосъ, къ Анію, встрѣчалось и у Симонида въ его κατευχαί. Schneidewin предположилъ, что схоліастъ выразился неточно; онъ подразумѣвалъ гимны, ибо κατευχαί по значенію тоже, что ὕμνοι. Того же мнѣнія держится и Croiset въ своей Histoire de la litterature grecque. Подобнымъ образомъ Flach думаетъ, что κατευχαί тоже, что пэаны. Какъ въ послѣднихъ поэтъ обращается къ Аполлону, такъ въ κατευχαί онъ обращается къ другимъ богамъ. Мы считаемъ эти предположенія и толкованія слова κατευχαί неправильными. Слово это едва ли обозначаетъ молитву. Предлогъ κατά выражаетъ скорѣе враждебное настроеніе. Скорѣе должно предположить, что κατευχή означаетъ—проклятіе, подобно какъ и латинскій глаголъ devoveo. Вѣроятно, въ стихотвореніи, о которомъ говоритъ схоліастъ, была рѣчь о проклятіяхъ, которыя произносилъ обиженный—тема очень распространенная, какъ кажется, въ александрійскую эпоху[3]).

---

[1]) Göttinger Gelehrte Anzeigen 1897. Seite 322.

[2]) Также неопредѣленно, какъ и Гимерій, Платонъ называетъ отрывокъ Симонида на ѳермопильскихъ героевъ ᾆσμα, между тѣмъ какъ это, мы думаемъ, ϑρῆνος.

[3]) Мы думаемъ о такъ наз. ἀραί. Ср. E. Oppenheim въ Wiener Studien 1908 S. 146.

Возможно, что схоліастъ ошибся и стихотвореніе какого нибудь поэта александрійской эпохи приписалъ древнему Симониду. Таково мнѣніе и Bergk'а. Онъ думаетъ, что схоліастъ смѣшалъ Симонида съ поэтомъ александрійской эпохи, Симміемъ[1]).

Подобно тому, какъ Симонидъ въ гимнахъ, гипорхемахъ пэанахъ и диѳирамбахъ воспѣвалъ боговъ, такъ онъ воспѣвалъ смертныхъ въ *трэнахъ* (плачахъ), *эпиникіяхъ* и *энкоміяхъ*.

Слово ἐγκώμιον есть производное отъ κῶμος, что означало первоначально шествіе, процессія[2]). Пѣсни, пѣвшіяся на этихъ торжественныхъ процессіяхъ, собственно энкоміи, имѣли отношеніе къ чествуемому лицу и восхваляли его. Слово ἐγκώμιον получило постепенно такимъ образомъ значеніе хвалебной пѣсни вообще. Тогда появились разные виды энкоміевъ, смотря по мотиву и обстановкѣ торжества. Явились энкоміи застольныя, за которыми осталось по преимуществу это наименованіе, такъ какъ конецъ пира также назывался κῶμος. Были хвалебныя пѣсни по случаю побѣды на національныхъ играхъ а также на погребеніяхъ, когда восхвалялся усопшій. Первыя энкоміи назывались эпиникіями, а вторыя тренами. Что тренъ былъ разновидностью энкоміона видно напр. изъ того, что Діодоръ, напримѣръ, фрагментъ, относящійся къ геройской смерти защитниковъ Ѳермопилъ, называетъ энкоміономъ, между тѣмъ какъ это тренъ. Что касается эпиникіевъ, то ихъ хотѣли отличать отъ собственно энкоміевъ, предполагая, что послѣднія пѣлись во время процессіи, а первыя въ храмѣ. Но доказать непосредственно это различіе нельзя, а основано оно только на этимологіи слова ἐγ-κώμιον т. е. на связи его съ корнемъ κόμ—идти. Между тѣмъ мы только что замѣтили, что слово κῶμος, содержа тотъ же корень, могло и не имѣть отношенія къ движенію; оно означало просто веселый конецъ пиршества. Вообще по вопросу, къ какому виду лирики должно отнести

---

[1]) Ad fragm. 24.

[2]) ἴ—κόμην ср. нѣм. *kommen*.

тотъ или иной отрывокъ поэзіи Симонида, ученые нерѣдко расходились въ своихъ мнѣніяхъ. Такъ, стихотвореніе, упоминаемое Платономъ въ Протагорѣ, и которое онъ просто называетъ ᾆσμα, Bergk называетъ эпиникіемъ, а Blass сколіемъ. Наоборотъ, Bergk называетъ стихотвореніе въ честь Ксенократа, побѣдителя на истмійскихъ и на пиѳійскихъ играхъ,—энкоміемъ и совершенно непонятно, почему онъ не хотѣлъ считать его за эпиникій.

Эпиникіи Симонида, подобно таковымъ же Пиндара, въ позднѣйшихъ изданіяхъ распредѣлялись сообразно различнымъ видамъ состязаній напр. τεθρίππων, ἀπήνῃ, πένταθλον и т. под. Неизвѣстно, существовало ли наравнѣ съ этимъ подраздѣленіемъ и подраздѣленіе по *мѣсту* побѣды.—Въ изданіи отрывковъ Симонида у Bergk'а пять отрывковъ можно съ увѣренностью отнести къ эпиникіямъ. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно отнести сюда же еще четыре отрывка. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ рѣчь идетъ о рожденіи Гермеса (Fragm. 18), изъ чего можно заключить, что въ эпиникіяхъ Симонида, подобно какъ и въ эпиникіяхъ Пиндара роль игралъ миѳъ.

Въ *трэнахъ* Симонидъ оплакивалъ смерть или отдѣльнаго лица или цѣлой группы лицъ. Намъ сохранилось два отрывка, одинъ на гибель Скопадовъ въ Ѳессаліи, другой на какихъ то намъ неизвѣстныхъ лицъ. Стобей сохранившій намъ этотъ отрывокъ просто говоритъ—Σιμωνίδου θρήνων. Сверхъ того къ трэнамъ можно отнести отрывокъ на павшихъ при Ѳермопилахъ. По мнѣнію издателей отрывковъ Симонида, такъ называемая жалоба Данаи тоже стояла въ трэнѣ. Мы себѣ позволяемъ на этотъ счетъ сомнѣніе. Нѣтъ никакихъ основаній считать этотъ отрывокъ за трэнъ; вѣдь здѣсь не оплакивается чья либо смерть. Мы думаемъ, что отрывокъ стоялъ въ какомъ нибудь эпиникіи, въ который былъ вставленъ миѳъ о Персеѣ. Вѣроятно, воспѣваемый побѣдитель происходилъ изъ Аргоса, гдѣ этотъ миѳъ былъ мѣстнымъ.—Сомнительно также, должно ли отнести къ трэнамъ два отрывка, въ которыхъ

рѣчь идетъ о непрочности всего земного. Итакъ видно, какъ трудно бываетъ относить отрывки Симонида къ тому или другому виду лирики, если намъ не сохранилось въ этомъ отношеніи прямыхъ свидѣтельствъ и приходится руководствоваться только содержаніемъ. Такимъ образомъ Bergk даже относительно почти половины отрывковъ, намъ сохранившихся, т. е. 41, оставилъ вопросъ открытымъ. Онъ озаглавилъ эту группу—ἐξ ἀδήλων εἰδῶν.—Мы думаемъ, впрочемъ, что онъ поступилъ слишкомъ осторожно. Такъ почти съ увѣренностью можно сказать, что первый отрывокъ этой группы стоялъ въ эпиникіи, въ которомъ былъ вставленъ миѳъ объ Аргонавтахъ. Сюда же относился и слѣдующій отрывокъ.—Далѣе, мы согласны съ Schneidewin'омъ, который думаетъ, что этотъ отрывокъ непосредственно предшествовалъ отрывку подъ № 12 (у Bergk'а). Такъ какъ мы имѣемъ свидѣтельство, что этотъ послѣдній отрывокъ стоялъ въ эпиникіи на побѣду въ пентатлонѣ[1]), то всѣ три отрывка взяты изъ одного и того же стихотворенія.—Миѳъ объ Аргонавтахъ, впрочемъ, встрѣчался и въ другихъ стихотвореніяхъ Симонида, напр. въ гимнѣ въ честь Посидона.

Отъ *пароеній* и *просодій* Симонида намъ ничего не сохранилось; ихъ упоминаетъ Плутархъ въ de musica 17 вмѣстѣ съ таковыми же Вакхилида и Алкмана.

Къ *сколіямъ* относили еще въ древности отрывокъ nr. 37, хотя онъ скорѣе стоялъ въ эпиникіи.

За то мы бы предположили, что отрывокъ о Кріѣ (nr. 13) стоялъ въ какомъ нибудь сколіѣ.

Кромѣ лирическихъ произведеній, предназначенныхъ для пѣнія, въ литературномъ наслѣдіи поэта были и предназначенныя для рецитаціи. Мы разумѣемъ его *элегіи*. Онъ пользовался также славой какъ элегикъ. Элегіей на павшихъ при Мараѳонѣ онъ побѣдилъ въ поэтическомъ состязаніи Эсхила. Кажется и вообще его элегіи главнымъ образомъ касались

[1]) Bekker, Anecdota I 377.

событій греко-персидской войны. Дѣйствительно изъ сохранившихся намъ отрывковъ его элегій два относятся къ битвѣ при *Мараѳонѣ* и пять къ битвѣ при *Платеѣ*. Сверхъ того мы имѣемъ свѣдѣніе, что существовала его элегія на битву при *Саламинѣ*.

Особой славы достигъ Симонидъ своими *эпиграммами*. Конечно нужно признаться, что свѣдѣніе наше объ этомъ фактѣ основано на свидѣтельствахъ относительно позднихъ[1]), а большинство эпиграммъ, намъ сохранившихся и ему приписываемыхъ, несомнѣнно не принадлежитъ ему, но вѣдь ясно, что, если бы Симонидъ не былъ знаменитъ своими эпиграммами, ему бы не приписали ихъ въ такомъ выдающемся числѣ.

Хотя эпиграммы приписывались и многимъ другимъ поэтамъ, но никому не въ такомъ числѣ, какъ Симониду. Притомъ большинство эпиграммъ приписано ему въ эпоху болѣе древнюю, чѣмъ намъ сохранившіяся свидѣтельства объ его славѣ какъ поэта эпиграмматика[2]).

Опредѣлить поэтическій характеръ эпиграммъ Симонида въ высшей степени трудно. Мы только что замѣтили, что большая часть ему приписываемыхъ эпиграммъ завѣдомо неподлинна. Что касается остальной части, то и здѣсь много неподлинныхъ. Вообще рѣшеніе вопроса, принадлежитъ ли дѣйствительно, или не принадлежитъ данная эпиграмма поэту, которому она приписывается въ преданіи, относится безспорно къ труднѣйшимъ задачамъ филологіи. Вѣдь объемъ этихъ стихотвореній до такой степени малъ, что опредѣлить ихъ принадлежность, основываясь на языкѣ и характерѣ из-

---

[1]) Собственно „классики“ молчатъ объ этомъ. Наши свидѣтели: *Аристидъ* (2-ой вѣкъ нашей эры), *Свида* (10-ый вѣкъ) и *Цецесъ* (12-ый вѣкъ). Свидѣтельства поэтовъ древнѣе: *Ѳеодоридъ* и *Мнасалкъ* (3-ій в. до Р. Х.). Ср. *Boas*, de Epigramm. Simonideis p. 225.

[2]) Иные новые ученые, какъ напр. *Kaibel* и *Wilamowitz*, высказали свое сомнѣніе, слѣдуетъ ли даже вообще считать Симонида эпиграмматикомъ. Другіе держаться мнѣнія, которое мы высказываемъ въ текстѣ (ср. *Bergk* PLG III p. 491 и *Boas* l. l.).

ложенія, почти невозможно[1]). Несмотря на это во всей массѣ приписанныхъ Симониду эпиграммъ (около 100) замѣчается черта, свойственная почти всѣмъ,—торжественная *серьезность*. Это большей частью надгробныя или посвятительныя эпиграммы. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ попадаются, правда, и сатирическія стихи. Сюда относятся эпиграммы на родосскаго поэта Тимокреонта, о которомъ мы уже говорили. Но наиболѣе извѣстны изъ эпиграммъ Симонида это тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ восхваляетъ героевъ грекоперсидскихъ войнъ и въ особенности сочиненныя въ честь героевъ Ѳермопилъ.

Интересенъ вопросъ, какъ могли такія незначительныя по объему стихотворенія доставить особую славу ихъ автору? Не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Сочиненіе эпиграммъ требовало особаго оригинальнаго искусства, которымъ владѣетъ не всякій поэтъ. Въ эпоху Симонида этотъ видъ поэзіи сохранялъ еще свой первоначальный характеръ поэзіи надписей. Такія надписи не должны были, конечно, превышать извѣстный объемъ отчасти по ограниченности мѣста на гробницѣ или на предметѣ посвящаемомъ, а частью и по чисто эстетической причинѣ. Вѣдь слишкомъ длинная надпись неумѣстна на памятникѣ, который прежде всего долженъ говорить самъ за себя. Это замѣтилъ и Платонъ, опредѣляя наибольшій объемъ стихотворенія, предназначеннаго служить надгробіемъ, именно: четыре стиха[2]). Въ такомъ ограниченномъ объемѣ поэтъ долженъ былъ многое выразить; во первыхъ: точное сообщеніе о поводѣ сооруженія памятника, а во вторыхъ оцѣнить событіе такъ, чтобы опроизвести возможно большее впечатлѣніе на читателей. Приходилось бороться съ значительными трудностями. Была, напримѣръ, необходимость упоминать имена, а таковыя не всегда легко укладывались въ размѣръ. Такъ имя Аристогитона Симониду пришлось раздѣлить между двумя строчками: Ἀριστο-γείτων. Сверхъ того и

---

[1]) О методѣ, предложенномъ Boas'омъ см. ниже.
[2]) Cicero, de legibus 2, 27.

вообще многое въ самыхъ фактахъ могло быть непоэтичнымъ; напримѣръ, цифры. Дѣйствительно, во многихъ эпиграммахъ, приписываемыхъ Симониду, замѣтна нѣкоторая сухость. Но это не должно служить единственной причиной отвергать ихъ подлинность, какъ думали Hauvette и Kaibel. Слѣдующая эпиграмма, напримѣръ, имѣетъ очень прозаическій видъ: Миконъ расписалъ правую половинку дверей, а правую *для выходящихъ* Діонисій. Но и здѣсь замѣтно искусство поэта. Чтобы сдѣлать интереснѣе прозаическія выраженія: правая и лѣвая половинка дверей, поэтъ ввелъ картину входящихъ и выходящихъ людей. Очевидно, Симонидъ отличался особенно своимъ искусствомъ сочинять краткія, но за то сильныя эпиграммы. Какъ образцы подобныхъ эпиграммъ издавна приводятъ извѣстныя эпиграммы въ Ѳермопилахъ. Въ каждой изъ нихъ заключается глубокая мысль.

Въ эпиграммѣ на союзниковъ выставляется на видъ малочисленость грековъ сравнительно съ массой варваровъ, что имъ не помѣшало однако храбро начать бой за отечество. Итакъ, основная мысль эпиграммы—*патріотизмъ*. Не менѣе возвышенное чувство выражаетъ эпиграмма на Леонида и его сподвижниковъ. Отечество имъ поручило защищать ѳермопильскій проходъ. Они повиновались. Правда, не смотря на это врагъ вторгся въ сердце Эллады, но никто не могъ ихъ обвинить въ томъ, что они пренебрегли своей обязанностью. *Вѣрность долгу*, вотъ что воспѣвается въ эпиграммѣ и глубоко трогательна просьба, обращенная къ путнику. Пусть онъ принесетъ въ Спарту печальное извѣстіе о взятіи Ѳермопилъ; изъ ихъ защитниковъ этого сдѣлать не можетъ никто, ибо они вѣрные своему долгу легли на мѣстѣ всѣ. Превосходство эпиграммы замѣтно и при сравненіи съ многочисленными ея подражаніями въ антологіи[1]). Наконецъ въ эпиграммѣ въ честь Мегистія, личнаго друга нашего поэта, прославляется его *самопожертвованіе*, которое было тѣмъ слав-

[1]) Anthol. Pal. VII nr. 499, 500, 502, 522, 540, 544, 631 и 718,

нѣе, что онъ, какъ прорицатель, по мнѣнію Симонида, могъ предвидѣть неизбѣжность гибели и тѣмъ не менѣе до конца выдержалъ при своемъ другѣ, спартанскомъ царѣ.

Итакъ въ трехъ ѳермопильскихъ эпиграммахъ воспѣваются три одинаково благородныя чувства: патріотизмъ, вѣрность долгу и дружба. Вообще замѣчаемъ, что поэтъ умѣлъ въ эпиграммахъ подводить данный фактъ подъ какую нибудь общую мысль. Такъ напр., въ эпиграммѣ nr. 101 (Bergk) съ фактомъ побѣды аѳинянъ надъ персами связывается мысль о печальной судьбѣ побѣжденныхъ, которой греки избѣгли, именно благодаря этой побѣдѣ.

Свида, схоліастъ къ Осамъ Аристофана ст. 1440 и Евдокія Fl. 882 сообщаютъ, что Симонидъ сочинилъ стихотвореніе на *дорійскомъ* діалектѣ, подъ заглавіемъ: *Правленіе Камбиса и Дарія,* (γέγραπται αὐτῷ δωρίδι διαλέκτῳ ἡ Καμβύσου καὶ Δαρείου βασιλεία). Это темное свидѣтельство вызвало много попытокъ толкованія. Историкъ греческой лирики Ulrici предложилъ даже цѣлыхъ три гипотезы: что это было стихотвореніе на побѣду при Мараѳонѣ, или что рѣчь идетъ только объ *эпизодѣ* въ какомъ нибудь другомъ стихотвореніи, или, наконецъ, что Симонида смѣшали съ его внукомъ, генеалогомъ Симонидомъ. Schneidewin, отрицая особенно рѣшительно послѣднюю гипотезу, предполагалъ, что это было стихотвореніе, въ которомъ Симонидъ описывалъ безчеловѣчную жестокость упомянутыхъ персидскихъ царей съ цѣлью побудить эллиновъ тѣмъ энергичнѣе отстаивать свою свободу противъ этихъ царей. Всѣ эти предположенія оставляютъ необъясненнымъ фактъ, что стихотвореніе было написано на *дорійскомъ* діалектѣ. На этомъ діалектѣ могъ писать или поэтъ доріецъ по происхожденію, или же поэтъ, принадлежащій и къ какому нибудь другому греческому племени, но исключительно только стихотвореніе, относящееся къ области *хоровой лирики*, какъ того требовалъ установившійся обычай. Но правленіе упомянутыхъ персидскихъ царей едва ли могло служить сюжетомъ для хоровой пѣсни. Вѣроятнѣе всего, что Симонидъ только *упомянулъ*

правленіе Камбиса и Дарія въ какомъ либо изъ своихъ стихотвореній. Впрочемъ есть возможность допустить, что это сдѣлалъ не Симонидъ, а его противникъ Пиндаръ. У Евстаѳія[1]) мы читаемъ, что Симонидъ и Пиндаръ упоминаютъ тѣже самыя дѣянія, потому что первый воспѣлъ сраженіе при Саламинѣ, а второй правленіе *Кадма.* Такъ какъ очевидно, что эти два факта между собой ничего не имѣютъ общаго, а это не вяжется съ словами Евстаѳія, то уже давно въ данномъ мѣстѣ предполагали порчу текста. Schneider читалъ вмѣсто Κάδμου—Δαρείου, Westermann - Ξέρξου а Boeckh—Καμβύσου, что еще вѣроятнѣе, наиболѣе подходя къ начертанію традиціи. Итакъ упоминаніе Καμβύσου βασιλεία должно предположить въ какомъ нибудь, намъ не сохранившемся стихотвореніи *Пиндара* и что двухъ поэтовъ смѣшали, что весьма возможно, такъ какъ ихъ имена очень часто упоминались рядомъ[2]).

Наконецъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что Симонидъ сочинялъ *загадки, импровизаціи* и какой то μακρὸς λόγος. Аристотель такъ говоритъ объ этомъ[3]): все это не имѣетъ смысла и само себѣ противорѣчитъ; сюда относится и „длинная рѣчь" Симонида. Бываетъ вѣдь длинная рѣчь рабовъ, когда они не говорятъ ничего разумнаго.—Александръ изъ Афродисіи (p. 797 Bonitz) замѣчаетъ по поводу этого мѣста Аристотеля, что Симонидъ въ своихъ ἄτακτοι λόγοι подражалъ рабамъ, извиняющимся передъ своимъ господиномъ въ какомъ нибудь проступкѣ, и изображалъ ихъ говорящими долго и много, но ничего достовѣрнаго и запутывающимися въ противорѣчіяхъ.—Отъ этого сочиненія намъ не сохранилось ни отрывковъ, ни даже точнаго заглавія (μακρὸς λόγος *или* ἄτακτοι λόγοι).—Быть можетъ

[1]) Opuscula p. 587.

[2]) Ср. *Boas,* de epigramm. Simonideis p. 227 прим.—*Bernhardy* и *Bergk* предполагали, что первоначально *правленіемъ перс. царей опредѣлялось время жизни Симонида, а затѣмъ по недоразумѣнію ему приписали стихотвореніе, описывающее правленіе этихъ царей.*—Но при чемъ же тутъ дорійскій діалектъ?

[3]) Fragm. 162 Gaisford.

Schneidewin правъ, предполагая, что то былъ *мимъ*[1]). Вѣдь этотъ видъ поэзіи развился въ Ю. Италіи и Сициліи и Симониду легко могла придти на умъ мысль, во время его пребыванія въ этихъ странахъ, испытать свои силы и въ этомъ видѣ поэзіи. Тогда жилъ еще Эпихармъ въ Сиракузахъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Симонидъ повстрѣчался съ этимъ поэтомъ, который въ своихъ мимахъ описывалъ характерныя особенности разныхъ классовъ населенія, напр. крестьянъ. И Симонидъ могъ написать мимъ, въ которомъ изображалъ особенности характера рабовъ, подъ заглавіемъ: ἄτακτοι λόγοι scl. δούλων. Впрочемъ Schneidewin, допуская, что мы имѣемъ дѣло съ мимомъ, высказывается вмѣстѣ съ Welcker'омъ за то, чтобы приписать его не нашему Симониду, а соименному поэту изъ Аморга, извѣстному сатирику.

Симониду приписывались двѣ загадки въ стихахъ, которыя читаемъ у Аѳенея, почерпнувшаго ихъ изъ соч. Хамэлеонта. Что онѣ не могли принадлежать нашему поэту въ дѣйствительности видно уже изъ того, что онѣ, кажется, содержатъ намеки на аттическихъ поэтовъ второй половины 5-го и начала 4-го вѣка[2]). Объясненіе этихъ загадокъ (γρῖφοι) даетъ Reitzenstein (Epigramm und Skolion p. 116)[3]). Они возникли или на пиршествахъ, гдѣ было обычаемъ развлекаться загадками, или же въ риторическихъ школахъ. Весьма вѣроятно, что въ этихъ школахъ возникли и импровизаціи, также приписываемыя Симониду. Вѣдь здѣсь однимъ изъ обычныхъ упражненій было: отвѣтить на вопросъ, что бы сказала какая нибудь знаменитость въ томъ или иномъ случаѣ.

Едва ли существовало полное изданіе сочиненій Симонида, сдѣланное имъ самимъ. Это не было тогда въ обычаѣ. Ничего нельзя сказать опредѣленнаго также о томъ, существовало ли

---

1) Rhein. Mus. VII 460.

2) Софоклъ и Каркинъ младшій.

3) Ср. нашъ комментарій къ отр. Симонида nr. 172 и 173 ниже.

вообще когда либо полное изданіе твореній нашего поэта. Что *Палэфатъ* писалъ ὑποθέσεις къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ отнюдь не доказываетъ, чтобы онъ издалъ *всего* Симонида[1]).

Конечно, можно думать, что александрійскіе филологи, издававшіе Пиндара, не оставили вниманіемъ и его знаменитаго соперника[2]), но повторяемъ: прямыхъ доказательствъ существованія въ древности полнаго изданія сочиненій нашего поэта у насъ не имѣется. Несомнѣнно только, что существовалъ Сборникъ мелкихъ его стихотвореній или по крайней мѣрѣ ему приписываемыхъ. Мы разумѣемъ эпиграммы. Вопросъ о времени возникновенія этого Сборника особенно подробно разбиралъ M. Boas[3]) и пытался поставить его на строго научную почву.

Онъ возражаетъ Preger'у, который думалъ, что будто бы авторъ перваго сборника эпиграммъ Симонида, путешествуя по Греціи, лично установилъ, какія изъ эпиграммъ, вырѣзанныхъ на памятникахъ разнаго рода, дѣйствительно принадлежали Симониду. Новыя находки показали, что многія изъ приписываемыхъ ему эпиграммъ никогда не были вырѣзаны на памятникахъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ были найдены, а эпиграммъ на нихъ не оказалось[4]). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ можно замѣтить, что авторъ сборника не приводилъ эпиграмму въ той формѣ, въ какой она дѣйствительно стояла на памятникѣ, а въ иной формѣ, въ какой онъ ее нашелъ въ литературномъ преданіи. Сборникъ[5])

---

[1]) Suidas s. v.—Изъ комбинаціи свѣдѣній, что Хамэлеонтъ написалъ толкованія къ стихотвореніямъ Симонида и что тотъ же Хамэлеонтъ написалъ жизнеописаніе Симонида, можно, конечно, заключить, что Хамэлеонтъ издалъ и текстъ стихотвореній; но такой выводъ нисколько не обязателенъ. Ср. Аѳеней p. 456 C.

[2]) Діонисій Галикарнасскій (π. συνθ. ὀνομ. c. 26) сообщаетъ, что *Аристофанъ Византійскій* опредѣлялъ стихотв. размѣры произведеній Симонида. Можно думать, что онъ ихъ издавалъ.

[3]) Въ „de epigrammatis Simonideis". Groningae 1905.

[4]) Ср. напр. nr. 141 Bergk.

[5]) Boas называетъ его Sylloge. Этимъ словомъ мы также для краткости будемъ обозначать *античный* сборникъ эпигр. Симонида.

былъ составленъ *послѣ* появленія риторики Аристотеля[1]). Эпигр. nr. 163 приводится здѣсь безъ имени автора, между тѣмъ какъ въ Anthologia Palatina она приписана Симониду и слѣдов. стояла въ Сборникѣ. Это terminus post quem для Boas'a. Terminus ante quem для него: появленіе историч. труда Тимея; этому писателю уже сборникъ эпиграммъ Симонида былъ несомнѣнно знакомъ[2]).

Итакъ Сборникъ появился между 335 и 330 годами. Авторомъ его былъ вѣроятно какой нибудь перипатетикъ. Подобнымъ образомъ вѣдь *перипатетикъ* Димитрій Фалерейскій издалъ Сборникъ басенъ Эзопа[3]).—Сборникъ эпиграммъ Симонида въ гелленистическую эпоху былъ включенъ Мелеагромъ въ его большой сборникъ эпиграммъ различныхъ авторовъ т. е. въ Στέφανος. Онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ эпиграммѣ, стоявшей въ началѣ сборника и намъ сохранившейся въ Anthol. Palatina VI 1, 8: νέον οἰνάνθης κλῆμα Σιμωνίδεω. Изъ слова κλῆμα должно однако заключить, что сборникъ эпиграммъ Симонида былъ включенъ Мелеагромъ въ Στέφανος не цѣликомъ, а лишь отчасти. Въ антологіи Константина Кефалы эта часть сборника эпиграммъ Симонида была сокращена во второй разъ. Наконецъ дальнѣйшему сокращенію сборникъ подвергся въ дошедшемъ до насъ большомъ сборникѣ греческихъ эпиграммъ, въ такъ наз. палатинской антологіи.

---

[1]) Вопреки мнѣнію Kaibel'я, Reitzenstein'a и другихъ.

[2]) Это доказывается изслѣдованіемъ традиціи эпигр. nr. 137 B. (de epigr. Simonid. p. 47).

[3]) *Sitzler* въ Bursians Jahresberichte 1907 стр. 192 утверждаетъ, что Сборникъ былъ составленъ самимъ Симонидомъ. Вотъ его аргументація: откуда могъ Өукидидъ знать эпигр. no. 138? На памятникѣ онъ ее не могъ прочесть, ибо она не стояла на таковомъ. Изъ какого нибудь писателя онъ тоже ее не могъ знать, потому что никакой писатель не могъ ее сообщить. Остается, что онъ зналъ ее только изъ Сборника и притомъ составленнаго самимъ поэтомъ.—Въ лучшемъ случаѣ изъ соображеній Sitzler'a слѣдуетъ, что Сборникъ могъ существовать уже ранѣе эпохи Өукидида т. е. еще въ началѣ 5-го вѣка, еще при жизни Симонида. Все же отъ этого далеко до утвержденія, что онъ былъ составленъ самимъ поэтомъ.

Здѣсь эпиграммы Симонида, заимствованныя изъ сборника перемѣшаны съ эпиграммами, которыя сохранились также у различныхъ авторовъ, какъ цитаты. Изъ этихъ послѣднихъ однѣ авторамъ были извѣстны также изъ сборника эпигр. Симонида, а другія изъ другихъ источниковъ. Послѣднія Boas означаетъ литерой A т. е. auctores, а первыя литерой S (т. е. Sylloge). Отличить эту группу отъ группы A можно, обращая вниманіе на разницу въ чтеніи отдѣльныхъ словъ. Далѣе, Boas замѣчаетъ, что эпиграммы, приписываемыя Симониду, не разсѣяны въ одиночку по всей антологіи, а встрѣчаются цѣлыми группами. Это и есть будто бы остатки Sylloge. Наконецъ, должно принять въ соображеніе подражаніе эпиграммамъ Симонида у александрійскихъ поэтовъ. Изъ нихъ Мнасалкъ несомнѣнно пользовался Sylloge. Такъ, въ эпиграммѣ A. P. VII 242 онъ вставляетъ выраженія изъ трехъ эпиграммъ, о которыхъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что онѣ были включены въ Sylloge (nr. 92, 99 и 100)[1]. Такимъ образомъ на основаніи подражанія Мнасалка можно приписать Sylloge еще двѣ эпиграммы: A. P. VII 512 и XIII 26[2]).

Основываясь на этихъ трехъ принципахъ, Boas съ большей или меньшей увѣренностью приписываетъ намъ сохранившіяся въ антологіи эпиграммы *первоначальному* сборнику эпиграммъ Симонида. Съ этимъ *отчасти* связанъ вопросъ о подлинной принадлежности эпиграммъ нашему поэту. Мы думаемъ, впрочемъ, что не должно придавать этому факту особеннаго значенія. Дѣйствительно, если признать, что сборникъ былъ составленъ около 400 года или между 335 годомъ и 300-мъ до Р. Х., а до тѣхъ поръ принадлежность той или другой эпиграммы Симониду опредѣлялась только путемъ устнаго преданія, то авторитетъ этого предполагаемаго сборника едва

---

[1]) Boas p. 292. Этимъ доказывается правильность утвержденія Θеодорида (A. P. XIII 21), что Муза Мнасалка была ἀποσπάραγμα τᾶς Σιμωνίδεω πλάθας (отъ πλάσσω, по Boas'y).

[2]) Boas p. 184—Очевидно, какъ сомнительны и шатки такія заключенія.

ли былъ великъ въ насъ интересующемъ вопросѣ. Вѣдь устное преданіе объ этомъ по прошествіи 60 и 150 лѣтъ по смерти поэта, нужно признаться, было очень ненадежнымъ и сбивчивымъ источникомъ. Остроумное возстановленіе Sylloge, на которое голландскій ученный потратилъ очень много труда, практическаго значенія, для насъ по крайней мѣрѣ, почти не имѣетъ. Около 400 года также мало знали о подлинности эпиграммъ Симонида, какъ и мы въ настоящее время.—Самое возстановленіе сборника у Boas'а далеко не точно. Онъ самъ выражается, что изъ приписываемыхъ въ нашихъ источникахъ Симониду эпиграммъ въ этомъ сборникѣ стояло тридцать четыре, какъ это навѣрное можно сказать или же *съ нѣкоторой вѣроятностью* (certum vel *probabile* est)[1]).

Впрочемъ, даже допуская, что та или другая эпиграмма и стояла въ этомъ античномъ сборникѣ, то, какъ мы только что сказали, мы никакъ не можемъ изъ этого вывести заключеніе, что она дѣйствительно принадлежала Симониду. Boas, напр., самъ выражается, что такихъ эпиграммъ въ сборникѣ было очень мало (perpauca—p. 250). Именно онъ признаетъ подлинными только *одинадцать*[2]). Изъ другихъ ученыхъ, занимавшихся интереснымъ вопросомъ о подлинности эпиграммъ Симонида, *Setti* призналъ подлинными *двадцать одну* эпиграмму[3]), *Hauvette*—*двадцать*[4]) эпиграммъ, а *Stadtmüller*[5]) изъ сохранившихся въ антологіи—*десять*.—Еще меньше число эпиграммъ, относительно подлинности которыхъ *всѣ* ученые между собой согласны. Ихъ только *двѣ:* nr. 92 и 94.

Въ дѣйствительности же *нѣтъ ни одной* эпиграммы, которой авторомъ можно бы было признать Симонида на основаніи

---

1) Boas p. 229.

2) nr. 91, 92, 94, 96, 97, 102, 107, 137, 145, 147, 149.

3) nr. 89, 90, 92, 94, 100, 103, 112, 130, 131, 131, 136, 137, 140, 143, 149, 152, 153, 155, 157, 169.

4) nr. 91, 92, 94, 111, 130, 131, 136, 137, 138, 147, 157, 159, 165, 167, 171, 172, 173, 174,175, 176.

5) nr. 91, 92, 94, 109, 114, 118, 120, 121, 124, 164.

точнаго и непреложнаго свидѣтельства или его современниковъ или авторитета ближайшаго къ нему по времени.—Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится строго взвѣшивать всѣ аргументы pro и contra и на основаніи такого разбора всѣхъ данныхъ уже приходить къ тому или иному выводу. Къ сожалѣнію, относительно очень многихъ эпиграммъ данныя столь скудны, что мы приходимъ только къ условному выводу т. е. что есть *вѣроятность*, что данная эпиграмма сочинена дѣйствительно Симонидомъ. У насъ нѣтъ самаго важнаго орудія высшей критики: знакомства съ стилемъ и характеромъ писателя въ данной области. Будь у насъ хотя бы дюжина эпиграммъ, принадлежность которыхъ перу Симонида была бы засвидѣтельствована непреложно, мы бы имѣли возможность составить себя понятіе о стилѣ и манерѣ поэта, узнавали бы ее или не узнавали въ другихъ эпиграммахъ, авторство которыхъ сомнительно, и соотвѣтственно этому строили бы наше заключеніе.—Прямо страннымъ и непонятнымъ кажется, какъ могъ Hauvette при такихъ обстоятельствахъ выражаться, что такая или иная эпиграмма достойна или не достойна пера Симонида.

Въ новое время фрагменты поэтическихъ произведеній, приписываемыхъ Симониду, впервые собралъ и издалъ *Stephanus.* Его изданіе было повторено въ 1598-мъ году *Portus*'омъ. Далѣе слѣдовали изданія *Ursinus*'а въ Carmina IX illustrium poetarum (p. 153 sq. и p. 328 sq.), *Brunck*'а въ Analecta veterum poetarum graecorum (I p. 120 sq.), *Gaisford*'а въ Poetae graeci minores p. 443 sq., *I. Lagus*'а въ Simonidis quae supersunt (Aboae 1796), *Schneidewin*'а въ Simonidis Cei carminum reliquiae (Brunswigae 1835), *Bergk*'а въ Poetae lyrici graeci III (4-ое изданіе Hiller-Crusius'а), *Hartung*'а въ 5-мъ томѣ: Griechische Lyriker.

Отдѣльные отрывки разбирали: *Ilgen* (Scoliorum collectio), *Jacobs* (въ Anthologia Palatina), *Mehlhorn* (Anthol. lyrica), *Boissonade* (15-ый томъ Poetae graeci).—Эпиграммы были изданы *Hauvette*'омъ: Les epigrammes de Simonide. Paris 1897 (въ Bibliothèque de la faculté de lettres de Paris. Tome I).

Вмѣстѣ съ другими эпиграммами, сохранившимися намъ у авторовъ, издалъ нѣкоторыя эпиграммы, приписываемыя Симониду Theodor *Preger* въ Inscriptiones graecae metricae. Leipzig 1891.—Установить принципы для критики традиціи и для рѣшенія вопроса о подлинности эпиграммъ Симонида пытался *M. Boas* въ De Epigrammatis Simonideis. Groningae 1905.

При незначительномъ объемѣ поэтическаго наслѣдія Симонида и къ тому же при сомнительной подлинности весьма многихъ отрывковъ и эпиграммъ, ему приписываемыхъ, крайне трудно изученіе индивидуальности языка нашего поэта. Тѣмъ не менѣе этой задачей занялись: *Schaumberg*, quaestiones de dialecto *Simonidis*, Bacchylidis, Ibyci. Celle 1878. *Mucke*, De dialecto Stesichori, Ibyci, *Simonidis*, Bacchylidis etc. Lipsiae 1879 и *Schröter*, De Simonidis Cei melici sermone quaestiones. Lipsiae 1906.

Иванъ Петровичъ Пнинъ.

Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности.

Работа студента IV курса историко-филологическаго института
кн. Безбордко

Н. ДАДЕНКОВА.

1909—1910 ак. годъ.

НѢЖИНЪ,
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1912.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.
Директоръ *Ив. Ивановъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

17 сентября 1905 года истекло 100 лѣтъ со дня смерти одного изъ первыхъ послѣдователей Радищева, *Ив. П. Пнина*, котораго современники назвали „другомъ истины“ и „защитникомъ угнетенной невинности“, а Тихонравовъ—„однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей и благороднѣйшихъ писателей“ своего времени.*) Личность во многомъ незаурядная, на которой съ особенною любовью останавливается и историкъ крѣпостного права *(Семевскій)* и историкъ русской цензуры *(Скабичевскій)* и историкъ просвѣщенія *(Сухомлиновъ)*, и историкъ журналистики *(Пятковскій)*—Пнинъ однако до сихъ не имѣетъ ни подробной біографіи, ни изданія, ни даже списка сочиненій. Здѣсь впервые дѣлается слабая попытка создать хотя бы самую краткую біографію писателя. И не наша вина въ томъ, если намъ это не удалось. Наши неблагодарные, по словамъ великаго поэта, по отношенію къ дѣятелямъ мысли и слова предки XVIII вѣка мало цѣнили важность біографіи и передали намъ очень немного конкретнаго о личной жизни поэта. Чтобы опредѣлить послѣдовательныя ступени развитія дарованія писателя, нужны еще новыя изслѣдованія, для которыхъ нуженъ и новый матеріалъ, а найдется ли онъ—это вопросъ. По откровенному признанію Ал. Ал. Бестужева,**) онъ, будучи мальчикомъ, „не одинъ картонъ“ слѣпилъ изъ рукописей, валявшихся на чердакѣ редакціи Пнина. Характеристика произведеній Пнина, данная Н. Прытковымъ на страницахъ журнала „Древняя и новая Россія“ (1878 г., № 9), нуждается въ дополненіяхъ. Въ виду отсутствія изданія сочиненій писателя мы даемъ самое широкое мѣсто выдержкамъ изъ его произведеній.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность профессору Вл. Ив. Рѣзанову за совѣты и книги.

---

*) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 99. Москва 1898. Тихонравовъ называетъ его писателемъ вѣка Екатерины II. Пнинъ выступалъ на литературномъ поприщѣ только во времена Павла I и Александра I.

**) Его письма въ „Русск. Вѣстн.“, 1861, т. 32, стр. 303).

I.

Иванъ Петровичъ Пнинъ родился въ 1773 году и былъ, по свидѣтельству Греча[1]), лично его знавшаго, побочнымъ сыномъ князя Николая Васильевича Репнина, по свидѣтельству же митрополита Евгенія[2]), воспитанникомъ Петра Ивановича Репнина, откуда и усѣченная его фамилія Пнинъ. Документальныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса объ отцѣ его мы не имѣемъ, тѣмъ болѣе, что рожденія внѣ законнаго брака считаются по традиціи позоромъ и тщательно скрываются. Свидѣтельство Греча находитъ подтвержденіе въ дальнѣйшей судьбѣ писателя. Тяжелая болѣзнь, губившая молодую грудь, ставится Гречемъ въ связь съ рухнувшими надеждами на усыновленіе, послѣ того какъ въ 1801 году умеръ князь Н. В. Репнинъ, не вспомнивъ о своемъ побочномъ сынѣ. Замѣчательно, что вскорѣ послѣ этой смерти (въ 1803 году) Пнинъ подалъ Государю „Вопль невинности", вырвавшійся изъ глубины наболѣвшей души. Была потеряна надежда на личное усыновленіе, оставалось въ порывѣ отчаянія и горя хвататься за послѣднюю соломинку и стремиться предотвратить несчастіе отъ головы другихъ „внѣбрачныхъ", которыхъ во множествѣ рождала

---

1) Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. С. П. Б. 1886, стр. XLVII.

2) Словарь русск. свѣтск. писателей митр. Евгенія, Москва, 1845, т. II, стр. 125—126.

„Воспитанникъ" надо, очевидно, понимать „незаконный сынъ". Казалось бы свидѣтельство митр. Евгенія нужно признать не подлежащимъ сомнѣнію, какъ свидѣтельство лица духовнаго, которое не бросило бы бездоказательнаго укора въ незаконномъ рожденіи на то или другое семейство. Но мы знаемъ, что часть матеріаловъ для словаря были собраны гр. Хвостовымъ (Сборн. 2-го отд. Ак. Н., т. 5, в. 1, стр. 221—статья А. Бычкова). Объ отношеніяхъ Пнина и митр. Евгенія мы ничего не знаемъ, кромѣ слѣдующаго упоминанія имени Пнина въ письмѣ митр. Евгенія гр. Хвостову отъ 22 авг. 1805 года: „Отъ Гаврилы Романовича (Державина) узналъ я... мою ошибку въ означеніи смерти Д. Ив. Фонвизина. Я повѣрилъ Пнину, обманувшему меня" („Переписка митр. Евгенія съ Державинымъ", Я. Грота, ibid, 70").

крѣпостная Россія. Проф. Е. В. Пѣтуховъ[1]) сталъ также на точку зрѣнія Греча, назвавъ Пнина сыномъ Н. В. Репнина.

Если такъ, то корень рода Пнина очень древній: онъ ведетъ начало отъ св. Михаила, князя черниговскаго. Дѣдъ Пнина, по отзыву Миниха, былъ генералъ умный, храбрый и ревностный[2]). Сынъ его, преполагаемый отецъ нашего писателя, былъ всегда въ числѣ первыхъ вельможъ своего времени[3]). Высокомѣріе и горячность соединялись въ немъ съ веселостью права, обходительностью и щедростью до расточительности. Получивъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе", „онъ удивлялъ всѣхъ своею начитанностью, рѣдкою памятью, свободно изъяснялся и писалъ на россійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и польскомъ языкахъ". При всемъ этомъ, замѣчаетъ біографъ, онъ „въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ сердце пламенное и былъ счасливъ любовію прекраснаго пола"[4]).

Кто была мать, и какое духовное наслѣдіе получилъ отъ нея ребенокъ, мы не знаемъ.

Рожденный въ такихъ условіяхъ, мальчикъ едва ли зналъ мирное и счастливое дѣтство. Онъ будетъ впослѣдствіи вспоминать не отцувскую любовь и нѣжную заботливость матери, а свое „происхожденіе въ сиротствѣ" и „ужасную пустыню", окружавшую его съ момента рожденія.

Ребенокъ росъ и воспитывался, какъ сынъ вельможи[5]). Мальчикъ былъ опредѣленъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ[6]), лучшій разсадникъ просвѣщенія того времени, откуда вышла почти вся литературная молодежь конца XVIII и начала XIX вѣка.

---

[1]) Истор. Вѣстн., 1889, т. XXVII, стр. 141. Приводя свидѣтельство митр. Евгенія, проф. Пѣтуховъ замѣчаетъ что „другіе біографы согласно считаютъ отцомъ Пнина Н. В. Репнина, не объясняя, какимъ образомъ получилъ онъ отчество „Петровичъ", прибавляя при этомъ, что провѣрить, на чьей сторонѣ истина, мы не имѣемъ данныхъ. Изъ мнѣній объ отцѣ писателя намъ извѣстны только два, могущія служить первоисточникомъ—Н. И. Греча и митр. Евгенія, и кого разумѣетъ проф. Пѣтуховъ подъ „другими біографами", мы незнаемъ.

[2]) Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона, т. 52, стр. 599.

[3]) См. подробно въ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли, составл. Дм. Бантышъ-Каменскимъ, ч. IV. Москва 1836 г., а также статьи въ „Древней и новой Россіи, 1875 г. № 7 и 8, гдѣ помѣщенъ и портретъ князя.

[4]) Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. IV.

[5]) Гречъ, Воспоминаніе юности, въ Новогодникѣ, изд. Н. Кукольника, Спб., 1839, 232.

[6]) Словарь митр. Евгенія, а также „Журналъ россійской словесности", 1805, ч. III, стр. 59.

Свѣтлыми сторонами своей дѣятельности пансіонъ обязанъ своей кровной связи съ университетомъ, изъ котораго онъ извлекалъ свои питательные соки[1]). Педагогическія убѣжденія профессоровъ университета укажутъ и направленіе пансіона. Только въ такихъ общихъ чертахъ мы можемъ судить о направленіи въ воспитаніи ребенка. Тщетно мы будемъ напрягать наше вниманіе,—мы не получимъ отвѣта на то, какъ бьется дѣтское сердце, какъ реагируетъ пытливый умъ ребенка на окружающее.

Въ пансіонѣ, извѣстномъ впослѣдствіи своими литературными обществами, тщательно прививался вкусъ къ прекрасному и любовь къ литературѣ. Здѣсь, быть можетъ, и начались первыя литературныя попытки Пнина, о которыхъ говоритъ его другъ Брусиловъ[2]).

Изъ пансіона Пнинъ переходитъ въ Инженерный (впослѣдствіи 2-й кадетскій) корпусъ. Чѣмъ былъ обусловленъ этотъ переходъ, мы не знаемъ: былъ ли онъ вызванъ окончаніемъ курса въ пансіонѣ, происходилъ ли какой переломъ въ судьбѣ ребенка[3]).

Корпусъ стоялъ много ниже Благороднаго Пансіона и носилъ спеціальный характеръ съ преобладаніемъ математики[4]). Организація учебной части далеко не отличалась совершенствомъ. Ученики принимались по лѣтамъ, а не по степени учебной подготовки, по возрасту же и переводились изъ класса въ классъ и выпускались кадеты[5]). Такъ невысоко стояло преподаваніе въ корпусѣ, и потому обученіе въ немъ не могло быть для Пнина особенно плодотворнымъ. Впослѣдствіи онъ выступитъ съ проектомъ преобразованія подобныхъ корпусовъ, воспитывающихъ исключительно въ механической экзерциціи"[6]).

---

[1]) Тихонравовъ. Сочиненія, Москва 1898, т. III, 2, стр. 87.

[2]) Журналъ росс. слов., 1805, ч. III, стр. 60: „Пнинъ въ младенчествѣ еще сочинялъ стихи, которые могли бы сдѣлать честь и въ совершенномъ возрастѣ человѣку". Прытковъ (Древн. и нов. Россія, 1878, № 9, стр. 22), ссылаясь на Брусилова, говоритъ: „15-ти лѣтъ Пнинъ сочинилъ оду, но она не сохранилась ни въ печати ни въ рукописи". У Брусилова однако нѣтъ указанія на годъ.

[3]) Брусиловъ въ указанной статьѣ (стр 59) и митр. Евгеній (стр. 125) согласно передаютъ, что Пнинъ обучался первоначально въ Кадетскомъ корпусѣ. Прытковъ (стр. 19) пишетъ *„Скоро однако* (курсивъ нашъ) изъ Пансіона Пнинъ перешелъ въ Инженерный Кадетскій Корпусъ". Имѣлъ ли Прытковъ для этого какія-либо указанія въ другихъ источникахъ, мы не знаемъ. Онъ пользовался между прочимъ дѣломъ М. Н. Пр., картонъ 195, № дѣла 8612.

[4]) Записки о моей жизни Н. И. Греча. стр. 248.

[5]) Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. и до 1782 г. Приложеніе къ XLVII т. Записокъ Имп. Ак. Н. № 2.

[6]) Пнинъ. Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи. С. П. Б. 1804, стр. 118.

Изъ Инженернаго корпуса Пнинъ былъ выпущенъ подпрапорщикомъ 23 января 1789 года. О военной его службѣ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ, кромѣ сухого перечня лѣтъ, приводимаго Прытковымъ[1]. 15-го февраля 1790 года онъ былъ штыкъюнкеромъ, и наконецъ 28 февраля 1794 года произведенъ въ чинъ подпоручика. Въ 1790 г. онъ принималъ участіе въ походѣ противъ шведовъ на финскихъ водахъ, съ 1791 по 1795 годъ Пнинъ находился съ русской арміей на рѣкѣ Двинѣ и въ Польшѣ. Въ 1797 году изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, и занялъ должность письмоводителя въ канцеляріи государственнаго совѣта, при чемъ получилъ чинъ коллежскаго ассессора.

Оставленіе военной службы Пнинымъ совпало со временемъ усиленія аракчеевскаго режима. Да и вообще мягкому и чуткому Пнину едва ли была по душѣ военная служба, представители которой изображались позднѣе въ его журналѣ, какъ люди безпрестанно стремящіеся къ самомнѣнію и гордости и ограничивающіе этимъ кругъ своихъ умственныхъ интересовъ.

Замѣчательно, что Александръ Ѳедосіевичъ Бестужевъ, отецъ декабристовъ, съ которымъ встрѣтится Пнинъ тотчасъ по оставленіи военной службы, также въ 1789 году, съ началомъ шведской компаніи, вступилъ въ военную службу и 23 мая 1790 года па кораблѣ „Всеволодъ“ участвовалъ въ жестокой битвѣ близъ острова Сескара[2].

---

[1]) Др. и Нов. Россія, стр. 20. Ссылка на дѣло М. Н. Пр., картонъ 195, № дѣла 8612.

[2]) С. А. Венгеровъ. Критико-біограф. словарь, т. III. стр. 177. Статьи о Бестужевѣ М. Мазаева, откуда заимствуемъ всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о Бестужевѣ.

II.

Покинувъ военную службу, Пнинъ переселяется въ Петербургъ и поселяется на квартирѣ вмѣстѣ съ Ал. Θ. Бестужевымъ, съ которымъ дружится, а быть можетъ, былъ друженъ и ранѣе[1]).

Ал. Θ. Бестужевъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный и талантливый писатель. Онъ писалъ преимущественно о воспитаніи военнаго юношества. Вся его воспитательная программа строилась на взаимномъ довѣріи, на полномъ отрицаніи тѣлесныхъ наказаній, на возбужденіи въ воспитанникѣ симпатіи къ стоящимъ ниже его. Этотъ просвѣщенный и либеральный образъ мыслей нашелъ практическое приложеніе въ воспитаніи, какое онъ давалъ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Въ домѣ Бестужева, который служилъ тогда при Академіи Художествъ, собирались лучшіе художники и писатели того времени, съ которыми онъ былъ друженъ,—атмосфера, какъ нельзя болѣе благопріятная для развитія склонностей къ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь завязывались у Пнина литературныя связи, которыя затѣмъ расширялись и крѣпли, здѣсь могъ онъ заняться пополненіемъ своего образованія и болѣе глубокимъ ознакомленіемъ съ человѣколюбивой философіей XVIII вѣка, здѣсь, наконецъ, началась его литературная дѣятельность изданіемъ совмѣстно съ Бестужевымъ „С.-Петербургскаго журнала“, одного изъ лучшихъ періодическихъ изданій того времени, и здѣсь опредѣлялись его литературные вкусы.

Русская журналистика, начавшись съ Петра Великаго, все время своего существованія находилась въ зависимомъ положеніи отъ правительственныхъ сферъ[2]). Учреждая первую русскую газету „Вѣдомости“, Петръ I предназначалъ ее для ознакомленія русскаго общества какъ съ жизнію европейскихъ государствъ, такъ и Россіи; сооб-

---

[1]) Имѣется свидѣтельство сына Бестужева—Ал. Ал. Бестужева: „Отецъ мой былъ друженъ, даже жилъ вмѣстѣ съ Пановымъ“ (такъ по ошибкѣ онъ называетъ Пнина). Русск. Вѣстн. 1861, мартъ, т. 32, стр. 302—303.

[2]) Подробно у Пятковскаго: Изъ исторіи нашего литературн. развитія, ч. 2, С. П. Б. 1888, стр. 1—48.

разно съ этимъ и содержаніе газеты было фактическое. Академическія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ подъ редакціей академика Миллера не шли дальше петровскихъ, на смѣну которымъ онѣ явились. Стремясь придать своему изданію научный характеръ, Миллеръ помѣщалъ рядъ статей по исторіи, географіи, астрономіи и т. п. Обсужденіе же политическихъ событій онъ изгонялъ со страницъ журнала, предоставляя это лицамъ, „которыя имѣютъ случаи съ знатными министрами обходиться“. Ломоносовъ шелъ дальше Миллера, отрицая совершенно общественно-политическую роль журналистики. Въ 1755 году въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ Миллера начинаетъ уже пробиваться сатирическая струя, чуждая „персональныхъ“ указаній, въ аллегорической формѣ, и струя элементарно-поучительнаго характера, трактовавшая, что „благость и милосердіе потребны героямъ“. Сатирическая струя журналовъ Миллера разрастается въ широкій потокъ въ журналѣ Сумарокова („Трудолюбивая пчела“) и журналистикѣ временъ Екатерины. Въ это самое цвѣтущее для себя время русская журналистика XVIII вѣка также не могла итти дальше тѣхъ государственныхъ интересовъ, которые преслѣдовала „Россійская Минерва“, что и сказалось на дѣятельности Новикова. Пока сатира Новикова была направлена противъ слѣпого подражанія всему французскому, пока она задѣвала только „молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія разума и возвратился уже совершенною свиньею“, Новиковъ не встрѣчалъ препятствій со стороны правительства. Но лишь только онъ смѣло выступилъ съ обличеніемъ неправосудія и взяточничества судей и коснулся „большихъ бояръ, которые угнетаютъ истину, правосудіе, честь, добродѣтели, человѣчество, и съ которыми хуже имѣть дѣло, чѣмъ съ лютымъ тигромъ“, то началась извѣстная журнальная полемика „Трутня“ со „Всякой всячиной“, за внѣшней стороной которой стояла борьба двухъ политическихъ убѣжденій. Въ результатѣ нѣсколько позднѣе (въ 1785 году) Новиковъ поплатился за свою издательскую дѣятельность: книги у него были отняты, а самъ онъ заключенъ въ крѣпость.

Судъ надъ Новиковымъ привелъ къ признанію серьезнаго политическаго значенія за книгой и заставилъ обратить серьезное вниманіе на опасность, грозившую со стороны „до-революціонной“ французской, нѣмецкой и англійской литературы[1]). Князь Прозоровскій предлагаетъ въ письмѣ къ императрицѣ (отъ 20 мая 1792 года) „положить границы книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять еще на гра-

---

[1]) В. В. Сиповскій. Изъ прошлаго русской цензуры. Русская старина, 1899, т. 98, стр. 161—175.

ницахъ и при портахъ... книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи"[1]) и совѣтуетъ завести *„генеральное учрежденіе* для преслѣдованія опасной книги". Скоро эта мысль была осуществлена (въ 1796 году), и цензура достигаетъ наибольшаго своего развитія въ одно изъ самыхъ несчастливыхъ для Россіи царствованій—Императора Павла, который отличался еще бо̀льшей ненавистью къ французской революціи, нежели Екатерина. Цензура не ограничивалась теперь одною только прессою, но проникала даже въ мелочи жизни. Во избѣжаніе всего, что могло напоминать французскую революцію, цензура простиралась даже на форму одежды, какъ мужской, такъ и женской[2]). Нельзя было, по разсказамъ современниковъ[3]), быть гарантированнымъ отъ тюрьмы, такъ какъ туда влекли даже за то, если поздно выходили изъ экипажа при встрѣчѣ съ государемъ; нельзя было повѣрять горечи другу, такъ какъ стѣны слушали; нельзя было достать книгъ, такъ какъ почти всѣ были запрещены. Указъ 4-го іюля 1797 года, рекомендовавшій „книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта (Его Величества)"[4]), и подвергавшій литературу такимъ образомъ непосредственному надзору высшаго правительства, привелъ ее въ немалый трепетъ, если принять во вниманіе суровое отношеніе правительства къ писателямъ. Введеніе цензуры при Императорѣ Павлѣ современники называли могильнымъ звономъ для сѣверной музы[5]). Всѣ лучшіе писатели, если не были заточены, скрылись изъ Петербурга въ провинцію. Цензоры неистовствовали. Особенной ревностью отличался властолюбивый рижскій цензоръ Ѳ. Туманскій. Опасными писателями были признаны Виландъ, Гете, Шиллеръ, Кантъ, Клопштокъ, не говоря уже о Вольтерѣ и Руссо. Придирчивость цензуры доходила до курьезовъ. Книжка „Регламентъ для общества вспомоществованія больнымъ, вдовамъ и сиротамъ" была запрещена потому, что „никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли; сія же книга названа „регламентъ", а регламенты суть законы". Карамзину запрещаютъ печатать переводъ Демосѳена, какъ республиканца, сюда же относятъ Цицерона и Саллюстія[6]), и онъ рѣшаетъ „умереть авторски".

---

1) „Лѣтоп. русск. лит. и др.", т. V, 41.

2) Подробно у А. М. Скабичевскаго. Очерки исторіи русской цензуры. Спб., 1892 г., стр. 65.

3) Августъ Коцебу, „Достопамятный день моей жизни". См. у Скабичевскаго.

4) Скабичевскій, стр. 69.

5) Записки Зейдера. Русская Старина, 1878 г., т. 22, стр. 119.

6) Письма Карамзина къ Дмитріеву Спб., 1866, стр. 97.

Въ эту мрачную эпоху реакціи и выступилъ впервые Пнинъ съ изданіемъ „С.-Петербургскаго Журнала“. Поэтому впослѣдствіи, зная, какъ трудно и опасно было выступать съ журнальной дѣятельностью во времена Павла, друзья и современники Пнина восхваляли его дѣятельность.

Поводомъ къ изданію „С.-Петербургскаго Журнала“ послужило, по словамъ А. А. Бестужева[1]), слѣдующее обстоятельство. Отецъ его, Ал. Ѳ. Бестужевъ, написалъ „Опытъ военнаго воспитанія“ и поднесъ его Великому Князю Александру Павловичу. Молодой наслѣдникъ престола не зналъ, какъ отнесется къ этому сочиненію его отецъ, а потому просилъ помѣстить это сочиненіе по частямъ въ періодическомъ изданіи, и отпустилъ денегъ на это изданіе, которыя по прекращеніи журнала были обращены въ пенсію, получаемую Бестужевымъ до смерти. Журналъ началъ выходить отъ имени Пнина[2]), какъ это значилось на заглавномъ листѣ журнала и въ объявленіяхъ о немъ[3]).

Ал. Бестужевъ, какъ видно изъ письма, склоненъ признать Пнина лишь подставнымъ лицомъ, но Пнинъ вовсе не былъ изъ числа тѣхъ лицъ, которыя могутъ служить лишъ ширмой, и потому мы не ошибемся, если признаемъ, что во главѣ журнала стояли два редактора—Пнинъ и Бестужевъ, которому принадлежитъ обширная, продолжавшаяся почти весь годъ статья о воспитаніи[4]).

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1861 г., мартъ, т. 32, стр. 302—303. Письма Ал. Ал. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—37 годахъ.

[2]) Въ упомянутомъ письмѣ Бестужевъ говоритъ, что его отецъ былъ въ это время майоромъ главной артиллеріи и потому не могъ издавать журналъ, „ибо пишущій офицеръ показался бы едва ль не чудовищемъ“. Между тѣмъ въ статьѣ Мазаева (Словарь Венгерова, т. 3, стр. 178) сказано, что Бестужевъ бросилъ военную службу, и что „незадолго до изданія журнала принялъ видное мѣсто начальника канцеляріи при гр. А. С. Строгановѣ, а также взялъ въ завѣдываніе екатеринбургскую гранильную фабрику. Весьма возможно, что А. А. Бестужевъ, полагаясь на память, путаетъ, какъ путаетъ, называя Пнина „Пановымъ“.

[3]) Подробное заглавіе журнала было: „С.-Петербургскій Журналъ издаваемый И. Пнинымъ. Часть первая (—четвертая). 1798. Qu'il est difficile d' être content de quelqu'un! De la Bruyere. Въ Санктпетербургѣ. Въ Типографіи I. К. Шнора“. Объявленія о подпискѣ приведены въ „Историч. розысканіи“ Неустроева. Спб. 1874, стр. 807. Въ 1798 году вышло 12 книжекъ, составившихъ четыре части, изъ которыхъ первыя двѣ и послѣдняя состоятъ каждая изъ трехъ ежемѣсячныхъ книжекъ, съ общею пагинаціею страницъ; третья часть состоитъ изъ трехъ книжекъ, но пагинація въ каждой отдѣльная. Изданъ журналъ на бѣлой плотной бумагѣ, въ 8 долю листа.

[4]) Къ этому же выводу приходитъ Л. Н. Майковъ (Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб;, 1889, стр. 422) и С. Бородинъ (Русская

Довольно трудно опредѣлить сотрудниковъ этого изданія, скрывавшихъ обыкновенно свое имя подъ псевдонимами. Въ журналѣ принимали, по свидѣтельству Греча[1]), живое участіе либеральные друзья молодости Александра: Строгановъ, Чарторыжскій и Новосильцевъ, помѣщая извлеченія изъ прочитанныхъ съ Великимъ Княземъ иностранныхъ сочиненій по политической экономіи. М. Мазаевъ[2]) рѣшительно отвергаетъ это участіе. Мы имѣемъ основаніе думать, что эти лица являлись, хотя и косвенно, сотрудниками журнала Пнина. На сообщеніе Греча проливаютъ свѣтъ записки Ив. Ив. Мартынова[3]), изъ которыхъ мы узнаемъ, что Великій Князь Александръ, Строгановъ и Новосильцевъ рѣшили издать на русскомъ языкѣ нѣсколько политическихъ иностранныхъ писателей, и что онъ (Мартыновъ), по ихъ заочному порученію, перевелъ 3 части Стюарта „Recherches sur l'Economie politique", разборъ котораго онъ, по ихъ же порученію, напечаталъ въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ"[4]); затѣмъ сообщаетъ онъ, что такимъ же образомъ онъ перевелъ сочиненіе „Economie politique par C. Verri", которое почти все по частямъ было напечатано въ С.-Петербургскомъ Журналѣ[5]). Изъ другихъ авторовъ можно назвать А. Бухарскаго, А. Измаилова[6]), Е. Колычева, Н. Шатрова, Н. Скрипицина, П. Яповскаго и Н. Анненскаго (послѣдніе двое переводчики).

Труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, былъ ли Пнинъ только *издателемъ* въ современномъ значеніи этого слова, или его слѣдуетъ признать и писателемъ. Прытковъ не ставитъ этого вопроса, но, говоря объ анонимныхъ статьяхъ журнала, замѣчаетъ: „кто были авторы этихъ статей—нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, но, судя по сходству ихъ взглядовъ съ извѣстными публицистическими произведеніями Пнина, можно догадываться, что названныя статьи

журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія, „Наблюдатель", 1891, № 3, стр. 78—85; ср. Словарь Венгерова, т. 3, стр. 178).

1) Русскій Вѣстникъ, 1861, № 3, стр. 302—303.

2) Въ упомянутой уже статьѣ въ Крит.-біогр. Словарѣ Венгерова, т. 3. стр. 1878.

3) Памятники новой русской исторіи, Спб., 1872, т. II, отд. 2, стр. 97.

4) „С.-Петербургскій Журналъ". Ч. IV. ноябрь стр. 167 и дек., стр. 248. Въ запискп Мартынова вкралась неточность. „С.-П.-бургскій Журналъ" онъ называетъ „С.-П.-бургскимъ Вѣстникомъ".

5) С.-П.-бургскій Журналъ. Ч. I, стр. 185, 237 и 283; ч. II, стр. 15, 97 и 226, ч. III, сент., стр. 35.

6) „Я очень помню—писалъ А. А. Бестужевъ (въ упомянутомъ уже письмѣ) о немъ—что у насъ весь чердакъ заваленъ былъ бракованными рукописями, между коими особенно отличался плодовитостью Александръ Ефимовичъ".

журнала принадлежатъ его перу"[1]). Другъ Пнина Брусиловъ писалъ про него слѣдующее: „Въ 1798 году онъ (Пнинъ) издавалъ „С.-Петербургскій Журналъ", который былъ занимателенъ для публики по прекраснымъ стихотвореніямъ, изливилимся изъ его пера"[2]). Дѣйствительно, среди произведеній, подписанныхъ авторами или помѣченныхъ инициалами, обращаютъ на себя вниманіе довольно многочисленныя анонимныя стихотворенія.

Опираясь на свидѣтельство Брусилова, какъ лица близко стоявшаго къ Пнину, мы и обратимъ вниманіе на эти неподписанныя стихотворенія въ С.-Петербургскомъ Журналѣ. Оказывается слѣдующее: четверостишіе „Сравненіе старыхъ и молодыхъ относительно смерти"[3]), напечатанное безъ подписи въ С.-Петербургскомъ Журналѣ, годъ спустя послѣ смерти Пнина было напечатано въ журналѣ „Любитель Словесности"[4]) съ подписью „Пнинъ"; далѣе, четверостишіе „Счастіе"[5])—безъ подписи въ С.-Петербургскомъ Журналѣ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Пнина печатается въ „Журналѣ для пользы и удовольствія"[6]) съ подписью „П . . . ъ", что не оставляетъ насъ въ сомнѣніи относительно автора. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, всѣ оды и стихотворенія Пнина, помѣщенныя на страницахъ „Журнала россійской словесности"[7]) за 1805 г., а также и „Журнала для пользы и удовольствія"[8]) всегда подписаны * * * * * , и только послѣ его смерти, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ журналѣ произведенія Пнина подписаны полнымъ его именемъ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Брусилова подтверждается съ другой стороны: разъ Пнинъ не подписывалъ стихотвореній, печатаемыхъ въ журналахъ, ему не принадлежащихъ, то естественно ожидать этого и въ журналѣ, на обложкѣ котораго стояло его имя. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что многія произведенія въ С.-Петербургскомъ Журналѣ подписаны такъ: „Отъ неизвѣстной особы"[9]), или „Сообщено"[10]). Очевидно, издатель различалъ эти анонимныя произведенія и произведенія не-

---

[1]) Др. и нов. Россія, 1878, № 9, стр. 29.
[2]) Журналъ россійской словесности, 1805, ч. III, стр. 60.
[3]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. III, сент. 93.
[4]) Любитель словесности, 1806, ч. II. стр. 39.
[5]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. III, сент. 93.
[6]) Журналъ для пользы и удовольствія, 1805, ч. IV, окт., 45.
[7]) Журналъ россійской словесности, ч. I, № 1, 38—45, № 2, 108—110, № 4, 223—225; ч. II, № 6, 91—93.
[8]) Журналъ для пользы и удовольствія, ч. I, № 5, 149—151.
[9]) Для примѣра укажемъ: С.-П.-бургскій Журналъ, ч. I, стр. 319, ч. II, стр. 95.
[10]) Спб. Журналъ, ч. III, авг., стр. 36.

подписанныя вовсе. Въ этомъ убѣждаетъ еще одинъ фактъ. Издатель получилъ нѣсколько стихотвореній отъ одной дѣвицы, пожелавшей скрыть свое имя въ печати. И вотъ, помѣщая ея стихи, издатель всякій разъ дѣлаетъ оговорку: „Сіи стихи получилъ я отъ одной дѣвицы“[1]), „Сочинительница сихъ стиховъ есть дѣвица“[2]) и т. д. Сравнивая между собою стихотворенія неизвѣстнаго автора, мы замѣчаемъ такія черты, которыя заставляютъ насъ приписать ихъ одному автору. Такъ напр., въ февральской книжкѣ журнала находимъ „Стихи къ Ч . . .“[3]) безъ подписи автора, а въ іюньской книжкѣ „Стихи къ дѣвицѣ Ч . . . на день ея рожденья“[4]). Ко всему сказанному надо присоединить еще то обстоятельство, что понятіе *издатель* журнала имѣло въ XVIII вѣкѣ не то значеніе, какое имѣетъ теперь: оно соотвѣтствовало нашему понятію *авторъ*[5]). Все это даетъ намъ поводъ думать, что неподписанныя стихотворныя произведенія принадлежатъ перу Пнина.

Вопросъ о Бестужевѣ, какъ авторѣ, мало поддается рѣшенію. Кромѣ его „Опыта о воспитаніи“ трудно указать другія произведенія, принадлежавшія его перу. Мы позволимъ себѣ намѣтить лишь путь, по которому можно, быть можетъ, прійти къ разрѣшенію этого вопроса. Интересно было бы съ этой цѣлью сравнить рядъ правоучительныхъ статей С.-Петербургскаго Журнала[6]) съ книгой „Ученіе, нравственность и правила честнаго человѣка, содержащія въ себѣ: собраніе разсужденій и разныя наставленія, взятыя изъ древнихъ и нынѣшнихъ писателей, служащія къ распространенію какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ добродѣтелей, для каждаго возраста людей и состоянія“, изданной безъ имени автора, но приписываемой Сопиковымъ Бестужеву[7]). Надо замѣтить, что изъ подлинныхъ произведеній Пнина нѣтъ ни одного съ нравоучительнымъ характеромъ, и ссылки на древнихъ авторовъ и исторію грековъ и римлянъ, частыя въ упомянутыхъ статьяхъ, равно какъ и въ статьѣ „О воспитаніи“, принадлежащей несомнѣнно Бестужеву, рѣдки сравнительно у Пнина.

---

[1]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. I, 132.
[2]) Ibid., ч. I, 256.
[3]) Ibid., ч, I, 197.
[4]) Ibid., ч. II, 231.
[5]) А. Незеленовъ, Н. И. Новиковъ. Спб. 1875, стр. 147.
[6]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. II: О карточной игрѣ (стр. 219), Невоздержаніе (222); ч. III: іюль—О празности (54); О нравоученіи, должностяхъ и обязанностяхъ нравственныхъ (58); августъ—Богатство (51), Благодѣяніе (54); сентябрь—Скупой (88); ч. IV: О совѣсти (273) и др.
[7]) Книга издана въ Спб. 1807 г., въ 8 д., 168 стр. См. Сопиковъ, 12295

С.-Петербургскій Журналъ.

Въ С.-Петербургскомъ Журналѣ печатались, на ряду со стихами, баснями и всякой такъ называемой тогда журнальной смѣсью, статьи политическаго и экономическаго содержанія[1]).

Обзоръ журнала начнемъ съ *нравоучительныхъ* статей, которыхъ много разсѣяно на страницахъ журнала и которыя были вообще въ духѣ XVIII вѣка. Вѣдь и комедія „Недоросль" „переполнена нравоучительными разсужденіями добродѣтельныхъ лицъ и, что̀ особенно замѣчательно, эта сторона комедіи, такъ скучная для насъ, нравилась зрителямъ и читателямъ XVIII вѣка"[2]).

Нравоучительный характеръ журнала выразился между прочимъ въ особомъ отдѣлѣ—„Нравственныя мысли"[3]). Тамъ находимъ такого рода совѣты:—„Наслаждайся и споспѣшествуй насладиться другимъ безъ вреда самому себѣ и ближнимъ твоимъ. Вотъ въ чемъ по мнѣнію моему состоитъ вся нравственность"[4]). „Жить съ людьми надобно такъ, какъ бы самъ Богъ тутъ присутствовалъ, и просить Бога такъ, какъ бы люди тутъ слушали"[5]). „Не дѣлай ничего во гнѣвѣ; на что пускаться въ море, когда оно ужаснѣйшею волнуемо бурею"[6]). Встрѣчаются и такого рода мысли: „Перемѣна модъ есть подать, что трудолюбіе бѣднаго налагаетъ на тщеславіе богатаго"[7]). „Богатый безъ щедрости подобенъ дереву, плода не приносящему[8]).

Среди такихъ мыслей встрѣчаются иногда замѣтки, затрогивающія условія тогдашняго времени, какъ напр.: „Есть земля, гдѣ часто полезно бываетъ обнаруживать свои пороки, и всегда опасно являть

---

1) Весьма подробное обозрѣніе журнала даетъ г. Прытковъ на страницахъ журнала „Древняя и новая Россія", но оно требуетъ однако дополненій и вслѣдствіе почти библіографической рѣдкости журнала „Древн. и новая Россія" мало кому доступно.

2) Незеленовъ, Н. И. Новиковъ. Спб. 1875 стр. 11.

3) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. I, 182, 232 и др.

4) Ibid., ч. I, 235.

5) Ibid., ч. I, 184.

6) Ibid., ч. III, авг., 58.

7) Ibid., I, 233.

8) Ibid., III, 57.

добродѣтели"[1]. „Много издано книгъ о пользахъ государей, многіе хотятъ, чтобы непремѣнно изучали оныя, но есть ли хотя кто-нибудь, который бы старался побуждать къ познанію пользъ народныхъ?"[2].

Характеръ „нравственныхъ мыслей" укажетъ и направленіе другихъ статей правоучительнаго содержанія. Эти послѣднія отражаютъ общее направленіе человѣколюбивой философіи XVIII вѣка—стремленіе къ личному довольству и личному счастію человѣка:[3] „Наслаждайся—вотъ мудрость; споспѣшествуй къ наслажденію—вотъ добродѣтель"[4]. Нравоучительныя статьи С.-Петербургскаго Журнала отличаются отвлеченнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія статья „О удовольствіи и печали; о благополучіи"[5]. Признавая, что „человѣкъ по природѣ своей необходимо любить долженъ удовольствіе и убѣгать печали", авторъ говоритъ: „Удовольствіе тогда только добро, когда оно согласно съ порядкомъ". Порядокъ же опредѣляется, „какъ счастливое сліяніе дѣйствій и хотѣній человѣческкихъ, откуда проистекаютъ сохранность и счастіе цѣлаго общества". Затѣмъ находимъ такія разсужденія, какъ „Судія"[6], „Гражданинъ"[7] и т. п. Построены они почти по одному плану. Сначала опредѣляется, „что есть гражданинъ", а въ другомъ—судья; даются указанія, какимъ долженъ быть тотъ и другой и какимъ не долженъ быть, и указываются примѣры для подражанія. О судьѣ между прочимъ говорится: „Судія несправедливый, преданный всему случайному, попущающій себя обольщать просьбами, прельщающійся богатствами, дрожащій всякаго властительства, есть чудовище, палачъ въ порядкѣ общественномъ"[8]. Если назвать такія заглавія, какъ „О карточной игрѣ"[9], „О совѣсти"[10], „О праздности"[11], „Богатство"[12], „Благодѣяніе"[13] и т. п., то достаточно ясно выступитъ дидактическое, отвлеченное направленіе журнала.

---

1) Ibid., I, 232.
2) Ibid., I, 233.
3) Ср. Прытковъ, стр. 27.
4) С.-П.-бургскій Журналъ, т. III, стр. 57.
5) Ibid., т. IV. 202—214.
6) Ibid., ч. III, іюль, 1.
7) Ibid., ч. II, 215.
8) Ibid., ч. III, авг. 2.
9) Ibid., II, 219.
10) Ibid., IV. 273.
11) Ibid., III, іюль, 54.
12) Ibid., III, авг. 51.
13) Ibib., III, авг. 54.

Новое *сентиментальное* направленіе, проникавшее въ концѣ XVIII вѣка въ русскую литературу, отразилось и въ С.-Петербургскомъ Журналѣ въ рядѣ какъ переводовъ изъ иностранныхъ писателей, такъ и оригинальныхъ произведеній.

Среди переводовъ особенно много удѣлено мѣста Галлеру, имя и произведенія котораго часто встрѣчались на страницахъ журналовъ того времени[1]). Галлеръ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ нарождавшемуся сентиментализму: его любовное признаніе „Доридѣ" и двѣ „Печальныя оды на смерть возлюбленной Маріанны" являются самыми знаменитыми и самыми чувствительными стихотвореніями до Клопштока"[2]). Въ своей дидактической поэмѣ „Альпы" Галлеръ даетъ не описаніе красотъ природы, но центръ тяжести переноситъ на нравственныя размышленія. „Heureux peuple que l'ignorance preserve des maux qui suivent la politesse des villes"[3])—писалъ Галлеръ въ своемъ дневникѣ во время путешествія по Альпамъ, и это же настроеніе проникло въ его поэму, гдѣ онъ превозноситъ простоту и неиспорченность жителей Альпъ надъ извращенностью городскихъ жителей. Это было не только въ духѣ вѣка, но и въ духѣ Александра, покровителя С.-Петербургскаго Журнала, который, по словамъ Чарторыжскаго[4]), любилъ земледѣльцевъ, простые нравы ихъ, и смотрѣлъ на нихъ глазами поэтической идилліи XVIII вѣка, мечталъ о сельскихъ трудахъ и хотѣлъ вездѣ видѣть республику.

Въ С.-Петербурскомъ Журналѣ мы встрѣчаемъ рядъ одъ и сатиръ Галлера[5]). Оды Галлера гармонируютъ съ дидактическимъ настроеніемъ журнала. Такъ въ одѣ „Добродѣтель" проводится мысль, что „одна добродѣтель доставляетъ истинное спокойствіе; за сладострастіемъ слѣдуетъ омерзеніе; богатство безпокоитъ, вѣнецъ обременяетъ, слава перестаетъ ослѣплять... добродѣтель всегда избыточе-

---

1) Укажемъ для примѣра: Спб. Вѣстникъ, 1778 г., ч. II, стр. 413—418: „Вѣчность" стих. Галлера; Новыя Ежемѣс. Сочиненія, 1786 г., ч. IV, стр. 46: „Рѣчь Марка Порція Катона, консула римскаго, противъ роскоши, пер. изъ соч. г. Галлера и др.

2) Фр. Фогтъ и М. Кохъ, Исторія нѣмецкой литературы. Спб. 1901, стр. 417.

3) „Блаженъ народъ, котораго невѣжество предохраняетъ отъ золъ, сопутствующихъ утонченной городской культурѣ". Цитирую по Фогту и Коху, стр. 417.

4) Н. Н. Буличъ, Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Спб. 1900, стр. 24.

5) Въ I-мъ томѣ: Альпійскія горы [6], Ода на вѣчность [46], Дориса [118], Утро [126], Желаніе возвращенія въ свое отечество [129], Сатира [259]; во II-мъ томѣ: О славѣ [111], Письмо Г. Бодмеру, профессору и члену верховнаго совѣта въ Цюрихѣ [308]; въ IV: Добродѣтель, Ода Г. Дроллингеру [145].

ствуетъ удовольствіемъ"[1]). Въ статьѣ „О славѣ" Галлеръ обвиняетъ славу въ развращеніи людей. „Безъ тебя, пишетъ онъ, благополучные народы златого вѣку никогда бы не научились пріуготовлять себѣ оковы. Ты учредила высокомѣрное право кровопролитія; ты изъ утробы земной произвела оружіе, достойное посмѣянія убранство гордости"[2]).

Нѣсколько подробнѣе остановимся мы на поэмѣ Галлера „Альпы". Прытковъ[3]) видитъ здѣсь идеализацію быта крестьянъ и желаніе автора, между прочимъ, изобразить контрастъ „между роскошью и развратомъ городской жизни и простымъ бытомъ простыхъ поселянъ". „Для подобныхъ нравоученій, заключаетъ Прытковъ, авторъ и рисуетъ небывалую жизнь *какихъ-то*[4]) довольныхъ и счастливыхъ крестьянъ"[5]). Соглашаясь съ первымъ, мы не можемъ согласиться со вторымъ. „Альпійскія горы"—мы говоримъ о нихъ, какъ о произведеніи, являющемся на русской почвѣ,—напоминаютъ намъ своего рода политическую утопію, какая только могла появиться на страницахъ журнала при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ. Здѣсь рисуется жизнь не „какихъ-то довольныхъ и счастливыхъ крестьянъ", а жизнь *свободныхъ* крестьянъ, которымъ „не извѣстны пышныя различія, изобрѣтенныя хитрою гордостію для порабощенія добродѣтели и вознесенія порока", среди которыхъ „свобода съ безпристрастною благостію раздѣляетъ *всѣмъ гражданамъ* равную часть трудовъ и удовольствій"[6]). „Природа даровала тебѣ", говоритъ авторъ, обращаясь къ счастливому народу, „въ удѣлъ твердую и покрытую каменіемъ землю; однако плугъ твой разверзаетъ оную и сѣяніе твое бываетъ благоуспѣшно... Нѣдро горъ твоихъ произращаетъ одно грубое желѣзо, и Перу завидуетъ тебѣ въ сей скудости! *Вся трудность исчезаетъ, гдѣ вольность царствуетъ*"...[7]).

Переносясь къ дѣйствительности, поэтъ восклицаетъ: „Тамъ жестокій тиранъ наругается жизнію рабовъ своихъ, порфира его обагрена дымящеюся еще кровью гражданъ. Здѣсь клевета, ненависть и наглость воздаетъ за добродѣтель презрѣніе"...[8]) „Блаженъ", заключаетъ авторъ, „кто *собственными* волами воздѣлываетъ поля, *наслѣдованныя отъ отцовъ своихъ!* Кто одѣвается въ чистую волну, не знаетъ другого украшенія,

---

[1]) Спб. Журналъ, т. IV 145.

[2]) Спб. Журналъ, т. II, стр. 111—112.

[3]) Др. и нов. Россія, стр. 27. Кстати замѣтимъ: у Прыткова нѣтъ указанія, что данное произведеніе принадлежитъ Галлеру.

[4]) Не оговоренный курсивъ вездѣ нашъ.

[5]) Др. и нов. Россія, стр. 27.

[6]) Спб. Журналъ, I, 11—12.

[7]) Ibid., I, 10.

[8]) Ibid., I. 39.

кромѣ сельныхъ цвѣтовъ, и довольствуется простою пищею, которую доставляетъ ему стадо его!"[1]).

Таковы переводы изъ Галлера. Чтобы можно было наглядно судить о достоинствахъ переводовъ, приведемъ для примѣра отрывокъ.

У Галлера:

(D. Albrecht von Haller. Versuch schweizerischer Gedichte, Göttingen, 1762, Ss. 5—6)

Sehnsucht nach dem Vaterlande.

Beliebter Wald! beliebter
Kranz von Büschen!
Der Hasels Höh' mit grünen
Schatten schwärzt:
Wann werd ich mich in deiner
Schooss erfrischen,
Wo Philomel' auf schwanken
Zweigen scherzt.
Wann werd ich mich auf jenen
Hügel legen!
Dem die Natur das Moos
zum Teppich schenkt.
Wo alles ruht, wo Blätter
nur sich regen
Und jener Bach, der öde
Wiesen tränkt.

Въ С. Петербургскомъ Журналѣ (ч. I, 129):

Желаніе возвращенія въ свое отечество.

Любезные лѣса! пріятныя рощи! которыхъ густая зелень увѣнчиваетъ верхи Газеля, когда возмогу я подъ прохладною тѣнью вѣтвей вашихъ слушать еще сладкое пѣніе соловья? Когда опочію еще на мхѣ, покрывающемъ холмы ваши, гдѣ уединенное молчаніе не прерывается, какъ только легкимъ шумомъ поколебленныхъ листовъ и тихимъ журчаніемъ водъ, орошающихъ луга.

Переходя къ оригинальнымъ статьямъ сентиментальнаго характера, надо отмѣтить, что Пнинъ одинъ изъ первыхъ въ Петербургѣ выразилъ свое сочувствіе дѣятельности Карамзина[2]). Въ одной изъ книжекъ журнала были помѣщены хвалебныя стихи Карамзина[3]):

Гремѣлъ великій Ломоносовъ,
И восхищалъ сердца побѣдоносныхъ Россовъ
Гармоніею струнъ своихъ.
„Въ твореніяхъ теперь у нихъ
Пусть нѣжность улыбнется,
Въ сердца чувствительныхъ прольется",
Сказали Граціи—и полилась она
Съ пера Карамзина.

---

[1]) Ibid., I, 41.
[2]) Ср. Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 544.
[3]) Спб. Журналъ, ч. II, 122. Подпись „—въ".

Изъ оригинальныхъ статей сентиментальнаго характера слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно характерный, отрывокъ „Келадонъ и Амелія[1]), гдѣ рисуется любовь „чистая и непорочная“, „любовь прежнихъ патріархальныхъ временъ, когда юноши безъ всякихъ развратныхъ побужденій обнимали невинныхъ дѣвушекъ, когда дѣвушки безъ всякой боязливой застѣнчивости обнимали добродѣтельныхъ юношей“. Хотя въ большинствѣ статей журнала любовь трактуется, какъ чувство, которое „не столько состоитъ въ прелестяхъ чувственныхъ, сколько въ нравственномъ согласіи двухъ душъ и нѣжномъ союзѣ сердецъ“[2]), тѣмъ не менѣе встрѣчаются и изображенія любви чувственной, какъ напр., въ стихотвореніи „Астрономія любви“[3]):

Дергамъ, ла Ландъ и д' Аламбертъ,
И всѣ астрономы глубоки!
Счастливой путь вамъ въ звѣздну твердь,
И въ области луны далеки.
Чтожъ до меня, я Небо зрю
Въ глазахъ моей драгой Лизеты,
И хижину любя свою,
Не ѣзжу вкругъ земной планеты;
Но безъ хлопотъ, какъ самъ хочу,
Два полушара пробѣгаю,
Пути Венерина ищу,
А прочее... вамъ оставляю“.

На ряду съ такими отвлеченно-поучительными и сентиментальными произведеніями, встрѣчаются статьи *публицистическаго* характера. Но такъ какъ въ то время нельзя было открыто касаться многихъ сторонъ русской жизни, то автору приходилось говорить иносказательно. Особенно любили прибѣгать къ такъ называемымъ восточнымъ повѣстямъ. Авторы подобныхъ повѣстей вовсе не думали давать дѣйствительныя картины восточной жизни: они прибѣгали къ нимъ, преслѣдуя моральныя и сатирическія цѣли. Повѣсти эти служили для автора щитомъ противъ цензуры при обличеніи недостатковъ политическаго и общественнаго строя. На русской почвѣ[4]) восточная по-

---

[1]) ibid., I, 288—293.
[2]) Ibid., II, 125.
[3]) Ibid., II, 95. Отъ неизвѣстной особы.
[4]) Во Франціи появились въ XVIII вѣкѣ „Lettres Persanes“ Монтескье, „Lettres Chinoises“ д'Аржана и др., носящія сатирическій характеръ; затѣмъ сборникъ индѣйскихъ сказокъ Д. Сагида и переводы сказокъ знаменитой Шехерезады и т. п., доставлявшія съ одной стороны занимательное чтеніе, а съ другой явившіяся протестомъ противъ условныхъ правилъ ложноклассицизма [Butterwerk, Geschichte d. Poesie,

вѣсть начинаетъ усиленно развиваться и распространятся на ряду съ возникновеніемъ и успѣхомъ сатирическихъ журналовъ[1]) и особенно со времени перевода на русскій языкъ сказокъ Шехеразады[2]). Въ русскихъ журналахъ 2-й половины XVIII вѣка мы находимъ большое число восточныхъ повѣстей[3]).

С.-Петербургскій Журналъ впиталъ въ себя и эту форму литературныхъ произведеній того времени. Нѣкоторыя изъ восточныхъ повѣстей С.-Петербургскаго Журнала имѣютъ цѣлью дать лишь занимательное чтеніе, какъ напр.: „Зелія или странно-пріимство“[4]); другія же преслѣдуютъ цѣли морально-сатирическія и публицистическія. Къ послѣднимъ принадлежатъ двѣ замѣчательныя статьи, приписываемыя г. Прытковымъ Пнину по сходству ихъ взглядовъ съ извѣстными публицистическими произведеніями Пнина[5]). Первая изъ нихъ озаглавлена „Просвѣщеніе“[6]). Въ ней разсказывается слѣдующее: „Визирь Муссазеръ вопросилъ нѣкогда великаго Аарона Рашильда, какіе были виды его при учрежденіи академій, основаніи училищъ, и приведеніи наукъ въ цвѣтущее состояніе? Думаете ли вы, говорилъ визирь, что вамъ лучше повиноваться будутъ?—Да, отвѣтствовалъ калифъ, потому что народъ мой будетъ лучше судить о справедливости моихъ законовъ.—Станетъ ли онъ черезъ то лучше платить подати?—Конечно, потому что онъ увидитъ, что я, кромѣ необходимо нужнаго, ничего отъ него не требую.—Воины ваши съ бо̀льшимъ ли жаромъ сражаться будутъ?—Конечно, потому что они будутъ имѣть начальниковъ болѣе просвѣщенныхъ.—Но ваши мудрецы, ваши ученые не захотятъ ли вмѣшаться въ правительство? продолжалъ Муссазеръ. О царь царей, не возымѣютъ ли они дерзости предположить вамъ погрѣшностей?—Тѣмъ лучше они сдѣлаютъ, сказалъ Ааронъ, открывъ мнѣ тѣ, кои я учинилъ, они научатъ меня впредь оныхъ не дѣлать.—Какъ! свѣтило міра, сказалъ визирь, желая настоять въ своемъ мнѣніи, вы позволите мудрецамъ вашимъ говорить все то свободно, что они думаютъ?—Безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ поспѣшно калифъ, если бы не говорили они

VI, 245]. Русская литература, заимствовавшая литературныя формы съ запада, и въ этомъ отношеніи не была самостоятельна. Подробно въ Ж. М. Н. Пр., 1900 г., апр. статья Ив. Кубасова.

[1]) Подробнѣе у А. И. Пыпина „Исторія русской этнографіи“, т. I и др.

[2]) Переводились въ 1768 году, 1773—1774, 1776, 1789 и т. д.

[3]) Длинный списокъ приведенъ у Ив. А. Кубасова, Ж. М. Н. Пр. 1900 г., апр.

[4]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. II, 136—146.

[5]) Съ чѣмъ можно согласиться, принимая, между прочимъ, во вниманіе діалогъ Пнина „Сочинитель и цензоръ“, о которомъ рѣчь ниже.

[6]) С.-П.-бургскій Журналъ, ч. III, авг., 85—87.

свободно, то бы поученія ихъ были несовершенны.—Но нѣкоторые изъ нихъ не могутъ развѣ распространять заблужденія?—Правда, но сіи заблужденія будутъ опровергаемы другими мудрецами“.

Второй статьей, примыкающей по своему характеру къ восточнымъ повѣстямъ, является „Разговоръ парижанина съ караибомъ“[1]), гдѣ рисуется развратная жизнь европейцевъ и противополагается здоровой и близкой къ природѣ жизни караибовъ. Появилась она не безъ вліянія Руссо.

Таковы восточныя повѣсти С.-Петербургскаго Журнала и произведенія, примыкающія къ нимъ по своему характеру—„восточные діалоги“, если можно такъ выразиться[2]).

Отмѣтимъ рядъ другихъ статей журнала, носящихъ публицистическій характеръ. Книга „Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ“, переведенная съ нѣмецкаго М. Антоновскимъ и вооружавшаяся „противъ книгопечатанія“, дала поводъ издателю помѣстить рецензію на нее, отстаивавшую свободу слова и мысли[3]). Рецензентъ писалъ между прочимъ: „Тамъ, гдѣ разумъ въ тѣсныхъ заключенъ предѣлахъ, гдѣ не смѣетъ перейти границъ, ему предположенныхъ, тамъ всегда найдешь философовъ-льстецовъ, писателей низкихъ и ползающихъ, защищающихъ иногда самыя нелѣпыя мнѣнія вопреки истинѣ, дабы не подвергнуться гоненію, котораго всякій человѣкъ страшится. Тамъ всегда найдешь книгопродавцевъ совершенными рабами вкуса публики, принужденныхъ развращенію и принаравливаться къ порокамъ, чтобы сохранить себя отъ нищеты и разоренія, которому не трудно подвергнуться въ подобныхъ случаяхъ. Тамъ, наконецъ, увидишь, что временемъ введенныя въ обыкновеніе заблужденія бываютъ признаваемы за неоспоримыя аксіомы. Но гдѣ нѣтъ стѣсненія разуму, гдѣ поощряются науки, гдѣ отличаются дарованія, гдѣ покровительство защищаетъ ученаго отъ бѣдности, тамъ заблужденія и пороки нечувствительно исправляются, странныя мнѣнія опровергаются очищеннымъ разсудкомъ, просвѣщенная добродѣтель, честность и благородіе, распространяя вѣтви свои, осѣняютъ вѣру, сохраняютъ ее и учиняютъ болѣе священною. Стоитъ только обратить взоры на Голландію и Англію, какъ на такія страны, которыхъ по справедливости назвать можно убѣжищемъ гонимаго невѣжествомъ разсудка, гдѣ науки не имѣютъ никакихъ

---

[1]) С.-П.-бургскій Журналъ ч. IV, 303—314.

[2]) Особенно широкаго развитія достигаютъ эти повѣсти подъ перомъ талантливаго, но рано умершаго А. П. Беницкаго. Статья о немъ въ Ж. М. Н. Пр., 1900 г., апр., Ив. Кубасова.

[3]) С.-П.-бургскій Журналъ, III, сент. 16. Подпись: „Читатель Торжокъ“.

препонъ, гдѣ книгопечатаніе совершенно свободно, то ясно увидятъ, что нравы, обычаи и самая вѣра, въ продолженіе столькихъ вѣковъ не только не повреждаясь, но напротивъ того, пребывали всегда во всей своей силѣ, и внутренняя тишина никогда чрезъ то не была возмущаема“.

Въ статьѣ „Лампады“[1]) выразилось отношеніи редакціи къ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка. Авторъ сравниваетъ Монтескье, Вольтера, Руссо и Бюффона съ лампадами, свѣтившими міру.

Видное мѣсто занимаетъ трактатъ „О воспитаніи“, легшій въ основу журнала.

Вопросы воспитанія сдѣлались модными вопросами во всей Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Россіи, благодаря страстной проповѣди Руссо. Въ XVIII вѣкѣ императрица Екатерина II была увлечена не только писаніемъ педагогическихъ сочиненій, гдѣ отражались идеи Монтеня, Локка и Руссо, но и составленіемъ учебниковъ и руководствъ[2]). Ближайшимъ сотрудникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Ив. Ив. Бецкій. Вопросы воспитатанія трактуются и съ церковной каѳедры: митрополитъ Платонъ[3]) произноситъ „Слово о воспитаніи“, гдѣ развиваетъ мысль, что „воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели“. Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево знакомитъ русское общество съ трудами Амоса Коменскаго[4]). Въ 1783 году появляется въ печати трудъ Новикова „О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія“[5]). Наконецъ, въ то время, когда печатается въ С.-Петербургскомъ Журналѣ статья Бестужева, А. А. Прокоповичъ-Антонскій произноситъ свою замѣчательную рѣчь „О воспитаніи“[6]), гдѣ излагаетъ замѣчательныя для того времени мысли.

Это увлеченіе вѣка педагогическими теоріями и дало сѣмя, если принять свидѣтельство сына Бестужева, изъ котораго выросъ С.-Петербургскій Журналъ. Мы говорили уже, что поводомъ къ изданію журнала послужила статья Бестужева „О воспитаніи“. По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, это соединенный трудъ А. Ѳ. Бестужева и

---

[1]) С.-П.-бургскій Журналъ, III, апр., 32—33.

[2]) См. напр., XIV главу ея Наказа, а главнымъ образомъ „Инструкцію“ князю Н. Салтыкову.

[3]) Демковъ. Русская педагогика. 1898. Москва, стр. 92—97.

[4]) См. его „Зрѣлище вселенныя, содержащее свѣдѣнія о различныхъ предметахъ, взятыя изъ сочиненій Яна Амоса Коменскаго.

[5]) Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 года.

[6]) Напечатано въ 1807 году въ „Утренней Зарѣ“, кн. IV, перепечатана у Сушкова „Москов. унив. бл. панс.“ прилож., 90 и слѣд.

Пнина[1]), что однако не имѣетъ за собой основаній, такъ какъ онъ въ 1803 году вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ съ именемъ Бестужева[2]). „Опытъ военнаго воспитанія“, по замѣчанію Мазаева, не переводъ и не компиляція: авторъ воспользовался только суммой тѣхъ идей о воспитаніи, которыя господствовали въ передовомъ обществѣ конца XVIII столѣтія“. Воспитаніе опредѣляется здѣсь какъ „наука, какимъ способомъ образовать, научать дѣтей такъ, чтобы они учинились полезными и пріятными для семейства своего, для отечества и были бы въ состояніи доставлять и для самихъ себя благополучіе“. Начальное воспитаніе должно заниматься укрѣпленіемъ тѣла. Авторъ жалуется, что „самыя первыя минуты жизни бываютъ пренебрежены“, въ то время какъ онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что „онѣ завсегда почти опредѣляютъ человѣческій нравъ“. Поэтому воспитаніе не должно быть повѣряемо женщинамъ, которыя вмѣсто того, чтобъ укрѣпить дитя, разслабятъ его еще болѣе, нежели онъ сотворенъ отъ природы“. Что касается женщинъ, то „онѣ должны имѣть воспитаніе больше мужественное: оно, придавая имъ силы, сдѣлаетъ ихъ способными рождать дѣтей съ бо́льшею крѣпостью“. На самомъ же дѣлѣ родители совершенно не заботятся о воспитаніи дѣтей. „Отецъ, занятый своими дѣлами, другой преданъ своимъ удовольствіямъ, забываютъ, что у нихъ есть дѣти. Тамъ мать, въ разсѣяніе погруженная, помышляетъ только о нарядахъ, о забавахъ своихъ, о любовныхъ хитростяхъ; и должностію почитаетъ весьма низкою дѣтями заниматься“. Авторъ указываетъ, что дѣти сначала воспитываются подъ началомъ слугъ и нянекъ, и потомъ наставника, „почасту нимало не имѣющаго тѣхъ качествъ, которыя бы споспѣшествовать могли къ образованію разума и сердца его воспитанника“. Воспитаніе же женщинъ совершенно забыто: „Музыка, танцованье, шитье—вотъ обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младымъ дѣвицамъ“. Но мало

[1]) „Надъ симъ сочиненіемъ трудился одинъ почтенный другъ Пнина, по кажется, и самъ Пнинъ тутъ участвовалъ“ пишетъ А. Измайловъ. См. примѣчаніе въ Журналѣ росс. слов., 1805, ч. III, стр. 100. На эту точку зрѣнія сталъ и Бородинъ [см. его Русская журналистика въ концѣ прошлаго вѣка, „Наблюдатель“, 1891, № 3, а также и у Венгерова, т. 3, стр. 178].

[2]) См. Словарь Венгерова, т. 3, стр. 178. Книга Бестужева вышла подъ заглавіемъ: „Опытъ военнаго воспитанія благороднаго юношества, начертанный по распоряженію знаменитаго италіянскаго законоискусника Филанжери, писавшаго о наукѣ законодательства. Дополненный краткими разсужденіями и нужными примѣчаніями, къ предмету воспитанія касающимися, А. Б-вымъ. Спб. 1803 въ 8 д. 160 стр. Въ своемъ „Опытѣ“ [119] Пнинъ ссылается на этотъ трудъ какъ на трудъ А. Бестужева.

того, имъ „преподаются уроки волокитства; пріучають ихъ къ владычеству, которое они въ совершенныя лѣта обыкновенно распространяютъ; наставляютъ правиламъ, какъ можно возбуждать страсти, вмѣсто того, чтобъ онѣ совершенное отъ нихъ имѣли отвращеніе". А отъ этого и происходитъ, „что если красота ихъ уже увяла, то учиняетъ ихъ безполезными, несносными въ обществѣ, безпокойными и заставляетъ ихъ или въ пронырствахъ или въ мрачномъ набожничествѣ искать своего утѣшенія отъ скуки, ихъ пожирающей". Переходя къ воспитанію общественному, авторъ требуетъ, чтобы „во всякомъ государствѣ воспитаніе юношества было соглашено и совмѣщено съ природою, съ предначертаніемъ и съ правилами правительства". Указывая, что у древнихъ воспитаніе было одинаковое для всякаго члена общества, авторъ говоритъ: „Въ нынѣшнія времена невозможно, чтобы всякій разрядъ общества воспитываемъ былъ одинакимъ образомъ. Воспитаніе можетъ быть повсемѣстное, но не одинаково, общественно, но не единственно. Довольно, если крестьянину, ремесленнику и проч., не смѣшивая ихъ состояніе, правоученіе предпишетъ исполнять постоянно должности приличныя ихъ званію... дастъ извѣстную степень одинакости въ страстяхъ народа и его направленіяхъ". Далѣе и до конца идетъ рѣчь „о воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества". Военное воспитаніе должно научить дѣтей повиновенію, твердости и храбрости. Слѣдуютъ разсужденія о главномъ попечителѣ и наставникахъ, о лѣтахъ поступленія въ училище, о наставленіяхъ и нравственныхъ разговорахъ, о чтеніи книгъ, о наказаніяхъ и т. д.

Что касается статей по политической экономіи, то почти въ каждой книжкѣ помѣщались „Выписки" изъ разсужденій о государственномъ хозяйствѣ извѣстнаго итальянскаго экономиста, друга и сотрудника Беккаріи, графа Верри. Были помѣщены слѣдующія „выписки": въ чемъ состоять можетъ торговля между народами, незнающими чеканныхъ денегъ[1]); что такое чеканныя деньги и какимъ образомъ способствуютъ онѣ къ распространенію торговли[2]); умноженіе и уменьшеніе гусударственнаго богатства[3]); главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣны[4]); худой раздѣлъ богатства[5]) и наконецъ о законахъ, запрещающихъ вывозъ товаровъ за границы[6]).

---

[1]) I, 185, Вступл. I, 237.
[2]) I, 283.
[3]) II, 15.
[4]) II, 96.
[5]) III, сент., 35.
[6]) II, 226.

Печаталось извлеченіе изъ „Recherche des principes de l'economie politique, par le chevalier Jaques Stevart baronet..., т. е. Изслѣдованіе основаній Государственнаго хозяйства, сочин. Кавалеромъ Жакомъ Стуартомъ Баронетомъ", а также и глава изъ „Духа законовъ" Монтескье съ такимъ заглавіемъ: „Сколь люди различны въ разныхъ климатахъ. Книга XIV, глава 2".

Самыми же цѣнными статьями С.-Петербургскаго Журнала были неизвѣстныя дотолѣ произведенія Д. И. Фонвизина: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ и помышленіяхъ моихъ"[1]) и два письма его изъ Франціи „къ нѣкоторой знатной особѣ въ Россіи"[2]). Первое произведеніе слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на немъ; въ письмахъ же рисуются нравы французовъ, подчеркивается ихъ страсть къ театру и разврату, „острота разума". Касаясь политическаго устройства, авторъ отмѣчаетъ, что французы, „имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ"[3]).

Обратимся къ стихотвореніямъ Журнала, которыя могутъ принадлежать Пнину. Здѣсь мы найдемъ философскія оды, нравоучительныя и чувствительныя стихотворенія, басни и т. п.[4]).

Оды этого періода литературной дѣятельности Пнина мало замѣчательны въ литературномъ отношеніи.

Въ одѣ „Время" авторъ хочетъ взглянуть на полетъ времени:

„Кто мнѣ откроетъ часъ, въ который быть ты стало?
Чей смѣлый умъ дерзнетъ постичь твое начало?
Кто скажетъ, гдѣ конецъ теченью твоему?
Когда еще ничто рожденья не имѣло,
Ты даже и тогда одно вездѣ летѣло;
Ты было все; хотя незримо никому!

---

[1]) Спб. Ж., III, іюль 63 и авг. 1.

[2]) ibid., III, сент. I и IV, окт. 1.

[3]) Письма помѣщены въ „Соч. Фонвизина, изд. Ал. Смирдина, 3-е изд. С. П. Б. 1852. Письма изъ Франціи къ гр. П. Ив. Панину въ Москву.

[4]) Спб. Ж. ч. I: Время [1—5], Вечеръ [42—45]; Эпиграмма [54], Эпитафія [54], Къ лунѣ [82]; Ода „Солнце неподвижно между планетами" [113—117], Аллегорическая басня „Надежда, Радость, Стыдливость" [181—182]; „Наставленіе богатому сыну отъ бѣдной матери" [279], Несчастный любовникъ [244]. Ч. II: Эпиграмма [14]; Ч. III: [іюль], Говорунъ [27]; авг.—Басня: Южный вѣтеръ и зефиръ (61—62), Сравненіе блондинки съ брюнеткой (73); сент.—Басня: „Терновникъ и яблоня" (85—87), Сравненіе старыхъ и молодыхъ людей относительно смерти (93), На вопросъ: что есть Богъ (93), Счастіе (94), Загадка (94). Ч. IV: Различіе между роскошнымъ и скупымъ человѣкомъ (65), Преждевременныя родины (Подражаніе Руссо) (122—124), Басня „Воробей и чижъ" (200—202), Пастушка и мальчикъ [236].

Вдругъ бурное стихій смѣшенье прекратилось;
Вдругъ солнцевъ множество горящихъ засвѣтилось;
И дерзкой умъ твое теченье мѣрить сталъ:
На толь, дабы твою увидѣть безконечность;
На толь, чтобъ сихъ міровъ постигнуть краткотечность;
И видѣть, сколь ихъ вѣкъ передъ тобою малъ!"

Указывая, что все подвластно времени, поэтъ продолжаетъ:

„Но сколь твое глазамъ владычество ужасно:
Здѣсь гробы древніе, поросши мхомъ сѣдымъ;
Тамъ стѣны гордыя, подъ прахомъ погребенны;
Истлѣвши города и царства потопленны;
Все въ мірѣ рушится подъ колесомъ твоимъ!"

Далѣе, рисуя разрушеніе природы поэтъ говоритъ:

„Тамъ солнце во своемъ сіяньи истощенно,
Узритъ своихъ огней пыланіе умерщвленно:
Безчисленныхъ міровъ падетъ, изветхнувъ связь;
Какъ холмы каменны, сорвавшись съ горъ высокихъ,
Обрушася падутъ во пропастяхъ глубокихъ;
Такъ звѣзды полетятъ другъ на друга валясь!"..
. . . .
Исчезнутъ солнца всѣ, исчезнутъ круги звѣздны,
Не будетъ ничего, не будетъ самой бездны;
О время! но ты все пребудешь и тогда!"

Такимъ же характеромъ отличается и ода „Солнце неподвижно между планетами", гдѣ излагается система Коперника и опровергается система Птолемея.

Оды Пнина, написанныя до 1798 года, ничѣмъ не выдѣляются на общемъ фонѣ литературы того времени. Онѣ написаны по всѣмъ правиламъ школьной теоріи. „Качество или достоинство высокихъ одъ и гимновъ—писалъ Державинъ[1])—вставляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высокость, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, сравненія и уподобленія... и прочія витійственныя украшенія, нерѣдко нравоученіе"... Все это, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, есть въ одахъ Пнина.

Изъ басенъ этого періода отмѣтимъ „Южный вѣтръ" и зефиръ"[2]).

---

[1]) Разсужденіе о лирической поэзіи или объ одѣ. См. соч. Державина съ прим. Грота, изд. Ак. Н., т. VII, стр. 516.

[2]) Спб. Ж., III, авг. 61—62.

Южный вѣтеръ хвалится передъ зефиромъ тѣмъ, что онъ, проносясь, ломаетъ деревья, приводитъ въ волненіе моря. Но зефиръ отвѣчаетъ ему на это:

„Тиранствуй, разоряй, опустошая міръ,
Пусть будутъ всѣ тебя страшиться, ненавидѣть,
Во мнѣ жъ пусть будетъ всякъ любовь и благость видѣть“.

Басня „Воробей и чижъ“ начинается такъ:

„Своей долей довольныхъ немного найдешь,
Хоть трижды всю землю кругомъ обойдешь;
На чужой кусокъ глядя, всякъ гладитъ свой усъ:
У другого въ рукѣ смаченъ кажется кусъ.

Для характеристики стиха мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этой басни.

„Жилъ въ какой-то деревнѣ нахалъ воробей:
Гдѣ ни вздумалъ, леталъ,
Что хотѣлъ, то клевалъ:
Ничего
Не страшило его.
Этотъ воръ
Залетѣлъ на помѣщичей дворъ“

и видитъ въ клѣткѣ чижика. Воробей начинаетъ завидовать ему, но чижикъ отвѣчаетъ:

„Горемышнымъ свое житье не считай:
Сто разъ счастливѣй ты, я по правдѣ скажу:
Ты по волѣ летаешь я въ клѣткѣ сижу“[1]).

Стихотвореніе „Несчастный любовникъ“ отличается шутливымъ характеромъ. Молодой человѣкъ, влюбившись въ дѣвицу, пишетъ ей письмо. Но

„Проходитъ мѣсяцъ ужъ, проходитъ и другой,
Но отъ Раисы дорогой
Въ отвѣтъ
Ни строчки нѣтъ“[2]).

Несчастный влюбленный хочетъ лишить себя жизни, но случайно узнаетъ, что „милая его ни слова прочитать еще не разумѣетъ“.

Нѣкоторыя стихотворенія, какъ напр., „Къ лунѣ“[3]), отличаются элегическимъ характеромъ. Авторъ старается представить, какъ его

---

1) Ibid., IV, 200—202.
2) Ibid., I, 244.
3) Ibid., I, 82.

возлюбленная, возвратившись домой, найдетъ розу, выросшую на могилѣ поэта.

Наконецъ находимъ нѣсколько четверостишій философскаго характера: „Сравненіе старыхъ и молодыхъ людей относительно смерти“, „На вопросъ: что есть Богъ“ и нѣкоторыя другія. Приводимъ для образца первое:

„Не многимъ юноша чѣмъ старца переходитъ,
И въ участи ихъ та лишь разность состоитъ,
Что къ старцу смерть сама во срѣтенье бѣжитъ,
Напротивъ юноша ко смерти самъ подходитъ“[1]).

Таково направленіе журнала и основные мотивы произведеній Пнина въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности. Мы увидимъ ниже, насколько измѣнится характеръ его лирики.

С. Петербургскій журналъ выходилъ только одинъ годъ. М. Мазаевъ[2]) причиной прекращенія журнала считаетъ появленіе въ немъ „Чистосердечнаго признанія“ Фонвизина. У насъ нѣтъ данныхъ для такого утвержденія, кромѣ глупого свидѣтельства сына Бестужева о томъ, что за „Исповѣдь“ Фонвизина его отца вызывали на дуэль.[3]).

---

1) Ibid., III, сент. 93.

2) Словарь Венгерова, т. 3, стр. 178.

3) Русскій Вѣстникъ. 1861 г. мартъ, т. 32, стр. 302—303. Письма Ал. Ал. Бестужева.

III.

Съ 1799 до 1801 года о жизни и дѣятельности Пнина нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Въ 1801 году ему удалось устроиться письмоводителемъ въ канцеляріи гусударственнаго Совѣта, при чемъ онъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора[1]).

Это было время вступленія на престолъ Александра I. Крутое царствованіе Императора Павла заставило смотрѣть на наслѣдника престола какъ на избавителя. Для Россіи воцареніе Александра было зарею пробужденія.[2]) Современники разсказываютъ, что при этомъ извѣстіи даже незнакомые обнимались и цѣловались на улицахъ.[3])

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ былъ обнародованъ указъ объ отмѣнѣ постановленій Императора Павла относительно запрещенія ввоза книгъ изъ-за границы. Въ новомъ указѣ говорилось: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя, какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства.[4])

Единственнымъ и главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія Александръ I считалъ распространеніе просвѣщенія.[5]) Въ 1802 году было учреждено Министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ первый его министръ П. В. Завадскій. По рекомендаціи Мих. Мих. Сперанскаго директоромъ по Министерству народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Ив. Ив. Мартыновъ, которому было дано порученіе сформировать штатъ служащихъ.[6])

---

[1]) Журн. росс. слов. 1805 г., ч. III, стр. 59.

[2]) Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, стр. 23—24.

[3]) Отраженіе этого въ литературѣ можно найти въ указанн. выше трудѣ Булича, стр. 208.

[4]) Полное собр. законовъ. Т. XXVI, № 19807.

[5]) Подробно см. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію М. И. Сухомлинова, т. I, Спб. 1889

[6]) Записки Ив. Ив. Мартынова въ „Памятникахъ Новой русск. исторіи“, т. II, стр. 99.

24 января 1802 года Пнинъ переходитъ экспедиторомъ въ департаментъ Министерства народнаго просвѣщенія.[1]) Хотя въ „Запискахъ“ Мартынова нѣтъ никакихъ упоминаній о Пнинѣ, однако можно думать, что Пнинъ былъ приглашенъ имъ, какъ его старый знакомый, съ которымъ онъ встрѣчался, какъ редакторомъ С. Петербургскаго журнала.

Въ первый же годъ царствованія Александра, говоритъ Буличъ,[2]) подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія времени въ Петербургѣ сошлось нѣсколько молодыхъ людей, близкихъ между собою дружескими связями и общимъ направленіемъ, которые сначала частно, а потомъ съ разрѣшенія правительства при посредствѣ Новосильцева образовали „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ“. Въ рядахъ его членовъ встрѣчаемъ имена И. М. Борна, В. В. Попугаева,[3]) А. Х. Востокова, Д. И. Языкова, Н. А. Радищева—сына автора „Путешествія“, литератора Н. П. Брусилова и др.

16 ноября 1802 года Пнинъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ этого общества, по предложенію Попугаева, который представилъ согласно уставу Общества въ видѣ рекомендаціи стихи Пнина „На Сонъ“[4])

Въ направленіи дѣятельности этого общества, по словамъ Л. Н. Майкова, замѣчались двѣ струи: одна собственно литературная, другая соціально-политическая. Собственно литературное направленіе Общества выражалось сочиненіемъ и разборомъ разныхъ литературныхъ произведеній, большею частію стихотворныхъ, въ господствовавшемъ тогда чувствительномъ вкусѣ; интересы же соціально-политическіе проявлялись въ томъ, что члены читали въ своихъ собраніяхъ переводы изъ Беккаріи, Филанжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п.[5]) Результатомъ трудовъ Общества

---

[1]) См. выше примѣчаніе 15.

[2]) Буличъ, libid, стр. 85—86.

[3]) Въ краткомъ историческомъ очеркѣ общества сказано, что первую идею общества подали Попугаевъ и Борнъ. (Період. изд. вольн. общ. люб. слов., наукъ и худож. 1804, ч. 1, стр. 1).

[4]) Документы по этому вопросу напечатаны Е. В. Пѣтуховымъ въ Истор. Вѣстн. 1889, т. XXXVII, стр. 141—142. Стихотвореніе помѣщено въ Журн. росс. слов. 1805 г., № 4, стр. 223—225.

[5]) Сочин. К. Н. Батюшкова, Спб. 1887, т. I, стр. 39.

въ первомъ направленіи явился сборникъ „Свитокъ Музъ“.[1]) Здѣсь находимъ оды, носящія серьезный, философскій характеръ, какъ напр., „Ода достойнымъ“ или „Ода фантазія“ Востокова.[2]) Въ послѣдней поэтъ выражаетъ почти тѣ же мысли, какія выразилъ позднѣе Пушкинъ въ своихъ взглядахъ на поэта и поэзію:

„Я нахожусь въ странѣ блаженной,
Гдѣ вамъ не суждено бывать,
Оставилъ я составъ мой бренной,
Чтобъ духомъ къ Богу возлетать;
Я возлетѣлъ—и наслаждаюсь,
Озрѣлся вкругъ—и восхищаюсь,
Повсюду совершенство зря!
Мѣста сіи не оскверняйте
И въ міръ подлунный улетайте:
Отвергла васъ душа моя“.[3])

Здѣсь найдетъ читатель „Пѣснь Богу“, трогательную повѣсть изъ Пфеффеля „Ибрагимъ“ и на ряду съ этимъ стихотворенія, воспѣвающія не только весну, прощаніе съ милой и т. п., но отличающіяся довольно нескромнымъ характеромъ. Такъ, въ стихотвореніи „Ручей“ поэтъ завидуетъ ручью, говоря:

„Тебѣ случается нагую
Нерѣдко также Лизу зрѣть;
Дивлюсь, какъ прелесть зря такую,
Ключемъ не будешь ты кипѣть.“[4])

Другой авторъ обращается „Къ богинѣ души своей“ съ такими словами:

„Приди, и полными лилейными руками
Въ объятія сладки заключи,
И нѣжно къ моему біющемуся сердцу
Дѣвическія перси жми“...
...„Прижми, и дай мнѣ жизнь вкусить богамъ завидну
На лонѣ прелестей твоихъ.
Отъ пламенныхъ моихъ лобзаній пусть алѣетъ
Упругихъ грудей бѣлизна,
И члены въ сладостномъ дрожаніи ощутятъ
Электризацію любви“.[5])

---

[1]) Свитокъ Музъ. Кн. 1. Спб 1802 г. съ эпиграфомъ: Summa paulatim petemus.
[2]) Свитокъ Музъ, стр. 5—8 и 12—21.
[3]) Ibid., стр. 18.
[4]) Свитокъ Музъ, 42.
[5]) Ibid., стр. 79.

Для характеристики рефератовъ по вопросамъ политическимъ мы приведемъ выдержку изъ „Опыта о благоденствіи народныхъ обществъ“, сочиненнаго членомъ общества Попугаевымъ:[1]) „Первое, что могутъ и должны сдѣлать народы для утвержденія колеблющагося своего равновѣсія и спокойствія, есть освободить землепашцевъ отъ бремени ихъ гнетущаго и доставить ему (sic!) спокойствіе мирно наслаждаться плодами его трудолюбія.“

Главными ревнителями второго направленія были—по словамъ Майкова—члены: И. М. Борнъ, В. В. Попугаевъ и И. П. Пнинъ. „Отъ теоретическихъ разсужденій предполагалось перейти и къ практикѣ, именно съ учено-литературными занятіями соединить дѣятельность филантропическую; но обстоятельства помѣшали осуществить это намѣреніе.“[2]) Это общество питало глубокое уваженіе къ Ал. Н. Радищеву, автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Борнъ и Пнинъ въ стихотвореніяхъ на смерть Радищева причислили его къ страдальцамъ за правду. Пнинъ написалъ трогательное и задушевное стихотвореніе, помѣщенное въ „Свиткѣ Музъ“, изданномъ Обществомъ въ 1803 году.[3]) Вотъ это стихотвореніе:

Итакъ, Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ...
То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ.
Уста, что истину вѣщали,
Уста навѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ...
Кто къ счастію велъ путемъ свободы,
Навѣкъ, навѣкъ оставилъ насъ.
Оставилъ—и прешелъ къ покою...
Благословимъ его мы прахъ.
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался—
Я чаю тотъ довольно жилъ.

---

[1]) Цитирую по Пѣтухову, Ж. М. Н. Пр., 1890, мартъ, стр. 82.
[2]) *Л. Н. Майковъ,* О жизни и соч. Батюшкова, Соч. Батюшк. Спб. 1887, т. I, стр. 39.
[3]) Свитокъ Музъ, 1803, ч. 2, стр. 116—144

Кромѣ того, друзья Радищева перепечатали одну изъ лучшихъ главъ „Путешествія“ („Клинъ“), на которомъ лежалъ цензурный запретъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 года.[1])

Первое время Пнинъ не имѣлъ времени часто посѣщать Общество.[2]) Въ засѣданіи 5-го декабря 1803 года было рѣшено послать Пнину слѣдующую записку: „Вольное общество любителей словесности, коего вы членъ, но въ засѣданіи коего вы уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ не присутствовали, требуетъ, чтобы вы въ непродолжительномъ времени объяснили письменно причину сего долговременнаго отсутствія.“ Явившись лично въ Общество 16 января 1804 года, Пнинъ извинился и объяснилъ свое долгое отсутствіе незнаніемъ мѣста, гдѣ собирается Общество. 15 іюля 1805 года Общество избрало Пнина своимъ президентомъ, и онъ намѣревался произвести въ немъ какія-то реформы „для чести Общества и для пользы словесности“,[3]) придать больше жизненности и пользы трудамъ этого учрежденія, котораго дѣятельность не достаточно еще опредѣлилась. Но одинъ лишь разъ удалось ему посѣтить въ новомъ званіи Общество. Смерть Пнина была большою потерей для Общества. Лишившись просвѣщеннаго и энергичнаго руководителя, по словамъ Майкова, оно вскорѣ стало приходить въ упадокъ или, по крайней мѣрѣ, понизилось въ уровнѣ своихъ интересовъ. Болѣе серьезные изъ числа его членовъ, какъ Востоковъ и Языковъ, стали обращаться къ единоличнымъ трудамъ ученаго характера, а другіе не могли направить Общество къ полезной дѣятельности уже потому, что сами не обладали ни талантами ни яснымъ сознаніемъ потребностей времени.[4])

Надо замѣтить однако, что болѣе конкретныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Пнина, какъ члена этого Общества, до сихъ поръ не появилось въ печати: архивъ этого Общества еще не разработанъ. Въ статьѣ Пѣтухова: „Научная и литературная дѣятельность А. Х. Востокова“, гдѣ авторъ приводитъ нѣкоторыя бумаги Общества и гдѣ встрѣчаются имена многихъ членовъ, имени Пнина нѣтъ вовсе.

Въ эти послѣдніе годы жизни Пнина вышли его важнѣйшія произведенія. Такъ, въ 1803 году онъ представилъ императору Александру свое прозаическое рукописное произведеніе: „Вопль невинности,

---

[1]) Сѣверн. Вѣстн. 1805 г., ч. V, стр. 61.

[2]) Данныя, приводимыя ниже, заимствуемъ изъ статьи Пѣтухова (Ист. Вѣстн. 1889, т. 27, стр. 142).

[3]) Журн. росс. слов. 1805, ч. III, стр. 60, статья Брусилова.

[4]) Соч. К. Н. Батюшкова, т. I, *Л. Н. Майковъ*, О жизни и соч. Батюшкова, стр. 44.

отвергаемой закономъ"[1]), за что удостоился высочайшей награды 24 ноября 1803 года.[2]) Сочиненіе это посвящено мучительному для Пнина вопросу о гражданскихъ правахъ побочныхъ дѣтей. Этотъ „самый сильный протестъ въ нашей литературѣ, направленный противъ всего безправія"[3]) и тяжелаго положенія внѣбрачныхъ дѣтей, начинается съ восхваленія Александра, а затѣмъ авторъ открываетъ свою печальную тайну: „Прости, Государь, дерзновенію моему, я можетъ быть первый отважился излить предъ престоломъ Твоимъ чувствованіе отверженной природы. Но я россіянинъ, молодъ и невинно-несчастливъ; вотъ причины, которыя, кажется, довольно достаточны для возбужденія къ себѣ Твоего вниманія. Я долженъ откровенно говорить съ моимъ монархомъ: чистосердечіе есть дань вѣрно-подданнаго доброму царю. Государь, я одинъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ, которыхъ называютъ незаконно-рожденными. Брошенный на сей свѣтъ съ печальною печатію своего происхожденія въ сиротствѣ, не находя вокругъ себя ничего, кромѣ ужасной пустыни; лишенный выгодъ съ общественною жизнію сопряженныхъ, встрѣчая повсюду преграды, поставляемыя предразсудками, на коихъ самые законы основаны; и въ томъ обществѣ, котораго я часть составляю, въ которомъ равное съ прочими имѣя право на мой покой и на мое счастіе, не находить кромѣ горести и отчаянія, и быть въ безпрерывной борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ,—есть, Государь! самое тяжкое наказаніе, достойное одного только злѣйшаго преступника. Поставленный однажды въ семъ мірѣ, ежели я и мнѣ подобные должны все въ ономъ страдать, не видя для себя никакой отрады. Есть ли никто не воспротиворѣчитъ мнѣ, что я существую, что такъ же имѣлъ нѣкогда родителей, и что гласъ, могущественнѣйшій гласъ природы даетъ мнѣ названіе сына, то для чего же, когда на одинъ шагъ приступаю къ правамъ сыновнимъ, тогда законы государственные меня отторгаютъ и не признаютъ меня таковымъ? Есть ли онѣ не одобряютъ такого происхожденія, то для чего же терпятъ, когда преступленіе дѣлается гласнымъ? Для чего сіи, толико важные по послѣдствіямъ, случаи, оставляютъ безъ малѣйшаго вниманія? Для чего законодательство столь далеко отдали-

---

[1]) Напечатано впервые проф. Пѣтуховымъ въ Истор. Вѣстн. 1889, т. 27, 148—160. Рукопись хранится въ Имп. Публ. Библ. въ 2-хъ экземплярахъ: черновомъ, написанномъ, повидимому, рукой автора, и бѣловомъ. На черновомъ эпиграфъ: „Родившійся требуетъ призрѣнія.—Наказъ Великія Екатерины II, данный Комм. о соч. проекта Нов. Улож., ч. вторая: о правѣ особенномъ, гл. I, членъ IV".

[2]) Ibid., стр. 148.

[3]) Русская Мысль, 1905, IX, стр. 184: слова г. Каллаша.

лось здѣсь отъ природы? Уже ли сынъ долженъ во всю жизнь свою наказываться за пороки отца? Сіе, Государь, осмѣливаюсь я отдать на судъ собственному Твоему сердцу; оно лучше рѣшитъ, долженъ ли сынъ отвѣчать, по законамъ ли онъ рожденъ или нѣтъ, и чрезъ то лишиться всѣхъ сыновнихъ правъ, отказываемыхъ ему закономъ же до его рожденія? Какой изъ таковыхъ младенцевъ захотѣлъ бы вступить въ сей свѣтъ, есть ли бы только могъ знать, какая участь его въ ономъ ожидаетъ? Нѣтъ, Государь, онъ конечно не вышелъ бы изъ утробы своей матери, онъ сдѣлалъ бы ее своимъ гробомъ." „...Что можетъ быть, Государь! жесточае сей несправедливости, прискорбнѣе для нѣжнаго сына, какъ знавъ своего отца, не смѣть назвать его симъ именемъ. И когда отецъ, стараясь скрывать отъ общества, что онъ его сынъ, подъ личиной друга человѣчества даетъ ему названіе *воспитанника*, названіе, которое въ такое вошло употребленіе, что сіи великодушные люди съ величайшимъ успѣхомъ научились пользоваться онымъ на щотъ попущенія закона. Иные, вмѣняя ни во что самымъ священнѣйшимъ залогомъ жертвовать преступному своему тщеславію, утѣшаются гласностію, что имѣютъ столько-то несчастныхъ жертвъ, съ которыми поступаютъ они на ровнѣ съ своими слугами. Не рѣдко случается, что братъ наслѣдуетъ своего брата, что сестра наслѣдуетъ свою сестру; то есть такъ называемые незаконные дѣти дѣлаются собственностью, дѣлаются крѣпостными людьми законныхъ дѣтей, не смотря, что тѣ и другіе суть дѣти одного отца. Природа! что стало съ тобой! куда дѣвались права твои? во что обратилось твое святилище, сіе сердце, которое вложило ты въ грудь родителей, и которое каждымъ біеніемъ своимъ наноситъ новый тебѣ ударъ!"[1]) Прочность семьи обусловливаетъ и прочность государства; но современная семья находится въ состояніи полнаго разложенія: она не что иное, „какъ подлый торгъ богатства и тщеславія, какъ совокупленіе имѣній, а не союзъ людей". „Тамъ жестокая мать приноситъ въ жертву корыстолюбію и тщеславію невинность и честь своихъ дочерей и, ввергнувъ ихъ въ поношеніе и несчастіе, сама украшается таковыми трофеями... Здѣсь безразсудный, подлый мужъ, гонясь за безславіемъ, ведетъ съ веселымъ лицомъ жену свою на ложе сладострастнаго вельможи, дабы сей въ толпѣ его окружающей взглянулъ на него съ улыбкою и пожалъ у него руку".[2]) Родители не любятъ своихъ дѣтей; „прелюбодѣйство не возбуждаетъ никакого стыда"; честная любовь сдѣлалась рѣдкою вещью," внѣбрачныя сожительства съ любовницами не под-

[1]) Ист. Вѣстн., 1889, т. 37, стр. 149—150.
[2]) Ibid., 154.

вергаются безславію—вотъ картина современнаго общества, набросанная Пнинымъ. Требуется немедленное и „непремѣнное обузданіе“ и защита правъ незаконнорожденныхъ. Пнинъ и ждетъ всего этого отъ молодого императора Александра и думаетъ, что сдѣлавъ это, Александръ станетъ выше Нумъ, Ликурговъ, Солоновъ, Конфуціевъ, выше Петра и Екатерины, которой Россія обязана воспитательными домами, „ибо никакое царство, никакое правительство, отъ самыхъ первоначальныхъ временъ міра до настоящихъ дней въ разсужденіи сего предмета не представляютъ истинныхъ законоположеній, основанныхъ на природѣ и одобряемыхъ разумомъ.“[1])

Картина развращенности нравовъ, нарисованная Пнинымъ, соотвѣтствовала въ дѣйствительности низкому уровню нравственности того времени.

Въ 1804 году Пнинъ печатаетъ свой знаменитый „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи,“[2]) надѣлавшій много шума и послужившій поводомъ къ преслѣдованію со стороны цензурнаго комитета. Книга вышла въ Петербургѣ „съ дозволенія С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора“ съ двумя эпиграфами. На первой страницѣ: „L'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple. J. A. Chaptal,“[3]) а второй на оборотѣ: „Блаженны тѣ Государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное!“[4]) На слѣдующей страницѣ обозначено содержаніе книги: „I. Въ чемъ состоять должно истинное просвѣщеніе? II. Всѣ ли состоянія въ Россіи требуютъ одинаково просвѣщенія? III. Что можетъ наиболѣе споспѣшествовать просвѣщенію?“

Пнинъ исходитъ изъ того положенія, что „будущіе вѣка должны служить зерцаломъ для законодателя“. Между тѣмъ законодатели совершенно забываютъ это—они только повелѣваютъ государствомъ, руководясь своими минутными влеченіями, а не управляютъ имъ. „Россія имѣла многихъ Обладателей, но Правителей мало.... Можно повелѣвать Государствомъ, не управляя онымъ; ибо власть самодержавія, истекая изъ единой воли, рѣдко какую либо цѣль предполагающей, зависитъ почти всегда отъ расположеній духа дѣйствующей особы. Управлять же народомъ, значитъ пещись о немъ, значитъ на-

[1]) Ibid., 160.

[2]) Санктпетербургъ, Въ Типографіи Ив. Глазунова, 1804.

[3]) Обученіе должно быть измѣняемо сообразно характеру власти, управляющей народомъ.

[4]) Эти слова повторяются затѣмъ на стр. 138.

блюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе, награждать добродѣтель, распространять просвѣщеніе, подкрѣплять церковь, соглашать побужденія чести съ побужденіями пользы, словомъ, созидать общее благо“ (7—8). Петръ Великій, „безсмертный монархъ, отецъ отечества,“ желая вывести Россію на новый путь „предпринималъ для сего нерѣдко такія мѣры, которыя не только не произвели желанныхъ успѣховъ, но впослѣдствіи показали даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ тому противное“ (10). Причина этого лежитъ въ томъ, что онъ имѣлъ великій недостатокъ въ способныхъ исполнителяхъ. „Мысль, говоритъ авторъ, которая сдѣлалась почти общею, поселилась въ головы великихъ людей и которая даже на самаго Преобразователя Россіи простерла свое владычество; мысль, чтобы *невѣжественнымъ народомъ управлять страхомъ и жестокими законами*, есть сколько несправедлива, столько и противна природѣ“ (11). Невѣжественный народъ, „не зная ни прямыхъ отношеній, связующихъ его съ прочими гражданами, ни настоящихъ обязанностей въ разсужденіи власти, имъ управляющей, по сему печальному своему невѣдѣнію при каждомъ шагѣ подверженъ бываетъ заблужденіямъ, которыя по справедливости судя не наказанія, но болѣе исправленія требуютъ. Возмужалый невѣжда подобенъ сильному младенцу, который, слѣдуя безразсудному внушенію своихъ желаній, стремится равно какъ къ доброму, такъ и худому“ (12). Наказаніе приводитъ только къ ожесточенію; только посредствомъ просвѣщенія можно „частныя страсти направить къ единой цѣли, общее добро заключающей“ (15).

Такимъ образомъ, во вступленіи уже видно, что Пнинъ излагаетъ, подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, вопросы народнаго просвѣщенія съ политическо-соціальной точки зрѣнія.

Переходя къ рѣшенію перваго изъ поставленныхъ вопросовъ, авторъ такъ опредѣляетъ истинное просвѣщеніе: „Просвѣщеніе, въ настоящемъ смыслѣ пріемлемое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи онъ ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои обязанности: то-есть, когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной оному власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Если сіи два состоянія не переступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло желаемой цѣли“. Понимая подъ просвѣщеніемъ сознаніе каждымъ членомъ общества своихъ обязанностей, авторъ полагаетъ, что успѣхи образованности нельзя измѣрять числомъ ученыхъ и литераторовъ; истинное просвѣщеніе состоитъ въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ спокойствіи и блаженствѣ каждаго гражданина (17-18)—

мысль, заимствованная у Беккарія. На этомъ основаніи онъ рѣзко высказывается противъ французской революціи и конституціи 24 іюня 1793 года, „которая заключаетъ въ себѣ болѣе метафизическихъ разсужденій, нежели простыхъ вразумительныхъ истинъ“ (21—22), авторовъ же ея называетъ „мнимыми мудрецами“ (19), „законодателями-метафизиками“ (22), отвергаетъ „вольность“ и „равенство“ „Деклараціи правъ человѣка и гражданина.“[1]) Нпнинъ противъ ломки существующихъ соціальныхъ отношеній, онъ только сторонникъ порядка и законности: „Общественный узелъ разсѣкать опасно“ (37). Поэтому законодатель долженъ „*каждому изъ сихъ состояній внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому изъ оныхъ предѣлы, изъ которыхъ выходить было бы ужасно, опредѣлить каждому состоянію его права, предписать его обязанности и умѣть употребить средства для предупрежденія злоупотребленій, на которыя неблагонамѣреніе и эгоизмъ покушаться могутъ*“ (37—38). Отъ положенія, что обществу необходимо неравенство состояній, Пнинъ переходитъ къ рѣшенію второго изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, но предварительно еще разъ подчеркиваетъ что „*неравенство состояній* становится несноснымъ, тягостнымъ бременемъ, возмущаетъ умы и нерѣдко разрываетъ общественный узелъ“ (41), если власть уклоняется въ сторону личныхъ выгодъ, въ то время, какъ всѣ государственныя учрежденія должны стремиться „*къ сохраненію собственности и личной безопасности гражданина.*“ „Собственность!—восклицаетъ авторъ—священное право! душа общежитія! источникъ законовъ! мать изобилія и удовольствій! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, та только благословенна страна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей! Ты чуждаешься невольниковъ. *Права твои не могутъ существовать* ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи; поелику ты обитаешь только *въ царствѣ законовъ*. Собственность! гдѣ нѣтъ тебя, тамъ не можетъ быть и правосудія.[2]) Какимъ же непонятнымъ образомъ держится общественное

---

[1]) Н. Энгельгардтъ (Исторія русск. литер. XIX ст. т. I. Спб. 1902, стр. 31) пишетъ по этому поводу: „Надо думать, что Пнинъ пожертвовалъ „равенствомъ“ и „вольностью“, какъ выбрасываютъ часть одежды гонящимся волкамъ“.

[2]) „Итакъ, „вольность“ и „равенство“—замѣчаетъ Н. Энгельгардтъ—только что изгнанныя, какъ метафизическія выдумки, скромно и незамѣтно возвращаются подъ видомъ „царства законовъ“ и „правъ собственности.“ Далѣе Энгельгардтъ приводитъ слѣдующую справку: „Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣляетъ „Декларація“ и послѣдующія конституціи терминъ „свобода“? „La libertè consiste à pouvoire faire ce qui ne nuit pas à autrui. Ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes que celles qui assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits. Ces bornes ne peuvent être dèterminèes que par la loi (Declaration, Art. 4)“. „Въ „Наказѣ“,

зданіе тамъ, гдѣ не имѣетъ оно надлежащаго основанія? тамъ гдѣ права собственности попранны, гдѣ правосудіе извѣстно по одному только названію, и гдѣ оное болѣе пріобрѣтается посредствомъ денегъ или покровительствъ, нежели исполняется какъ законъ? Тамъ все покрыто неизвѣстностью, все зависитъ единственно отъ случая. Одно мгновеніе—и общественнаго зданія не станетъ. „Одно мгновеніе—и развалины онаго возвѣстятъ о бѣдствіяхъ народныхъ“ (41—43).

Переходя къ плану умственнаго и нравственнаго образованія для четырехъ сословій: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго, Пнинъ замѣчаетъ, что „изъ сихъ четырехъ состояній одно только земледѣльческое является въ страдательномъ лицѣ; поелику сверьхъ Государственныхъ повинностей, коимъ оно подлежитъ и непремѣнно подлежать должно, потому что все, требуемое отъ земледѣльца для пользы Государства, есть сколько необходимо, столько и справедливо. Всякое же другое требованіе есть уже зло, для отвращенія коего нужно законодателю употребить всю свою дѣятельность. Какъ можно, чтобы участь толико полезнѣйшаго сословія гражданъ, отъ которыхъ зависитъ могущество и богатство государства, состояла въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ, человѣковъ ихъ питающихъ и даже прихотямъ ихъ удовлетворящихъ, поступаютъ, съ ними иногда хуже нежели съ скотами имъ принадлежащими. Ужасная мысль! Какъ согласить тебя съ цѣлію гражданскихъ обществъ, какъ согласить тебя съ правосудіемъ, долженствующимъ служить онымъ основаніемъ?“ (48—49). Послѣ ссылки на „Наказъ“ Екатерины[1]) Пнинъ снова возвращается къ вопросу о собственности (Опытъ, стр. 51—52) и въ заключеніе говоритъ: „И такъ самый важнѣйшій предметъ, долженствующій занимать Законодателя есть тотъ, *чтобы предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія, могущіе защитить*

который за четверть вѣка до французскаго національнаго собранія провозглашалъ всѣ принципы „Деклараціи“, читаемъ: „Равенство гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ были подвержены тѣмъ же законамъ“ (Франц. текстъ „Наказа“; L'egalité de tous les citoyens consiste en ce qu' ils soient tous sou mis aux mêmes Loix). Далѣе: „Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію“ (La libertè politique, dans un citoyen, est cette tranquillité d'esprit qui provient de l' opinion que chacun a de sa sûretè). (Наказъ Екатерины Вторыя. Спб. 1893. Страницы 10 и 11. Статьи 34 и 39)“.

[1]) Глава XI, § 253, стр. 97. Пнинъ приводитъ слова: „избѣгать случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю (божественныя слова!)“ и т. д. Слѣдующая ссылка на главу XIII, § 295, стр. 110 при словахъ: „земледѣліе не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“ (стр. 50).

ону отъ насилій, словомъ: сдѣлать ону неприкосновенною" (52). „Тогда только съ увѣрительностью приступить можно къ ихъ образованію" (53). Взглядъ, что крестьяне прежде должны быть свободны, а потомъ уже нужно позаботиться объ ихъ просвѣщеніи выдѣляетъ Пнина среди публицистовъ того времени.

Рисуя печальное положеніе крестьянъ, авторъ касается быта и другихъ сословій. Купцы не поддерживаютъ другъ друга въ несчастныхъ случаяхъ: богатый купецъ, видя неудачу и гибель своего товарища, не подаетъ ему никакой помощи, но и старается притѣснить его, чтобы воспользоваться его несчастіемъ. Въ службу гражданскую, по словамъ автора, опредѣляютъ безъ всякаго разбора; чины и мѣста раздаютъ людямъ, едва умѣющимъ читать и подписывать свое имя; люди же достойные избѣгаютъ службы, опасаясь попасть подъ начальство господъ, заслуживающихъ не почета, а презрѣнія. Общій взглядъ XVIII вѣка на воспитаніе положилъ свою печать и на взгляды Пнина. Его система сводится къ тому, „дабы гражданъ сдѣлать *напередъ добродѣтельными*, а потомъ уже *просвѣщенными*" (59)[1]. Но и при такомъ отвлеченномъ взглядѣ на воспитаніе, по справедливому замѣчанію г. Прыткова, Пнинъ сумѣлъ перенести дѣло на болѣе практическую почву:[2]) по его мнѣнію, воспитателямъ нужно стремиться къ тому, „дабы пріуготовить для Россіи Россіанъ, а не иностранцевъ" (59).

Переходя къ подробному разсмотрѣнію просвѣщенія каждаго изъ названныхъ сословій, Пнинъ считаетъ первою необходимостью разъяснить каждому сословію его обязанности по отношенію къ другимъ. Поэтому при просвѣщеніи земледѣльцевъ слѣдуетъ обратить вниманіе на разъясненіе вопросовъ, что такое земледѣлецъ, сколько родовъ земледѣльцевъ, что значатъ они въ государствѣ, и отсюда вывести „обязанности власти и обязанности подчиненія" (90—93). Разъ земледѣліе есть единственная цѣль земледѣльца, то „земледѣльца должно обучать земледѣлію" (96). Поэтому въ училищахъ для земледѣльцевъ должно обучать чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, свойствамъ и обработкѣ полей, свойствамъ и сохраненію сѣмянъ, обработкѣ естественныхъ и искусственныхъ луговъ, осушенію болотъ, скотоводству и тому подобному (97—99). При обученіи мѣщанскаго сословія надо „стараться возбуждать въ мѣщанахъ

---

[1]) Курсивъ подлинника. Слѣдуетъ при этомъ ссылка: „Въ семъ случаѣ я совершенно одинаковаго мнѣнія съ г. *Виреи*" и указывается трудъ послѣдняго „De l'Education publique et privée des François".

[2]) Прытковъ, стр. 34.

любовь къ ихъ состоянію" (103), выяснить, что есть мѣщанинъ, какое мѣсто занимаетъ и т. д. (102—105). Поэтому въ мѣщанскомъ училищѣ слѣдуетъ преподавать: русское чтеніе, чистописаніе, грамматику, ариѳметику, введеніе во всеобщую исторію и географію, сокращеніе и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и тригонометрію, математическое и физическое познаніе земного шара, физику, естественную исторію и технологію, практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края. Для „образованія и обученія купцовъ, наукамъ, званію ихъ приличествующимъ" (108) необходимо заведеніе коммерческихъ училищъ, гдѣ къ предметамъ мѣщанскихъ училищъ необходимо присоединить: чтеніе, чистописаніе и грамматику англійскаго языка, алгебру, купеческіе счеты всѣхъ родовъ, простую и двойную бухгалтерію, исторію коммерціи и навигаціи, познаніе торговли и товаровъ и наконецъ сокращеніе всего человѣческаго познанія и діэтетику (111—112). Для сословія дворянскаго, воспитывающагося въ корпусахъ, необходимо ввести преподаваніе юридическихъ наукъ, необходимо учредить юнкерскія училища въ Казани, Вильнѣ и Москвѣ (123 и 126). Переходя къ воспитанію духовенства, Пнинъ высказывается противъ господства языка латинскаго (131) и вообще древнихъ языковъ. „Не полезнѣе ли бы было вмѣсто ихъ обучать языкамъ болѣе употребительнѣйшимъ, и получившимъ, такъ сказать, право гражданства во всей Европѣ". „Но еще болѣе желалъ бы я, продолжаетъ Пнинъ, чтобы господа учители, вмѣсто слишкомъ разсыпаемыхъ Риторическихъ цвѣтковъ, вмѣсто высокопарнаго слога, который надутостію своею затемняя ясность мыслей, производитъ скуку или смѣхъ; сколько возможно наблюдали, чтобъ ученики, при сочиненіи проповѣдей старались писать оныя самымъ простымъ, яснымъ и для всѣхъ вразумительнымъ слогомъ, напоминая имъ, что они не къ ученымъ, но къ народу говорить должны" (132—133).

Отвѣчая на третій изъ поставленныхъ вопросовъ, что̀ можетъ наиболѣе споспѣшествовать просвѣщенію, авторъ выдвигаетъ *поощреніе* (135—141). „Одни просвѣщенные Государи могутъ чувствовать нужду въ просвѣщеніи народномъ и слѣдовательно знать пользы *поощреніемъ* производимыя. Возвратить права разума гонимому и стѣсненному, освободить его отъ узъ злобнымъ невѣжествомъ на него наложенныхъ, свойственно одной только мудрости. Блаженны тѣ Государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное!" (137—138).

Книга понравилась публикѣ и разошлась такъ быстро, что въ

этомъ же году понадобилось новое изданіе.[1]) Она была представлена авторомъ въ цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, по словамъ автора, по волѣ монарха. Но нашелся нѣкто Гавріилъ Гераковъ, извѣстный уже въ то время своими патріотическими произведеніями, и донесъ на книгу какъ на крайне вредную и исполненную разрушительныхъ правилъ.[2]) Результатомъ этого доноса было то, что новое изданіе книги не разрѣшено, и даже оставшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры перваго изданія предписано было изъять изъ обращенія. Главный доводъ, приводимый цензурнымъ комитетомъ противъ книги Пнина, заключался въ томъ, что „авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые монархи наши усмотрѣли его давно, но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь черезъ то еще бо́льшаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу: мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, то-есть къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе бы было предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такова класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу.“ Приведя слова автора: „Насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ,“ цензоръ прибавляетъ: „Хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи, какъ то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ ничего для себя священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ.“ Приговоръ цензуры вызвалъ протестъ

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія, источникъ которыхъ не указанъ, мы заимствуемъ изъ книги Сухомлинова (Изслѣд. и статьи по русск. литер. и просвѣщ. Спб., 1889, т. I, стр. 432—434), который ссылается на дѣла архива министерства: карт. 218, 9826, представленія Петербургскаго цензурнаго комитета отъ 2-го декабря 1804 г. за № 15.

[2]) Русск. Вѣстн. 1858, № 23. Ср. Пятковскій, Op. cit., стр. 65.

со стороны автора. Въ объясненіи своемъ, представленномъ въ главное правленіе училищъ по поводу „Опыта о просвѣщеніи,“ Пнинъ писалъ: „Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски, имъ употребляемыя, соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ. Впрочемъ все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго Наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ Монарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное мною къ настоящему положенію вещей“.

Подводя итоги сказанному, мы должны признать, что „Опытъ о просвѣщеніи“ повторялъ мысли Радищева о необходимости уничтоженія крѣпостного права. Но если Радищевъ въ своемъ „Путешествіи“ обращается главнымъ образомъ къ чувству читателя, рисуя трагическія сцены,[1]) то Пнинъ старается дать научное обоснованіе тѣмъ идеямъ, которымъ онъ служитъ.

Въ 1804 году Пнинъ думалъ издать свои сочиненія въ отдѣльномъ сборникѣ подъ заглавіемъ „Моя Лира“, но впослѣдствіи оставилъ это намѣреніе.[2]) Склонясь на просьбы журналистовъ,[3]) онъ печаталъ свои стихотворенія въ журналахъ 1805 года, особенно въ „Журналѣ россійской словесности“,[4]) издаваемомъ его другомъ Брусиловымъ. Журналъ этотъ отличался либеральнымъ направленіемъ.[5]) Кромѣ Бенитцкаго, Измайлова и Брусилова, особенно много работалъ въ этомъ

---

[1]) См. напр. главу „Зайцево“, „Пешки“ и др. т. п.

[2]) Журн. росс. слов. 1805, № 10, стр. 61.

[3]) Ibid.

[4]) Здѣсь были помѣщены: Ч. I, № 1. Ода „Человѣкъ“ (подпись *⁎*), стр. 38—45; № 2. Уединеніе, *⁎* стр. 108—110; № 4 Стихи на сонъ *⁎*, 223—225. Ч. II. № 6 Къ рощѣ *⁎* стр. 91—93, № 7 Царь и придворный *⁎* стр. 152—153, Гимнъ (въ отдѣлѣ „Извѣстія и Смѣсь“, стр. 168—170); Ч. III, № 10. Ода „На правосудіе“, Пнинъ, стр. 67—75, № 12 Письмо къ Издателю (Сочинитель и Цензоръ), Пнинъ, стр. 161—168.

[5]) Подробную характеристику журнала можно найти въ VI томѣ словаря Венгерова, стр. 80—85.

направленіи Пнинъ. Кромѣ того, Пнинъ сотрудничалъ въ „Журналѣ для пользы и удовольствія“[1]) и помѣстилъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній въ журналѣ „Любитель словесности.“[2])

Въ угодность господствующему литературному направленію своего времени Пнинъ продолжалъ писать оды. Однако оды этого періода выгодно отличаются какъ отъ его одъ, помѣщенныхъ въ „С. Петербургскомъ журналѣ“, такъ и отъ одъ его предшественниковъ, преобладаніемъ въ нихъ публицистическаго элемента. Какъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ, такъ и стихотворныхъ Пнинъ высказывалъ однѣ и тѣ же мысли и былъ прежде всего публицистомъ.

Такъ, ода „Человѣкъ“[3]) посвящена прославленію человѣка, всемогущества его разума и творчества.

„Природы лучшее созданье,
Къ тебѣ мой обращаю стихъ!
Къ тебѣ стремлю мое вниманье,
Ты краше всѣхъ существъ другихъ.
Что я съ тобою ни равняю,
Твои дары лишь отличаю
И удивляюсь я тебѣ.
Едва ты только въ Міръ явился,
И Міръ мгновенно покорился,
Пріявъ тебя царемъ себѣ.
    Ты царь земли—ты царь вселенной,
Хотя ничто въ сравненіи съ ней.
Хотя ты прахъ единъ возженный,
Но мыслію великъ своей!
Предпримешъ что—вселенна внемлетъ,
Творишъ—все дѣйствіе пріемлетъ,

---

[1]) Въ „Журналѣ для пользы и удовольствія“ были помѣщены: Ч. II, № 5 Надежда ***, стр. 149—151, № 6 Ода „На правосудіе“, Пнинъ, стр. 198—202. Ч. IV, № 10 Посланіе къ нѣкоторымъ писателямъ, Пнинъ, стр. 33—37, Ода на болѣзнь, Пнинъ, стр. 37—40, Щастіе, П***ъ, стр. 45, О женитьбѣ, Пнинъ, стр. 58, Любовь, Пнинъ, 70—71; № 11. Ода на славу, Пнинъ, 135—139, Зависть *** 139—140; № 12 Ода „Богъ“, Пнинъ, 181—186, Плачъ надъ гробомъ друга моего, П ***, 238--243.

[2]) Въ „Любителѣ словесности“ находимъ: Ч. II, № 4, Сравненіе старыхъ людей съ молодыми, Пнинъ, 39, Мысли о табакѣ, Пнинъ, 40; Надгробіе Е. А. Колычеву, 40; № 5 Эпитафія Плясуну, 133; № 6, Верховая лошадь, 207—208. Всѣ съ полною подписью автора.

[3]) Помѣщена впервые въ „Журн. росс. слов.“ январь, 1805 г. стр. 38—45, хотя съ подписью ***, однако принадлежность ея Пнину засвидѣтельствована Брусиловымъ (ibid., ч. 3, стр. 62).

Ни въ чемъ не видишь ты препонъ.
Природою распоряжаешъ,
Всѣмъ властно въ ней повелѣваешъ,
И пишешь ей самой законъ.
На что мой взоръ ни обращаю,
Мое все сердце веселитъ.
Вездѣ твои дѣла встрѣчаю,
И каждый мнѣ предметъ гласитъ
Твоей рукой запечатлѣнной:
Что ты зиждитель есть вселенной;
И что бы степью лишь пустой,
Природа, безъ тебя, стояла,
Такихъ бы видовъ не являла,
Какіе зрю передъ собой.

Превознося творческую дѣятельность человѣка, авторъ особенно возмущается тѣми унизительными сравненіями, къ которымъ любили прибѣгать наши одописцы, а въ числѣ ихъ и Державинъ, написавшій извѣстную оду „Богъ."

Какой умъ слабый, униженный,
Тебѣ дать имя *червя*[1]) смѣлъ?
То рабъ нещастный, заключенный,
Который чувствій не имѣлъ:
Въ оковахъ тяжкихъ пресмыкаясь,
И съ червемъ подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Съ начала въ горести признался,
Потомъ въ сихъ мысляхъ вѣкъ остался:
Что *человѣкъ—лишь червь земной.*
Прочь мысль презрѣнная! ты сродна
Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,
У коихъ вѣкъ мысль благородна
Не озаряла мракъ умовъ.
Когда невольникъ разсуждаетъ?
Онъ заблужденья лишь сплетаетъ,
Не знавъ природы никогда.
И только то ему священно,
Къ чему насильствомъ принужденно
Бываетъ движимъ онъ всегда.

---

[1]) Вездѣ курсивъ автора.

Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ *Человѣка* я,
Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой, такъ мраченъ, какъ земля.
Одинъ есть все, другой ничтожность.
Когда бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу; разсмотрѣлъ,
Кто бѣдствiй всѣхъ его виною?
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи—что надѣлъ.

Авторъ проникнутъ благоговѣнiемъ къ зиждителю-человѣку:

Прими мое благоговѣнiе,
Зиждитель-человѣкъ! прими.
. . . .
Кто показалъ тебѣ искуство
Намъ въ звукахъ страсть изображать?
То наполнять восторгомъ чувство,
То вдругъ насъ плакать заставлять?
. . . .
Кто правосудiе заставилъ
Тебя дороже жизни чтить?
Кто сострадать тебя наставилъ
И благо повелѣлъ творить?
. . . .
Скажи мнѣ наконецъ: какою
Ты силой свыше вдохновленъ,
Что все съ премудростью такою
Творить ты въ мiрѣ наученъ?
Скажи? но ты въ отвѣтъ вѣщаешь:[1])
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .[2])

---

[1]) Интересно сопоставить съ этимъ слѣдующее мѣсто изъ оды Державина „Богъ“:
„Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь“ и т. д.
(Соч. Державина, т. I, стр. 132, 2-ое академич. изданiе, Спб. 1868)

[2]) Четыре стиха, вычеркнутые, повидимому, цензоромъ.

Къ сожалѣнію, отвѣтъ человѣка вычеркнутъ цензоромъ и замѣненъ рядами точекъ. Послѣ отвѣта человѣка авторъ продолжаетъ:

Ужель ты самъ всѣхъ дѣлъ виною,
О человѣкъ! Что въ мірѣ зрю?
Снискавши мудрость самъ собою
Чрезъ *трудъ* и *опытность* свою,
Прешелъ препятствій ты пучину,
Улучшилъ ты свою судьбину,
Природной бѣдности помогъ.
Суровость превратилъ въ доброту;
Вліялъ въ сердца любовь, щедроту,
Ты на земли, что въ небѣ Богъ!"

Лучшей одой Пнина, по отзыву современниковъ[1]), была ода „На правосудіе"[2]) съ эпиграфомъ изъ Гольбаха: „Правосудіе есть основаніе всѣхъ общественныхъ добродѣтелей". А. Галаховъ въ „Исторической хрестоматіи" сопоставляетъ содержаніе оды съ содержаніемъ „Опыта о просвѣщеніи." Начинается она подражаніемъ одѣ Ломоносова „Царей и царствъ земныхъ отрада возлюбленная тишина":[3])

Блаженство смертныхъ, царствъ подпора,
Злодѣевъ страхъ, невинныхъ щитъ,
Ты, коего трепещетъ взора
Порокъ, хоть онъ вѣнцемъ покрытъ.
Ты, кое лицъ не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабовъ, вельможей и царей;
Ты безъ кого бъ и Боги сами
Не почитались бы Богами
И не имѣли олтарей.

О Правосудіе! тобою
Хранится только смертныхъ родъ.
Гдѣ ты—тамъ съ мирною душою
Трудовъ своихъ вкушаютъ плодъ.
Гдѣ ты—тамъ собственность священна,
Тобою твердо ограждена,

---

[1]) Журн. росс. слов., ч. III, стр. 62, ст. Брусилова.

[2]) Вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ Спб. безъ обозначенія года; печаталась въ „Журн. для пользы и удов." 1805, въ маѣ, стр. 149—151, перепечатана въ „Журн. росс. слов.," 1805, окт. 67—75, а позднѣе А. Галаховымъ въ Истор. Хрест., т. II. Спб. 1864 г. стр. 176—178.

[3]) Что также указано А. Галаховымъ, Ibid. стр. 180.

Ликуетъ въ счастливыхъ сердцахъ.
Тамъ всюду золотой рѣкою
Текутъ сокровища съ тобою
И зрится радость на челахъ.
Гдѣ ты—тамъ царствуютъ законы,
Тамъ человѣкъ всегда почтенъ.
Тамъ тверды въ основаніяхъ троны,
И къ правдѣ путь не загражденъ.
Тамъ истина безъ страха ходитъ,
Ко всѣмъ безъ робости подходитъ,
И чистою своей рукой
Личину съ зависти срываетъ,
Коварство, мщенье обнажаетъ,
И кажетъ умыселъ ихъ злой.
Гдѣ ты—тамъ равными правами
Граждане пользуются всѣ.
Тамъ надъ породой и чинами
Заслуги верьхъ берутъ однѣ.
Тамъ гнусна лесть у всѣхъ въ презрѣньи,
Наружный блескъ не въ уваженьи,
Не чтутъ достоинствомъ его.
Богатый съ подлою душою
Ничто предъ честной нищетою;
Добро превыше тамъ всего.
Гдѣ ты—тамъ вопль не раздается
Нещастныхъ, брошенныхъ сиротъ;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ"...

Итакъ, *правосудіе* и *собственность* составляютъ благополучіе человѣческихъ обществъ (ср. „Опытъ", стр. 41—42, см. выше стр. 40, гдѣ приведено это мѣсто), и попраніе послѣднихъ влечетъ за собой возмущеніе и народныя бѣдствія (ср. „Опытъ" стр. 42—43, приведено у насъ выше на стр. 41).

„Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ все рыдаетъ,
Все стонетъ, смерть къ себѣ зоветъ;
Пожаръ вражды вездѣ пылаетъ,
И жертвы острый мечъ сѣчетъ"...
...„Тамъ сѣтуетъ сама Природа,

Права отъяты у Народа,
И тигры агнцевъ тамъ пасутъ.
Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ всѣ нещастны
Отъ земледѣльца до Царя...
...Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры,
Шипятъ пороки и язвятъ.
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ;
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ.
Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ нѣтъ невинныхъ,
Тамъ гибнутъ всѣ своей чредой;
Тотъ нынѣ жертвою былъ сильныхъ,
А завтра сильныхъ жребій злой
Ведетъ на эшафотъ кровавый.
Тамъ совѣсть и разсудокъ здравый
Не сильны произнесть свой гласъ".

Если суждено нѣкогда міру упасть со своей оси и погрузиться въ хаосъ,

„То роковой сей день природы
Тогда постигнетъ лишь народы,"

когда справедливость скроется отъ людей.

Подобно Державину Пнинъ написалъ оду „Богъ"[1]), гдѣ выводилъ бытіе Божіе изъ цѣлесообразности міра:

„Кто неизмѣнный сей въ природѣ
Порядокъ дивный учредилъ?
Стремится къ цѣли все своей—
Льзя-ль цѣли быть безъ воли чьей?"

Но авторъ не можетъ, чтобы не вернуться къ своей основной темѣ—защитѣ „угнетенной невинности". Онъ рисуетъ картину страданій человѣчества:

„Что слышу, вопль мой слухъ пронзаетъ!
Я внемлю ропотъ, стонъ людей.
Тотъ руки къ Небу воздѣваетъ,

---

[1]) Помѣщена въ „Журналѣ для пользы и удовольствія" 1805, дек., стр. 181—186. Редакція сдѣлала нѣкоторыя поправки въ слогѣ, какъ это видно изъ примѣчанія къ одѣ на стр. 181 журнала. Слогъ этой оды, а также и содержаніе даетъ поводъ думать, что ода относится къ болѣе раннему времени, именно ко времени императора Павла, когда по цензурнымъ соображеніямъ она не могла быть напечатана, но ходила, быть можетъ, въ спискахъ, какъ можно догадаться изъ примѣчанія редакціи, гдѣ она проситъ за исправленіе слога извиненія у „безпристрастныхъ читателей, *кои имѣютъ у себя подлинники, или копіи* сочиненій достойнаго памяти Пнина" (Ibid., стр. 181).

Лія ручьи слезъ изъ очей.
Другой, не зря бѣдамъ конца,
Винитъ въ отчаяньи Творца!
Почто, почто меня караешь?
Вѣщаетъ въ горести своей;
Дѣтей мнѣ данныхъ погубляешь,
Что крови стоили моей:
Въ комъ мнилъ имѣть подпору я,
Ты то отъемлешь у меня.
Уже цѣпьми обремененны,—
Съ улыбкой ихъ влачитъ злодѣй;
Добычей сею восхищенный,
Смѣется слабости моей.
И не щадя власовъ сѣдыхъ,
Сосетъ ихъ кровь—въ очахъ моихъ!
Повсюду слышу лишь стенанья!
Народы ропщутъ на Творца:
Доколѣ будемъ злодѣянья
Взводить на тронъ подъ сѣнь вѣнца?
И подъ щитомъ лучей своихъ
Щадить коварныхъ, гнесть благихъ?"

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь имѣются въ виду времена императора Павла.

Небесный голосъ отвѣчаетъ, что человѣкъ не умѣетъ пользоваться предоставленными ему средствами для счастія и свободы, а потому и страдаетъ:

Почто свой ропотъ ты возносишь,
И ставишь бѣдъ меня виной?
Въ чемъ безпорядокъ ты находишь?
Вѣщай теперь передо мной:
Не то ли солнце и лучи,
Не тотъ ли мѣсяцъ зримъ въ ночи?
. . . .
Вѣщайте вкупѣ всѣ народы
Чего—любя васъ—не далъ я?
Въ утробѣ зримыя природы
Вы все найдете для себя.
Все щастіе ваше въ ней одной;
Вы сами вашихъ бѣдъ виной!
О человѣки! вы виною
Терпимыхъ между вами бѣдъ!

Коль кровь сиротъ течетъ рѣкою,
Коль правосудья вовсе нѣтъ,
И суть злодѣйства безъ числа,
То ваши—не мои дѣла!
Гдѣ опытъ, гдѣ разсудокъ здравый,
Что васъ должны руководить?
Они покажутъ путь вамъ правый,
По коему должны иттить.
Лишь подъ щитомъ священнымъ ихъ
Найдете корень золъ своихъ".

Такимъ же характеромъ отличается и ода „На славу"[1]), мало замѣчательная въ литературномъ отношеніи. Въ этой одѣ видно желаніе автора обличить недостатки общественной жизни того времени.

Таковы оды Пнина. Это далеко не тѣ оды, которыя восхваляли „красу русской земли, ея несчетныя богатства, силу и величіе Россіи, могущество русскаго народа, его побѣды, его славное прошедшее, его великую будущность".[2])

Стихотворенія и басни Пнина также отличаются публицистическимъ характеромъ. Такъ, въ стихотвореніи „Надежда",[3]) гдѣ проводится мысль, что надежда руководитъ человѣкомъ на каждомъ шагу его жизни, Пнинъ не оставилъ тона публициста и не обошелся безъ того, чтобы не подчеркнуть современную непригляднуо дѣйствительность:

Воззрю ли на раба въ оковахъ,
Что вѣкъ въ неволѣ жизнь влачитъ;
На сирую вдовицу въ стонахъ,
Что тощей смерти кажетъ видъ;
Зря одного въ цѣпяхъ желѣзныхъ,
Другую зря въ мученіяхъ слезныхъ,
Я вопрошаю самъ себя:
Что держитъ въ жизни сихъ нещастныхъ?
Надежда! дней они ждутъ ясныхъ,
И жизнь мила имъ чрезъ тебя".

Сказка „Царь и придворный",[4]) разсказываетъ про одного царя, прогуливавшагося со своими придворными около египетскихъ пирамидъ и восхищавшагося ими.

[1]) Напечатана послѣ смерти Пнина въ „Журн. для пользы и удовольств." 1805, № 11, стр. 135—139. По слогу надо отнести къ болѣе раннимъ его одамъ.

[2]) Современникъ, 1865, окт. 248. Цитирую по Истор. р. литер. Пыпина, т. IV, стр. 70.

[3]) Журналъ для пользы и удовольствія, 1805, май, стр. 149—151.

[4]) Журналъ россійской словесн., 1805, ч. III, 152—153.

„Придворныежъ такихъ случаевъ не теряютъ
И превосходно знаютъ,
Когда и какъ Царю польстить.
И потому одинъ такъ началъ говорить:
Великой Государь! зри камня блескъ того,
Что съ верху прочіе собою прикрываетъ,
И кои сдѣланы лишь только для него.
Не вѣрно ль, Государь, сіе изображаетъ
Народъ твой и тебя?

Но царь оказался мудрымъ, и вотъ какъ отвѣтилъ льстецу:

„Мой другъ, совсѣмъ съ тобой противнаго я мнѣнья,
И мыслить никогда, какъ ты не буду я...
...Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
Разбился бъ въ прахъ—частей его не отыскали,
Когда бъ минуту хоть одну
Поддерживать его другіе перестали".

Притча „Верховая лошадь"[1]) разсказываетъ исторію нѣкоего Клита, который, купивъ пугливую лошадь, завязалъ ей глаза и скакалъ на ней, пока не свалился „въ ровъ глубокой, водяной". Мораль этой басни такова:

„О вы, правители скотовъ или людей,
Замѣтьте черезъ опытъ сей,
Что тотъ безумно поступаетъ,
Кто нужный свѣтъ скрываетъ
Отъ ихъ очей;
Что скотъ и человѣкъ,
Когда лишены зрѣнья,
Опаснѣе для управленья".

Замѣчательно „Посланіе къ нѣкоторымъ писателямъ", какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Написано оно особымъ стихотворнымъ размѣромъ, такъ называемымъ „русскимъ складомъ", который въ первые годы XIX столѣтія увлекалъ многихъ писателей. Появленіе этого увлеченія приписываютъ Радищеву („Бова", теоретическія разсужденія) и Карамзину („Илья Муромецъ"), за которыми пошли Н. Львовъ („Добрыня"), А. Х. Востоковъ („Пѣвисладъ и Зора"), Н. Гнѣдичъ, Батюшковъ.[2]) Этотъ списокъ нужно дополнить именемъ Пнина. Къ сожалѣнію, это интересное стихотвореніе Пнина нигдѣ не нашло себѣ

---

[1]) Любитель словесности, 1806, іюнь, 207—208.

[2]) Л. Н. Майковъ. О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, стр. 40—42 (Соч. К. Н. Батюшкова, т. I. Спб. 1887).

мѣста для перепечатки[1]). Въ виду библіографической рѣдкости „Журнала для пользы и удовольствія,“[2]) гдѣ впервые оно появилось, мы приводимъ его полностію.

Къ вамъ, друзья мои Писатели,
Къ вамъ мою рѣчь обращаю я,
Съ вами я хочу бесѣдовать!
Вы повѣдайте причину мнѣ,
Для чего вы такъ злословите
Вамъ подобныхъ Сочинителей?
Не ужели, зря погрѣшности
Въ сочиненьяхъ издаваемыхъ,
Безъ обидъ и безъ ругательства
Вамъ не можно говорить о нихъ?
Не ужели почитаете,
То похвальнымъ вы дѣяніемъ,
Чтобы честь и добродѣтели,
За ошибки, всѣмъ намъ сродныя,
Осуждать съ такою злостію
Брата вашего Писателя?

* * *

Ахъ, послушайте, друзья мои,
Что намѣренъ предложить я вамъ
При удобномъ теперь случаѣ:
Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ
Васъ учить, или предписывать
Вамъ какія либо правила?
Безъ меня людей довольно есть,
Кои вѣкъ свой занимаются
Налагать оковы разуму—
Нѣтъ, не то въ виду имѣю я!
Откровенно вамъ признаюся,
Я намѣренъ лишь напомнить вамъ,
Что мнѣ кажется забыли вы—
И что свято бъ сохранять должны
Вы въ своей учоной памяти.

* * *

[1]) Прытковъ о немъ совершенно не упоминаетъ. Нѣсколько стиховъ приводитъ Каллашъ. Русс. мысль,1905, IX, 183.
[2]) 1805 г., окт., стр. 33—37.

Естьли даромъ краснорѣчія
И искуствомъ хорошо писать,
Вы предъ протчими блистаете;
Естьли умъ вашъ изобилуетъ
Тѣми знаньями глубокими,
Кои нужны для сужденія
О какомъ либо твореніи
И прямаго доказательства,
Что въ немъ можно и неправильно;
По чему—гдѣ, заблуждается
Сочинитель въ своихъ мнѣніяхъ,
И напрасно устраняется
Отъ стези себѣ назначенной,
И по коей бы онъ долженъ былъ
Своего вести читателя
До предмѣта, имъ желаннаго;
Словомъ, естьли вы имѣете
Совершенства, коихъ нѣтъ въ другихъ,
И посредствомъ коихъ видите
Ясно въ протчихъ всѣ погрѣшности;
То ужели дарованія
Вамъ на то даны природою,
Чтобы слабость зря Писателей,
(Впротчемъ цѣль всегда похвальную
Намъ своимъ трудомъ являющихъ),
По единственной притчинѣ сей,
Принимать ихъ за враговъ себѣ,
И стрѣлами ядовитыми
Злобной и завистной критики
Уязвлять ихъ безъ пощады всѣхъ?

* * *

Ахъ, опомнитесь, друзья мои,
Вы забыли, что есть способы,
Кои вы употреблять должны
Завсегда въ подобныхъ случаяхъ.
По чему, для лучшей памяти,
Сіи способы представлю вамъ:

* * *

Ежели когда нечаянно,
(Что всегда у васъ случается)
Попадется сочиненіе
Въ ваши руки весьма слабое,
И которое исполнено
Недостатковъ и погрѣшностей,
Да и съ лишкомъ худо писано,
Но имѣетъ цѣль полезную:
То послушайте, друзья мои,
Еще хуже вы поступите,
Коль его злословить станете,
Не щадя и сочинителя;
Напишите сами лучше вы,
И—вотъ способъ къ отомщенію.
Извинять умѣйте слабости,
Кои вы въ другихъ находите,
Равномѣрно сами будучи
Неизбѣжно имъ подвержены;
Истребите изъ сердецъ своихъ
Навсегда ядъ злобной критики,
И старайтесь исправлять людей
Безъ насмѣшекъ и ругательства;
Почитайте дарованія
Возникающихъ Писателей,
Хоть зоря ихъ не блистательна—
Не всегда и Солнцу красному
Въ мигъ зоря предходитъ ясная!
Естьли вы когда желаете,
Чтобъ другіе уважали васъ,
Уважайте равномѣрно тѣхъ,
Кои съ вами въ упражненіяхъ
Одинакихъ обращаются.
Сими способами можете
Новыхъ возродить любителей
Къ сиротѣющей Словесности.
Наконецъ, вотъ всѣ тѣ средства вамъ,
Средства прямо благородныя,
Кои вамъ всегда позволены,
Кои могутъ руководствовать
Къ достиженію славы истинной;
Коль сію вы славу ищете,

Коль сей славой вы плѣняетесь.
Ахъ, повѣрьте мнѣ, друзья мои,
Поступая такимъ образомъ,
Слава васъ сама найдетъ вездѣ,
Посѣтитъ жилища мирныя,
Гдѣ для пользы сограждань своихъ,
Гдѣ для пользы человѣчества
Вы трудиться токмо будете—
Увѣнчаетъ васъ вѣнкомъ своимъ
Изъ такихъ лучей составленнымъ,
Что ни зависть съ злобнымъ временемъ
Не возмогутъ помрачить никакъ.
Тщетны будутъ ихъ усилія!
Справедливое потомство зря
Блескъ лучей вѣнца прекраснаго,
Въ благородномъ возхищеніи
Ваши имена любезныя
Всегда станетъ вспоминать себѣ.

Разсмотрѣніе публицистическихъ сочиненій Пнина мы закончимъ однимъ изъ его послѣднихъ произведеній „Сочинитель и цензоръ".[1]) Статья эта вызвана, повидимому, цензурнымъ уставомъ 9 іюля 1804 года.[2]) Уставъ требовалъ, чтобы каждое печатающееся и продаваемое въ Россіи сочиненіе подвергалось предварительной цензурѣ (§ 3). Онъ отличался большею мягкостью, чѣмъ уставы послѣдующіе. Цензоръ долженъ былъ возвращать рукопись для исправленія автору, не позволяя себѣ дѣлать никакихъ въ ней поправокъ (§ 16), и лишь за оскорбленіе религіи и верховной власти цензурный комитетъ предавалъ автора въ руки правосудія (§ 19). Карамзинъ и Каченовскій дали сочувственные отзывы объ этомъ уставѣ.[3]) Пнинъ же былъ не удовлетворенъ имъ. Онъ высказался противъ предварительной цензуры, говоря, что вмѣсто отвѣтственности цензора[4]) можно было бы установить отвѣтственность автора, сдѣлавъ такимъ образомъ ненужною предварительную цензуру. Эту мысль выразилъ Пнинъ въ видѣ сцены между

---

[1]) Журн. росс. слов. 1805, дек., 161—168. Перепечатана полностью Пятковскимъ (Изъ истор. нашего лит. и общ. разв. ч. II, 111—113), М. К. Лемке (Міръ Божій, 1904, № 11, 60—62) и Вл. Каллашемъ (Русск. Мысль, 1905, IX, 189—191).

[2]) Подробно объ этомъ уставѣ у Сухомлинова „Изслѣдованія", I, 404—415.

[3]) Вѣстн. Европы, 1804, XVIII, ноябрь, 70; 1805, февр. 199—204.

[4]) Въ статьѣ 15 цензурнаго устава говорится „объ отвѣтственности цензора, пропустившаго сочиненіе, противное Закону Божію, правительству, нравственности и личной чести гражданина.

сочинителемъ и цензоромъ, носящей ироническій подзаголовокъ: „переводъ съ манжурскаго“. Содержаніе таково: авторъ приноситъ къ цензору свое сочиненіе подъ названіемъ „Истина“, развивавшее мысль: „Смертные! любите другъ друга, не обижайте другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу; ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и слѣдовательно необходима для вашего благополучія“—слова, какъ говоритъ авторъ, божественнаго Куна (Конфуція). Происходитъ слѣдующій діалогъ:

Цензоръ (Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы).

Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этова... этова... ни какъ пропустить не льзя! (указывая на мѣста въ книгѣ).

Сочинитель.

Для чего же, смѣю спросить?

Цензоръ.

Для того, что *я не позволяю*—и слѣдовательно это не позволительно.

Сочинитель.

Да развѣ вы больше, г. Цензоръ, имѣете права непозволить печатать мою *Истину*, нежели я предлагать оную?

Цензоръ.

Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочинитель.

Какъ? вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ самъ не могу отвѣчать за мою *Истину?* Вы присвоиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ непринадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои; я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.[1])

---

[1]) Сравнить это мѣсто можно съ слѣдующими словами Радищева: „Цензура сдѣлала нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята“ и т. д. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изд. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Спб. 1905, стр. 162 и сл.

Ц е н з о р ъ.

Но вы можете заблуждаться.

С о ч и н и т е л ь.

А вы г. Цензоръ, не можете заблуждаться?

Ц е н з о р ъ.

Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

С о ч и н и т е л ь.

А намъ развѣ знать это запрещается? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Ц е н з о р ъ.

Естьли вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

С о ч и н и т е л ь.

Вы отнимая душу у моей истины, лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ, обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. Цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я, что истина моя вамъ не нравится, и что вы ее не понимаете?

Ц е н з о р ъ.

Не всякая истина должна быть напечатана.

С о ч и н и т е л ь.

Почемуже? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться щастливымъ. Естьли можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой; ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звѣно и ее разрушить. Притомъ же истинно-великой мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали.

Ц е н з о р ъ.

Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша безъ моего засвидѣтельствованія *есть* и *будетъ ничто*, потому что безъ онаго не можетъ она быть напечатана.

Сочинитель.

Г. Цензоръ! позвольте сказать вамъ, что *истина* моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нее моего здоровья, просиживалъ для нее дни и ночи, словомъ, книга моя есть моя собственность. А стѣснять собственность, какъ говоритъ премудрый *Кунъ*, никогда не должно, ибо чрезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ вѣрнѣе засвидѣтельствованіе ваше можно назвать ничего не значущимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно ни сколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Притомъ, Г. Цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Цензоръ (гордо).

Я говорю съ вами какъ Цензоръ съ Сочинителемъ.

Сочинитель (съ благороднымъ чувствомъ).

А я говорю съ вами какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Цензоръ.

Какая дерзость!

Сочинитель.

О Кунъ! благодѣтельный *Кунъ!* Естьли бы ты услышалъ разговоръ сей, естьли бы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; естьли бы ты видѣлъ какъ наблюдаютъ справедливость; естьли бы видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ тебѣ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда бы... тогда бы справедливой гнѣвъ твой... Но прощайте Г. Цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте однакожъ, что Истина моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти.

Изъ предложенныхъ произведеній видно, къ какому литературному лагерю принадлежалъ Пнинъ: главный лозунгъ его произведеній —уничтоженіе рабства—лозунгъ Радищева. Современники высоко цѣнили его произведенія,[1]) а издатели, помѣщая ихъ, всегда выражали

[1]) Журн. росс. слов. III, 60.

глубокую признательность за его участіе въ ихъ журналѣ.[1])

Кромѣ этихъ, чисто публицистическихъ произведеній, Пнинъ написалъ много стихотвореній, служащихъ отраженіемъ его личной жизни, мало замѣчательныхъ, правда, въ литературномъ отношеніи, но дополняющихъ скудныя свѣдѣнія его біографіи.

Такъ, въ стихотвореніи „Къ рощѣ“ поэтъ съ наслажденіемъ и сожалѣніемъ вспоминаетъ счастливыя минуты жизни:

„О роща тихая, густая,
Гдѣ солнца лучъ не проницая,
Прохладу сладкую раждалъ!
Гдѣ часто дни я провождалъ
Съ Руссо, Бернардомъ, Дюпати;
О роща милая!.. прости!
. . . .
Какъ скоро тѣ часы прошли!..
Быть можетъ ужъ не возвратятся
Они для сердца моего“.[2])

Высоко ставилъ Пнинъ чувство любви, и это выразилось въ рядѣ его сочиненій.

„Я жизнь, несносну жизнь хотѣлъ прервать стократно;
Тогда въ престрашной сей мнѣ въ мірѣ пустоты
Анета! Божество! мнѣ тутъ явилась ты,
Подруга вѣрная, имѣя нѣжны взгляды,
Пришла несчастному подать лучи отрады.
Увы, узрѣвъ тебя, узрѣлъ мгновенно я,
Что счастье и покой во взорахъ у тебя.
. . . .
Съ сихъ только поръ лишь сталъ я жизнь мою цѣнить
Анета, чрезъ тебя привыкъ ее любить“.[3])

Философіи любви посвящено стихотвореніе „Любовь“[4]), начинающееся словами:

„Кто что ни говори!—жить безъ любви нельзя.

---

[1]) Журн. для пользы и удов., № 5, 149: „За доставленіе сей піэсы долгомъ поставляю изъявить Г. Сочинителю искреннюю благодарность“. Журн. росс. слов., II, 91: „Издатель чувствительно благодаритъ любезнаго поэта за участіе, которое онъ беретъ въ изданіи“ и мн. др.

[2]) Журн. росс. слов. II, іюнь, 91—93.

[3]) Стих. „Плачъ надъ гробомъ друга моего сердца“. Журн. для пользы и удов. IV, № 12, стр. 242.

[4]) Ibid., IV, № 10, 70—71.

Вселенная сія
Любовью лишь хранится.

Физики, признавая, что міръ состоитъ изъ четырехъ стихій, забыли „то, черезъ что они свою жизнь получили“.

„Ужели отъ стихій родились сихъ они?“—

спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ:

„Рожденій мы такихъ не видимъ въ наши дни.
Ахъ! льзя ли не признать, что есть еще стихія,
Которой дѣйствія и добрыя и злыя
Мы видимъ, какъ и тѣхъ.
Но сколько радостей, утѣхъ,
Предъ протчими, сія всѣмъ смертнымъ представляетъ!
Она чью только грѣетъ кровь,
Тотъ вѣчно ею лишь одной дышать желаетъ.
Прекрасная сія стихія есть—любовь.“

Пнинъ все время своей жизни чувствовалъ ненормальность своего положенія, и потому поэзія его принимала все болѣе и болѣе пессимистическую окраску. Въ стихотвореніи „Уединеніе“ поэтъ приходитъ къ заключенію:

„Блаженъ, кто общее людей презрѣвши мнѣнье,
Что можетъ лишь одно тщеславье утверждать,
Щитаетъ, какъ и я, тогда щастливымъ стать,
Коль истину, какъ я, нашелъ въ уединеньи“.[1])

Міръ начинаетъ казаться ему мѣстомъ,[2])

Гдѣ мзда съ пороками равняетъ добродѣтель,
Гдѣ гордость, до небесъ касаяся главой,
Невинность робкую тѣснитъ своей ногой;
Гдѣ роскошь въ облакахъ блестящій взоръ скрываетъ,
И пропасти стопой желѣзной попираетъ.
. . . .
Я зрѣлъ въ тебѣ людей коварныхъ, злыхъ, надменныхъ,
Безстыдностью своей въ злодѣйствахъ ободренныхъ,
Которыхъ казнь небесъ, ни совѣсть не страшитъ,
Которыхъ Богъ корысть, а подлость твердый щитъ!
Я зависть[3]) зрѣлъ, всегда носящую желѣзы;...

---

[1]) Журн. росс. слов. 1, февр., 108—110. Съ эпиграфомъ: Le sage avant sa mort, doit voir la verité.

[2]) Стих. „Плачъ надъ гробомъ друга моего сердца“, Журн. для пользы и удов., № 12, IV, 238—243.

[3]) На эту тему есть у Пнина стих. „Зависть“, помѣщенное въ Журн. для пользы и удовольствія, IV № 11, стр. 139—140.

. . . .

Кто добродѣтеленъ, не можетъ счастливъ быть."

И только въ любви и уединеньи находитъ нѣкоторое успокоеніе мятущаяся душа поэта.

Въ „Одѣ на болѣзнь"[1]), написанной въ тяжелый моментъ болѣзни, поэтъ приходитъ къ такимъ безотраднымъ мыслямъ:

„Такъ чтожъ есть наша жизнь въ семъ свѣтѣ?
Наука мучиться, терпѣть!
Щастливъ, кто палъ въ нѣжнѣйшемъ цвѣтѣ"...
„Болѣзнь, болѣзнь,"—звалъ поэтъ: „коль то не ложно,
Что мнѣ здоровымъ быть не можно,
То сжалься надо мной!
Раскрой гробъ смѣлою рукою—
Обнявшися тогда съ тобою,
Спокойнѣе во гробъ ступлю ногой!"

Таковы настроенія поэта, отразившіяся на его лирикѣ.

Въ 1805 году Пнинъ задумываетъ изданіе на 1806 годъ журнала „Народный вѣстникъ", „который (по замѣчанію его друга Брусилова), естьли судить по программѣ и талантамъ Издателя, конечно былъ бы лучшимъ произведеніемъ нашей Словесности, и далеко бы оставилъ за собою всѣ журналы, доселѣ у насъ бывшіе."[2]) Современники много надеждъ возлагали на этотъ журналъ,[3]) но, къ сожалѣнію, не передали намъ его програму. Затѣмъ, Пнинъ „въ послѣднія минуты своей жизни" трудится надъ сочиненіемъ драмы „Велизарій" и надъ сочиненіемъ „О возбужденіи патріотизма". Послѣднимъ произведеніемъ его былъ хвалебный „Гимнъ" въ честь Александра I, единственный хвалебный гимнъ Пнина.[4])

Простудившись, Пнинъ заболѣлъ чахоткой (есть глухія преданія, которыя ставятъ его болѣзнь въ связь съ неосуществившейся надеждой, что Репнинъ признаетъ его сыномъ),[5]) и покинулъ 19 авг. 1805

---

[1]) Журн. для пользы и удов. IV, № 10, стр. 37—40. Посвящена О. К. Каменецкому. Примѣчаніе автора: „Въ это время мнѣ очень было худо. Я принужденъ былъ позвать къ себѣ Г-на Каменецкаго".

[2]) Журн. росс. слов. III, № 10, 61. Статья Брусилова.

[3]) См. напр. мнѣніе А. Измаилова. Ibid., стр. 101.

[4]) Гимнъ съ музыкой къ нему, составленной Давыдовымъ, былъ исполненъ въ присутствіи имп. Александра при открытіи новой биржи 25 іюня 1805. Напечат. въ Журн. росс. слов., II, іюль, 168—170.

[5]) Ibid., III, 59. Брусиловъ: „Два мѣсяца тому назадъ былъ онъ здоровъ и веселъ; но вдругъ злая чахотка, слѣдствіе сильной простуды, лишила его совершенно силъ."

года службу въ Министерствѣ.[1]) Но не долго пользовался отдыхомъ „другъ истины“, „защитникъ угнетенной невинности“, борецъ за свободу слова. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ—17 сент. 1805 года—онъ умираетъ среди всеобщихъ сожалѣній.

---

[1]) При отставкѣ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, единовременно годовой окладъ жалованья въ размѣрѣ 2000 рубл. и треть жалованья въ постоянный пенсіонъ. См. Прытковъ, Др. и Нов. Россія, стр. 20.

IV.

Ранняя смерть Пнина была большою потерею какъ для общества, такъ и для друзей, и поразила тогдашнихъ литераторовъ, такъ какъ онъ былъ крупной величиной для своего времени. Тогдашніе журналы: Сѣверный Вѣстникъ, Любитель Словесности, Журналъ для пользы и удовольствія, Журналъ россійской словесности, помѣстили рядъ прочувствованныхъ некрологовъ и стихотвореній, указывая значеніе Пнина и обаяніе его личности.

23 сентября было назначено экстренное собраніе членовъ Общества, посвященное памяти Пнина, гдѣ были произнесены рѣчи, которыя даютъ характеристику его личной жизни, нравственныхъ качествъ и его значенія для тогдашняго общества. Секретарь Общества Д. И. Языковъ произнесъ слѣдующее: „17-го сего мѣсяца лишились мы сочлена и президента нашего Ивана Петровича Пнина... Несчастіе преслѣдовало послѣдняго съ той самой минуты, какъ увидѣлъ онъ свѣтъ: при послѣднихъ только дняхъ или—лучше—часахъ жизни его, просіяло было солнце надъ его главою: онъ надѣялся быть въ тихомъ пристанищѣ, но вдругъ бездна разверзлась, и его не стало. Безъ родителей, безъ родственниковъ, жилъ онъ одинъ во вселенной. Отечество было его родителемъ, друзья—родственниками: сердце его билось для нихъ горячайшею любовью... Нѣтъ болѣе Пнина; но память его останется незабвенною: она будетъ чтиться друзьями его, она будетъ благословляться тѣми несчастными, кои невиннымъ образомъ осуждаются предразсудками и мнѣніемъ при самомъ рожденіи своемъ. Его „Вопль невинности“ раздался громко во всѣхъ сердцахъ: онъ исторгъ слезы у чувствительныхъ и смягчилъ ожесточенныхъ; быть можетъ, онъ возвратитъ похищенныя права у невинныхъ и соорудитъ ему памятникъ тверже всякаго металла и камня“.[1])

Кромѣ Языкова, говорилъ А. Е. Измаиловъ и В. В. Попугаевъ. Характеризуя его какъ человѣка съ рѣдкими дарованіями, съ отличными свѣдѣніями и превосходнымъ сердцемъ, Измаиловъ говорилъ: „Какой патріотизмъ воодушевлялъ почти всѣ его сочиненія! Какими

---

[1]) Ист. Вѣстн. 1889, т. 37, стр. 142—143. Въ бумагахъ Общества, опубликованныхъ Е. В. Пѣтуховымъ.

сильными чертами пламенное его перо изображало права и благо народа!"[1])

Въ этомъ же засѣданіи читались стихотворенія Н. А. Радищевымъ, Н Ѳ. Остолоповымъ, Ф. Ленкевичемъ и Измайловымъ, а А. А. Писаревъ сочинилъ слѣдующій экспромтъ:

„Онъ былъ и нѣтъ его!.. Прискорбіе сердечно!
Въ сихъ краткихъ двухъ словахъ вся краткость нашихъ дней;
Но тотъ, кто съединялъ умъ съ кроткою душей,
Въ чувствительныхъ душахъ живетъ тотъ вѣчно!"[2])

Всѣ стихотворенія хвалятъ его чудную душу, честное доброе сердце. Такъ въ одномъ изъ нихъ говорится:

Друзья! Мы друга не забудемъ
Въ отмщеніе тиранкѣ злой;
Мы помнить вѣчно, вѣчно будемъ
Какъ Пнинъ *плѣнялъ своей душой.*
Какъ онъ пріятной остротою
Любезенъ въ обществѣ бывалъ
И какъ *съ сердечной простотою*
Свои намъ мысли открывалъ".

Прославляя личныя качества поэта, авторъ указываетъ значеніе его общественной дѣятельности:

„Мы будемъ помнить, какъ старался
Онъ *просвѣщеніе ускорить*
И что нимало не боялся
Въ твореньяхъ правду говорить."[3])

Еще замѣчательнѣе „Стихи на кончину Ив. П. Пнина" А. Измайлова.

„Что слышу? Пнинъ уже во гробѣ!
Уста его навѣкъ умолкли,
Которы мудростью плѣняли!
Навѣки сердце охладѣло
Которое добромъ дышало!
Навѣкъ рука оцѣпенѣла,
Котора истину писала!..."

Въ концѣ авторъ говоритъ:

„Когда писать что долженъ буду
Для пользы я моихъ согражданъ,
Тогда, о Пнинъ, мой другъ любезный!

---

[1]) Ibid., стр. 143.
[2]) Журн. росс. слов. III, № 10, 95.
[3]) Ibid., стр. 96—97. Стихотвореніе Н. Остолопова.

Приду я на твою могилу
И тѣнь твою воображая,
Твоимъ исполнясь вдохновеньемъ,
Писать тутъ лучше, лучше стану."[1])

Въ большинствѣ стихотвореній, написанныхъ на смерть Пнина, встрѣчаются намеки на его несчастную жизнь. Такъ Н. А. Радищевъ, близко стоявшій къ умершему, такъ рисовалъ картину его жизни:

„Ты съ жизнію вкусилъ печали,
Но твердо ихъ умѣлъ сносить
. . . .
Невинность смѣло защищая,
Ты предразсудки попиралъ;
Но самъ подъ игомъ ихъ страдая,
Не робкій голосъ возвышалъ.
Къ отрадѣ тѣхъ существъ невинныхъ,
Не знающихъ родства, друзей,
Отцами, ближними гонимыхъ
Въ несчастной участи своей".[2])

Невзгоды короткой его жизни ярко рисуются въ другомъ стихотвореніи:

„Оставивъ бытіе, тыересталъ страдать,
Пусть зависть, клевета, пускай людей гоненья,
Пускай лютѣйшихъ мукъ и бѣдъ соединенья,
(Которыхъ на землѣ нельзя исчислить намъ),
Пускай сей злобный сонмъ къ тѣмъ притечетъ мѣстамъ,
Гдѣ въ нѣдрахъ тишины твой будетъ прахъ храниться...
Покойся! Для души чувствительной и нѣжной
Терпѣть и бѣдствовать есть жребій неизбѣжный.
Покойся! въ мірѣ семъ нигдѣ покоя нѣтъ."[3])

Такъ оплакивали поэта его друзья въ своихъ стихотвореніяхъ. Но наиболѣе цѣннымъ для насъ является некрологъ, читанный въ Обществѣ Брусиловымъ, а затѣмъ помѣщенный въ „Журналѣ россійской словесности". Начинается онъ такъ: „Неумолимая смерть махнула страшною косою—и въ мірѣ не стало одного добраго человѣка!.. Поэтъ любезный, другъ искренній, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель нещастныхъ, Пнинъ, скончался"... „Друзья и любители изящнаго провожали со слезами гробъ Поэта-Философа"... Авторъ даетъ мѣткую характеристику его литературнаго таланта: „Пнинъ, говоритъ онъ,

---

[1]) Ibid., 98—101.
[2]) Цитирую по Прыткову, стр. 21.
[3]) Сѣверн. Вѣстн., 1805, ч. VII, 341.

былъ рожденъ Поэтомъ истины. Лира его не гремѣла похвалъ лести— онъ хвалилъ иногда; но самая похвала его имѣла на себѣ печать истины. Осыпая похвалами онъ умѣлъ давать уроки строгой добродѣтели. Просвѣщенные иностранцы, хотя въ слабомъ переводѣ, умѣли чувствовать цѣну и восхищаться красотами его твореній.“ Характеристика Пнина, какъ человѣка, вполнѣ сходится съ отзывами стихотвореній. „Всякій кто зналъ Пнина“, продолжаетъ Брусиловъ, „согласится, что при великомъ умѣ, быстромъ понятіи, чрезмѣрной памяти, глубокомъ познаніи, онъ имѣлъ сердце нѣжное, чувствительное, открытое для дружбы. Съ такими преимуществами, не всѣмъ данными природою, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію“... „Будучи весьма не богатъ, онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества, всякую скорбь, угнетеннаго людьми или судьбою человѣка, бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни иждивенія для облегченія судьбы несчастныхъ“. Фактическую сторону этого некролога мы уже цитировали не разъ, а потому говорить о ней считаемъ лишнимъ.

Обращаетъ на себя вниманіе стихотвореніе Батюшкова, друга и товарища Пнина, озаглавленное „На смерть И. П. Пнина“:[1])

„Гдѣ другъ нашъ? Гдѣ пѣвецъ? Гдѣ юности красы?
Увы исчезло все подъ остріемъ косы!
Любимца нѣжныхъ музъ осиротѣла лира,
Замолкъ пѣвецъ: онъ былъ какъ мы лишь странникъ міра!
Нѣтъ друга нашего, его навѣки нѣтъ!
Не долго міръ имъ украшался:
Завялъ увы, какъ майскій цвѣтъ,
И жизни на зарѣ съ друзьями онъ разстался!
Пнинъ чувствамъ дружества съ восторгомъ предавался;
Несчастнымъ не одно онъ золото дарилъ...
Что въ золотѣ одно́мъ? Онъ слезы съ ними лилъ.
Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ любезенъ,
Друзей въ родныхъ онъ обращалъ,
И мы теперь, друзья, вокругъ его могилы
Объемлемъ только хладный прахъ,
Твердимъ съ тоской и во слезахъ:
Покойся въ мирѣ, другъ нашъ милый,
Питомецъ грацій, музъ, ты живъ у насъ въ сердцахъ!“...

---

[1]) Собр. соч. Батюшкова, I, 31—32: Съ эпиграфомъ: Que vois-je, c'en est fait; je t'embrasse, et tu meurs. Voltaire. Печаталось въ Северн. Вѣстн., 1805, стр. 346.

Въ упомянутомъ уже засѣданіи Общества было рѣшено соорудить памятникъ на могилѣ поэта. Брусиловъ разсказываетъ, что члены собрали по подпискѣ деньги для этого, а члены—художники вызвались сдѣлать рисунки для памятника, на которомъ было предложено изобразить: „Друзья Пнину“. Общество озаботилось также судьбой оставшихся послѣ Пнина бумагъ. Оно просило у с.-петербургскаго оберъ полиціймейстера Ѳ. Ѳ. Эртеля представить въ распоряженіе Общества бумаги покойнаго, а также 55 рублей изъ его денегъ, которыя онъ остался долженъ Обществу въ видѣ членскаго взноса. Деньги были переданы Обществу, а относительно бумагъ было отвѣчено: „... послѣ того Пнина никаковыхъ сочиненій, ниже бумагъ, принадлежащихъ оному Обществу, кромѣ партикулярныхъ писемъ и нѣкоторыхъ счетныхъ записокъ и счетовъ, ими (разумѣлось: опекунами) не найдено, а извѣстились они отъ бывшаго его служителя Годефрида Буша, что какія-то бумаги имъ, Пнинымъ, во время болѣзни его были розданы нѣкоторымъ изъ посѣщавшихъ его пріятелей его, просившихъ у него тѣхъ на время, а кому именно и всѣ ли, или только часть оныхъ, имъ неизвѣстно.“[1])

Такъ оцѣнивали поэта современники. Н. И. Гречъ, вступившій въ Общество пять лѣтъ спустя послѣ смерти Пнина, такъ характеризовалъ его: „Это былъ человѣкъ необыкновенно умный, образованный, любезный, кроткій, съ большими дарованіями. Всѣ мои сверстники вспоминаютъ о немъ съ чувствомъ искренней любви и уваженія. Онъ выросъ и былъ воспитанъ, какъ сынъ вельможи. Потомъ обстоятельства перемѣнились, и онъ долженъ былъ довольствоваться удѣломъ ничтожнымъ. Это оскорбило, изнурило, убило его. Не долго пользовались мы его милою наставительною бесѣдою: онъ умеръ въ сентябрѣ 1805 года на 33 году жизни къ общему, искреннему сожалѣнію всѣхъ, кто зналъ его“.[2])

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствуемъ у Е. В. Пѣтухова, Ист. Вѣстн., стр. 147.

[2]) Гречъ. Воспоминанія юности, въ Новогодникѣ, изд. Н. Кукольника. Спб. 1839, 232.

V.

Слѣдя библіографію о Пнинѣ мы увидимъ, какъ оцѣнивало потомство писателя.

Въ 1810 году въ книгѣ „Russland unter Alexander dem Ersten (XXVI u. XXVII Lieferung, August. 1810, S. 238) была помѣщена статья о Пнинѣ словарнаго характера, гдѣ находимъ такую оцѣнку его дѣятельности: „Seine Feder war freimüthig und huldigte gern der Tugend und Wahrheit“. Такимъ же характеромъ отличается статья въ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ Греча (Спб., 1822 г., стр. 329—330) и въ „Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія (Москва, 1845 г., II, 125—126). Слѣдующія по времени двѣ статьи: „Біограф. записки Лонгинова“ (Современникъ, 1856, № 6) и фельетонъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1857 г. № 125)—намъ не были доступны.[1]) Въ вышедшей въ 1864 году „Исторической Хрестоматіи“ А. Галахова была напечатана ода Пнина „На правосудіе“ и разборъ ея. Въ октябрѣ 1865 года въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ появилась статья М. Сухомлинова[2]) „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I,“ гдѣ было отведено нѣсколько страницъ „Опыту о просвѣщеніи“ и краткой характеристикѣ дѣятельности Пнина. Здѣсь впервые былъ разсказанъ цензурный скандалъ съ этой книгой. Въ 1875 году нѣсколько страницъ своей книги „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“[3]) А. П. Пятковскій посвятилъ, говоря о цензурѣ, Пнину, какъ публицисту и журнальному дѣятелю. Здѣсь разбирается его журналъ (весьма кратко), „Опытъ о просвѣщеніи“ (по Сухомлинову), ода „Человѣкъ“ и ода „На правосудіе“ и перепечатывается „Сочинитель и цензоръ“. Авторъ говоритъ о Пнинѣ: „Его имя не блеститъ въ ряду славныхъ именъ, знакомыхъ намъ съ дѣтства изъ различныхъ хрестоматій и безцвѣтныхъ курсовъ русской литературы; его благородная дѣятельность на пользу просвѣщенія и общественнаго развитія не

---

[1]) Указаніе на нихъ см. въ „Истор. Хрест.“ Галахова. Спб. 1864, т. II, стр. 179.

[2]) Позднѣе „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію,“ Спб., 1889, т. I, стр. 430—433.

[3]) Позднѣе „Изъ исторіи нашего литерат. и общественнаго развитія“, Спб. 1888, II, 60—67 и 109—113.

влечетъ къ себѣ присяжныхъ панегиристовъ всяческаго успѣха... Но все это показываетъ только, что мы до сихъ поръ въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности нейдемъ дальше гуртовыхъ увлеченій массы, раздающей свои вѣнцы всего чаще за рутинность мысли и за „художественность“ формы, т. е. за гладкую прилизанность рифмованныхъ и нерифмованныхъ строчекъ“. Первая болѣе подробная—подробнѣе которой не появилось и позднѣе—оцѣнка дѣятельности И. П. Пнина относится къ 1878 году, когда Н. Прытковъ, недавно умершій, помѣстилъ на страницахъ журнала „Древняя и новая Россія“ (№ 9, стр. 19—38) статью „И. П. Пнинъ и его литературная дѣятельность“, представляющую изъ себя кандидатское сочиненіе студента, тема для котораго дана была, кажется, профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ.[1]) Здѣсь удѣлено больше мѣста разбору его сочиненій (почти исключительно публицистическихъ), чѣмъ біографіи. Прытковъ относитъ Пнина къ числу писателей, „въ литературныхъ произведеніяхъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло изображеніе общественныхъ сторонъ жизни русскаго народа, т. е. писателей публицистовъ.“[2]) У Прыткова приводятся также отзывы современниковъ объ этомъ писателѣ. Для оцѣнки литературной дѣятельности Пнина эта статья ничѣмъ до настоящаго времени замѣнена быть не можетъ, такъ какъ всѣ послѣдующіе и предъидущіе ученые, писавшіе о Пнинѣ, давали лишь *общую* характеристику его литературной дѣятельности, не входя въ подробный разборъ его произведеній. Въ ней приведено много выдержекъ изъ сочиненій Пнина, а это очень важно, такъ какъ собранія сочиненій Пнина до сихъ поръ нѣтъ. Въ 1889 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (т. 37, стр. 140—160) Е. В. Пѣтуховъ помѣстилъ статью „И. П. Пнинъ и его „Вопль невинности, отвергаемой законами“. Здѣсь послѣ краткаго біографическаго очерка, авторъ сообщаетъ нѣкоторыя документы, добытыя имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ, главнымъ образомъ о дѣятельности Пнина въ С. Петербургскомъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и искусствъ. Приводитъ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Общества 23 сентября 1805 года и впервые печатаетъ „Вопль невинности“, извлеченный имъ изъ рукописей Имп. Публ. библіотеки. Въ „Очеркахъ исторіи русской цензуры“ (Спб., 1892 г., стр. 99—104) А. М. Скабичевскій, разсказывая цензурное дѣло Пнина по поводу „Опыта о просвѣщеніи“ и перепечатывая „Сочинитель и Цензоръ“, говоритъ о Пнинѣ: „Воспитанный въ духѣ гуманной философіи 18 вѣка, другъ

1) Эти свѣдѣнія сообщилъ намъ М. Н. Бережковъ, лично знавшій Прыткова.
2) Др. и нов. Россія, стр. 19.

и пріятель Радищева Пнинъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ въ то время передовыхъ людей, которые, не довольствуясь разными паліативными мѣрами, требовали болѣе серьезныхъ и рѣшительныхъ реформъ. Это былъ демократъ, если не по убѣжденіямъ, то по природнымъ инстинктамъ и въ самой практикѣ жизни".[1]) Н. Н. Буличъ въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы" (Историч. Обозрѣніе, т. 11. Спб. 1901 г., стр. 84—91) также останавливается на Пнинѣ. Про его дѣятельность онъ говоритъ, что она „вся имѣла одинъ общій характеръ, касаясь предметовъ государственнаго устройства и политической экономіи." Разсматривая Пнина въ связи съ Карамзинымъ, Буличъ пишетъ: „Литературный дѣятель этотъ (Пнинъ) никогда не появлялся на страницахъ оффиціальной исторіи русской литературы и только въ самое недавнее время, когда мало-по-малу стали выходить на Божій свѣтъ нѣкоторыя дѣла изъ инквизиціонныхъ архивовъ прежнихъ цензурныхъ комитетовъ, имя Пнина сдѣлалось извѣстно, несмотря на его кратковременную литературную дѣятельность. Онъ составлялъ совершенную противоположность Карамзину и по характеру и по направленію своего таланта. Если Карамзинъ любилъ безсодержательную фразу, то Пнинъ старался говорить только о дѣлѣ; если у Карамзина мы замѣчаемъ нѣсколько своекорыстныя убѣжденія, напр., въ крестьянскомъ вопросѣ, конечно, прикрытыя красивыми словами о гуманности и морали, то у Пнина мы найдемъ прямое и честное отношеніе къ этому вопросу и притомъ съ знаніемъ главной, т. е. экономической стороны его. Пнинъ былъ воспитанъ на идеяхъ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка; онъ былъ преданъ этимъ идеямъ совершенно искренно и старался проводить ихъ не только въ литературу, но и въ жизнь. Содержаніе его сочиненій, какъ небольшихъ литературныхъ статей, такъ и переводовъ,[2]) даже стиховъ,—все было посвящено вопросамъ государственнымъ, т. е. тому, что болѣе всего занимало современниковъ; во всѣхъ его произведеніяхъ заключались намеки и на тогдашнее положеніе Россіи". Н. Энгельгардтъ въ „Исторіи русской литературы XIX столѣтія" (Спб., 1902 г. т. I, § 5, стр. 29—34) подвергаетъ подробному разбору „Опытъ о просвѣщеніи." 17 сентября 1905 года исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти Пнина. Въ журналѣ „Русская мысль" (IX, стр. 178—191) Вл. Каллашъ помѣстилъ статью, посвященную памяти Ив. П. Пнина. Ивановъ-Разумникъ въ „Исторіи русской общественной мысли" (1907 г., ч. I, стр.

---

[1]) „Очерки", стр. 99.

[2]) Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду переводы въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ", которыя какъ мы указали выше принадлежали Мартынову.

37—42) называетъ Пнина непосредственнымъ продолжателемъ Радищева. Его оду „Человѣкъ“ онъ называетъ панегирикомъ типичнаго и убѣжденнаго общественника, отмѣчая при этомъ, что восхваляя человѣка, „не о живомъ человѣкѣ, не о личности говоритъ Пнинъ, о Человѣкѣ съ большой буквы“ и въ этомъ отношеніи противопоставляетъ его Державину. О Новиковѣ, Радищевѣ, Фонвизинѣ и Пнинѣ онъ говоритъ, что они „первые мучительно почувствовали страданія народа и задолго до Герцена и Тургенева дали ганнибалову клятву его освобожденія“.

Такъ въ настоящее время рисуется намъ жизнь и дѣятельность Пнина, несшаго идеи Радищева въ вѣкъ декабристовъ и соединившаго собою вѣкъ Екатерины II и Александра I.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Предисловіе.	9-я сверху	до сихъ	до сихъ поръ
6	6-я сверху	преполагаемый	предполагаемый
6	8-я сверху	права	нрава.
6	13-я сверху	счасливъ	счастливъ
6	19-я сверху	отцувскую	отцовскую
7	18-я сверху	снеціальный	спеціальный
7	2-я снизу	воспитывающихъ	„воспитывающихъ
12	4-я снизу	лишъ	лишь
20	9-я снизу	Карамзина	Карамзину
22	1-е примѣчаніе	Пынина	Пыпина
28	5-я сверху	Па толь	На толь
28	8-я снизу	вставляютъ	составляютъ
28	1-я снизу	вѣтръ“	вѣтръ
29	5-я сверху	Пустъ	Пусть
30	2-я снизу	глупого	глухого
32	1-е примѣчаніе	См. выше примѣчаніе 15	См. примѣчаніе 1-е на стр. 8.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко

ТОМЪ I—XXVI.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріанова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Ѳ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне, II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченыхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусинъ-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Козминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. II. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича,* Переводъ *Н. В. Шлякова,* подъ редакціею *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX. ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера.*—P. Terentii Afri Eunuchus. Съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Миклошича.*—Переводъ *Н. В. Шлякова,* подъ редакціей *Р. Ѳ. Брандта.* II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terentii Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля*—*Миклошичъ*. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта*. III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Ѳ. Карскаго.*

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Грамматическія наблюденія *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова.*—*Миклошичъ*, Срав. морфологія слав. языковъ. Переводъ *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта*. V.—Titi Livii ad urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ (распроданъ).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I) *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ (распроданъ).

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III.) *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*—M. Tulli Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія Высшихъ наукъ Кн. Безбородко (182—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист.-Фил. Института Князя Безбородко (1875—95). Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.*—О картинной галлереѣ Института. *И. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н.*

Бережкова.—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. С. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о Полку Игоревѣ. *И. В. Сребницкаго.*

XVI ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.).

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—И. А. Левицкій. (Некрологъ). *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградской и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время Семилѣтней войны. *Е. Н. Щепкина.*—О Шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ.) *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавровскій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.).

Описаніе рукописей библіотеки Института, (XVIII томъ „Извѣстій"), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А. Брока.*—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. Приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій). *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части 1-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ. Вступительная лекція *М. И. Мандеса*—Памяти В. В. Качановскаго. *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской" коммиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти Н. Е. Скворцова. *Г. В. Малеванскаго.*—Объ источникахъ аѳинскаго права. *Б. Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица" Доснѳея Обрадовича. *К. О. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. Ѳ. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ

земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Быв. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеевъ.*

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1901—1903 гг. (см. XVIII и XIX томы „Извѣстій"). Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Школьный вопросъ въ древней Греціи. *Б. Ф. Бурзи.*—О краснорѣчіи у древнихъ Еллиновъ. *А. И. Покровскаго.*—Въ память проф. П. И. Люперсольскаго. *М. Н. Бережкова.*—Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Е. Скворцова.*—О введеніи въ исторію Греціи проф. В. П. Бузескула. *А. И. Покровскаго.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXII ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1904—1905 гг. (см. XVIII, XIX и XXI томы „Извѣстій"). Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ. Описалъ Б. Ф. *Бурзи.*—Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія. *И. И Семенова.*—Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго государства. *А. И. Покровскаго.*—О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи. *А. А. Мартова.*—Филологическіе этюды и замѣтки. *И. Г. Турцевича.*

XXIII. ТОМЪ (Ц. 2. р. 50 к.).

Памяти М. И. Соколова. *В. И. Рѣзанова.*—Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій). *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ слободской-украинской старины. *В. И. Саввы.*—Филологическія этюды и замѣтки (продолженіе см. XXII томъ Извѣстій). *И. Г. Турцевича.*—Элія Аристида Панегирикъ Рима. Изд. *И. Г. Турцевичъ.*—Лукіанъ. Какъ надо писать исторію? Перев. *А. А. Мартовъ.*—Памятники драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII. вв. Изд. *В. И. Рѣзановъ.* (часть 1).

XXIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Философско-педагогическая мысль и школьная практика въ современной Германіи. *А. Ѳ Музыченка.*—Т. Лукрецій Каръ De rerum natura *И. И. Семенова.*—Введеніе къ Оппіану. *И. Г. Турцевича.*—Филологическіе этюды и замѣтки (продолженіе). *Его же.*—Памятники драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. (окончаніе). Изд. *В. И. Рѣзановъ.*

XXV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ. *В. И. Рѣзановъ.*—Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ „Извѣстій Института".—Отъ Императорской Академіи Наукъ.

ТОМЫ XXVI (Ц. 2 р. 50 к.).

Рѣчь при торжественномъ открытіи памятной доски въ честь Гоголя на зданіи Историко-Филологическаго Института 14 апрѣля 1909 г. (Гоголь въ юности) Директора Института *И. И. Иванова.*—Рѣчь на торжественномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Института 14 апрѣля (Гоголь человѣкъ и писатель). Директора Института *И. И. Иванова.*—Рѣчь произнесенная въ Москвѣ 27 апрѣля 1909 года отъ имени Института по случаю открытія памятника Гоголю. (Гоголь и его призваніе) Директоръ Института И. И. *Ивановъ.*—Двѣ рѣчи о Гоголѣ: 1) Гоголь у славянъ. 2) Памяти великаго Нѣжинца. *П. А. Заболотскаго.*—Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ. *В. И. Рѣзановъ.*—О кvклійскомъ дактvлѣ и логаэдахъ *В. И. Петръ.*—Двѣ главы французскаго синтаксиса *Д. Ѳ. Сергіева.*—Музей имени Гоголя при Институтѣ кн. Безбородко. Годъ I. *П. А. Заболотскаго.*

Цѣна 3 руб.